

*К 100-летию со дня рождения  
А. С. Тверитиновой (1910–1973)*





Учреждение Российской академии наук  
Институт востоковедения

# Османский мир и османистика

Сборник статей  
к 100-летию со дня рождения  
А. С. Тверитиновой (1910–1973)

Москва  
2010

ББК 63.3(0)+63.2  
О 74

Составители и ответственные редакторы:

И. В. Зайцев

С. Ф. Орешкова

Османский мир и османистика. Сборник статей к столетию со дня рождения А. С. Тверитиновой (1910–1973). — М., ИВ РАН, 2010. — 516 с.

ISBN 978-5-89282-436-1

Сборник статей по актуальным вопросам современной османистики и тюркологии посвящен 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного тюрколога-османиста А. С. Тверитиновой (1910–1973), которая на протяжении долгих лет была главой и признанным корифеем советской школы исследователей истории Османской Турции. В сборнике принимают участие ученые из России (Астрахань, Москва, Санкт-Петербург, Краснодар), а также ближнего и дальнего зарубежья (Азербайджан, Грузия, Украина, Болгария, Турция, США).

ББК 63.3(0)+63.2

ISBN 978-5-89282-436-1

© Коллектив авторов

© Зайцев И. В., Орешкова С. Ф., сост., 2010

© ИВ РАН, 2010

# Содержание

9 Предисловие

## **I. Османистика: ее достижения и задачи**

15 *Д. Д. Васильев, С. Ф. Орешкова, И. М. Смилянская (Москва)*  
Об Анне Степановне Тверитиновой

27 *С. Ф. Орешкова (Москва)*  
Мирза Казем-бек и российская османистика

36 *Ортайлы И. (Турция, Стамбул)*  
Становление научной тюркологии в Турции  
и у тюркских народов бывшей Российской империи

42 *С. А. Беляева (Украина, Киев)*  
К истории археологического изучения памятников  
турецкой культуры на территории современной Украины

57 *Е. Грозданова (Болгария, София)*  
Современное состояние и перспективы  
болгарской османистики (1999–2009 гг.)

## **II. Османское источниковедение**

75 *А. Д. Васильев (Москва)*  
Хранение документов и архивное дело в Османской империи

100 *Введение, перевод, комментарии Ю. А. Аверьянова*  
Османский агиографический источник  
«Вилайет-наме-и Хаджим Султан» (XVI век)

145 *И. А. Комаров, И. В. Зайцев (Москва)*  
Европейская пушка с турецкой надписью  
из фондов Оружейной палаты Московского Кремля

149 *М. А. Волхонский, А. А. Пригарин, Д. В. Сень (Краснодар)*  
«...В качестве верховного главы казаков Анатолии  
и Румелии»: новые документы из *Vaşbakanlık Osmanlı*  
*Arşivi* о М. Чайковском (Садык-паше)  
и Оттоманском казачьем войске

164 *Н. Н. Шенгелия (Грузия, Тбилиси)*  
Ибн-Биби о походе на Грузию Ала ад-Дина Кейкобада

177 *А. Н. Хохлов (Москва)*  
Документы русского госпиталя в Константинополе.  
Из истории русско-османских гуманитарных связей  
во второй половине XIX — начале XX в.

- 195 *Д. Д. Васильев (Москва), Г. В. Длужневская (С.-Петербург)*  
Города Османской Турции на старинных фотографиях,  
выполненных российскими учеными
- 206 *Любомир Миков (София)*  
Ритуалы побратимства среди гетеродоксальных  
мусульман в Болгарии

### **III. Проблемы османской истории: теоретические размышления и конкретно-исторические исследования**

- 215 *D. A. Korobeinikov*  
How 'Byzantine' were the early Ottomans?  
Bithynia in ca. 1290–1450
- 240 *А. В. Витол (С.-Петербург)*  
«Счастлиное товарищество франков» и турки:  
от войны к союзу
- 248 *С. Ф. Орешкова (Москва)*  
Становление Османской империи: ислам  
и византийское наследство
- 269 *Н. В. Ремез (Москва)*  
К вопросу о законотворческой деятельности  
османских султанов в XV–XVI вв.
- 282 *К. А. Жуков (С.-Петербург)*  
Берклюдже Мустафа, был ли он новым Маздаком?
- 288 *И. В. Зайцев (Москва)*  
Крымское ханство: вассалитет или независимость?
- 297 *Ш. М. Мустафаев (Азербайджан, Баку)*  
Османы и туркмены в XV веке: некоторые вопросы  
этнополитических процессов внутри тюркской среды  
Малой Азии
- 314 *Б. Дж. Боук (США, Чикаго)*  
Поэтическая повесть об Азовском осадном сидении  
как памятник антиосманской публицистики
- 325 *М. Х. Сванидзе (Грузия, Тбилиси)*  
О турецком землевладении в Ахалцыхском (Чилдырском)  
пашалыке, по данным «Джаба дефтера» (1694–1732 гг.)
- 331 *И. В. Торопицын (Астрахань)*  
Антиперсидская борьба в Грузии как фактор сближения  
интересов России и Турции в 40-х гг. XVIII в.

- 338 *А. Ш. Кадырбаев (Москва)*  
Османь в странах «теплых морей». XVI — начало XX века
- 352 *М. С. Мейер (Москва)*  
Между Востоком и Западом: Османская империя в XVIII веке
- 375 *Ортайлы И. (Турция, Стамбул)*  
Российско-турецкие отношения в XVIII веке
- 385 *В. М. Запорожец (Москва)*  
Военные реформы в Османской империи  
в конце XVIII — первой половине XIX в.:  
строительство армии европейского типа
- 406 *Н. И. Черниченкина (Москва)*  
Особенности формирования кредитной системы  
в Османской империи
- 417 *А. В. Болдырев (Москва)*  
«Военная тревога» на Ближнем Востоке в начале XX в.  
(к истории несостоявшегося турецко-российского  
пограничного конфликта)
- 423 *Н. Г. Киреев (Москва)*  
Антиконституционный мятеж 31 марта (13 апреля) 1909 г.  
и деятельность партии «Мусульманская Лига»
- 444 *С. Ф. Орешкова, Н. Ю. Ульченко (Москва)*  
«Османское наследство» и становление отношений  
между советской Россией и Турецкой Республикой

#### **IV. Филологические исследования**

- 460 *Ю. А. Аверьянов (Москва)*  
Поэт Кайгусуз Абдал и его место в культуре  
османского государства
- 481 *О. Дерменджи (Украина, Киев)*  
Ономастикон Украины в свете тюркской теории цветовой  
ориентации географических названий
- 499 *Т. А. Аникеева (Москва)*  
Османские традиции народного театра  
и турецкая городская повесть
- 511 *Р. М. Шукуров (Москва)*  
Zarkolâç и Çarkoulâç: два османских заимствования  
в среднегреческом





## Предисловие

Книга, предлагаемая вниманию читателей, — это очередной сборник статей по османистике, инициатором издания которых выступает Сектор Турции Института востоковедения РАН. До этого были изданы: «Османская империя: система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы» (М., 1966); «Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура» (М., 1990); «Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией» (М., 1996); «Османская империя: события и люди. Сборник статей к 70-летию со дня рождения Ю. А. Петросяна» (М., 2000); «От Стамбула до Москвы. Сборник статей в честь 100-летия профессора А. Ф. Миллера» (М., 2003); «Turcica et ottomanica. Сборник статей в честь 70-летия М. С. Мейера» (М., 2006).

Как уже отмечалось в предыдущих сборниках, коллектив авторов, вступающих в этих изданиях, не является коллективом единомышленников в полном значении этого слова. Но он объединен общим интересом к османистике, желанием разобраться в непростых проблемах государственного образования — Османской империи, выявить тот исторический опыт, который накопила эта держава за более чем 600-летний период существования.

Нельзя забывать, что в состав Османской империи входил огромный регион от Магриба до Ирана и от юга Аравии до Вены и северного Причерноморья. Несколько десятков современных национальных государств связаны своей историей с османским прошлым. Это был целый мир, до сих пор проявляющий свое влияние в менталитете, традициях, противоречиях, конфликтах и даже многих особенностях жизненного уклада народов, когда-то входивших в Османскую империю.

В России османистика — одна из первых по времени возникновения дисциплин научного востоковедения. И это не случайно. Ведь для России Османская империя — это государство, развивающееся с ней синхронно и в чем-то похожее. И там и тут огромные пространства, разные народы, включенные в один государственный организм, сосуществование различных конфессий, прежде всего православия и ислама. Каждая из этих держав искала и находила свой путь государственного строительства и свою геополитическую нишу развития. Лишь во второй половине XVII в. Россия и Османская империя пришли к непосредственному территориальному соприкосновению. Сто лет шла борьба за Северное Причерноморье. Россия

продвигалась на юг, к чему ее, однако, не всегда толкали реально выдвигаемые правительством цели внешней политики. Вспомним, что наиболее успешные для нее войны в период царствования Екатерины II были начаты не Россией, а Османской империей и спровоцированы они были стремлением османских властей вмешаться в решение польского вопроса. К концу XVIII в., однако, установилось новое геополитическое равновесие. Границы прошли по северному побережью Черного моря, а на западе и востоке они опирались на такие водные преграды, как реки Днестр и Кубань. Урегулировав территориальную проблему, обе страны призваны были заняться насущными внутренними проблемами, модернизацией государственной и общественной жизни, развитием культуры и обеспечением благосостояния собственного народа. Но в это время в отношении двух империй активно вмешиваются западные державы, выдвинувшие Восточный вопрос как общеевропейскую проблему. И хотя формально он касался прежде всего Османской империи и судеб ее нетурецких подданных, в неменьшей степени он задевал и Россию, активно вовлекая ее в борьбу за освобождение единоверцев от гнета неверных и территориальные приобретения в новой для нее геополитической зоне.

Россия не смогла остаться равнодушной к царившим в дипломатических кругах Европы намерениям сделать османские владения разменной монетой в европейской политике и недооценила того, что податками за счет османских территорий ее пытаются отвлечь от участия в европейских делах. Такая же подстрекательская антироссийская пропаганда велась и в османских правящих кругах. Все четыре русско-турецкие войны XIX в. не были вызваны непосредственными двусторонними претензиями держав друг к другу. Дважды (в 1829 и 1878 гг.) русские войска стояли у Стамбула и были отозваны Николаем I и Александром II, не посягнувших на окончательное сокрушение османской державы. Российские войска и русская дипломатия отступили даже в 1878 г., когда Россия боролась за освобождение славянства, считая это особой священной для себя миссией, невыполнение которой означало, как писал С. М. Соловьев, отказаться «от своих преданий, от своей истории, от самих себя»<sup>1</sup>. Российские правящие круги отдавали себе отчет в том, что расширение империи не может быть безграничным. Известный либеральный деятель того времени Б. Н. Чичерин констатировал, что «ни один здравомыслящий русский, конечно, не думает о завоевании Турции и о присоединении к себе Константинополя. Это было бы не усиление, а ослабление России. Центр тяжести переместился бы на юг, и Россия перестала бы быть Россией»<sup>2</sup>.

Османская империя и Россия воевали двенадцать раз (1569, 1677–1681, 1686–1699, 1711–1713, 1735–1739, 1768–1774, 1787–1791, 1806–1812, 1828–1829, 1853–1856, 1877–1878, 1914–1918). Ни с одной другой страной больше ни та, ни другая империя не воевала. И хотя за 500 с лишним лет межгосударственных сношений на период войн не приходится более 50 лет (и это по самым оптимальным расчетам — от мира

<sup>1</sup> Соловьев С. М. Сочинения. Кн. XVI. М., 1995, с. 633.

<sup>2</sup> Чичерин Б. Н. Воспоминания. М., 1934, с. 80.

до мира, а не только по военным действиям), и в России, и в Османской империи сформировался друг о друге образ врага. Эти представления наиболее ярко проявились в последнем русско-турецком военном конфликте — Первой мировой войне. «Здоровый милитаризм» (выражение В. П. Рябушинского)<sup>3</sup> русской буржуазии и пантуранистские настроения младотурок нарушили былую умеренность соседей в отношениях друг к другу. В конце концов это и привело к гибели двух империй.

Османская империя канула в Лету, но османское наследство продолжает волновать умы и порождать конфликты между новыми государствами, возникшими на ее бывших территориях.

В России знания об этом государстве накапливались веками. Они поступали от купцов, паломников в Святую землю, дипломатов. То, что в 1475 г. османы овладели Крымом, отметили все российские летописи<sup>4</sup>, а падение Византии и осаду Константинополя описал российский очевидец Нестор Искандер<sup>5</sup>.

Во второй половине XVII в. появилось первое российское описание Османской империи, сделанное, как предполагается, неким Ф. Ф. Дорохиным, находившимся с 1662 по 1674 г. в османском плену. А чуть позже — в 1692 г. — А. И. Лызловым была написана так называемая «Скифская история», где уже не по личным впечатлениям, а по литературным источникам (главным образом итальянским и польским) относительно подробно изложена османская история до конца XVI в. В это время уже и Посольский приказ начинает собирать книги об Османской империи, некоторые из них переводятся на русский язык. В штате приказа появляются и переводчики с турецкого. При Петре I их начинают посылать на учебу в российское посольство в Стамбул. Издаются грамматики турецкого языка, исподволь собираются турецкие рукописи. Большой материал для знания Османской империи собирают дипломатические представители России в этой стране.

Петр Андреевич Толстой, бывший первым постоянным послом России при султанском дворе в 1702–1714 гг., посылал царю донесения и вел посольские дневники (статейные списки), которые за каждый год составляют примерно 2000 рукописных листов. Это подробнейшая энциклопедия тогдашней османской жизни.

В начале XIX в. турецкий язык начинает преподаваться в университетах, вначале в Казанском, затем в Петербургском. И наконец, в середине XIX в. в России появляется научная османистика. Можно назвать таких профессионалов, как А. К. Казем-бек, О. И. Сенковский и, наконец, В. Д. Смирнов и В. А. Гордлевский. В советское время османистикой занимались Н. А. Смирнов, А. Ф. Миллер, А. Д. Новичев, А. С. Тверитинова, А. Д. Желтяков, В. И. Шпилькова, С. М. Иванов, Ю. А. Петросян, который несмотря на административную загруженность, все еще продолжал свои османистические исследования, и ряд ученых в Грузии, Арме-

<sup>3</sup> Великая Россия. Кн. 2. СПб., 1911, с. 5.

<sup>4</sup> Мейер М. С. Основные этапы истории русско-турецких отношений // Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией. М., 1996, с. 66.

<sup>5</sup> Повесть о Царьграде... Нестора Искандера. XV в. СПб., 1886.

нии, Азербайджане. Современных османистов мы попытались собрать для участия в настоящем издании.

Итак, накоплены знания, традиции, выработались определенные оценки и постепенно преодолеваются стереотипы, порожденные межгосударственными и идеологическими противоречиями. Устанавливаются связи с турецкими учеными.

В настоящее время наступил период, когда возможно объективно оценить и тот османский мир, который существовал на протяжении шести столетий, его достижения и просчеты, и то отношение, которое сложилось к нему в науке, политике и людских воспоминаниях.

\* \* \*

На протяжении столетий Османская империя выступала организующей силой региона. Новая ситуация в мире, рост освободительных тенденций среди нетурецких, особенно христианских, подданных империи, активное вмешательство в так называемый Восточный вопрос европейских держав привели к нарушению былой стабильности и в конце концов к распаду османской державы. Попытки силой замедлить этот распад породили ситуацию, когда османское государство было объявлено «больным человеком Европы». Внутренняя репрессивная политика создавала такие коллизии, как резня болгарского населения 1876–1877 г. и армянские события конца XIX — начала XX в. В памяти оставались лишь такие трагедии, зачеркивая все позитивное, на чем держалась империя в предшествующие века. Понятно, что одних завоеваний и насилия для успешного имперского строительства недостаточно. Был и некий позитивный опыт и просчеты, сказывавшиеся позднее, культурные достижения и те особые отношения внутри общества, утеря которых в связи с модернизацией по европейскому образцу заставляет и сейчас поднимать голову традиционализму и даже религиозному фундаментализму, пытающихся преодолеть эти утраты и найти свой особый путь развития. Все это заставляет быть внимательным к османскому наследству и историческому прошлому региона, национальным обидам и приобретениям за счет векового совместного проживания. Османский опыт лишний раз показывает, что попытки силового решения национальных и религиозных вопросов всегда обречены на неудачу. Опыт же совместного проживания разных народов, формирование их цивилизационной особенности и противостояние тому «глобализму», который ведет к нивелировке и утрате национальных и региональных достижений, пока еще недостаточно осмыслены и изучены. Османистика может дать в этом плане богатый материал для изучения.

В России способны понять как борьбу и чаяния христианских народов, стремившихся к национальной независимости, попытки мусульман своим сплочением противостоять западному колониализму, так и обиды турок, выступавших главными строителями империи, но не имевших в имперский период каких-либо особых преимуществ ни в матери-

альной сфере, ни в политической иерархии, ни даже в кадровом составе имперской элиты. Ведь известно, что многие государственные деятели в Османской империи (как, кстати, и в Российской) были выходцами из тех народов, которые затем создали свои национальные государства. Силы, отданные на имперское строительство, в определенной степени замедляли темпы собственно турецкого национального становления.

Бесспорно, важной проблемой остаются и российско-османские отношения — один из аспектов нашей национальной истории. Влияние идеологии и международных стереотипов, сложившихся вокруг этих отношений, далеко не всегда позволяли проникнуть в их суть и объективно оценить значение тех или иных их аспектов. В исследовании этой проблемы особенно важно сотрудничество исследователей двух стран, что, к сожалению, пока еще находится на самой начальной стадии. Знаменательно, что эта же мысль и призыв к сотрудничеству звучит и в публикуемой в настоящем сборнике статье турецкого профессора Ильбера Ортайлы. Сам Ильбер-бей уже не раз публиковал свои работы в наших изданиях, присылал на стажировку в Москву своих учеников, читал курс по османской палеографии в МГУ. Мы очень ценим это сотрудничество и надеемся на его дальнейшее продолжение.

В предлагаемом читателям издании представлены работы авторов, в настоящее время живущих в разных странах, но большинство из них в той или иной степени прошло школу российского востоковедения. Это историки из Москвы, С.-Петербурга, Краснодара, Астрахани, а также из Азербайджана, Болгарии, Грузии, США, Турции, Украины. Представленные материалы разбиты на четыре раздела. Первый — османистика, ее история (статьи И. Ортайлы, С. Ф. Орешковой) и современное состояние. С. А. Беляева повествует о новом направлении археологических исследований в Причерноморье, связанном с пребыванием этого региона в составе Османской империи. Знаменательно, что эту работу выполняют совместно украинские и турецкие археологи. Е. Грозданова знакомит читателя с османистическими работами последних лет, изданными в Болгарии. В этой стране традиционно османистическая проблематика разрабатывается очень активно, но связи российских ученых с болгарскими коллегами в последние годы заметно ослабли. Приятно, что Елена Грозданова, бывшая в свое время аспиранткой А. С. Тверитиновой, знакомит нас с достижениями своих коллег.

Второй раздел — османское источниковедение. В нем представлены материалы о турецких источниках по истории Грузии и казачества, истории суфизма и очерк А. Д. Васильева об архивном деле в Османской империи. Последняя работа дает интересный справочный материал, помогающий ориентироваться в структуре османских архивохранилищ, что особенно актуально, так как эти учреждения лишь недавно стали нам доступны.

Статья А. Н. Хохлова вводит в научный оборот материалы русских архивов о российско-османских гуманитарных связях, а Д. Д. Васильев и Г. В. Длужневская знакомят с неизвестными до сих пор фотоматериалами об Османской империи рубежа XIX–XX вв., сохраняемыми в наших архивах.

Основной раздел сборника — проблемы османской истории: теоретические размышления и конкретно-исторические исследования. Он охватывает весь период османской истории. Есть работы об утверждении османской власти в Анатолии (статьи Д. А. Коробейникова, А. В. Витола), структуре империи (И. В. Зайцев, С. Ф. Орешкова, Н. В. Ремез), этнических и идеологических проблемах того времени (К. А. Жуков, Ш. М. Мустафаев), внешнеполитических акциях османских властей (И. В. Торопицын, И. Ортайлы, Б. Боук, А. Ш. Кадырбаев, А. В. Болдырев). О проблемах XVIII в., связанных с более тесными связями с Европой и внутренними противоречиями, повествует М. С. Мейер. Начало формирования в Османской империи современной армии и успехи ее в этом отношении показывает В. Н. Запорожец. Вхождение империи в новейшее время и встающие перед ней экономические, идеологические и культурные проблемы освещают Н. И. Черниченкина и Н. Г. Киреев. И наконец, влияние «османского наследства» на становление отношений между Россией и Турецкой республикой показаны Н. Ю. Ульченко.

Последний раздел — филологические исследования — представлен тремя статьями. Ю. А. Аверьянов статьей о Кайгусузе Абдале, как и своей публикацией в источниковедческом разделе сборника, исследует особенности османского суфизма. О. Дерменджи раскрывает малоизученную тему о тюркской теории цветовой ориентации, нашедшей свое отражение в украинской ономастике. Т. А. Аникеева выявляет османские корни в современной турецкой народной литературе. И наконец, Р. М. Шукуров своим лингвистическим эссе проследживает некоторые османские заимствования в среднегреческом языке.

Весь сборник авторы посвящают памяти Анны Степановны Тверитиновой, которая своей преданностью османистике была всегда для нас примером и тем учителем, который сохранил для нас, ее учеников и научных наследников, османистические традиции старого российского востоковедения.

Редакторы приносят свои извинения читателям за те различия в написании османских имен и терминов, которые встречаются в статьях сборника.

В турецком языке в последние десятилетия произошли большие изменения. Отказались от употребления множества ранее используемых арабских и персидских слов, заменили их словами с корнями тюркского происхождения. Изменяется и написание многих имен и исторических терминов, что порой делается с нарушением законов тех языков, из которых они были заимствованы. Теперь принято писать, например, Абдулхамид, а не Абдул-Хамид или шейхульислам, а не шейх уль-ислам и т.п. Очевидно, эти нововведения приживутся в языке, так как дают значительную экономию при издании текстов. Однако пока они не общеприняты, особенно в научных изданиях, как за рубежом, так и в самой Турции. Потому-то редакторы и сочли возможным сохранить в статьях сборника то написание, которого придерживается автор. Надеемся, что для специалиста эти различия в написании османских имен и терминов не создадут каких-либо трудностей.

# I. Османистика: ее достижения и задачи

Д. Д. Васильев, С. Ф. Орешкова, И. М. Смилянская (Москва)

## Об Анне Степановне Тверитиновой

В 2010 г. исполняется 100 лет со дня рождения Анны Степановны Тверитиновой, исследователя османской истории, энтузиаста османистики, многие годы почти единолично сохранявшей традиции изучения Османской империи, которые на протяжении почти 300 лет закладывались в российском востоковедении.

Османистика издавна была традиционной для российской науки востоковедной дисциплиной. Две империи, Российская и Османская, с 1492 г. поддерживали межгосударственные отношения. В их истории много общего. Это евразийские державы, объединявшие в своих пределах многие страны и народы, разнящиеся между собой социально-экономически, опытом государственного строительства, конфессиональной принадлежностью. Каждая из этих империй строила свою модель многонационального и многоконфессионального государства. Они начинали свое развитие в разных геополитических нишах, соперничали как за власть над пограничными землями, так и идеологически. Ведь основные конфессиональные группы в обеих странах были одни и те же — православные христиане и мусульмане, но руководящую роль играли разные конфессии. Империи враждовали, воевали (двенадцать русско-турецких войн — это и для той и другой стороны больше, чем с кем-либо еще), культивировали по отношению друг к другу некий образ врага, но в то же время обречены были на взаимный интерес и внимание. Уже в 1692 г. в России была написана первая оригинальная книга по османской истории — «Скифская история» Андрея Лызлова, вышедшая в Москве последним изданием в 1990 г. и, несмотря на свое название, на 2/3 посвященная именно османам и их государственному строительству.

В России исподволь накапливались знания о ее южном соседе. Это и посольские донесения (а первое посольство к османскому султану было отправлено из Москвы еще в 1497 г.) и переводная литература, сведения различных лиц, побывавших на турецкой территории, — купцов, паломников, пленников. Османская империя интересовала политиков и военных, что породило обширную публицистическую литературу о ней, но постепенно складывалась и научная османистика, базирующаяся на изучении османских источников и интересе к внутренним проблемам этого государства.

Во второй половине XIX в. в Петербурге сложилась школа османистических исследований, вершинной фигурой которой стал В. Д. Смирнов (1846–1922). Как писал о нем его младший современник В. А. Гордлевский, «Смирнов после Хаммера<sup>1</sup> был первый турколог, и не только, разумеется, в России, но и на Западе»<sup>2</sup>.

И вот после таких достижений в послеоктябрьском Петрограде наступает явный спад османо-туркологических исследований. Несколько раз менялось название и по-разному провозглашались цели и задачи Восточного факультета Петроградского университета. Общая языковая подготовка студентов, однако, оставалась вполне приличной, хотя стал делаться упор на современные (живые, как тогда говорили) языки. История же, в том числе и история языка, отступала на задний план. Азиатский музей, дававший основную работу востоковедным кадрам, занимался главным образом сохранением и сбором оставшихся бесхозными (по разным причинам) коллекций восточных книг, рукописей, инкунабул и ксилографов. Туркологический кабинет, созданный в 1927 г. по инициативе В. В. Бартольда, ставил своей целью подготовку кадров для восточных республик, участвовал в разработке новых алфавитов для тюркских языков, а также готовил переиздания словаря тюркских наречий В. В. Радлова. Новые научные кадры востоковедов почти не готовились. Лишь в 1930 г. небольшие и разрозненные коллективы были объединены в Институт востоковедения Академии наук. При нем были созданы аспирантура и докторантура. Однако произошел разрыв поколений. Еще продолжали трудиться востоковеды дореволюционной школы, но были прерваны старые научные традиции; в науку были спущены сверху новые идеологические установки, в которые не всегда вписывались те углубленные исследования истории, которые были свойственны старому российскому востоковедению. Упор делался лишь на то, что могло служить на потребу новому обществу. Именно в этот период вошла в науку А. С. Тверитинова, избрав себе немодное и трудоемкое поприще — изучение истории Османской империи.

<sup>1</sup> Йозеф фон Хаммер-Пургшталь, австрийский турколог, автор многотомной османской истории, один из основоположников и классиков мировой османистики. См.: Hammer-Purgstall J. Geschichte des Osmanischen Reiches. № 1–10. Pest, 1827–1833; второе, улучшенное издание: Pest, 1834–1836 (переиздано в Граце в 1963 г.). Имеется также французское издание: Hammer J. Histoire de l'Empire Ottoman. T. I–XVIII. P., 1835–1836. Перевод на турецкий язык: Devlet-i Aliyye-i Osmaniye Tarihi. T. I–X. Istanbul, 1329–1337 H.

<sup>2</sup> Гордлевский В. А. Памяти В. Д. Смирнова (1846–1922). — Избранные произведения. Т. IV. М., 1968, с. 411.



Анна Степановна Тверитинова родилась 14 июля 1910 г. в Кунцево, тогда маленьком городке Московской губернии, где ее отец, крестьянин из Тамбовской губернии, работал на строительстве шоссейной дороги. В 1911 г. отец умер, и мать с четырьмя детьми вернулась на родину в деревню Гусовку Кирсановского района на Тамбовщине, где, как писала в анкетах Анна Степановна, у них была изба и три десятины земли. В голодные послереволюционные годы Анну, младшую в семье, мать вынуждена была отдать в детский дом. Однако в 1922 г. ее оттуда забрала, и семья переехала в Закавказье, где служил старший брат, командир Красной Армии. Жили в Кутаиси, а затем в Баку. Там Анна Степановна окончила среднюю школу и по командировке Народного Комиссариата просвещения Аз. ССР в 1928 г. уехала учиться на Восточный факультет Ленинградского университета.

Интерес к Востоку, искренний и многогранный, который мы, ее младшие коллеги, наблюдали у Анны Степановны на протяжении всей ее жизни, зародился у нее еще с детства. И это было типичным для многих российских востоковедов, выросших в среде российских восточных народов. Вспомним, что писал В. Д. Смирнов (сам уроженец Астрахани) в некрологе своему университетскому учителю И. Н. Березину: «Соприкосновение с инородцами наших отдаленных окраин, как известно, всегда как-то само собой располагает коренных русских людей, с детства живущих в этих окраинах, к пытливости относительно языков и быта их иноплеменных соотечественников»<sup>3</sup>.

Окончив университет и получив диплом турколога-литературоведа, Анна Степановна поступила на работу в Институт востоковедения АН СССР, где до конца 1936 г. работала секретарем Турецкого кабинета. В ее обязанности входили работа с турецким книжным фондом, который насчитывал около 5000 томов, составление алфавитных и предметных каталогов, а также составление журнальной библиографии и обработка поступавших в Институт турецких газет и журналов.

Это было полезное для начинающего научного работника занятие, вылившееся в первые публикации, в том числе в сводный каталог турецкой исторической литературы, хранящейся в библиотеках Москвы и Ленинграда<sup>4</sup>. Именно эта работа сделала А. С. Тверитинову, литературоведа по университетскому диплому, историком.

Одновременно с работой в Институте востоковедения Анна Степановна училась в аспирантуре ЛИЛИ (Ленинградского историко-лингвистического института, а фактически все того же Восточного факультета ЛГУ, много раз менявшего название и пережившего различные слияния и разделения). Аспирантское обучение тогда еще не устоялось. Как отмечала сама аспирантка Тверитинова в своем заявлении в дирекцию Института востоковедения, у аспирантов отсутствовало всякое индивидуальное научное руководство, а учебная программа была перегружена различными лекциями и семинарами, далекими от востоковедения

<sup>3</sup> Журнал Министерства народного просвещения, 1896, № 5, с.

<sup>4</sup> Библиотека Востока, 1934, № 5–6; 1937, № 10.

ния, в результате чего из 30 аспирантов, окончивших курс аспирантуры в 1935 году, ни один не защитил диссертации.

Сама же А. С. Тверитинова осенью 1936 г. просила дирекцию института освободить ее от обязанности секретаря Турецкого кабинета и позволить сосредоточить свои силы на написании диссертационной работы. Она отмечала, что за 5 лет работы в институте она приобрела недостающие ей ранее навыки исследовательской работы, изучила турецкую историографию и материалы турецких хроник и теперь готова приступить к написанию работы о восстании Кара Языджи в Турции (конец XVI — начало XVII в.). Такая возможность ей была предоставлена. Кандидатская диссертация была защищена А. С. Тверитиновой в 1939 г. Оппонентами на защите выступили В. А. Гордлевский и М. С. Иванов. Хотя и были сделаны некоторые замечания, особенно В. А. Гордлевским (многие из них были учтены автором при позднейшей публикации работы), но тем не менее А. С. Тверитинова получила искомую степень, звание старшего научного сотрудника, вошла как достойный и равноправный член в коллектив ленинградских туркологов. Казалось бы, открыта стезя дальнейшей научной работы. Академик Самойлович в одном из отзывов о ней характеризовал А. С. Тверитинову как «человека, хорошо знающего турецкий литературный язык и обладающего серьезными интересами и способностью к научной деятельности».

Все благополучно складывалось и в личной жизни: любящий муж, Е. А. Андриевский, работавший редактором Деггиза, а позднее ответственным секретарем редакции журнала «Звезда», двое сыновей — Велемир (1933 г. рождения) и Аркадий (1938 г. рождения). В 1941 г. Анна Степановна ждала третьего ребенка, но он родился уже осенью того года, когда война изменила всю жизнь страны и каждого ее жителя в отдельности. Ушел на фронт муж и погиб на Ленинградском фронте в 1941 г. В 1943 г. погиб брат, воспитавший Анну Степановну. Старших детей, 8 и 3 лет, она вынуждена была отправить с интернатом в эвакуацию. Сама с новорожденным сыном и матерью осталась в блокадном Ленинграде, где потеряла и ребенка и мать, погибшую от голода в 1942 г. В феврале того же года в тяжелом состоянии была эвакуирована из Ленинграда. С большими трудностями нашла старших детей, о которых до этого ничего не знала. С марта по сентябрь 1942 г. работала преподавателем истории в средней школе г. Тетюши в Поволжье. В октябре 1942 г. ей с детьми удалось уехать в Ташкент, куда был эвакуирован Институт востоковедения АН СССР и где она смогла возобновить свою научную работу. Одновременно с этим работала и в Институте восточных рукописей АН Узб. ССР, принимала участие в подготовке к печати «Собрания восточных рукописей АН Узб. ССР» (Ташкент, 1952–1954, т. I и II). В мае 1945 г. вместе с Институтом востоковедения семья А. С. Тверитиновой вернулась в Ленинград. Уже там в 1946 г. была издана ее первая книга, содержащая доработанную версию диссертационной работы: «Восстание Кара Языджи — Дели Хасана» (М. — Л., 1946).

Приведенные выше подробные даты и события личной жизни Анны Степановны для тех, кто пережил это время, говорят сами за себя,

но и читатели более младшего возраста, надеемся, тоже могут почувствовать весь трагизм тогдашней жизни и ту силу и жизнестойкость, которые должна была проявить Анна Степановна Тверитинова, чтобы не сломаться, выжить и вернуться к любимой научной работе.

Из публикаций, подготовленных в ленинградский период, следует отметить такие работы А. С. Тверитиновой: «К истории русско-турецких отношений в елизаветинское время» (Советское востоковедение. Т. IV. Л., 1949). Это первое введение в научный оборот турецкого посольского донесения о посещении Петербурга и переговорах с российским правительством; «Второй трактат Кочи-бея» (Ученые записки ИВ АН СССР, т. VI. М., 1953) — перевод на русский язык публицистического трактата середины XVII в. о государственном и общественном строе Османской империи и тех кризисных явлениях в этом государстве, которые тогда явно начинало чувствовать османское общество. Знаменательно, что первый трактат этого автора был опубликован В. Д. Смирновым, т.е. здесь мы видим прямое продолжение традиций блестящего периода дореволюционного российского востоковедения. И наконец, опубликованное несколько позже, но выявленное и подготовленное к публикации еще в Ленинграде, двухтомное издание хроник XVII в. Хюсейна «Беда-и ул-векаи (Удивительные события)» (М., 1961). Аннотированное оглавление и указатель Ю. А. Петросяна. Издание текста, введение и общая редакция А. С. Тверитиновой.

Все эти публикации свидетельствуют о том, что Анна Степановна Тверитинова становится в это время серьезным ученым, работающим с турецкими первоисточниками, чувствующим и знающим османское средневековье.

В то же время советская действительность и разоблачительный пафос, царивший в то время в советской науке, в какой-то мере захватили и ее. Считалось необходимым подчеркнуть свою приверженность к марксизму и методологическую несостоятельность всего того, что было сделано в общественных науках до или помимо него. В этом духе Анной Степановной были написаны статьи: «Фальсификация средневековой истории Турции в кемалистской историографии» (Византийский временник. 1953, № 8); «Фальсифицированная версия о турецком халифате» (Известия Отделения общественных наук Тадж. АН. Сталинабад, 1954, Вып. V); «Об ошибочной концепции средневековой истории Турции в работе А. Ф. Миллера» (Ученые записки ЛГУ, 1952, № 128) и некоторые другие.

Понимая, что это была дань времени, хотелось бы отметить, что Анна Степановна позднее сама почувствовала искусственность многих методологических построений, бытовавших в советское время в исторической науке, и необходимость уважения к концепциям и идеологическим поискам других исторических школ. Но для этого нужен был личный опыт и те просветы в «железном занавесе», окружавшем нашу страну, которые появились лишь в 60–70-е годы.

Один из авторов этой статьи (С. Ф. Орешкова) вспоминает, как в ее аспирантские годы в начале 60-х годов, в ответ на употребленное ею

в одном из первых научных опусов замечание о идеологической несостоятельности некоего турецкого исторического сочинения, Анна Степановна очень мягко сказала, что не следует употреблять таких выражений в отношении серьезного научного исследования. Для молодых научных сотрудников, воспитанных в студенческие годы на советском идеологическом славословии, такие замечания Анны Степановны способствовали выработке более взвешенных взглядов и на историографию и вообще на научную деятельность.

Любопытно, что и идеологический выпад, который Анна Степановна допустила когда-то в отношении А. Ф. Миллера, не повлиял на дальнейшие уважительные отношения этих двух ученых. «Объективистские» (!!!) воззрения, в которых в 50-е годы обвиняли профессора Миллера, позднее были по достоинству оценены его коллегами и учениками<sup>5</sup>. А. Ф. Миллер понимал причины и истоки критики, которую высказала в его адрес А. С. Тверитинова, но видел и ее искренние научные поиски и достижения. Позднее, когда появилась такая возможность, они вместе неоднократно представляли советскую науку на различных международных научных форумах. Бывало даже, что передавали друг другу своих учеников. Так та же С. Ф. Орешкова была аспиранткой А. Ф. Миллера, а когда публиковалась ее диссертационная работа («Русско-турецкие отношения в начале XVIII в.», М., 1971), ответственным редактором ее по рекомендации и просьбе А. Ф. Миллера (занятого тогда другими делами) стала А. С. Тверитинова.

Идеологические рамки, в которые была поставлена в послевоенный период наша наука, в определенной степени сказались и на первой книге А. С. Тверитиновой о восстании Кара Языджи — Дели Хасана в Турции. Национально-освободительные движения и народные восстания относились тогда к излюбленным и наиболее поощряемым темам научных исследований. Изучая события конца XVI — начала XVII вв. по османским источникам, объективно излагая факты, автор тем не менее делал упор на участие в описываемом им восстании народных масс, крестьянства. Это было свойственно советскому взгляду на подобные события. Борьба же внутри господствующего класса, которая, собственно говоря, и была основным содержанием тогдашних волнений, подавалась лишь как некий фон, будто бы и не столь значимый. Для современного читателя книга А. С. Тверитиновой продолжает оставаться интересной, так как знакомит его с материалами из турецких первоисточников, позволяет почувствовать тогдашний переломный момент в истории Османской империи, но оценочные выводы из этого материала он, очевидно, сделает иные, чем это сделал автор.

В 1950 г. Президиум АН СССР принял решение о переводе Института востоковедения в Москву. А. С. Тверитинова с ноября 1951 г. начинает работать в московском Институте востоковедения. Она переехала в Москву одной из первых и перевезла часть ленинградской библиотеки Института

<sup>5</sup> См.: От Стамбула до Москвы. Сборник статей в честь 100-летия профессора А. Ф. Миллера. М., 2003.

востоковедения. Позднее было принято решение об оставлении в Ленинграде Отделения Института востоковедения, но Анна Степановна и еще несколько сотрудников-ленинградцев остались в Москве. Она возглавила библиотеку нового московского академического Института востоковедения, хотя и продолжала свои личные научные изыскания.

В 1959 г. Комиссия Фундаментальной библиотеки Академии наук констатировала: «Библиотека Института востоковедения — вполне сложившееся библиотечное учреждение с правильно организованным книжным и газетно-журнальным фондом, хорошо оборудованным книгохранилищем, удовлетворительно ведущимися алфавитным и систематическим каталогом и правильно развитой структурой». В библиотеке «неплохо поставлена справочно-библиографическая и методическая работа». Все это, как писала А. С. Тверитинова в заявлении на имя директора Института востоковедения Б. Г. Гафурова, давало ей «моральное право» просить об освобождении ее от заведования библиотекой и разрешении сосредоточиться на исследовательской работе. В ее планах тогда значилось издание сборника документов по аграрному строю Османской империи и монография «Аграрный строй Османской империи».

С 1969 г. А. С. Тверитинова возглавляла Сектор публикации памятников письменности Востока, а с 1973 г., в связи с изменениями в структуре Института востоковедения АН СССР, Сектор памятников тюркомонгольской письменности в Отделе памятников письменности народов Востока<sup>6</sup>. Анна Степановна была не просто руководителем этих подразделений, но и инициатором их создания. В этом, очевидно, проявилась ее ленинградская научная выучка. Именно там это направление научной деятельности сохраняло и свои традиции и встречало большую поддержку, в частности от академика А. Н. Кононова и бывшего ученика Анны Степановны Ю. А. Петросяна, позднее возглавившего ЛО ИВ АН СССР. В Секторе, возглавляемом Анной Степановной, удалось собрать целую плеяду талантливых востоковедов: япониста К. А. Попова, корееведа И. И. Хвана, иранистов Ю. Э. Брегеля и А. И. Фалину, индологов Н. Ю. Лубоцкую и А. Я. Сыркина, арабистов Х. И. Кильберг и С. Б. Певзнера, монголоведа Н. П. Шастину, тюркологов Ф. А. Салимзянову и И. В. Стеблеву. Все они были уже тогда известны как авторы фундаментальных изданий средневековых письменных памятников. Этот коллектив начал издание серии «Памятники письменности Востока» (ППВ), что было непростым делом в докомпьютерную эпоху, поскольку сложные шрифты многих памятников приходилось от руки вписывать в макет. В Секторе царила деловая, рабочая атмосфера, взаимопомощь и, в чем особая заслуга Анны Степановны, теплые личные отношения. Праздничные даты отмечались посиделками со стихотворными посланиями и эпиграммами, на чай в «Памятники» любили заходить сотрудники других секторов и коллеги из других научных центров.

<sup>6</sup> Материалы о жизни и деятельности А. С. Тверитиновой были извлечены из ее личного дела, хранящегося в архивах Института востоковедения РАН (Москва) и Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург).

Как известно, с сентября 1956 г. для Института востоковедения начинался новый период. Было принято постановление Президиума АН СССР «О задачах и структуре Института востоковедения АН СССР», которое должно было реализовать специальное решение ЦК КПСС о необходимости развития востоковедения. В Институт был назначен новый директор — Б. Г. Гафуров, была предоставлена возможность пополнить свои ряды новыми молодыми кадрами<sup>7</sup>.

Это был период хрущевской «оттепели». Новая молодежь, желавшая самостоятельно мыслить, и новая литература, начавшая поступать из-за рубежа, а позднее и возможности (пусть редкие и для очень ограниченного числа лиц) участвовать (или хотя бы получать информацию) в международных научных конференциях явно раздвигали принятые ранее жесткие идеологические рамки, в которых развивалась наша наука.

Анна Степановна оказалась очень восприимчивой к этим новым веяниям. Она возглавила так называемый Семинар по феодализму, объединивший молодых сотрудников Института, занимающихся средневековьем и новой историей. Поначалу его работа была организована так: приглашался кто-то из ведущих специалистов по западному феодализму. Участники семинара рассказывали о социально-экономической структуре того восточного общества, которое они изучали. Далее шло обсуждение, выяснялось, насколько эта структура подпадала под то понимание феодализма, которое было принято в советской науке. Разумеется, сейчас это может восприниматься как какое-то нечетничество, но тогда это был некий глоток свежего воздуха. Участники обсуждения пытались не замаскировать, а выявить факты несовпадения общественных структур, уловить особенности восточных обществ. Росло понимание, что восточный материал не вписывается в «марксистское» (или, по крайней мере, в то, что тогда понималось как марксизм) понимание исторического процесса. Молодежь жила этими обсуждениями, и Анна Степановна активно поощряла ее поиски. Сейчас трудно понять значение этого. Нужно знать особенности того времени.

«Семинар по феодализму» числился как семинар в сети партийного просвещения. В советское время все — от рабочего до академика — должны были изучать пропагандистские материалы, исходившие от Коммунистической партии: решения съездов, пленумов, различные постановления, речи партийных лидеров, а в сталинское время «Краткий курс» истории партии, автором которого считался И. В. Сталин. Такие семинары сотрудники института вели на подшефных промышленных и иных предприятиях, в частности на фабрике «Красная швея», но и сами обязаны были в них заниматься. Некоторые из таких семинаров, так называемого высшего звена, можно было как-то специализировать по той или иной проблеме марксистской теории. Именно в этой сети и возник семинар по феодализму. Его идейным вдохновителем был Л. Б. Алаев, индолог, в частности увлеченный тогда проблемами индийской общины, собранный им материал о которой явно выходил за дозволенные марк-

<sup>7</sup> См.: Вестник АН СССР, 1956, № 1, с. 104–105; Вопросы истории, 1957, № 3, с. 196–201.

систские рамки и даже, более того, противоречил(!) утверждениям марксистских классиков. Ни самому Алаеву, ни другим его сверстникам (по молодости и «партийной неопытности») вести такой семинар партбюро доверить не могло. А вот А. С. Тверитинова, человек в институте уважаемый и в научных, и в партийных кругах, взялась за его руководство, как бы прикрыв собой молодежную «крамолу».

Хочется напомнить, что хотя это и была хрущевская «оттепель», подобные научные обсуждения и сборища, без сети партийного просвещения, воспринимались как вещи совсем небезопасные. Напомним, что Д. С. Лихачев в свое время попал на Соловки за доклад о грамматике русского языка, прочитанный на заседании некоего самостоятельного студенческого общества. Еще в 1959 г., когда первокурсники истфака МГУ, студенты-китаисты, увлеченные своей профессией, попытались создать некий МОПСИК (что-то вроде Международного общества помощи и содействия изучению Китая), их очень резко одернули на комсомольском собрании. Было сказано, что есть дозволенные общественные организации, комсомол, университетские занятия и нечего заниматься самодеятельностью. Подобные организации могут быть использованы недругами советского общества. Тогда многие однокурсники, еще по молодости лет не почувствовавшие тех рамок дозволенности, которые ставило своим членам советское общество, были удивлены строгостью, с которой была пресечена даже попытка создать такое, пока еще по-детски наивное, «научное» общество. Сейчас же, разговаривая как-то с одним из участников этого «мопсика», теперь профессором-китаистом О. Е. Непомниним, и вспоминая молодость, мы трезво оценили, от какой опасности их тогда уберегли старшие товарищи (в частности, А. В. Меликсетов) и как, по сути дела, детская игра в науку (как у Д. С. Лихачева) могла сломать жизнь. В дальнейшем даже это поколение московских истфаковцев, поступившее в университет в 1953 г., оказалось свидетелем и арестов, и других репрессивных действий в отношении студентов, связанных с попытками самостоятельно осмыслить советскую действительность и разобраться в теории марксизма. Потому-то нам и понятно, что А. С. Тверитинова, встав во главе этого «дискуссионного клуба», проявила определенную смелость, как бы втиснув это свое детище в рамки партийного просвещения. Ей явно было интересно с молодежью. Занимаясь аграрным строем Османской империи, она так же, как и эти молодые научные сотрудники, понимала необходимость каких-то иных теоретических подходов к его осмыслению.

Позднее, в связи с определенной либерализацией науки и общества, востоковедный крамольный материал выплеснулся на страницы научных изданий. Семинар можно было уже не маскировать, и он приобрел чисто научный характер, проблематика его расширилась, в обсуждение стали включаться не только социально-экономические проблемы (хотя они все-таки преобладали), но и проблемы философии, культуры, политэкономической теории. В 60–80-х годах востоковеды стали некими возмутителями спокойствия. Их выступления на всех общеакадемических



и вузовских конференциях даже без попыток глубоко теоретизировать, а лишь с изложением конкретного восточного материала, как правило, нарушали все теоретические построения. Советский «марксизм» трещал по всем швам. Делались попытки найти у К. Маркса и Ф. Энгельса что-то, что позволило бы выйти за привычные схемы, заговорили об «азиатском способе производства», о некапиталистическом пути развития и т.п.

В Институте востоковедения был организован ряд широких обсуждений проблем формационного развития, разработаны анкеты, призванные выявить общее и особенное в развитии Востока и Запада. Четко выявлялось, что Восток требует новых историософских подходов, которые не давал советский «марксизм». К концу советского периода это стали понимать и рядовые исследователи, и руководители науки, и даже те лица, которые осуществляли партийный контроль за наукой. Но это было уже другое время. А. С. Тверитинова стояла у истоков этих теоретических поисков советских востоковедов. Конечно, были отдельные ученые, которые предлагали свои концепции, иногда довольно интересные, но в общем востоковедение переживало кризисный период. Продолжал и продолжает сейчас накапливаться конкретный материал, но особенности Востока так до конца и не выявлены еще ни наукой, ни жизнью.

Все эти теоретические проблемы привели к тому, что А. С. Тверитинова так и не завершила своего задуманного большого труда об аграрной структуре османского общества. Когда ее спрашивали о нем, она просила не торопить ее, поскольку ей очень интересно работать. Иногда, правда, у Анны Степановны прорывались реплики о некоторых работах коллег — как же люди могут писать по-старому, когда столько новых подходов и новых материалов. С присущим ей во всем энтузиазмом А. С. Тверитинова выступила инициатором текстологического семинара, проводившегося совместно с ЛО ИВ, на котором блистательно выступали с докладами по своим специальностям О. Ф. Акимушкин, А. Б. Халидов, Л. Н. Меньшиков, В. А. Лившиц, Ю. А. Петросян. Впоследствии этот семинар приобрел большую филологическую направленность и продолжался после кончины Анны Степановны под руководством М.-Н. О. Османова. Тогдашним молодым сотрудникам своего Сектора — Д. Васильеву, А. Гаркавцу и Э. Раззаковой, помимо их личных исследовательских тем, Анна Степановна поручила готовить под руководством Ю. Э. Брегеля предметно-тематический указатель к сочинениям В. В. Бартольда, за образец для которого был принят аналогичный — к сочинениям В. И. Ленина. Для консультаций по этой работе был привлечен последний ученик В. В. Бартольда И. И. Умняков. Интерес к наследию В. В. Бартольда был поддержан Е. А. Давидович, пришедшей в Сектор Анны Степановны незадолго до ее кончины и возглавившей его после нее. Была организована серия конференций фундаментального характера — «Бартольдовские чтения».

В последние годы своей жизни она много работала и публиковалась. Это были в основном работы источниковедческого характера. В 1963 г. вышел в свет «Аграрный строй Османской империи XV–XVII вв. До-



кументы и материалы». Сборник снабжен предисловием, где говорится о типах источников, имеющихся публикациях, об архивах и рукописных коллекциях Турции, турецких документах, хранящихся в европейских архивных собраниях, исследованиях в области османской палеографии и дипломатии. Стремясь познакомить читателя с наиболее типичными документами, «отражающими важнейшие черты аграрного строя и аграрных отношений Османской империи», составитель дает переводы наиболее важных законодательных актов общегосударственного значения, законоположений отдельных провинций империи, приводит образцы султанских указов, жалованных и вакуфных грамот, разных переписей, проводившихся в империи, а также тексты наиболее интересных трактатов, содержащих ценные данные для характеристики форм земельной собственности и аграрных отношений. Все эти документы переведены на русский язык впервые.

В 1969 г. была опубликована «Книга законов султана Селима I», содержащая перевод документа и публикацию его турецкого текста. Этот источник был впервые введен в научный оборот. Позднее, по другой рукописи, это канун-наме было опубликовано в Турции.

Не удовлетворившись этими принципиально важными публикациями, А. С. Тверитинова продолжала сбор, публикации и переводы других документальных материалов по османской истории, касающихся вакуфного земледелия, кадийских сиджилов, отдельных султанских грамот и других видов документов. На русском языке была издана большая коллекция турецких источников об аграрных отношениях в Османской империи. Обобщить этот материал и продолжить исследование А. С. Тверитиновой на монографическом уровне пока из российских историков так никто и не решился. Сам этот материал, однако, поднимал российскую османистику на новый уровень и способствовал активному включению османского материала в российские общеисторические исследования.

Одним из проектов, начатых Анной Степановной, стал сбор сведений о хранившихся в библиотеках, музеях, ведомствах СССР рукописей, книг и предметов с текстами на восточных языках. Этот проект относился к последнему периоду жизни Анны Степановны и сформировался после того, как она побывала в ряде командировок и обследовала тюрко-османские собрания рукописей в Киеве, Ереване, Тбилиси. С подобными заданиями были направлены в другие города и некоторые сотрудники ее Сектора. В рукописи был составлен каталог сведений, поступивших из различных библиотек и музеев. К сожалению, он был утрачен при переезде института в новое здание.

В последнее десятилетие своей жизни А. С. Тверитинова большое внимание уделяла изданию сборников «Восточные источники по истории народов Юго-Восточной Европы». Вышло три таких издания (объем — 30 п.л. каждое). Не говоря уже об интересном содержании и новизне тех материалов, которые были введены в научный оборот, они принципиально важны тем, что сплотили вокруг себя большой международный коллектив ученых из разных стран, делавших общее нужное

дело. Историография Юго-Восточной Европы получила в свое распоряжение интереснейшие османские (а они преобладали в этих изданиях) материалы. После смерти А. С. Тверитиновой не нашлось авторитетного ученого, который бы продолжил это дело, т.е. и здесь мы видим определенную утрату достижений.

А. С. Тверитинова ушла из жизни в 63 года. Для историка, долгие годы собиравшего материал, самостоятельно входившего в османское источниковедение, стремившегося к историософскому осмыслению полученных данных, это совсем еще небольшой возраст. Она ушла на пике своего научного подъема, не реализовав полностью своих задумок. Однако вклад ее в российскую османистику бесценен. Серьезность подхода и источниковедческая база, подготавливаемая ею для своего главного исследования, заставляют и последующие поколения османистов быть вдумчивыми и кропотливыми исследователями, понимать ответственность за тот вклад, который они собираются внести в копилку османистики. Здесь не может быть легкомыслия и поверхностных наскоков, а должен быть ответственный и добросовестный труд. Лишь он позволит проникнуть в тайны 600-летнего существования этого государственного образования.

\* \* \*

После смерти А. С. Тверитиновой ее библиотека и архив были переданы родственниками в Тбилиси нашим грузинским коллегам. К сожалению, это было сделано не совсем корректно — в Грузию были увезены даже те институтские библиотечные книги, которые были в пользовании Анны Степановны. Архивные материалы, как нам сообщают коллеги, до сих пор не разобраны. Думается, что описать и разобрать их — дело чести грузинских туркологов.

С. Ф. Орешкова (Москва)

## Мирза Казем-бек и российская османистика\*

Мирза Мухаммед Али Казем-бек, или Александр Касимович Казем-бек, как его называли в России, был, по определению известного историографа Санкт-Петербургского университета В. В. Григорьева, одной из замечательнейших личностей своего времени «не только у нас, но и в целой Азии и целой Европе — азиатец, с глубоким мусульманским образованием, соединяющий основательное знакомство с ученостью европейской, владеющий одинаково как арабским, персидским и турецким, так и английским, французским и русским языками, и на всех шести языках писавший и печатавший»<sup>1</sup>.

Именно он и О. И. Сенковский, как утверждает В. В. Бартольд, «создали русское востоковедение; почти все русские ориенталисты следующего поколения были учениками одного из двух ученых или учениками их учеников»<sup>2</sup>.

Первым из русских востоковедов, избравшим своей основной специальностью изучение истории Турции и создавшим в русском востоковедении самостоятельное османистическое направление, был, как известно, В. Д. Смирнов (1846–1922), принадлежащий к следующему после Казем-бека поколению ученых-востоковедов. Но возможности для такого обособления османистики, ее задачи, необходимость развития этого направления именно в русской науке были осознаны и начали претворяться в жизнь именно А. К. Казем-беком.

Османская и Российская империи (вспомним теоретические разработки по этому поводу Л. Н. Гумилева<sup>3</sup>) развивались синхронно. Между ними постоянно шло размежевание территорий, и многие области и народы оказывались как бы в буферной зоне их влияния, значительные периоды истории их прошли в составе то той, то иной из этих империй. Вот это взаимопроникновение, эта контактная зона с самого начала возникновения османистики в России и стала предме-

\* Доклад, прочитанный на Международной конференции «Мирза Казем-бек–2003», состоявшейся 11–12 июня 2003 г. в Институте востоковедения им. акад. З. М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана.

<sup>1</sup> Имп. С.Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. Историческая записка, составленная по поручению Совета университета В. В. Григорьевым. СПб., 1870, с. 256.

<sup>2</sup> Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России // Сочинения, т. IX. М., 1977, с. 467–468.

<sup>3</sup> Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

том наибольшего внимания и интереса российских специалистов. Восток для России не был далекой экзотикой, как для Западной Европы. Для русского населения Казани, например, он начинался на соседних улицах — в татарской слободе<sup>4</sup>. Не случайно именно в Казани и возник первый в России востоковедный центр<sup>5</sup>, и именно там А. К. Казем-бек сложился как ученый-востоковед. Уже в первые годы работы в Казани, которые были «в известном смысле периодом ученичества для самого ученого»<sup>6</sup>, он не ограничивался лишь педагогической деятельностью, но и занимался переводами на русский язык лучших образцов восточной художественной литературы. Этапным же трудом, заставившим говорить о Казем-беке не только как о преподавателе и знатоке восточной словесности, но и как ученом-источниковеде, явилось издание и сопровождающее его текстологическое и историческое исследование произведения Сеида Мухаммеда Ризы «Ассеб ас-сейяр фи ахбари мулюк татар» («Семь планет в известиях о царях татарских»), содержащее историю семи наиболее известных крымских ханов, начиная с Менгли Гирея I до Менгли Гирея II, а по сути дела, шире — историю становления крымско-татарской государственности и существования ее в условиях вассальной зависимости от Османской империи с начала XV в. до 1737 г. Прежде чем начать работать с имевшейся у него рукописью этого сочинения, Казем-бек проконсультировался с казанскими, астраханскими, уфимскими и крымскими улемами, хранителями старинных арабоязычных манускриптов, и уверился, что извлекать лишь единственный экземпляр этого сочинения. Рукопись имела много дефектов и ошибок. Тем не менее, будучи добросовестным исследователем, Казем-бек, как он сам отмечал в предисловии, даже видя явную ошибку, несколько раз перечитывал текст, прежде чем решиться на ее исправление. «Иногда с одним словом бился часа два, чтобы отгадать значение», — писал Казем-бек, подчеркивая, что у него не было возможности сравнить рукопись с другими списками<sup>7</sup>. Свой текст он получил в наследство от Ибрагима Хальфина, а тот — от некоего бухарского купца<sup>8</sup>. Позднее, уже после публикации сочинения, стало известно, что у профессора Санкт-Петербургского университета Ф. Ф. Шармуа имеется еще один манускрипт этого сочинения, доставшийся ему от профессора Италинского. Обрадованный А. К. Казем-бек предложил петербургскому коллеге в приложении к его диссертации «О пользе вос-

<sup>4</sup> Сопленков С. В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX века). М., 2000, с. 5.

<sup>5</sup> Мазитова Н. А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете в первой половине XIX века. Казань, 1972; Валеев Р. М. Казанское востоковедение: история и развитие (XIX в. — 20-е гг. XX в.). Казань, 1998.

<sup>6</sup> Гулиев В. «Азербайджанская школа» в российской ориенталистике (М. Дж. Топчибаев, А. К. Мирза Казем-бек). Баку, 2002, с. 147.

<sup>7</sup> «Ассеб ас Сейяр», или «Семь планет», содержащие историю Крымского ханства от Менгли Гирея хана I до Менгли Гирея хана II. Сочинение Сеид Мухаммед Ризы. Издание Императорского Казанского университета под наблюдением М. А. Казем-бека. 1832, с. V.

<sup>8</sup> См.: Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в Императорском Казанском университете за десятилетие с 1842 по 1852 гг. Составлено проф. К. Фойгтом. Казань, 1852, с. 50; Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, V. 8, Heft II. Leipzig, 1859, с. 376.

точных языков для изучения истории России»<sup>9</sup> опубликовать хотя бы те места сочинения, которых не доставало в казанской рукописи<sup>10</sup>, но, насколько нам известно, это сделано не было. В. Д. Смирнов, описывая позднее эту, вторую, рукопись сочинения и сравнивая ее текст с публикацией А. Казем-бека, привел список некоторых лакун и разночтений, но подчеркнул, что тексты рукописей в целом совпадают<sup>11</sup>. В настоящее время обе эти рукописи хранятся в Санкт-Петербурге, в Институте восточных рукописей РАН<sup>12</sup>.

К 1835 г. А. К. Казем-бек пришел к выводу, что его первоначальное намерение<sup>13</sup> сделать перевод сочинения Мухаммеда Ризы на один из европейских языков неосуществимо. Он писал: «Я почитаю сие невозможным по причине беспрерывных метафор, высоких подобий и темных выражений, свойственных только азиатскому вкусу»<sup>14</sup>. В своих неопубликованных заметках Казем-бек утверждал, что лучше «извлечь из творений Ризы все те сведения, которые относятся к истории», и изложить их в более доступном виде. Восточные же красочности, «затемняя смысл», сделают такой дословный перевод менее полезным для истории, чем извлечения<sup>15</sup>. Очевидно, что эта мысль приходила в голову не только Казем-беку, но и другим востоковедам, так как существует краткая версия этого сочинения. О ней писал В. Д. Смирнов как о некоем кодексе неизвестного автора конца XVIII в., содержащем сокращенное изложение «Семи планет» Мухаммеда Ризы, в котором «пространные, переполненные нескончаемыми метафорами периоды “Семи планет”, сплошь и рядом непереводимые на русский язык, в этом кодексе заменены краткими и ясными по смыслу фразами, весьма легко передаваемыми по-русски»<sup>16</sup>.

Этот источник позднее был частично переведен А. Негри и опубликован в «Записках Одесского Общества Истории и Древностей» (1844, т. 1, с. 379–399). И хотя он содержит некоторые факты и подробности, которых нет в «Семи планетах», по сути дела это компиляция из произведений Мухаммеда Ризы. В. Д. Смирнов назвал ее «Краткой историей»<sup>17</sup> и сообщал, что она предоставлена была в его пользование «многочисленным Исмаилом-мурзою Гаспринским, редактором газеты “Перевод-

<sup>9</sup> Charmoy T.-B. Sur l'utilité des langues orientales pour l'étude de l'histoire de Russie. St.-Pbg., 1834.

<sup>10</sup> Казем-бек А. К. Сравнительные извлечения из разных писателей, относительно истории Семи планет // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП), СПб., 1835, ч. 6, с. 346.

<sup>11</sup> Manuscrits turcs de l'Institut des langues orientales décrits par W. D. Smirnow (Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affaires étrangères. VIII.). St.-Pbg., 1897, № 12, с. 27–31.

<sup>12</sup> См.: Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н. Описание тюркских рукописей Института народов Азии. Т. I. История. М., 1965, с. 126–127.

<sup>13</sup> Казем-бек [А. К.]. О взятии Астрахани в 1660 году // Ученые записки, издаваемые Императорским Казанским университетом. Казань, 1835, с. 1; то же — отдельный оттиск. Казань, 1835, с. 3.

<sup>14</sup> Казем-бек А. К. Сравнительные извлечения из разных писателей... с. 347.

<sup>15</sup> Цит. по: Мазитова Н. А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете... с. 175.

<sup>16</sup> Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887, с. XV.

<sup>17</sup> Там же, с. XVI.

чик”, издаваемой в Бахчесарае»<sup>18</sup>. В настоящее время известны две рукописи этой Краткой истории, хранящиеся в Киеве и Санкт-Петербурге<sup>19</sup>. Что же касается самих «Семи планет», то публикация их А. К. Казембеком остается уникальной, подготовить которую мог только такой знаток восточных языков, философии и менталитета, как этот, тогда еще молодой казанский профессор. Трудности языка и стиля произведения отмечал и работавший с этим источником позднее В. Д. Смирнов: хотя эта «история и отличается всеми стилистическими прелестями турецкого слога, но зато необыкновенная длиннота и вычурная хитросплетенность огромных периодов, сплошь переполненных метафорами, требует большого внимания и иногда неимоверных усилий для того, чтобы добираться до заключающегося в них смысла»<sup>20</sup>.

Автор «Семи планет» Сеид Мухаммед Риза был накыб эль-эшрафом, т.е. принадлежал к верхушке османского общества, умер он в 1756 г. На его смерть откликнулся некрологом историк Васыф-эфенди, что свидетельствует о известности Сеида Ризы и его авторитете среди современников<sup>21</sup>. Хотя он и писал о крымских делах, но Казем-бек предполагает, что он был турком или, по крайней мере, воспитывался в Турции. Заключение это публикатор сделал, «судя по чистоте, правильности и красноречию в слоге», а также анализируя «образ его мыслей и беспристрастие, с которым описывал он происшествия»<sup>22</sup>.

По своему содержанию опубликованный А. К. Казем-беком источник до сих пор остается одним из наиболее важных для истории Крыма. Это подчеркнул и В. Д. Смирнов, написавший в 1887 и 1889 гг. самую подробную из имеющихся в мировой науке, двухтомную монографию «Крымское ханство под верховенством Отоманской порты»<sup>23</sup>. Поставив перед собой в этом труде цель — дать «свод тех известий, которые находятся в турецких письменных источниках», анализируя эти источники и стремясь «к приведению в общую известность того, что имеется на этом языке любопытного и важного для истории крымского ханства»<sup>24</sup>, В. Д. Смирнов пришел к выводу, что «Семь планет» Мухаммеда Ризы «по богатству и разнообразию своего содержания, превосходит все, что только у нас было под руками по части турецких источников для истории Крымского ханства; это, можно сказать, есть энциклопедический сборник по части крымско-татарской старины»<sup>25</sup>. Он составлен на основании

<sup>18</sup> Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887, с. XIV.

<sup>19</sup> Об этом см.: Некрасов А. М. Материалы по истории Крымского ханства XV–XVI вв. в отечественных и зарубежных архивных хранилищах // *Анналы*. Вып. III. Материалы научной конференции «Снесаревские чтения» (15–17 декабря 1995 г.). М., 1996, с. 48; Шифры рукописей: Рукописный отдел Центр. науч. библиотеки НАН Украины, Киев. Ф. 5, № 3805; РО РНБ. Ф. 933, № 208. Извлечения опубликованы в: *Записки Одесского Общества Истории и Древностей*, 1844, т. 1, с. 379–399.

<sup>20</sup> Смирнов В. Д. Крымское ханство..., с. XI.

<sup>21</sup> Там же, с. XIII–XIV.

<sup>22</sup> Ассеб ас-Сейяр... с. III.

<sup>23</sup> Кроме указанного выше труда В. Д. Смирнова имеется его же: *Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты в XVIII столетии*. Одесса, 1889.

<sup>24</sup> Смирнов В. Д. Крымское ханство..., с. IV.

<sup>25</sup> Там же, с. XIII–XIV.

изучения автором произведений многих восточных писателей, а «часто встречающиеся отзывы о достоверности или сомнительности тех или других известий и о достоинстве самих сочинений доказывает его [автора. — С. О.] критическую разборчивость»<sup>26</sup>.

Итак, А. К. Казем-беком был введен в научный оборот один из важнейших источников по истории османского Крыма. Это, как отмечал позднее И. Н. Березин, «сразу доставило Казем-беку почетную известность между ориенталистами»<sup>27</sup>. В биографической справке о Казем-беке, опубликованной в немецком востоковедном издании «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», подчеркивалось, что этот источник не был известен в Европе до того, как в 1829 г. он попал в руки Казем-бека. Само же это произведение имеет большое значение для истории России<sup>28</sup>. Действительно, проблема восточных и, в частности, османских источников встала для русских историков по-новому. Казем-бек заставил почувствовать и научный мир и российскую власть, что, создавая имперскую структуру, нельзя обойтись без знания традиций и исторического прошлого тех народов и областей, которые в нее включались. Да и сама история России и русских тесно переплетена с историей соседних стран и народов, причем не только западных, но и, может быть, прежде всего восточных. Казем-бек писал: «Многие века заставляли Россию родниться с Востоком... Одни и те же светлые дни и дни невзгод вложили одну и ту же душу в сердца русских и восточных людей, которых в России многие миллионы и, которые, будучи таким образом связаны жизнью с Россией, связаны в то же время и с дальним, не русским Востоком»<sup>29</sup>. Анализируя османские источники, Казем-бек попытался внести свой вклад и в историю собственно России. Особый интерес вызывал у него период 1654–1660 гг., когда решалась судьба Украины и российско-османского размежевания в Северном Причерноморье. Он обратил внимание на то, что Мухаммед Риза «не входил в описание» тогдашних походов Мухаммед Гирей хана, «сделавших часть Европы, на долгое время, театром кровопролития и ужасов», а потому посчитал важным «изложить... подробнее, в хронологическом порядке, те любопытные факты, которые изображают военные действия сего хана против России и Польши, отысканные... в других Авторах»<sup>30</sup>. Для этой цели Казем-бек привлек ряд османских источников, в частности «Историю Наймы», анонимное «Краткое описание исторических известий о Крымских ханах», перевод которого на французский язык только что тогда был сделан и опубликован в двух книгах «Nouveau Journal Asiatique» за 1835 год, и некоторых других, сопоставив их с российскими и польскими описаниями событий<sup>31</sup>. Тем он привнес новую струю и открыл новые возмож-

<sup>26</sup> Там же, с. XII–XIII.

<sup>27</sup> Березин И. Н. Александр Касимович Казембек // Протоколы СПб. ун-та за 2-ю пол. 1870–1871 ак. г. № 4. СПб., 1872, с. 104.

<sup>28</sup> Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, В. 8, Heft II, с. 376.

<sup>29</sup> Казем-бек А. К. Необходимо изъяснение // Северная пчела. 1860, № 84, с. 20.

<sup>30</sup> Казем-бек А. К. Сравнительные извлечения из разных писателей.... с. 349.

<sup>31</sup> Казем-бек [А. К.]. О взятии Астрахани в 1660 году, с. 4–16.

ности для изучения этого до сих пор не до конца проясненного периода истории России, Украины, Польши, Крыма и Османской империи<sup>32</sup>. Этот сюжет явно увлек ученого, и он неоднократно к нему обращался. Именно о нем он написал и в своей рецензии на многотомный труд австрийского востоковеда Й. Хаммера, опубликованный в том же «Nouveau Journal Asiatique»<sup>33</sup>. Рецензия эта имеет принципиальное значение для русского востоковедения, так как у него сложились к тому времени натянутые отношения с этим маститым ученым. Й. Хаммер оказался единственным, кто откликнулся в 1835 г. на конкурс, объявленный еще в 1826 г. Российской Академией Наук, на лучшую работу по истории Золотой Орды. Представленное Хаммером исследование было встречено весьма критически. Было отмечено, что «автор не только не исчерпал всех доступных в наше время восточных источников, но и довольно недобросовестно пользовался теми, которые были в его руках», работа написана поверхностно, содержит хронологические и географические погрешности, повторы, в ней не в должной мере «приняты в соображение русские источники»<sup>34</sup>. Позднее это сочинение Хаммера было опубликовано<sup>35</sup>. Ряд замечаний отзыва Российской Академии Наук был автором учтен, другие же, как отмечал писавший об этом конкурсном казусе В. Г. Тизенгаузен, были сопровождаемы «желчными возражениями»<sup>36</sup>. Тем не менее В. Г. Тизенгаузен считал, что академии следовало отнестись к работе Хаммера с меньшей уверенностью в собственной непогрешимости и с большим уважением к чужим научным трудам, так как это были первые научные разработки сложнейшего исторического периода<sup>37</sup>.

Что же касается работы Й. Хаммера по истории Османской империи<sup>38</sup>, то это — классика османистики. До сих пор нет ни одного более или менее серьезного османиста, который бы не был знаком с этими исследованиями, так же как и с многотомными трудами его современника Й. В. Цинкайзена<sup>39</sup> и историка более младшего поколения Н. Йорги<sup>40</sup>. Это три «кита», на которых базируется вся научная османистика.

А. К. Казем-бек в своей рецензии отметил заслуги Й. Хаммера в создании истории Османской империи, его блестящее знание предмета, тот интерес, с которым ученый мир принял его выдающуюся работу, хотя

<sup>32</sup> Из новейших работ об этом времени см.: Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Часть 2. М., 2001.

<sup>33</sup> Sur un passage de l'Histoire de l'Empire Ottoman par M. de Hammer // Nouveau Journal Asiatique. T. XVI. P., 1855, с. 154–171.

<sup>34</sup> См.: Журнал Министерства Народного Просвещения. 1836, Т. XI, с. 158–159.

<sup>35</sup> Hammer-Purgstall J. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, d. i. Der Mongolen in Russland. Pest, 1840.

<sup>36</sup> Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884, с. VII.

<sup>37</sup> Там же, с. VIII.

<sup>38</sup> Hammer-Purgstall Joseph von. Geschichte des Osmanischen Reiches. Т. 1–10. Pest, 1834–1836 (переиздано в Граце в 1963 г.). Имеются также французское издание: Hammer J. Histoire de l'Empire Ottoman. Т. I–XVIII. P., 1835–1836; и перевод на турецкий язык Devlet-i Aleyye-i Osmaniye Tarihi, I–X. Istanbul, 1326–1337.

<sup>39</sup> Zinkeisen J. W. Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa. Т. 1–7. Hamburg, 1840; Gotha, 1854–1863. Современное переиздание — Дармштадт, 1963.

<sup>40</sup> Jorga N. Geschichte du Osmanischen Reiches. Т. 1–5. Gotha, 1908–1913.



и констатировал, что австрийский мэтр не всегда был внимательным при использовании восточных источников<sup>41</sup>.

Понимая всю сложность османистических исследований и готовя к работе в этой отрасли науки своих учеников, А. К. Казем-бек внимательно отнесся к предполагавшейся в 1841 г. учебной поездке двух из них по странам Востока, составив подробный план их путешествия<sup>42</sup>. В нем он объяснял, что османисту «предварительное усовершенствование в Персидском и Арабском языках необходимо и полезно для усовершенствования себя в языке Турецком. Высший книжный язык Турецкий, будучи по большей части составлен из чистых Персидских оборотов и Арабских слов, отличных только кое-где грамматическим изменениям Турецкого, необходимо требует предварительного хорошего знакомства с Персидским и Арабским языками. Эта истина может быть подтверждена тем, что всякий Персиянин, основательно знающий свой язык, не имея даже никакого практического знания в Турецком, посредством одной грамматики последнего, лучше поймет самые трудные и замысловатые сочинения на турецком..., чем природный турак, не знающий ни персидского, ни арабского»<sup>43</sup>.

Для становления османистики были полезны и те сочинения Казем-бека, которые не были непосредственно связаны с османской историей, но давали представление об исламской юриспруденции, вероисповедании, истории ислама, религиозных исламских догмах и правилах<sup>44</sup>. Однако, на наш взгляд, наиболее важным было то, что ученый сумел в христианской стране и христианском обществе заставить задуматься об особенностях другой культуры, ином менталитете и своем пути развития исламских народов. Видя успехи европейской цивилизации и считая необходимым приобщение к ней исламских народов, он утверждал, что «ислам не может быть преградой цивилизации», не он противоборствует просвещению, а «фанатизм духовной касты, невежество, которое везде заглушает зародыш цивилизации», подчеркивая, что нельзя насаждать просвещение извне. «Преобразователи страны должны родиться в самой стране»<sup>45</sup>. Именно поэтому А. К. Казем-бек чувствовал опасность того, что происходило в Османской империи после Крымской войны, когда реформы в этой стране оказались поставленными под контроль евро-

<sup>41</sup> Nouveau Journal Asiatique. T. XVI, с. 154–171.

<sup>42</sup> См.: Иванов С. М. Турция глазами учеников Мирзы Казем-бека // Мирза Казем-бек и отечественное востоковедение. Доклады и сообщения научной конференции. Казань, 2001. с. 97–102.

<sup>43</sup> План ученого путешествия по Востоку магистров Казанского университета Диттеля и Березина, составлен по поручению попечителя Казанского Учебного Округа Ординарным профессором Казанского Университета Мирзой Казем-беком. Казань, 1841, с. 4–5.

<sup>44</sup> См.: Казем-бек М. Книга приятная Мухаммедиэ, из сочинений главы знатоков Мухаммеда Челеби, призванного Языджиаде. Казань, 1845; его же. Мухтасерюль-викгает, или Сокращенный викгает. Курс мусульманского законоведения по ханафетскому толку. Казань, 1845; его же. Полный конкордат Корана или Ключ ко всем словам и выражениям его текстов для руководства к исследованию религиозных, юридических, исторических и литературных начал. СПб., 1859 и др.

<sup>45</sup> Казем-бек А. К. Баб. Религиозно-политическая смута в Персии в 1844–1852 годах. СПб., 1865. Цит. по: Казем-бек М. Избранные произведения. Баку, 1985, с. 66–67.

пейских держав. Ускорение темпов преобразований в обществе, еще не готовом для этих преобразований, Казем-бек оценивал как неминуемый регресс. Он писал в 1865 г.: «Турция много и очень много позаимствовала было у Запада и усвоила, хотя еще не вполне сознательно, но, к несчастью, нынешняя политика оттолкнула ее назад еще на 50 лет». Объясняет он это тем, что новые реформы помогли лишь «умирающему давно оттоманскому правительству, благодаря попечению ищущих равновесия сил европейских держав ныне опять оживающему». Что же касается народа, то ранее «довольно продвинувшись вперед к пределам цивилизации», ныне он, насильственными действиями прозападно настроенных властей, «опять на несколько лет отскочил назад в объятия фанатизма»<sup>46</sup>. Мы, смотрящие на происходившее в Османской империи из исторической перспективы, можем констатировать, что А. К. Казем-бек как бы предсказал то, что происходило в Османской империи в конце XIX века: тиранию, зюлюм Абдул-Хамида, гонения на первых реформаторов, пантюркистские и панисламистские крайности и, наконец, трагедию Первой мировой войны. Иначе говоря, он увидел то, что не всегда учитывают реформаторы всех стран, желающие своими преобразованиями подстегнуть, модернизировать историю своих стран, — тот опасный разрыв между верхушкой и низами общества, который никогда и нигде к добру не приводит.

А. К. Казем-бек перешел из ислама в христианство (кстати, не в господствовавшее в России православие, а в протестантизм). За это он был многими осуждаем, даже в своей собственной семье. Вопрос вероисповедания — это дело совести каждого отдельного человека. Мы знаем многих российских деятелей культуры и людей, имеющих авторитет в обществе, которые перешли или тяготели к католицизму. В Османской империи среди реформаторов первой волны было много европейцев, принявших ислам. Были люди, воспитанные в российских (особенно в Поволжье) духовных религиозных учреждениях и предназначенные своим образованием к миссионерской и русификаторской деятельности, но ставшие известными востоковедами. Ведь для той же миссионерской стези требовалось знание того народа, среди которого предстояло действовать, а знания, пусть даже полученные для некой политической или идеологической цели, непременно начинали работать и вне этой цели, на сближение народов. Все зависело от внутренних качеств и благородства самого человека.

А. К. Казем-бек стал крупным российским ученым, авторитет которого признавался ориенталистами всего мира, вошел в элиту российского общества, воспитал целую плеяду российских востоковедов, в том числе и востоковедов восточного происхождения, делился своими знаниями Востока с А. С. Пушкиным, В. А. Жуковским, Л. Н. Толстым, Н. Г. Чернышевским и др.<sup>47</sup>

<sup>46</sup> Там же, с. 67.

<sup>47</sup> См.: Рзаев А. К. Мухаммед Али М. Казем-бек. М., 1989.

Своей научной и популяризаторской деятельностью он способствовал сближению народов, их взаимопознанию и взаимоуважению. Для своего народа, для мусульманства в целом, для вхождения мусульманской культуры в сокровищницу общечеловеческой культуры он сделал намного больше, чем его многие ортодоксально настроенные соотечественники, замкнувшиеся в узкие конфессиональные рамки. Свой вклад он внес и в становление османистики, в понимание в России проблем Османского государства и населяющих его народов.

Ортайлы И. (Турция, Стамбул)

## Становление научной тюркологии в Турции и у тюркских народов бывшей Российской империи

Существует разница между тюркологами Турции и тюркологами бывшего Советского Союза, касающаяся научного интереса и методов исследования. И это реальность, которая бросается в глаза. Это положение нельзя объяснить только разной исторической географией, разными общественными системами и идеологиями. Это различие во многом порождено условиями зарождения тюркологии, а также личностями самих тюркологов-интеллектуалов.

В сущности, во второй половине XIX и начале XX в. у обеих групп тюркологов имелось и общее. Эти исследователи были в то же время политически мыслящими людьми. Какую бы область широкого политического спектра мы ни взяли, они показали себя в ней как активные участники культурной модернизации и политических движений. В данной статье мы не ставили задачу разобраться во взглядах и поступках этой группы тюркологов. Мы хотим проследить различные отправные точки в научных карьерах первого поколения тюркологов на периферии России и в Турции. Для этого необходимо ознакомиться с биографиями и академической деятельностью ученых, стоявших у истоков современной тюркологии в Османской империи и Российской империи в конце XIX — начале XX в.

К сожалению, слабой стороной тюркологии является отсутствие биографий тех, кто преданно служил этой науке, биографий, опирающихся на всестороннее и объективное исследование. Мы можем только констатировать, что тюркология — это научная область, которая не знает собственной истории. Нет ни одного биографического исследования, в котором были бы без изъянов отражены научная деятельность и вклад того или иного известного ученого-тюрколога, будь то немецкого или английского и особенно турецкого или русского<sup>1</sup>. Этот недостаток еще более ощутим в отношении биографий тюркских мыслителей и тюркологов из российской периферии, а также османских интеллигентов начала XX в. (Правда, некоторые работы последнего времени дают надежду. Очень хотелось бы,

<sup>1</sup> Можно упомянуть лишь исследование профессора Барбары Флеминг из Лейденского университета «Karl Süssheim» (при участии ее ученика и коллеги Яна Смита); Клауса Крайзера и Дитера Карасека (университет Бамберга), составивших каталог: Germano-Turcica. Zur Geschichte des Türkisch-Lernens in den deutschsprachigen Ländern. Bamberg, 1987; А. Н. Кононов. История отечественного востоковедения до середины XX века. М., 1990.

чтобы они были продолжены.) Мы вынуждены довольствоваться разрозненными сведениями, опирающимися на слухи, об учебе этих тюркологов, их первых учителях и наставниках. Например, если мы возьмем сравнивать биографии азербайджанского тюрколога Мирзы Казем-бека и Шемседина Сами (Фрашери), Ахмеда Вақыф-паши и Мирзы Фетхали Ахундова, то увидим, насколько недостаточны и неточны имеющиеся у нас в наличии сведения. При анализе научной деятельности двух исследователей, сформировавших тюркологию в Турции и Советском Азербайджане в 1920-е гг., — Фуада Кёпрюлю и Бекира Чобанзаде, этот недостаток еще более усиливается. О Тюркологическом Конгрессе, состоявшемся в 1926 г. в Баку, на котором встретились турецкие и советские тюркологи, мы не имеем никаких сведений, кроме заметок Теодора Менцеля<sup>2</sup>, а также воспоминаний и слухов. Мы имеем некоторые сведения относительно научного роста ведущих тюркологов двух стран, а также об их совместной работе в Турции в 1920-е и 1930-е гг., когда тюркологи Турции и Советского Союза имели некоторые контакты между собой. Однако надо отметить, что эти сведения не относятся к фундаментальным историческим исследованиям по тюркологии, они скорее из области слухов и воспоминаний.

Начало тюркологии в России положили тюркоязычные ученые. Мехмед Али Мирза Казем-бек (1802–1870) изучил английский язык и, видимо, под влиянием миссионеров из «Библейского общества» принял имя Александр и стал протестантом. В 1826 г. он работал преподавателем отделения восточных языков Казанского университета, а позднее был переведен в Санкт-Петербург<sup>3</sup>. В эти годы российская тюркология еще не располагала достаточными собственными кадрами. Так, в ноябре 1852 г. для Школы восточных языков Санкт-Петербурга просили у Высокой Порты прислать преподавателей. По этому запросу в Россию был направлен Вехби-бей<sup>4</sup>.

«Грамматика турецко-татарского языка», написанная Казем-беком в 1839 г., в 1840-м была переведена Т. Ценкером на немецкий язык и напечатана в Лейпциге. Она была написана на основе книги француза Жубера, но развивала ее положения. Так вместе с ироничным предисловием Клауса Крайзера у нас появилось введение в тюркологию, представляющее собой совместную работу французов, азербайджанцев, русских и немцев<sup>5</sup>. (Книга Жубера была переведена на русский язык учеником Казем-бека Березиным.) Кроме этого, Казем-бек занимался исследованием истории Кавказа — *Derbendnameh or the history of Derbend* (Санкт-Петербург, 1856); исламских толков и движений — «Мюридизм и Шамиль» (Санкт-Петербург, 1865); написал на основе «Ассеб-ус Сейар» историю Крыма: «Ассеб-ус Сейар или семь планет, содержащая исто-

<sup>2</sup> Menzel T. Der Erste Turkologische Kongress in Baku (26.II — 6.III.1926) // Der Islam. T. XVI. 1927–1928.

<sup>3</sup> Кононов А. Н. Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дюктябрьский период. М., 1979, с. 175–176.

<sup>4</sup> BOA.I. Hariciye # 4485, 21, M., 1269/4 Kasım, 1852.

<sup>5</sup> Kreiser K. Germano-Turcica (Ausstellungskatalog der Universität Bamberg). Bamberg, 1987, с. 66; Türkisch-Lernen im deutschsprachigen Bereich. Ankara, 1985 — конференция. Позднее этот сюжет освещался в статье под названием «Le role de la langue française en Turquie et la politique culturelle allemande au début du XX-e siècle» // Varia Turcica III, Istanbul, 1986, с. 405–417.

рию крымских ханов» (Казань, 1832), «О взятии Астрахани в 1660 году крымскими ханами» (1835)<sup>6</sup>.

Казем-бек проявлял интерес и к славистике в той степени, которую не увидишь у последующих тюркских тюркологов (кроме Чобан-заде). Это дало ему возможность заниматься и сравнительной филологией. В своих работах он проявил себя блестящим знатоком русской и славянской филологии, а также западных языков. В турецкой тюркологии с точки зрения профессионализма с ним могут сравниться только Шемседдин Сами и Ахмед Вефик-паша.

Шемседдин Сами — знаток албанского языка, один из ведущих тюркологов Турции XIX века, вышедший из греческой гимназии и открытый западным востоковедением благодаря своему превосходному французскому; однако в академических исследованиях он оставался самоучкой. Как и большинство османских чиновников, работавших на Балканах в то время, он знал 3–4 балканских языка. Помимо работ по грамматике и лексике турецкого (тюркских) и албанского языков, которые до сих пор сохраняют свое значение, он был автором романов и пьес, несколько неумелых с точки зрения художественной формы, но несущих передовые идеи. Шемседдин Сами был больше чем тюрколог — он был энциклопедистом, одним из проводников идей культурной модернизации.

Теми же качествами обладал и Ахмед Вефик-паша, выросший и получивший образование в Европе и Турции, прекрасно знавший английский, французский, древнегреческий и современный греческий, персидский языки. На этих примерах мы можем констатировать, что османская тюркология родилась не в академических кругах, а в литературной и политической среде.

Мусульманские интеллигенты и реформаторы с российской периферии благодаря русскому языку и русскому образованию могли ближе познакомиться с немецкой и французской филологической наукой, чем османские интеллигенты. Это можно видеть на примере двух реформаторов: азербайджанца М. Ф. Ахундова и османца (позднее министра образования) Мюнифа-паши. Мусульманин-интеллигент из России XIX века проявлял огромный интерес к культуре Западной Европы через посредство различных каналов и языков. Мюниф-паша выделялся в своей среде знанием немецкого языка. Но если Ахундов, владевший тремя иностранными языками, был типичен для своей страны, то Мюниф-паша был для Турции редким исключением.

Советские тюркологи тюркского происхождения 1920-х гг. несли в себе и традиции культуры России. Это показывает сравнение между Бекиром Чобан-заде и Фуадом Кёпрюлю. В сущности, пусть даже и с различных флангов, они не были далеки от политики. Оба начали свою жизнь с поэтического творчества и были членами Kulturkampf в своих странах.

Бекир Чобан-заде, по всей видимости, родился в 1893 (1894) году в Крыму в Карасубазаре. В 1909 г. он учился в Стамбуле в Султанье, потом поступил в Институт славянских языков в Одессе. В 1915 г. во время уче-

<sup>6</sup> Кононов А. Н. Библиографический словарь..., с. 176.

бы его призвали в армию, и он попал в плен. Видимо, из-за толерантности в Австро-Венгрии по отношению к мусульманам тюркского происхождения из России (Австро-Венгрия была союзницей Османской империи) он получил возможность во время войны учиться в Будапеште. После окончания Колледжа Лоран Отвёш он изучает тюркологию в Будапештском университете. Его тогдашний приятель Ласло Рашоньи говорил, что Бекир прекрасно владел славянскими языками, интересовался вопросами филологии, свободно говорил также и по-французски, и по-венгерски. Еще будучи студентом, проявлял большой интерес к Codex Cumanicus.

Бекир Чобан-заде контактировал с деятелями тогдашней Венгерской Советской Республики, якобы был другом Бела Куна. Говорили, что он вместе с Бела Куном был редактором газеты «Восток», которая выходила с обращениями к пролетариям Востока. В 1919 г. он завершил диссертацию и поехал в Турцию, а затем вернулся в Россию<sup>7</sup>. Должно быть, в эти годы он перевел на татарский язык «Интернационал». Следует сказать, что помимо пролетарских он писал националистические стихи. Сосуществование тюркизма и марксизма было характерно для мировоззрения тогдашней тюркоязычной интеллигенции России.

Чобан-заде был профессором татарского языка и литературы в Таврическом университете в Крыму, а 1924 г. возглавил тюркологическое отделение в Баку. Причина его переезда в Баку не очень известна. Но Чобан-заде стал бакинцем, работал в области общей тюркологии, где подготовил ряд исследований по грамматике тюркско-татарских языков и стал ведущим советским тюркологом тюркского происхождения. Он выступал за латинизацию алфавитов тюркских языков, очищение их от иностранных заимствований. Для воссоздания тюркской основы в тюркских литературных языках он предлагал использование кумыкского языка<sup>8</sup>. В 1926 г. им было опубликовано исследование по кумыкскому языку и литературе. Не случайно, что в 1930-х гг. во время языковой революции и в лингвистических кругах Турции придавалось большое значение кумыкскому языку, из которого были заимствованы новые слова.

Чобан-заде критиковал взгляды Хусейна Джахида и Ахмеда Джевата на тюркскую грамматику. По его мнению, в тюркско-татарских языках невозможно описание грамматики без исследования фонетической структуры и структуры аффиксов и корней глаголов, т.е. того, без чего письменный язык не может развиваться. Именно на этой почве развивалась и его дуэль с Бартольдом. Он утверждал, что «...если этнографические исследования не будут проводиться в сопоставительном анализе с языком, ничего не получится»<sup>9</sup>. Чобан-заде оторвался от своего родного крымско-татарского языка и работал в азербайджанской языковой среде. Он стоял во главе тех, кто отстаивал общетюркский литературный язык. Большой популярностью пользовались и написанные им в тот период работы в области литературной критики, например «Новый период

<sup>7</sup> Bekir Çobanzâde Budapeşte. Беседа Нараева и Ласло Рашоньи о Чобан-заде, опубликованная в выходящей в Ташкенте газете «Lenin Bayrağı» 6 ноября 1979 г.

<sup>8</sup> Battal Taymas A. Kırim filolog şâir Çobanzâde // TDAY Beletten. Ankara, 1954, с. 254.

<sup>9</sup> Menzel Th. Der Erste Turkologische Kongress, с. 54–56.

в азербайджанской литературе». В период чистки в 1932 г., когда Чобан-заде впал в немилость, партийные писатели-националисты критиковали эту работу и его взгляды. «Образцом» такой критики могут служить высказывания Х. Мехди<sup>10</sup>. В эти годы и закончилась научная и литературная деятельность Чобан-заде, а сам он был уничтожен. Перед современными исследователями стоит задача изучать наследство и записи этого ученого, которые, как говорят, находятся в Ташкенте.

Фуад Кёпрюлю, считающийся ведущим тюркологом, точнее — историком Турции, в отличие от Чобан-заде, выезжал в Европу лишь затем, чтобы получить звание доктора. Фуад Кёпрюлю сформировался в стамбульской среде. Он не был филологом, у него было образование, связанное с литературой, историей и социологией. Говорят, что он знал многих интеллектуалов того периода — Э. Дюркгейма, Л. Февра и др. Вероятно, он читал их труды как в оригинале, так и в переводах, которые в обилии появились до и после 1908 г. (в период второй конституции). В вопросах социологии Фуад Кёпрюлю находился под влиянием Зии Гёкальпа и его окружения. Он считал Зию Гёкальпа знающим энциклопедистом и сравнивал его с Фихте<sup>11</sup>.

Известно, что Кёпрюлю ушел из Юридического института, который не давал качественного образования, т.е. формально высшего образования у него не было. Но он закончил «Меран Идадиси» (Meran İdadîsi), школу, которая являлась в период младотурков важным образовательным центром. Директором был Хусейн Джахид. Среди выпускников школы — Али Нихат (Тарлан), Эммин (Эриширгиль), Сыдык Сами (Онар). Именно там Кёпрюлю сложился как историк.

Meran İdadîsi было местом, где занимались и политикой. Например, известно, что студенты участвовали в митинге перед меджлисом во время объявления второй конституции и в демонстрации студентов, устроенной в связи с убийством Ахмеда Самима<sup>12</sup>. В этот период в высших учебных заведениях Османской империи (университете Darü'l-fünûn, например) гуманитарные науки преподавались на очень низком уровне. Потому-то среди историков Турции нет равного Кёпрюлю по уровню филологических знаний. В его работах история и литература неразрывно связаны. Он внимательно следил и за западными исследованиями (на немецком, русском, венгерском языках) по переводам, сделанным в Институте тюркологии. В 1913 г. он стал профессором Университета. Это был блистательный историк, однако недостаток филологических знаний приводил его к некоторым неточным выводам, например в статье «Влияние византийских институтов на османские институты»<sup>13</sup>, что породило ошибочные тенденции в понимании средневековой истории Турции. Хотя он серьезно не занимался грамматикой и фонетикой, в свое время он выступил против реформы алфавита. Недостатки школы Кёпрюлю в какой-то

<sup>10</sup> Mähdi H. Âdâbî Döyüsler. Azârñâşr. Bakû, 1932, c. 14–15.

<sup>11</sup> Ali Canib. Türk Edebiyatı Antolojisi. İstanbul, 1931, c. 432.

<sup>12</sup> Albay Yücel Aktar, II Meşrutyet'te Öğrenci Olayları (неопубликованная диссертация). AÜDTC Fakültesi, Ankara, 1981.

<sup>13</sup> Köprülü F. Bizans Müesseselerinin Osmanlı Müesseselerine Te'siri Hakkında Bazı Mülâhazalar. THVİTMI. İstanbul, 1931, c. 165–313.



мере компенсировались учеными-тюркологами, прибывавшими в Турцию из России, а после 1933 г. и из Германии (Зюссхайм, Риттер).

В 1920-х гг. турецкая тюркология в Стамбульском университете пополнилась тюркологами тюркского происхождения, получившими образование в России. Это были эмигрировавшие из России молодые ученые Рашид Рахмети (Арат), Зеки Велиди (Тоган), Абдулькадир (Инан). Они стали незаменимыми помощниками Кёпрюлю. В 1930-х годах, во время реформы языка («языковой революции»), они работали консультантами. Каково было влияние этой группы ученых на филологические исследования, изучение истории Средней Азии, ее литературы и языков в Турции, установить трудно. Но бросается в глаза, например, то, что, вероятно, статья Рахмети-бея о Кутадгу Билиг, переведенная Фитрат-беем, была использована без упоминания имени автора и его систематики в истории литературы Ф. Кёпрюлю<sup>14</sup>. Чагатайские исследования долгое время оставались прерогативой этих ученых-эмигрантов.

Бакинский тюркологический конгресс 1926 г. — следующее поле деятельности, где сошлись турецкие тюркологи и тюркоязычные тюркологи из Советского Союза. Советские тюркологи, интересуясь опытом введения латинского алфавита в Турции, сделали эту тему объектом главных дискуссий. Из отчета Т. Менцеля ясно, что именно они открыли широкую дискуссию о фонетике языка. Из того отчета видно, что Кёпрюлю не очень активно участвовал в их споре. И хотя на конгрессе часть тюркологов тюркского происхождения говорила об общетюркском языке, другая настаивала на различиях тюркских языков. Были на конгрессе и противники латинизации.

В заключение я хочу отметить общую слабую сторону турецкой тюркологии и тюркологии тюркоязычных ученых из бывшего СССР. Турецкие тюркологи не получили базового филологического образования в области западных языков. Это включает как классическую филологию, так и современные языки. Их знание западных языков не идет дальше общения на этих языках и чтения иностранных книг. Для сравнительного языкознания нет славистов, германистов, романистов и т.п. Иранист Ахмет Атеш и специалист по семитским языкам Лугаль ушли из жизни. Тот же недостаток характерен и для тюркологов восточного происхождения из СССР. Хотя они и знают русский язык, славистов среди них нет. Это результат негативного развития тюркологии в послеоктябрьский период. После репрессий 1930-х гг. не появилось и тех, кто знал бы западные языки. Отсутствие же образования в классической филологии есть тот недочет, который препятствует в большой степени развитию творческого духа и сравнительного метода в работах тюркологов тюркского мира. К сожалению, тюркологи обеих стран вынуждены оставаться узкими специалистами. Это надо преодолевать. В противном случае тюркология не сможет стать областью, где ученые тюркского происхождения проявят свое авторитетное мнение.

*Перевод М. Репенкова*

<sup>14</sup> Fitrat. Qutadğu Bilig // Ungarische Jahrbücher, n. 6, № 1–2. 1926, с. 154–158.

С. А. Беляева (Украина, Киев)

## К истории археологического изучения памятников турецкой культуры на территории современной Украины

Турецкая культура в Украине представлена историко-архитектурными памятниками Северного Причерноморья, в том числе Крыма, а также многочисленными музейными собраниями на всей территории страны. Практически в каждом историко-краеведческом музее можно увидеть такие атрибуты турецкой культуры, как оружие, курительные трубки, художественную керамику. Значительное место среди них занимают археологические коллекции.

Начало археологического изучения турецкого культурного наследия на территории Украины в значительной мере связано с деятельностью Одесского общества любителей истории и древностей (1839–1922). Благодаря его активности в Северном Причерноморье были собраны многочисленные турецкие документы, предметы материальной культуры XVIII в., в том числе печати турецких султанов и коллекции монет. Развернулась работа по обследованию и описанию памятников, публикации результатов разведок и стационарных раскопок. На страницах общеизвестных «Записок» Одесского общества опубликованы исследования М. Мурзакевича, посвященные памятникам Кизикермена (Мурзакевич, 1877), О. Л. Бертье-Делагарда — о крепостях Нижнего Поднепровья (Бертье-Делагард, 1919). Еще в конце XIX в. А. Л. Бертье-Делагардом был составлен первый каталог планов, карт, чертежей Очакова (Бертье-Делагард, 1888; Бертье-Делагард, 1896, с. 63–67 [протоколы]), собраны коллекции предметов материальной культуры, в том числе и нумизматические. В начале XX в. В. И. Гошкевичем были проведены первые археологические обследования поселений около Очакова, а в 1914 г. — исследование крепости Тягин на Херсонщине (Гошкевич, 1914, с. 11–12).

Общество занимало активную позицию защиты памятников истории и культуры. Оно попыталось сохранить Аккерманскую крепость от разрушений и взять ее под защиту, проводило обследования ее состояния (Бертье-Делагард, 1900, с. 75–82). Позднее — в 1906 г. — его члены

посетили крепость, зафиксировали разрушение части построек и разработали мероприятия по прекращению дальнейших разрушений (ЗОО-ИД, 1906, с. 24–35). Однако в силу финансовых затруднений Общество не могло содержать крепость в надлежащем состоянии.

С 1900 г. начинается история археологических исследований комплекса выдающихся памятников в Аккермане, первым исследователем которых был Э. Р. фон Штерн. В 1900–1912 гг. им были проведены раскопки в разных частях крепости и за ее пределами: на северо-восток от Главных ворот, в Гражданском и Портовом (Нижнем) дворе крепости в поисках нарушенных слоев античного города Тира (Штерн, 1901, с. 33–61; Штерн, 1913, с. 92–101). В процессе этих раскопок Штерн отметил и наличие турецкого слоя памятника, который залегал под слоем XIX в.

В 1919–1937 гг., когда город Белгород-Днестровский находился в составе Румынии, на территории крепости и около нее проводили раскопки (с определенными перерывами) румынские ученые (П. Никореску, Г. Братиану, Г. Авакян).

Следующий период в изучении турецких памятников (по существу, их охраны) начинается во второй половине 20-х гг. XX в. в связи с созданием в 1925–1926 гг. краевых губернских комиссий, которые занимались составлением реестра и охраной памятников истории и культуры. В 1926 г. в Одессе начала работу Одесская краевая комиссия, которая взяла под опеку памятники на огромной территории юга Украины (Херсонская, Николаевская, Зиновьевская, Криворожская, Мелитопольская, Мариупольская земли, согласно действовавшему в то время административному делению). В список комиссии вошли также и турецкие памятники, в том числе и кладбища, которые были взяты на учет и под охрану (Збірник, 1927).

С конца 20-х и в 30-х гг., несмотря на неблагоприятный период для развития тюркологии в Советском Союзе, разгром тюркологической школы во главе с академиком А. Крымским, археологические исследования, проводившиеся на разновременных памятниках Причерноморья, в том числе в Аккермане и в Крыму, продолжали пополнять музейные собрания артефактами турецкой материальной культуры. В 1940–1941 гг., после включения Бессарабии в состав украинских земель, были возобновлены археологические раскопки в Аккермане под руководством директора Аккерманского музея В. А. Шахназарова. Он считал, что крепость была построена турками. В. А. Шахназаров определил место нахождения турецкого кладбища и провел раскопки части некрополя (Кравченко, 1986, с. 8, 10). А. А. Кравченко, которая тщательно проанализировала результаты В. А. Шахназарова (они не были опубликованы, а документация утрачена, за исключением краткого отчета с планом раскопа 1940 г.), отмечает, что он старался разработать свою стратиграфическую схему средневекового слоя, (Кравченко, 1986, с. 8).

В послевоенный период — конец 40-х — 50-е годы — одной из основных задач археологических изысканий стали разведочные работы и составление карт памятников. Благодаря таким обследованиям в При-

черноморье была собрана информация и составлена опись пунктов, где были зафиксированы и местонахождения памятников, так или иначе связанных с османским временем (Фабрициус, 1951). Возобновлены и стационарные археологические исследования.

В Очаковском районе Николаевской области в районе с. Днепровка на городище XIV–XVI вв. С. И. Капошиной выявлен вал, остатки наземных построек из камня, сырцового кирпича, камыша, с земляным полом. В культурном слое найден разнообразный хозяйственный инвентарь, посуда (Славин, 1955, с. 127–150). После 20-летнего перерыва в 1975 г. периферийным отрядом Ольвийской экспедиции были собраны фрагменты средневековой керамики, а в 1982 г. проведены небольшие раскопки (Буйських, Іевлев, 1991, с. 89–104; Бураков, 1991, с. 105–109).

В 50-е годы во время исследований в Нижнем Поднепровье в восточной части современного города Берислав (Херсонская область) на правом берегу Днепра обследованы остатки турецкой крепости Кизикермен. На левом берегу Днепра, восточнее с. Любимова, на берегу р. Конки выявлено городище с артефактами османской культуры. В отчетах Л. Д. Дмитрова и Ф. Д. Копылова о результатах раскопок имеется информация о находках турецкой художественной керамики (Дмитров, 1951, 1951/46; Дмитров, 1952/3а).

По мнению В. Н. Тимченко, который проанализировал письменные и археологические источники, это могло быть городище Асланкермен, которое было парным крепости Кизикермен (Тимченко, 2003, с. 329).

Уже в 1945 г. были продолжены исследования в Белгороде-Днестровском (бывшем Аккермане) экспедицией Института археологии АН УССР под руководством Л. Д. Дмитрова (Дмитров, 1948, с. 210–211; Дмитров, 1949, с. 39–52; Дмитров, 1952, с. 59–64). Он первым поставил вопрос об исторической топографии средневекового города и его планировке, выделил период XVI–XVIII вв. как отдельный, турецкий период в истории крепости, продолжил раскопки турецкого кладбища.

К османскому периоду (XVI–XVIII вв.) относил верхний горизонт культурного слоя крепости и М. Г. Рабинович, проводивший раскопки в 1954 и 1958 гг. (Рабинович, 1972, с. 404–405).

В 60–80 годах, в процессе дальнейшего развития системы охраны памятников истории и культуры, в Украине была проведена регистрация памятников, взятие их на учет и охрану. Осуществляются полевые исследования и реставрационные работы в Северном Причерноморье, в том числе и памятников Крыма (Судак, Феодосия, Мангуп, Алушта и др.). Многочисленные охранные археологические исследования проводятся на юге Украины: в Надпорожье, Нижнем Поднепровье и Нижнем Поднепровье (Запорожская, Николаевская, Херсонская и Одесская области), предшествуя новостройкам. К сожалению, часть памятников в ходе строительства водохранилищ Днепровского каскада была затоплена. Материалы крымских памятников и новостроечных экспедиций юга Украины разошлись по разным музейным собраниям Украины, и многие из них еще ждут своего исследователя. Некоторые из них, как османские вещи

из коллекции О. В. Бодянского, частично опубликованы недавно О. Мирущенко (Мирущенко, 2001, с. 95–98). Находки из г. Берислава, где была расположена крепость, находятся в Херсонском музее (Оленковский, 2003, с. 51–53).

Продолжались и раскопки памятников в Северном Причерноморье. Особенно следует отметить результаты исследований в Белгород-Днестровском, где в процессе раскопок слоев античной Тиры и золотоордынского Аккермана были найдены материалы турецкого периода. С 1963 по 1968 г., в период раскопок под руководством И. Б. Клеймана (с 1967 г. — вместе с А. А. Кравченко), а затем в последующие годы (исследования С. Д. Крыжицкого и И. Б. Клеймана) была уточнена стратиграфия средневекового города, зафиксирован культурный слой турецкого времени на территории Нижнего двора крепости, но целенаправленные раскопки объектов османского периода не проводились (Крыжицкий, Клейман, 1979, с. 19–54; 54–75).

В многочисленных работах А. А. Кравченко, в том числе монографическом исследовании, посвященном золотоордынскому периоду Аккермана, дан анализ стратиграфии молдавского и турецкого слоя (Кравченко, 1986). Е. С. Столярик впервые проведено изучение турецкой художественной керамики из Белгорода-Днестровского, из коллекций Одесского Археологического музея и Белгород-Днестровского краеведческого музея (Столярик, 1982, с. 173–183).

В последующие годы, в процессе исследования античной Тиры, также были зафиксированы строительные остатки и вещественный инвентарь османского времени, что нашло свое отражение в отчетах, публикациях и коллекциях материалов украинских исследователей (В. М. Зубарь, А. А. Росохацкий, Н. А. Сон, И. В. Бруяко, Т. Л. Самойлова и др.). В 1999 г. во время работы украинско-румынской экспедиции на южном участке Центрального раскопа «были сняты слои турецкого периода, где были прослежены следы пожара, в котором погибла деревянная постройка, вероятно укрытие для оружейной прислуги, так как здесь обнаружены три каменных ядра от мортиры». По мнению археологов, «этот слой можно связать с осадой Белгородской крепости султаном Баязидом II в 1484 г.». Тем более что ниже были выявлены постройки XIII–XIV вв. (Самойлова, Кожукару, Батизат, Богуславский, Смольянинова, 1999, с. 145). В последнее десятилетие материалы средневекового Белгорода, в том числе исследования керамического комплекса, нашли отражение в работах Г. С. Богуславского (Богуславский, 1998, с. 45–48; Богуславский, 2002, с. 265–284; Богуславский, 2003, с. 13–14; Богуславский, 2005, с. 378–381 и др.).

Несмотря на постепенное накопление информации о турецкой культуре в Причерноморье, до конца 80-х годов XX в. османские памятники оставались за пределами основной тематики археологии Украины.

Только в конце 80–90-х годов XX в. идея планомерного изучения памятников османского времени приобретает формат нового направле-

ния археологических исследований. Как и прежде, существенную роль в картографировании памятников, локализации и первичном изучении продолжают играть разведочные работы. Археологические разведки были проведены в Белгород-Днестровском, Овидиопольском и других районах Одесской области. Объекты с характерными чертами турецкой культуры XVII–XVIII вв. были найдены в 1998 г. экспедицией под руководством А. Е. Малюкевича во время охранных исследований могильника римского времени Молога II, расположенного на правом берегу Днестровского лимана (Малюкевич, 1999, с. 38–44).

Картографированию памятников и публикации письменных источников посвящены многочисленные работы И. В. Сапожникова (Сапожников, Солодова, 1999, с. 310–325; Сапожников, Бруяко, 2000, с. 443–451; Сапожников, 2000, с. 259–265; Сапожников, 2000, с. 39–49; Сапожников, 2001, с. 176–186; Сапожников, Кожукару, 2001, с. 189–194; Сапожников, 2002, с. 136–143; 52–56; 110–119; Сапожников, Сапожникова, 2005, с. 8–50; Сапожников, 2005, с. 51–79 и др.).

В 1999–2000 гг. Международной Южной Средневековой экспедицией под руководством С. А. Беляевой и начальника экспедиции с турецкой стороны Б. Эрсоем по проекту Турецкого исторического общества были проведены обследования и обмеры историко-архитектурных объектов на территории Одесской (г. Белгород-Днестровский, Измаил, районы компактного проживания гагаузов), Хмельницкой (г. Каменец-Подольский), Черновицкой (Хотинская крепость) областей, крымскотатарских и османских памятников Крыма (более 100 недвижимых памятников)<sup>1</sup>.

В 2004–2006 гг. осуществлены визуальные обследования песчано-го карьера Молога и его округи, в районе Овидиополя (Ю. В. Болтрик, И. В. Карашевич) и Татарбунар (И. В. Карашевич), разведки в г. Килия с целью локализации остатков крепости (С. А. Беляева, Ю. В. Болтрик).

Качественно новым в истории исследования памятников турецкой культуры последних десятилетий является начало целенаправленных стационарных раскопок, междисциплинарное изучение крупных комплексов историко-архитектурных и археологических памятников.

Из списка наиболее значимых памятников на территории, входящей в состав Османской империи в Северном Причерноморье (без учета памятников Крыма), следует выделить Измаил, Белгород-Днестровский (Аккерманская крепость) и Очаков.

В 1989 г. начаты раскопки в Измаиле, которые осуществлялись Охранным археологическим центром Управления культуры Одесского облисполкома под руководством А. А. Добролюбского. Цель работ — изучение характера культурного слоя в юго-восточной части крепости. На основе полученных материалов предложена классификация керамических находок (Добролюбский, 1990, с. 118–120; Дынник, 1990, с. 120–123).

<sup>1</sup> Результаты исследований конкретных памятников Крыма заслуживают отдельного внимания и не включены в нашу статью.

В 1993 г. на северном участке территории крепости Измаил В. С. Бейлекчи проведены исследования кладбища, площадь которого равна почти трем гектарам (Гумашьян, 2000, с. 33).

В 1994–1996 гг. охранные исследования на территории крепости Измаил были продолжены С. В. Гумашьян (Там же, с. 31–33). Они проводились в разных частях крепости. В центральной части, где по карте-схеме Измаила 1790 г. был расположен жилой квартал, найдены хозяйственные комплексы мусульманской усадьбы (Там же, с. 31, 32). Автором прослежены несколько строительных периодов функционирования усадьбы. Ранний период датируется находкой на полу помещения серебряной монеты (акче) XVII в., последующие — XVIII–XIX вв. Внутри дома найден клад из 370 монет. Подавляющее большинство составляют турецкие монеты (Там же, с. 32). Автором обнаружено большое количество разнообразных находок (более 2,5 тыс.), которые представляют различные сферы материальной культуры XVII — начала XIX века.

На северном участке крепости между западным и восточным валом продолжены раскопки кладбища, начатые В. С. Бейлекчи (Там же, с. 33). Судя по погребальному обряду и инвентарю, погребения принадлежат ногайскому населению и датируются XVIII в. Кроме того, на западном участке крепости сделана зачистка вала XVIII в. (Там же, с. 33). И. В. Сапожниковым были продолжены археологические исследования в Измаиле, начатые его предшественниками.

Одновременно с началом исследований памятников Измаила, экспедицией Института археологии НАН Украины под руководством С. А. Беляевой в 1989 г. были начаты планомерные исследования в г. Очакове, продолжающиеся с небольшими перерывами по настоящее время.

Уже первые разведки 1989 г. засвидетельствовали наличие мощного культурного слоя в исторической части города, определены наиболее перспективные места будущих исследований, в частности участок возле здания бывшей синагоги (ул. Урицкого, 17) и Николаевского собора (ул. Мира, 1), центральный куб которого составляет здание турецкой мечети.

На основе археологических, картографических и письменных источников было локализовано местонахождение Очаковской крепости по отношению к современной городской застройке, проведены раскопки остатков укреплений и построек; полевые исследования в районе бывшей мечети и турецкого вала.

Спелеоархеологическим отрядом экспедиции под руководством Т. А. Бобровского проведены обследования входов и галерей в подземную часть города, подготовлена предварительная карта-схема подземного Очакова, на которую нанесено более 50 пунктов. Разработаны обоснования хронологической и типологической классификации подземных галерей и других помещений.

Проведены раскопки остатков турецкой крепости XVIII в. на о. Березань около Очакова (В. Н. Якубов).

Значительное расширение масштабов исследований в Очакове имело место в 1997–1998 гг. с началом работ Международной украинско-



турецкой экспедиции Института археологии НАН Украины и Турецкого исторического общества. С украинской стороны раскопками руководила С. А. Беляева, с турецкой стороны — Б. Ерсой.

В результате исследований были получены принципиально важные археологические материалы, которые позволяют поставить вопрос о более раннем времени формирования поселенческой структуры Очакова не позднее XIV — начала XV в., то есть намного раньше строительства городка Менгли Гирея (Біляева, 2004, с. 60–66).

Сравнительный анализ полученных комплексов с аналогичными материалами Черноморского побережья позволяет выделить общие черты в становлении и развитии городской материальной культуры от Болгарии на юго-западе до Грузии и Азербайджана на юго-востоке.

Еще одним достижением многолетних стационарных раскопок является коллекция артефактов XIV–XVIII вв., включающая около 6 тысяч единиц, в составе которой столовая посуда, изделия из фаянса и фарфора, украшения из бронзы и полудрагоценных камней. Большой интерес вызывает уникальная коллекция курительных трубок, в частности трубки из нефрита и пенного камня с инкрустацией, трубки, украшенные позолотой и росписью белой пастой, трубки с антропоморфным и зооморфным декором.

Исследования исторического центра Очакова были продолжены (с некоторыми перерывами) в 2003–2009 гг. Кроме того, в 2009 г. приняты поисковые работы по локализации местоположения крепости на Кинбурнском полуострове (С. А. Беляева, Е. Е. Фиалко). Обследование Кинбурна ранее проведено также А. В. Майстренко. Им зафиксированы контуры ретраншемента конца XVIII в., собраны многочисленные разновременные находки, в том числе золотоордынского времени (Майстренко, 2004, с. 80–81).

Международной украинско-турецкой экспедицией, работавшей по проекту Института археологии НАН Украины и Турецкого исторического общества, положено начало целенаправленного археологического изучения османских памятников Аккерманской крепости в Белгородо-Днестровском, что нашло свое отражение в десятках публикаций в Украине и за рубежом (Біляева, Ерсой, 2002, с. 28–30; Біляева, 2005, с. 66–67 и др.)

Начальный этап работ связан с обследованием остатков мечети в Гражданском дворе и стационарными раскопками в Нижнем дворе крепости. Основным объектом исследований 1999–2004 гг. была турецкая баня, известная по сообщению Эвлия Челеби и других авторов, в основном XIX века, многочисленным картографическим материалам XVIII–XIX вв., рисункам и фотоматериалам второй половины XIX — середины XX столетия.

В 2005–2009 гг. международные археологические исследования переросли в междисциплинарный проект, в котором приняли участие археологи: С. А. Беляева, Ю. В. Болтрик, Е. Е. Фиалко, И. В. Карашевич, А. С. Беляев, (Украина), Б. Эрсой, И. Куйлу-Эрсой, Х. Урер, С. Байракал,



С. Тунчоку, Х. Учар (Турция); Дж. Метью (США), а также английский археолог Дж. Беннет, представляющий в настоящее время университет Билькент (Турция); историки-османисты: А. И. Галенко (Украина), В. Остапчук (Канада); К. Финкель (Великобритания); архитекторы: А. М. Мартынюк-Медведская, К. В. Присяжный (Украина); специалисты в области геофизических методов изучения: А. и А. Завинские, Л. З. Лисицкий, С. Ю. Росомаха (Украина); Р. Хеддлси, А. Тернер (Великобритания); дендрохронологии: Т. Важный (США). С. Сагайдак, (Украина); петрографии: Р. Б. Гуцуляк (Украина), почвоведения: Ж. Н. Матвейшина (Украина). В организационном плане ведущее место в течение всего периода работ принадлежало Институту археологии НАН Украины, а также: Турецкой ассоциации по сотрудничеству и развитию (2004–2006 гг.), Фонду Макса фон Бергема (Швейцария) (2005–2008 гг.) и Британскому Институту в Анкаре Британской Академии Наук (2006–2009).

Усилиями международного коллектива были проведены раскопки в Нижнем дворе крепости: барбакана и сохранившихся фрагментов стен, расположенных по берегу лимана, расчистка мощеной дороги с водосточком, а также раскопки участка рва.

В результате многолетних археологических исследований получена большая коллекция предметов материальной культуры, которая насчитывает около 17 000 артефактов. В ее составе кухонная и столовая посуда местного производства и известных центров художественной керамики Турции — Изника и Кютахьи, курительные трубки, изделия из серебра, меди, бронзы, железа, в частности украшения, монеты, оружие, изделия из кости, стекла, архитектурные детали.

В частности, коллекция курительных трубок насчитывает более 1300 экземпляров XVII–XVIII вв., некоторые относятся к XIX в. Они представлены разнообразными типами по форме и орнаментации. Особый интерес вызывают трубки с клеймами мастеров, сохранившие их имена. Одна из трубок датирована по надписи в клейме — 1080 г. Хиджры (1673–1674 гг. Р.Х.).

Среди изделий из металла особое внимание привлекают предметы прикладного искусства: поясные наборы, перстни, коллекция монет (около 300 экземпляров), в том числе золотая монета султана Мехмеда III, чекан Константинополя 1595 г.

Благодаря комплексным геодезическим и геофизическим исследованиям получен новый топографический план крепости, данные о сохранившихся постройках под поверхностью земли (Finkel, Ostapchuk, Bilyayeva, Mathieu, 2006, с. 12; Finkel, Bilyayeva, Ostapchuk, 2008, с. 8–10).

Важное место заняли также работы в области исторической археологии, корреляция архивных и археологических данных, касающихся архитектурно-строительных и ремонтных работ в крепости на основе материалов турецких архивов (К. Финкель, В. Остапчук), а также ряда картографических материалов Российского Государственного Военно-исторического архива (А. И. Галенко). На основе проведенных исследований предложена новая версия строительной периодизации ряда объ-

ектов крепости, в том числе турецкой бани и Нижней линии укреплений с барбаканом (Дж. Беннет, А. М. Мартынюк-Медведская, К. В. Присяжный). Впервые получены данные о глубине и ширине рва крепости.

Большое значение для изучения строительной периодизации крепости имели фундаментальные работы молдавского специалиста в области истории архитектуры М. Шлапак (Шлапак, 2001; Шлапак, 2008, и др.).

За пределами Северного Причерноморья историко-архитектурные памятники турецкого присутствия исследуются на территории крепости в г. Хотин Черновицкой области, где в том числе проводились и раскопки мечети (С. В. Пивоваров и др.). Турецкие артефакты, в том числе курительные трубки и керамика, известны и с территории Каменец-Подольской крепости, находившейся под властью османов в 1672–1699 гг.

Помимо форпостов османского пограничья, важным источником изучения османской культуры, ее контактов и взаимодействия с украинской культурой, является изучение памятников истории и культуры казачества: казацких сечей, сторожевых постов, маяков, зимовий, переправ.

Начало исследования казацких памятников относится к началу XX столетия. Небольшие раскопки одной из казацких сечей Нижнего Днепра — Каменской, существовавшей всего два года (1709–1711 гг.), были проведены Д. Яворницким и В. Гошкевичем, а в послевоенное время спасательными работами занимались Б. Копылов, А. Сокульский и А. Бодянский. К сожалению, ее территория в значительной мере разрушена водами Каховского водохранилища. На уцелевшем участке памятника совместной экспедицией Института археологии НАН Украины и Историко-культурного заповедника на о. Хортица в течение трех лет проводились стационарные раскопки (Козловський, 1992, с. 15–25).

В начале XX столетия небольшие разведочные работы были проведены В. Гошкевичем и на Олешковской сечи, просуществовавшей с 1711 по 1728 г. Материалы раскопок были переданы в Херсонский краеведческий музей. К сожалению, в советский период казацкие памятники почти не исследовались, за исключением тех, что были связаны с историей национально-освободительной войны против Польши 1648–1654 гг. и деятельностью Богдана Хмельницкого. С постепенным изменением политической ситуации в последние годы существования СССР и после его распада, формированием концепций исторического развития Украины, интерес к казацким памятникам значительно возрастает.

В процессе работ 1982–1992 гг. на острове Хортица, где в середине XVI в. была основана первая казацкая Сечь, зафиксированы артефакты турецкого происхождения. Так, в казацком зимовнике, который датируется второй четвертью XVIII в., были найдены многочисленные фрагменты пиал и чашечек из фаянса и фарфора турецкого и, возможно, китайского производства и, в частности, типичная пиала производства Кютахьи XVIII в., казацкие и турецкие курительные трубки (Козачок, 1993, с. 69–77).

С начала 90-х гг. важную роль в расширении исследований казацких памятников играет Научно-исследовательское общество «Часы ко-

зацки». В 1991 г. экспедиция «Сечи Запорожские» провела значительные археологические разведки и раскопки на трех Сечах Нижнего Днепра: Хортицкой, Каменской и Олешковской.

На протяжении нескольких сезонов 1990–1994, 2000 и 2003 гг. раскопок на территории Олешковской Сечи Д. Я. Телегиным и Е. Н. Титовой наряду с изделиями местного производства были найдены и предметы турецкой культуры: фаянсовые чашечки, изготовленные в известном центре производства художественной керамики Турции — Кютахья, посуда из стекла, курительные трубки (Титова, Бойко, 1995, с. 5–9; Титова, 1999, с. 14; Телегин, Титова, 2003, с. 67–68).

В 90-е годы начаты исследования казацких памятников Приазовья, в частности Мариуполя и его окоелиц. Здесь найдены не только материалы османской культуры, но и гончарный брак производства курительных трубок, похожих по декору на турецкие образцы (Кучугура, Саенко, 1998, с. 178–187).

На территории Богородицкой крепости, существовавшей в 1688–1711 гг. (на территории современного Днепропетровска), найдена серия курительных трубок, представленных типично казацкими образцами и экземплярами с турецкими чертами в орнаментации и особенностях формы, предметы поясного набора, пуговицы с орнаментом трилистника, фрагменты турецкой художественной керамики производства Изника и Кютахьи (Титов, 2000, с. 26–31; Харитоновна, 2008, с. 372).

Как свидетельствуют археологические исследования последних лет, предметы турецкой материальной культуры фиксируются практически по всей Украине: при раскопках городов, замков, поселений, мест военных сражений.

В Киеве находки турецкой художественной керамики производства Изника и Кютахьи и курительных трубок отмечены на территории Вознесенского женского монастыря и в домах состоятельных киевлян (Чміль, 2005, с. 60–64). На территории Левобережной Украины широкое распространение получила турецкая художественная и поливная керамика, прежде всего из Кютахьи. Турецкая керамика из Изника и Кютахьи найдена и на западе Украины, например в известном в исторической литературе замке Ракочи (Сіцінський, 1994, с. 41; Погорілець, Стопенчук, 2001, с. 48–53; Погорілець, Стопенчук, 2002, с. 24–28; Демидко, Погорілець, Стопенчук, 2004, с. 5–7). С накоплением материалов исследований замков в западной части Украины наблюдается расширение географии находок турецких артефактов.

Находки турецких курительных трубок XVIII в. отмечены на территории г. Переяслава-Хмельницкого и пригородов, в Чигирине (Попованова, Горишний, 1998, с. 157–161; Юрченко, 2008, с. 373–375). Аналогичные трубки известны из раскопок и других левобережных и правобережных памятников: в Полтаве, Харькове, замках Подолья, Львова, на месте Берестецкой битвы и других памятниках Украины XVII–XVIII вв. (Археологія, 1997, с. 104–105; Чайка, 2004, с. 169–177 и др.). Зачастую трубки местного производства имитировали турецкие

образцы. Так, близки к турецким образцам некоторые типы курительных трубок, производившихся в Циблях вблизи Переяслава-Хмельницкого, на Полтавщине (Тетеря, Якименко, 1998, с. 127–130; Коваленко, 2009).

Таким образом, в последнее десятилетие XX — начале XXI в. сложилось новое направление исторической археологии — исследование османских памятников в Украине. Разработаны основы научных подходов к изучению и интерпретации историко-культурного наследия турецкой культуры, контактов и взаимодействия тюркского и славянского мира в процессе их длительного сосуществования. При этом важным моментом исследований является преодоление стереотипов и идеологических нагромождений, противопоставления народов и их культур. Разработка османской проблематики показала необходимость дальнейшего картографирования памятников, каталогизации коллекций османских артефактов в музейных собраниях и их публикации, продолжения комплексных историко-археологических исследований.

## Литература

Археологія доби українського козацтва. Киев, 1997.

Біляєва С. О., Ерсой Б. Дослідження Карантинного двору Білгород-Дністровської фортеці. // Нові дослідження козацької доби в Україні. Вип. 11. Киев, 2002.

Біляєва С. О. Археологічні дослідження Очакова // BORISTHENI-KA–2004. Матеріали міжнародної наукової конференції к 100-літтю начала исследований острова Березань Э. Р. фон Штерном. Николаев, 2004.

Біляєва С. О. Відновлення планувальної структури Портового двору Аккерманської фортеці: нові відкриття // IX Сходознавчі читання А. Кримського. Киев, 2005.

Бертъе-Делагард А. Л. Каталог карт, планов, чертежей, рисунков, хранящихся в Музее Императорского общества истории и древностей. Одесса, 1888.

Бертъе-Делагард А. Л. Сообщения о виденных в Петербурге нумизматических коллекциях и о картографических документах архива Главного Штаба. Т. XIX. ЗООИД, 1896.

Бертъе-Делагард А. Л. О состоянии Аккерманской крепости // Т. 22. ЗООИД, 1900.

Бертъе-Делагард А. Л. К вопросу о местонахождении Маврокастона «Записки готского топарха» // Т. 33. ЗООИД. Одеса, 1919.

Богуславский Г. С. Поливная керамика из раскопок Белгород-Тирской экспедиции (1996–1998 гг.) // Tyrag-Belgorod. — Bucuresti, 2002; Богуславський Г. С. Нові дані про зв'язки середньовічного Білгороду з ранньоосманською Анатолією. Україна і Туреччина. Киев, 2003; Богуславський Г. С. Поливная керамика с кобальтовой росписью из золотоордынского Белгорода (по материалам раскопок 1997 года) // По-

ливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев, 2005.

Буйських С. Б., Ієвлев М. М. Про осіле населення Понізь Дніпра та Південного Бугу у X–XIII ст. — Археологія. 1991, № 4.

Бураков А. В. Полив'яний посуд з городища Дніпровське–2. — Археологія. 1991, № 4.

Гошкевич В. И. Летопись Херсонского музея за 1913 г. Вып. 5. Херсон, 1914.

Гумашьян С. В. Исследования на территории крепости Измаил в 1994–1996 годах // Археологічні дослідження в Україні 1994–1996 рр. Киев, 2000.

Демидко С., Погорілець О., Стопенчук С. Дослідження пізньосередньовічного укріплення XVI ст. поблизу смт Меджибіж Летичівського району Хмельницької області в польовому сезоні 2003 р. // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Вип. 13. Киев, 2004.

Дмитров Л. Д. Розкопки в Тірі — Акермані — Білгороді-Дністровському // Археологія. Т. 2. Киев, 1948.

Дмитров Л. Д. Білгород-Дністровська археологічна експедиція // АП УРСР. Т. 2. Киев, 1949.

Дмитров Л. Д. Розкопки в м. Білгород-Дністровському в 1947 р. // АП УРСР. Т. 4. Киев, 1952.

Дмитров Л. Д. Отчет о раскопках городища в с. Любимовка Каховского р-на Херсонской обл. в 1951 г. 1951/46.

Дмитров Л. Д., Копилов Ф. Б. Отчет о работе Любимовского отряда Бериславо-Каховской экспедиции за 1951 г. // НАН ИА НАНУ, 1952/3а.

Добролюбский А. О. Стратиграфия турецкого Измаила и ее исторические комментарии // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Тезисы докладов и сообщений научно-практической историко-краеведческой конференции. Белгород-Днестровский, 1990.

Дынник И. Н. Керамический комплекс Измаила XVI–XVII вв. // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Тезисы докладов и сообщений научно-практической историко-краеведческой конференции. Белгород-Днестровский, 1990.

ЗООИД. Т. XXVI. Одесса, 1906.

Збірник матеріалів Одеської крайової комісії для охорони пам'яток матеріальної культури та природи // Н. К. О. УСРР — УПРНАУКА, 1927.

Коваленко О. Глиняні люльки XVII–XVIII століть (за матеріалами Полтавщини). Опішне, 2008.

Козачок Н. Строения казацкого зимовника на о. Хортица в усть балки Великая Молодняга // Археологічні дослідження пам'яток українського козацтва. Вип. 2. Киев, 1993.

Козловський А. О. Особливості будівництва житлових споруд на Кам'янській Січі // Нові дослідження пам'яток українського козацтва. Вип. 1. Киев, 1992.

Кравченко А. А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII–XIV в.). Киев, 1986.

Крыжицкий С. Д., Клейман И. Б. Раскопки Тиры в 1963 и в 1965–1976 гг. // Античная Тира и средневековый Белгород. Киев, 1979.

Кучугура Л., Саенко Р. Козацькі старожитності м. Маріуполя та його околиць // Дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Вип. 7. Киев, 1998.

Майстренко А. В. Памятники археологии Кинбурнского полуострова. // V Миколаївська обласна краєзнавча конференція «Історія, етнографія, культура. Нові дослідження». Миколаїв, 2004.

Малюкевич А. Е. Охрана и исследование памятников археологии в Одесской области // Сборник научных статей. Вип. 1. Одесса, 1999.

Мирущенко О. Колекції козацьких речей Бодяньського О. В. // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Вип. 10. Киев, 2001.

Мурзакевич Н. Кизикерменские памятники. // ЗООИД. Т. 10. Одесса, 1877.

Оленковський М. Турецькі археологічні та історичні пам'ятки в пониззі Дніпра (проблеми охорони та дослідження) // Україна і Туреччина. Тези доповідей міжнародної наукової конференції з нагоди 80-річчя заснування Турецької Республіки. Киев, 2003.

Погорілець О., Стопенчук С. Про початок систематичного вивчення замчища «Ракочі», розташованого поблизу смт Меджибожа Летичівського району Хмельницької області // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Вип. 10. Киев, 2001.

Погорілець О., Стопенчук С. Дослідження залишків укріплення періоду пізнього середньовіччя поблизу смт Меджибіж Летичівського району Хмельницької області // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Вип. 11. Киев, 2002.

Попованова О., Горишний П. Люльки XVII–XVIII ст. Из фондів Національного історико-культурного заповідника «Чигирин» // Нові дослідження козацької доби в Україні. Вип. 7. Киев, 1998.

Рабинович М. Г. Молдавский дом XV в. из Белгорода-Днестровского // Тези пленарних і секційних доповідей XV наукової конференції ІА АН УРСР. Одеса, 1972.

Самойлова Т. Л., Кожукару В., Батизат Г. В., Богуславский Г. С., Смольянинова С. П. Исследования античной Тиры и средневекового Белгорода // Археологічні відкриття в Україні 1998–1999 рр. Киев, 1999.

Сапожников И. В., Солодова В. Перелік карт та планів, які стосуються Хаджибея (Одеси) та Буго-Дністровського межиріччя, другої половини XVIII ст. // Одеса, 1999.

Сапожников И. В., Бруяко И. В. Белгород-Днестровская крепость как памятник военно-инженерного искусства: основные этапы истории конца XIV–XIX вв. // Stratum plus, 2000, № 5.

Сапожников И. В. Картографические материалы по археологии, истории и географии низовий Буга и Дніпра: работы А. П. Чиркова 1863–1866 гг. // Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження. Матеріали III-ї Миколаївської обласної краєзнавчої конференції. Миколаїв, 2000.

Сапожников И. В. Лівобережне Подністров'я в середині XVIII століття за даними картографії // КС., 2000, № 5.

Сапожников И. В. Новый архивный документ середины XVI века по истории Северного Причерноморья и Кучубея — предшественника Одессы // Архив. Документ. Історія. Сучасність. Одеса, Друк., 2001.

Сапожников И. В., Кожукару В. Российские карты земель Юго-Западной Украины и Молдовы времен войны 1768–1774 гг. // Историко-культурна спадщина Нікопольського району та проблеми історії запорозького козацтва. Матеріали науково-практичної конференції. Нікополь, 2001.

Сапожников И. В. Миссия Лафета-Клаве в Северном Причерноморье: 1784–1789 годы // Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження. Матеріали IV-ї Миколаївської обласної краєзнавчої конференції. Миколаїв, 2002.

Сапожников И. В., Сапожникова Г. В. Археологічні пам'ятки // Край Овідія: археологія і історія Овідіопольського району. Одеса, 2005.

Сапожников И. В. Край під владою Золотої Орди, Литви, Кримського ханства та Туреччини: друга половина XIII — 1789 р. // Одеса, 2005.

Сіциньський Ю. Й. Оборонні замки західного Поділля XIV–XVII ст. Кам'янець-Подільський, 1994.

Славін Л. М. Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників Ольвійського оточення у 1949–1950 рр. Т. V. АП УРСР, 1955.

Столярик Е. С. Турецкая художественная керамика XVI в. из Белгорода-Днестровского // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1982.

Телегін Д. Я., Титова О. М. Археологічні дослідження Олешківської Козацької Січі // Україна і Туреччина. Тези доповідей міжнародної наукової конференції з нагоди 80-річчя заснування Турецької Республіки. Киев, 2003.

Тетеря Д., Якименко О. Колекція пізньосередньовічних керамічних люльок з с. Циблі // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Вип. 7. Киев, 1998.

Тимченко В. Османська фортеця Аслан-Кермен на Дніпрі (за археологічними та письмовими джерелами) // Україна — Туреччина: минуле, сучасне та майбутнє. Киев, 2004.

Титов В. Фортеці на території м. Дніпропетровська // Нові дослідження козацької доби в Україні. Вип. 9. Киев, 2000.

Титова О., Бойко В. Дослідження куреня на Олешківській січі // Дослідження археологічних пам'яток українського козацтва. Вип. 4. Киев, 1995.

Титова О. Комплекс матеріальних залишків з куреня Олешківської Січі // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Вип. 8. Киев, 1999.

Фабрициус И. В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951.

Харитоновна О. Гутне скло XVII–XVIII ст. з посаду Богородицької фортеці // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Вип. 16. Київ, 2007.

Харитоновна О. Українське гутне скло в турецькому археологічному комплексі XVII століття // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Вип. 17. Київ, 2008.

Чайка Р. Керамічні люльки із Жовківщини // Археологічні дослідження Львівського університету ім. І. Франка. Вип. 7. Львів, 2004.

Чміль Л. Турецька кераміка XVII–XVIII ст. з території Михайлівського Золотоверхого монастиря // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Вип. 14. Київ, 2005.

Шлапак М. Белгород-Днестровская крепость. Кишинев, 2001.

Шлапак М. Е. Бастионная крепость Белгорода-Днестровского // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Вип. 15. Київ, 2006.

Штерн Э. Р. О последних раскопках в Аккермане. Т. 23. ЗООИД, 1901.

Штерн Э. Р. О последних раскопках в Аккермане летом 1912 г. // Т. 31. ЗООИД, 1913.

Юрченко О. Турецькі фаянсові люльки з Переяслава-Хмельницького // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Вип. 17. Київ, 2008.

Finkel C., Ostapchuk V., Bilyayeva S., Mathieu J. Historical-archaeological investigations in Aqkerman fortress, Ukraine 2006 // Anatolian Archaeology, vol. 12, 2006.

Finkel C., Bilyayeva S., Ostapchuk V. Historical-archaeological investigations in Aqkerman (Bilhorod-Dnistrovsky) fortress, Ukraine, 2008 // Anatolian Archaeology, vol. 14, 2008.

## Список сокращений

АП УРСР — Археологічні пам'ятки Української РСР

ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей

НАН ИА НАНУ — Научный архив Института археологии Национальной Академии Наук Украины

Н. К. О. УСРР — УПРНАУКА — Наркомат освіти УСРР — Управление Наука



Е. Грозданова (Болгария, София)

## Современное состояние и перспективы болгарской османистики (1999–2009 гг.)

*Посвящаю с любовью и признательностью  
Анне Степановне Тверитиновой*

Османистика — это отрасль науки, тесно взаимосвязанная с исследованиями по болгарской и балканской истории XV–XIX вв. В Болгарии она традиционно развивалась по нескольким направлениям. О состоянии и перспективах болгарской османистики имеется значительная историографическая литература.

Особого внимания заслуживает подготовленный и опубликованный в 1987 г. совместными усилиями десятка болгарских османистов (среди которых М. Тодорова, В. Стоянов, М. Михайлова-Мривкарлова, М. Стайнова, Цв. Георгиева, Е. Радушев, С. Иванова, Е. Грозданова) и других специалистов по балканской истории (Й. Списаревска, Ек. Вечева) сборник историографических исследований под названием «Болгария в XV–XVIII вв.»<sup>1</sup>. В периодической печати опубликованы статьи историографического характера различных авторов с их индивидуальными оценками, мнениями и акцентами относительно состояния и перспектив болгарской османистики, а также историографические обзоры в исследованиях по болгарской и балканской истории т.н. «османского» периода<sup>2</sup>.

Однако в подлинном смысле слова «изобилие» историографических исследований подобного рода появилось в последние два десятилетия, на рубеже XX и XXI в. Это явление, как и высказанные в этих публикациях мнения, иногда резко противоречащие друг другу, в определенной степени связано с произошедшими в стране политическими переменами и их влиянием на гуманитарные и общественные науки. В конечном итоге тенденция тотального отрицания всего и всех в «переходный» период сравнительно быстро проходит, сменяясь поиском необходимого балан-

<sup>1</sup> България през XV–XVII вв. Историографски изследвания. София, 1987.

<sup>2</sup> См.: Grozdanova E. Contemporary Bulgarian Historiography (1971–1980) on the Impact of Ottoman Rule on the Development of the Bulgarian People during the Period from the 15<sup>th</sup> through the 18<sup>th</sup> Century // Bulgarian Historical Review, 1981, № 4; Грозданова Е. Болгарская историография о некоторых проблемах истории болгарского народа под османским господством (XV–XVIII вв.) // Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М., 1986; Todorova M. Die Osmanenzeit in der bulgarischen Geschichtschreibung seit der Unabhängigkeit // Die Staaten Südosteuropa und die Osmanen. München, 1989.

са между преемственностью и обновлением, столь важным для науки, как впрочем и для любой человеческой деятельности<sup>3</sup>.

В этом смысле весьма интересен сравнительный анализ развития османистических исследований в Болгарии и Венгрии — стране, также находящейся в состоянии политического перехода, с давними традициями и серьезной школой в области османистики<sup>4</sup>. Неслучайно подобный круг вопросов рассматривался на круглом столе по теме «Венгерская и болгарская историография в ходе европейской интеграции», состоявшемся в Софии в мае 2007 г. Во время болгаро-венгерской научной конференции «Нации и меньшинства Юго-Восточной Европы», где особенно было подчеркнута значение преемственности и обновления в качестве важного условия поступательного развития исторической науки, в частности османистики<sup>5</sup>.

Выражением заслуженного признания несомненного вклада ряда выдающихся болгарских ученых-османов, сформировавших облик болгарской османистики в Болгарии и за ее пределами, служит серия юбилейных сборников, опубликованных именно в период 1999–2009 гг. В первую очередь здесь следует назвать издания, подготовленные в честь двух представителей болгарской османистики, имеющих международную известность, которых, к сожалению, уже нет с нами: академика Веры Мутафчиевой<sup>6</sup> и члена-корреспондента Страшимира Димитрова<sup>7</sup>. Юбилейным сборником отмечено 70-летие профессора Цветаны Георгиевой<sup>8</sup> и 60-летие старшего научного сотрудника I степени Стоянки Кендеровой<sup>9</sup>, связавших свою научную деятельность с Историческим факультетом Софийского университета им. Св. Климента Охридского,

<sup>3</sup> Draganova Sl., Dimitrov Str. Bulgaristan'da Osmanlı Araştırmaları. I. Draganova Sl. Bulgaristan'da son 50 yıl içinde Osmanlı dönemi araştırmaları; II. Son 50 yıl Bulgaristan'da Tanzimat döneminin araştırılması; III. Dimitrov Str. Ottoman Studies in Bulgaria after the Second World War. — In: Türk Tarih Kongresi. Ankara, 4–8 ekim 1999. Kongreye Sunulan Bilgiler 401–410 (I); 411–420 (II); 421–458 (III); Grozdanova E. Българската османистика на границата между две столетия — приемственост и обновление // Исторически преглед. 2005, № 1–2; Grozdanova E. Bulgarian Ottoman Studies at the Turn of Two Centuries: Continuity and Innovation // Etudes balkaniques. 2005, № 3; Георгиева Цв. Изследванията по история на българския народ през ранните столетия на османското владичество в хода на поредния балкански преход // Предизвикателствата на промяната. София, 2006; еѐ же. Османистичните изследвания в съвременната българска историография // Годишник на Нов български университет. Департамент история. III. Юбилеен сборник в чест на проф. Цв. Георгиева. София, 2009.

<sup>4</sup> Grozdanova E. Европейските провинции на Османската империя през XVI–XVII в. в най-новите трудове на унгарски и български историци (1985–1996). Опит за сравнителен анализ и паралели // Исторически преглед. 1997, № 3.

<sup>5</sup> См.: Grozdanova E. Folytonosság és megújulás a bolgár oszmanisztika legutóbbi évtizedében (1997–2007) // Bulgarian-Hungarian Scholary Forum. II. Sofia, May 16–18, 2007. Papers. <http://www.ihist.bas.bg/sekci/PINI/izsled-konfer.htm>.

<sup>6</sup> Проучвания в чест на професор Вера Мутафчиева. София, 2001.

<sup>7</sup> Изследвания в чест на чл. -кор. професор Страшимир Димитров // Studia balcanica 23. I–II. София, 2001; Rhodorica. Смолян, 2002, № 1–2. Посвещават се на 70-годишнината от рождението на чл. -кор. проф. Страшимир Димитров.

<sup>8</sup> Етнически и културни пространства на Балканите. Сборник в чест на проф. Цветана Георгиева I. Миналото — исторически ракурси. II. Съвременност — етнологички дискурси. София, 2008; Годишник на Нов български университет. Департамент история. III. Юбилеен сборник в чест на проф. Цв. Георгиева. София, 2008.

<sup>9</sup> Общуване с Изтока. Юбилеен сборник, посветен на 60-годишнината на Стоянка Кендерова. София, 2007.

Новым болгарским университетом, Восточным отделом Национальной библиотеки им. Святых Кирилла и Мефодия в Софии и Университетом гуманитарных наук им. Марка Блока в Страсбурге. Отдельные статьи по османистике<sup>10</sup> также включены в сборник, посвященный профессору Дженгизу Хакову<sup>11</sup> (Институт балканистики БАН), хотя юбиляр исследует преимущественно проблемы республиканского периода соседней Турции. И наконец, в этом внушительном списке следует отметить и юбилейный сборник «50 лет преподавания тюркологии в Софийском университете им. Святого Климента Охридского»<sup>12</sup>, где получили высшее образование многие будущие болгарские османисты, проявившие себя впоследствии на научном поприще.

Ожидается выход в свет сборника в честь 70-летнего юбилея Марии Михайловой-Мръвкаровой, много лет преподающей в Софийском университете, а до этого руководившей Восточным отделом Национальной библиотеки им. Святых Кирилла и Мефодия. Ее перу принадлежат две недавно вышедшие монографии.

Первая книга, опубликованная в 2005 г., — «Следы влияния болгарского языка на язык османских документов (XV–XIX вв.)» — отмечает до 160 болгарских слов с указанием сотен османских документов, в которых они используются, причем написанных на арабике, порой в очень искаженном виде<sup>13</sup>. Вторая книга — «Введение в османскую сфрагистику» (2006)<sup>14</sup> заполняет существовавший ранее пробел в исследованиях болгарских османистов.

Даже беглый взгляд на список авторов, участвовавших в подготовке указанных выше юбилейных сборников, дает представление о нескольких поколениях болгарских османистов, успешно проявивших себя на научном поприще в последнее десятилетие, а также и о выбранных ими направлениях исследовательской работы. Можно констатировать, что в 1999–2009 гг. разрабатывались три основных направления османистики:

1. Публикация османских источников и источниковедение.
2. Исследования в сфере османской дипломатики, палеографии и других вспомогательных исторических дисциплинах.
3. Изучение истории болгарских и других земель Европейского Юго-Востока и населявших их народов в составе некогда могущественной Османской империи.

<sup>10</sup> См.: Мейер М. С. Причины и следствия от кризата в руско-турските отношения в 1569 г.; Грозданова Е., Андреев Ст. Оризарите — челтюкчи в централния и източния дял на Балканиите (XV–XVII в.).

<sup>11</sup> Турция — Балканиите — Европа. История и култура. Изследвания в чест на професор Дженгиз Хаков. София, 2003.

<sup>12</sup> 50 години специалност Тюркология в Софийския университет «Свети Климент Охридски». Юбилеен сборник. София, 2004.

<sup>13</sup> Михайлова-Мръвкарова М. Следи от влиянието на българския език върху езика на османските документи (XV–XIX века). София, 2005. Подробно об этом исследовании см.: Грозданова Е. За българските лексикални заемки в османските документи XV–XIX в. // Исторически преглед, 2007. № 5–6.

<sup>14</sup> Михайлова-Мръвкарова М. Увод в османската сфрагистика. София, 2006. См. рец. Е. Гроздановой — Bulgarian Historical Review, 2008, № 1–2.

## 1. Поиск, публикация, перевод и анализ османских документальных и нарративных источников

Это особенно продуктивное направление болгарской османистики. В этом отношении болгарские османисты опираются на богатые документальные и рукописные коллекции Восточного отдела Национальной библиотеки им. Святых Кирилла и Мефодия (НБКМ) в Софии и продолжают их исследовать. В 2001 г. вышел в свет в переводе на болгарский язык и с аннотациями на французском языке 8-й том из известной серии издательства БАН «Турецкие источники по болгарской истории» (ныне — 13-й том в новой серии «Архивы говорят» Главного управления архивов). Это объемный корпус тематически подобранных османских документов, преимущественно джизие реестров<sup>15</sup>. В его подготовке приняли участие почти все болгарские османисты. Корпус позволяет проследить в развитии (особенно в сопоставлении с предыдущим, 7-м томом ТИБИ)<sup>16</sup> состояние и демографический потенциал христианского и остального немусульманского населения в нескольких тысячах поселений в болгарских и соседних землях за весь XVII в.

В последнее десятилетие начинает давать плоды и двусторонний обмен копиями османских документов между архивами Республики Болгария и Турции<sup>17</sup>. Подтверждением этого является ценное для болгарской истории документальное издание о Самокове и Самоковской казе в XVI в., подготовленное Р. Ковачевым на основе османских реестров, хранящихся в архивах Стамбула (2000)<sup>18</sup>, а также опубликованная в 2003 г., переведенная на болгарский язык и прокомментированная М. Калицин и Кр. Мутафовой серия разнородных по своему виду и характеру османских документов из архивов Стамбула, Анкары и Софии, касающихся истории Тырново и Тырновской казы<sup>19</sup>.

Благодаря столь опытному и компетентному османисту как Мария Калицин в настоящее время продолжается и давняя традиция болгарской османистики — публикация на болгарском языке, анализ и комментарий османских нарративных источников. В 2000 г. вы-

<sup>15</sup> Архивите говорят. Т. 13. Турски извори за българската история. Предговор и съставителство — Е. Грозданова. Превод и коментар: С. Андреев, А. Велков, Е. Грозданова, П. Груевски, С. Димитров, С. Иванова, М. Калицин, С. Кендерова, А. Минков, М. Михайлова-Мръвкарва, Е. Радушев, Р. Стойков, М. Тодорова. Показалци и терминологичен речник: С. Андреев, З. Иванова. Под редакцията на: С. Андреев, С. Димитров. София, 2001.

<sup>16</sup> Извори за българската история. XXVI. Турски извори за българската история. VII. Съставили и коментирали: Ст. Андреев, Асп. Велков, Е. Грозданова, П. Груевски, Стр. Димитров, М. Калицин, М. Михайлова-Мръвкарва. Под редакцията на: Стр. Димитров, Е. Грозданова, Ст. Андреев. София, 1986.

<sup>17</sup> См.: Радушев Е., Ковачев Р. Опис на регистри от Истанбулския османски архив към Генералната дирекция на Държавните архиви на Република Турция. София, 1996.

<sup>18</sup> Ковачев Р. Самоков и Самоковска каза през XVI век според описи от Истанбулския османски архив. Ред. чл. -кор. проф. Стр. Димитров. София, 2001.

<sup>19</sup> Калицин М., Мутафова Кр. Подбрани османски документи за Тырново и Тырновска каза. Отв. редактор Ст. Андреев. В. Тырново, 2003.

шла в свет первая часть произведения Ходжа Садедина «Корона историй»<sup>20</sup>.

Следует отметить и такое достижение болгарской османистики (хотя это выходит за рамки последнего десятилетия), как публикация документального корпуса об османских военных гарнизонах по Среднему Дунаю в середине XVI в. Опубликованный на английском языке в Будапеште в 1996 г., он основывается на объемном османском источнике 1549–1550 гг., хранящемся в Австрийской национальной библиотеке. Данные, которые в нем содержатся, имеют особую значимость как для истории Венгрии, так и для всех балканских провинций Османской империи. Расшифровка, перевод и транскрипция адаптированной арабицы осуществлены благодаря высокому профессионализму Асп. Велкова и Е. Радушева, а вводная статья принадлежит ныне покойному члену корреспонденту Стр. Димитрову<sup>21</sup>.

Параллельно с публикациями османских источников (особенно благодаря коллегам-османистам Восточного отдела НБКМ в Софии) продолжает осуществляться трудоемкая, не всегда благодарная, но чрезвычайно полезная работа по подготовке и опубликованию каталогов и описей подобного рода документов, зачастую сгруппированных тематически; это облегчает научно-исследовательскую работу по той или иной проблеме не только болгарским, но и зарубежным исследователям Османской империи и Балкан в XV–XIX вв. Неслучайно в последнее время намечается тенденция, заложенная еще много лет назад Ст. Кендеровым, публиковать подобные описи с целью более широкой доступности на английском языке, а в отдельных своих частях — и на двух или трех языках (в данном случае на арабском и русском языках)<sup>22</sup>. В 2003 г. Восточным отделом НБКМ полностью на английском языке издан очень важный перечень османо-турецких вакуфных реестров как первая часть более широкомасштабного по замыслу начинания, осуществленного совместными усилиями Е. Радушева, Св. Ивановой и Р. Ковачева<sup>23</sup>. В некоторых случаях подходящим является также географический принцип, если можно так сказать, при подборе и источниковедческого обзора османо-турецких документов<sup>24</sup>.

Помимо объемных изданий тематически подобранных документов, осуществленных совместными усилиями научных коллективов, именуются

<sup>20</sup> Калицин М. Корона на историите на Ходжа Садедин. I част. В. Търново, 2000.

<sup>21</sup> Ottoman Garrisons on the Middle Danube. Based on the Austrian National Library MSMXT 562 of 956/1549–1550. Transcr. and transl. by A. Velkov, E. Radushev. With an Introduction by Str. Dimitrov. Budapest, 1996.

<sup>22</sup> Опис на документите на арабски език, запазен в Ориенталския отдел на Народната библиотека «Кирил и Методий» в София. XIII–XX в. (Inventory of the Documents in Arabic Language Kept in the Oriental Department of the «Cyril and Methodius» National Library in Sofia. XIII–XX c.) София, 1984.

<sup>23</sup> Radushev E., Ivanova Sv., Kovachev R. Inventory of Ottoman Turkish Documents about Waqf Preserved in the Oriental Department at the St. St. Cyril and Methodius National Library. Part 1–Registers. Sofia, 2003.

<sup>24</sup> См.: Ivanova Sv. Ottoman Documents about Crete Preserved in the Oriental Department of the Sts Cyril and Methodius National Library in Sofia. — In: The Eastern Mediterranean Under Ottoman Rule: Crete, 1645–1840. Ed. A. Anastasopoulos. Rethymno, 2008.

также публикации отдельных интересных османо-турецких источников, сопровождаемых соответствующим анализом и комментариями, порой в виде таблиц<sup>25</sup>. Некоторые из этих документов полезны не только для науки, но и социальной практики и особенно для растущего в последнее время среди болгарского населения мусульманского вероисповедания в Родопях интереса к своему происхождению. Например, заслугой Ст. Кендеровой — руководителя Восточного отдела НБКМ — является публикация «Поименного списка населения Чепинского корыта с начала XVI века (1515–1516)»<sup>26</sup>. В других же случаях, как в указанной публикации Хр. Атанасова, предварительный анализ соответствующего документа является скорее прелюдией и своеобразным анонсом намерений подготовить и опубликовать его в ближайшее время как самостоятельное издание.

Не будет лишним отметить, что в 1999–2009 гг. сделано немало и для преодоления т.н. «фетишизации» (слова М. Тодоровой) османских материалов. Публикуются и источники XV–XVIII вв. и другого происхождения. В частности заслуживают внимания документы, извлеченные из болгарских<sup>27</sup>, дубровницких<sup>28</sup>, западноевропейских<sup>29</sup> и прочих архивов, публикация которых была осуществлена в последние годы.

## **2. Исследования в сфере османской дипломатики, палеографии и других вспомогательных исторических дисциплин**

Следует отметить заслуги болгарских османистов и в этой области, хотя некоторые из наших ведущих специалистов этого направления (В. Стоянов) в последнее время переориентировались и теперь работают в других научных областях. Верным своему интересу к проблемам османской дипломатики и палеографии остается Асп. Велков, который в 2002 г. выпустил двуязычное издание (на болгарском и французском языках)

<sup>25</sup> Kowačev R. Register aus dem osmanischen Archiv in Konstantinopel für die Stadt Varna und ihre Umgebung (zweite Hälfte des 16. Jh.). — Bulgarian Historical Review, 2003, № 1–2; Кендерова Ст. Нов извор за соколарите от село Драгиново, Велинградско. — Исторически преглед, 2003, № 1–2; Атанасов Хр. Тевзи дефтер на Видинските вилаетски разходи от 7 май — 4 юни 1788 г. В: Етнически и културни пространства на Балканите. Т. I.

<sup>26</sup> Кендерова Ст. Поименен списък на населението на Чепинското корито от началото на XVI век (1515–16 г.) // Поредица Цепина. I. Извори за миналото на Чепинско. Пазарджик, 2006.

<sup>27</sup> Христова Б., Караджова Д., Узунова Е. Бележки на българските книжовници X–XVIII век. Т. 2. XVI–XVIII век. София, 2004.

<sup>28</sup> Архивите говорят. Т. 10. Дубровнички извори за българската история. Състав., превод и коментар. И. Спсаревска. София, 2000.

<sup>29</sup> Schwarcz I., Spevak St., Večeva E. Hoffnung auf Befreiung. Dokumente aus Österreichischen Archiven zur Geschichte Bulgariens (1687–1690). Miscellanea Bulgarica 15. Verein «Freunde des Hauses Wittgenstein». Bulgarischen Forschungsinstitut in Österreich. Wien, 2004; См. также: Сярова Н. Един италианец в двора на султана. Джовани Антонио Менавино // «Пет книги за нравите, обичаите и живота на турците». София, 2004.

под заглавием «Тайнопись в Османской империи. Шифры и коды»<sup>30</sup>. Асп. Велков и другой известный болгарский специалист в этой области Ст. Андреев — подготовили очередные два тома, посвященные различным типам водяных знаков в османо-турецких документах как продолжение их раннего совместного труда, посвященного водяному знаку «три луны»<sup>31</sup>. Бесспорной заслугой Ст. Андреева является и то, что на основе своего 40-летнего опыта непосредственной работы с османскими документами в Восточном отделе НБКМ и в иностранных архивах он сумел подготовить и опубликовать в 2002 г. подробный словарь названий селений XV–XIX вв. в сегодняшних границах Болгарии (с сопоставлениями на арабице, латинице и кириллице), что делает его исключительно ценным для османистов, особенно при их работе с реестровым материалом<sup>32</sup>. Уже выше упоминалось о значительном вкладе М. Михайловой-Мривкаровой в почти неразработанную у нас до настоящего времени область — османскую сфрагистику<sup>33</sup>.

Что же касается османской эпиграфики, в последнее десятилетие ею занимается лишь К. Венедикова. При всей своей продуктивности она остается «должником» болгарской науки, пока не подготовит и опубликует обобщающий труд с необходимым анализом и комментарием, используя весь внушительный по объему и интересный для исследователей арабописьменный эпиграфический материал, собранный ею и частично опубликованный в десятках статей в различных научных журналах и сборниках<sup>34</sup>.

3. В условиях динамичных перемен на рубеже XX и XXI вв., при столь естественном и полезном соприкосновении различных поколений ученых (но и неизбежной их смене), достаточно отчетливо прослеживаются процессы обновления в отношении проблематики и исследовательского подхода при изучении болгарской и балканской истории в османский период, а также истории Османской империи в целом. Сразу же

<sup>30</sup> Велков Асп. Тайнописи в Османската империя. Шифри и кодови. (Les écritures secrètes de l'Empire Ottoman. Chiffres et Codes.) София, 2002.

<sup>31</sup> Велков Асп., Андреев Ст. Водни знаци в османотурските документи. I. Три луни. София, 1983.

<sup>32</sup> Речник на селищните имена и названия на административно-териториални единици в българските земи през XV–XIX в. Състав. Ст. Андреев. Архивни справочници, № 5. София, 2002.

<sup>33</sup> См. сноску 14.

<sup>34</sup> См.: Венедикова К. Эпиграфски паметници на арабско писмо като извор за историята на мюсюлманската култура // История на мюсюлманската култура по българските земи. Изследвания. Състав. и отв. редактор Р. Градева. София, 2001; еѐ же. Към историята на село Горна Крепост в Източните Родопи. (По данни от епиграфски паметници на арабско писмо.) // Rhodopica, 2002, № 1–2; еѐ же. Надписи от Археологическия музей в София и връзката им с паметници от други райони // Нумизматика, сфрагистика и епиграфика. 1. 2004; еѐ же. Строителен надпис над вратата на тюрбето в с. Текето, Хасковско // Известия на регионалния исторически музей-Хасково. Т. III. 2006; еѐ же. Надписи в чест на преподаватели (модерристи) // Нумизматика, сфрагистика и епиграфика. 3. Ч. 2. 2007; еѐ же. Надписи от град Кюстендил // Известия на Историческия музей-Кюстендил. Т. XIV. 2007; еѐ же. Эпиграфски паметници от Разград и Разградско // Изследвания в памет на акад. Анание Явашов. София, 2007; еѐ же. За жезлите и баствуите на шейховете и дервишите и няколко предмета от колекцията на д-р Васил Хараланов // Юбилеен сборник 100 години от рождението на д-р Васил Хараланов. Шумен, 2008.



следует оговориться, что в рамках данного обзора возможно лишь бегло коснуться наиболее значимых исследований болгарских ученых последнего десятилетия, которые опираются преимущественно на османские источники и хронологически относятся к XV–XVIII вв. Характерной особенностью многих из них является стремление выявить объекты, явления и процессы, оставшиеся до недавнего времени в некоторой степени «за кадром». Таковым является, например, сборник «Контрасты и конфликты “за кадром” в болгарском обществе в XV–XVIII вв.» — плод совместных усилий авторов: Е. Гроздановой, О. Тодоровой, Ст. Пырвевой, И. Списаревской, Ст. Андреева и К. Венедиковой<sup>35</sup>. Некоторые из затронутых в этом сборнике проблем получили развитие в монографических исследованиях высокой научной ценности. С полным основанием это можно сказать о книге О. Тодоровой «Женщины Центральных Балкан в османскую эпоху (XV–XVII вв.)», опубликованной в 2004 г.<sup>36</sup>

С участием болгарских и зарубежных османистов (Х. Иналджика, И. Ортайлы, А. Минкова, Е. Радушева, Гр. Бойкова и др.) под научным руководством Цв. Георгиевой был подготовлен 3-й том четырехтомной серии сборников этнологических исследований «Балканские идентичности»<sup>37</sup>. И в этом случае одна из помещенных в нем статей впоследствии была доработана и предложена читателям в виде монографического исследования<sup>38</sup>. О научном интересе к проблемам идентичности — индивидуальной, локальной, национальной, — учитывающем балканскую специфику, свидетельствует и подготовленный приблизительно в то же время (на этот раз под руководством М. Тодоровой и вновь с международным участием) сборник, опубликованный в Лондоне под тем же заглавием<sup>39</sup>.

В последнее десятилетие появились и отдельные исследования по проблемам политической истории. Об этом свидетельствует болгаро-венгерский сборник «От Никополя до Вены. 1396–1683»<sup>40</sup>. В него вошли доклады юбилейных научных конференций (проведенных соответственно в 2004 и 2008 гг.), где среди его авторов встречаются такие известные исследователи, как Кл. Хедъи и Хр. Матанов, но в целом, за небольшим исключением, сборник имеет достаточно поверхностный характер. В противоположность этому как серьезный научный вклад можно рассматривать три изданные в Стамбуле статьи болгарских османистов Р. Градевой<sup>41</sup> и Ст. Пырвевой<sup>42</sup> — пожалуй, самых перспективных ученых

<sup>35</sup> Контрасти и конфликти «зад кадър» в българското общество през XV–XVIII век. София, 2003.

<sup>36</sup> Тодорова О. Жените от Централните Балкани през османската епоха (XV–XVII век). София, 2004.

<sup>37</sup> Балкански идентичности. Ч. III. София, 2003.

<sup>38</sup> Minkov A. Conversion to Islam in the Balkans. Kisse Bahasi Petition and Ottoman Social Life, 1670–1730. Brill, Leiden — Boston, 2004.

<sup>39</sup> Balkan Identities. Nation and Memory. Ed. M. Todorova. London, 2004.

<sup>40</sup> От Никопол до Виена. 1396–1683. Състав.: Хр. Матанов, Д. Арато. София, 2008.

<sup>41</sup> Gradeva R. Rumeli under the Ottomans, 15<sup>th</sup>–18<sup>th</sup> Centuries: Institutions and Communities // Analecta Isisiana. Istanbul, 2004; еѐ же. War and Peace in Rumeli, 15<sup>th</sup> to beginning of 19<sup>th</sup> Century. / Analecta Isisiana. Istanbul, 2008.

<sup>42</sup> Parveva St. Village, Town and People in the Ottoman Balkans 16<sup>th</sup> mid. 19<sup>th</sup> Century // Analecta Isisiana. Istanbul, 2009.



в этой области — соответственно из Института балканистики и Института истории БАН.

Свидетельством значительного прогресса болгарской исторической науки в исследовании отечественной истории периода XV–XIX вв. является фундаментальное издание «История болгар»<sup>43</sup>. Оно объединяет усилия ведущих специалистов Института истории БАН и, в сравнении с аналогичным по замыслу изданием двадцатилетней давности<sup>44</sup>, демонстрирует значительно обогащенную источниковую базу исследований, более широкие, чем раньше, исследовательские параметры и освобожденные от ряда обязательных для своего времени клише. Характерным для издания является также прямая постановка ряда дискуссионных вопросов, неоднозначно трактуемых в кругах исторического сообщества.

Проблемы мусульманской культуры в болгарских землях традиционно слабо изучались в Болгарии (за исключением работ, может быть, рано ушедшей из жизни М. Стайновой); в последние годы этот интерес значительно возрос. Примером в этом отношении являются вышедшие одновременно в 2002 г. в Болгарии и во Франции две сходных по содержанию монографии Ст. Кендеровой о мусульманских библиотеках и книгах в балканских провинциях Османской империи<sup>45</sup>, причем во Франции эта книга была успешно защищена автором как докторская диссертация. Столь же успешно защищена диссертация (на этот раз в Болгарии) О. Сыбевым по его монографии 2001 г. об османских школах в болгарских землях в XV–XVIII вв.<sup>46</sup>; им также опубликована книга, посвященная основателю османского книгопечатания Ибрагиму Мютеферу<sup>47</sup>.

Определенные заслуги в изучении мусульманской культуры в болгарских землях несомненно имеет Международный центр по проблемам меньшинств и культурного взаимодействия, издавший серию исследовательских сборников, подготовленных при участии ряда болгарских османистов, среди которых А. Желязкова, М. Калицин, Св. Иванова, Р. Градева, Св. Пырвева, Кр. Мутафова, Ст. Кендерова, О. Сыбев, К. Венедикова, М. Михайлова-Мривкарлова и др. Заглавия этих сборников — «Мусульманская культура в болгарских землях» (1998), «Ислам и культура» (1999), «История мусульманской культуры по болгарским землям» (2001) и другие — показывают их тематическую ориентацию. Искусствоведческий взгляд на проблемы предлагает книга М. Харбовой о наиболее значимых культовых зданиях — церквях, мечетях и синагогах в болгарских землях рассматриваемого периода, в то время как Р. Градева

<sup>43</sup> Грозданова Е., Списаревска И., Тодорова О., Радкова Р., Янева Св., Тодев Ил. История на българите. Т. II. Късно средновековие и Възраждане. Под ред на чл.-кор. проф. Г. Марков. София, 2004.

<sup>44</sup> История на България. Т. IV. София, 1983.

<sup>45</sup> Кендерова Ст. Книги, библиотеки и читателски интереси сред самоковските мюсюлмани (XVIII — първата половина на XIX век). София, 2002; Kenderova St. Bibliothèques et livres musulmans dans les territoires balkaniques de l'Empire ottoman (Le cas de Samokov, XVIII<sup>e</sup> — première moitié du XIX<sup>e</sup> siècle). Villeneuve d'Asq. Presses Universitaires du Septentrion, 2002.

<sup>46</sup> Сыбев О. Османските училища в българските земи XV–XVIII век. София, 2001.

<sup>47</sup> Сыбев О. Първото османско пътуване в света на печатната книга (1762–1746) // Нов поглед. София, 2004.

публикует серию богато документированных исследований относительно условий строительства христианских храмов в период, предшествующий Танзимату<sup>48</sup>. Малоисследованный аспект мусульманской культуры нашел отражение в работе О. Тодоровой, посвященной мусульманскому хаджу<sup>49</sup>. Св. Иванова исследует отношение мусульманских женщин к книге<sup>50</sup>. Длительное время она изучала различные мелкие этноконфессиональные сообщества в болгарских землях и на Балканах и их участие в различных сферах общественной жизни<sup>51</sup>. Е. Вечева посвятила ряд исследований месту и роли балканской католической интеллигенции (и в частности, болгар-католиков) в формировании национальной идеи<sup>52</sup>.

В последнее десятилетие в условиях методологического плюрализма болгарские османисты продолжают научные разработки в сфере социально-экономической истории, а также в области исторической демографии. В первое из этих двух направлений солидный вклад в изучение хозяйственной жизни внесли Св. Иванова, Ст. Пырвева и Р. Градева<sup>53</sup>. Пристальным вниманием в качестве объекта исследования продолжают также пользоваться многочисленные категории болгарского и другого населения, имевших особые обязанности и статус в военно-вспомогательной и хозяйственной сферах, нередко обозначаемые как «привилегированная реая»<sup>54</sup>. Преимущество наблюдается и в отношении изучения функций и роли различных общностей населения, сформированных по территориальному, профессиональному, этноконфессиональному или другому принципу. Главное внимание в этих ис-

<sup>48</sup> Харбова М. Три храма, три религии: Една земя наречена българска. София, 1999; Gradeva R. On Zimnis and Their Church Buildings: Four Cases from Rumeli // *The Ottoman Empire Myths, Relations and «Black Holes»*. Contribution in Honor of Colin Imber. Istanbul, 2006.

<sup>49</sup> Тодорова О. Другият хаджилък. Към историята на мюсюлманския хадж от българските земи през XV–XVII век. Историческо бъдеше. 2006, № 1.

<sup>50</sup> Иванова Св. Мюсюлманката и книгата в Османската империя. (Шрихи от Румелия през XVIII–XIX век.) // Сборник в чест на проф. д. и. н. Иваницка Георгиева. Т. II. София, 2008.

<sup>51</sup> См.: Иванова Св. Арменци и аджем туджари (За статуса на търговеца в Румелия през XVII–XVIII в.) // *Bulgarian Historical Review*. 2006, № 1–2; Ivanova Sv. Minorities All Around – and Merchants All Around. – In: *Europe's Economic Relations with the Islamic World 13<sup>th</sup>–18<sup>th</sup> Centuries*. La Monnier, 2007.

<sup>52</sup> См.: Вечева Е. Българите католици по пътя към националната идея // Българи и италианци през вековете в борба за независимост и държавност. По случай 200 години от раждането на Джузепе Мацини. София, 2006; еж же. Българската католическа интеллигенция и идеята за самостоятелна църква и държава през XVII в. // Държава и църква – Църква и държава в българската история. Сборник по случай 135-годишнината от учредяването на българската Екзархия. София, 2006; еж же. Социален и професионален портрет на балканската католическа интеллигенция (общи черти и различия между българската и хърватската интеллигенция през XVII в.) // Държава, общество и култура на българи и хървати XVII–XXI в. София, 2009.

<sup>53</sup> См.: Иванова Св. Градският живот (XV – първата половина на XVIII в.) // Българското общество, XV–XVIII в. София, 1999; Parveva St. Rural Markets and Fairs: the Village of Sliven in the 16<sup>th</sup> Century. – *Etudes balkaniques*, 2008, № 1; еж же. The Influence of the Market on the Urban Agrarian Space: the Case of the Town of Arcadia in 1716 // *Oriente Moderno*, 2006, № 1; Gradeva R. Villagers in International Trade: The Case of Chervena Voda. Seventeenth to the Beginning of Eighteenth Century // *Oriente Moderno*, 2006, № 1.

<sup>54</sup> Грозданова Е., Андреев Ст. Джелепкешаните в българските и съседните им земи през XVI–XVIII в. София, 1998; Grozdanova E., Andreev St. Reisanbau und Reisgewinner (Çeltüçi) in mittleren und östlichen Teil des Balkans (15. bis 18. Jh.) // *Bulgarian Historical Review*, 2003, № 3–4; Grozdanova E. Salt Production along the West Coast of the Black Sea in the Ottoman Period // *Perspectives on Ottoman Rule and Its Heritage*. Dedicated to the Living Memory of Zdenka Veselá-Prenosilova. Archiv Orientalní. Vol. 69, № 2. Praha, 2001.

следованиях уделяется сельской общине, городскому «варошу» и их возможностям самоуправления<sup>55</sup>.

Что касается второго из двух указанных выше традиционных для болгарской османистики направлений — исторической демографии — то в нем следует отметить монографию М. Тодоровой, опубликованную сначала на английском языке в США, а затем — в 2002 г. — и в Болгарии в переводе на болгарский язык — «Балканская семья. Историческая демография болгарского общества в османский период»<sup>56</sup>. Впрочем, в этой связи могли бы быть обособлены две проблемы, особенно широко изученные в болгарской историографии в последнее десятилетие. Это — семья, женщина, брак, развод, рождаемость, дети, возрастная структура. Здесь, наряду с уже упоминаемой монографией О. Тодоровой<sup>57</sup>, следует назвать ряд ее же статей, а также работы Св. Ивановой и других авторов, опубликованных в последнее десятилетие в различных научно-исследовательских сборниках и специализированных журналах<sup>58</sup>. Второй круг проблем поднимают исследования Е. Гроздановой и Ст. Андреева, касающиеся болгарских миграций<sup>59</sup>, а также Е. Радужева<sup>60</sup> и А. Минкова<sup>61</sup> об исламизации в условиях османского владычества. Их монографии, изданные в Болгарии и за рубежом, опираются на обильные османские источники из болгарских и турецких архивов. Так, например, в своем своеобразном «римейке» на статью Стр. Димитрова сорокалетней дав-

<sup>55</sup> Грозданова Е. Българските общини и самоуправление през периода на османското владичество XV–XVIII в. // Българската община и местното самоуправление — възрожденските традиции. Пазарджик, 2001; Иванова Св. Преди да се роди българският милет // Държава и църква — Църква и държава в българската история. София, 2006; Ivanova Sv. Varos: the Elites of the Reaya in the Towns of Rumeli, 17<sup>th</sup> — 18<sup>th</sup> Centuries // Provincial Elites in the Ottoman Empire. Rethymno, 2005.

<sup>56</sup> Тодорова М. Балканското семейство. Историческа демография на българското общество през османския период. София, 2002.

<sup>57</sup> Тодорова О. Жените от Централните Балкани...

<sup>58</sup> См.: Тодорова О. «Мъжки времена»? Жената в публично пространство през първите столетия на османското владичество // Контрасти и конфликти «зад кадър»...; еѐ же. Детето в света на възрастните през XV–XVIII в. (по материали от българските земи). — В: Контрасти и конфликти «зад кадър»...; еѐ же. Православният брак през първите векове на османското владичество и предизвикателствата на исляма // Религия и църква в България. Социални и културни измерения в православието и неговата специфика в българските земи. София, 1999; еѐ же. Прислужници и конкубини: робините — една неизследвана социална категория от епохата на османското владичество (XV–XVII в.) // Историческо бъдеще, 2002, № 1–2; Иванова Св. Каквото повелява законът съпружески. Съдебно третиране на брачните проблеми на християните у нас през XVI–XVIII в. // Граници на гражданството. Европейските жени между традицията и модерността. София, 2001; Ivanova Sv. Muslim and Christian Women in the Scheriat Court in the 18<sup>th</sup> c. Rumeli. Marriage Problems // The Ottoman Empire in the Eighteenth Century. Oriente Moderno. Vol. 18 (79), 1999, № 1; еѐ же. Judicial Treatment of the Matrimonial Problems of Christian Women in Rumeli During the Seventeenth and Eighteenth Centuries // Women in the Ottoman Balkans. Gender, Couture and History. London — New York, 2007; Grozdanova E., Andreev St. Das Los der Frauen nach den osmanischen «Registerbüchern der Beschwerden» vom 17. und 18. Jh. — Bulgarian Historical Review, 2001, № 1–2; Грозданова Е. Към въпроса за възрастовата структура на българското довъзрожденско общество. Старци и столетници в българските земи през XV–XVIII в. // Исторически преглед, 2008, № 3–4.

<sup>59</sup> Грозданова Е., Андреев Ст. За вътрешните миграции на българите през XVIII в. // Исторически преглед, 2000, № 3–4. они же. Бежанци на родна земя // Контрасти и конфликти “зад кадър”...

<sup>60</sup> Радушев Ев. Помачите. Християнство и ислям в Западните Родопи с долината на р. Места, XV — 30-те г. на XVIII в. София, 2005. 4. I; 4. II. Приложения.

<sup>61</sup> Minkov A. Op. cit.

ности относительно проникновения ислама в Западные Родопы и долину р. Места в XV–XVII вв.<sup>62</sup>, Е. Радушев подтверждает, на основе многочисленных новых данных о 130 поселениях региона, что население, которое он там наблюдал, является болгарским по происхождению, и исламизация значительной его части представляла собой продолжительный непрерывный процесс, который можно проследить в деталях едва ли не по каждому селу и по годам. Интерпретации Е. Радушевым и А. Минковым источникового материала вызывают некоторые возражения, но что представляла бы из себя историческая наука без споров и дискуссий? Впрочем, положительно воздействуют в этом направлении объективные, аргументированные оценки, содержащиеся в работах М. Тодоровой<sup>63</sup> и Кр. Мутафовой<sup>64</sup>.

Значительное место в разработках болгарских османистов в последнее десятилетие продолжают занимать исследования по регионам и по селениям, основывающиеся, как правило, на богатом вновь открытом источниковом материале, чаще всего османо-турецкого происхождения. Особенно следует отметить исследования Р. Ковачева, Е. Гроздановой, Ст. Андреева, Хр. Матанова и некоторых совсем молодых авторов<sup>65</sup>. А когда речь идет о молодом поколении болгарских османистов, имеет смысл обратить соответствующее внимание на еще одно значимое достижение болгарской османистики последнего десятилетия, а именно подготовку и успешную защиту свыше 20 диссертаций для получения образовательной и научной степени «доктор» (эквивалент прежней степени «кандидат исторических наук»). Как минимум еще четыре диссертации с подобной научно-образовательной целью находятся в различной стадии подготовки на Историческом факультете Софийского университета им. Св. Климента Охридского и в Институте истории БАН, которые, вместе с Институтом балканистики БАН, являются главными центрами подготовки будущих специалистов-османистов. Ни в коем случае, однако, не следует сбрасывать со счетов и компетентную помощь, которую неизмен-

<sup>62</sup> Димитров Стр. Демографски отношения и проникване на исляма в Западните Родопи и долина на Места през XV–XVII в. // Родопски сборник. Т. I. София, 1965.

<sup>63</sup> Тодорова М. Ислямизацията като мотив в българската историография, литература и кино // *Studia balcanica* 23. Т. I.

<sup>64</sup> Мутафова Кр. Доброволните помосюлманчвания в Османската империя през последната четвърт на XVII – 30-те години на XVIII в. // *Етнически и културни пространства на Балканите*. Ч. I.

<sup>65</sup> См.: Ковачев Р. Самоков и Самоковската каза... ; его же. Нахията Хоталич в началото на XVII век – селища, население, елементи от стопанското развитие. – В: *Studia balcanica* 23. Т. I; его же. Описи за историята на Ихтиман от XV–XVII век // *Етнически и културни пространства на Балканите*. Ч. I; Kovačev R. Register aus dem osmanischen Archiv in Konstantinopel für die Stadt Varna und ihre Umgebung (Zweite Hälfte des 16 Jh.) // *Bulgarian Historical review*, 2003, № 1–2; Грозданова Е., Андреев Ст. Из Родопите без раница. Исторически маршрути от 1650 до 1750 г. с пътеводител «Книгите на жалбите» // *Rhodopica*, 2002, № 1–2; они же. Исторически маршрути от 1650 до 1750 г. с пътеводител «Книгите на жалбите». – *Известия на държавните архиви*, т. 82 (2003); Матанов Хр. Възникване и облик на Кюстендилския сандажак през XV–XVI век. София, 2000; Мутафова Кр. Старопрестолният Търнов в османската книжнина (XV–XVI век). В. Търново, 2002; Boykov G., Kirovska M. The Ottoman Philipopolis (Filibe) during the Second Half of the 15<sup>th</sup> c // *Bulgarian Historical Review*, 2000, № 3–4; Петкова-Енчева М. Поселищна мрежа и гъстота на населението в Източния дял на Тракийската низина през първата половина на XVI век // *Етнически и културни пространства на Балканите*. Ч. I.

но оказывают всем этим будущим молодым ученым в их работе с османотурецкими источниками, как основном материале для диссертаций, коллеги Восточного отдела НБКМ в Софии (Ст. Андреев, Ст. Кендерова, Р. Ковачев, Асп. Велков). Особо следует отметить то обстоятельство, что практически нет болгарского османиста среднего и молодого поколения, который бы вошел в историческую проблематику исследуемого периода, не пройдя через давно утвердившуюся школу османотурецкого языка М. Калицин из Института балканистики БАН, также параллельно руководившей специализированными курсами в этом направлении на Историческом факультете Софийского университета, в Шуменском университете им. Епископа Константина Преславского и филиале Пловдивского университета в Кырджали.

Что касается научной проблематики готовящихся диссертаций, то они ориентированы (как и болгарская османистика вообще) на вопросы, связанные с социально-экономической историей и демографическими процессами, и, как правило, связаны с определенным регионом болгарских земель, реже — за их пределами. Характерным примером в этом отношении являются докторские диссертации Хр. Атанасова «Социально-экономическое развитие Видинской казы в XVII веке (на базе Видинских кадийских книг)»; Д. Борисова «Вакуфные институты в Родопах в XV–XVII вв.» и М. Петковой-Енчевой «Демографическое развитие и аграрная экономика в Восточной части Фракийской низменности в XVI веке», успешно защищенные соответственно в 2007, 2008 и 2009 гг. В этот круг проблем также вписываются диссертации докторанта из Греции Д. Билалиса «Системная структура налогообложения в последние десятилетия XVI в. Зернопроизводство вдоль среднего течения р. Струмы» (1999 г.) и болгарина из Украины Ал. Середы «Силистренско-Очаковский эялет в XVII — начале XIX в. Административно-территориальное устройство, селища и население в Северо-Западном Причерноморье» (2008 г.).

Несмотря на несколько общую формулировку заглавия диссертации Эв. Рыждавчкой «Ярмарки в Османской империи в XIX в.» (2008 г.), территориальный охват ее весьма интересного исследования по существу не выходит за пределы балканских провинций Османской империи и сосредотачивается на густой сети ярмарок в районе Добруджи, Фракии, Македонии и Подбалкана. Ситуации в Румелии и соответственно в Дунайском вилайете с учетом их административного устройства и управления в различные периоды XIX в. посвящены исследования Г. Георгиевой и М. Тафровой. На основе различного рода опубликованных источников, в том числе и османотурецких, подготовлена защищенная в 2007 г. докторская диссертация Д. Ангеловой «Демографическое развитие Болгарского черноморского побережья в XIX в. (до 1878 г.)».

Предпочтение проблемам социально-экономической истории и исторической демографии проступает и при выборе тем для докторских диссертаций, готовящихся в настоящее время, а именно: Ст. Димитрова о селениях и их населении в западных частях Странджи, Сакар и Дервентских возвышенностей в конце XV–XVI вв.; Кр. Йорданова

о войнуках в болгарских землях в XV–XVI вв.; М. Шушаровой об аянах и провинциальных элитах и П. Андоновой о чифликах и чифликчиях. В разработке тем почти без исключения используются вновь выявленные и неиспользованные до настоящего момента османо-турецкие документы из турецких архивов, к которым болгарские османисты получили доступ сравнительно недавно. Научными руководителями указанных докторантов соответственно являются Ст. Пырвева и О. Тодорова из Института истории БАН и Св. Иванова с Исторического факультета Софийского университета. Докторские диссертации по османистической проблематике под руководством видных турецких историков из Университета Билькент готовят молодые болгарские ученые — Гр. Бойков и М. Кипровска. Объектом их исследований является население г. Пазарджика в XV–XVIII вв. и социальный состав т.н. акынджи.

Различные этнические и этноконфессиональные общности в болгарских землях и на Балканах в османский период (и не только) затрагиваются в нескольких докторских диссертациях не вполне османистического профиля (что, разумеется, не делает их менее интересными). Имеются в виду докторские диссертации Б. Гюзелева «Проблемы албанского этнического проникновения в Восточные Балканы (XV–XVIII вв.)»; Ал. Кальонски «Юрки на Балканах под османской властью (XV — начало XX века)»; Л. Георгиева «Болгарские католики в Трансильвании и Банате (XVIII — первая половина XIX в.)» и Ст. Антонова «Татары в Болгарии. Этнологическое исследование», успешно защищенные соответственно в 1999, 2000, 2002 и 2006 гг.

Османская (исламская) культура в болгарских землях с различными ее аспектами и сферами проявления также рассматривается в докторских диссертациях молодых болгарских османистов. В первую очередь следует отметить успешно защищенную в 2007 г. докторскую диссертацию Н. Граматиковой (Институт балканистики БАН) «Неортодоксальный ислам в болгарских землях. Прошлое и современность», а также еще две успешно защищенные — соответственно в 2000 и 2008 г. — диссертации докторантов из Института балканистики БАН, а именно: О. Сыбева «Османские образовательные учреждения в болгарских землях XV–XVIII веков» и М. Добревой «Османские общеобразовательные учреждения в Дунайском вилайете». Последние, кроме всего прочего, впечатляют очень богатым источниковым материалом, преимущественно османо-турецкого происхождения. Таковой отсутствует, к сожалению, в весьма интересной и едва ли не единственной в последнее десятилетие в сфере политической истории докторской диссертации Р. Любенова «В тени православия: русское покровительство в Юго-Восточной Европе 1700–1856 гг.» (2008 г.), затрагивающей судьбу Османской империи и подвластных ей балканских народов. Опять же скорее как исключение в общем потоке докторских диссертаций молодых болгарских османистов, на этот раз с учетом и территориального его охвата, стоит труд Св. Костовой «Процесс политической децентрализации в арабских провинциях Османской империи (конец XVI — начало XIX в.)» (1998 г.).



В противовес небезосновательному мнению о том, что научные исследования в сфере историографии принадлежат в большей степени ученым, уже достигшим творческой зрелости, двум совсем еще молодым авторам — докторантам Исторического факультета Софийского университета под руководством Е. Дросневой — мы обязаны весомыми исследованиями о жизни и творчестве выдающихся болгарских историков прошлого, труды которых имеют непосредственное отношение к османской, балканской и особенно болгарской истории в XV–XIX вв. Речь идет об успешно защищенных, соответственно в 2008 и 2009 г., докторских диссертациях Л. Соленковой «Профессор д-р Христо Гандев — жизненный путь и научное наследие» и Д. Димитрова «Иван Снегаров — жизненный путь и исторические труды». Несколько иным аспектом научного исследования отличается, но заслуживает не меньше добрых слов докторская диссертация М. Косевой «Коллективная память и документальные источники о болгарях в Османской империи (память об османском завоевании)», подготовленная под руководством Цв. Георгиевой и защищенная в 2007 г. В то время как, несмотря на усилия и несомненные по ряду пунктов объективные выводы, общее впечатление об одностороннем и явном конъюнктурном подходе не позволяет однозначно принять диссертацию М. Исова «Образ османцев (турков) и Османской империи (Турции) в болгарских учебниках истории (50–90-е годы XX века)», прошедшей защиту, хотя и с трудом, в 2004 г. К сожалению, автор не воспользовался в достаточной степени возможностью скорректировать или хотя бы объяснить некоторые из своих утверждений в духе сделанных ему рекомендаций в ходе обсуждения диссертации<sup>66</sup>. А вот дебют с первой монографией некоторых наших более молодых османистов — Хр. Атанасова<sup>67</sup>, Гр. Бойкова<sup>68</sup>, Ал. Середы<sup>69</sup> и других, можно назвать весьма успешным, что было своевременно отмечено и нашей научной критикой<sup>70</sup>.

Последнее десятилетие в болгарской османистике оказалось плодотворным: были успешно защищены диссертации по присвоению самой высокой научной степени «доктор исторических наук» (за особенно весомые исследования в сфере османистики или непосредственно связанных с ней научных направлений). Несомненным вкладом в историческую науку и османистику, как и в этнологию, является, например, опубликованный в качестве монографии диссертационный труд Цв. Георгиевой<sup>71</sup>. Продолжением защищенной ранее в Москве кандидатской диссертации Р. Михне-

<sup>66</sup> Исов М. Най-различният съсед. Образът на османците (турците) и Османската империя (Турция) в българските учебници по история през втората половина на XX век. София, 2005.

<sup>67</sup> Атанасов Хр. В османската периферия: Общество и икономика във Видин и околността през XVIII век. София, 2008.

<sup>68</sup> Бойков Гр. Татар Пазарджик. От основаването на града до края на XVIII век. Изследвания и документи. София, 2008.

<sup>69</sup> Среда Ал. Силистренско-Очаковският еялет през XVII — началото на XIX в. Административно-териториално устройство, селища и население в Северозападното Причерноморие. София, 2009.

<sup>70</sup> См.: Грозданова Е. // Исторически преглед, 2009, № 1–2.

<sup>71</sup> Георгиева Цв. Пространство и пространства на българите XV–XVII век. София, 1999.

вой<sup>72</sup> является ее новое объемное диссертационное исследование, посвященное русско-турецким отношениям конца XVI — начала XVIII в.<sup>73</sup> Выше уже говорилось о диссертациях Ст. Кендеровой и Е. Радужева<sup>74</sup>. Очень интересной проблемой, к сожалению, слишком пристрастно и односторонне разработанной, привлекает внимание работа Ш. Щерионова<sup>75</sup>. Подлинно фундаментальный характер носит докторская диссертация Ив. Тютюнджиева о Тырновской митрополии<sup>76</sup>, хотя она не является чисто османстическим исследованием, но тесно связанном с периодом XV–XIX вв. болгарской истории. Хорошо известный научной общественности в Болгарии и за рубежом в основном как османист<sup>77</sup>, В. Стоянов предпochел подготовить и защитить в качестве докторской диссертации солидное исследование в области куманологии<sup>78</sup>, интерес к которой он проявляет очень давно<sup>79</sup>.

Обобщая краткий обзор нынешнего состояния болгарской османистики, следует отметить, что последние десять лет оказались весьма плодотворными для ее развития; это нашло свое выражение в нескольких десятках научно-исследовательских сборников, изданиях источников и солидных монографий, многие из которых опубликованы за пределами Болгарии — в США, Франции, Нидерландах, Венгрии, Турции и др. Следует иметь в виду, разумеется, и многочисленные, меньшие по объему, но не по значению, статьи болгарских османистов, опубликованные в болгарских и зарубежных научных журналах. Некоторые из этих публикаций являются результатом активного участия болгарских ученых различных поколений в двусторонних и многосторонних научных форумах<sup>80</sup>. Ощутимо присутствие болгарских османистов Р. Градевой и Св. Ивановой в изданных за рубежом научно-исследовательских сборниках с участием османистов и ученых из других стран<sup>81</sup>.

<sup>72</sup> Михнева Р. Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII в. (1739–1756). Москва, 1985.

<sup>73</sup> Михнева Р. Земьята извън «времето». Русия и Османската империя. Антропология на промяната (края на XV — началото на XVIII в.). Варна, 2003.

<sup>74</sup> См. сноску 45 и сноску 60.

<sup>75</sup> Щерионов Ш. Гърците по българските земи през XVII–XIX век (до 1878 г.). Историко-демографска характеристика. В. Тырново, 2008. См. рецензию Г. Даскалова: Македонски преглед, 2008, № 4.

<sup>76</sup> Тютюнджиев Ив. Тырновската митрополия през XV–XIX век. В. Тырново, 2007.

<sup>77</sup> См.: Stojanow V. Die Entstehung und Entwicklung der osmanisch-türkischen Paläographie und Diplomatie (mit einer Bibliographie). Islamkundliche Untersuchungen. Band 76. Berlin, 1983; Стоянов В. Дипломатика на средновековните извори. Владетелски документи. София, 1991.

<sup>78</sup> Стоянов В. Куманология. Историкографски ескизи. Т. 1–2. София, 2009. Т. 1; Т. 2.

<sup>79</sup> Стоянов В. История на изучаването на Codex Cumanicus. Кумано-печенежки антропоними в България през XV век. София, 2000.

<sup>80</sup> См.: Uluslar arası Osmanlı ve Cumhuriyet Dönemi Türk-Bulgar İlişkileri Sempozyumu. 11–13 Mayıs 2005, Eskişehir.

<sup>81</sup> См.: Gradeva R. Orthodox Christian and Ottoman Authority in Late-Seventeenth-Century Crete. — In: The Eastern Mediterranean under Ottoman Rule: Crete 1645–1840, Halcyon Days VI. Rethymno, 2008; еѐ же. On «Frenk» Objects in Everyday Life in Ottoman Balkans: the Case of Sofia, mid-17<sup>th</sup> — mid-18<sup>th</sup> centuries // Relazioni Economiche tra Europa e mondo islamico, secc. XIII–XVIII (Europe's Economic relations with the Islamic World 13<sup>th</sup> — 18<sup>th</sup> centuries). Atti della «Trentottesima Settimana di Studi, Fondazione Istituto Internazionale di Storia Economica «F. Datini»». Prato, 2007; еѐ же. On Judicial Hierarchy in Ottoman Empire: the Case of Sofia from Seventeenth to the Beginning of the Eighteenth century // Dispensing Justice in Islam: Qadis and their Judgments. Leiden-Köln, 2006; еѐ же. On Zimmis and their Church Buildings: Four Cases from Rumeli // The Ottoman Empire: Myths, Realities and «Black Holes». Contributions in Honor of Colin Imber. Istanbul, 2006; еѐ же.



Научные симпозиумы, конференции и круглые столы по османистике организовывала и болгарская сторона. Следует особо отметить, например, заслугу Национальной библиотеки им. Святых Кирилла и Мефодия в Софии и особенно ее Восточного отдела в лице Р. Ковачева в успешной организации и проведении недавнего круглого стола с международным участием на тему «Османские реестры как источник для истории Балкан под османской властью» (22–24 октября 2009 г.). Необходимо также подчеркнуть, что этот научный проект осуществлен при финансовой помощи Фонда «Научные исследования» Министерства образования и науки.

Впрочем, перспективы будущего развития османистики в Болгарии, как и науки вообще, связываются, особенно в последние годы, с приоритетом, который отдается проектному началу с целевым финансированием из упомянутого фонда и из ряда других болгарских и европейских фондов. Неслучайно на подобную финансовую поддержку рассчитывает и один из наиболее масштабных научных проектов последнего года с болгарским и международным участием под руководством Е. Гроздановой и Цв. Георгиевой, тема которого «Большая история и маленький человек: коллективные и индивидуальные измерения идентичности в болгарском пространстве в XV–XVIII веках». Кроме всего прочего, исследование по этой проблематике имеют целью максимально приблизиться к более сокровенному, «человеческому» лицу истории, которое часто остается скрытым под плотным пластом фактов и событий.

Здесь, может быть, уместно подчеркнуть, что исследовательская работа, как по этому, так и по ряду других научных проектов с участием болгарских османистов, несомненно, требует междисциплинарного подхода с участием историков, архивистов, фольклористов, языковедов, археологов, специалистов по исторической демографии и исторической географии, ономастике, эпиграфике и пр. Именно в последнее десятилетие наблюдается широкое применение этого подхода в сфере османистических исследований, причем болгарские османисты вносят немалый вклад для более полноценного и всестороннего освещения ряда вопросов из исследовательского поля других научных дисциплин<sup>82</sup>.

Благоприятным стимулом для развития болгарской османистики в последние десятилетия является и значительно расширенный доступ к зарубежным османским архивам и особенно к богатым архивным коллекциям Стамбула и Анкары, который болгарские специалисты получили в начале 90-х годов XX в. Это имеет свое отражение в подборе тем для научных исследований, которые нередко приобретают источниковедческий характер и включают детальный анализ вновь открытых ис-

---

The Ottoman Balkans – a Zone of Fracture or a Zone of Contacts // Zones of Fracture in Modern Europe: the Baltic Countries, the Balkans and Northern Italy. Wiesbaden, 2005.

<sup>82</sup> См.: Кендерова Ст. Драгне/Драгине или Драгота, или как различае българските имена в османските извори // Състояние и проблеми на българската османистика. Т. 9. В. Търново, 2009; Мутафова Кр. Антропониими на православното население в Търново и Търновско в османски документи от XVI в., незазвидетелствани в ономастичната справочна литература // Състояние и проблеми на българската османистика. Т. 9. В. Търново, 2009.

точников или группы источников, зачастую различных видов османских реестров. Это достаточно ясно видно и при формулировании тем диссертаций докторантов-османистов. Между прочим, из вышеизложенного уже вырисовывается тенденция успешной подготовки в последнее десятилетие весьма внушительного по числу и качеству нового поколения болгарских специалистов, с чем в значительной степени связываются надежды и перспективы развития болгарской османистики. Более того, и это надо также подчеркнуть как положительный момент, в последнее время расширены возможности для специализации и усовершенствования молодых османистов за рубежом при поддержке различного рода международных фондов — возможности, которые в целом полноценно используются.

Таким образом, имея в виду процессы преемственности и обновления в болгарской османистике в последнее десятилетие (независимо и от некоторых скорее сознательно не упомянутых здесь негативных тенденций), можно прогнозировать ее восходящее развитие и хорошие перспективы на будущее.

## II. Османское источниковедение

А. Д. Васильев (Москва)

### Хранение документов и архивное дело в Османской империи

Правители и высшие чиновники Османского государства придавали огромное значение сохранению официальных документов. Об этом свидетельствует факт существования особых приказов и распоряжений, согласно которым переписка различных государственных органов и различной степени важности фиксировалась и заносилась в специальные регистры — дефтеры. Благодаря такому пристальному вниманию к классификации и сохранению документов, а также постоянному надзору за их сохранностью на протяжении столетий, число единиц хранения, находящихся в настоящее время в Османском архиве, по некоторым оценкам, превышает 150 миллионов.

Истоки османского хранения документов прослеживаются в канцелярском делопроизводстве Великих Сельджукидов, и важность этого направления деятельности государственной канцелярии и подбора кадров для нее отражены в специальном наставлении секретарям «Атабат ал-катаба» ал-Джувайни: «Избрание и выбор доверенных и способных людей при назначении на должность и поручении им важных дел и бумаг в государстве является основным условием вечности державы, и их поступление на службу осуществляется после прошения благословения, божественного откровения и распространения милости Всевышнего... после испытания и неоднократных проверок» [ал-Джувайни, 1985, с. 90].

Архивы собственно Османского государства первоначально находились в его первой столице — Бурсе. Однако в самом начале XV века они были полностью уничтожены в результате нашествия Тимура, который

разграбил и сжег город<sup>1</sup>. К сожалению, сохранились лишь единичные документы, относящиеся к этому периоду. После этого в первой половине XV в. архивы были перенесены в новую столицу — Адрианополь, где архивы были размещены и хранились непосредственно в султанском дворце.

В 1453 г., после взятия турками Константинополя, архивы были перевезены туда, и для хранения документов использовались помещения Семибашенного замка — Йедикуле. Архивы были объявлены имуществом султанской казны и хранились во внутренних дворцовых покоях уложенными в ящики и кожаные торбы. Число документов, имеющих государственное значение, начиная с этого периода, значительно возросло, что объяснялось как расширением территории империи и необходимостью реестрового описания вилайетов, так и деятельностью развивавшегося бюрократического аппарата. При этом в определенной степени использовался опыт канцелярского делопроизводства предшествовавших правителей мусульманского Востока. Однако специальных нормативных актов, касавшихся османского архивного дела и регламентировавших его, в этот период официально еще выработано не было.

Первый фирман о необходимости документирования всех решений центральных и местных властей и об их сохранении издал в 1536 г. султан Сулейман I Кануни. Согласно этому фирману, бейлербеи, управлявшие различными провинциями Османской империи, и кадии<sup>2</sup> обязаны были заносить свои решения в специальные дефтеры — тетради и сохранять их в порядке в особых сундуках [Капулпаше]. И при вынесении каких-либо решений в будущем местные руководители должны были основываться на прежних прецедентах, зафиксированных в дефтерах [Там же].

Вскоре архивы были снова перемещены — на этот раз из Семибашенного замка во дворец Топкапы. Там они были размещены вместе с казной султана во внешних покоях дворца («Второй двор Эндеруна»). Поскольку Диван (совет высших лиц Османской империи при султানে) часто вынужден был обращаться к архивным материалам, то для хранения дефтеров было выделено особое помещение — Дефтерхане («Дом реестров»). Это помещение примыкало к залу заседаний дивана — Куббеалты («Под куполами»). Архив открывался в дни заседаний Дивана, и доступ к нему имели главный казначей и великий визирь. Главный казначей обязан был открывать и закрывать помещение архива в присутствии великого визиря, который после закрытия должен был запломбировать двери архива своей личной печатью. Следует отметить, что османская бюрократия придавала большое значение предотвращению порчи, сохранению и засекречиванию важных документов. По своему статусу архив (Дефтерхане) был практически приравнен к султанской казне. Благополучие Османской империи и нормальное функционирование ее административной системы были тесно связаны с теми докумен-

<sup>1</sup> В 1402 г. Тимур разбил османскую армию в битве при Анкаре и взял в плен султана Баязида Йылдырма. После этого в османской истории наступил период борьбы за власть между сыновьями Баязида.

<sup>2</sup> Судьи, разбиравшие гражданские и уголовные дела в различных населенных пунктах и городских кварталах.

тами, которые хранились в Дефтерхане под дворцовой охраной. В документы, помещенные на хранение, было запрещено вносить исправления, уничтожать, их разрешалось выносить из хранилища только по личному распоряжению великого визиря. После завершения процедур с этими документами их следовало вернуть на место под страхом казни [Uzunçarşılı, 1984, с. 77]. Так, например, в 1590 г. несколько секретарей и писарей Дивана были сурово наказаны (им отрубили правые руки) за кражу документов и внесение в них несанкционированных изменений [Çetin, 1984, с. 55].

В Дефтерхане хранились тетради с подробными регистрационными описями, тетради с краткими выдержками из регистрационных описей, подготовленные на время военных походов, и счетные тетради, в которых содержался реестр всех существующих тимаров.

Во время длительных походов великий визирь собирал Диван прямо в походе. Такой Диван назывался походным, и все наиболее важные дефтеры, необходимые для решения текущих финансовых, административных, земельных и военных вопросов, обычно отправлялись вместе с войском [Emecen, 1999, с. 442–443]. Ответственные за составление и хранение дефтеров писцы и секретари Дивана и Дефтерхане обязаны были участвовать в походах, чтобы фиксировать любые изменения в системе будущего распределения тимаров [Uzunçarşılı, 1984, с. 101, 161].

Начиная с XVII в. османские правители решили отказаться от практики перевозки архивов вместе с войском во время кампаний, и все тетради стали храниться в Стамбуле в более надежном месте. Одной из причин такого изменения стали плохие условия сохранности документов в походных условиях, а также случаи захвата важных документов противником [Çetin, 1987, с. 6–8]. Теперь нужные дефтеры в случае необходимости доставлялись с доверенным лицом к визирю в действующую армию или же посыльный визиря доставлял писцам в столице подлежащие фиксации сведения. По сообщениям турецких источников, эта практика продолжала действовать вплоть до правления Махмуда II [Emecen, 1999, с. 249–250].

Особое место в архивной системе Османской империи принадлежало распоряжениям падишахов — *Хатт-и Хюмаюн*. После того как они декларировались обществу, их сдавали реис-уль-кютабу<sup>3</sup>, который визирует их своей печатью, откладывая в кожаные мешки и тщательно сохранял их, выделив для этого типа документов особый сундук. По желанию падишаха эти документы могли быть востребованы для справки, но затем снова должны были быть возвращены в хранилище.

По мнению турецких историков, до середины XVIII в. османские архивы поддерживались в надлежащем порядке. Но ближе к концу XVIII в., вследствие пренебрежительного отношения к документам более

<sup>3</sup> Реис-уль-кютаб первоначально являлся главой переписчиков и секретарей во дворце Топкапы. В его обязанности входило оформление бумаг для подачи на утверждение султана. Впоследствии сфера его обязанностей была существенно расширена. Так, в XVIII в. в его руках были сосредоточены также вопросы взаимоотношений с европейскими державами и организация посольского протокола.

раннего периода, которые требовались все меньше, а также наводнений, пожаров, ремонтов, недостаточности помещений часть документов была утеряна [Çetin, 1984, с. 56].

Объяснением этих процессов может служить то обстоятельство, что начиная с середины XVIII в. в структуре османской бюрократии произошли серьезные изменения, связанные с перемещением центра политической власти из дворца и зала заседаний Дивана в резиденцию великих визирей. Все османские высшие административные органы, такие как Палаты внешних и внутренних дел, Диван и его секретари с обслуживающим аппаратом, были перенесены в резиденцию Баб-и Али. В 1785 г., в связи с тем что резиденция визирей находилась довольно далеко от дворца Топкапы, было принято решение выделить под нужды архива специальное кирпичное здание в саду дворца великого визиря. Как и ранее, за сохранность документов отвечал реис-уль-кютаб, который оставался главой османской делопроизводственной бюрократии. Он был обязан утром выдать документы, а вечером, даже если работа с этими документами не была закончена, убрать их обратно в хранилище. Посторонним запрещалось входить в помещение архива. Правила использования материалов из этих хранилищ были такими же строгими, как и в Дефтерхане.

Все законы в соответствии с необходимостью записывались в тетради, которые по мере их заполнения отправлялись в хранилища в первом дворе Топкапы или в хранилище во дворце визирей. В случае, если возникала необходимость обратиться к старым документам за справкой, необходимо было получить специальное разрешение на доступ к архивам [Uzunçarşılı, 1984, с. 76–77].

В 1794 г. было решено учредить специальный архив карт и планов, в котором эти материалы были бы собраны отдельно, в особенности — относящиеся к крепостям в пограничных районах империи. Этот архив был учрежден в османском инженерном департаменте — Мюхендисхане [BOA, MAD., 7917, с. 461].

Впоследствии архивные материалы были перенесены в помещения в резиденции великих визирей, а еще позже — в специальное хранилище в районе Султанахмет, получившее название Сарай-и Атик. Финансовые документы были отделены от всех прочих и также перевезены в Султанахмет — в старые военные казармы Чадыр Мехтерлери. Кроме того, многие особо важные документы хранились при резиденции великих визирей в различных государственных канцеляриях.

Использование отдельных помещений дворца Топкапы для хранения архивных документов продолжалось до тех пор, пока во дворце великого визиря, где заседал Диван, не было построено специальное здание, поскольку эти документы часто бывали необходимыми при заседаниях Дивана<sup>4</sup>. Очередной фирман, предписывающий необходимость сохранения архивных документов, был выпущен в годы правления Мустафы III (1757–1774) [BOA, Mühimme Defteri, nr. 168, hkm. 306].

<sup>4</sup> Указ о подобном строительстве был издан султаном Абдулхамидом I (1774–1789).

Реформы Танзимата стали переломным моментом в истории Османской империи. В ходе реформ многие государственные учреждения были реорганизованы. Резко возросло число документов — это было связано с тем, что модернизация системы османского государственного управления затронула такие сферы деятельности, как образование, юстицию, статистическую службу, методы управления провинциями. Увеличилось общее количество чиновников, расширились объемы их деятельности, и как следствие, расширились объемы делопроизводства. Ускорился документооборот между провинциями и имперским центром, в связи с чем, как в Стамбуле, так и на местах, появилась острая потребность в организации и упорядочении архивного дела. В связи с этим возникла необходимость ревизии всех уже существовавших на тот момент ведомственных архивов, которые, как выяснилось, находились в ужасном состоянии [Findley, 1985, с. 261].

Во второй половине XVIII в., в период упадка Османской империи, архивы государства постепенно начинают приходить в запустение. Многие документы исчезли в пламени пожаров. Другие сильно пострадали из-за плохих условий хранения — документы содержались в кожаных торбах и сундуках в подвалах зданий, где из-за высокой влажности они начали гнить. Некоторое количество документов в связи с распространением коррупции в чиновной среде было также намеренно уничтожено или изменено с корыстными целями. Для обеспечения лучшей сохранности документов в 1785 г. было построено особое помещение во дворце великого визиря, но его оказалось недостаточно [Belgelerle Türk Tarihi Dergisi, Mart 1985, sy. 1, с. 67]. Через 60 лет перед османскими чиновниками снова встал вопрос об упорядочении архивов и сохранении документов, необходимых для потребностей государственных служб. На этот раз речь шла уже не только о сохранении тематических подборок документов в отдельных хранилищах, но и о создании специального ведомства, в котором были бы помещены все сохранившиеся и значимые для государства архивные материалы [BOA, İrade Müsail-i Mühimme, 658]. Инициатива по переустройству архивов принадлежала Сафвети Паше, министру финансов при султани Абдулмеджиде. В 1837 г., незадолго до официального объявления курса реформ Танзимата, «Казна Эндеруна» была переименована в Министерство финансов. В архивах нового министерства оказались большие массивы финансовых документов из хранилищ казны, доставшихся от канцелярии «Баб-и Дефтери» (которая занималась ведением финансовых документов) дореформенного периода. Эти документы содержали сведения о налогообложении, доходах и расходах в провинциях. Однако их сохранность оставляла желать лучшего, и находились они в полном беспорядке. В 1845 г. Сафвети Паша в докладной записке (тезкире) на имя великого визиря Мехмеда Рауф Паша предложил разделить эти документы по темам, составить их описи и перевести все архивы Министерства финансов в отдельное, специально приспособленное для хранения архивов помещение. Тем не менее в той же записке он предлагал уничтожить в печах дворца Топкапы все

документы, относившиеся к корпусу янычар, «как ненужные и вредные» [BOA, İrade Dahiliye, 5152]<sup>5</sup>.

Его предложения были рассмотрены, и 9 ноября 1846 г. был издан указ о необходимости преобразования архивохранилищ. В соответствии с ним все документы, хранившиеся в подвалах Топкапы и Дефтерхане, было решено переместить в новое здание, находящееся за пределами дворцовых комплексов и построенное по европейскому образцу «наподобие библиотеки». Серьезную поддержку этому начинанию оказал и известный политик и дипломат Османской империи, идеолог реформ Танзимата, Великий визирь Мустафа Решид Паша, который был хорошо ознакомлен с состоянием архивного дела в Европе [Elker, 1952, с. 183].

Для хранения архивных материалов было создано новое учреждение, которое получило название Хазине-и Еврак — «Хранилище документов». Была также введена и новая должность — Смотрителя архивов (с полномочиями министра) [BOA, İrade Müsail-i Mühimme, 658]<sup>6</sup>.

Особое внимание уделялось защищенности документов от влаги и огня. Предполагалось, что архивы будут храниться в различных помещениях в зависимости от тематики документов: материалы, связанные с внутренними вопросами, вопросами внешних сношений, протоколы заседаний Дивана предполагалось разместить в трех различных залах. Кроме того, выделялись отдельные помещения для библиотеки при архивохранилище и для хранения различных атласов и карт. Эскизы здания и проектирование были заказаны итальянскому архитектору Фосатти, который завершил строительство в 1848 г. [BOA, İrade Müsail-i Mühimme, 699]. Первоначальный план предполагал строительство одноэтажного здания, но затем, для лучшей защиты от влаги, было решено сделать здание двухэтажным [BOA, İrade Müsail-i Mühimme, 659]. Однако это не помогло, и после завершения строительства были затрачены дополнительные средства для покупки кожаных торб и сундуков, которые должны были защитить документы от влаги [BOA, İrade Müsail-i Mühimme, 704]. Планировалось также закупить шкафы, но от этого приобретения пришлось отказаться ввиду недостатка средств [BOA, A. DVN. MKL., 63-A/10.]. Кроме того, были выделены значительные суммы на защиту здания от пожара [BOA, İ.Meclis-i Vala, 3772]. Официально здание архива открылось только в 1853 г., поскольку около пяти лет потребовалось на дооснащение архива и просушку хранилищ.

Впервые в османской истории ведомственные архивы были размещены в специальном здании. На должность директора архивохранилища был назначен чиновник Министерства финансов, который отдельным постановлением великого визиря Рашида Паши был возведен в ранг министра, а название учреждения было также изменено — Хазине-и Эврак Незарети — Министерство хранения документов [BOA, I.Dahiliye, 7066].

<sup>5</sup> Значительная часть документов т.н. «Янычарского очага» была уничтожена.

<sup>6</sup> В документе упоминаются в качестве причин перевода архивов их испорченность водой, неупорядоченность и невозможность найти нужные документы.



В связи с этим первый министр по делам архивов Мухсин Эфенди составил специальную инструкцию по описанию архивов. Эта инструкция была одобрена султаном 11 реби-уль-ахира 1263 г. (29 марта 1847 г.)<sup>7</sup>. В соответствии с ней, министру был назначен заместитель и вместе с ним несколько опытных секретарей из канцелярий различных ведомств, в обязанности которых входили разделение и классификация архивных материалов, подлежащих переводу в новое здание хранилища. Что касается персонала хранилища, то после создания архива в нем работало 7 человек: директор, 4 чиновника, которые занимались разбором, классификацией и размещением документов, 2 привратника, в обязанности которых входило поддержание чистоты во внутренних помещениях и охрана здания в ночные часы [BOA, I. Dahiliye, 18061, A. MKT. NZD., 107/72, A. DVN., 94/66]. Помимо этих сотрудников, на работу в архив по направлению из меджлиса периодически определялось некоторое точно не установленное количество государственных чиновников [BOA, A. MKT. NZD., 107/72]. Они считались временно прикомандированными к ведомству министра по делам архивов и 2 дня в неделю должны были разбирать, прежде всего, дела из архивохранилищ своих ведомств. Они работали с документами, необходимыми для принятия правительственных решений, и оказывали помощь в обработке направленных на хранение материалов. Обработка документов проводилась ими как в служебное время, так и в свободные от работы часы. За внеурочное время служащим первоначально полагалась дополнительная плата, которая затем была отменена [BOA, ВЕО, 319914].

Пока продолжалась работа по строительству здания, предполагалось начать работы по описанию тех документов, которые подлежали обязательному сохранению. Несмотря на то что было принято постановление о переводе наиболее важных дел в Хазине-и Эврак, стало понятно, что сохранить там все документы из архивов Дефтерхане и канцелярий визирия будет невозможно. Поэтому решено было разделить их и дать хотя бы общее описание тех дел, которые будут переведены в новое здание.

В 1849 г. был выпущен ряд постановлений, которые определили порядок организации архива и отбора документов для хранения [BOA, İ. Meclis-i Vala, 4093]. Все документы, имевшие государственное значение, переводились в Хазине-и Эврак, а документы, связанные с повседневностью, оставались в архивах на местах. Новым постановлением был также введен и новый порядок периодизации, каталогизации и описания документов. В соответствии с ним, все документы подразделялись на три группы в зависимости от даты создания.

Первую группу составили все документы, созданные в период с 1200 г. Х./1785 г. по 1255 г. Х./1839 г. [BOA, A. DVN., 42/12]. Выбор исходной даты связан с тем, что в момент принятия решения парламента еще использовались документы Высокой Порты конца XVIII в. Документы, созданные ранее этой даты, было решено разобрать и классифици-

<sup>7</sup> Эта записка содержит и переписку по данному вопросу [BOA, İ. Meclis-i Vala, 1869, 12019; A.DVN.MKL., 63-A/10].

ровать позже. Однако в 1854 г. специальным постановлением меджлиса было решено отказаться от 1785 г. в качестве исходной точки и отнести к первой группе все документы, начиная с момента создания государства [BOA, İ. Meclis-i Vala, 9956].

Ко второй группе решено было отнести все документы, которые охватывали период от восшествия на престол султана Абдулмеджида с июля 1839 г. до 1848 г.

Из документов, которые появились после 28 ноября 1848 г., было решено создать третью группу документов.

Первая и вторая группы включали документы из столичных архивов. Документы в них были рассортированы по темам в хронологическом порядке. Третья группа объединяла документы государственной важности из провинциальных архивов и различных ведомственных канцелярий аппарата великого визиря [BOA, İ. Meclis-i Vala, 4093; A. DVN., 42/12].

Однако организация Хазине-и Эврак не предполагала отмены ведомственных архивов, в которые продолжала поступать и накапливалась текущая документация.

В этот же период — конца 30-х гг. XIX в. — появляется необходимость преобразования способов ведения делопроизводства. Все дефтеры, указатели и прочие бумаги решено было подразделять на четыре основных группы: военные дела, дела по Министерству внутренних дел, повседневные дела и дела по Министерству иностранных дел [BOA, Sevdet Dahiliye, 1050].

Ведомственные документы разбирались на две большие группы: важные — те, которые должны были быть перевезены в Хазине-и Эврак, и не имевшие особого значения, которые сдавались в старые хранилища. Отобранные для сохранения документы складывались в мешки, опечатывались, а затем сдавались директору Хазине-и Эврак. Он в свою очередь делал описи этих документов, составляя каталог-путеводитель поступившим документам, и распределял их по сундукам для дальнейшего хранения. На каждом сундуке надлежало указывать ведомственную принадлежность документов, находящихся внутри, инвентарный номер, период и даты, которые охватывают документы, и источник поступления документов. Сундуки запирались на замки, ключи от которых должны были постоянно находиться у директора. Согласно инструкции, османским архивистам надлежало фиксировать дату и краткое содержание документа [A. DVN. MKL., 63-A/1].

Сами документы распределялись по большим группам в соответствии с ведомством, создавшим их, содержанием или изложенными в них проблемами. Внутри этих групп документы распределялись по датам и пронумеровывались. Часть документов, в основном августейшие послания (*Хатт-и Хумаюн*) и указы (*Ираде*), была зафиксирована в особых дефтерах в соответствии с темами<sup>8</sup>.

<sup>8</sup> В настоящее время эти материалы составляют одну из коллекций Османского архива, которая получила название «Описание Высочайших распоряжений» (*Hatt-i Hümayün Tasnifi*) и насчитывает 31 том.

Большое количество документов в Хазине-и Эврак вынудило османские власти максимально упростить и ускорить процедуру поиска необходимых материалов. В 1850 г. вышло постановление межлиса о составлении специального указателя (*тасниф*) архивных дел первоочередной важности, а также специального описания второстепенных документов и об условиях их хранения [BOA, İ. Meclis-i Vala, 5150]. Для этого дополнительные экземпляры архивных каталогов, которые были составлены в Хазине-и Эврак, решено было поместить в тех правительственных канцеляриях, которым требовалось чаще других обращаться к архивам. Первоначально такие каталоги были направлены в канцелярию Дивана и отдел Амеди<sup>9</sup> этой канцелярии. Это было сделано с целью ускорить документооборот и поиск необходимых материалов. Такого рода указатели должны были храниться у секретарей Дивана и Палаты внешних сношений. В случае надобности того или иного документа чиновники по данному указателю могли найти и выписать дату и номер дела и отправить эти сведения в специальном ларце с нарочным в Хазине-и Эврак, чтобы служащие архивного хранилища нашли для них нужный документ. Однако в связи с тем что служащие обычно забывали возвращать документы, решено было выдавать их на срок не более 15 дней и под личную расписку заказавшего их чиновника. Если работа с документом не была закончена, этот срок можно было продлить. В случае если документ не возвращали, директор Хазине-и Эврак был вправе официально затребовать его розыск [BOA, İ. Meclis-i Vala, 12019].

В 1856 г. в Лондоне была специально закуплена машина для печати литографий, с помощью которой снимались копии с документов. Это было предпринято для того, чтобы лучше сохранить ветшавшие документы и чтобы их было легче читать [BOA, İrade Dahiliye, 22632].

Однако строительство здания архивохранилища не привело к централизации государственного архива. По-прежнему сохранялись архивы во дворце Топкапы и в других местах.

В 1861 г. в системе государственного делопроизводства на территории Османской империи произошли очередные изменения. Для того чтобы упростить бюрократические процедуры, дисциплинировать чиновников, ускорить документооборот и облегчить возможность управления перепиской и потоком документов между различными министерствами, провинциальными властями и другими государственными службами, была создана Палата документов Высокой Порты — Баб-ы Али Эврак Одасы [BOA, Meclis-i Tanzimat Defteri, nr. 2, с. 1–2]. Вскоре объем деятельности нового ведомства был значительно расширен. Так, в ведение Палаты перешла и вся переписка, связанная с районами империи, имевшими особый статус (Болгарией, Египтом, Кипром, Боснией и Герцеговиной), а также различные вопросы особой государственной важности

<sup>9</sup> Это была Четвертая канцелярия Дивана, основанная в XVIII в. Канцелярия занималась подготовкой докладных записок на имя султана, а также перепиской с другими странами. Тут же регистрировались отчеты посольств. Канцелярия имела важное значение и просуществовала вплоть до падения империи.

(например, по работе Комиссии по мухаджирству, строительству Хид-жаской железной дороги и т.п.).

Следует отметить, что частые пожары и природные катаклизмы в Стамбуле причиняли время от времени зданию архива большой ущерб. После землетрясения 1878 г. оно было признано аварийным [BOA, A. DVN. MKL., 63-A/20] и в 1880 г. Департамент внутренних дел государственного совета Османской империи предписал произвести капитальный ремонт в здании [BOA, İ. Şura-yı Devlet, 3697]. Благодаря предпринятым мерам здание смогло обеспечить документам надежную защиту во время пожаров, которые часто происходили в Стамбуле. Одновременно с концентрацией документов в Хазине-и Эврак документы начали собирать и частные лица. Известно, что в распоряжении о сохранении официальных документов, которое было направлено различным чиновникам империи, говорилось о необходимости сохранять все доклады, распоряжения, памятные записки и прочие документы, связанные с государственными делами и проблемами [BOA, Y.A. Res., 108/22]. Предписывалось тщательно сохранять такие материалы, как указания органов верховной власти посольствам, губернаторам и чиновникам, и запрещалось передавать их третьим лицам. Их необходимо было хранить в виде особых дел и списков в ведомственных архивах. Подчеркивалось, что распоряжения, связанные с материальной выгодой, а также различные указания, получение которых может быть связано с исполнением особо важных дел, должны сохраняться у получателей того или иного распоряжения, письменного напоминания или телеграммы. В этот же период было принято решение выдавать просителям не оригиналы документов, а заверенные их копии под расписку [BOA, İrade Sadaret, 1331 Z/2].

Одним из способов сохранения документов, применявшихся в османских архивах, была замена чернил, используемых при написании официальных материалов. Анилиновые чернила, на которые турецкие канцелярии перешли во второй половине XIX в., быстро выцветали. На это первыми обратили внимание чиновники османского военного ведомства, и был издан специальный указ, который предписывал использовать только местные турецкие чернила. Помимо этого, были разработаны чернила специального химического состава, которые были более долговечными, чем анилиновые [BOA, ВЕО, 303394].

Несмотря на эти меры, содержание документов в османских архивах все же оставалось неудовлетворительным и вызывало нарекания. Об этом свидетельствуют отчеты османских служащих о состоянии тех документов, которые хранились в подвалах Топкапы и Баб-и Али [BOA, Y. EE. 30/124/51/78].

Следует отметить, что в ходе реформ Танзимата османская бюрократия начинает перенимать методы оформления и подготовки деловых и финансовых бумаг, принятые в Европе. Языком внутреннего общения членов бюрократического аппарата между собой становится французский. В связи с этим, на рубеже XIX–XX вв. в Османской империи практически не остается государственных служащих, которые могли бы

прочитать документы XV–XVIII вв., например хозяйственные и финансовые бумаги, оформлявшиеся письмом сиякат, или дипломатические, составленные почерком дивани. Это было связано с палеографическими особенностями документов, а в случае с сиякат и с их содержанием (поскольку зачастую сиякат представлял собой сокращенную или зашифрованную запись и предполагал осведомленность адресата в общих чертах о том, что говорилось в документе). Несмотря на то что в 1900 г. в Министерство финансов, Недвижимого имущества, Государевых регистров, а также в Управление Высочайшего Дивана было направлено специальное распоряжение [BOA, ВЕО, 117732] относительно подготовки персонала, владевшего навыками работы с подобными документами, ситуация не улучшилась [BOA, ВЕО, 292457]. Надо отметить, что во многом она остается такой и по сей день. По личным наблюдениям автора статьи, многие турецкие исследователи и сотрудники архивов с легкостью читают документы позднего периода середины XIX — начала XX вв., но не могут разобрать тексты документов более раннего времени.

В 1892 г. в административной системе Османской империи произошли важные изменения, отчасти коснувшиеся и архивного дела. Было решено перейти к новой системе делопроизводства — ведению дел (*dosya*), а не дефтеров [BOA, DUİT., 37–2/11–4]. Подготовка к изменениям была тайной. Однако переход к ней затянулся вплоть до 1916 г.

В годы второго конституционного периода с 1908 по 1914 г. произошли очень важные изменения в архивном деле в Османской империи. Особенностью этого периода стало то, что теперь разрешалось пользоваться архивами не только государственным служащим, но и частным лицам для различных юридических процедур и научных исследований. Значение архивов значительно возросло после создания Комиссии по османской истории и деятельности Издательства османской истории. В этот период главе Комиссии по Османской истории Абдуррахману Шереф-бею было разрешено проводить изыскания в архивных хранилищах в Топкапы и в районе площади Султанахмет. Была составлена комиссия в составе 10 человек, которая и занималась описанием древних актов [Şeref, 1328, с. 265]. Кроме того, ему было поручено составить каталоги и описания документов из этих хранилищ. Именно благодаря его усилиям была начата работа по классификации документов, которые не были переведены в Хазине-и Эврак и оставались в подземных хранилищах на территории дворца Топкапы и за его пределами. Всего усилиями комиссии из старых подвалов было вывезено в библиотеку дворца великого визиря 518 подвод с документами. Еще 200 подвод были вывезены во дворец Йылдыз и сложены там в дворцовой мечети. Эти документы были переплетены и расположены в томах частично в хронологическом порядке, а отчасти предметно (например, отдельные тома содержали документы, относившиеся к договорам о Храме Гроба Господня в Иерусалиме) [Бартольд, 1973, с. 360].

Особая роль в становлении османского архивного дела принадлежала члену-корреспонденту Комиссии по османской истории, католиче-

скому священнику, венгру по происхождению, Имре Карачону, который был официально направлен венгерским правительством в Стамбул для изучения истории Венгрии в период господства Османов. Он ознакомил турецких историков с состоянием архивного дела в Венском архивном департаменте: представил схемы и планы, порядок внутренней организации и работы с документами и сообщил, что в Вене имеется даже фото-студия для пересъемки документов [Binark, 1980, с. 23–38].

Работа комиссии продолжалась вплоть до 1914 г. и была прервана в связи с разногласиями между Абдуррахманом Шереф-беем и руководством Хазине-и Эврак. Формальным поводом стал его рапорт на имя великого визиря с просьбой, в связи с его чрезмерной занятостью, передать все мероприятия по описанию документов в Хазине-и Эврак. Его просьба была удовлетворена, и была создана особая комиссия из представителей Хазине-и Эврак и Палаты документов и канцелярии Амеди для продолжения работы [ВОА, ВЕО, 320696].

Некоторые результаты работы комиссии Абдуррахмана Шереф-бея были опубликованы в журнале «Revue historique», который издавался обществом османской истории, в статье «Древние бумаги и наши исторические документы». В. В. Бартольд в своей работе «Хранение документов в странах мусульманского Востока» дает оценку этой статье, отмечая, что статьи об архивном деле из данного журнала хотя и свидетельствуют о пробуждении среди образованных «османцев» интереса к своему прошлому, в то же время доказывают их неспособность справиться, без помощи европейских научных сил, с соответствующими научными задачами [Бартольд, 1973, с. 361].

В этот период в переписке османских министерств начинает появляться т.н. принцип «поддержания связи» (*ильги тутма*). Он заключался в следующем. Для более правильного и упорядоченного ведения дел в прошениях, рапортах и ответных письмах необходимо было открыто указывать номер документа, его дату, название отправителя (учреждения или частного лица). Такой же порядок был введен и при оформлении телеграмм [Osmanlı Arşivi Bülteni, 1990, с. 14].

В годы правления султана Абдулхамида II в его резиденции — дворце Ыылдыз — сформировался огромный архив. В начале 1910-х годов он был передан в ведение Центрального командования (Османского генерального штаба), где его изучением занялись военные. Их интересовали, прежде всего, доносы полицейских осведомителей и секретные рапорты. Все, что относилось к государственным делам, передавали в канцелярию великого визиря в ведение особой комиссии (под руководством Махмуда Кемаля Инала), которая распределяла эти документы по архивам соответствующих департаментов и ведомств [Öz, 1952, с. 453].

В конце 1913 г. началась ревизия архивов четырех османских ведомств: Министерств внутренних и иностранных дел, ведомства великого визиря, а также документов Государственного совета. Поскольку документы были сильно подпорчены и хранились в беспорядке, часть из них было решено временно складировать в отдельные сундуки, что-

бы в будущем счесть за ненадобностью. Остальные решено было упорядочить и распределить по картонным папкам в соответствии с их ведомственной принадлежностью. Для этого было решено создать специальную комиссию, в которую входило бы по одному чиновнику из указанных министерств, а также специальную группу из числа архивистов Министерства иностранных дел [BOA, BEO, 318983; 319159; DH İD, 185-1/38].

В 1915 г. происходят очередные изменения в статусе Хазине-и Эврак. Чиновников-архивистов Министерства иностранных дел и ведомства великого визиря решено было объединить под эгидой Генерального управления хранилища документов Высокой Порты, образовав два подразделения: Великого визиря и МИДа. Согласно «Проекту установления относительно Генерального управления хранилища документов Высокой Порты», для руководства Хазине-и Эврак и координации действий со всеми ведомствами из секретарей ведомства великого визиря и МИДа создавалась специальная «комиссия Хазине-и Эврак» под руководством министра иностранных дел. Проект был одобрен османским Государственным советом [BOA, Şura-yı Devlet., 2835/31]. Однако в 1916 г. начались запланированные изменения в системе делопроизводства, и поэтому было решено объединить под одним руководством архивы великого визиря, министерств иностранных и внутренних дел, а также Государственного совета. Из чиновников этих учреждений была образована Комиссия Хазине-и Эврак, которая подготовила новый проект «Организации хранилища документов Высокой порты». В отличие от предыдущего проекта, теперь руководство Хазине-и Эврак переходило к канцелярии великого визиря. Члены комиссии не смогли выработать единого мнения по вопросу о том, какие документы необходимо сохранять, какие документы можно переводить в хранилища Хазине-и Эврак для публичного доступа и хранить в закрытом режиме в ведомственных архивах. Поэтому ими были подготовлены отдельные докладные записки на эту тему [BOA, DUİT., 37-2/11-4]. В конце 1917 г. было выпущено новое положение о статусе Хазине-и Эврак, согласно которому в Генеральном управлении хранилища документов Высокой порты предусматривалось создание еще двух отдельных департаментов: Управленческих документов и Исторических документов [BOA, A. DVN. MKL., 63-A/24]. Но в связи с ухудшением положения на фронтах Первой мировой войны эти работы были прерваны и не доведены до конца.

В 1915 г. османское правительство сочло необходимым, в связи с угрозой нападения на Стамбул, вывезти наиболее важные документы из Хазине-и Эврак. 208 ящиков с документами были погружены на специальный поезд, предоставленный Министерством обороны, и отправлены в Конью. Губернатору Коньи были даны особые распоряжения на счет хранения архивов. Но уже через год архивы были возвращены обратно в Стамбул тем же специально оборудованным поездом [BOA, BEO. Siyasi, 34/42: Meclis-i Vükela Mazbataları, 197/107; Meclis-i Vükela Mazbataları, 201/45].



В начале 1916 г. с целью лучшего сохранения и упорядочения бумаг, находившихся в различных государственных учреждениях, вышла в свет новая Инструкция по делопроизводству (талиматнаме) [BOA, DUİT., 37-2/11–5]. В соответствии с ней, все указы и документы, которые подлежали сохранению и занесению в папки с делами, необходимо было, прежде всего, правильно зарегистрировать. Из канцелярий требовалось убрать все лишние бумаги, за исключением тех, которые, в соответствии с требованиями аппарата великого визиря, необходимо было оставить и сохранить. Также говорилось о необходимости сохранять в папках копии и оригиналы вообще всех документов и увеличить количество чиновников, занимавшихся перепиской, копированием и регистрацией документов. Кроме того, решено было построить для хранения документов отдельное помещение, ввиду того что в Хазине-и Эврак фактически не осталось места для их хранения. К тому же само здание сильно пострадало от нескольких пожаров в конце XIX — начале XX в.

Постепенно все ведомственные архивы Османского государства стали передаваться в распоряжение данного учреждения, однако в 1914 г. в связи с началом Первой мировой войны данный процесс был приостановлен.

Часть документов, собранных в период правления Абдулхамид II, начиная с последней четверти XIX в., извлекалось из архивохранилищ для описания и классификации и временно складировалось в Храме Святой Софии сначала в махфилях<sup>10</sup>, а затем в помещениях, примыкавших к галерее храма [Türkay, 1968, с. 45–46]. Большая часть находившихся документов была посвящена делам вакфов. В 1916 г. была создана особая комиссия из числа чиновников Министерства по делам вакфов, которая начала каталогизацию и описание этих архивов. Поскольку среди этих документов были найдены важные материалы, относившиеся к деятельности Военного министерства, Министерства финансов, Морского министерства и Министерства государственного имущества, было принято решение направить от каждого из них специального чиновника, который бы составил опись этих документов и определил бы для них надежное место хранения [BOA, DH.KMS, 42/25].

В 1917 г. для османской бюрократии весьма актуальным стал вопрос об уничтожении некоторой части документов. Во-первых, это было связано с излишним количеством материалов, которые скопились в османских архивах. Во-вторых, это было связано с ситуацией на фронтах и угрозой военного поражения. Однако специальной инструкции на этот счет издано не было, поэтому была организована смешанная комиссия из представителей ряда османских министерств и ведомств, которая должна была отделить значимые документы от неважных и принять решение об их уничтожении. Но, в связи с тяжелым положением в стране, комиссия так и не смогла приступить к работе [BOA, VEO, 335986].

Несмотря на тяжелое военное время, в Османской империи продолжалась текущая работа служащих архивов по описанию и классифика-

<sup>10</sup> Махфиль — место в мечети, предназначенное для правителя или высших государственных лиц и где обычно могли заседать мусульманские судьи и переписчики.



ции документов, собранных еще Абдуррахманом Шереф-беем и хранившихся в Библиотеке Блистательной Порты. В декабре 1920 г. в Стамбуле была образована Комиссия по классификации исторических документов [ВОА, ВЕО, 349985]. В ее задачу входила классификация и описание документов, находившихся в библиотеке дворца великого визиря. Главой комиссии был назначен Али Эмири Эфенди. В ходе работы комиссии выявлялись документы, которые необходимо было перевезти в Хазине-и Эврак. Все обнаруженные документы были разделены на три части. Первая часть содержала материалы государственной важности, которые были направлены в Хазине-и Эврак. Вторая часть, содержавшая документы, связанные с деятельностью дворца Топкапы, с жизнью султанов и их окружения, была направлена в его хранилища. В Топкапы принималось окончательное решение о судьбе этого документа. К третьей группе были отнесены документы, которые не принадлежали ни к первой, ни ко второй группе.

Система классификации и описания документов в Османской империи заключалась в следующем: сначала в хранилищах отбирались необходимые документы, которые чиновники сворачивали в свитки в соответствии с периодами правления султанов, находившихся в то время у власти. Затем эти документы складывали в сундуки, которые направлялись на рассмотрение комиссии. Разбирая эти документы, члены комиссии распределяли их по большим тематическим разделам. Османские архивисты внутри тематических блоков располагали документы в хронологическом порядке, в соответствии с периодом правления султана и датой их создания. Каждый документ пронумеровывался, заверялся печатью, и затем принималось решение подшить его в дело. Каждому делу присваивался порядковый номер и составлялось краткое описание бумаг, которые находятся внутри него. После этих процедур дела отсылались в то ведомство, в котором они когда-то были созданы, или же к которому они имели отношение. Те документы, которые были повреждены, решено было отреставрировать [ВОА, ВЕО, 349985; ВОА, ВЕО, 350226]. Комиссия столкнулась с неожиданными проблемами: помещение, в котором проводились работы, оказалось слишком маленьким, и поэтому было решено выделить другое, более просторное [ВОА, ВЕО, 350292].

Комиссия продолжала свою работу до 1924 г. Однако, вследствие конфликта между архивистами относительно методов каталогизации и описания, Али Эмири Эфенди подал в отставку, и комиссия вынуждена была прекратить свою работу [Çetin, 1985, с. 6]. Всего же за время работы комиссии было описано и каталогизировано более 180 000 документов, которые охватывали временной период от эпохи бейликов (XIII в.) и до правления султана Абдулмеджида (1839–1861). Каталог этих документов под названием «Опись Али Эмири» насчитывает 53 тома с описаниями документов, в настоящее время находится в ОАКПМ и доступен исследователям. В каталоге содержатся описи документов, освещающих политику Османской империи, ее войны, дипломатические отношения

с другими государствами, вопросы раздачи тимаров и зеаметов. Там же содержатся материалы заседаний Дивана по важнейшим вопросам жизни страны [Genç, 1992, с. 393–394].

После отставки Али Эмири Эфенди была сформирована новая комиссия под руководством Махмуда Кемала Инала. Работа по описанию и классификации архивных материалов продолжалась с мая 1924 г. по май 1926 г. Особенностью каталогов и описаний, составленных под его руководством, стало то, что документы теперь были расположены не в соответствии с годами правления султанов, а по тематическим группам: юстиция, военные документы, документы по истории флота, документы внутренних дел, документы, связанные с чеканкой монет; древние акты.

Всего было обработано 47 000 документов, охватывающих период с 1425 по 1873 г. Описание составило 29 томов. Внутри каждого тематического раздела сохранялась общая хронология документов.

Как видно, в Османской империи не существовало единых форм и методов работы с документами и архивными материалами. Турецким архивистам не было еще известно даже самого слова «архив». Тем не менее, на тот момент Турция была единственным мусульманским государством, в котором была сделана попытка реорганизовать архивное дело по европейским образцам [Бартольд, 1973, с. 359–361]. Отчетливо видно, что в рассматриваемый период турецкими бюрократическими кругами были предприняты попытки «упорядочивания» архивного дела и хранения документов. В данном случае под «упорядочиванием» подразумевалась реорганизация архивного дела, предусматривавшая, прежде всего, упрощение бюрократических процедур и сокращение резко возросших объемов документооборота, контролировать который, используя старые методы, становилось все труднее. Такие инициативы исходили, в основном, «сверху» и первоначально не предусматривали возможности использования архивных материалов в научных целях. Особенностью османского архивного дела в рассматриваемый период стало отсутствие единообразного подхода к организации описей и каталогизации архивных документов. Это свидетельствует о том, что вплоть до середины 20-х годов XX в. у османских архивистов отсутствовало четкое представление о роли и задачах архивных учреждений в стране. Не существовало также и стандартов описания самих документов. Интересно, что такой подход сохраняется и поныне.

Реформы в области архивного дела не были доведены до своего логического завершения. Одновременно с этим в системе делопроизводства происходил лавинообразный рост количества документов и увеличение числа чиновников. Примечательно, что основным способом организации работ по описанию документов стал коллективный принцип — для решения каких-либо проблем, связанных с архивами и документами, создавались комиссии. При этом в турецких условиях они показали свою неэффективность. Многие из тех каталогов, которые были подготовлены в Османской империи, сохранившись практически в изначальном (иногда в рукописном) виде, с незначительными изменениями, доступны для

исследователей. Это описи султанских указов, августейших посланий, а также каталоги дефтеров и дел Палаты бумаг Высокой Порты, документов канцелярии Высочайшего дивана, протоколов решений Государственного совета [Genç, 1993, с. 311–312].

После образования Турецкой Республики новые власти не сразу осознали важность архивов. После отмены султаната — 1 ноября 1922 г. — все делопроизводственные процедуры в султанских учреждениях были остановлены. Заслуживавшим доверие чиновникам бывшей султанской администрации поручили до особого распоряжения лишь сохранять те документы, которые уже имелись в канцеляриях. 1 марта 1923 г. турецкое правительство утвердило новое ведомство по делам архивов (оно получило название Канцелярия хранилища документов), задачей которого являлось сохранение архивов Османской империи. Первым хранителем архивов Турецкой Республики был назначен бывший директор Хазине-и Эврак Махмуд Недим Бей. Новая канцелярия была подчинена аппарату особой канцелярии при ВНСТ (Великом национальном собрании Турции). Однако по мере реформирования турецкого общества менялась и архивная служба. 31 мая 1925 г. она была переподчинена Управлению Особой канцелярии при премьер-министре. Название было также изменено. С 1 июня 1927 г. произошло очередное изменение — канцелярия снова изменила свое название на «Управление Вице-директора хранилища документов» и перешла в ведение Секретариата Премьер-министра. 20 мая 1933 г. было решено объединить Управление документации, которое находилось в Анкаре, и Управление Вице-директора хранилища документов. Новая структура получила название «Управление Документации и Хранилища документов при кабинете Премьер-министра». 19 апреля 1937 г. Управление было переименовано в Архивный департамент при кабинете премьер-министра. Законом № 4443 от 29 июня 1943 г. Департамент был переименован в Генеральное управление архивов при кабинете премьер-министра [Çetin, 1981–1982, с. 593–595]. 27 февраля 1982 г. законом № 8/4334 о реорганизации министерств архивная служба снова была включена в состав аппарата премьер-министра под названием «Управление департамента Османского архива» [Binark, 1985, с. 221].

В его фондах хранятся практически все сохранившиеся до настоящего времени документы государственных учреждений Османской империи с момента ее основания в конце XIII в. и вплоть до образования Турецкой Республики в 1924 г. В первой половине XX в. в системе хранения архивов государственных учреждений в Османской империи начали происходить существенные изменения. В 20–30-х годах XX в. был принят ряд постановлений, в соответствии с которыми был утвержден статус архива как госучреждения. Архив был подчинен 1-му заместителю премьер-министра. 27 февраля 1982 г., в соответствии с законом о преобразовании министерств, архив был подчинен Кабинету премьер-министра и стал называться Османский архив при Кабинете премьер-министра.

В настоящее время архив открыт для иностранных исследователей. В архиве обеспечены весьма комфортные условия работы. Часть документов перенесена в электронный каталог в базе данных архива (в частности, акты XV–XVII вв.), благодаря чему работать с ними удобно. Тем не менее, по оценкам некоторых турецких исследователей, к настоящему времени открыто и описано лишь около 20% османских документов. Остальные 80% все еще находятся в хранилищах Османского архива при Кабинете премьер-министра и остаются практически неописанными и недоступными для исследователей. Таким образом, турецкие архивы только сейчас начали открывать свои фонды и издавать описи неизвестных ранее документов. Не следует забывать, что огромное количество османских архивных документов до настоящего времени хранится в архивах бывших провинций Османской империи. Известны публикации найденных Н. Н. Шенгелия в Болгарии архивных реестров Вилайета Гюрджистан, османских документов из Венгрии (Юлиус Немет, Кальди Надь), Румынии (Мустафа Мехмед, Михай Максим), трофейных архивных фондов в России. Остаются малоисследованными османские фонды архивов Албании, Македонии, Египта, Сирии, Ирана, сведениями о которых тем не менее располагают специалисты.

### **Другие османские ведомства, создавшие собственные архивы, не включенные в Хазине-и Эврак**

Во второй половине XIX в. реформы Танзимата породили в Османской империи большое количество новых министерств и ведомств. Каждое из них унаследовало от своих предшественников и те архивные материалы, которые были накоплены за предшествующий период существования империи. Появление Хазине-и Эврак не привело к полному исчезновению ведомственных архивов, каждое ведомство имело еще и собственный архив, не связанный с Хазине-и Эврак.

Первым ведомством, появившимся в Османской империи, стало Министерство султанских вакуфов, образованное в 1826 г. Целью его создания была централизация управления вакуфными имуществами султанской казны. Находилось это ведомство во дворе дворца Топкапы, в здании султанского монетного двора.

В 1862 г. по результатам проведенной ревизии выяснилось, что архивы по делам вакуфов содержались в полнейшем беспорядке, а персонала для их обработки и хранения не хватало. Из-за этого казна потерпела большие убытки. Поэтому было принято решение выделить архиву необходимые помещения, материальные средства для хранения документов, а также направить туда квалифицированный персонал [BOA, İ. Meclis-i Vala, 21574, 21580].

В 1885 г. здание, где хранились архивы, было отремонтировано и к нему было пристроено дополнительное помещение для хранения документов. Были также закуплены дополнительные шкафы для хранения документов [BOA, İ. Şura-i Devlet, 4316]. Кроме того, для хранения документов стали использовать махфили на галереях Храма Святой Софии [Kazım, ТОЕМ, 1328 Н., с. 67].

Выше уже упоминалось о работе комиссии, которая разбирала эти материалы. Руководил ей Эфдалюддин бей [BOA, DH.KMS, 42/25]. В 1947 г. эти документы, принадлежавшие Главному управлению ваффов Стамбула, были полностью переданы в Османский архив. Их количество составило более 5,5 млн документов.

Другим ведомством, имевшим собственные архивы, был дефтердар. Оно ведало вопросами доходов и расходов различных османских провинций. Архивы дефтердара находились в том же помещении, что и дефтерхане. В 1871 г. его ведомство было переименовано в Министерство государевых дефтеров. Вслед за этим, министерство было переведено в новое здание в центре Стамбула (туда, где находится Стамбульское управление купчих крепостей и кадастров). В 1896 г., в связи со значительным увеличением документов в архивах нового министерства, было решено выкупить от имени государства три соседних дома, в которых находились небольшие лавки, и построить на их месте специальное здание для хранения документов [BOA, İ. Defter-i Hakani, 1314.C/8 ve İ. Defter-i Hakani, 1314. L/5]. Абдурахман Шереф-бей особо отмечал хорошую подготовку и умение служащих данного архива найти нужные документы и работать с ними. В частности, он говорил, что было строго запрещено выносить документы из хранилища и работать с документами можно было только в самом архиве [Binark, 1980, с. 30–31].

В 1837 г. было создано Министерство финансов, в ведение которого передали особняк Фуада Паши в стамбульском районе Байезид [İnal, 1954, с. 221]. Туда были перевезены все документы, которые за ненужностью более не использовались. Нужные же документы оставались в архиве при здании министерства в районе Султанхмет рядом с одноименной мечетью. В 1945 г. документы бывшего османского Министерства финансов были переданы в Османский архив. Всего было передано более 11 млн. материалов.

В 1835 г. были образованы министерство внутренних дел и министерство иностранных дел. В начальный период своего существования они были подчинены аппарату великого визиря. Поэтому вся переписка с другими ведомствами и провинциями шла через Канцелярию письмоводителя великого визиря. И первоначально их архивы находились в ведении канцелярии великого визиря. Точно так же и созданный в 1868 г. Департамент Государственного совета, ставший продолжением Высокого Меджлиса, первоначально использовал для хранения своих документов архивы канцелярий великого визиря [Genç, 1992, с. 28]. В 70-х годах XIX в. было издано распоряжение о постройке еще одного здания для хранения архивов Палаты бумаг и документов Государственного совета

в дополнение к уже имевшимся хранилищам. В этом же распоряжении говорилось о необходимости сохранения необходимых и важных в работе документов в специальных шкафах, а также о важности упорядочения дефтеров и групп документов, которые охватывают временные периоды от 20 лет и более [BOA, İ. Şura-i Devlet, 749]. В 1923 г. архивы Государственного совета были переданы Управлению по делам архивов [Binark, 1980, с. 160].

После упразднения Янычарского корпуса в 1826 г. была создана Канцелярия сераскера, ведавшая военными вопросами. Его канцелярия находилась в здании главного административного корпуса современного стамбульского университета. Дефтеры о пожалованиях и денежных выплатах янычарам, оставшиеся после уничтожения корпуса, были также включены в архив новой канцелярии [Uzunçarşılı, 1943, с. 605]. В 1908 г. Канцелярия сераскера была переименована в Военное министерство. Некоторая часть архивов Военного министерства была передана в Османский архив. Основные фонды же почти полностью находятся в Военном архиве при Генеральном штабе турецких вооруженных сил [Genç, 1992, с. 24]. При османском Военном министерстве был создан Отдел военной истории, который занимался работами по описанию, каталогизации и сохранению военных документов. При военном министерстве было создано также Военное хранилище документов. Военные историки также затребовали все архивные материалы, связанные с армией и военным делом, из Хазине-и Эврак, однако меджлис отказал им, указав директору Хазине-и Эврак выдавать в случае надобности лишь заверенные копии нужных документов [BOA, Meclis-i Vükela, 209/2].

В 1863 г. было создано Министерство общественных работ. Для хранения своих документов оно использовало часть здания, принадлежавшего больнице Ниса [BOA, İ. Şura-i Devlet, 4266]. В 1893 г. Министерство общественных работ было объединено с Министерством торговли. Вследствие этого значительно возрос объем документов, и для хранения архивов было решено построить новое здание [BOA, İ. Ticaret ve Nafia, 1310. Za/4]. В 1953 г. все материалы данного ведомства (их количество достигло полумиллиона) были переданы в Османский архив.

В 1883 г. распоряжением Государственного совета было предписано построить отдельное хранилище документов для Министерства здравоохранения [BOA, İ. Şura-i Devlet, 3840]. В 1899 г. было издано ираде о необходимости постройки нового здания для медицинских архивов [BOA, İ. Sıhhiye, 1317. R/1]. Однако уже через четыре года после этого специальная комиссия, созданная для каталогизации этих архивов, приняла решение «уничтожить данные материалы за ненадобностью» [BOA, Y.MTV., 252/64].

В 1839 г. было создано Министерство общественной безопасности, которое занималось обеспечением общественного порядка в стране. В 1875 г. был издан указ о необходимости постройки трех специальных хранилищ документов в парке, примыкавшем к зданию министерства [BOA, İ. Şura-i Devlet, 1394]. В 1908 г., после того как министерство

было переименовано в Полицейское управление, выяснилось, что часть полицейских документов хранится в Канцелярии бумаг и документов Стамбульского вилайета [BOA, DH. MUI., 15-3/15]. Для того чтобы не допустить потери этих документов, была создана комиссия по их описанию и сохранению. Часть этих документов состояла из доносов, составленных во время правления султана Абдулхамида II. Они были переданы соответствующей комиссии по изучению материалов архива дворца Ыылдыз [BOA, DH. EUM. THR., 80/69]. Документы бухгалтерской части Министерства общественной безопасности находились в полном беспорядке в подвалах Главного управления полиции Стамбула в районе Байезид. Для их описания и предотвращения порчи было предпринято все необходимое [BOA, DH. EUM. MH., 123/17]. Кроме того, из хранилищ документов в районе Султанахмет были извлечены все документы, связанные с деятельностью управления, и переданы в архив полиции [BOA, DH.EUM.VRK., 8/66]. Однако в связи с недостаточностью места в архивах полиции было принято решение «оставить все документы на прежнем месте» [BOA, DH. EUM. VRK., 9/40].

## Литература

Бартольд В.В. Хранение документов в государствах мусульманского Востока. Сочинения. Т. VIII, М.: Наука, 1973.

Мунтаджаб ад-Дин Бади Атабек ал-Джувайни. Ступени совершенствования катибов (Атабат ал-катаба). М., 1985.

Aktaş N. Osmanlı Döneminde Arşivciliğimiz ve Tasnif Çalışmaları. Belgelerle Türk Tarihi Dergisi. Mart 1985, sy. 1.

Binark İ. Arşivlerimizin Değeri ve Son Vak'anüvis Abdurrahman Şeref Bey'in «Evrak-i Atika ve Vesa ik-i Tarihiyyemiz» Adlı Yazısı. Türk Kütüphaneciler Derneği Bülteni, XXIX, 1, 1980.

Binark İ. Arşivlerle ilgili Mevzuat, Çalışmalar ve Öneriler. Osmanlı Arşivleri ve Osmanlı Araştırmaları Sempozyumu. İstanbul, 1985.

Çetin A. II. Meşrutiyet Döneminde Arşivlerimize Ait Belgeler, Türk Dünyası Araştırmaları, Şubat, 1985.

Çetin A. İstila-i Keferede Kalan Osmanlı Defterleri. Türk Dünyası Tarih Dergisi. Mart 1987.

Çetin A. Osmanlı Arşivciliğine Toplu Bir Bakış. Türk Kütüphaneciler Derneği Bülteni, XXXIII, 2 (1984).

Çetin A. Türkiye Büyük Millet Meclisi Hükümeti'nin, Osmanlı Devlet Arşivi ve Mülga Sadaret Evrakının Muhafazası Hakkında Aldığı Kararlara Ait Bazı Belgeler. Tarih Enstitüsü Dergisi, sayı XII (1981-1982).

Elker S. Mustafa Reşid Paşa ve Türk Arşivciliği. IV. Türk Tarih Kongresi. Ankara, 1952.

Emecen F. Sefere Götürülen Defterlerin Defteri. Prof. Dr. Bekir Kütükoğlu'na Armağan. İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Tarih Araştırma Merkezi. İstanbul, 1999.



Findley C. V. 19. Yüzyılda Osmanlı İmparatorluğu'nda Bürokratik Gelişme. Tanzimat'tan Cumhuriyet'e Türkiye Ansiklopedisi, c.1. İstanbul, 1985.

Genç Y. İ. Başbakanlık Osmanlı Arşivi Rehberi. Ankara, 1992.

Genç Y. İ. Başbakanlık Osmanlı Arşivi Tasnif Faaliyetlerine Genel Bakış ve Analitik Tasnif Çalışmaları. Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü Osmanlı Arşivi Daire Başkanlığı Personeli Hizmetçi Eğitimi Ders Notları. İstanbul, 5 Ekim 1992 – 3 Aralık 1992. İstanbul, 1993.

İnal İ–E. M. K. Osmanlı Devrinde Son Sadrazamlar, c.1. İstanbul, 1954.

Kanunname. Atıf Efendi Kütp., nr 1734, vr. 12a.

Kazım M. Vesaik-i Tarihimiz. TOEM. İstanbul, 1328 H.

Osmanlı Arşivi Bülteni. İstanbul, 1990.

Öz T. «Yıldız Maruzat Arşivi Dairesi». IV. Türk Tarih Kongresi, 1948. Ankara, 1952.

Şeref A. Evrak-i Atika ve Vesik-i Tarihiyyemiz. TOEM, 1.cüz, 1 Kanun-ı Evvel 1326. İstanbul, 1328.

Türkay C. Osmanlı İmparatorluğunda Arşiv. Belgelerle Türk Tarih Dergisi, c. II, sy. 7, 1968.

Uzunçarşılı İ. H. Kapıkulu ocakları, cilt 1. Ankara, 1943.

Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı Devletinin Merkez ve Bahriye Teşkilatı. Ankara, 1984.

## Список сокращений и использованных архивных фондов

Шифр фонда	Турецкое название фонда	Перевод смысла
A. DVN.	Sadâret Dîvân-ı Hümâyûn Kalemî Defterleri	Дефтеры канцелярий дивана при аппарате великого визиря
A. DVN. MKL.	Sadâret Dîvân-ı Hümâyûn Kalemî Mukavele	Канцелярия переписчиков дивана при аппарате великого визиря
A. MKT. NZD.	Sadâret-Nezâret ve Devâ'ir	Документы министерств и департаментов аппарата великого визиря
BEO	Bâb-ı Âli Evrak Odası	Палата документов Высокой Порты
BOA	Başbakanlık Osmanlı Arşivi	Османский архив при кабинете Премьер-министра
Cevdet Dahiliye		Документы, относящиеся исключительно к Министерству внутренних дел
DH. EUM. MH.	Dahiliye Emniyet-i Umûmiye Muhasebe Kalemî	Счетная канцелярия Управления общественной безопасности Министерства внутренних дел



DH. EUM. THR.	Dahiliye Emniyet-i Umûmiye Tahrirât Kalemi	Регистрационная канцелярия Управления общественной безопасности Министерства внутренних дел
DH. EUM. VRK.	Dahiliye Emniyet-i Umûmiye Evrak Kalemi	Делопроизводственная канцелярия Управления общественной безопасности Министерства внутренних дел
DH. İD.	Dahiliye İdare	Управление Министерства внутренних дел
DH. KMS.	Dahiliye Kalem-i Mahsûs	Особая канцелярия Министерства внутренних дел
DH. MUI.	Dahiliye Muhâberât-ı Umûmiye İdaresi	Управление общественной информации Министерства внутренних дел
DUIT.	Dosya Usûlü İradeler Tasnifi	Каталог указов, оформленных в виде дел (а не дефтеров)
İ.	İrade	Указ
I. Dahiliye,	İrade Dahiliye,	Указы по Министерству внутренних дел
İ. Defter-i Hakani	İrade Defter-i Hakani	Указы по Министерству государевых дефтеров
İ. Meclis-i Vala	İrade Meclis-i Vala	Указы по Высокому Меджлису
İ. Müsail-i Mühimme	İrade Müsail-i Mühimme	Указы касательно особо важных проблем
İ. Sadaret	İrade Sadaret	Указы по канцелярии великого визиря
İ. Sıhhiye	İrade Sıhhiye	Указы по Министерству здравоохранения
İ. Şura-i Devlet	İrade Şura-i Devlet	Указы по Государственному совету
İ. Ticaret ve Nafia	İrade Ticaret ve Nafia	Указы по Министерству торговли и общественных работ
MAD.	Maliye'den Müdevver Defterler	Тетради с выписками сведений из дефтеров Министерства финансов о финансово-экономическом состоянии податного сословия
Meclis-i Tanzimat Defteri		Тетрадь Совета по Танзимату
Meclis-i Vükela		Документы османского Совета министров
Meclis-i Vükela Mazbataları		Решения Совета министров

Mühimme Defteri		Тетради важных дел
TOEM	Târîh-i Osmânî Encümeni Mecmuası	Журнал комиссии по Османской истории
Y. MTV.	Yıldız Mütenevvi Mâruzât	Переписка (от нижестоящего чиновника к вышестоящему) по разным вопросам из канцелярии дворца Ыылдыз
Y. A. RES.	Yıldız Sadâret Resmî Mâruzât	Документы официальной переписки аппарата великого визиря и канцелярии дворца Ыылдыз
Y. EE.	Yıldız Esas Evrakı	Основной фонд документов дворца Ыылдыз

### Источники

1. BOA, A. DVN., 42/12.
2. BOA, A. DVN., 94/66.
3. BOA, A. DVN. MKL., 63-A/1.
4. BOA, A. DVN. MKL., 63-A/10.
5. BOA, A. DVN. MKL., 63-A/20.
6. BOA, A. DVN. MKL., 63-A/24.
7. BOA, A. MKT. NZD., 107/72.
8. BOA, BEO, 117732.
9. BOA, BEO, 292457.
10. BOA, BEO, 303394.
11. BOA, BEO, 319914.
12. BOA, BEO, 320696.
13. BOA, BEO, 335986.
14. BOA, BEO, 349985.
15. BOA, BEO, 350226.
16. BOA, BEO, 350292.
17. BOA, BEO, Siyasi, 34/42:
18. BOA, BEO, 318983; 319159;
19. BOA, Cevdet Dahiliye, 1050.
20. BOA, DH İD, 185-1/38.
21. BOA, DH. EUM. THR., 80/69.
22. BOA, DH. EUM. VRK., 8/66.
23. BOA, DH. EUM. VRK., 9/40.
24. BOA, DH. EUM. MH., 123/17.
25. BOA, DH. KMS, 42/25.
26. BOA, DH. MUİ., 15-3/15.
27. BOA, DÜİT., 37-2/11-4.
28. BOA, DÜİT., 37-2/11-5.
29. BOA, I. Dahiliye, 18061.

30. BOA, I. Dahiliye, 7066.
31. BOA, İ. Meclis-i Vala, 1869, 12019.
32. BOA, İ. Meclis-i Vala, 4093.
33. BOA, İ. Meclis-i Vala, 5150.
34. BOA, İ. Sıhhiye, 1317. R/1.
35. BOA, İ. Şura-i Devlet, 1394
36. BOA, İ. Şura-i Devlet, 3840.
37. BOA, İ. Şura-i Devlet, 4266.
38. BOA, İ. Şura-i Devlet, 749.
39. BOA, İ. Ticaret ve Nafia, 1310. Za/4.
40. BOA, İ. Defter-i Hakani, 1314. C/8.
41. BOA, İ. Defter-i Hakani, 1314. L/5.
42. BOA, İ. Meclis-i Vala, 12019.
43. BOA, İ. Meclis-i Vala, 21574, 21580.
44. BOA, İ. Meclis-i Vala, 3772.
45. BOA, İ. Meclis-i Vala, 4093.
46. BOA, İ. Meclis-i Vala, 9956.
47. BOA, İ. Şura-i Devlet, 4316.
48. BOA, İ. Şura-yı Devlet, 3697.
49. BOA, İrade Dahiliye, 22632.
50. BOA, İrade Dahiliye, 5152.
51. BOA, İrade Müsail-i Mühimme, 658.
52. BOA, İrade Müsail-i Mühimme, 659.
53. BOA, İrade Müsail-i Mühimme, 699.
54. BOA, İrade Müsail-i Mühimme, 704.
55. BOA, İrade Sadaret, 1331 Z/2.
56. BOA, MAD., 7917, s. 461.
57. BOA, Meclis-i Tanzimat Defteri, nr. 2, s. 1–2.
58. BOA, Meclis-i Vükela, 209/2.
59. BOA, Mühimme Defteri, nr. 168, hkm. 306.
60. BOA, Şura-yı Devlet., 2835/31.
61. BOA, Y. A. Res., 108/22.
62. BOA, Y. EE.30/124/51/78.
63. BOA, Y. MTV., 252/64.
64. Meclis-i Vükela Mazbataları, 197/107.
65. Meclis-i Vükela Mazbataları, 201/45.

Введение, перевод, комментарии Ю. А. Аверьянова

## Османский агиографический источник «Вилайет-наме-и Хаджим Султан» (XVI век)

К основному агиографическому сочинению суфийского братства *бекташи́я* «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» примыкают и другие памятники жанра *вилайет-наме*, описывающие «подвиги» лиц, так или иначе связанных с *пиром* — основателем бекташизма Хаджи Бекташем Вели. В числе этих произведений в первую очередь должно быть упомянуто «Вилайет-наме-и Хаджим Султан», которое довольно рано стало известным европейским исследователям (раньше, чем «житие» Хаджи Бекташа). По сравнению с жизнеописанием пира, «Вилайет-наме-и Хаджим Султан» носит явно вторичный характер. Мы знаем о личности суфийского наставника Хаджима Султана в основном только благодаря этим двум вилайет-наме.

Первое издание «Вилайет-наме-и Хаджим Султан» было подготовлено известным немецким востоковедом Р. Чуди в Берлине в 1914 г.<sup>1</sup> В 1909 г. Чуди обнаружил в Константинополе бекташійскую рукопись, состоящую из 82 листов (из которых 7 последних были оставлены пустыми), размером 23 x 15 см. Рукопись была выполнена на белой бумаге, переплет сделан из папье-маше с кожаным тиснением. Текст написан почерком *наsx*, все исправления и примечания на полях были сделаны тем же почерком, что и основной текст. Заголовки выделены красными чернилами, коранические цитаты подчеркнуты красным, над арабскими словами поставлены огласовки. Рукопись не была датирована, но Р. Чуди предположил, что она была переписана в конце XVIII в. Лл. 1–31 содержали текст «Макалят-и Хаджи Бекташ Вели»; лл. 33–69 — «Вилайет-наме-и Хаджим Султан»; лл. 69–70 — «Фазилет-наме-и Шах-и вилайет имам Али»; лл. 70–72 — «Фазилет-наме-и Шах-и мардан»; лл. 73–75 — отрывок из «Фазилет-наме» известного бекташійского поэта Йемини (XVI в.). Традиция рукописного бытования памятника практически не изучена. Известно лишь, что в Кембридже, в личной коллекции проф. Э. Г. Брауна, хранилась рукопись, также представлявшая собой сборник,

<sup>1</sup> Das Vilâyet-nâme des Hâdschim Sultan: eine türkische Heiligenlegende. Herausgegeben und ins Deutsche übertragen von Dr. Rudolf Tschudi. Berlin, 1914.

содержащий, в том числе, и какую-то часть «Вилайет-наме-и Хаджим Султан» (в настоящее время эта рукопись помещена в университетскую библиотеку Кембриджа)<sup>2</sup>.

Хаджим Султан — единственный из *халифе* (заместителей) Хаджи Бекташа, жизни и подвигам которого посвящено отдельное «Вилайет-наме». В начале этого памятника утверждается, что Хаджим Султан был потомком имама Али Наки (десятого имама шиитов, ум. 868 г.) через его сына Хусейна. В этом произведении Хаджим Султан причисляется к хорасанским дервишам, мюридам Ходжи Ахмеда Йасави. Хаджим Султан принадлежал, по-видимому, к братству бродячих дервишей-*хайдар*и, брил борода, брови и волосы на голове, ходил полуголым, носил железные кольца<sup>3</sup>.

Согласно легендам, изложенным в этом тексте, Хаджим Султан прибыл в Малую Азию (Рум) вместе со своим родственником и наставником Хаджи Бекташем мистическим образом (в виде двухголового голубя), долго и преданно служил пиру, затем был отправлен им в район городов Ушак и Кютахья (в ту пору — территория княжества Гермиан). Вначале Хаджим Султан пас коров в селении Увейик (Овейк), затем он переселился в Сандыклы. Он собрал вокруг себя большое количество мюридов, основав суфийскую обитель-*текке* в местечке Сусуз. Автором жизнеописания шейха по традиции считается халифе Хаджима Султана по имени Дервиш Бурхан. Его имя было призвано подчеркнуть аутентичность текста, т.к. он был любимым учеником этого суфия, по крайней мере, в течение второй половины жизни Хаджима Султана. Текст жизнеописания несет следы некоторой обработки редактора в суннитском официальном духе (добавление прославляющих пророка Мухаммеда формул и коранических стихов). Действие жизнеописания происходит в западной части Малой Азии (Афьон-Карахисар, Сандыклы, Ушак, Сейидгази, Шейхли, Ментеше). Из текста можно вынести впечатление, что Хаджим Султан, как и его учитель Хаджи Бекташ, был странствующим дервишем, постоянно передвигавшимся с места на место. Османские историки о Хаджиме Султане почти не упоминают (по-видимому, он не был столь значительной фигурой, как Хаджи Бекташ). О Хаджиме Султане кратко рассказывает османский историк Мустафа Али Гелиболулу (ум. 1600 г.) в своем сочинении «Кюнх аль-ахбар» (т. 5, с. 56)<sup>4</sup>. Источником его сведений послужило, по-видимому, «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели», содержащее в своей заключительной части рассказ о деяниях Хаджима Султана<sup>5</sup>.

Хаджим Султан стал в братстве бекташийа хозяином «камня мейдана» (*мейдан таши*), т.е. исполнителем наказаний (*джелляд*) по отноше-

<sup>2</sup> Das Vilâyet-nâme des Hâdschim Sultan: eine türkische Heiligenlegende. Herausgegeben und ins Deutsche übertragen von Dr. Rudolf Tschudi. Berlin, 1914, с. V–VI.

<sup>3</sup> См.: Ocak A.Y. Osmanlı İmparatorluğunda marjinal sufilik: Kalenderiler (XIV–XVII yüzyıllar). Ankara, 1999, с. 91–92.

<sup>4</sup> Das Vilâyet-nâme des Hâdschim Sultan. Einleitung, с. VI.

<sup>5</sup> См.: Gölpınarlı A. Manâkib-i Hacı Bektaş-ı Velî. İstanbul, 1958, с. 83–88; Firdevsi-i Rûmi. Manzûm Hacı Bektaş Velî Vilâyetnamesi. Haz. Doç. Dr. Bedri Noyan. Aydın, 1986, с. 400–419; Duran N. Velâyetnâme Hacı Bektaş-ı Velî. Ankara, 2007, с. 572–602.

нию к нарушителям воли пира. Бекташи очень боялись этого персонажа<sup>6</sup>. Хаджим Султан являлся носителем «скрытого меча» пира (турецк. *батын кылыджы*, перс. *тиг-и батин*). Хаджим Султан вначале якобы не поверил в мистическую силу врученного ему деревянного меча. Он увидел водоноса, который вез на муле воду на кухню обители. Хаджим Султан взмахнул мечом и разрубил мула надвое. После этого его рука отсохла. Лишь по просьбе других халифе Хаджи Бекташ вновь заставил его руку двигаться. Прозвище Хаджима Султана Колу Ачик сами бекташи понимают и в том смысле, что по приказанию пира у него «развязаны руки», то есть что он может свободно применять оружие в отношении недругов. Перед смертью Хаджи Бекташ назначил ему для жительства то место, где он умертвит «ядовитого гада» (*агулу джанавар*)<sup>7</sup>. Хаджим Султан отправился в Гермиян и там сразился с чудовищем, поселившимся в заброшенной церкви. Убив чудовище, Хаджим Султан обосновался в этом месте (Сусуз, т.е. «Безводное») и воздвиг на месте развалин свою обитель — текке. Здесь к нему присоединился Дервиш Бурхан, его будущий халифе и автор жизнеописания<sup>8</sup>.

Хаджим Султан, по преданию, сохраненному в «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели», сотворил ряд чудес (*карамат*), напоминающих чудеса Хаджи Бекташа. Так, он ударом кулака заставил забеременеть некую женщину, которая родила его «духовного сына» Османа. Другая женщина, которая испугалась странного дервиша (он бросился на них, издавая жеребиное ржание), по его слову родила камень. Осман Баба в молодости был разбойником, но затем раскаялся и постригся в обители Хаджима Султана в Сусузе (Баназе). Его сын Чалабверди (Чалабвермиш или Чакыр Челеби) стал по прошествии некоторого времени наставником в той самой обители (*дергах*).

Отношения Хаджима Султана с настоятелем обители Сейида Гази Кара Ибрахимом были, судя по тексту «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели», весьма недружелюбными. Хаджим Султан, совершая радение-сама, умертвил мистическим образом 17 дервишей из обители. Кара Ибрахим приказал собрать железные кольца, колокольчики и другие предметы, которые носили дервиши Хаджима Султана, и бросить их в печь. Но Хаджим Султан велел своему дервишу Бурхану Абдалу влезть в горящую печь и вытащить все эти дервишеские регалии назад. Бурхан Абдал не только выполнил приказ наставника, но даже совершил сама в печи. Затем Хаджим Султан поразил Кара Ибрахима молнией. Вообще в деяниях Хаджима Султана прослеживается его связь с образом Богагромовержца, поражающего огнем мифического змея и освобождающего воды рек. Образ Хаджима Султана наделен многими архаическими чертами. Хаджим постоянно передвигался верхом (в отличие от своих

<sup>6</sup> Noyan B. Bütün yönleriyle Bektaşilik ve Alevilik. Cilt I. Şahkulu Sulyan Dergâhı, 1998, с. 228.

<sup>7</sup> Сведения об этом встречаются только в стихотворном варианте «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели», текст одной из рукописей которого был опубликован (в современной транскрипции) Б. Нойаном в 1986 г. (См. Firdevsi-i Rûmî. Manzûm Hacı Bektaş Veli Vilayetnamesi, с. 402).

<sup>8</sup> Там же, с. 403.

дервишей, которые следовали за ним пешими). Во владениях княжеского дома Ментеше один богатый крестьянин отказался приютить Хаджима Султана (так как дервиши не смогли вымолить для него у Бога сына), и тот в ответ превратил его единственную дочь в юношу. Затем этот ново-явленный мужчина был посвящен в дервиши. Хаджим Султан, в отличие от Хаджи Бекташа, открыто собирал дань с жителей различных областей (тысячу волов с княжества Ментеше).

Первая часть «Вилайет-наме-и Хаджим Султан» несомненно представляет собой переделку «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели». Вторая часть также в основных чертах следует повествовательной канве «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели», отличаясь лишь наличием некоторых новых сюжетных линий (сюжеты о черном быке-спутнике Хаджима Султана; о противостоянии святого-вели с племенем *юрюков*; рассказ о хорасанском дервише Кара Баба и о волшебной скатерти и ряд более мелких эпизодов). В остальном «Вилайет-наме-и Хаджим Султан» отличается в своем изложении от жизнеописания основателя бекташизма лишь деталями (повествование здесь вообще более детально). Логично предположить, что вначале появилось большое жизнеописание пира (т.е. Хаджи Бекташа), а затем уже — жизнеописания его «местоблюстителей»-халифе. Автор-составитель «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» (писавший между 1481 и 1501 гг.), по всей видимости, не был знаком с текстом «Вилайет-наме-и Хаджим Султан», хотя он и упоминает (после рассказа о деяниях Хаджима Султана) о существовании некоего посвященного этому суфию *менақыб-наме* («книги подвигов»)°. В случае с Хаджимом Султаном появлению особого «жития», возможно, способствовала еще связь героя с крупной и влиятельной обителью Сейида Гази. «Вилайет-наме-и Хаджим Султан» было записано, скорее всего, в начале XVI в., будучи составлено, в том числе, и на основе некоторых более ранних устных преданий и их обработок (мы не можем совсем отказаться от признания влияния устной традиции на сложение этого памятника).

В «Вилайет-наме-и Хаджим Султан» говорится о существовании на территории Анатолии отдельных княжеств (Гермиан, Ментеше, Карахисар и др.), что позволяет отнести его действие к «Эпохе бейликов» (XIV — первая половина XV в.). О монгольском нашествии ни слова не сказано. Следовательно, действие жизнеописания разворачивается, вероятнее всего, в «постмонгольское» время (Анатолия окончательно освободилась от монгольского ига после падения государства *ильханов* Хулагуидов в 1336 г.). «Вилайет-наме» упоминает Караджа Ахмеда, который жил в Акхисаре (область Сарухан) в правление османского эмира Орхана (1324/1326–1359/1362 гг.). Суфий Хабиб Аджеми, показанный в тексте современником Хаджима Султана, на самом деле умер в 737/738 г.; среднеазиатский пир Ахмед Йасави (якобы отправивший Хаджима Султана в Анатолию вместе с Хаджи Бекташем) — в 1166 или 1168 г. Современни-

° Ср.: Duran H. Velâyetnâme Hacı Bektaş-ı Veli, с. 602: «Итак, у Хаджима чудес много; желающий да найдет их в его менақыбе». Возможно, эта приписка появилась в тексте гораздо позднее, когда «Вилайет-наме-и Хаджим Султан» уже было написано.

ками Хаджима были, судя по его жизнеописанию, вожди «туркменских» (огузских) племен *ак-коюнлу* (эти племена названы в тексте юрюками). Однако ни один из пяти эмиров ак-коюнлу XIII–XIV вв., известных историкам из хроник (Пахлаван-бег, Дур Али (Тур Али), Кутлу-бег, Ахмед-бег и Кара-Йюлюк Осман), в «Вилайет-наме» не называется. Хаджим Султан, видимо, сознательно сторонился власть предержавших и обладал непокорным характером (что нашло отражение в обоих «Вилайет-наме»). В источниках нет данных и о его общении с кем-либо из представителей правящего дома Османов. Отношения с другими владетелями (Гермияна, Каракисара, Сандыклы, Ментеше) если и имели место, то были эпизодическими. В жизнеописании Хаджима Султана нет никаких явных следов шиитского вероучения (кроме веры в двенадцать имамов и в чудесную силу, которой наделены их потомки); не встречается там и описание главного обрядового действия бекташи и алевитов — церемонии *айин-и джем*, сложившейся под сильным влиянием учения шиитских сектантов-*кызылбашей*<sup>10</sup>. Не упоминается в «Вилайет-наме» и секта хуруфитов, оказавшая существенное идеологическое влияние на бекташи в XV–XVI вв., или кто-либо из связанных с ней деятелей<sup>11</sup>. Исходя из всех изложенных выше фактов, можно предположить, что «исторический» Хаджим Султан жил в первой половине XIV в.

За основу для русского перевода «Вилайет-наме-и Хаджим Султан» был взят текст публикации Р. Чуди. В тексте «Вилайет-наме-и Хаджим Султан» не было разделения на главы. Короткие предложения изначального текста в русском переводе иногда приходилось соединять в более длинные, чтобы сделать все произведение более читаемым. Пояснение отдельных терминов дается в квадратных скобках прямо в тексте.

## «Эта книга «Вилайет-наме-и Хаджим Султан», да освятит его тайну [Господь]»

Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного!

Слава Аллаху, Повелителю обоих миров, хвала и честь Мухаммеду и всему его пречистому роду и предводителю с белой звездой во лбу (*аль-гар аль-махджилин*) Али ибн Аби Талибу и его непорочным сыновьям и чистейшим (*итрат*) членам его семейства всем вместе. И далее, знай, что Истина, Всевышний и Высочайший Господь, сотворил людей [букв. «народ»], чтобы они усердствовали и отличались в поклонении [букв. «в познании поклонения»] и в счастливом и благословенном служении Ему. Сказал Всевышний: «Я сотворил и джиннов и людей только лишь для того, дабы они служили Мне»<sup>12</sup>. Следуя этому слову Божию, сыны человеческие (*адам огланы*) да не перестанут упражняться в отрешении и богобоязненности.

<sup>10</sup> Ср.: Mélikoff I. Hadji Bektach: un mythe et ses avatars. Genèse et evolution du soufisme populaire en Turquie. Leiden: Brill, 1998, с. 126–127.

<sup>11</sup> Там же, с. 123–124.

<sup>12</sup> Коран, сура 51, стих 56.



Ныне узнай, милый мой, что Султан Хаджи Бекташ Вели, да пребудет над ним милость Аллаха, — сын помянутого Султана Ибрахима, а Султан Ибрахим — сын Мусы Казима; Муса Казим — сын Джафара ас-Садика; Джафар ас-Садик — сын Мухаммеда Бакира; Мухаммед Бакир — сын Зайн аль-Абидина; Зайн аль-Абидин — сын имама Хусейна; имам Хусейн же — сын имама Али, да прославит Аллах его Лик; мать же его пресвятая Фатима аз-Захра, да приветствует Аллах их обоих<sup>13</sup>. Таким образом, несомненно установлено, что он [Хаджи Бекташ Вели] — *сейид* людей Хорасана с достоверной генеалогией (*сахих ан-насаб*), и нет этому никаких возражений.

И далее, Хаджим Султан, да освятит Аллах его драгоценную тайну, — сын принца Хусейна, а принц Хусейн — сын имама Али Наки, а имам Али Наки — сын имама Мухаммада Таки, а имам Мухаммад Таки — сын имама Али ар-Риза, а имам Али ар-Риза — сын имама Мусы Казима, а имам Муса Казим — сын имама Джафара ас-Садика [далее повторяется генеалогия имамов вплоть до Али и Фатимы]<sup>14</sup>. Ныне узнай, что у имама Али Наки было семь сыновей. Один из них стал имамом. Имя его было имам Хасан аль-Аскар. Шестеро из них были *имамзаде*. Одного из них звали имамзаде Хади, другого — имамзаде Хусейн, третьего — имамзаде Джафар, четвертого — Зейд, пятого — Ибрахим. У имамзаде Хусейна было трое сыновей. Одного называли Сейид Джихани, другого — Сейид Султани, третьего — Хаджим, он же Реджеб. Итак, имя Султана Хаджима — Реджеб Султан<sup>15</sup>.

Пресвятой Хаджи Бекташ Вели, да освятит Аллах его драгоценную тайну, по предначертанию судьбы, в детские годы (*сабават алеминде*) никогда не участвовал в играх и в проказах других детей и не поддавался соблазнам, как было помянуто. Уже в детском возрасте проявились у него некие [мистические] состояния, и он творил многообразные чудесные деяния, и из его блаженных уст бывали слышимы многообразные предсказания (*геледжеклер*), и не испытывал он никакой привязанности к этому миру. Не следовал он зову плотской природы. И днем и ночью предавался он поклонению и аскезе; и когда его предки и родители отошли в мир иной, ему предложили достоинство султана. Но Хаджи Бекташ Вели, да освятится его драгоценная тайна, не принял султанскую власть. И до того как послал его Ходжа Ахмед Йасави<sup>16</sup>, султан святых, высочайший *кутб* [«полюс», высший авторитет], в страну Рум (Малая Азия), полных сорок лет пребывал он в постах и в ночных бдениях (*каим аль-ляйль*), в поклонении и подвижничестве, посвятив себя отрешению от мира и благочестивым деяниям. И по Божьему наставлению, величе-

<sup>13</sup> Приведенная здесь генеалогия Хаджи Бекташа представляет его как потомка шиитского Седьмого имама Мусы аль-Казима (ум. 799 г.).

<sup>14</sup> Таким образом, согласно данной родословной, Хаджим Султан — прямой потомок Десятого имама шиитов Али Наки.

<sup>15</sup> Разумеется, Хаджим Султан, живший в XIV в., не мог быть внуком шиитского имама Али Наки, скончавшегося в Самарре (Ирак) в 868 г.

<sup>16</sup> Ходжа Ахмед Йасави (ум. 1166 или 1168 г.) — среднеазиатский суфийский наставник, основатель суфийского братства йасавийа. Его мавзолей в г. Туркестан стал духовным центром для тюркских суфиев из разных стран.

ствен Он и возвышен, в течение семидесяти ночей его [Бекташа] дух нисходил из мира духов в мир телесный; как другие люди посредством усердия и благих дел день за днем совершенствуются, так и он достиг степени святости подобным образом. Из мира вечности пришел он как знакомец (*ашна*), проявил он дружелюбие (*ашналык*) и указал [путь] к степени совершенного человека.

И по Божьему велению было дано знамение [Бекташу]: «Прибыв к кутбу кутбов, султану постигших, истоку [Божьих] людей, тысячи пиров Туркестана, Ходже Ахмеду Йасави ибн Мухаммеду Ханафи<sup>17</sup>, да смилуется над ним Аллах, получи от него наставления и следуй его пути и добейся от него разрешения на проповедь (*месун ол*)». И принял он [Бекташ] от него «убранство нищеты». И тот колпак в форме буквы алиф, и *хырку* [власяницу], и светильник, и скатерть, и знамя, и молитвенный коврик, которые пресвятой Джебраиль по приказанию Истинного Бога принес Пророку, мир ему; Пророк их передал по установлению пресвятому Али, а пресвятой Али — пресвятому Хусейну, а пресвятой Хусейн — пресвятому Зайн аль-Абидину. Пресвятой Зайн аль-Абидин, будучи в заключении [по приказу халифа] Марвана, передал их явившемуся к нему за разрешением поднять восстание Абу-ль-Муслиму<sup>18</sup>; Абу-ль-Муслим же вручил их Мухаммеду Бакиру. Имам Мухаммед Бакир отдал их своему сыну имаму Джафару ас-Садику, а имам Джафар ас-Садик — своему сыну Мусе Казиму, а имам Муса Казим — своему сыну, султану Хорасана, Али ар-Риза, а Али ар-Риза — султану постигших, истоку Божьих людей, тысячи пиров Туркестана Ходже Ахмеду Йасави. Ходжа Ахмед Йасави, да смилуется над ним Аллах, не вручал их [эти регалии] ни одному из девяноста девяти тысяч своих халифе [заместителей]. Когда они просили отдать эти регалии, он говорил: «Есть у них владелец, он придет». Тем самым он указывал на Хункара Хаджи Бекташа Вели и на его приход. В конце концов, пресвятой Хаджи Бекташ Вели явился. И он [Ходжа Ахмед] передал ему [регалии]. Ибо он [Бекташ] показал, что достоин этого одеяния (*кисват*) и этих регалий (*васла*). Это степень кутба кутбов, и сокровенное этой степени — Мухаммед Мустафа, святость ее — Али. Эта степень передается исключительно по наследству, иначе нельзя.

И тогда был отдан Султан Хаджи Бекташ Вели в обучение наукам у Ходжи Ахмеда Йасави. Однажды наступило время намаза. Шейх велел: «Принесите воды, совершим омовение!» Хаджи Бекташ Вели аль-Хорасани воскликнул: «Ходжа, бросить бы вам взгляд на двор училища, дабы потекла [из земли] вода!» Шейх отвечал: «Моей силы недостает на это». Как только шейх сказал сии слова, пресвятой Хункар Хаджи Бекташ Вели обратил лицо свое к Истинному [Богу] и пал ниц, умоляя. Тотчас источник, бивший снаружи, исчез, и вновь появился и потек в училище.

<sup>17</sup> Ходжа Ахмед Йасави (XII в.) не мог быть сыном имама Мухаммада аль-Ханафийя, сына имама Али от Хавы бинт Джафар, скончавшегося в 700 г. (некоторые шииты почитали его духовным преемником Али — *аль-васи*).

<sup>18</sup> Абу-ль-Муслим (ум. 755 г.) — предводитель антиомейядского восстания в Хорасане в 749–750 гг., завершившегося свержением династии Омейядов и приходом к власти Аббасидов, поддержанных первоначально шиитами.

[Присутствующие] увидели и поразились. Потом шейх спросил у Бекташа Вели: «Как это вода подняла голову?» Он заметил, что вода потекла. И рядом с тем источником выросла лилия и даже уже распустились цветы. Каждый день у Султана Ходжи Ахмеда Йасави брали уроки девяносто девять тысяч халифе. Они пришли, смотрят — внутри училища появился источник воды; они удивились и стали спрашивать [откуда он взялся]. Султан Ходжа Ахмед Йасави сказал: «Это чудо и святость Хаджи Бекташа». Халифе же спросили: «Кто такой Хаджи Бекташ?» Он им показал: «Вот он!» — «А с какой стати он стал Хаджи?» — вопрошали они. Шейх рассказал: «Был день *арафат*. Мы находились на горе Арафат. Я сказал: Сейчас в нашем доме готовят кушанье *пиши*<sup>19</sup>. *Тотчас он принес мне горячий пиши на подносе и подал мне; я же взял поднос и спрятал его. И еще одно его проявление святости вот в чем. Всякий раз, как я совершал намаз в Каабе, когда я поворачивался вправо, отдавая селям, я видел Хаджи Бекташа рядом с собой; когда же поворачивался налево, я видел Хаджима Султана; по окончании намаза они сразу же исчезали*»<sup>20</sup>. Стоило им [ученикам] услышать этот ответ, они воскликнули: «Но он же мальчик, у него еще материнское молоко на губах не обсохло! Куда ему совершать чудеса, куда ему до святого!» Когда они это произнесли, Бекташ Вели воскликнул: «Мы из числа сыновей пресвятого Али, мы — тайна Али!» Они [халифе] закричали: «Покажи нам, мы посмотрим, если ты истинный [муж], сказанное тобой подтвердится, и мы своими глазами увидим и установим это. У пресвятого Али на теле есть три знака (*нишан*). На лбу у него черная родинка (*бен*), на ладони правой руки — зеленая родинка, и на правом плече — еще одна родинка». Когда они это сказали, он [Бекташ] открыл свой лоб. Они видят, что у него на лбу черная родинка. Он протянул руку и раскрыл ее: они видят, что там — зеленая родинка. Они попросили: «Покажи плечо!» Тогда он обнажил плечо. Они узрели знак. Они сказали: «Есть еще на лбу одна». Он сдвинул свою чалму (*имаме*) кверху, и они увидели, что на лбу его родинка, похожая на звезду<sup>21</sup>. Еще одну [родинку] они увидели на его спине (*йагыр*). Они сказали: «Все на месте». Они пали лицом на землю, поклонились. Потом они спросили у пресвятого Хункара<sup>22</sup> все сообща: «От кого идет твое учение?» Пресвятой Хункар отвечал: «Мое учение — от Мухаммеда Мустафы, да благословит его Аллах и да приветствует!» Они спросили: «А от кого у тебя эта святость (близость к Богу)?» Хаджи Бекташ Вели отвечал: «Эта святость у меня [букв. «мне»] от Бога». Они сказали: «Тебе нужен шейх». Тогда Хаджи Бекташ Вели аль-Хорасани воскликнул: «Если один из вас, взобравшись на листок лилии (букв. «жасмина»), расстелет на нем свой

<sup>19</sup> Пиши — масляный пирог с яйцом.

<sup>20</sup> Рассказ о видении в Каабе в «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» отсутствует. Чудо с пирогом Хаджи Бекташ совершает там не в отношении Ахмеда Йасави, а в отношении своего первого наставника Локмана Перенде (как и чудо с сотворением источника посреди школьного двора).

<sup>21</sup> Голубая звезда во лбу является знаком избранничества также и в даосизме.

<sup>22</sup> Хункар («Повелитель») — прозвище, которого Хаджи Бекташ удостоился от хорасанских суфиев в знак признания сотворенных им чудес.

молитвенный коврик и совершит намаз из двух *ракатов*, я готов подчиниться ему». Когда они услышали сей ответ, все были поражены и ответствовали: «Давай-ка лучше ты сам сделай это, а мы посмотрим». Пресвятой Хункар спросил: «Если я покажу вам, вы подчинитесь мне?» Они ответили: «Да!» Тотчас Хаджи Бекташ Вели аль-Хорасани совершил омовение. Он взял в руки свой молитвенный коврик (*седжаде*) и сказал: «Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного, с позволения Аллаха Всевышнего!» Набросил коврик на листок лилии. Коврик замер в подвешенном состоянии, и он [Бекташ] поднялся на него и исполнил намаз в два раката и снова спустился. Они же все вместе пали ему в ноги и сложили с себя свои головные уборы перед ним, и пресвятой Бекташ Вели благословил (*текбир эдюб*) их головные уборы и снова возложил их им на головы.

Потом Султан Ходжа Ахмед Йасави ибн Мухаммед Ханафи принес то «убранство нищеты» [регалии] и отдал их, согласно установлению, пресвятому Султану Хаджи Бекташу Вели и, помолившись, принял его покаяние. Сказал Всевышний: «Обращайтесь к Господу с искренним раскаянием»<sup>23</sup>. Итак, Хаджи Бекташ Вели, принеся искренне покаяние, дал клятву верности (*биат*). И повелел ему [Ахмед Йасави]: «О, Султан Хаджи Бекташ Вели, ступай, иди. Мы дали тебе место Сулуджа Карагюок в стране Рум. Не стой, отправляйся, иди в свою область!» Потом каждый из тех девяноста девяти тысяч халифе стал просить: «Да станем мы твоими спутниками!» Султан Хаджи Бекташ Вели аль-Хорасани спросил: «Какими спутниками вы будете?» Они отвечали: «Мы будем чистить твою обувь». Хаджи Бекташ Вели сказал: «Вы не сможете быть моими спутниками». Другие же говорили: «Мы понесем твой кувшин для омовения». Но Бекташ не взял их с собой. Короче говоря, их количество сократилось до одиннадцати человек, но он не принимал никого из них. В конце концов, Хаджим Султан, потомок имама Али ан-Наки, сын имамзаде Хусейна, потомок Пророка, как было упомянуто, стал просить о милости пресвятого Ходжу Ахмеда Йасави, умоляя его<sup>24</sup>. Тот [Бекташ] сказал: «Да не будет он спутником!» Тогда пресвятой Хаджим Султан, встав со своего места, произнес: «Если вы меня примете, я стану вашим спутником». Пресвятой Хункар спросил: «Каким вы будете спутником?» Султан Хаджим ответил: «Таким спутником буду, что если ты сойдешь с пути, я тебе ноги оторву!» Как только он это произнес, Хаджи Бекташ Вели сказал: «О, сын моего дяди, ты — мой спутник». Они приняли один другого<sup>25</sup>. У Султана Ходжи Ахмеда Йасави был один деревянный меч (*агач кылыдж*). Он велел принести его и с *текбиром* [произнесением

<sup>23</sup> Коран, сура 66, стих 8.

<sup>24</sup> В тексте нет никаких известий ни о рождении, ни о воспитании Хаджима Султана. В этом месте он вдруг появляется среди дервишей Ходжи Ахмеда Йасави. Все это показывает, что «хорасанская» часть биографии Хаджима, скорее всего, была придумана его последователями, для того чтобы связать его с Хаджи Бекташем и с его традицией, нашедшей отражение в «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели».

<sup>25</sup> Этот рассказ отсутствует по понятным причинам в «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели», посвященном прославлению Хаджи Бекташа, где говорится, что никакого спутника у святого на его пути из Хорасана в Малую Азию не было. Однако в Курдистане он усыновил сына своей сестры, от которого пошли его курдские последователи (*хункари*).

фразы «Аллах велик!» (*Аллаху акбар*)] опоясал им Хаджи Бекташа Вели. В очаге же горели тутовые поленья. Выхватив головешку, он [Ахмед Йасави] запустил ее в сторону Рума и сказал: «Эта головня пусть попадет в Рум, и пусть узнают, что из Хорасана посылают туда мужа». Та головня, горя, летела по воздуху. В Конье был один муж, его звали Султан Ходжа Факих. Он схватил это полено и воткнул его в землю перед своей кельей (*хюджере*). По всемогуществу Божьему та головня проросла. Ее верхушка осталась обожженной, внизу же стала она тутовым деревом. И сейчас оно дает плоды.

Итак, Султан Хаджим и Хаджи Бекташ Вели в ту ночь легли спать вместе на молитвенном коврике<sup>26</sup>, и, по всемогуществу Божию, послышался голос: «Не медлите, спешите в Рум!» Они вскочили. Совершив утренний намаз и прочитав *вирды*, они сказали в конце: «И куда бы вы ни повернулись, и там лицо Господне»<sup>27</sup>. И простерлись ниц перед Другом (*Дост*) и попросили разрешения (*иджазет*). И Ходжа Ахмед Йасави, сын Мухаммада Ханафи, сына Али аль-Муртазы, вместе с девяноста девятью тысячами своих халифе вознес молитву и благопожелания для них, и в благой субботний день, в тот час они двинулись в путь по направлению к Каабе. Целый переход они [дервиши Ахмеда Йасави] их провожали, потом попросили: «Не забывайте нас в ваших молитвах!» И возвратились назад. Идя день за днем [Бекташ и Хаджим Султан] достигли преславной Каабы<sup>28</sup>. Обойдя ее кругом, они поднялись на гору Арафат и сорок дней занимались подвижничеством, прося помощи у Всевышнего. И потом отправились дальше, в сторону пресветлой Медины. И там посетили [могилу] пресвятого Пророка. В течение сорока дней там они предавались подвижничеству и просили у Господа прощения. И, уйдя от туда, двинулись в преславный Кудус (Иерусалим), совершили паломничество. И, покинув его, направились в Рум. Они прибыли на один остров (*джезире*). Тот путь был заброшен из-за страха перед львами, [обитавшими в том месте]. Они пришли туда. Подошли с разных сторон два льва и стали ласкаться к ним. Святые помолились, львы стали сердиться (?). И тут же оба льва превратились в камни<sup>29</sup>.

Покинув то место, они [Бекташ и Хаджим] подошли ближе к Руму. Воскликнули: «Мир вам, о, святые Рума (*Рум эренлери*)!» Между тем эрены Рума, собравшись в одном месте, вели беседу (*сохбет*). Фатима Баджи готовила им еду. Поднявшись, она трижды отвесила поклон (*тапу кылды*) и снова села на место. Тогда Караджа Ахмед [глава собрания]<sup>30</sup> спро-

<sup>26</sup> Эта деталь отсутствует в «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели».

<sup>27</sup> Коран, сура 2, стих 109.

<sup>28</sup> В «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» имеется рассказ о чудесах, совершенных Хаджи Бекташем на пути из Хорасана в Аравию, который здесь опускается.

<sup>29</sup> В «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» эпизод со львами изложен как деяние самого Хаджи Бекташа, без участия Хаджима. Действие эпизода происходит не на острове, а посреди некой пустыни.

<sup>30</sup> Сведения об этом суфии содержатся, кроме «Вилайет-наме», в «Шакайик-и Нуманийе», где изложена его легендарная биография. Согласно этому источнику, иранский принц Караджа Ахмед, проникшись суфизмом, бежал в Рум и поселился в области Аххисара во времена Орхан-бега. Но в «Шакайик-и Нуманийе» нет никакого исторического контекста, сообщается лишь, что Караджа Ахмед покинул Иран, прибыл в Анатолию, избрал местом своего поселе-

сил: «Сестра, на чье приветствие ты отвечала?» Баджи сказала: «В Рум пришел эр [«муж», «воин», т.е. святой человек], от него я получила приветствие». Тогда Караджа Ахмед спросил: «С какой стороны он идет [букв. «они идут»]?» Фатима Баджи ответила: «Сами они из Хорасана, но ныне идут со стороны Каабы». Эрены Рума воскликнули: «Давайте исправим наши крылья до самого Престола [Аллаха], закроем [небо], да не пройдут они!» Они уперлись крылом в крыло, закрыли все [небо] до самого Престола. Те же [Бекташ и Хаджим Султан] увидели, что путь прегражден. Султан Хаджи Бекташ Вели аль-Хорасани сказал: «О, Хаджим, подойди сюда, сделаем наше тело одним»<sup>31</sup>. И, произнеся эти слова, обратились они в голубя. Полетели они, возглашая: «О, Аллах!» Поднялись до самой притолоки Трона. Когда святые (*эвлийа*) приблизились к Трону, они увидели ангелов, носивших высокие остроконечные головные уборы (*элифи тадж*). Они [ангелы] подошли к ним и сказали: «Добро пожаловать, святые Божьи!» Оттуда они [святые] спустились по воздуху в Сулуджа Карагююк<sup>32</sup>. В облике голубя они сели на мраморную плиту, и ноги их погрузились в камень. Тогда они [Эрены Рума] сказали: «Он прошел над нами». Караджа Ахмед погрузился на какое-то время в мир сновидений (*хаб алем*). Он очнулся и произнес: «В мире ничего [подозрительного] я не заметил, но в Сулуджа Карагююке сидит один голубь; я видел, что головы у него две, а тело — одно». Тогда сын Караджа Ахмеда Хаджи Тогрул, встав с места, попросил разрешения: «Я принесу этого голубя, а вы его распросите». Эрены Рума дали ему позволение (*дестур*) на это. Он превратился в сокола (*тоган*). Взмыв в воздух, он увидел, что на вершине Карагююка сидит голубь с двумя головами<sup>33</sup>. Он стал опу-

ния Акхисар, предавался там поклонению, и после смерти его могила стала («до сих пор») местом исцеления всевозможных болезней. Эти общие сведения не позволяют поместить Караджа Ахмеда в определенный исторический отрезок времени. Он упоминается в данном произведении раньше, чем Хаджи Бекташ, и непосредственно перед Ахи Эвреном и Абдалом Мусой. Этот факт, возможно, указывает на то, что он скончался раньше, чем Хаджи Бекташ, но все это остается лишь на уровне догадок. Известно семь гробниц Караджа Ахмеда (в Айдыне, Манисе, Стамбуле, Сиврихисаре и других местах). По легенде, мать Караджа Ахмеда звали Султан Ана (так же, как и духовную дочь Хаджи Бекташа). Историк Мустафа Али (XVI в.) писал, что Караджа Ахмед был «прославленным кутбом» эренов Рума. Наставником Караджа Ахмеда был Сейид Нур эд-Дин из Сиврихисара (в средней части Анатолии). В городе Каракхисар Караджа Ахмед занялся лечением душевных болезней. Османский историк Ашикпашазаде, живший в XV в., называет Караджа Ахмеда святым-вели времен Орхана Гази. Этот историк связывает его деятельность не с Манисой, а с окрестностями селения Гейве (в долине р. Сакарья). Ашикпашазаде говорит, что Караджа Ахмед был из рода царей Ирана. В «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» сообщается: «В Конье был некий человек по имени Факих Ахмед, великий халифе Эмир Джема Султана. Они собрались с пятьюдесятью тысячами эренов Рума на берегу реки Сакарья. Караджа Ахмед был у них смотрителем (*зэд-джу*). В Сиврихисаре дочь Сейида Нур эд-Дина Фатима Баджи готовила им еду». Именно эта Фатима Баджи «увидела в духе» Хаджи Бекташа, летящего в Анатолию, и приветствовала его.

<sup>31</sup> Эта деталь (о слиянии двух святых в один облик) отсутствует в «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели».

<sup>32</sup> Сулуджа Карагююк — селение в Центральной Анатолии, в 40 км к юго-востоку от г. Кыршехир, расположенное у подножия кургана Карагююк и ставшее основным местопребыванием Хаджи Бекташа Вели, где впоследствии он и был похоронен. В настоящее время — г. Хаджибекташ.

<sup>33</sup> Образ двухголового голубя, возможно, был заимствован автором «Вилайет-наме» из анатолийской традиции. В «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» голубь — Хаджи Бекташ — имеет одну голову.



скасться и хотел его подхватить. Хаджим Султан протянул руку, зажал его [Хаджи Тогрула] в кулак на первом слое неба. Тот потерял сознание. Через час он пришел в себя. [Хаджим] стал спрашивать: «Кто ты такой? Ах ты, беспутный! Правил ты не ведаешь? Разве муж приходит к мужу так, как ты пришел, — в образе хищника? В собрании Истины этот пришедший сюда [святой] раздает из-за зеленого занавеса долю (*насиб*) для пятидесяти семи тысяч великих святых!» Хаджи Тогрул отвечал: «У человека, который раздает нам долю в собрании Истины, на ладони правой руки была зеленая родинка». Султан Хаджи Бекташ Вели спросил: «Если ты сейчас увидишь ту руку, узнаешь ли ее?» «Да, — сказал тот, — узнаю». Тогда Султан Хаджи Бекташ Вели раскрыл ладонь. Посмотрев, тот узнал ее и, припав к его руке и бросившись затем ему в ноги, стал причитать (*тазарру эйледи*). Пресвятой Султан Хаджим сказал: «Ступай, сообщи мужам, пусть придут сюда!»

Хаджи Тогрул вернулся и рассказал обо всем: «Нет никаких сомнений, что этот пришедший — тот, кто в собрании Истины раздает нам долю (удел)». Но некоторые из эренов возмутились. Они воскликнули: «Мы не пойдем к нему! Если он эр, пусть привлечет нас, притянет к своим ногам». Упрямство эренов Рума стало известным [Хаджи Бекташу и Хаджиму Султану]. Султан Хаджи Бекташ Вели и Султан Хаджим помолились. Сделали знак пальцами. Все молитвенные коврики, на которых сидели эрены Рума, вмиг пропали прямо из-под них и разостлались перед теми [святыми]. И снова они [эрены Рума] проявили упорство. Они не смогли даже зажечь свои светильники. Тогда Караджа Ахмед обратился к ним: «Давайте вернемся; это тайное знамение того эрена! Эр не забирает назад того, что однажды дал. Он может и нас наградить [таким] совершенством». С такими словами он встал и пустился в путь. Увидев это, и все остальные пошли вслед за ним. Они поднялись к Карагююку. Они увидели, что их молитвенные коврики расстелились перед теми [Хаджи Бекташем и Хаджимом Султаном]. Султан Хаджим велел им сесть каждому на свой коврик. Они погрузились в медитацию (*тефеккюр*). Через какое-то время Султан Хаджи Бекташ Вели раскрыл свои блаженные уста и произнес: «О, Караджа Ахмед, вас было пятьдесят семь тысяч овец; в мире духов я вас всех видел; но ты был непослушным барашком в стаде, и я тебя постоянно бил по загривку стрекалом (*чокан*). Если хочешь, посмотри, у тебя на затылке виден след от крюка». И все эрены, взглянув, обнаружили, что это так. Они стали просить прощения. Султан Хаджи Бекташ Вели и Султан Хаджим стали им давать разъяснения о Престоле (?): он — предводитель всех шейхов, и власть его над ними установлена и по шариату и по тарикату, ибо все шейхи собраны в нем.

Те эрены спросили: «Что вы за люди? Какого вы рода? От кого идет ваше наставление?» Они [Хаджи Бекташ и Хаджим Султан] сказали: «Происхождение наше — из Хорасана, наш наставник — Бог [Худа]». Те мужи возразили: «Нужно доказать эти слова!» Тогда Хаджи Бекташ Вели и Султан Хаджим помолились. Воззвав к истинному Господу, провели руками по лицу. Тотчас из воздуха опустился зеленый фирман, упал перед

ними. Все шейхи видели это. Развернули фирман, а там белыми чернилами по зеленому листу [бумаги] написано: «Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного, да приветствует Аллах Господина посланников! Слава Аллаху, Повелителю обоих миров, и приветствие Мухаммеду Мустафе и Али аль-Муртазе, и Хасану, щедрому из щедрых, и Хусейну, страдальцу, мученику Кербелы, и Зайн аль-Абидину, и Мухаммеду аль-Бакиру, и Джафару ас-Садику, и Мусе аль-Казиму, и Али ар-Риза, и Мухаммаду ат-Таки, и Али ан-Наки, и Хасану аль-Аскари, и Мухаммаду аль-Махди, Повелителю времени (Сахиб аз-заман), Полюсу эпохи, Доказательству вечности, да благословит Аллах и да приветствует их всех, пречистых, непорочных! Нет рыцаря, кроме Али, и нет меча, кроме меча Зуль-фикар [меча имама Али]». Они прочли и увидели, что его [Бекташа] удел — от Бога. Тогда они преклонили свои головы к земле перед ними [Хаджи Бекташем и Хаджимом]. Они попросили: «Одарите нас своим чистейшим взором (*сафаназар эйле*)!» Султан Хаджи Бекташ Вели прочитал над ними текбир. Они провозгласили *теберра* [формулу, защищающую от всякого зла]. Примером для этого служат слова Корана, ибо сказано: «И если вы повернетесь спиной, как поворачивались прежде, то накажет Он вас болезненными муками»<sup>34</sup>. На этот божественный аят пресвятой Пророк дает такое толкование: «Возлюбил я друзей их, а от врагов их я отвернулся». [Эти слова] достались шейхам от Него. Султан Хаджи Бекташ воскликнул: «О, Караджа Ахмед! Ты говорил: “Того, что эр дал, он не отнимет назад; если он эр, пусть даст [нам] удел”, — так вы сказали. Когда Султан Ходжа Ахмед Йасави собирался нас послать в Рум, он дал нам в услужение одного малого *дива* [демона]; мы же дарим этого дива тебе, чтобы после твоей кончины он стерег твою гробницу! Все здоровые [жители] Рума пусть принадлежат мне, все же безумные (*диване*) — пусть будут твои!»<sup>35</sup> После этого Караджа Ахмед, встав со своего места, поцеловал руки и ноги [Бекташа], стал просить прощения и отпущения грехов. Потом стали подходить по очереди другие эвлии, и каждому он с благословением вручал знамя и скатерть и колпак; всего же было их пятьдесят семь тысяч эвлиев. Все они, став халифе, разошлись по своим местам. Они остались вдвоем<sup>36</sup>.

Тогда Хаджи Бекташ Вели аль-Хорасани сказал: «О, сын моего дяди Хаджим Султан, подойди и обрей мне голову»<sup>37</sup>. И также найди себе спутника; ибо я и тебя отправляю [в определенную местность]. Ты поселишься в месте, называемом Сусуз в Гермияне, — таково было указание от Истины. И кроме того, в области Ментеше приготовлено большое стадо быков в жертву; пригони его к месту погребения Сейида Гази и устрой там бесплатную раздачу [мяса] (*имарет*)». Итак, Султан Хаджим под-

<sup>34</sup> Коран, сура 48, стих 16.

<sup>35</sup> См. прим. 19.

<sup>36</sup> Здесь Хаджи Бекташ и Хаджим Султан окончательно освобождаются от того «двуединого» голубинового облика, в котором они прибыли в Анатолию, и дальше действуют уже как два разных человека.

<sup>37</sup> Эти слова намекают на то, что Хаджим Султан, возможно, исполнял при Хаджи Бекташе обязанности цирюльника.



нялся и принес воды, поставил ее перед ним [Бекташем]. Зачерпнув рукой воды, он смочил ею голову Султана, взял бритву и собирался начать бритье. До слуха его вдруг донесся голос: «На помощь, Султан Хаджим!» Услышав этот призыв, Султан Хаджим на время погрузился в царство сна, уповав при этом на Истинного Бога. Потом Султан Хаджи Бекташ Вели спросил его: «Что ты сделал?» В ответ Хаджим Султан сказал: «О, Хункар, в Белом [Средиземном] море тонуло судно одного человека, и он позвал: “На помощь, Хаджим Султан”. И воззвал еще и к другому эру. Рука его осталась в моей руке». Сказав так, он положил перед Султаном Хаджи Бекташем Вели человеческую руку. Султан Хаджи Бекташ Вели сказал: «О, Хаджим Султан, где Белое море, а где равнина Малья?»<sup>38</sup> Скажи всю правду». Тогда Хаджим Султан протянул руку и схватил пальцами своей руки в Белом море за ухо одного дельфина и вытащил его. Бросил его перед пресвятым Султаном [Бекташем]<sup>39</sup>. Увидев это чудо, Султан Хаджи Бекташ Вели, которого некогда в Хорасане опоясали деревянным мечом, принес этот меч и с текбиром опоясал им талию Хаджима. Он воскликнул: «Ныне ступай в Гермиян!»<sup>40</sup> И, попросившись, послал его на один дневной переход [от себя]. Султан Хаджим пустился в путь. По божьему провидению некий дервиш вез воду на муле. Он столкнулся с Хаджимом Султаном. Султан, обнажив деревянный меч, воскликнул: «Нет рыцаря, кроме Али, нет меча, кроме Зу-ль-фикара!» — и нанес удар. Мула он разрубил надвое. И также ударил по глыбе мрамора, и она раскололась<sup>41</sup>. Водонос, увидев это, зарыдал и пошел к Султану Хаджи Бекташу Вели, восплакав: «Мой Султан, вы дали меч безумному человеку! Он моего мула погубил». Султан Хаджи Бекташ Вели приказал: «Ступайте, дайте знать Хаджиму, пусть он придет!» Один из дервишей<sup>42</sup> пошел, позвал его: «Иди, тебя вызывает Султан Хункар!» Хаджим Султан ответил согласием и прибыл. Пресвятой Султан спросил его: «Что ты сделал, Хаджим, ты погубил мула?» Султан Хаджим отвечал: «Хункар, ты послал меня в область богатых людей (*агнийца*); как же я буду там управляться с мечом, если он не сечет и у твоих дверей? Возьми же теперь свой меч и храни его [у себя]». Султан Хаджи Бекташ Вели воскликнул: «О, Хаджим, мно-

<sup>38</sup> Малья — равнина по течению р. Кызыл-Ырмак, которая в XIII–XIV вв. была заселена тюрко-монгольскими кочевниками («татарами»). Селение Сулуджа Карагюк бекташйскими источниками также относится к области Малья.

<sup>39</sup> В «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» эти чудеса Хаджима Султана (с человеческой рукой и с дельфином) отсутствуют.

<sup>40</sup> Гермиян — историческая область в западной части Малой Азии с центром в г. Кютахья. Название получила по тюркскому (скорее, курдскому) племени *гермиян*, переселившемуся на эти приграничные земли в середине XIII в. В 1299–1429 гг. существовало самостоятельное княжество (бейлик) Гермиян во главе с эмирами из династии Али-шира.

<sup>41</sup> В «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» нет упоминаний о глыбе мрамора, рассеченной Хаджимом Султаном.

<sup>42</sup> Следовательно, к этому времени у Хаджи Бекташа уже появились «свои» дервиши, хотя до этого в жизнеописании не говорилось ни о том, как они присоединились к Хаджи Бекташу, ни об основании обители. Все это показывает вторичный характер «Вилайет-наме-и Хаджим Султан» по отношению к основному своду бекташйских легенд — «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели», в котором рассказ о деяниях Хаджима приводится уже ближе к концу повествования о Хаджи Бекташе, и потому выглядит более естественным, что Хаджи Бекташ к тому времени был уже главой обители и наставником большого числа дервишей.

го есть в Руме мужей с именем Хаджим! Пусть твоим прозвищем будет Хаджим *Колу Ачик*». Хаджим Султан произнес молитву. Мул снова ожил [букв. «душа мула опять вернулась»], он снова стал работать<sup>43</sup>.

Потом Хаджи Бекташ опять отослал Хаджима Султана<sup>44</sup>. Он отправился в Гермиян. Идя день за днем, подошел он к пределам Карахисара<sup>45</sup>. В пределах Карахисара зашел он в одну деревню (*карие*) под названием Овейк. Там он поселился. Несколько дней он творил *зикр*. Там был один мужичонка (*кишиджик*), звали его Йаглу Баба. Он нашел пресвятого Султана. Они поздоровались друг с другом. Султану Хаджиму это человек пришелся по душе: он ласково обошелся с ним. У святого Божьего нет гордыни; и в Коране сказано: «Ибо Бог не любит высокомерных». И в одном аяте также говорит Господь: «Ибо Бог не любит всех возгордившихся»<sup>46</sup>. Итак, они с Йаглу Баба сдружились в деревне Овейк и посвятили себя умерщвлению плоти в течение сорока дней (*арбаин*). И вот они возлежали там, так что их головы, ноги и спины отпечатались на камне, словно на гипсе.

Однажды жены той деревни приходят к ним и говорят: «О, странники, ступайте пасти наших коровушек!» Четыре-пять раз они приходили и ничего не добились. Они весьма расстроились. Делать нечего. В конце концов, Султан Хаджим сказал: «Давайте, приведите, посмотрим!» Тогда крестьяне, собрав своих коров, пригнали их пред благой взор Султана Хаджима. Среди тех коров находился большой черный бык-бугай (*буга*). Хаджим Султан обратился к этому быку и сказал: «О, черный бугай, ты ступай и паси этих коров до вечера! Они для мусульман — словно финиковые пальмы (?), да не приключится с ними никакой беды!» Услышав эти слова, бык подошел к пресвятому Хаджиму и потерял мордой о его ноги; потом поднял голову и своими рогами стал подгонять коров. До вечера он их пас. Вечером же снова пригнал их назад. И таким образом бык пас коров пять-десять дней. Был там один женатый молодец (*йигит*). Султан Хаджим зашел к нему домой и там занялся поклонением и подвижничеством. Однажды жители деревни, взобравшись на крышу, увидели, что все коровы разбрелись по засеянному полю. Они вскричали: «Вы доверили скот безумцу! Вот коровы ходят и топчут посевы». Сказав так, отправили несколько человек. Когда они подошли, то увидели, что чер-

<sup>43</sup> Этот рассказ присутствует и в «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели».

<sup>44</sup> В «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» говорится, что Хаджим Султан покинул обитель Хаджи Бекташа уже после смерти последнего во времена его духовного сына Хабиба (Ср.: Duran N. Velâyetnâme Nası Bektaş-ı Veli, с. 574). Дальнейший цикл рассказов вплоть до истории о походе Хаджима Султана в область Ментеше не встречается в «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» и заимствован, по всей видимости, из устной традиции.

<sup>45</sup> Карахисар (Афьон-Карахисар) — город в западной части Малой Азии, в 200 км к северо-западу от Коньи (Иконума), столицы государства Сельджукидов. В средние века носил также название Карахисар-и Сахиб, поскольку этот город был центром владений самостоятельных владетелей-бегов из династии Сахиб Ата. В 1327 г. под угрозой осады со стороны монгольского наместника Анатолии Тимурташа бег Карахисара Нусрат эд-Дин Ахмед признал вассальную зависимость своего владения от гермянского эмира и женился на его дочери. Династия Сахиб Ата прекратилась в 1333 г., и Карахисар перешел под контроль эмиров Гермияна. События в «Вилайет-наме» явно происходят ранее этой даты. См.: Uzunçarşılı İ. N. Osmanlı Tarihi. Cilt I. İstanbul, 1947, с. 63–64.

<sup>46</sup> Коран, сура 31, стих 17. Цитата не совсем точная (*фухарин* вместо *мухалин*).

ный бык водит коров за собой по струнке (*йаб йаб*) и пасет их. Ничьих посевов они не повредили и не вытоптали. Вернувшись, [люди] дали ответ: «Да, они ходят там, но вреда никакого нет». Некоторые поверили, некоторые не поверили. Они [жители деревни] сказали: «Это — безумец, он не заслуживает уважения»<sup>47</sup>.

## Другое чудо Хаджима Султана

В один из дней жители деревни, снова собравшись вместе, стали переговариваться: «Друзья, те пастухи, что у нас были прежде, переходили из дома в дом [и ночевали в разных домах]. А этот зашел в один дом и в нем постоянно живет. В чем причина такого поведения? Пойдем, скажем ему, пусть и в наши дома зайдет, поживет у нас!» Кто-то из них возразил: «Да пусть живет там, где живет! Кому какой вред от этого?» Прошло еще несколько дней. Крестьяне, посоветовавшись, предположили: «Этот *ышык* [бродячий дервиш, букв. «просветленный»] влюбился в жену хозяина того дома, а иначе он и к нам бы пришел пожить». Тот [крестьянин], выслушав подобные вести, потерял покой и, в гневе спеша домой, подумал: «Пойду-ка я, вышвырну этого безумного из дома!» С такими мыслями он вошел внутрь, но как только увидел лицо пресвятого Султана Хаджима, силы его покинули. Он потерял дар речи; его тело охватила дрожь; он выскочил прочь и убежал. Султан Хаджим узнал обо всем. Потом он обратился к нему [к тому крестьянину]: «Ах, молодец, есть у нас с тобой сад Силы. Пойдем, наберем плодов, поедем!» Тот молодец отвечал: «Сейчас середина зимы. Когда еще будут плоды!» Тогда Хаджим Султан сказал: «Ты не медли, принеси корзину и пойдем». Итак, пресвятой Султан Хаджим пошел впереди, а молодец последовал за ним. Выйдя в степь, они увидели там большую иву (*сёгут*). Он [Хаджим] помолился, встав под ее кроной. Взяв в поручители свои Мухаммеда Мустафу, да благословит его Аллах и да приветствует, он провел руками по лицу. И по всемогуществу Божьему, все фрукты, сколько их ни есть разновидностей в мире, произросли вдруг на этом ивовом дереве. Султан Хаджим сказал молодцу: «Взгляни-ка!» Тот молодец взглянул и от увиденного потерял рассудок. Через час он пришел в себя<sup>48</sup>. Он бросился в ноги Султану, припал к его рукам и попросил прощения. Пресвятой Султан Хаджим сказал: «Полезай, страхни нам плодов!» Тот молодец отвечал: «Помилуй, мой Султан, прости мне мои прегрешения!» Султан Хаджим, взяв корзину в руки, сам поднялся на ивовое дерево. Сорвал по одному плоду винограда, инжира, оливок, фиников, груш, яблок, набрал понемногу всех плодов в корзину. А тот молодец все смотрел вверх. Взор его упал на срамные места Султана, и он увидел, что у него от мужского достоинства и следа нет.

<sup>47</sup> Это первое чудо в тексте «жития», совершенное Хаджимом Султаном самостоятельно, без помощи и вне присутствия Хаджи Бекташа Вели.

<sup>48</sup> Обращает на себя внимание точность автора-составителя «Вилайет-наме» в указании временных промежутков и рамок, нехарактерная для других произведений этого жанра.

Узрев это, он удивился, и вера его окрепла. Он воскликнул: «Эй, *деде* [наставник, букв. «дед»], слезай-ка, пойдем! С этого часа я твой нижайший слуга! Не лишай меня возможности лицезрения твоего лика!» И он преклонил свое лицо к его блаженным стопам. Потом они ушли оттуда и вернулись в дом того молодца. Посидели. Поставили корзину на середину. Позвали и жену того молодца. Все трое поели тех плодов. Аромат их наполнил их уста благоуханием. Их приятный запах дошел до сердца. Затем Султан поднял руки и взмолился Истинному Богу. Провел руками по лицу. Потом Султан Хаджим протянул молодцу амулет (*нусха*), облатчение и пояс, сказав: «Пусть это будет нашим благословением вам, пусть будет лекарством от бед для друзей, любящих нас, по велению Всевышнего!» Был у него еще посох из дерева ююба. Он воткнул его [в землю]. Тотчас он [посох] пророс. И еще он [Хаджим] топнул своей блаженной стопой по земле. Появился источник чистой воды. Все жители деревни из него пьют [и до сих пор]<sup>49</sup>.

## Другое чудо Хаджима Султана

У одной старушки была одна-единственная корова. Привела она ее, пустила в стадо. В тот час Султан Хаджим возгласил: «Мать, по велению Всевышнего корову съест волк! Не пускай ее в стадо». Но старушка не послушала. Пустила корову в стадо. Снова бык собрал стадо и повел пастись. И вот корова этой бедной женщины отделилась от стада и пошла в другое место. По воле Божьей на нее наткнулся волк и съел эту корову. Наступил вечер, весь скот вернулся по домам. А корова той старушки не пришла. Поискали ее немного, не могли найти. В конце концов, сыновья той женщины совсем потеряли покой. Они сказали: «Тот юродивый (диване) продал эту корову, не то мы бы ее как-никак нашли бы». Пришли они и спросили у Хаджима Султана: «Что вы сделали с нашей коровой?» Хаджим Султан сказал: «Вашу корову в такой-то местности, в таком-то месте задрал волк». Когда он так сказал, они закричали: «Ты городишь чепуху! Пойдем-ка к кадию, спросим с тебя ответ». Хаджим Султан отвечал: «Пойдем». Они отправились к кадию. Те юноши пожаловались кадию на Султана: «Господин наш, этот юродивый пас наш скот, но не сам, — поручал пасты его большому черному бугаю. Спроси же ответ с этого отщепенца (или «отшельника», *алемден фариғ*), куда он девал нашу корову?» Тогда судья задал вопрос: «Юродивый, что ты сделал с коровой этих юношей? Послушаем твой ответ». Султан Хаджим сказал: «Мы предупреждали их мать, чтобы она эту корову в стадо не пускала, ибо по велению Всевышнего ее сожрет волк. Она не послушала, пустила ее в стадо, а волк ее и съел». Тогда судья воскликнул: «Юродивый, от-

<sup>49</sup> Рассказ об обращении ревнивого супруга встречается и в других вилайет-наме (Хаджи Бекташа, Шуджа эд-Дина) и везде излагается примерно в одном и том же ключе. Ср.: Суфийский шейх Шуджа эд-Дин Вели (Султан Варлыгы) и его жизнеописание «Вилайет-наме». Введение, перевод и комментарии Аверьянова Ю.А. // Мир ислама (Pax islamica), № 2 (3)/2009, с. 26–27.

куда известно, что ее съел волк? Если у тебя есть свидетели, пусть придут и засвидетельствуют!» Султан в ответ: «Да (*наам*), есть. Подождите, я приведу». Он ушел оттуда и снова вернулся. Поблизости от той деревни была скала. Он на ходу ударил один раз своей благостной рукой [по ней]. Скала раскололась на пять кусков. Султан Хаджим сказал [этим камням]: «Ступайте, подтвердите, что корову съел волк!» И по велению Всевышнего те пять камней сдвинулись с места и покатались рядом с Султаном Хаджимом и вместе с ним пришли к кадию. Тот узрел это и потерял голову. Все его тело затряслось, он лишился речи. Он не смог ничего спросить. Через час ум вернулся к нему. Те камни, получив от Всевышнего дар речи, заговорили: «Корову этих людей рядом с нами задрал волк, мы свидетельствуем! Если не верите, пошлите людей, пусть принесут оттуда голову и шкуру, и вы тогда увидите», — так они сказали. Несколько человек пошли и принесли голову и шкуру [коровы]. Там было множество людей из деревни Овейк и из города. И все, увидев это, были поражены. У них не было сил что-то вымолвить. Кадий, увидев все это, тотчас припал к ногам Султана Хаджима. Все стали просить у него прощения и отпущения. Потом святой произнес для них благу молитву (благопожелание): «Ступайте и будьте любящими нас; пусть будет [у вас] много нашего масла и сливок (?), пусть нигде в мире не будет таких сливок!» — так он сказал<sup>50</sup>. Потом он встал и произнес: «Есть у меня еще служба по велению Всевышнего, а вас я поручаю Всевышнему!» Тогда жители деревни сказали: «Подойди, деде, мы соберем плату за [присмотр] за скотом». Но Султан Хаджим возразил: «Моя награда меня найдет сама». Между тем тот черный бык шел по дороге. И тотчас он пошел вслед за Султаном. Итак, сколько жители деревни ни пытались остановить быка, не смогли удержать его. Они поняли, что выхода нет, и согласились: «Иди же, да будешь ты жертвой деде!» Хаджим Султан же направился в путь в сторону Карахисара<sup>51</sup>.

## Другое чудо Хаджима Султана

Пришел Хаджим Султан к большой скале поблизости от Карахисара. Он оставался рядом с ней несколько дней. Потом он сорок дней занимался подвижничеством, уповая на Истинного Бога. Мимо проезжали люди из числа горожан. В то время в Карахисаре был князь<sup>52</sup>. Его звали Тогрулбег<sup>53</sup>. Некоторые люди, придя к нему, сообщили, что под такой-то скалой сидит один дервиш, и вот уже сорок дней он не ест и не пьет, лежит, за-

<sup>50</sup> То есть коровы, на которых снизошла благодать святого, будут и впредь давать превосходное молоко.

<sup>51</sup> Контаминация рассказов о чудесном пастухе и жертве волкам с эпизодом о свидетельстве пяти камней (*беш таи*), встречающимся в «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели», в котором действие его разворачивается в селении Сулуджа и его героем является сам Хаджи Бекташ, а не Хаджим Султан (Ср.: Duran H. Velâyetnâme Hacı Bektaş-ı Velî, с. 242–249). «Оригинален» здесь только образ черного быка.

<sup>52</sup> См. прим. 32.

<sup>53</sup> Правитель Карахисара с таким именем неизвестен.

вернувшись в свою хырку, а рядом с ним — большой черный бык. Он непрестанно трется лбом о его ладони [или «стоит у его изголовья»] и никуда не уходит. Так они описывали [все это]. Тогда бег сказал: «Отведите меня к нему, пойдемте вместе!» И вот бег двинулся вместе с двадцатью-тридцатью своими людьми. Они пришли, смотрят: он [Хаджим Султан] лежит, завернувшись в хырку. С почтением они подошли к нему и сели рядом. День был жарким; им очень хотелось пить. Тогда бег сказал: «Если этот человек — эр, он мог бы встать и напоить нас водой, дабы мы не жаждали». Это стало известным Султану Хаджиму. В тот же час он встал и со словами «О, Аллах!» простер свою благостную руку и ударил по скале. Его рука прошла сквозь скалу как сквозь тесто. Когда он вынул руку, оттуда потекла чистая родниковая вода. Такое чудо и такую святость увидели [пришедшие]. Все они были поражены. В конце концов, тот бег, встав со своего места, рассыпался в извинениях и приложился к рукам и стопам Хаджима Султана. «Прими наши извинения, одари нас своим покровительством и стань нашим шейхом», — взмолился он. Хаджим Султан произнес для них благоую молитву. Провел руками по лицу. Тогда бег попросил: «Деде Султан, пойдемте в наш дворец; я велю заложить для тебя обитель (*астане*) и посвящу несколько деревень в вакф. И назову тебя моим шейхом, дам тебе в услужение дервишей», — так он умолял. Хаджим Султан возразил ему: «О, бег! По воле Всевышнего наш шейх Ходжа Ахмед Йасави повелел: “Твое место в Гермияне, в местности Сусуз, ступай и живи там”. Такими словами он нас напутствовал<sup>54</sup>. Мы направляемся туда, а этот родничок пусть будет называться Таш-пынар («Каменный источник»). Теперь же ступайте, возвращайтесь на свое место». Бег же стал возражать: «Мой Султан, как же нам покинуть вас!» Хаджим Султан отвечал: «Идите и уповайте на Всевышнего Бога!» Тогда они встали и отправились восвояси. И Хаджим Султан, совершив омовение водой того источника, сотворил полуденный намаз, проведя руками по лицу и, воззвав к Аллаху, поднялся с того места. Он отправился к Сандыклы<sup>55</sup>, и бык также последовал за ним по пятам<sup>56</sup>.

## Другое чудо Хаджима Султана

В те времена жители города Сандыклы не любили дервишей. Придя туда, Султан Хаджим остановился в пустынном месте, лежащем в направлении кыблы. Уповав на Бога, он погрузился на сорок дней в исполнение зикра и в занятия подвижничеством, моля о снисхождении со стороны Всевышнего. Некоторые жители города, увидев Хаджима Султана, стали

<sup>54</sup> Ранее те же слова приписывались Хаджи Бекташу Вели. Однако в данном рассказе традиция пытается связать Хаджима Султана напрямую с Ходжей Ахмедом Йасави.

<sup>55</sup> Сандыклы — городок, расположенный примерно в 40 км к юго-западу от Афьона-Каракхиса-ра.

<sup>56</sup> Примечательно, что Хаджим Султан совершает свой путь в одиночестве; никто из людей его не сопровождает, кроме таинственного черного быка. Ни Йаглу Баба, ни безымянный молодец из селения Овейк (отсутствующего, впрочем, на географической карте Турции) не идут след за шейхом.

насмехаться над ним; хоюоча, они говорили: «Этот умалишенный юродивый лежит уже сорок дней, не ест и не пьет; рядом же с ним животное стоит и стережет его, никуда не отходит». Так они высмеивали его. Султан Хаджим как будто бы вовсе не замечал их.

В то время в Сандыклы был один святой человек. Прозывали его Хаджи. Однажды во сне он увидел Султана пророков, да благословит его Аллах и да приветствует, и восседавших с ним вместе всех его соратников, да будет доволен ими Аллах. Мухаммед Мустафа сказал: «О, Хаджи, есть человек из числа наших потомков. Его зовут Хаджим. Ступай, стань ему другом и помощником! Дойти к нему можно, двигаясь в сторону кыблы». Потом Дервиш Хаджи проснулся. Он возблагодарил Бога, совершил утренний намаз и, закончив его, отправился в путь в сторону кыблы. Сам себе он говорил: «Интересно, где я смогу найти этого потомка Пророка?» Будучи в раздумьях, он случайно бросил взгляд и увидел святого старца, творившего зикр, отрешенного от всего земного; рядом же с ним стоял черный бык. [Хаджи] подошел, приветствовал его. Султан Хаджим отвечал ему с великой благосклонностью: «Добро пожаловать, о, верный друг мой, Дервиш Хаджи!» И с этими словами он встал с места. Они стали расспрашивать о состоянии друг друга. Ибо нет гордыни у друзей Божиих, и в Коране сказано: «Аллах не любит тех, кто возгордился». Потом Дервиш Хаджи спросил: «О святой пир, как твое благословенное имя, как вас зовут-величают?» Султан Хаджим отвечал: «О, Дервиш Хаджи, предки дали мне имя Реджеб, но затем Султан Ходжа Ахмед Йасави напутствовали нас вместе с Султаном Хаджи Бекташем Вели, послав нас в Рум, а вместе с тем и в паломничество к блаженной Каабе и в пресветлую Медину, и дали нам имя Хаджим». Тот Дервиш Хаджи, выслушав эти слова, сказал: «Правду ты молвил, о, Господин первых и последних, Мухаммед Мустафа!» И преклонил он колени и приложился к рукам Султана Хаджима и потом возгласил: «О, Хаджим Султан, да стану я всегда молиться за тебя, да буду самым малым из твоих слуг. Не прогоняй меня!» И Султан Хаджим вместе с ним в полной любви занялся поклонением Богу и аскезой и благочестивыми деяниями.

Однажды собрались люди из числа горожан, двадцать-тридцать человек, и с ненавистью и завистью стали обсуждать пресвятого Султана Хаджима, говоря: «Этот еретик-ышык пусть уходит отсюда, иначе он навлечет на нас беду! Много есть разных земель, пусть идет в другое место! Мы не любим ышыков. Пусть здесь больше не задерживается, а не то мы его уничтожим!» Они послали одного человека, чтобы он передал это ему [Хаджиму]. Тот человек выслушал их речи и отправился к Султану Хаджиму. Когда он прибыл, то увидел, что Султан Хаджим встал для совершения полуденного намаза. После совершения намаза он начал творить зикр и молиться. Потом попался на глаза Хаджиму Султану и этот посланец, которого они отправили к нему; все тело этого человека охватила дрожь (*лерзе*). По воле святого Божьего снизошло ему в сердце мистическое состояние (*халь*). Он сказал сам себе: «Боже упаси нападать на этого святого старца-дервиша!» — и с такой мыслью выступил вперед. Сложив



руки на груди, он приветствовал его [Хаджима]. Пресвятой Султан ответил ему и принял его благосклонно, и тот человек уселся [рядом с ним]. Султан Хаджим спросил: «Молодец, объяви то, что велели передать тебе те люди». Тот молодец, услышав это, отвечал: «О, деде, да отсохнет язык у того, кто произнесет слова злобы и ненависти по отношению к тебе!» И, встав с места, стал просить прощения. Стал целовать руки, ноги и колени пресвятого Султана. И попросил: «Деде, прости мне мою вину, не проклинай меня! Ради почтения к Мухаммеду Мустафе!» — так он сказал. Услышав такие слова, Султан Хаджим воскликнул: «Пусть Аллах Всевышний воздаст им по заслугам!» А за того молодца вознес он благую молитву: «Следуй за потомками Пророка и будь одним из любящих их; никому не твори зла и не говори злого, ибо Господь Всевышний повелевает в Слове Божьем: “Да не завидуют одни из вас другим”<sup>57</sup>. Иди же ныне на свое место и твори зикр Божий», — сказал он [Хаджим]. И тот молодец впредь больше с теми людьми не общался. Он пребывал в постоянном поклонении и в совершении зикра.

В один из дней те люди снова собрались. Они сказали: «На этого еретика-ышыка слова не оказывают воздействия. Пойдем и побьем его. Разместим поблизости от наших домов людей [слуг], а когда наступит вечер, пошлем их, пусть придут туда и прогонят его». Это стало известным Хаджиму Султану, и он сказал: «Предопределение (*кадер*) таково, что в этом месте нас не оставят в покое». Приближался вечер. Султан Хаджим встал и омылся. Исполнил вечернюю молитву; прочитал зикр и *аврад* [особые молитвы, набор которых отличается для каждого суфийского братства]. Будучи погружен в зикр, сотворил молитву. Сидя, он повернул лицо свое в сторону кыблы и прочитал суры «Йасин»<sup>58</sup>, и «Вакиа»<sup>59</sup>, и «Анбийа»<sup>60</sup>, и «Ихлас»<sup>61</sup>, и «Фатиха»<sup>62</sup>, и «Бакара»<sup>63</sup>, и всю благодать [от этих сур] посвятил духам Мухаммеда Мустафы и всего Его рода и всех потомков и избранных сподвижников, пророков и святых. Помолился он, провел руками по лицу и сто раз произнес *салават* [молитвы с упоминанием Мухаммеда] и тысячу раз *истиғфара* [обращение к Богу о прощении грехов], и затем высказал свою просьбу: «Я хочу знать, здесь ли мне определено место для проживания?» И какое-то время постранствовав в мире снов, он узрел видение, что будто со стороны кыблы появился свет. Султан Хаджим увидел, как Господин обоих миров и Посланец к людям и джиннам, Князь полной луны мира, Господин сынов Адама, возвышенный, избранный и прославленный — Мухаммед аль-Мустафа, да благословит его Аллах и да приветствует, — приближается вместе со всеми пророками и святыми и всем семейством и потомками и избранными сподвижниками, да бу-

<sup>57</sup> Коран, сура 49, стих 12.

<sup>58</sup> 36-я сура Корана; считается обладающей особой святостью.

<sup>59</sup> 56-я сура.

<sup>60</sup> 21-я сура.

<sup>61</sup> 112-я сура.

<sup>62</sup> 1-я сура.

<sup>63</sup> 2-я сура.



дет ими доволен Аллах. Султан Хаджим вышел вперед и бил Ему челом, поцеловал Его руки и колени. Сложив руки на груди, стал взывать к Нему о помощи. Мухаммед Мустафа отвечал: «О, частица моей плоти [букв. «уголок моего сердца»], Хаджим Султан, не здесь твое место, твое местопребывание — в Сусузе. По велению Всевышнего, ступай и поселись там! К тому же этот мятежный народ тебя невзлюбил. Они покушаются на твою жизнь. Те, кто ныне покушаются на жизнь моего потомка, те завтра, в Судный день, будут прокляты и предстанут с черными лицами и будут лишены моего заступничества. Ныне следует тебе, о, частица моей плоти Хаджим Султан, прочитать молитву против тех мятежников, что замыслили зло на тебя, дабы Господь обратил их тела в мумии (*кадй̄д*), и чтобы они лежали до Страшного суда и не гнили. Да проявится моя чудесная сила и твоя святость; эти же люди пусть до Страшного суда не смогут ничего сказать. Молитва моего потомка будет услышана, как сказано в Коране: “Взывайте ко Мне, и Я дам вам просимое”<sup>64</sup>. Сейчас же, не медли, ступай на свое место!» — сказал он [Мухаммед].

Пресвятой Султан Хаджим пробудился от сна. Он увидел, что уже начинает приближаться рассвет (букв. «преданная заря», *фаджр-и саддык*). Он сказал Дервишу Ходже: «Этой ночью я узрел Султана пророка. Он обратился ко мне: “О, частица моей плоти! Не оставляй [безнаказанными] тех, кто злоумышлял против тебя; прочитай молитву, дабы Аллах Всевышний превратил их тела в кучу сухих костей! Пусть рассказывают вплоть до дня Страшного суда о моей чудесной силе и твоём избранничестве”. Ныне же ты, Дервиш Хаджи, оставайся здесь и охраняй (*бекле*) наше избранничество и чудесную силу моего предка. Пусть это место станет твоим местопребыванием (*макам*), а наша стоянка будет в месте, называемом Сусуз<sup>65</sup>. Тот, кто взыскует меня, найдет [меня] в твоём лице. И даже имя твое пускай будет Хаджим [букв. «мой Хаджи»]»<sup>66</sup>. Дервиш Хаджи воскликнул: «Да, мой Султан, но я не смогу жить в разлуке с тобой!» Пресвятой Хаджим Султан ответил: «Я не насовсем ухожу отсюда; мое местопребывание будет близко. Сейчас же прими мое благое внушение (*нефес*)!» Тогда Дервиш Хаджи подошел и приложился [губами] к рукам и ногам Хаджима, говоря: «Ты мой пир, ты — мой шейх, ты имеешь право распоряжаться (*эмир сениндюр*). Не забывай меня в своих молитвах!» Пресвятой Султан Хаджим сказал в ответ: «Сотворим утренний намаз». Они совершили намаз, прочитали молитвы и вирды. Потом пресвятой Султан Хаджим сказал: «О, Дервиш Хаджи! Боже упаси, да не обернутся ложью слова моего предка, Посланника Бога! Помолимся же, дабы Господь всевышний ради почтения к своему любимому [Мухаммеду] исполнил то, о чем мы просим. Пусть спустя сорок дней тела тех, кто злобствовал против нас, превра-

<sup>64</sup> Коран, сура 40, стих 62.

<sup>65</sup> В тексте «Вилайет-наме» несколько раз настойчиво подчеркивается особое значение местечка Сусуз в мистической биографии Хаджима Султана.

<sup>66</sup> Это один из нескольких Хаджимов, которых Хаджим Султан оставил, если так можно выразиться, «на местах» в качестве своих заместителей-двойников.

тятся в кучу сухих костей. Ты же будешь стеречь их останки». Султан Хаджим произнес молитву. По окончании молитвы провели руками по лицу. Встав, он [Хаджим] воскликнул: «Я поручаю тебя Аллаху!» После этого Султан Хаджим отправился в селение, называемое Сусуз. Черный бык также последовал за ним. Люди, которые умышляли злое по отношению к Султану Хаджиму, собрались вместе. Они хотели совершить покушение на Султана Хаджима. Был у них и духовный наставник (халифе)<sup>67</sup>. Он наставлял их таким образом, подогреваемый завистью: «Кто убьет одного дервиша, тот получит сотню тысяч духовных заслуг (*севаб*)!» Те люди, объединившись, прибыли в то место, но увидели, что там никого нет. Им стало стыдно друг друга, и они очень опечалились. Они разошлись по своим домам, и вот прошло с того дня уже двадцать дней. Мощью Господа Всевышнего и чудесной силой Пророка и силой святости Султана Хаджима все те люди были поражены болезнью, ниспосланной свыше, и все они — и сами покушавшиеся на святого, и их жены и дети — от той болезни в течение сорока дней превратились в мумии. Итак, приказ Аллаха Всевышнего осуществился. Были у них приятели из числа горожан, и они решили: «Пойдем, отнесем их [останки], соберем в одном месте. В направлении кыблы имеется одна пещера, туда мы их и сложим». Они посоветовались и сказали: «Те люди злоумышляли против святого и были прокляты им». И придя, они положили их тела на сделанные ими погребальные носилки, отнесли их в пещеру и оставили их внутри. Видевший сие да пребудет в удивлении и да извлечет для себя урок!<sup>68</sup>

Между тем Султан Хаджим прежде дал знак Дервишу Хаджи, сказав ему: «Имя твое да будет Хаджим; тот, кто любит меня, пусть любит и тебя». Итак, Дервиш Хаджи увидел те [останки]. Он промолвил: «Это знамение моего шейха Хаджима Султана!» У врат той пещеры он занялся поклонением Богу и зикром. В течение многих лет он был обладателем святости и совершил множество чудес. Жители города время от времени приходили к нему за благословением. В конце концов, тот бесценный [муж] переселился из преходящего мира в вечный. Сказал Пророк, да благословит его Аллах: «Правoverные не умирают; они только переходят из обители забвения в обитель вечности». Того святого мужа похоронили у входа в оную пещеру, перенесли его тело туда. Каждую пятницу вечером они [местные жители] посещали то место и читали там Коран. В явном и сокровенном [виде] проявилась его духовная суть (*руханийет*). Ибо правoverные не умирают, они только переходят из преходящего мира в вечный [повтор].

<sup>67</sup> Упоминание халифе показывает, что речь идет не просто о «городских смутьянах», но о некоем сообществе горожан, может быть, о союзе *ахи*.

<sup>68</sup> Возможно, появление данного рассказа связано с действительной находкой местными жителями мумифицированных останков древних людей в указанной пещере. Ср. сходные находки забальзамированных тел людей в пещерах близ столицы средневековой Армении — города Ани (ныне на территории Турции). Рассказы о таких же мумифицированных останках в окрестностях Аксарая (с. Обрук) встречаются во многих мусульманских средневековых географических сочинениях.

## Другое чудо Хаджима Султана в Сусузе, который стал его родиной (пристанищем)

Итак, Полнос постигших, наставник идущих по пути, обладатель святости, пресвятой Султан Хаджим, покинув Сандыклы, отправился в путь. [Сказано в Коране]: «И куда бы вы ни обратились, и там — лицо Господа»<sup>69</sup>. С полной преданностью совершив земной поклон [перед Хаджи Бекташем], он [Хаджим] даже не стал узнавать, где находится то место под названием Сусуз. Уповая на Всевышнего, он сразу выступил в путь. По воле Всевышнего он прибыл в город Ушак (Ушшак)<sup>70</sup>, и вдруг прямо перед ним показались развалины, носившие название Сусуз. Он увидел, что там повсюду руины и кладбища, даже птица там не пролетает, даже кулан (дикий осел) не пробегает<sup>71</sup>. Султан Хаджим же, найдя для себя пустое место, поручил себя милости Создателя. Итак, пресвятой Султан Хаджим на том кладбище провел сорок дней, совершая поклонение Богу, предаваясь аскезе и подвижничеству и очищая душу. В одну из ночей Султан Хаджим увидел во сне Господина обоих миров, Послannика к людям и джиннам Мухаммеда Мустафу, да благословит его Аллах и да приветствует! Султан Хаджим, подойдя к Мухаммеду, стал целовать его благословенные руки и ноги. Он пал лицом на землю. Попросил дать ему то, в чем он нуждался. Тогда Султан пророков, да пребудет с ним милость Аллаха, отвечивал: «О, частица моей души, Хаджим, твое местопребывание здесь, поселись здесь! Всевышний Господь предназначил вам это место. Живи здесь, тут ты проведешь остаток своей жизни. Ступай же и уповай на Всевышнего Аллаха, покоряясь Ему во всем!» Так Он [Пророк] увещевал его. Султан Хаджим, пробудившись ото сна, возблагодарил [Бога]. Совершив омовение, он исполнил намаз, прочитал вирды и всю полученную от этих деяний благодать посвятил духу Султана пророков и душам всех потомков Пророка и помолился за них. Проведя руками по лицу, он полностью предал себя упованию [на Всевышнего].

Между тем в той местности жило одно племя (*таифе*) из числа племен юрюков. Называлось оно ак-коюнлу. Это было большое подразделение (*хане*)<sup>72</sup>. Они приходили туда, и для них местность, где на-

<sup>69</sup> Коран, сура 2, стих 109.

<sup>70</sup> Ушак (Ушшак) — город в западной части Малой Азии, примерно в 100 км к западу от Сандыклы.

<sup>71</sup> В прозаическом варианте «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» уточняется, что в местечке Сусуз были похоронены останки сыновей соратников Сейида Гази (всего семь могил), в том числе сына его сестры; все они участвовали в бою под Эски-Хисаром. Сейид Гази предсказал этим людям, что их могилы будут в свое время обнаружены Хаджимом Султаном, халифе Хаджи Бекташа (но при этом не говорится, что Хаджим — потомок шиитских имамов; следовательно, автор «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» не считал его таковым).

<sup>72</sup> История племенного союза ак-коюнлу подробно излагается в историческом сочинении «Китаб-и Дийарбакрийа» (ок. 1474 г.), принадлежащем перу Абу Бакра Тихрани-Исфахани, придворного историка султана Узун-Хасана. Ак-коюнлу относились к огузскому племенному объединению *байандыр*. Один из первых известных правителей ак-коюнлу Пахлаван-бег перекочевал со своим племенем с востока на земли Гермияна и «на границах Бурсы вел великую битву с ромеями» (цит. по книге: Шукуров Р. М. Великие Комнины и Восток (1204–1461). СПб., 2001, с. 234). При эмире Дур Али (Тур Али, ум. ок. 1348 г.) основная масса ак-коюнлу вернулась в восточную часть Малой Азии. Сведения «Вилайет-наме-и Хаджим Султан» об

ходило то кладбище, была летником (летним пастбищем). Случайно они [в тот момент] как раз пришли туда. Заметив Султана Хаджима, они столпились [вокруг него] и спросили его: «Что ты за человек? Откуда ты пришел?» Султан Хаджим отвечал: «Со стороны блаженной Каабы и пресвятой Медины я пришел». Они воскликнули: «Раз так, забирай своего быка! Что тебе надобно на этом нашем кладбище [букв. «что ты разгуливаешь»]? Иди своей дорогой, убирайся, проваливай! И вообще, откуда ты достал этого быка?» — так они спросили. Султан Хаджим отвечал: «Этот бык — моя собственность, и я прибыл в это место по соизволению Аллаха Всевышнего и благодаря чудесной силе Посланника Божьего и по указанию Султана Ходжи Ахмеда Йасави и по молитве Хункара Хаджи Бекташа Вели аль-Хорасани; это они сказали нам: “Поселись в этом местечке”. Ныне же мы это место благоустроим и возведем здесь большую обитель (*астане*)». Тогда юрюки («племя юрюков») вскричали: «Это место с давних времен служит нам летником! Уходи отсюда в какое-нибудь другое место! Лесов на свете много. Здесь мы станем притеснять тебя. Сегодня оставайся, но назавтра уходи без промедления! Ты странник [за тебя никто не заступится], и, вполне возможно, мы не удержимся от причинения тебе вреда». Однако пресвятой Султан Хаджим стерпел это. Он начал творить зикр. Они [юрюки] несколько раз повторяли [свои слова], но все без пользы. Они сказали: «Давайте напустим на него ватагу пастухов!» Пастухам же они сказали: «Ступайте, побейте того лежащего ышыка, пусть убирается! Если же он не уйдет, убейте его, и быка его заберите. Мы его зарежем». Наступил вечер. Султану Хаджиму было известно то, что они намеревались сделать. Он поручил себя милости Аллаха. Те пастухи пришли туда, вооруженные чоканами (стрекалами). Они подошли к тому месту, где находился Султан Хаджим. Всевышний сделал так, что их глаза ослепли. Они искали его [Хаджима], пока не устали до смерти, но не нашли. Они поняли, что им это не удастся, и возвратились к себе домой. Султан Хаджим поднялся, совершил омовение, сотворил утренний намаз. Он обратился с мольбами к Истинному Богу и стал просить Его: «О, Величайший и Всемогущий Царь, Тот, Кто проявляет себя в сокровенных знаниях, Избавитель от напастей, которые нас страшат! О, Ты, помогающий в нужде и возвышающий степень [рабов Твоих]! Я — Твой раб, внемли же мольбам Твоего раба. Ради почтения к Посланцу [Аллаха], исполни то, о чем я прошу!» Он повел руками по лицу и поручил свое дело Суду Всевышнего.

Между тем в благословенной Хорасанской стране был дервиш, богомолец и аскет с чистым сердцем. Звали его Бурхан<sup>73</sup>. Он был приверженцем семейства Пророка и его потомства. От всего сердца и от

---

уходе ак-коюнлу из Гермияна косвенно можно сопоставить с данными греческих историков (Михаила Панарета) об их появлении в окрестностях Трапезунда ок. 1340 г. Итак, действие нашего текста происходит, скорее всего, ранее указанной даты. Подробнее об ак-коюнлу см.: Woods J. E. *The Aqquyunlu. Clan, confederation, empire.* Minneapolis, Chicago, 1976.

<sup>73</sup> «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» не считает Дервиша Бурхана (Бурхана Абдала) выходцем из Хорасана и соотноственно ничего не говорит о его переселении в Анатолию (Ср.: Duran N. *Velâyetnâme Hacı Bektaş-ı Veli*, с. 577).

всей души возлюбил он святых Божиих. Сердце его было наполнено любовью [к ним]. Когда он молился, постоянно просил: «Укажи мне путь и позволь мне припасть к одеянию какого-либо потомка Пророка, о, Господь обоих миров!» Он всем сердцем возжелал единения с Господом Всевышним, отдавшись этому чувству. Однажды ночью он, после совершения зикра, *тесбиха* [возвеличивания Аллаха] и богопоклонения, заснул. Во сне он увидел, будто бы он пришел в страну Рум, и зренны Рума собрались в одном месте. Они совершали поклонение и вели между собой беседы о божественном. Тот дервиш приблизился к ним. Узрев одного из них, человека с пресветлым ликом, он почувствовал, как сердце его наполняется божественной любовью. То был пресвятой Хаджим Султан, который был халифе над всеми ними. Он обратился к нему [к Бурхану]: «Добро пожаловать, мой преданный друг, Дервиш Бурхан!» Услышав от него такие слова, тот встал и принялся целовать руки и колени Султана Хаджима, говоря при этом: «Ты — мой шейх, мой бесценный!» Тогда пресвятой Султан Хаджим воскликнул: «О, Бурхан, если ты станешь искать нас, ты сможешь обрести нас в стране Рум, в области Гермиан, придя туда!» Тотчас Бурхан очнулся от сна и увидел, что он снова в Хорасане, в своей собственной келье. Он вскочил с места и словно бы обезумел. Его охватила божественная любовь. Ни к кому не обращаясь, он сразу же пустился в путь в сторону кыблы. Когда нисходит божественная любовь, как человеку не превратиться в безумца (диване)? Разве не обретет своего шейха тот, кто взыскует его всеми силами? Итак, Дервиш Бурхан, не замечая окружающего его мира, не думал ни о чем [постороннем]. Как говорится, «для влюбленного и Багдад недалече»; так и он, идя день за днем, вступил в Рум. Притяжение к святому Божьему влекло его вперед, охватив его сердце. В один из дней случилось ему дойти до области Гермиан, и спросил он себя самого: «Где же мне найти того превысокого господина?» И пришло ему на ум: «Если он привел меня сюда из Хорасана, значит, он укажет мне путь к своим стопам!»

По воле Божьей вышел он к какому-то кладбищу. Он увидел, что некоторое число юрюков устроили там, в степи, свои жилища, разбили летник. Подойдя к одному человеку, он [Бурхан] спросил: «Что это за место?» Тот муж отвечал: «Место сие — Гермиан, и здесь наш летник [наше пастбище]. На вершине же того холма обитает дервиш, подобный тебе. Он не пьет и не ест вот уже сорок дней, приходит к нам и говорит: “Здесь я построю большую обитель”. И отсюда никуда он не уходит». Тогда Дервиш Бурхан спросил: «А сейчас где тот дервиш?» Тот человек ответил: «На вершине вон того холма». Дервиш Бурхан пошел в ту сторону. Султану Хаджиму стало известно об этом. Он встал со своего места и сделал три шага вперед навстречу ему [Бурхану]. Дервиш Бурхан узрел прекрасный лик Султана Хаджима. Сердце его наполнилось светом, и он понял, что это тот, кого он искал, тот самый, которого он видел в своем сне. Он подошел к нему и приветствовал его. Хаджим Султан ответил ему с большой теплотой: «Добро пожаловать, Дервиш Бурхан!» Тот же

бросился целовать ему руки и ноги, и вместе они занялись совершением зикра, и стали друг другу как братья. Он [Бурхан] стал прислуживать пресвятому Султану Хаджиму.

Между тем Султан Хаджим еще прежде помолился по поводу тех юрюков, попросил: «Избавь меня, [Господи], от сего бедствия, которое на меня навалилось!» По приказанию Всевышнего и благодаря чудесной силе Посланника Божьего и по молитве Хаджима Султана, племя юрюков было поражено болезнью. Много народу у них умерло. Почти никого не осталось. В конце концов, несколько человек из их числа пришли, поцеловали руки и ноги Хаджима Султана и стали умолять: «Не проклинай нас, дедушка (*дедеджегим*)!» От этого сердце Хаджима Султана смягчилось, и он, смилвавшись над ними, поднял руки и произнес благую молитву: «Да отвратит от вас Всевышний несчастье сие!» Ради почтения к пресвятому Султану Всевышний Господь пожаловал им здоровье и счастье. Они возрадовались и, собрав между собой жертвенных животных, светильники и серебряные монеты, отправили все это пресвятому Султану с просьбой: «Деде Султан<sup>74</sup>, прими от нас сию милостьню (*садака*), и сыновья наши и дочери пусть принадлежат тебе, и место это мы тебе отдаем, а сами пойдем куда-нибудь еще». Султан Хаджим принял их приношения и благословил их и отпустил их в их местопребывание. С тех пор то племя юрюков стало своих умерших привозить туда и погребать в одном месте с западной стороны, называемом Гариблер («Странники»).

Слава о пресвятом Султане Хаджиме распространилась по свету. Люди стали навещать его с просьбой о благословении и, получив его защиту, возвращались назад. Его приверженцы воздвигли для него соборную мечеть, в которой он предавался поклонению и упованию на Бога и медитации (*тефеккюр*), и давал наставления паломникам; и часто он напоминал им, что в указанном месте будет построена великая обитель и соборная мечеть. Когда приходил [какой-нибудь] мудрый и благодетельный дервиш, который привязывался к нему [к Хаджиму] и проникался к нему любовью сверх меры, то он оставался служить Хаджиму Султану. И Хаджим Султан объявлял его халифе и призывал его: «Служи без изъяна, как повелел Господь Высочайший в своем Слове: “Не потеряется у Аллаха заслуга тех, кто творил добрые дела”. Служение же лицезмеров не принимается. Если ты призван к служению, исполняй его со всей преданностью и прилежанием. Господь Всевышний воздаст за одно доброе дело тысячекратно!» И тот дервиш, после того как доходили до его разума эти слова, приступал к служению с верностью и с любовью, идущей от всего сердца. Пресвятой Султан Хаджим никогда не прекращал совершать поклонение и заниматься подвижничеством.

Однажды пресвятой Султан Хаджим помыслил в блаженном сердце своем с жалостью об умерших [тогда] юрюках того племени и, обратившись к дервишам, сказал: «Ступайте и над могилами тех странников

<sup>74</sup> Это обращение показывает, что юрюки ак-коюнду признали Хаджима Султана своим духовным наставником (*деде*). Титул *деде* обычно передавался по наследству (или переходил к приемным сыновьям наставника).

заколите в жертву моего черного быка и, приготовив мясо, откушайте его сообща. И устройте там чтение Корана. Пусть благо от этого жертвоприношения зачтется душам тех покойных!» Выслушав эти слова, халифе сказали: «Слушаемся и повинемся (*‘аля-р-рас ва-ль-‘айн*)!» Они вышли в степь и, найдя там быка, повели его за собой. Бык понял, что они замыслили. Он побежал в мечеть, где и нашел пресвятого Султана. Своими рогами он [бык] распахнул двери и вошел внутрь. Он склонился мордой к ногам Хаджима Султана. На языке мистических состояний он сказал: «Я подчиняюсь твоему приказанию!» Пресвятой Султан Хаджим в ответ ему произнес: «Твое служение принято; ступай же и на пути Друга пожертвуй собой!» Бык же, выслушав эти слова, с полной покорностью повернул свою голову в сторону кыблы и лег на землю, вытянув свою шею. Потом пришли [дервиши]. Прочитав молитву, закололи его ножом. Он стал жертвой на пути Друга. Его мясо сварили, пригласили всех дервишей и приверженцев [Хаджима]. Собравшись, все вкусили жертвенного мяса и прочитали Коран и помолились за души тех несчастных. Потом пришел также и Хаджим Султан и сказал им: «За то, что вы соблаговолили почтить [их души], Господь Всевышний не оставит и вас без награды». И вслед за тем он произнес благую молитву для племени юрюков и благословил всех собравшихся братьев по духу (*джан карын-дашлар*), после чего они разошлись. Султан Хаджим же занялся богопоклонением.

### **Другое чудо Хаджима Султана, да смилуется над ним Аллах!**

В один из дней пресвятой Хаджим Султан призвал своих халифе и сказал им: «У нас есть одно поручение от Аллаха, и мы отлучимся, чтобы исполнить его. По приказанию Всевышнего вам предстоит заняться увещеванием тех возлюбивших [нас] собратьев, что приходят сюда». Затем он совершил омовение и, поклонившись до земли Другу [Богу], двинулся в путь в сторону кыблы. Дервиш Бурхан также последовал за ним, взяв с собой кувшин для омовения, несколько книг и посох и ведя под уздцы осла. Так они шли день за днем, пока не дошли до области Ментеше<sup>75</sup>. Они увидели, что сообщество дервишей (*деделер*), собравшись вместе, занялись сбором приношений (жертвенных животных). Пресвятой Султан Хаджим подошел к ним, поздоровался и спросил об их состоянии. Они поприветствовали его. Халифе над ними были Пакче Султан, Хабиб Хаджи, Паша Султан [или Хаджи Паша Султан], Айна Гази<sup>76</sup> — святые

<sup>75</sup> Ментеше — историческая область в юго-западной части Малой Азии, с центром в г. Мугла.

<sup>76</sup> В анатолийской истории XIV в. известен деятель по имени Ахи Айна-бег, который, будучи простым горожанином, выкупил город Эрзинджан у монгольского наместника Эретны и стал там править в качестве вассального эмира (ок. 1348 — 1362 гг.). Он принадлежал к союзу ахи, но его при желании можно было считать и гази, так как он совершал набег на христианские земли. О его пребывании на западе Малой Азии никаких данных нет (см.: Шукуров Р. М. Великие Комнины и Восток, с. 209).



люди из Шейхлю<sup>77</sup>. Тогда Хаджим Султан обратился к ним с такой речью: «О, баба, мы бы хотели проделать путь с вами вместе в течение нескольких дней, дабы узреть ваши чудные дела [вашу святость]». Пакче Султан спросил: «Откуда вы прибыли?» Конечно, сами эвлия знали о положении друг друга, но он задал это вопрос ради присутствующих там дервишей [с тем чтобы и они тоже узнали]. Пресвятой Султан Хаджим ответил: «Вместе с моим дядей (?) Хаджи Бекташем Вели аль-Хорасани послал нас Ходжа Ахмед Йасави ибн Мухаммед Ханафи ибн Али аль-Муртаза из Хорасана в Рум. Мы на своем пути совершили паломничество и обход святынь Благородной Каабы и Пресветлой Медины и Блаженного Иерусалима, и оттуда прибыли в Рум. Собрались все эвлия. Получив разрешение от Султана Хаджи Бекташа Вели, они удостоились от него благословения и каждому из них были вручены колпак, скатерть, светильник, знамя и молитвенный коврик, и затем они разошлись по своим местам. Он [Бекташ] поселился в стране Малья, в селении Сулуджа Карагююк. Нас же он послал в место под названием Сусуз в области Гермиян и сказал нам: “Поселись там, по велению Всевышнего; а также в краю (*иклим*) Ментеше есть у нас тысяча и одно жертвенное животное, — собери их и устрой раздачу пищи над могилой Сейида Гази”». Пакче Султан выслушал эти слова Хаджима Султана, и все его послушники во второй раз приветствовали [Хаджима], возглашая при этом: «Ты — наш шейх!» Они окружили его любовью и почтением. Между тем приближался вечер. Был у них там один *кунак* с давних пор. Пакче Султан послал к нему одного дервиша сказать: «Приготовь хорошую комнату, приведи ее в порядок, застели, ибо с нами вместе здесь большой и высокоценный гость, пусть окажут ему честь!» Дервиш прибыл в ту деревню, которую называли Писй. Он пришел к тому человеку, у которого была та гостевая комната, поздоровался с ним и сказал: «Пакче Султан сейчас прибывает, он посылает вам свои молитвы. Приготовьте гостевую комнату, ибо с нами вместе большой гость». Но тот человек сказал: «Ну-ка, уходи отсюда! Ныне я стал вашим противником, я больше не люблю вас, так как я много давал дервишам и верблюдов, и лошадей, и овец, и коров в качестве жертвенных животных и просил, чтобы родился у меня сын. У меня есть дочь, а сын так и не появился на свет. Теперь я ненавижу дервишей. Ступай, и они пусть идут куда им заблагорассудится!» Тот дервиш, выслушав такой ответ, вернулся и тайком передал Пакче Султану [слова того хозяина]. Пакче Султан потерял спокойствие. Он сказал: «Если бы не было с нами гостя, мы бы могли заночевать прямо здесь, в поле».

Это стало известным пресвятому Султану Хаджиму. Он молвил: «О, деде, пойдете, есть у меня здесь одно пристанище! Я проведу вас туда». Он пошел вперед. Те [дервиши] стали переговариваться [между собой]: «Он, должно быть, помешался, разве он бывал в этих местах раньше?» Султан Хаджим, пройдя вперед, увидел, что одна девушка набирает воду из большого источника. Пресвятой Султан Хаджим поздоровался

<sup>77</sup> Шейхлю — местность между селениями Сандыклы и Ышыклы (Ишиклы), в районе горы Ак-даг, к югу от Баназа, где обосновался Хаджим Султан.



с ней. Девушка ответила ему с почтением. Она сложила руки на груди. Султан Хаджим попросил: «Сестра, дай мне напиться!» Та девушка наполнила кувшин водой. Поднесла его Султану. Хаджим Султан пригубил кувшин и отпил один глоток. Прополаскал рот и снова выплюнул в кувшин. Девушка же подумала: «Выпью-ка я слюну моего деде!» Она поднесла кувшин ко рту и отпила глоток. Девушку охватила божественная страсть, она опьянела и впала в экстаз. Султан Хаджим спросил ее: «Сестра, не сможешь ли ты приютить нас на ночь?» Она отвечала: «Конечно, дедушка, пойдем со мной в горницу». Она пошла впереди Султана Хаджима и привела его в свой дом. Отец же ее тогда отлучился в другое место. Девушка привела в порядок горницу, застелила. Пресвятой Хаджим Султан, уповавшая на Бога, прошел внутрь и сел. Потом пришел туда и Пакче Султан со своим сообществом и разместился там. Та девушка, которую поразил прекрасный лик Хаджима Султана, стояла перед ним и не отходила от него.

Через некоторое время вернулся отец девушки. Зайдя в дом, он спросил у своей супруги: «Где дочь?» Жена отвечала: «Она привела тех дервишей, на которых ты накричал, усадила их в горнице и сама стоит рядом, не отходя от них». Тот мужчина был человек известный. Он в гневе завопил: «Позор! Пойду и убью эту деву! И вышью этих изобью и выгоню прочь!» Сказав так, он в ярости бросился в дом. Но тут взгляд его встретился с взглядом Султана Хаджима. Все его тело затряслось, голос пропал, и не было у него сил вымолвить что-либо. Он зашел в горницу и сел. Время было вечернее. Султан Хаджим, омывшись, сотворил намаз. Закончив молитву, он вернулся на свое место. Хозяин принес в горницу еду. Они поели, помолились, посидели еще. Та девушка вышла вон из горницы. Она не захотела есть еду своего отца. Она зарезала жирного барана, тотчас приготовила его мясо, принесла его и поставила перед Султаном Хаджимом; сама же замерла перед ним. Прошел час. Никто к пище не притронулся. Султан Хаджим воскликнул: «Пожалуйста кушать!» Пакче Султан ответил: «Мы не будем есть это мясо, ибо дева зарезала животное!» Тогда Хаджим Султан сказал: «Это не дева, а мужчина! Пожалуйста, откушайте!» Тот не согласился. Тогда Султан Хаджим, поднеся к себе столик, взял кусок мяса и, отведав его, произнес молитву. Он обратился к Дервишу Бурхану: «Подойди, возьми-ка этого мяса со стола!» Дервиш Бурхан подошел, положил мясо на свою скатерть. Тогда тот хозяин, взяв свою дочь, повел ее в *харем*.

После этого Хаджим Султан сказал Пакче Султану: «Баба-эрен («человек Божий»), так мне жалко стало эту девушку! Пойду-ка я к ней и пробуду с ней эту ночь!» Собратья и сам Пакче Султан, услышав эту весть, сказали: «Да, дядя (?), ты ведь холостяк, а у нас у всех тут дома, семьи, дети; мы-то все люди здешние; они [родственники девушки] нас потом найдут и убьют». Султан Хаджим ответил: «Я потому вас и предупреждаю, чтобы вы подумали о себе заранее и приняли надлежащие меры, ибо я этой ночью непременно зайду к девушке!» Тогда Пакче Султан и Хабиб тотчас взяли своих дервишей и, покинув дом, направились к большой горе, стоявшей в отдалении [чтобы переночевать там].

После того как они ушли, Хаджим Султан сказал Дервишу Бурхану: «Наполни кувшин водой, совершим омовение!» Дервиш Бурхан налил воды и принес. Хаджим Султан, омывшись, сотворил намаз в два *раката* и, прочитав суру «Йа Син», вознес тысячу раз хвалу духу Посланика Аллаха. Проведя руками по лицу, он поднялся и двинулся прямо к покоям девушки. Когда он приблизился к дому, передние двери распахнулись настезь по воле Бога. Хаджим Султан зашел внутрь и увидел, что все в доме спят. Девушка спала рядом с отцом. Тотчас Хаджим Султан подошел к девице, положил свою блаженную руку на ее лицо и сказал: «Во имя Аллаха и по велению Всевышнего!» Потом он прочитал «Тронный аят»<sup>78</sup>, погладил тело девицы вплоть до ее лона. После этого он быстро вышел и удалился. Девушка пробудилась ото сна и воскликнула: «Сюда приходил Хаджим Султан!» Ее отец сразу вскочил и схватился рукой за дубовое полено (*ак мише одуны*), собираясь убить свою дочь. Девица же попросила: «Отец, оставь меня и ступай зажги свечу!» Мать девицы, проснувшись, тотчас же зажгла свечу (*бир мум уйаруб*), и что же они видят? Они посмотрели на дочь, — она стала великолепным светловолосым восемнадцатилетним мбодцем<sup>79</sup>. Отец ее, бросившись из дома на улицу, оповестил своих сородичей. Услышав об этом, они собрались отовсюду и своими глазами увидели, что девица превратилась в юношу-джигита. Они поспешили вслед за пресвятым Султаном Хаджимом.

Ранним утром Султан Хаджим поднялся до середины склона той горы. Там росло огромное старое дерево. Он сел и прислонился своей благой спиной к тому дереву. Те дервиши, находившиеся на вершине горы, посмотрели вниз и увидели, что большая толпа людей, свыше пятисот человек, направляется к горе. Пыль от их ног поднималась до небес. Они [дервиши] закричали: «Горе нам, видно, он [Хаджим] посягнул на честь девицы, и сейчас те люди придут и уничтожат нас всех!» И они бросились бежать к противоположному склону горы, перевалив через вершину. Те же крестьяне спрашивали друг друга: «Интересно, куда он [Хаджим] мог пойти?» Они стали подниматься на гору. Они увидели вскоре Султана Хаджима сидящим, прислонившись спиной к дереву<sup>80</sup>. Сначала подошел к нему отец той девицы, с плачем поцеловал его блаженные руки. После него и все сельчане, мужчины и женщины, старые и молодые, стали целовать его блаженные руки. Те же дервиши, которые убегали, заметили издали, что те крестьяне никакого вреда Хаджиму Султану не причинили, но принялись целовать ему руки и ноги. Тог-

<sup>78</sup> Коран, сура 2, стих 256.

<sup>79</sup> Этот эпизод, возможно, восходит к древним малоазийским мифам (ср. сходные древнегреческие легенды о неуязвимом герое из племени лапифов по имени Кеней, первоначально бывшем девушкой Кенидой, которую бог Посейдон по ее просьбе превратил в мужчину).

<sup>80</sup> Можно сделать предположение, что древнейший обряд погребения у алтайских народов, когда покойников относили в горы и оставляли там в сидячем положении, прислоненными к деревьям и скалам, также косвенно отразился в более поздних легендах в деталях образа тюркских святых-эвлий (в особенности святых братства бекташий), которых часто изображали сидящими, прислонившись спиной к огромному хвойному («неумирающему») дереву, растущему на горном склоне.

да они снова вернулись на то место, с которого разбежались, и потом подошли туда [где был Хаджим] и все разузнали и узрели того юношу, который прежде был девицей. Они приблизились к Султану Хаджиму и расселись вокруг него и, подходя к нему по очереди, стали целовать его руки. Потом [те крестьяне] пригласили пресвятого Хаджима Султана к себе в гости. Оказали ему высокие почести. Чудеса и чудные деяния пресвятого Султана Хаджима стали известными во всей области Ментеше. Кто приводил ему лошадей, кто быков, кто овец, кто баранов, кто приносил ковры и паласы. В конце концов собралось у них тысяча одно жертвенное животное, и Султан Хаджим благословил их всех и сказал: «Да будут приняты ваши жертвы Всевышним Господом, Обладателем Величия!» Таким образом он порадовал и утешил всех дарителей. После этого пресвятой Султан Хаджим молвил: «Этот юноша — наш сын! Пусть останется здесь, и тот, кто возжелает меня, найдет меня в нем [в его лице]. Имя его пусть тоже будет Хаджим»<sup>81</sup>. И вознес о нем благую молитву. Один за другим они [местные жители] разошлись в свои места. Потом Хаджим Султан сказал: «И мы тоже пойдем, а вас я поручаю Аллаху!» И отправившись оттуда, он вернулся в Гермиан. Все дервиши последовали за Султаном. Одну стоянку они провожали его. Затем Хаджим Султан разрешил им возвращаться домой. Тот юноша, которого Султан назвал своим сыном, стал обладателем святости. Обитатели области Ментеше говорили о нем: «Это наш шейх, сын Хаджима Султана». Они приводили к нему жертвенных животных и получали от него благословение и хранили имя пресвятого Султана. Он [тот юноша] пребывал в поклонении и в подвижничестве и в уповании на Бога и в медитации<sup>82</sup>.

Султан Хаджим же день за днем шел и прибыл, наконец, в область Гермиан. Туда пришло также сообщество, называемое Гейиклю<sup>83</sup>. Они были поклонниками эвлия. Они все вместе подошли к нему, удостоились его благих молитв и пожеланий, передали ему собранных ими жертвенных животных. Султан Хаджим наставлял их и сказал им: «Не завидуйте никому и не изрекайте злое ни на кого и не испытывайте ненависти, как и Господь Всевышний говорит в Коране: “Не питайте зависти

<sup>81</sup> Практика наречения приемных сыновей именем усыновлявшего их шейха может отчасти объяснить поразительное «долголетие» ряда персонажей суфийской агиографии (т.е. несколько поколений людей, носивших одно и то же имя, могли с течением времени сливаться в сознании адептов в образ одного святого; их деяния часто смешивались).

<sup>82</sup> История о девушке, превратившейся в юношу, изложена здесь гораздо подробнее, чем в «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели». Рассказ о путешествии в область Ментеше следует в его тексте после описания паломничества Хаджима в обитель Сейида Гази и истории с драконом (см. ниже). Там не сказано о том, что спутниками Хаджима были именно Пакче (Бекче) Султан, Хабиб Аджеми и прочие дервиши. Хаджим Султан просит у дервишей благословения на то, чтобы войти в полночь в дом того деревенского богача, который до этого отказался их приютить. Нет в тексте ни встречи с девушкой у источника, ни того, что она сама привела Хаджима в свой дом, ни ее «служения» ему, ни угрозы отца расправиться со своей дочерью, ни того, что он лишился дара речи под воздействием взгляда Хаджима Султана (Ср.: Duran H. Velâyetnâme Nası Bektaş-ı Velî, с. 597–602). Ничего не сказано и о том, что Хаджим Султан восседал, прислонившись спиной к старому дереву, которое росло на горе.

<sup>83</sup> Возможно, речь идет о последователях суфия Гейикли Баба (ум. ок. 1330 г.) из окрестностей Бурсы или о жителях местности Гейиклю (Гейикли).

одни к другим<sup>84</sup>. И далее Он говорит: “Берегитесь завистника!”<sup>85</sup> И далее Он повелевает: “Не обижайте никого ни рукой, ни языком»<sup>86</sup>. Услышав эти слова от Султана Хаджима, они [члены сообщества Гейкликю] поцеловали его руки, и он произнес для них благопожелание. Был у него посох. Он принес его и воткнул [в землю]. По всемогуществу Божьему на нем зазеленели листья, но было непонятно, к какому виду деревьев он относится. Он [Хаджим], уходя, воскликнул: «Поручаю вас Аллаху!» И отправился в другое место.

Пришел он в Шейхлю. Там было местопребывание Пакче Султана и Хабиба Аджеми. Они повстречались там с Хаджимом Султаном. Однажды он встал, совершил утренний намаз, ибо наступило утро. Затем он двинулся в путь. Он взял с собой всех тех, кто с ним шел ранее, никого не оставил, сказав: «Мы устроим пиршество над [могилей] Сейида Гази». Итак, Пакче Султан, Хабиб Хаджи, Паша Султан пустились в путь, гоня перед собой жертвенных животных, подаренных Хаджиму Султану. Подошли они к реке Нийаз<sup>87</sup>. Поток несся с большой силой, унося с собой камни и деревья; переправиться через эту бурную реку не было возможности. Пакче Султан, Хабиб Хаджи, Паша Султан и все святые люди и дервиши столпились на берегу и не могли ничего поделать. Они сказали: «Потерпим, подождем до прихода Хаджима Султана». Потом пришел и Хаджим Султан. Он увидел, что они не смогли пересечь реку. Он спросил: «Вы не переправились?» В ответ дервиши сказали: «Мой Султан, нет никакой возможности пересечь эту реку! Пойдем, здесь поблизости есть одна обитель под названием Сары Сельджук. Давай там останемся на ночь. Или же вот за этим холмом должен быть мост, который называют мост Байрам-бега. Давай перейдем там!» Хаджим Султан отвечал им: «Ах-ах, жаль мне вас! Вы отпускаете грехи стольким мюридам и стольким приверженцам, собираете подношения, вкушаете мясо молодых ягнят<sup>88</sup>, но не можете переправиться через столь малую реку! Как же вы окажете помощь в Диване Истины мюридам, которые держатся за края ваших одеяний?» Услышав его ответ, все они умолкли. Хаджим Султан подошел к реке<sup>89</sup>. Он воскликнул: «О, милая река! Пречистые и прозрачные воды твои текут, охваченные стремлением увидеть Лик Друга. Во имя любви к Другу, дай нам дорогу! И ты стремишься к своему Другу, и мы идем к Другу, нельзя медлить!» И тотчас же разделилась река на две половины; нижняя потекла, а верхняя замерла неподвижно. Тогда Хаджим Султан сказал: «Идите, переправляйтесь!» Сразу же все они [дервиши] перепра-

<sup>84</sup> Коран, сура 49, стих 12.

<sup>85</sup> Коран, сура 104, стих 1.

<sup>86</sup> Это один из немногих сохранившихся образцов проповеди Хаджима Султана.

<sup>87</sup> Нийаз (نیاز) вместо Баназ (بناز).

<sup>88</sup> В «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» добавлено: «восседа на великих коврах, вы едите курдюки ягнят» (Ср.: Duran H. Velâyetnâme Hacı Bektaş-ı Veli, с. 578). В этом источнике (особенно в стихотворном варианте) подчеркивается соперничество между Хаджимом Султаном, с одной стороны, и эренами области Гермиан — с другой (они называют Хаджима *йабани ышык* — «чужеземный бродяга»). См.: Firdevsi-i Rûmi. Manzûm Hacı Bektaş Veli Vilayetnamesi, с. 405.

<sup>89</sup> В «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» говорится, что Хаджим Султан перед этим перенулся своей головной убор (элиф тадж — колпак в форме буквы алиф) задом наперед.

вилились на другой берег. Последним перешел Хаджим Султан. Он сказал [Байрам-бегу]: «Отойти от меня (ибо мост Байрам-бега был построен на неправедные деньги)!<sup>90</sup> Мы не принимаем твою службу, убирайся!» В тот же миг вода смела [мост] с того места, где он был. С того времени никто не мог отстроить заново [этот мост]. Все жители того края пришли посмотреть на это. Они стали целовать руки пресвятого Султана.

Потом они [жители той местности] снова собрались на совет (*да-нышык*). Был среди них один недавний пришелец по имени Аладжа Атлу. Они попросили его: «Ступай, убей-ка ради нас этого хаджи, [не бойся], он одинок, никого у него нет». Тогда тот прыгнул с лошади, затянул пояс (*хулāн*) и снова вскочил в седло. Он взял оружие в руки, издал воинственный клич. Набросился на пресвятого Султана Хаджима. Он ударил его [саблей] один раз, но не смог ранить. Ударил второй раз и снова не мог ничем повредить ему. Трижды он наносил удар, но не мог поразить его. Тогда пресвятой Султан Хаджим обратился к нему и сказал: «Знай, Аладжа Атлу, что твоя сабля нам не повредит, но коль скоро ты вознамерился, ополчившись на нас, поразить нас, ты должен теперь непременно вкусить [с нами] пищу на вершине вон того холма. Зарежь свою лошадь и принеси сюда ее мясо, чтобы дервиши сделали из него кебаб<sup>91</sup>. Мы тебя не тронем!» После этого Султан Хаджим стал подниматься на гору (там был обрывистый склон)<sup>92</sup>; сей же [Аладжа Атлу] пошел своей дорогой<sup>93</sup>.

## Другое чудо Хаджима Султана

Та гора была покрыта могучим лесом. Даже птица не могла там пролететь. Несколько человек [из числа местных жителей] замыслили злое против пресвятого Султана Хаджима, говоря: «В краю Ментеше он превратил девицу в мужа; в Гермияне он реку остановил; Аладжа Атлу же не убил (?)<sup>94</sup>. Давайте скормим его дракону, обитающему в этом лесу». Султан Хаджим же шел той дорогой. На пути его появился дракон, такой страшный, что от одного его вида разбежались бы и люди и джинны. Даже Мухаммеда Мустафу, да приветствует его Аллах, некоторые лицемеры называли колдуном (*джазу*), чтобы оскорбить его<sup>95</sup>. И Господь Всевышний, дабы

<sup>90</sup> Ремарка автора-составителя «Вилайет-наме».

<sup>91</sup> Эти слова подтверждают тот факт, что в эпоху монгольского завоевания мясо лошади не считалось «недозволенной» пищей.

<sup>92</sup> Ремарка автора-составителя «Вилайет-наме».

<sup>93</sup> В «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» рассказ об Аладжа Атлу отсутствует (вероятно, он проник в текст «Вилайет-наме-и Хаджим Султан» из местных преданий Баназа, записанных автором). Хаджим Султан впервые встречается с Бекче Султаном и Хабибом Хаджи на берегу сильно разлившейся реки Баназ («ибо была ранняя весна»). Переход через реку — это первое чудо, которое местные зрены лицезрели от Хаджима Султана. Они пригласили его пойти с ними в паломничество к Сейиду Гази. В услужении у Хаджима в тот момент было двое дервишей (один из них — Бурхан). Ср.: Duran H. Velâyetnâme Hacı Bektaş-ı Velî, с. 578.

<sup>94</sup> То есть «Аладжа Атлу не смог его убить».

<sup>95</sup> Здесь повествование о драконе прерывается авторским отступлением (автор пытается пояснить, почему местные жители желали зла Хаджиму Султану, сравнивая их отношение к нему с отношением мекканских «лицемеров» к пророку Мухаммеду).

посрамить лицемеров и оправдать своего Любимца, стал ниспосылать для него суры и аяты. Мухаммед Мустафа стал их читать [произносить вслух], и лицемеры были посрамлены и опечалены. [Оправдывая свое поведение,] они стали говорить ему: «О, Мухаммед, если бы мы не издевались над тобой, кто бы тогда и откуда узнал, что ты являешься Пророком?» И таковы же и святые-эвлиа, Божии слуги, ибо о них Господь Всевышний соизволил сказать: «Для друзей Божиих не бывает страха, и они не будут в печали»<sup>96</sup>. Святые-вели знают о состоянии друг друга, но тот или иной дервиш из числа тех, что находятся при них, может и не знать об этом; потому они [святые] и совершают чудесные деяния (проявляя свою святость). Итак, Хаджим Султан подошел к тому месту, где обитал дракон<sup>97</sup>. Дервиш Бурхан шел впереди него. По дороге до ушей Дервиша Бурхана донесся жуткий рев, и в нос ему ударил отвратительный запах. Все члены его тела ослабли. Он потерял разум. Султан Хаджим спросил его: «Что с тобой, Бурхан?» Дервиш Бурхан ответил: «Мой Султан, из леса тянет какой-то воню. Мой разум чуть не покинул меня». Хаджим Султан сказал: «Не останавливайся, пойдем вперед! Мы вместе с Сейидом Гази воевали некогда в этих местах, и была тут змея размером со скорлупку (*килир*). Неужто она теперь превратилась в дракона (*эждер*) и осмеливается нападать на людей?»<sup>98</sup> И дракон почуял человеческий запах. Он стал обшаривать все вокруг и был уже на расстоянии полета стрелы [от Хаджима]. Взглянув упал на Султана Хаджима. Он бросился вперед (*дем урды*), раскрыл пасть и хотел проглотить его. Тогда Султан Хаджим издал такой мощный клич, что от него пришли в движение и горы и камни, и из блаженных уст Султана Хаджима вырвалось пламя. Оно взметнулось навстречу дракону и через его пасть проникло в его тело и стало его жечь изнутри. Дракон от боли то взвивался в небо, то ползал по земле, сдвигая с места скалы и топча их, будто тесто. Головой он ударился о камень; голова его и ухо отпечатались на камне, будто рисунок на тесте. Пока дракон таким образом метался в пламени и завывал, Бурхан от ужаса потерял сознание и упал. Осел Султана стал мочиться кровью (*кан кашанды*), и там появился камень, красный на вид<sup>99</sup>.

Потом Султан Хаджим принял грозный и величественный (*дже-ляль*) облик<sup>100</sup>, а дервиши тем временем стали один за другим подходить к тому месту. Они думали: «Если дракон проглотил его, тогда мы заберем жертвенных животных и вернемся». Так они подходили, пока все не собрались. Они увидели, что дракон сгорел, и скалы расплавились и стали мягкими, будто тесто, и горы воспламенились; Бурхан лежит в обмороке, а осел мочится кровью; пресвятой Хаджим же принял

<sup>96</sup> Коран, сура 10, стих 63.

<sup>97</sup> В стихотворном варианте «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» это место носит название Ак-йокуш (в прозаическом варианте оно именуется просто *йокуш* – «подъем»).

<sup>98</sup> В «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» данная реплика Хаджима Султана отсутствует. Здесь, видимо, идет речь о каком-то прежнем воплощении Хаджима Султана (вряд ли он подразумевает, что живет на свете уже более шестисот лет). Напомним, что Сейид Баттал Гази скончался между 730 и 740 г.

<sup>99</sup> Здесь перед нами типичный этиологический миф.

<sup>100</sup> Эта деталь отсутствует в «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели».

грозный облик. Все дервиши, подойдя к нему, склонились к его ногам. Хаджим Султан произнес: «Слава Аллаху, пусть это останется после нас напоминанием для тех, кто нас любит, и тот камень, на который мочился осел, да будет он лекарством для любящих нас собратьев!» На вершине холма было огромное сосновое дерево, и Султан Хаджим уселся, прислонившись спиной к его стволу<sup>101</sup>. Все дервиши, придя туда, стали вкушать пищу и молиться. Ведь Султан Хаджим сказал тому Аладжа Атлу: «Знай, что твоя сабля не сможет нас поранить, но, так как ты покушался на нас, то теперь ты должен откусать [с нами] пищу на вершине вон того холма. Принеси туда мясо своей лошади; дервиши пусть сделают из него кебаб; тогда мы тебя не тронем!» Лошадь его там упала и сдохла. Он пришел с рыданиями, поцеловал руку пресвятого Султана. Он сказал: «Меня ввели в заблуждение, прости мне мои грехи!» Пресвятой Султан Хаджим совершил благую молитву за этого мбодца: «Пусть Аллах даст ему искренность (*инсаф*)!» Потом пресвятой Султан Хаджим пустился в путь и добрался до места, называемого Сусуз<sup>102</sup>. Халифе и дервиши все вышли навстречу пресвятому Султану и с честью проводили его в обитель. Султан Хаджим зашел в свою уединенную келью и пребывал там, уповая на Бога и совершая поклонение. Много собралось вокруг него приверженцев. Они построили в обители мечеть. Они приняли также с большим почетом прибывших вскоре после этого со многими жертвами Пакче Султана, Хабиба Аджеми, Хаджи Пашу Султана<sup>103</sup>.

## Другое чудо Хаджима Султана

В один из дней Хаджим Султан соизволил сказать: «Дервиши, помянем Сейида Гази!» Тогда Пакче Султан, Хабиб Аджеми, Хаджи Паша Султан собрались все вместе и, гоня перед собой стада жертвенных животных, в благословенном месяце *зу-ль-хиджжа* отправились в путь<sup>104</sup>. Идя день

<sup>101</sup> Ср. прим. 80.

<sup>102</sup> В «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» после истории о победе над драконом следует эпизод с выкапыванием Хаджимом Султаном источника Хаджим Султан Бунары в безводной местности. Весьма вероятно, что этот рассказ логически связан с уничтожением дракона (который в народной традиции обычно «запирает воду», что приводит к засухе). Странно, что автора-составителя «Вилайет-наме-и Хаджим Султан» это чудо не заинтересовало, и он не включил его в свое повествование.

<sup>103</sup> В «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» встреча с драконом происходит уже после посещения Хаджимом Султаном обители Сейида Гази, его расправы с шейхом Кара Ибрахимом и встречи с женщинами, шедшими в паломничество к гробнице Сейида Гази в поисках исцеления от бесплодия; однако ранее основания им своей обители в Сусузе. Следовательно, здесь рассказ о приходе Хаджима Султана в Сусуз и о поселении его в этом месте прерывается тремя темами — встречей с гермиянскими дервишами, походом к Сейиду Гази и историей с женщинами (см. ниже).

<sup>104</sup> В «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» говорится, что паломничество состоялось в месяце *зу-ль-хиджжа*, весной, в период разлива рек (т.е., скорее всего, в марте месяце). Учитывая подвижность мусульманского лунного календаря, это могло иметь место в 1280-е годы или в 1315–1318 гг., либо в 1350-е годы. Это указание в любом случае мало что дает для установления хронологии жизни Хаджима Султана.



за днем, они были уже близки [к спальнице] Сейида Гази Султана. Приняв образ лани (*аху*), [его душа] вышла навстречу Султану Хаджиму и приветствовала его в духовном мире и тут же исчезла<sup>105</sup>. Все видели это. Султан Хаджим сказал одному из дервишей: «Ступай, передай от нас привет шейху обители Сейида Гази; скажи, что Султан идет и ведет с собой тысячу и одно жертвенное животное и желает принести их в жертву над Сейидом Гази и устроить пиршество». Тот дервиш пустился в путь, добрался до *текке* [обители] и, найдя шейха-эфенди, которого звали Кара Ибрахим, выступил вперед и, поздоровавшись с ним, сказал: «Хаджим Султан передает вам привет и говорит, что у него есть тысяча и один жертвенный бык. Он хочет прийти и помянуть Сейида Гази!» Когда Шейх Ибрахим услышал эти слова, он воскликнул: «Уходи прочь отсюда! Не говори мне ни про какого Султана! Пусть забирает свои жертвы и проваливает!»<sup>106</sup> Тот дервиш возвратился к Хаджиму Султану. Рассказал ему обо всем<sup>107</sup>. Тогда Хаджим Султан весьма сильно разгневался (букв. «принял весьма грозный вид»), размял (*йысынды*) свою правую руку и двинулся в путь<sup>108</sup>. Сейид Гази Султан же сделал в свое время заветание, что «сюда придет некто из потомков (Пророка), и когда он воссядет на мой молитвенный коврик, то меч, которым я разил неверных, трижды выйдет из своих ножен и вновь спрячется в них; вы же [дервиши] того человека опасайтесь!»<sup>109</sup>.

<sup>105</sup> Согласно «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели», эта встреча случилась в месте под названием Булдук-Чайыр (Болдук-Чайыр, букв. «Найденный луг», «Обретенный луг»). Там же Хаджим Султан повстречал двух женщин, одну из которых он «благословил» сыном (еще до его прихода в обитель Сейида Гази). Ср.: Duran H. Velâyetnâme Hacı Bektaş-ı Velî, с. 582–586; Firdevsi-i Rûmî. Manzûm Hacı Bektaş Velî Vilâyetnamesi, с. 408–411.

<sup>106</sup> В «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» дервишей обители Сейида Гази возмущает сам факт присылки гонца Хаджимом Султаном, а также и то, что он (Хаджим) опоздал с прибытием на празднество: «Они прислали гонца в столь великую обитель, а этого делать по *тарикату* не полагается. Это для невежд требуется гонец! И пиршество уже закончено и весь *кешек* [ригуальное мясное блюдо] съеден». Ср.: Firdevsi-i Rûmî. Manzûm Hacı Bektaş Velî Vilâyetnamesi, с. 409; Duran H. Velâyetnâme Hacı Bektaş-ı Velî, с. 585.

<sup>107</sup> Согласно «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели», посланец не осмелился передать Хаджиму Султану слова шейха и сказал, что тот приветствует его приход. В наказание за ложь Хаджим Султан проклял гонца; от этого проклятия его лицо свернулось на спину и, промучившись один день, он скончался. Его похоронили на том же лугу Булдук-Чайыр (т.е. это очень важное место в мистической биографии Хаджима Султана). Этот эпизод, по неясным причинам, был отвергнут автором-составителем «Вилайет-наме-и Хаджим Султан» (возможно, в силу излишней жестокости, проявляемой здесь главным героем). Схожее чудо приписывается среднеазиатскому святому Бурху (Бурх Сармаст Абдал), но там наказанные им подобным образом строители его усыпальницы на следующий день были им прощены.

<sup>108</sup> В «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» говорится, что Хаджим Султан приказал бить в бубны и отправился в обитель, на ходу совершая радение-сама. Эту подробность, связанную с сама, автор-составитель «Вилайет-наме-и Хаджим Султан» (или один из последующих редакторов текста) счел нужным опустить (как и некоторые другие упоминания радений-сама, см. ниже). Ср.: Duran H. Velâyetnâme Hacı Bektaş-ı Velî, с. 589; Firdevsi-i Rûmî. Manzûm Hacı Bektaş Velî Vilâyetnamesi, с. 412–413.

<sup>109</sup> Эта деталь отсутствует в «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели». Хаджим Султан, как и его среднеазиатский «коллега» Бурхан ад-Дин Кылыч (не он ли выступает в «Вилайет-наме» под именем Дервиша Бурхана?), вероятно, представлялся своим адептам как воплощенный в человеческом образе сакральный меч (батын кыльдзы). Ср.: Абашин С. Н. Бурханиддин-Кылыч: учёный, правитель, чудотворец? О генезисе культа святых в Средней Азии// Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М., 2003, с. 215–236.



Итак, Хаджим Султан пришел туда. Ни один человек не вышел встречать его. Он прошел [внутри] и сел на молитвенный коврик Сейида Гази, и все дервиши расселись по своим местам. Тот шейх Кара Ибрахим, собрав некоторых суфиев, приказал им: «Ступайте и скажите ему, чтобы он убирался!» Они пришли, но не успели сказать, как тот меч, о котором говорил в своем завещании Сейид Гази, трижды выскочил из ножен и вновь сокрылся в них. Увидев это, они [дервиши] убежали прочь. Султан Хаджим, закутав голову в хырку, три дня сидел, уповая на Истину<sup>110</sup>. Три дня прошло. Шейх Кара Ибрахим сказал: «Этот человек — явно, глава колдунов; если же он из числа потомков Пророка, то он и в огне не сгорит, и меч его не сможет поранить. Пойдемте, предложим ему зайти в огонь, и если он не погибнет, значит, действительно он — потомок Пророка. Тогда пусть делает в обители все, что захочет»<sup>111</sup>. Они зашли в обитель. Пресвятой Султан Хаджим сказал: «Идите, приготовьте все необходимое, и мы войдем в огонь». Тогда они ушли. Там была большая печь. Ее заполнили дровами и положили туда железный плуг и железные кандалы (*букагу*), и потом разожгли огонь<sup>112</sup>. Она [печь] сильно раскалилась. Они [суфии] пошли и сказали Хаджиму Султану: «Огонь горит, печь накалилась, давай, заходи [внутри]!» Султан Хаджим позвал: «Дервиш Бурхан! Ступай и уладь дела этих людей!» Дервиш Бурхан ответил: «Слушаюсь и повинуюсь!» И сняв с себя свое одеяние, положил его перед Хаджимом Султаном. Он обмотал свои чресла полотенцем (*фута*). Потом Султан Хаджим своей благой десницей погладил его по спине и прочитал благопожелание: «Да будет Господь помощником тебе, и Мухаммед, да благословит его Аллах и да приветствует, пусть будет твоим заступником», — так он сказал. Затем Дервиш Бурхан Абдал, наклонившись над устьем печи, произнес: «Во имя Аллаха и по соизволению Всевышнего!» — и зашел в печь. Он увидел, что железо (*теймур*) расплавилось и течет как вода. Он надел те кандалы себе на шею. Железные кольца (*кельбе*) он возложил на свои предплечья (*чигни*). Лемех плуга засунул себе в рот. Затем он вышел из печи<sup>113</sup>. Принес все это [железные предметы] пресвятому Хаджиму Султану. Хаджим приказал: «Отнеси это шейху [Кара Ибрахиму]!» Дервиш Бурхан пошел и встал перед шейхом. Он сложил перед ним все железные предметы. Молитвенный коврик шейха [на котором тот восседал] загорелся. Шейх вскочил и побегал прочь. Султан Хаджим вскричал: «Стой, лицемер: ты меня хотел спалить явным огнем, а я тебя

<sup>110</sup> Эта деталь отсутствует в «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели».

<sup>111</sup> Эти слова отсутствуют в «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели», где Хаджим Султан первым переходит в нападение, умерщвляя полами своего одеяния семнадцать дервишей Кара Ибрахима во время ритуального танца (сама). Таким образом, в «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» Хаджим Султан представлен скорее «атакующей» стороной, а не пассивно сопротивляющейся нападкам Кара Ибрахима, как в данном тексте.

<sup>112</sup> Согласно «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели», Кара Ибрахим велит собрать железные кольца и другие суфийские регалии (васла) дервишей Хаджима Султана и бросить их в пламя костра. Ср.: Duran N. Velâyetnâme Hacı Bektaş-ı Veli, с. 589–590; Firdevsi-i Rûmî. Manzûm Hacı Bektaş Veli Vilâyetnamesi, с. 412–413.

<sup>113</sup> В «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» рассказывается, что Бурхан совершил в печи сама и затоптал огонь своими ногами. Эта деталь была опущена автором (или редактором) «Вилайет-наме-и Хаджим Султан», который, скорее всего, был противником радений-сама.

сожгу огнем сокровенным!» Он взмолился Величеству Истинного Бога. Несмотря на то что небо до этого было безоблачным, вдруг собрались тучи. Полил сильнейший дождь и посыпал град. Раздался гром. По воле Всевышнего в макушку шейха ударила молния. Он был убит. У всех собравшихся, кто видел это, помутился рассудок. Когда они пришли в себя, они подбежали к Султану Хаджиму, прося прощения с криками: «Великодушие!» У того шейха была жена и единственный сын. Их подвели поцеловать руку Султана Хаджима. Жена [шейха] попросила: «Пусть он будет твоим сыном!» Хаджим Султан помолился за них<sup>114</sup>. Он отослал их домой. Затем Хаджим Султан велел резать жертвенных животных, собрал ученых и благочестивых мужей, и они стали произносить молитвы и *гюльбанги* [хоровые моления] в честь Мухаммеда, мир ему! И восклицали: «Аллах, Аллах!» Тысячу и одну жертву резали, приготовили мясо и откушали его. Собралось великое множество народа. Три дня и три ночи раздавали эту пищу странникам и паломникам (*гелен гиден ахибба*). Потом собрались ученые, благочестивые и добродетельные люди, стали читать Коран и возносить молитвы. Заслуги от этих деяний посвятили они Мухаммеду Мустафе и всем пророкам и потомкам Пророка [Мухаммеда] и их пречистым женам и духу Сейида Гази Султана. Затем [собравшиеся] провели руками по лицам. Все они сообща пошли и обнаружили пресвятого Султана Хаджима в уединенной келье и попросили у него благословения. И потом разошлись восвояси. Тогда Султан Хаджим сказал: «Мы пробудем здесь сорок дней и после этого уйдем». Был там высокий холм. Назывался он Кызыл Бурун. Хаджим Султан поднялся на вершину этого холма. У него с собой был посох. Он вонзил его в землю на вершине холма, и за сорок дней [посох] пророс. На нем появились зеленые листья и даже созрели плоды. И он [Хаджим] стоял там в течение сорока дней на правой ноге, [не меняя позу] ни днем ни ночью, ничего не пил и не ел<sup>115</sup>. Он поручил свою сущность присутствию (*дегдах*) Всевышнего. Сорокадневный срок закончился. Когда же он [Хаджим] стал спускаться вниз, тот холм сдвинулся с места вслед за Хаджимом Султаном, то есть он стал провожать Султана. И после того снова утвердился на прежнем месте<sup>116</sup>.

На пороге гробницы Сейида Гази лежал огромный камень. Султан Хаджим, подойдя к нему, раскрыл свои блаженные уста и укусил его, так что его зубы погрузились в камень как в тесто, и след от них сохранился. Потом он поднял голову и сказал: «Любящие нас собратья пусть оста-

<sup>114</sup> В прозаическом варианте «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» Хаджим Султан просит Бурхана Абдала прочесть духовный стих-нефес. Бурхан читает нефес, заканчивающийся словами «Возри же на Хасана (благим) взором!» (здесь говорится, что мальчика звали Хасан). Лишь после этого Хаджим Султан одаряет Хасана своим благословением. Ср.: Duran H. *Velâyetnâme Hacı Bektaş-ı Veli*, с. 590.

<sup>115</sup> Ср. предания о среднеазиатском народном святом Девона Бурхе (Баба Бурх-и Сармаст). Снесарев Г. П. Реликты домусльманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, с. 292; Басилов В. Н. О туркменском пире дождя Буркут-баба. Советская Этнография, 1963, № 3, с. 42–52; Рахимов Р. Р. Одинокий мазар в теснине гор//Центральная Азия: традиция в условиях перемен. Вып. 2. СПб., 2009, с. 180–227; он же. Мифология Бурха: не таит ли она историю ввне времени? // Там же, с. 228–280.

<sup>116</sup> Этот эпизод отсутствует в «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели».

новятся здесь и внутрь не заходят, и пускай утешатся этим [знаком]»<sup>117</sup>. Он помолился и возвратился в обитель. Был там один ученый и добродетельный муж. [Хаджим] привел его и усадил на молитвенный коврик. Он стал говорить о правилах шариата, хакиката, тариката и марифата<sup>118</sup>. Тот [ученый] покаялся перед ним. [Хаджим] сказал: «Храни в тайне имя эвлия, не завидуй мирскому, и мы станем оберегать тебя и в явном и в сокровенном [мире]». Затем пресвятой Султан Хаджим собрался уходить. Он сказал своим приверженцам: «Мы назначаем этого [мужа] своим халифе здесь, пусть отныне от него получают разрешение [на проповедь] и каются в грехах перед ним!»<sup>119</sup> Потом Хаджим Султан, Пакче Султан, Хабиб Аджеми и все святые люди, тронувшись с места, направились в путь в сторону кыблы. Все их приверженцы провожали их на расстоянии одной стоянки [одного дневного перехода]. Затем Султан Хаджим позволил им удалиться, сказав: «Возвращайтесь, я поручаю вас Аллаху!» Тогда они вернулись назад. Султан Хаджим же со своими спутниками выступили в путь, каждый к своему местопребыванию. Остановившись в одном месте, они совершили намаз, помолились и снова пустились в путь, и так день за днем они шли.

## Другое чудо Хаджима Султана

Дервиши, ни на шаг не отходившие от нашего Повелителя Хаджима Султана, видели эти чудеса и постоянно рассказывали о них. Идя по дороге, они остановились в одном месте, перекусили, потом они [дервиши] сказали: «О, Султан, хорошо бы вам жениться, чтобы после вас остался бы сын и возглавил бы вашу обитель и охранял бы ее!» Султан Хаджим соизволил сказать: «Потерпите, скоро здесь пройдут две женщины вместе с одним мужчиной, направляющиеся к Сейиду Гази Султану. Посмотрим, что из этого выйдет [или «каковы они»]?» По прошествии некоторого времени показались две женщины и один мужчина с ними. Султан Хаджим спросил: «Куда вы идете?» Те отвечали: «Мы идем к Сейиду Гази Султану». Но одна из женщин, которая была постарше, добавила: «Мы идем ради этой молодой госпожи, ведь у нее ни сына, ни дочери нет». Хаджим Султан спросил: «Если ваше желание исполнится [прямо сейчас], возвратитесь ли вы домой?» Одной из тех женщин уже исполнилось восемьдесят лет<sup>120</sup>. Она пошла [в паломничество] как спутница той молодой особы, а также и потому, что была большой поклонницей эвлия. Сердце ее было чистым и пре-

<sup>117</sup> В «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» это деяние приписывается Хаджи Бекташу Вели. Ср.: Duran H. *Velâyetnâme Hacı Bektaş-ı Velî*, с. 349–350; Firdevsi-i Rûmî. *Manzûm Hacı Bektaş Velî Vilâyetnamesi*, с. 284–285.

<sup>118</sup> Так называемые «четверо врат» (*dört kapı*) суфизма.

<sup>119</sup> Этот эпизод отсутствует в «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели». Вероятно, он введен здесь для возвеличивания власти Хаджима Султана, который мог распоряжаться назначениями в обители Сейида Гази (главной каландарской обители Анатолии); но странно, что имя «ученого мужа», которого Хаджим Султан утвердил своим халифе, не названо.

<sup>120</sup> Эта подробность отсутствует в «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели», где говорится, что обе женщины мечтали иметь потомство и собирались просить об этом дух Сейида Гази.

данным, однако у той молодой женщины сердце не было чистым. Она не хотела возвращаться, [не посетив гробницу Сейида Гази]. Та старая женщина обратилась к ней: «Это святой человек, нужно только послушаться его! Если не исполнится желаемое, мы можем через некоторое время снова пойти туда». Так она старалась увещевать ее многими словами. Но та сказала: «Я не вернусь!»<sup>121</sup> Она заупрямилась. Это стало известным пресвятому Султану Хаджиму. Он сказал [молодой женщине]: «Ступай, в твоём сердце нет чистоты, ты не принимаешь благой взгляд (*назар*) [святого]». Он воскликнул, обращаясь к дервишам: «Я беру себе эту старуху!» Его дервиши сказали: «О, Султан, вам решать». Он приказал: «Теперь ступайте, приведите сию женщину и скажите ей [об этом]». Бурхан Абдал пошел за ней. Он объявил им: «Женщины, Хаджим Султан хочет одарить вас своим взглядом, вы согласны?» Молодая женщина не согласилась. Старая женщина отвечала: «О, деде, я принимаю благость, исходящую от того святого мужа!» Она пошла вместе с Дервишем Бурханом к Хаджиму Султану. Она стала целовать край его одеяния и его ноги с просьбой о прощении. Хаджим Султан спросил женщину: «Ты пойдешь за меня?» Женщина же отвечала: «Я буду твоей рабыней, мой Султан!» Трижды он спрашивал ее так. Женщина говорила: «Я согласна»<sup>122</sup>. Дервиш Бурхан прочитал молитву. Дервиши подумали, что Султан Хаджим заберет женщину с собой. Султан Хаджим в ответ этой женщине сказал: «Встань там, поодаль, по направлению к кыбле». Женщина встала там, где он указал. Пресвятой Хаджим Султан три раза перескочил через нее и издал вопль. Оставил след своего рта на ее устах (?). Трижды погладил ее рукой по спине. Потом, подняв руки, вознес молитву. Дервиши произнесли «аминь». Провели руками по лицам. Он [Хаджим] сказал дервишам: «От этой старой женщины родится наш сын по имени Осман, у которого правая ключица будет продырявлена (*саг кёпрюджиги делик*); тот, кто возжелает меня, найдет меня в его лице. И после пусть он охраняет мою гробницу. О, дервиши, Величайший Истинный Господь, Обладатель Величия, не дал своему ничтожному рабу искушения похотью»<sup>123</sup>. По велению Всевышнего и благодаря чудесной силе Мухаммеда Мустафы, пусть будет исполнена молитва сего бедняка, и от этой старой женщины пусть родится мальчик с отверстием в ключице!» Той молодой женщине он сказал: «Ступай, пусть от тебя теперь родится камень! Ибо не было у тебя веры (*итикад*). Идите, возвращайтесь к себе домой сей же час!»<sup>124</sup> Они подошли и поцеловали руку Султану, потом отправились по домам. Пресвятой Хаджим Султан также прибыл на свое место. Он занялся поклонением Богу и подвижничеством.

Хаджим Султан оказал почести халифе Пакче Султану и Хабибу Аджеми и прочим дервишам. Затем они попросили разрешения удалиться. Пресвятой Султан Хаджим дал им позволение и отправил каждого из

<sup>121</sup> Данный диалог между женщинами отсутствует в «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели».

<sup>122</sup> Этот эпизод с предложением брака отсутствует в «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели».

<sup>123</sup> Этот пассаж отсутствует в «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели».

<sup>124</sup> Интересно, что в стихотворном варианте «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» Хаджим Султан характеризует действия второй женщины как *ширк* («многобожие»). Ср.: Firdevsi-i Rûmi. Manzûm Hacı Bektaş Veli Vilayetnamesi, с. 410.

них в его прибежище. Они попросились друг с другом и разошлись. Пакче Султан пошел в свое местопребывание. Пресвятой Хаджим же в течение сорока дней стоял на ногах, не ложась спать, и постился, и горячо молился. По всемогуществу Божьему обе те женщины забеременели. Когда исполнился срок, та старая женщина родила мальчика с отверстием в ключице<sup>125</sup>. И ее родичи забрали и ребенка и его мать и, захватив с собой жертвенных животных и светильники, привезли их к пресвятому Султану Хаджиму. Они сказали: «Вот, наш деде, у тебя появился сынок, но у его родительницы совсем нет молока! Он родился вследствие благости твоей молитвы; ты, наверное, знаешь [как помочь этому горю]». Пресвятой Хаджим Султан позвал: «Подойди, Дервиш Бурхан!» Дервиш Бурхан приблизился к Султану. Хаджим Султан сказал: «Ступай, Дервиш Бурхан, и корми этого ребенка!» Дервиш Бурхан, ничего не возразив на это внушение, взял ребенка и ушел. Те люди какое-то время постояли, созерцая прекрасный лик Султана, и потом стали ему [Хаджиму] рассказывать, что та другая женщина родила камень. Выслушав этот рассказ, все дервиши и послушники бросились к ногам пресвятого Султана. Султан Хаджим вознес свою благую молитву за них. Люди, пришедшие с той женщиной, попросив разрешения, возвратились в свои края. После этого Дервиш Бурхан спросил: «Мой Султан, как же нам воспитывать этого ребенка?» Хаджим Султан отвечал: «Это [рождение ребенка] случилось по всемогуществу Божьему; опять же по воле Божьей он будет вскормлен». Султан Хаджим помолился. Бурхан Абдал свои пальцы дал сосать младенцу и сказал: «Пусть имя его будет Осман с продырявленной ключицей!» Таким образом Дервиш Бурхан стал кормить ребенка<sup>126</sup>. По велению Всевышнего, он стал есть хлеб и пить воду. Впоследствии он стал обладателем святости. Хаджим Султан его просватал (*эверди*). После этого Султан Хаджим велел ему: «Ступай, иди в Гермиан. Там [на одном холме] мы воткнули посох в землю; по велению Аллаха он вырос, на нем созрели плоды. Они послужат лекарством от любого лиха». Он [Осман] подошел и стал целовать руки и ноги Султана. Он [Султан] молвил: «Не забывай, поминай меня в своих молитвах!» И много еще наставлений он [Хаджим] дал и наказал: «Береги посох!» Потом у Османа Баба родился сын по имени Чакыр Челеби<sup>127</sup>. И он тоже служил Султану без изъяна. Султан Хаджим послал Османа Баба в тот вилайет [Гермиан]. Тот прибыл и построил обитель рядом с тем местом, где торчал посох<sup>128</sup>. Он совершал служение

<sup>125</sup> Рождение сына у 80-летней женщины служит подтверждением чудесности происшедшего и того, что само это дитя — избранник высших сил.

<sup>126</sup> Весь этот эпизод с приходом родственников женщины и с кормлением ребенка отсутствует в «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели». Из текста этого источника можно вынести впечатление, что Хаджим Султан совсем не занимался воспитанием своего «духовного сына» и даже вообще не виделся с ним.

<sup>127</sup> В «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» имя сына Османа — Чалаберди (или в другом варианте — Чалабермиш или просто Чалаб). Это имя переводится как «Данный Творцом». Именно у этого мальчика была продырявлена левая (а не правая!) ключица, именно он стал впоследствии настоятелем в обители Хаджима Султана. Ср.: Duran H. Velâyetnâme Hacı Bektaş-ı Velî, с. 586; Firdevsi-i Rûmî. Manzûm Hacı Bektaş Velî Vilâyetnamesi, с. 411.

<sup>128</sup> Этот эпизод отсутствует в «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели», в котором Осман характеризуется как «мощный, храбрый джигит», но вместе с тем рассказывается, что он был

на пути Аллаха. Он показал множество чудес странствующим собратьям. Он хранил имя Султана, занимался поклонением и подвижничеством. По ночам он не спал, днем постился. Он был тверд в соблюдении правил ша-риата<sup>129</sup>.

**Другое чудо Султана Хаджима:  
о том, как он заставил скатерть сорок лет висеть  
[букв. «корзину сорок лет стоять» (?) ]<sup>130</sup>**

Султан Хаджи Бекташ Вели и Султан Хаджим, да освятит Аллах их драгоценную тайну, взяли из страны Хорасан знамя, молитвенный коврик, светильник, скатерть; и когда они прибыли в страну Рум, в той стране [Хорасане] случился недород. Тогда собрались дервиши и халифе в одном месте и стали совещаться: «Мы отдали знамя и коврик, и светильник, и скатерть Хаджиму Султану, и он, взяв все это, ушел в Рум. Если бы нашелся такой пронизательный муж, который смог бы пойти туда и забрать у него скатерть и сделать так, что земля Хорасанская вновь обретет пропитание и богатство!» Тогда халифе пошли к постигшему-эру по имени Кара Баба, известному своей ученостью и добродетелью и мощью, и сказали ему [об этом]. Кара Баба, поднявшись с места, ответил: «Молитесь за меня, окажите мне покровительство, я пойду в Рум и возьму скатерть у Хаджима Султана и принесу [сюда]». Халифе помолились. Дали ему в спутники сорок дервишей и предупредили его: «Берегись, не допускай оплошностей, ибо Хаджим Султан — человек с нравом палача (*джелляд*); не показывай перед ним свою гордыню!» Затем Кара Баба с сорока дервишами отправился в Рум. Шли они день за днем и, наконец, вступили в Рум. Расспрашивая людей по дороге, пришли они в долину Шейхлю. Спросили они у одного человека, есть ли там какое-либо пристанище (гостевой дом — кунак). Тот человек сказал: «Здесь есть один святой муж. Его зовут Пакче Султан. Это мощный эвлия, у него есть своя обитель, множество дервишей. Идите к нему, там найдете уют, будете гостями». Те пошли туда. Они пришли и увидели, что Пакче Султан вместе со своими дервишами рвет горох. Кара Баба вышел вперед и поздоровался. Они приветствовали его. Он перedal привет от эренов Хорасанской земли. Поговорили о том о сем. Потом Кара Баба задал вопрос Пакче Султану: «Баба, зачем вы тратите столько сил на то, чтобы при такой жаре обрывать горох? Только скажите: соберитесь, горошины, на току!» Пакче Султан ответил: «Мы недостаточно могущественны для

---

предводителем шайки разбойников («обычным делом его было — рубить и хватать») и каждый год устраивал пиршество на некой горе (вероятно, на той, где его матерью было получено благословение от Хаджима Султана на его рождение). Осман раскаялся и вступил на праведный путь только после смерти Хаджима Султана, когда на него снизошел мистический «экстаз» последнего (*...ирди Эрден она бир шевк халети; ...зевк шевк хасыл олун*). См. там же.

<sup>129</sup> Автор-составитель как будто хочет оправдать Османа от обвинений в дурном образе жизни.

<sup>130</sup> В заглавии говорится о корзине (*зембиль*), но в самом предании речь идет о скатерти-«самобранке». Это предание не имеет прямых аналогов в других вилайет-наме.

этого, о, Бабá!» Тогда Кара Баба помолился, провел руками по лицу. Сделал знак пальцами. Все горошины собрались в одном месте в кучу. Тогда Пакче Султан сказал: «Пусть же и наша служба будет принята в Диване Истины, и наши заслуги станут для нас спасением (*дерман*). Раз так, пусть горошины снова вернутся на свои места [в поле]!» Куча стала двигаться, и все горошины раскатились на свои прежние места. Узрев чудесные деяния друг друга, [оба святых] похвалили друг друга. Потом Пакче Султан привел [хорасанских] дервишей в свою обитель, и в течение трех дней они гостили там.

После этого Кара Баба спросил: «Есть ли в этой стране эр по имени Хаджим Султан?» Пакче Султан отвечал: «Хаджим Султан проживает близко отсюда, но он не пропустит тебя через границу [своих владений]. Тогда Кара Баба попросил: «Покажи мне его местопребывание!» Он испросил разрешение [удалиться], и Пакче Султан провожал его в течение одного дневного перехода. Он указал ему: «Это прямой путь [к Хаджиму]». Они [дервиши] пустились в дорогу. Они остановились, когда оставалось дойти одно утро (или «один птичий перелет»?) (*бир кушлук*). Там росло огромное старое дерево. Оно было раскидистым, заметно издалика (*беллюден?*); они [дервиши из Хорасана] присели под его кроной. Хаджим Султан вышел из затвора (*халвет-хане*) и сказал дервишам: «Один помешанный (*кудаз*) идет сюда, но да не переступит он границу!» Он произнес эти загадочные слова. Дервиши стали думать: «Интересно, что означает эта загадка?» Потом Хаджим Султан поднялся на вершину (бывшего там холма)<sup>131</sup> и сел там. Он повторил те же свои слова. В то время Кара Баба пустил в него стрелу. Она прилетела и вонзилась в землю перед Султаном. Они [дервиши] увидели, что это стрела с зеленым оперением (*йешиль йелекли*). Султан Хаджим произнес: «Дервиши, этот помешанный сюда идет, гордясь самим собой (*бенликле*). Не станем доставать стрел из наших колчанов (*тиркеш*); этого полоумного следует убить его же стрелой!» Взяв в руки ту стрелу, он метнул ее в воздух. Стрела, вернувшись, поразила Кара Баба в грудь, и он тотчас отдал Богу душу. Пресвятой Султан сказал: «Дервиши, ступайте, похороните Кара Баба!» Тогда дервиши пошли и увидели, что Кара Баба предал свою душу Богу, а сорок дервишей столпились вокруг его останков. Дервиши омыли его тело и прочитали намаз. Они похоронили его, стали читать Коран за упокой. Взяв с собой дервишей Баба, они вернулись назад. Они прибыли на служение к Султану. Пресвятой Султан Хаджим приказал халифе: «Ступайте, принесите скатерть, которую я доставил из Хорасана! Повесьте ее на то старое дерево, в головах у Кара Баба; и пусть те собратья, что возжелают нас, найдут то, что они искали, внутри этой скатерти. И пусть воздают благодарение Величайшему Господу-Всевышнему! И, по велению Господа, после того как мы переселимся из этого бренного мира в мир вечности, эта скатерть пусть пребудет здесь и ночью и днем, в течение сорока лет». И после смерти пресвятого Султана Хаджима эта скатерть в течение сорока лет как бы заменяла его («исполняла его обязанности»). Любкой

<sup>131</sup> Ремарка автора-составителя «Вилайет-наме».



человек мог загадать в своем сердце [кушанье], и когда он снимал с дерева скатерть, то находил внутри то, что он просил. Откушав, он снова вешал ее на дерево.

Итак, даже те, кто наделен умом, не смогут уразуметь «Вилайет-наме» пресвятого Султана Хаджима, и языки их пусть не берутся его толковать. «Вилайет-наме» Султана Хаджима, да просветит Аллах его дух, сложил [или «перевел», *терджеме иден*] Дервиш Бурхан, да освятит Аллах его драгоценную тайну!<sup>132</sup> Он переписал его, насколько позволили ему его неистощимые силы [или «его великое терпение»], помыслив так: «Это будет необходимым для тех любящих, что придут после нас». Таким образом, после пресвятого Султана Хаджима Дервиш Бурхан стал халифе и наставлял любящих, давая им советы. Он всякого почитал и ценил.

Осталось только сказать: «Истина, Он, Друг!» Чтобы не затягивать речь, мной было рассказано только это из всего множества чудес — капля из моря или одна частичка от Солнца, — с тем чтобы в людских сердцах осталась память о нашем Повелителе Хаджиме Султане и о сем нижайшем Дервише Бурхане Абдале, для чего помянутое «Вилайет-наме» и было произнесено [записано].

Закончена сия книга с помощью Бога, Царя-Дарителя.

---

<sup>132</sup> Разумеется, Дервиш Бурхан по этическим соображениям не мог так написать о себе самом. Здесь мы имеем дело со словами составителя (или редактора) «Вилайет-наме».

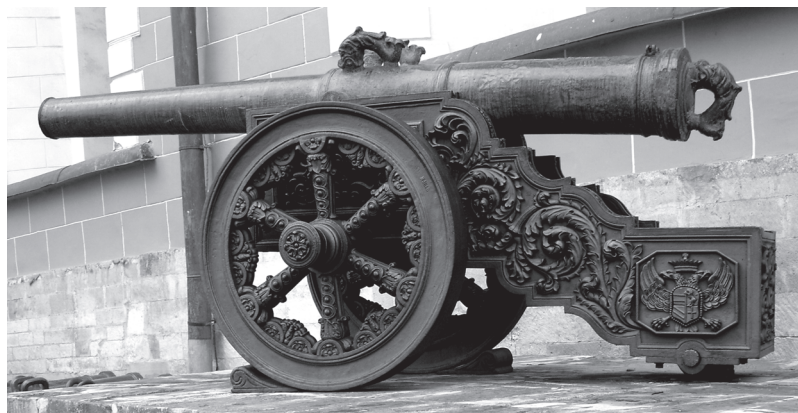
И. А. Комаров, И. В. Зайцев (Москва)

## Европейская пушка с турецкой надписью из фондов Оружейной палаты Московского Кремля

В фондах Оружейной палаты Московского Кремля хранится 8-фунтовая пушка (ствол) на декоративном лафете (Инв. № Арт-730), которая в настоящее время доступна для обозрения среди орудий, выставленных рядом со зданием Арсенала.

Пушка изготовлена в Священной Римской империи в последней четверти XVI в. (до 1608 г., аргументы см. ниже). Материал — бронза; литье с последующей прочеканкой. Д. 3180; д. б/винграда 299,5; дм. канала 110 мм.

Дульная часть в виде усеченного конуса, сужающегося к дульному срезу; отделена от средней части комбинацией плоских поясков, выпуклых и вогнутых фриз. Средняя часть цилиндрическая, отделена от казенной части комбинацией плоских поясков, выпуклых и вогнутых фриз. Дельфины в виде фантастических морских животных. Цапфы цилиндрические. Казенная часть слегка утолщается к заднему срезу. На



*Европейская пушка с турецкой надписью из собрания Оружейной палаты Московского Кремля*

казенной части помещена литая с прочеканкой надпись в три строки на латинском языке, заключенная в прямоугольную рамку:

RUDOLPHVS • II || ROM: IMP. AC: HVNG || ET • ВОНЕМ: REX: ЕС  
(Рудольф II, Римский император, король Венгрии и Богемии).

Под надписью литой с прочеканкой герб Священной Римской империи: двуглавый орел под императорской короной с вырезным гербовым щитом на груди. В верхнем правом поле щита горизонтальные пояса. В верхнем левом поле — идущий вправо леопардовый лев. Нижнее правое поле рассечено; в правой его части — горизонтальные пояса, в левой — пояса, скошенные влево. Нижнее левое поле четырехчастное. В верхней правой его части помещены изображения башен, в верхней левой и нижней правой — фигуры идущих вправо леопардовых львов. Вокруг щита — цепь ордена Золотого руна со знаком ордена.

Перед венцом тарели, отделенное выпуклым фризом на плоском пояске, — запальное поле. Запал венец тарели — из комбинации плоских поясков, выпуклых и вогнутых фризов. Тарель слегка выпуклая, с двумя вписанными друг в друга окружностями. Вместо винграда на тарели дельфин — аналогичный отлитым на средней части.

В инвентарных книгах Арсенала ствол упоминается под названием «Рудольф» (вероятно, по надписи на орудии), в инвентарных книгах Музеев Кремля — без имени собственного, с атрибуцией *Австрия, XVII в.*

**Сохранность.** На металле патина. Многочисленные царапины, следы ударов. Дульное возвышение утрачено (по-видимому, спилено). Казенная часть сильно сточена (?) с боковых сторон.

**Реставрация.** Реставрирована в 1981 г. Очищена от загрязнения и старых лакокрасочных покрытий. Патина на бронзе уплотнена.

**История изучения. Публикации.** Пушка не попадала в поле зрения исследователей. В своей популярной книге «Царь-пушка» Н. В. Гордеев приводит ее краткое описание в ряду описаний других орудий, размещенных на декоративных лафетах вокруг здания Арсенала. Он определяет ее как австрийскую, датирует XVII в., указывает калибр (110 мм) и упоминает о плохо сохранившейся надписи на арабском языке<sup>1</sup>.

**Атрибуция.** На стволе не указаны дата и место его отливки. Рудольф II (1552–1612), император Священной Римской империи в 1576–1612 гг., австрийский эрцгерцог, чешский и венгерский король. В ходе борьбы с братом Матфеем уступил ему в 1608 г. Верхнюю и Нижнюю Австрию, Венгрию и Моравию, в 1611 г. — Чехию. Орудие не могло быть отлито после 1608 г., когда Рудольф II лишился венгерской короны.

В 1606–1608 гг. Рудольф II вел неудачную войну с Турцией. Не исключено, что во время этой войны орудие и было захвачено турками.

Около 1828 г. орудие находилось в турецкой крепости Варна. После сдачи Варны русским войскам 28 сентября 1828 г. оно, в числе других тридцати пяти 8-фунтовых трофейных турецких пушек, было отправлено на корабле «Императрица Мария» в Одессу. 16 сентября 1830 г.

<sup>1</sup> Гордеев Н. В. Царь-пушка. М., 1960, с. 44, 45.

в донесении за № 11637 Артиллерийский департамент донес генерал-фельдцейхмейстеру великому князю Михаилу Павловичу, что, по рапорту капитана Смольянинова из Одессы от 15 августа 1829 г. за № 1131, «в числе 35 8 фун. пушек, доставленных в Одессу из крепости Варны на корабле Марии, одна Императора Рудольфа II по своей древности заслуживает быть в числе достопримечательных вещей, каковые хранятся в местных арсеналах»<sup>2</sup>. В ответ на это донесение 8 октября 1830 г. из Управления генерал-фельдцейхмейстера последовало распоряжение за № 1900, в котором говорилось: «Доставленную из крепости Варны в Одессу 8 фунт. пушку времен императора Рудольфа II предлагаю Артиллерийскому Департаменту приказать кому следует отправить в Москву и поместить в тамошнем арсенале без лафета для хранения в оном с прочими достопамятными орудиями»<sup>3</sup>. Пушка была отправлена в Москву через Киев. Перед отправлением на нее была составлена краткая опись, в которой орудие было названо «пушкой медной XVI столетия Императора Рудольфа II» и указан ее вес: 69 пудов 25 фунтов<sup>4</sup>. Весной 1831 г. пушка прибыла в Москву. «Состоящий по артиллерии» подполковник Карр в рапорте Московскому артиллерийскому депо от 24 мая 1831 г. донес, что, согласно предписанию депо от 15 мая за № 2274, пушка была принята им от командира 3-й гарнизонной артиллерийской роты Маркова и записана «по книге артиллерийской под № 8м». Карр сообщил также, что при приеме орудие не взвешивалось за неимением «поднимающих таковой тяжести весов»<sup>5</sup>.

#### Турецкая надпись на стволе:

طوب  
يکرمی ایکی قنطار دورت وقیه  
اون اوج ببق قارش چاب  
بر ببق وقیه  
فی سنه ۱۱۲۶  
کا

**Перевод.** «Пушка. Двадцать два *кинтара* [и] четыре *укиййа*. Длина тринадцать с половиной. Калибр полтора *уккийе*. В год 1126». (17 января 1714 — 6 января 1715 г.).

Османский *кинтар* состоял из 100 *лодр* по 176 *дирхамов* каждая и, следовательно, стабильно весил 56,443 кг<sup>6</sup>. 22 *кинтара*, таким образом, весили 1241,746 кг. *Укиййа* (унция) равнялась 1/12 *ратля*, который в свою очередь был равен одной сотой *кинтара*. Стамбульский *ратль*

<sup>2</sup> РГВИА. Ф. 503. Оп. 2. Д. 209. Л. 1.

<sup>3</sup> РГВИА. Ф. 503. Оп. 2. Д. 209. Л. 2.

<sup>4</sup> Там же. Л. 18.

<sup>5</sup> ИА ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 109... Л. 6, 6 об.

<sup>6</sup> Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему; Давидович Е. А. Материалы по метрологии Средневековой Средней Азии. М., 1970, с. 24.

в XVIII в. равнялся 876 дирхамам и весил 2,8 кг (считая дирхам в 3,207 г). Таким образом, османская *укиййа* равнялась 234,111 г. Вес ядра пушки, таким образом, был равен полторы *укиййа* = 351,1665 г.

Вспомним, что по русской системе измерения массы вес пушки равнялся 1140,4923 кг (69 пудов и 25 фунтов), т.е. разница между «османским» и «русским» весом пушки составляла чуть более ста кг (видимо, вес спиленной части). Османская пядь ничем от русской не отличалась и была равна 22–23 см. Таким образом, длина ствола в 13 с половиной пядей должна была достигать 297–310,5 см. Лигатура из двух букв (числовое значение 21) в конце турецкой надписи может быть интерпретирована как клеймо мастера (начальные буквы имени?) который ее изготовил. Во всяком случае среди сокращений, принятых в османских документах, подобное нам не известно.

Возможный аналог пушки хранился в коллекции Артиллерийского музея (поступление 1879 г. из Киевской крепостной артиллерии): «770. Пушка французская, медная... / (Вилим Вегеварт сделал меня в Гаге), 1626 г. / с турецкой надписью (скопированной в инвентаре), перевод: В 1126 году (хиджры = 1714), корабля Османа-Паши. И обозначение турецкого калибра и веса орудия)»<sup>7</sup>.

Надчеканы с обозначением калибра и веса ядра, таким образом, были обычной практикой османских оружейников. Видимо все трофейные орудия снабжались такими надписями. В качестве близкой аналогии укажем на пушку с похожим надчеканом, хранящуюся в крепости Едикуле в Стамбуле.



*Турецкая надпись на пушке из Оружейной палаты*



*Пушка с турецкой надписью — обозначением калибра (крепость Едикуле, Стамбул). Фото И. В. Зайцева*

<sup>7</sup> ИА ВИМАИВиВС. Ф. 22. 1882 г. Оп. 111. Д. 5. Опись Артиллерийского музея. Ч. 2. Кн. 2. 1882. Л. 117 об. — 118.

М. А. Волхонский, А. А. Пригарин, Д. В. Сень (Краснодар)

## «...В качестве верховного главы казаков Анатолии и Румелии»: новые документы из *Vaşbakanlık Osmanlı Arşivi* о М. Чайковском (Садык-паше) и Оттоманском казачьем войске

«...Этот ковер чудной работы стал владением калифов ислама, падишахов обширного мира, но в жилах этих падишахов текла теперь уже кровь сербская, кровь славянская». Этими словами известный представитель польской эмиграции в Османской империи Михаил Чайковский образно выразил чувства, охватившие его при виде Стамбула в 1841 г. Расчетливый политик, доверенное лицо князя А. Чарторыйского, тонко и умело общавшийся с султаном Абдул-Меджидом, талантливый османский администратор, так пронзительно простодушно отозвался он о Стамбуле, в лабиринтах коридоров власти которого ему надлежало сыграть важную роль — умножить (в интересах поляков) максимальное количество врагов России под эгидой Османской империи.

Далее в своих воспоминаниях Чайковский продолжает живописать: «...Когда я увидел этот город, похожий на наш старый Киев, то сказал в душе, что ему действительно принадлежит имя Царьград, потому что это столица не только царства славянского, но царства всемирного»<sup>1</sup>. Несомненно, Чайковский являлся незаурядной личностью, которому А. Чарторыйский отводил важное место в реализации масштабного плана борьбы с Россией — неотъемлемой части польского национализма XIX века. Как считают современные ученые<sup>2</sup>, данный план предусматривал:

— убедить султана, что необходимо начать очередную войну против России, а западные державы — об оказании Порте помощи;

<sup>1</sup> Записки Мих. Чайковского (Садык-паши) // Киевская старина. 1892. Т. 38 (июль–август), с. 250.

<sup>2</sup> Порада А. М. Почему Мицкевич умер в Стамбуле: польские романтики и восточный вопрос // Славянский мир в социокультурном измерении. Вып. 3. Ставрополь — Москва — Минск, 2007, с. 9–10.

– устроить бунт на Кавказе, среди поляков, служащих в Кавказском корпусе, и донских казаков; цель — совместная борьба с горцами против России;

– преодолеть стремление балканских славян ожидать помощи от России в борьбе против Османской империи;

– представить в европейской прессе Российскую империю как варварскую державу, недостойную занять место среди цивилизованных государств Европы.

Личность М. С. Чайковского, его связи с представителями польской эмиграции и другие стороны жизни этого удивительного человека получили освещение в историографии (в том числе зарубежной)<sup>3</sup>. Кроме того, историко-литературное наследие Чайковского (о котором частично пойдет речь ниже) неоднократно привлекало исследователей украинского казачества. Встречается, однако, и серьезная критика творчества именитого поляка-«потурченца», особенно в украинской историографии. Как полагают украинские исследователи, его работы содержат спорные, а порой и ненадежные данные о переломном этапе истории казачества. Характерный пример: ссылаясь на якобы подлинные документы, опубликованные Чайковским (Садык-пашой), И. Застырец пытался подтвердить данные о наделении Ахмедом III казаков-мазепинцев землями между Прутом и Черным морем в начале XVIII в. Современные украинские историки эту гипотезу активно отвергают<sup>4</sup>. Уже в конце XIX — начале XX века украинские историки подвергали критике достоверность сведений М. С. Чайковского о Задунайской Сечи<sup>5</sup>. Например, по утверждению Ф. К. Волкова, «невывразительные и оторванные сведения этого писателя... до такой степени запутаны и тенденциозно обработаны, что не могут иметь никакого значения без самой тщательной проверки любого из приведенных ним фактов»<sup>6</sup>. Современные историографические оценки личности Чайковского, например Ю. Борисенка (Чайковский — «авантюрист мирового класса»), еще сохраняют «запал» этого традиционного, эмоционально окрашенного отрицательного отношения к личности Чайковского и его творчеству.

История образования и функционирования «Оттоманского (Османского) казачьего войска» оставалась долгие годы в стороне от внимания исследователей. И сейчас, через полтора века, стоит отметить,

<sup>3</sup> Борисенко Ю. Атаман Садык-паша // Родина. 1998, № 5–6; Чужинец М. Чайковский в Стамбуле // Вольное казачество. Париж, 1932, № 113; Смоховска-Петрова В. Михаил Чайковский — Садык-паша и българското Възраждане. София, 1973; Prigarin A., Sen D. Mihail Ceaicovski și erosa sa // Magazin istoric. Anul XLIII — serie nouă — nr. 6 (507) iunie. 2009, с. 53–57.

<sup>4</sup> Бачинська О. А. Українські козаки в Придунайських степах у XVIII ст. // Запорозька старовина. Київ — Запоріжжя, 2002, с. 136; Застырец И. Мазепинці в Туреччині (3 паперів Садик-паші) // Україна. 1914, № 2.

<sup>5</sup> Кондратович Ф. Задунайская Сечь (по местным воспоминаниям и рассказам) // Киевская старина. 1883, № 1; Рябинін-Склярєвський О. З життя Задунайської Січі // Україна. 1929. Кн. 34; Рябинін-Склярєвський О. Кінець Задунайської Січі // Україна. 1929. Кн. 36; Рябинін-Склярєвський О. Задунайська Січ у народних переказах і письменстві // Наукова збірка за 1927 рік (Записки Українського научного общества в Києве: Историческая секция. К., 1927. Т. 26).

<sup>6</sup> Цит. по: Кондратович Ф. Задунайская Сечь, с. 29.



что история этого военно-социального объединения еще не написана<sup>7</sup>. Авторы статьи (промежуточные итоги исследования темы см.<sup>8</sup>) видят свою задачу в том, чтобы внести вклад в источниковое обеспечение создания такого труда в обозримом будущем. Представляется необходимым аккумулировать корпус материалов, отложившийся в архивах разных регионов и государств, в данном случае — архивов Турецкой Республики. Публикуемые документы вносят новые, дополнительные штрихи в историю украинского и русского населения Турецкого Причерноморья в XIX в., в прошлое, которое в значительной степени было овеяно легендарной казачьей славой.

В то время еще была жива память о Задунайской Сечи — последнем Коше запорожского (украинского) казачества, а в разных регионах Малой Азии, на Балканах проживали казаки-старообрядцы (некрасовцы, игнат-казаки), а также старообрядцы-липоване<sup>9</sup>. В середине XIX в. из этих групп, а также многочисленных польских эмигрантов в Османской империи было образовано «Османское казачье войско». Исследователи отмечают, что это стало эффективным примером привлечения к военно-полицейской службе христианских подданных со стороны Порту<sup>10</sup>. Следует отметить, что подобный опыт использования османами потенциала христианских подданных для военных операций частично базировался на примере служения султанам некрасовских казаков<sup>11</sup>. Характеризуя их «вольности» на территории Османской империи, наблюдательный современник писал в XIX в.: «И Салтан Турецкой такую дал волю некрасовцам по всей туретчине: кому только угодно и кто чем может, и тем и занимается. А служба им бывает тогда только, когда бывает канпания войны: и сорок левов каждому казаку на сутки, всякая порция и вся капировка... на царском счету. А священников достают от России»<sup>12</sup>. Необходимо подчеркнуть, что войсковая организация некрасовских казаков (казаков Ку-

<sup>7</sup> Об актуальности научной разработки темы косвенно свидетельствует определенная «популярность» Садык-паши и османских казаков в Интернете. Мы наткнулись даже на один форум, где недавно активно обсуждалась роль Чайковского в истории Украины (<http://forum.proua.com/lofiversion/index.php/t14468.html>).

<sup>8</sup> Пригарин О. А. «Козацтво в Туреччині» М. Чайківського як джерело вивчення козацьких формувань в Османській Порті середини XIX ст. // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя, 2001. Вип. XIII; Пригарин А. А. К истории «Османского казачьего войска» // Казачество России: история и современность: Тезисы межд. науч. конф. (Геленджик, 8–11 октября 2002 г.). Краснодар, 2002; Волхонский М. А., Пригарин А. А., Сень Д. В. Панславизм Михала Чайковского и история казачества в Османской империи // Поляки в истории России: история и современность. Краснодар, 2007.

<sup>9</sup> Лупулеску [Хв. Вовк]. Русские колонии в Добрудже: историко-этнографический очерк // Киевская старина. 1889. Т. 24 (январь); Бачинський А. Д. Січ Задунайська (1775–1828). Одеса, 1994; Пригарин О. А. Козаки-некрасівці на Дунаї: кінець XVIII — перша третина XIX ст. // Козацтво на Півдні України. Кінець XVIII–XIX ст. Одеса, 2000; Сень Д. В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. — конец 1920-х гг.). Краснодар, 2002; он же. Казаки-некрасовцы в Османской империи: динамика религиозных воззрений // Проблемы изучения и развития казачьей культуры: Материалы научно-практической конференции (п. Тульский, 1999 г.), Майкоп, 2000.

<sup>10</sup> Гросул В. Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859–1874 гг.). Кишинев, 1973, с. 27.

<sup>11</sup> См.: Сень Д. В. Войско Кубанское Игнатово Кавказское..., гл. 2-я и 3-я.

<sup>12</sup> Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 161/4. Оп. 729/2. 1837–1840 гг. Д. 20. Л. 10.

банского ханского казачьего войска) сложилась на территории Крымского ханства в первой половине XVIII в., структура которой на территории Османской империи лишь воспроизводилась, а со временем — трансформировалась и упрощалась. Тем не менее некрасовцы принимали активное участие во всех русско-турецких войнах XVIII–XIX вв., во время которых турки охотно привлекали их не только к военным действиям, но также к охране войсковой казны, обозов и пр., а в мирное время разрешили носить оружие (до событий второй половины XIX в.).

Что касается истории создания и существования «Османского казачьего войска» или войска «Добруджинских казаков», то этот факт достаточно редко упоминается в исследованиях второй половины XIX — начала XX вв. А для современной украинской историографии данный сюжет вообще охарактеризован как периферийный и случайный, т.е. достойный своего внимания лишь в связи с другими эпизодами и событиями<sup>13</sup>. Инициатором создания войска и его бессменным руководителем был Михаил Станиславович Чайковский (Micha Czajkowski, Чайка, Мехмед Садык-паша). Деятельность войска не менее любопытна и самобытна, чем биография его лидера — выходца из Украины, польского революционера, авторитетного чиновника Османской империи и талантливого балетриста.

М. С. Чайковский родился 29 сентября 1804 г. (иногда указывается 1803 г.) в с. Гальчинцах Житомирского уезда (другой вариант — в с. Халчинец на Киевщине) в семье бердичевского помещика. Происходил он из древнего польского дворянского рода, по матери же, согласно некоторым данным, приходился родственником гетману Малороссии И. Брюховецкому. Отец его, Станислав, выводил свой род от мифического казачьего полковника Чайки, который якобы погиб при обороне Сечи от войск генерала П. Теккели в 1775 г.

После получения образования в пансионе Уолси (Бердичев) М. Чайковского всецело захватывает литературное творчество. Сохранилось свидетельство о том, что он считал себя учеником Гулака-Артемовского, преподававшего у юноши в пансионе<sup>14</sup>. Молодой Чайковский принял активное участие в Польском восстании 1830–1831 гг. К повстанцам он присоединился со своими крепостными крестьянами уже тогда, когда всем стала ясна неизбежность поражения. Вынужденный бежать во Францию, Чайковский оставил своим крестьянам дарственную на землю и записку, в которой недвусмысленно призывал украинское население к участию в польском освободительном движении: «Сочувствуя полякам, Украина тоже должна восстать»<sup>15</sup>. В Париже на Чайковского обра-

<sup>13</sup> Например, в обстоятельной энциклопедии «Українське козацтво» соответствующая статья отсутствует. Упоминание о вооруженном полке содержится лишь в связи с самим М. Чайковским. См.: Турченко Ф. Г. Чайковський // Українське козацтво: мала енциклопедія. Запоріжжя, 2002, с. 532.

<sup>14</sup> [Кельсиев В.] Очерк истории старообрядцев в Добрудже // Старообрядцы в Румынии. Русские писатели в липованах. М., 1995, с. 103; Борисёнок Ю. Атаман Садык-паша..., с. 94.

<sup>15</sup> Tsalyk S. Українець Садык-Паша // [vintages.nnm.ru/ukrainec\\_sadykpusha](http://vintages.nnm.ru/ukrainec_sadykpusha)

тил внимание лидер польской эмиграции — князь Адам Чарторыйский. Престарелый князь, стремясь любыми средствами ослабить Россию, намеревался заключить союз с турецким правительством. Интересно отметить, что еще в начале XIX в. этот политик, являясь товарищем министра иностранных дел России, вынашивал план по созданию Славянской федерации, в том числе и за счет земель Османской империи. Позднее тот же Чарторыйский поддерживал наполеоновский проект частичного восстановления Польши — опять же в контексте его рассуждений о создании «федеративной системы славянских наций». Впоследствии же, эмигрировав во Францию, Чарторыйский уже не считал нужным «ставить» во главе федерации российского императора, а стремился использовать в интересах возрождения Польши национальные движения славянских народов на территории Османской империи.

Уже в 1841–1842 гг., когда М. Чайковский впервые путешествовал по Добрудже, у него возникла мысль об объединении украинского населения бывшей Задунайской Сечи и «райи» — христианского податного населения Османской империи, с религиозными «диссидентами», некрасовскими казаками и липованами, в единое казачье формирование. Цель такого объединения — помощь польскому и украинскому революционным движениям в их борьбе против России. По его мнению, оно должно было стать прототипом панславянской организации, которая боролась бы с русским правительством. Он мечтал воссоздать Речь Посполитую в ее прежних границах и вместе с тем выступал за независимость Украины. В украинском казачестве же Чайковский видел «славного рыцаря», который должен был служить объединению северных и южных славян. Поляки, в свою очередь, должны были «сплотить» славян (болгар и др.) под «казачье-турецким флагом»<sup>16</sup>. Именно Чайковского (или Чайку, как тот предпочитал называться на Востоке), как своего представителя, А. Чарторыйский направляет к турецкому визирю Пертев-паше для координации совместных действий. Вскоре, по предложению самого султана, Чайковский принял ислам, получив новое имя — Мехмед Садык, т.е. «Михаил Верный», генеральское звание «мирамир-паши», а также пожизненный пенсион в 60 000 пиастров и большое поместье вблизи Стамбула. В период революционных событий 1848 г. в Европе М. Чайковский и его товарищ С. С. Раевский — встретились в Добрудже с атаманом местного «некрасовского» (точнее — липованского) населения О. С. Гончаром (Гончаровым)<sup>17</sup>. Эта встреча привела к созданию будущего войска, целью которого М. Чайковский видел восстановление «казацкой народности в Южной Руси, или, минимум, в образовании из Добруджи самостоятельного казацкого государства под моим руководством как султанского вассала»<sup>18</sup>. Защищая интересы липован, их старообрядческую веру, Гончаров искал соратников среди разных лиц. Оправдывая надежды

<sup>16</sup> Чужинец М. Чайковский в Стамбуле // Вольное казачество. Париж, 1932, № 113, с. 9.

<sup>17</sup> Субботин Н. История так называемого Австрийского или Белокриницкого священства. Вып. 2. М., 1899, с. 64–65, 163–165.

<sup>18</sup> Кельсиев В. И. Исповедь // Архив русской революции. Т. 6 (№ 11–12). М., 1991, с. 255.

староверов, Садык-паша содействовал образованию у них трехчинной церковной иерархии (т.н. Белокриницкой) и ее легализации в Турции<sup>19</sup>. В свою очередь, когда создавалось «Османское казачье войско», в его состав вынуждены были войти дунайские липоване во главе с Гончаровым и его помощниками — М. Носом, Марковенком и Шмаргуном<sup>20</sup>.

Такое «рекрутство» было отрицательно воспринято казаками-некрасовцами, проживавшими в Анатолии (близ оз. Майнос-Маньяс в с. Бин Эвлер) и имевшими особый правовой статус (они не платили налоги, имели самоуправление, выполняли пригранично-патрульные и полицейские обязанности и пр.). Без энтузиазма отнеслось к службе в «Османском казачьем войске» и другое славянское население (липоване и украинцы) Добруджи. Полулегальное вооруженное объединение, созданное Садык-пашой на свой страх и риск, было признано официально Османской империей лишь в 1853 г. После начала Крымской войны османское правительство проявило особую заинтересованность в этом формировании. Кроме того, идею подобного войскового объединения активно поддерживала и Франция. Кроме некрасовцев, липован и украинцев, в состав войска были зачислены польские эмигранты, которых во множестве находилось в Румелии и возле Стамбула (местечко Адамополь)<sup>21</sup>. Им были предоставлены почти все офицерские должности. Они не только без надлежащего уважения относились к традициям «некрасовского и руснацкого» населения, но и бесчинствовали, пьянствовали. Все это дискредитировало и без того не особо привлекательную в Османской империи идею существования такого «странного» войска. Состояло оно из двух полков<sup>22</sup>, первым из которых (в составе около 750 человек) руководил сам Садык-паша, а вторым (около 450 драгун) — граф А. Замойский, являвшийся представителем польской эмиграции в Париже и племянником А. Чарторыйского. До 1870 г. все команды в войске отдавались на славянских языках. Когда турки попробовали отменить это право, Садык-паша подал в отставку<sup>23</sup>. Во время Крымской войны 1853–1856 гг. османские казаки, подготовленные в соответствии с французским воинским регламентом, приняли активное участие в событиях на Дунае. Так, например, первый полк вел партизанские действия против войск И. Ф. Паскевича в мае 1854 г., во время осады Силистрии<sup>24</sup>. Когда Турция заняла Северную Добруджу и дельту Дуная, Садык-паша на некоторое время был назначен военным комендантом Бухареста, а его полкам доверили охранять границы. Он сознательно отказывался от пересылки его войска на Кавказ и считал, что и на южных границах России он продолжает бороться за интересы Польши<sup>25</sup>. Впрочем, Садык-паша превратился в еще более авторитетного

<sup>19</sup> Субботин Н. История..., с. 294, 311–316.

<sup>20</sup> Кельсиев В. И. Исповедь..., с. 256.

<sup>21</sup> См.: Гросул В. Я. Польская политическая эмиграция на Балканах в 40-х — начале 50-х годов XIX в. // Балканский исторический сборник. Вып. 2. Кишинев, 1970, с. 63–65.

<sup>22</sup> Чайковский М. (Садык-Паша). Записки // Киевская старина. 1891. Т. 34, с. 354–367.

<sup>23</sup> [Кельсиев В.]. Очерк истории старообрядцев..., с. 97.

<sup>24</sup> Борисенко Ю. Атаман Садык-паша..., с. 96.

<sup>25</sup> Образную, эмоциональную характеристику деятельности М. Чайковского дал Е. В. Тарле в книге «Крымская война»: «Фантазёр, дилетант в политике и в беллетристической литературе, где он

османского чиновника. Султан Абдул-Меджид пожаловал ему звание ферики (дивизионного генерала) и, по словам самого Чайковского, сделал своим заместителем в Румелии — европейских владениях Порты. Тогда-то он и задумался о создании «федерации южных славян под верховной властью султана». Во главе ее должен был стать потомок сербских королей по женской линии<sup>26</sup>. В это же время Чайковский разработал и проект колонизации нижнего Придунавья, который пытался внедрять в жизнь.

Казачье войско было пополнено за счет бывших российско-подданных солдат, оказавшихся в Турции в качестве военнопленных<sup>27</sup>. В последнее десятилетие своего существования оно<sup>28</sup> выполняло полицейские функции среди христианского населения Фессалии и Эпира. «Грозная сила» данного подразделения некоторыми очевидцами сравнивается даже с легендарными «башибузуками»<sup>29</sup>. После 1863 г. в эти казачьи части влились молодые польские эмигранты, имевшие определенный боевой опыт<sup>30</sup>. Таких солдат ценил не только Садык-паша, но и сам султан. Из них он выбрал себе несколько адъютантов, среди которых оказался и младший сын Чайковского — Владислав (Музафер-бей), до этого руководивший военной казачьей школой<sup>31</sup>. В этой школе прошли подготовку многие поляки, болгары и др., из числа которых вышло около 40 офицеров<sup>32</sup>. Балансируя между революционным и чиновничьим долгом, Чайковский позволял себе контакты с лидерами балканского освободительного движения, например с Г. Раковским и Хр. Ботевым<sup>33</sup>. При этом известно, что уже после реорганизации в 1866 г. бывшие части Садык-паши приняли участие (правда — без особого энтузиазма и ощутимого эффекта) в подавлении болгарских восстаний, в усмирении переселенных в Добруджу черкесов и т.д.<sup>34</sup>

тоже подвизался, временами увлекающийся польский патриот, временами совсем особого, оригинального типа украинофил, мечтавший о какой-то фантастической польско-украинской казацкой республике, человек с порывами благородства и вместе с тем способный иногда на неожиданные и очень некресивые поступки» (Тарле Е. В. Сочинения. Т. 9. М., 1959, с. 17). И далее — тот же автор о польских добровольцах в составе османской армии на дунайском театре войны: «Эти люди были иногда способны дать неглупый совет, но, с другой стороны, немало и вредили, сбивая часто с толку турецкое командование, которому внушали преувеличенное убеждение в слабости русской армии. Политическая страсть, ненависть к России ослепляла их и заставляла принимать свои желания за действительность» (Тарле Е. В. Сочинения. Т. 8. М., 1959, с. 257).

<sup>26</sup> Чайковский М. С. Записки // Русская старина. 1898. Т. 95. Ч. 9, с. 680.

<sup>27</sup> Гросул В. Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе..., с. 52.

<sup>28</sup> По некоторым данным, в части Чайковского после Крымской войны вошли 280 бывших военнопленных русских солдат (Гросул В. Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе..., с. 59). О подобной деятельности в Фессалии и Эпире см.: Чайковский М. Записки // Русская старина. 1900. Т. 102, № 7–8.

<sup>29</sup> Jouve E. Guerre d'Orient. Voyage a la suite des armées alieées en Turquie, en Valachie et en Crimée. Vol. 1. P., 1855, с. 93. Показательно, что эту аналогию приводят и в современной румынской историографии (см.: Lucaciu C., Teodorescu A. Din istoria si traditiile lipovenilor. Bucureşti, 1998, с. 29; очень близкой является и оценка в работе: Феноген С. И., Феноген А. С. Сарикей: загадка XIX столетия. Cluj-Napoca: Kriterion, 2004, с. 26).

<sup>30</sup> М. С. Чайковский гордился, что среди этих людей были такие, как племянник Бисмарка Путкамер и черногорский князь Петрович (Чайковский М. Записки // Русская старина. 1904. Т. 119. № 8, с. 282–283).

<sup>31</sup> Чайковский М. Записки // Русская старина. 1900. Т. 104. № 12, с. 725; № 10, с. 226.

<sup>32</sup> Гросул В. Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе..., с. 239.

<sup>33</sup> Волков Е. З. Христо Ботев (на заре балканского коммунизма). М.—Пг., 1923, с. 31, 38–39.

<sup>34</sup> Гросул В. Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе..., с. 240.

Усугубившийся далее внутренний кризис в войске привел к ликвидации не только «Османского казачьего войска», но и положения его составной части — казаков-некрасовцев (1864 г.)<sup>35</sup>. Часть бывших османских казаков украинского и русского происхождения после отмены крепостного права переселилась в Россию — в Бессарабию, на Херсонщину, в Приазовье и на Кубань<sup>36</sup>. Разочарование самого Чайковского в идее создания казачьего государства совпало с событиями Польского восстания 1863–1864 гг., которое он считал тактически неподготовленным. При всем при этом он попытался сыграть в нем самостоятельную роль, подняв «добруджинское малороссийское население» и Украину на борьбу с Россией<sup>37</sup>.

Мы полагаем, что образование и деятельность «Османского казачьего войска» (1851–1857 гг., по другим данным, роспуск его произошел в 1866 г., когда все казачьи «войска» Порты были ликвидированы в связи с административной реформой) — яркая и по-прежнему малоизученная страница истории христианского населения турецкого Причерноморья. Несмотря на искусственность этого формирования, специфичность его целей и организационной структуры, «османские казаки» под руководством М. Чайковского (Садык-паши) сыграли свою роль в истории сотрудничества христиан (славян) Османской империи и султанской власти в XIX в.

В 1872 г., действуя через графа М. П. Игнатьева (российского посла в Османской империи), М. Чайковский получил разрешение Александра II на возвращение в Россию<sup>38</sup>. «Отставной генерал-лейтенант турецкой службы» переехал в Киев и получал пенсию и от султана, и от царя. В 1873 г. он принял православие и купил имение Борки на Черниговщине (Кролевецкого уезда, ныне — Сумская область в Украине). Здесь он подготовил свои воспоминания-записки, которые были изданы уже после его смерти в журнале «Киевская старина». В ночь с 5 на 6 января 1886 г. он покончил жизнь самоубийством.

Правительство Порты попробовало воссоздать казаческое формирование во время войны с Россией в 1877–1878 гг.<sup>39</sup> Однако сам Чайковский отказался тогда возвращаться, а бывшие казаки османского войска не восприняли эту идею вообще.

И еще несколько слов об историко-литературном наследии Чайковского, обращение к которому поможет более тщательному анализу и документов, публикуемых ниже, и усилиям специалистов по написанию истории «османского казачьего войска». В 1857 г. М. Чайковский опубликовал сборник под названием «Казачество в Турции»<sup>40</sup>, состоящий из трех частей<sup>41</sup>. Открывается сборник поясным портретом самого

<sup>35</sup> Сень Д. В. Войско Кубанское Игнатово Кавказское..., с. 150–152.

<sup>36</sup> Бойко Я. В. Заселение Южной Украины. 1860–1890 гг. Черкассы, 1993, табл. № 22 а.

<sup>37</sup> Гросул В. Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе..., с. 166–167.

<sup>38</sup> Борисенок Ю. Атаман Садык-паша..., с. 97.

<sup>39</sup> Там же.

<sup>40</sup> *Kozaczyna w Turcyi*. Paryz, 1857.

<sup>41</sup> Учитывая раритетный характер сборника, мы приводим его краткую аннотацию.

Мехмеда Садык-паши, наместника Румелии и атамана казаков Османской империи. Он изображен в стилизованном казачьем костюме, с мусульманскими звездой и полумесяцем на кокарде. Помимо портретного изображения Чайковского в журнале «Русская старина» — это, вероятно, единственный известный нам портрет М. Чайковского, сохранившийся до наших дней.

Первая часть сборника — исторический экскурс в прошлое населения, вошедшего в состав «Османского казачьего войска». Сначала автор-составитель публикует «Письмо Казака Оттоманского к земляку» («List X., Kozaka Ottomanskiego, do Krajowca»). Аноним обращается к своему товарищу, который живет в Украине. Он с пафосом описывает создание казачьего войска и призывает украинское и польское население вступать в него для борьбы с Российской империей. Письмо было напечатано на украинском языке латиницей и сопровождалось переводом на польский. Затем следует «Реляция Дамияна Щербины есаула Кошевого» («Relacja Damijana Szczerbiny Asawuly P. Koszowego»). Перед читателем — краткий очерк политической эмиграции в Турцию украинцев (XVIII в.). Главное внимание уделено И. Мазепе, Ф. Орлику, их отношениям с Османской Портой. М. Чайковский утверждает, что именно в результате деятельности этих украинских эмигрантов возникла Задунайская Сечь. Историческую несостоятельность таких взглядов в свое время доказал еще Хв. Вовк. Однако как и воспоминания, записанные в свое время самим Хв. Вовком, материалы Чайковского позволяют уточнить многие моменты, касающиеся жизни казаков за Дунаем.

Далее в сборнике опубликовано «Письмо Филиппа Орлика к запорожцам» («Filipa Orlika Hetmana list do Zaporozcow») из архива семьи Чарторыйских, приводимое в качестве доказательства раннего возникновения Задунайской Сечи. Однако известно, что разрешение Порты на устройство Сечи касалось лишь Алешковской Сечи в Нижнем Поднепровье (1710–1734).

В разделе под названием «О казаках Добруджанских» («O Kozakach Dobrudzkich») содержится рассказ об истории военного формирования восточнославянского населения Добруджи, вошедшего в состав казачьего войска под руководством М. Чайковского. Особое внимание отводится истории старообрядцев (липован). Данный сюжет был продолжен в параграфе «О староверах и поиске им митрополита» («O Starowiercach i odtworzeniu im Biskupow»), в котором рассказывается о создании Белокриницкой старообрядческой иерархии (1846 г.). Отметим, что роль самого Чайковского в указанных событиях была значительной. Он не только помог старообрядцам Добруджи и Буковины в поиске и приезде митрополита Амвросия, но и оказал содействие официальному признанию этого церковного объединения османским правительством.

Важные сведения о казаках-некрасовцах содержатся в очерке под названием «Несколько слов о некрасовцах» («Kilka slow o Nekrasowcach»). Наконец, раздел — «От года 1853 до 1857» («Od roku 1853 do roku 1857»). Именно здесь рассказывается об организации «Османского казачьего во-



йска», его составе и устройстве, а также об участии войска в Крымской войне 1853–1856 гг. Даже из этого краткого очерка следует, что различия между отдельными отрядами (задунайскими и некрасовскими казаками, липованами и поляками) были принципиальными, и они оказывали влияние на дисциплину в войске. Вряд ли мы ошибемся, если выскажем суждение, что воинское объединение держалось почти исключительно благодаря авторитету самого Мехмеда Садык-паши.

Во второй части сборника Чайковский поместил фольклорные и литературные материалы — песни и думы в своей обработке. Основное внимание уделено балканским сюжетам: эта часть, бесспорно, заинтересует фольклористов и литературоведов.

В третьей части помещены материалы из истории украинского казачества, его борьбы с Российской империей. Открывается раздел фирманами султана Абдул-Меджида («*Firman, Irady Sultanskie, oraz dwa listy*»). Ценность раздела заключается в том, что здесь приведены тексты правовых документов, на основании которых действовало «Османское казачье войско» в середине XIX в. Далее из сборника можно узнать о том резонансе, который получила деятельность казачьего формирования во главе с Чайковским в среде польской эмиграции в Европе. Свообразие этого «тюркофильского панславизма» раскрывают материалы писем, напечатанных в сборнике («*Nota o Zastepach Polskich, i rozmowy A. Mickiewicza*», «*List X.A. Czartoryskiego do Hr. Wlad. Zamoyskiego*», «*List A. Mickiewicza z Turcyi do X.A. Czartoryskiego*», «*List M. Sadyka-Paszy do A. Mickiewicza*», «*Tegoz do dawnego towarzysza pulka Jardy Wolyns*»). Личности адресатов (А. Чарторыйский, А. Мицкевич) говорят сами за себя; в целом же содержание писем раскрывает планы польских участников и организаторов казачьего войска в Добрудже.

Далее следует краткий очерк истории казачества Украины. Именно здесь обнаруживается суть исторической позиции М. Чайковского. Он рассматривает украинское казачество как союзника Польши и Османской империи, которое на протяжении всего своего существования противостояло русскому «империализму». Указанный материал («*P.W. Kozacy z Litwa i Polska*», «*Ugoda Perejaslawska*», «*Kozacy z Moskwa i Rossyja*», «*List Attamana Sierko do Hana Krymskiego*») завершается общими оценками российского и православного фактора в истории Европы («*Kijow i Moskwa w walce o supremacyja duchowna*» и «*Wyroj Sekt i zrodlo Protestantyzmu*»).

Структуру казачьих формирований в Добрудже можно воссоздать благодаря списку казаков, награжденных за участие в войне 1853–1856 гг. («*Spis wyszlych ze sluzby Kozaczrej i zmarlych*»). Мы узнаем и о том, что «Войско казаков Османских» распределялось по полкам: собственно казачьему и драгунскому. Почти весь командный (офицерский) состав как полков, так и штаба был представлен поляками. Интересно и то, что сборник сопровождается иллюстрациями; благодаря им можно воссоздать внешний вид украинских задунайцев, липован, некрасовцев, а также форму казаков «Османского казачьего войска».

Публикуемые ниже документы были обнаружены одним из авторов (Д. В. Сень) в одном из крупнейших архивохранилищ Турецкой Республики — *Başbakanlık Osmanlı Arşivi* (г. Стамбул) — в 2007 г. Перевод осуществлен М. А. Волхонским. Публикация настоящих документов осуществляется впервые.

## Документ №1.

Его превосходительству  
Аали паше, министру иностранных дел Блистательной Порты,  
в Константинополь<sup>42</sup>.

15/27 февраля 1855 г.

Его Превосходительству  
Министру иностранных дел.  
Ваше превосходительство

Во время последней войны<sup>43</sup> казаки Добруджи<sup>44</sup> своей безупречной службой, бесспорно, оказали услугу правительству нашего августейшего Повелителя и Государя<sup>45</sup>.

Они предоставили два эскадрона казаков<sup>46</sup>, которые служили с усердием, самоотверженно и храбро<sup>47</sup>.

Во время русского вторжения в Добруджу<sup>48</sup> казаки, покорившиеся неприятелю, но сохранившие верность трону Султана и Империи, своим твердым образом действий помешали явной измене остального христианского населения этой провинции<sup>49</sup>. Руководствуемые чувством пре-

<sup>42</sup> Текст написан на небольшого размера бумаге прямоугольной формы, похож на визитную карточку. Написан рукой, по всей видимости, самого Садык-паши.

<sup>43</sup> Крымская или Восточная война (1853–1856 гг.). 18 (30) марта 1856 г. представителями России, Австрии, Франции, Великобритании, Пруссии, Сардинии и Турции в Париже был подписан мирный трактат. Он фиксировал поражение Российской империи в войне.

<sup>44</sup> Добруджа — историко-географическая область в низовьях Дуная, северо-восточная часть Балканского п-ва. С запада и севера ограничена рекой Дунай, а с востока — Черным морем, южная граница проходит по условной линии суши Тутракан-Балчик (Болгария). В XV в. «земля Добротич» сменяется современным турецким топонимом. Аналогичное имя имеют и горы региона (Добруджа. София, 1918, с. 2–3; Pariano C. D. Dobrogea și dobrogeani. Constanța, 1905, с. 3–5). В османское время административными центрами добруджинских округов являлись Силистрия, Бабадаг, Тульча, Мачин.

<sup>45</sup> Во время Восточной войны турецкий престол занимал султан Абдул-Меджид (1839–1861).

<sup>46</sup> О структуре «Османского казачьего войска» см. текст статьи, предваряющей публикацию документов.

<sup>47</sup> В частности, казаки активно проявили себя при осаде Силистрии войсками И. Ф. Паскевича-Эриванского, не давая им сомкнуть кольцо блокады вокруг города.

<sup>48</sup> Речь идет о событиях на Дунайском театре военных действий в ходе Восточной войны. Тогда российскими войсками командовал И. Ф. Паскевич-Эриванский, крупный военачальник, князь Варшавский, генерал-фельдмаршал, любимец российского императора Николая I. Османскими войсками командовал генерал Омер-паша.

<sup>49</sup> Пребывание российских войск в Добрудже (1854 г.) запомнилось не только местным старообрядцам — арест владык Алимпия и Аркадия и заточение их в тюрьму Суздаля долго волновал всех приверженцев старой веры (Аркадий // Старообрядческие иерархи. М., 2002, с. 24–26; Вургафт С. Г., Ушаков И. А. Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы. Опыт

данности Государю и его правительству, они осведомляли обо всем, что происходило в Добрудже, не только командующих нашими войсками, но и наших союзников<sup>50</sup>.

Вернувшись<sup>51</sup>, мы нашли среди казаков осведомителей и жандармов, благодаря помощи которых мы смогли сориентироваться в обстановке и поддерживать порядок даже там, где мы не имели войск.

Благодаря своей военной организации и привилегиям, признанным нашим Блистательным Монархом<sup>52</sup>, казацкое население направило на государственную службу кавалерийский корпус, который вошел в состав Действующей Армии, а также сформировало еще один корпус для несения гарнизонной службы, который остается внутри страны для сохранения морального духа и оказания помощи властям в поддержании порядка в этой провинции.

Эта двойная служба в достаточной мере оправдала себя в последнее время и продемонстрировала всю ценность организации казаков, поэтому для государства было бы потерей, если бы каймакам<sup>53</sup>, мудирам<sup>54</sup> и другим местным чиновникам позволено было бы не признавать эту организацию и посягать на султанские фирманы, что, однако, очень часто имеет место. В настоящее время казаки бесценны для государственной службы.

Исходя из этих соображений, я в качестве верховного главы казаков Анатолии и Румелии<sup>55</sup> собрал казачьих старейшин всех поселений

---

энциклопедического словаря. М., 1996, с. 34–35; Кельсиев В. И. Исповедь // Архив русской революции. Т. 6 (№ 11–12). М., 1991, с. 267). О важности этого события в восприятии мирян говорит следующая запись на одной из книг: «1854-го года марта... 24-го дня... Комендант приехавши с казаками 30 человек вооруженных и взял архиепископа и епископа в Россию!» (Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. МУК № 734. Старообрядческий сборник. Polemические сочинения. 1833–1854. Л. 199 об.); Рукописи старообрядцев Бессарабии и Белой Криницы. Из собрания Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова. Каталог / Сост. Е. Б. Смелянская, Н. Г. Денисов. Депонированная рукопись. В 2-х ч. М., 2000, с. 88).

<sup>50</sup> Союзниками Османской империи выступали Великобритания и Франция.

<sup>51</sup> Вероятно, речь идет о событиях, наступивших после лета 1854 г., когда после неудачного штурма Силистрии из Дунайских княжеств были выведены российские войска. В начале августа 1854 г. турки вступили в Бухарест, а сам Садык-паша пробыл недолгое время комендантом города.

<sup>52</sup> Оттоманское казачье войско на самом деле действовало на основании фирманов султана Абдул-Меджида, тексты которых можно найти в книге М. Чайковского «Kozaszyna w Turcyi» (Paryz, 1857) в разделе «Firman, Irady Sultanski, oraz dwa listy». Показательно, что часть фирманов 1848–1857 гг. хранится до настоящего времени в общине Сарыкей и Тульчинском краеведческом музее (благодарим С. И. Феногена за предоставленную А. А. Пригарину возможность скопировать их). Исходя из предварительного перевода, положение казаков было не только особенным в социальной инфраструктуре Османской империи, но и это войско наделялось функциями «налоговой полиции» в регионе (Dolgin V., Fenogen S. Despre rolul documentelor otomane în istoria rusilor de rit vechi din România / О роли турецких документов в истории русских старообрядцев Румынии // Зори-Zorile. 2001. № 10 (№ 111), с. 6–7).

<sup>53</sup> Каймакан (правильно — *каймакам*) — заместитель, временно исполняющий обязанности; употребляется в значении каймакам-паша, т. е. государственный сановник, исполнявший обязанности великого визиря, когда последний отбывал из Стамбула в поход или по другой государственной надобности. В XIX в. — специальный «заместитель» визиря в каком-либо административном округе (например, браиловский каймакам или силистринский).

<sup>54</sup> Мудир («управляющий») — в турецком областном управлении название главы района (нахийе), от которого зависели сельские старосты — мухтары — и который сам был подчинен каймакаму. Одна из наиболее важных функций мудира — взывание податей.

<sup>55</sup> То есть по сути — атаман казаков на территории *всей* Османской империи, поскольку Румелия — Европейская, а Анатолия — Азиатская Турция.

и выбрал Совет, состоящий из пяти членов по одному от каждого поселения, под председательством Михаила Андреева-Носа<sup>56</sup>, который присягнул служить султану с великим рвением и преданностью.

В обязанности Совета входит наблюдение за порядком и спокойствием в селениях, за строгим выполнением обязанностей казаками в отношении государства и за исполнением распоряжений военных и гражданских властей, а также защищать и соблюдать права и привилегии, признанные нашим Государем за казаками.

Это единственное средство сохранить данную организацию столь полезную среди превратностей, которые уже испытывает сейчас и, вероятно, будет испытывать в будущем эта провинция.

Я прошу Ваше превосходительство принять на рассмотрение записку на турецком языке<sup>57</sup>, которую Вам доставит Осип Семенов-Гончаров<sup>58</sup>, которого я посылаю (...) Капу Чутадар к Блистательной Порте.

Я позволил себе повторить мой рапорт на французском языке, поскольку не уверен, что мой секретарь понял мои мысли так, как я ему их объяснил.

С уважением Вашего превосходительства покорный слуга  
Мехмед Садык<sup>60</sup>

<sup>56</sup> Михаил Андреевич Нос — один из старейшин старообрядцев станицы Сарыкей (ныне одноименное село в Тульчинской округе Румынии). В 1840–1850-х гг. был одним из соратников Осипа Семеновича Гончарова в делах церковного строительства и административных дел. Его выборы свидетельствуют о желании последнего отойти в тень в военных делах. А пять станиц, скорее всего — это Сарыкей, Камень, Слава Старая (Русская, Руссэ), Журиловка и Тагарица (?).

<sup>57</sup> В данном архивном деле имеется еще два документа на староосманском языке, публикация которых пока невозможна — ввиду отсутствия перевода. Вне всякого сомнения — это текст рапорта («записки») самого Садык-паши на указанном языке.

<sup>58</sup> Гончаров (Гончар) Осип Семенович (1796–1879) — последний атаман нижнедунайских старообрядцев-липован (или дунайских некрасовцев, как считает один из публикаторов — А. А. Пригарин). Родился в 1796 г. в с. Сарыкей (Добруджа) в семье украинца, который в 1790 г. перешел к некрасовцам. На протяжении 1829–1831 гг. принимал активное участие в переселении более 300 семей старообрядцев на левый, российский берег Дуная — г. Тучков (Измаил), в села Старая и Новая Некрасовка (Пригарин А. А. Переселение некрасовцев из Добруджи в Бессарабию: 1830–1835 гг. // Культура русских старообрядцев в национальном и международном контексте. Вып. 3. Бухарест, 2001). В 1837 г. тайно возвращается в Турцию вместе семьей, где занимается торговлей. Отстаивал права старообрядческого населения Добруджи перед правительством и администрацией, поддерживал идею создания собственной (т.н. Белокрыницкой) иерархии. Как политический и религиозный деятель, Гончаров наладил связи со многими монархами, а также с представителями революционных и национально-освободительных движений Европы (с А. Чарторыйским, А. Герценом и т.п.). После уничтожения «Османского казачьего войска» он обратился к российскому правительству с просьбой о возвращении. Это ему было разрешено, и в 1870 г. он поселился в Саратовской губернии, где в г. Хвалынске и умер в 1879 г. Незадолго до этого принял официальную православную веру и даже стал иноком (об О. С. Гончарове см.: Из переписки О. С. Гончарова с Герценом и Огаревым (Публикация П. Г. Рындынского) // Литературное наследство. Т. 62. М., 1955, с. 70–78; Никитин А. В. Осип Гончар (Гончаров) // Русская Старина. 1883. № 4; Пригарин О. А. Гончаров Й. С. // Энциклопедія історії України. Т. 2. К., 2004, с. 156).

<sup>59</sup> Слово неразборчиво.

<sup>60</sup> Чайковский принял мусульманство под именем Садык-паши (Садыка Верного) 17 декабря 1850 г., находясь уже в Стамбуле. Интересно отметить, что так поступали многие другие представители польской эмиграции в Османской империи; конечно, все это заставляет смотреть на эти практики (культурной адаптации?) с более гибких позиций, нежели маркирование их как ренегатства и приспособленчества.

15/27 февраля<sup>61</sup> 1855 г.  
Гропа Чобан<sup>62</sup>  
Başbakanlık Osmanlı Arşivi (BOA).  
HR.TO (Hariciye Nesareti. Tercüme Odası).  
Dosya 480. Gömlek 45<sup>63</sup>

## Документ №2.

Его Светлости Фуад-паше, Великому Везиру Блистательной  
Порты<sup>64</sup>

26 июля/7 августа 1862 г.  
Его Светлости Великому Везиру

Ваша Светлость,

Дунайские казаки старообрядцы, считая меня Главой казаков Оттоманской империи, часто ищут моей поддержки перед моим правительством. В интересах страны, которая приняла меня столь великодушно, я не осмеливаюсь их отталкивать, но с другой стороны, боюсь прогневать Его Светлость Министра иностранных дел, если некоторые послыства сердятся и жалуются, что это не к ним, а к Блистательной Порте обращаются подданные Его Императорского Величества Султана нашего Господина и Повелителя<sup>65</sup>. Именно поэтому я позволил себе посоветовать им повергнуть их прошение к ногам Вашей Светлости и передать небольшую записку<sup>66</sup>, которая обрисовывает положение этих казаков.

С уважением Вашей Светлости ваш покорный слуга  
Мехмет Садык  
26 июля/7 августа 1862 г.  
Гарем  
Başbakanlık Osmanlı Arşivi (BOA).  
HR.TO (Hariciye Nesareti. Tercüme Odası).  
Dosya 441. Gömlek 23

<sup>61</sup> «Двойная» дата приведена самим адресатом письма.

<sup>62</sup> Гропа Чобан — определить привязку названия (топонима?) к какому-то конкретному месту в настоящее время не удастся.

<sup>63</sup> Подлинник, автограф.

<sup>64</sup> Фуад-паша — крупный просвещенный деятель и реформатор Османской империи эпохи Танзимата. Умер в 1869 г.

<sup>65</sup> В описываемое время турецкий трон занимал султан Абдул-Азиз (1861–1876).

<sup>66</sup> В данном архивном деле имеется еще один документ на староосманском языке, публикация которого пока невозможна ввиду отсутствия перевода. Скорее всего — это прошение-записка дунайских казаков-старообрядцев.

## Документ №3.<sup>67</sup>

Делегаты обращаются напрямую к Порте.

Если бы Блистательная Порта могла бы удовлетворить их таким способом, чтобы они увидели и поверили, что это именно Порте они обязаны, это позволило бы приобрести влияние на значительную часть населения, проживающее на стратегически важных позициях.

Если бы можно было заставить их заселить остров Сети (Séti), это было бы еще более полезным, так как в случае необходимости давало в наше распоряжение 400 или 500 прекрасных моряков для канонерских лодок. Это же позволило бы восстановить старое влияние на казаков старообрядцев, которое немного ослабло.

Başbakanlık Osmanlı Arşivi (BOA).  
HR.TO (Hariciye Nesareti. Tercüme Odası).  
Dosya 441. Gömlek 23<sup>68</sup>

---

<sup>67</sup> Документ без начала и конца. Автор текста, судя по почерку, сам Садык-паша.

<sup>68</sup> Подлинник, автограф.

Н. Н. Шенгелия (Грузия, Тбилиси)

## Ибн-Биби о походе на Грузию Ала ад-Дина Кейкобада

Для изучения взаимоотношений Грузии и сельджуков Малой Азии имеется немало как западных, так и восточных первоисточников. Множество сведений сохранено в грузинских документальных и нарративных материалах, которые интересны также и для изучения вопросов социально-экономической и политической истории государства сельджуков. Следует отметить, однако, что сведения восточных авторов об истории взаимоотношений Грузии и сельджуков значительно дополняют данные грузинских источников. В них сохранены оригинальные свидетельства как о Грузии, так и о взаимоотношениях Грузии и сельджукского государства. Среди восточных авторов, сообщающих нам совершенно новые известия о истории Грузии второй половины XIII в., следует назвать персоязычного историка Ибн-Биби, который повествует о взаимоотношениях султана Ала ад-Дина Кейкобада (1219–1237) с царицей Грузии Русудан в 30-х годах XIII в. Именно опираясь на эти сведения Ибн-Биби, мы и хотим обратить внимание на некоторые неизвестные ранее вопросы этих взаимоотношений. Однако до этого мы считаем целесообразным вкратце коснуться как личности Ибн-Биби, так и его сочинения.

Сочинение Ибн-Биби является важным источником для изучения вопросов истории государства сельджуков Малой Азии с последней четверти XII и до 80-х годов XIII в., в котором представлены вопросы социально-политической истории сельджукского государства этого периода. Однако это сочинение не менее важно в качестве первоисточника для истории стран, граничивших с государством сельджуков, а именно для истории Закавказья, Византии, Хорезма, монголов и других. В сочинении Ибн-Биби сохранены оригинальные сведения об истории взаимоотношений этих стран и государства сельджуков Малой Азии.

Особая значимость сочинения Ибн-Биби заключается в том, что сохраненная в нем значительная часть сведений не встречается ни у каких других авторов этого периода. Например, некоторые его оригинальные сообщения о взаимоотношениях Грузии с сельджуками до сегодняшнего дня вообще не были известны грузинским историкам.

Впервые сочинение Ибн-Биби стало известно в науке, когда французский ориенталист К. Шеффер опубликовал отрывок из сокращенного турецкого варианта этого сочинения<sup>1</sup>. Дело в том, что в 1423 г. персидский

<sup>1</sup> Quelques chapitres de l'abrege du Seldjouq Nameh. Compose par Lemir Nasir Eddion Yahia. M. Charles Schefer. Publications de l'Ecole des Langues Orientales Vivantes. 1889, III serie, volume V, c. 3–102.



текст сочинения Ибн-Биби был переведен на турецкий язык, несколько переделан, сокращен, а кое-где и уточнен известным панегиристом XV в. Языджи-оглу Али, который, назвав свой перевод «Сельджук-наме», или «Огуз-наме», преподнес его османскому султану Мураду II (1421–1451). Рукописи того текста, который подготовил Языджи-оглу, хранятся в книгохранилищах Анкары, Стамбула, Берлина, Лейдена, Парижа, Москвы, Санкт-Петербурга. Из него-то и выбрал материал для своей публикации К. Шефер. П. М. Милиоранский в своей статье об этой публикации перевел ряд отрывков из нее на русский язык<sup>2</sup>. Полностью краткий вариант сочинения Ибн-Биби был издан на турецком и персидском языках голландским ученым Т. Гутсма<sup>3</sup>. Оригинал изданного Т. Гутсмой персидского текста хранится в Париже (№ 1536). На основании публикации Т. Гутсмы интересные замечания об этом источнике сделал В. А. Гордлевский<sup>4</sup>. Отрывки, в которых речь идет о походах сельджуков, половцев и русских, по изданию Т. Гутсмы, цитирует А. Якубовский<sup>5</sup>.

Попытку публикации сочинения Языджи-оглу предпринимал турецкий ученый Языксыз (1935 г.), но не сумел ее осуществить. В 1941 г. его заново перевел и опубликовал латинским шрифтом Нури Генджосман<sup>6</sup>. Единственный полный текст персидского оригинала, дважды изданного в Стамбуле (1945 г., 1956 г.), хранится в музее Айя-Софии под турецким названием «Наивысшие приказы о великих делах» (№ 2985, ст. 744). Над переводом полного текста сочинения Ибн-Биби на немецкий язык работал с 1932 г. австрийский ученый Герберт Дуда, который в 1959 г. и издал его<sup>7</sup>.

В литературе имеются очень скудные сведения о жизни и деятельности Ибн-Биби, до сих пор не установлена и дата его рождения. Х. М. Мусаев предполагает, что Ибн-Биби родился в годы правления султана Ала ад-Дина Кейкобада<sup>8</sup>. Фрагментарные сведения о жизни и деятельности Ибн-Биби мы находим в его же исследованиях<sup>9</sup>. Согласно Мехмеду Фуа-

<sup>2</sup> Мелиоранский П. М. «Сельджук-Наме» как источник для истории Византии в XII и XIII веках // Византийский Временник. Т. 1. Вып. 3–4. СПб., 1894, с. 613–640.

<sup>3</sup> Houtsma Th. Recueil de texts relatifs a l'histoire des Seldjoudides. Vol. III. Partie I. Histoire des Seldjoudides de l'Asie Mineure d'apres Ibn-Bibi, Leide, 1891. Texte turc, premiere partie, vol. IX. Histoire des Seldjoudides de l'Asie Mineure d'apres L'Abrege du Seldjouknameh d'Ibn-Bibi, Leide, 1902, texte persan.

<sup>4</sup> Гордлевский В. А. Из комментариев к староосманскому переводу хроники Малоазиатских Сельджуков, так называемой хроники Ибн-Биби // Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. II. М., 1961, с. 160–173.

<sup>5</sup> Якубовский А. Рассказ Ибн ал-Биби о походе малоазиатских турок, половцев и русских на Судак в начале XIII века. Черты из торговой жизни половецких степей // Византийский Временник. Т. 25. 1928.

<sup>6</sup> Anadolu Selçukî Devleti Tarihi, İbn-Bîbî'nin Farsça Muhtasar Selçuknamesinden Türkçeye çeviren M. Nuri Gencosman. Notlar İlave eden F.N. Uzluğ. Ankara, 1941 (Далее — Ибн-Биби... — Н. Ш.).

<sup>7</sup> Duda H. W. Die Seltshikengeschichte des Ibn-Bibi, Kitab al-Avamir al-Ala'iya fi'; Umur al-Ala'iya. Munksgaard Kopenhagen. Copyright 1959 by Ejnar Munksgaard A.S. gedruckt bei Adolf Holzhaizens Nfg, Universitätsbuchdrucken. Wein, 1959.

<sup>8</sup> Мусаев Х. М. Сочинение Ибн-Биби «Аль-Авамир Аль-Алаиия фил-умур аль-Алаиия» как источник по истории Анатолийских Сельджуков. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Баку, 1972.

<sup>9</sup> См.: Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии // Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. I. М., 1960, с. 33–35; Мусаев Х. М. Сочинение Ибн-Биби..., с. 5–11.

ду Кёпрюлю<sup>10</sup> и Мукримину Халилу Инанчу<sup>11</sup>, полным именем Ибн-Биби является — Гусейн Б. Мухаммед ал-Мунши ал-Джафар.

Родители Ибн-Биби, очевидно, были людьми, приближенными ко двору Хорезмшахов. Мать — Биби Мунеджиме — известный астролог, отец — переводчик и дипломат. После гибели Джелал ад-Дина Хорезмшаха и уничтожения его сторонников родители Ибн-Биби по приглашению Ала ад-Дин Кейкобада обосновались в Конье. При дворе султана сельджуков родителям Ибн-Биби были предоставлены высокие должности, и они стали играть значительную роль в политической жизни страны. Такая среда, несомненно, создавала для Ибн-Биби как историка благоприятные возможности. Свои сочинения он писал в последующий период господства монголов, в частности в 80-е годы XIII в. В государстве сельджуков Малой Азии Ибн-Биби по приказу Ала ад-Дин Ата Мелик Джувейни исполнял обязанности представителя монголов и поэтому хорошо был осведомлен о политическом и социально-экономическом положении страны.

Разумеется, Ибн-Биби при передаче событий не всегда объективен. Высказывая свое мнение или мнение своих современников о деятельности того или иного султана сельджуков, он никогда не указывает источник своих сведений<sup>12</sup>. По наблюдению Х. М. Мусаева, Ибн-Биби широко цитирует отдельные места из литературных трудов Захира Фарайба, Низами, Шехаба ад-Дин Сухраверди<sup>13</sup>. И поэтому его сочинения так высокопарны и читаются с интересом.

Несомненно, что при описании периода правления Ала ад-Дина Кейкобада Ибн-Биби опирается также и на сведения старших современников. Ибн Биби довольно полно передает нам историю государства сельджуков Малой Азии времен Ала ад-Дина Кейкобада, и это естественно. Время правления ала ад-Дина Кейкобада является самым блистательным периодом в истории государства Сельджукидов. В это время значительно расширились границы страны, велась широкая культурная и строительная деятельность. Именно в этот период на Ближнем Востоке происходили события мировой значимости. Начинаются монгольские завоевания, бежавший от монголов Джелал ад-Дин Хорезмшах совершал вторжения в Малую Азию и Закавказье. Ибн-Биби, освещая события, происходившие в государстве сельджуков в период Ала ад-Дина Кейкобада, закономерно уделяет большое внимание взаимоотношениям с монголами. Сообщается также, что в период своего правления Ала ад-Дин Кейкобад не раз устраивал походы на страны средиземноморского бассейна, завоевав там стратегические пункты, которые имели для сельджуков военное и торгово-экономическое значение. Систематически совершал он набеги и в сторону Закавказья. Ибн-Биби отмечает, что когда султан одержал победу над хорезмийцами, он наказал их союзника —

<sup>10</sup> Köprülü M.F. Anadolu Selçukluları Tarihinin Yerlo Kaynakları // Belleten. C. VII. S. 27. Ankara, с. 388.

<sup>11</sup> Yinanç M.H. Türkiye'nin Tarihi. Seçuklular Devri, I. anadolunun Fethi. İstanbul, 1944, с. 9.

<sup>12</sup> Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов..., с. 34.

<sup>13</sup> Мусаев Х. М. Сочинение Ибн-Биби..., с. 10–11.

правителя Арзрума, завоевал и отобрал у него Арзрум, но оставил ему во владение Олтиси и несколько крепостей Грузии. Мелик Ашраф, расцеловав за такой подарок руки султану, попросил у него разрешения на поход в Армянский вилайет. Султан дал такое разрешение, и Ашраф отправился в поход на Армению — Хлату<sup>14</sup>.

В это время южные провинции Грузии — Олтиси и несколько других крепостей находились в руках сельджуков. Эти крепости Грузии и были переданы во владения Мелик Ашрафу — наверное, на правах икта. Однако в грузинской историографии нет сведений о дате захвата султаном Олтиси и других грузинских крепостей, которые затем были дарованы Мелику Ашрафу. Некий персидский аноним лишь одним предложением указывает на поход сельджукской армии на Грузию и взятие четырех крепостей. Но и он не указывает дату захвата этих крепостей.

По сведениям того же анонимного автора, султан, захватив целый ряд территорий в Анатолии, завоевав Кахту и Чемишкезек, Диарбекир, Хахи и другие крепости, «оттуда двинул войско на Грузию, победил грузинского властелина Эргу и отобрал у него четыре города»<sup>15</sup>. Вероятно, что сельджукские набеги против Грузии происходили после поражения хорезмийцев и после завоевания Ала ад-Дином Кейкобадом в Анатолии указанных выше территорий. Известно что эти территории султан сельджуков завоевал к 1226 г.<sup>16</sup>, а значит, что Олтиси и другие крепости сельджуки должны были завоевать в период между 1226 г. и 1231 г. Нам неизвестно, кого подразумевал анонимный автор под грузинским правителем Эргу.

После изгнания хорезмийцев из Закавказья начинается монгольское нашествие на Ближний Восток и Закавказье, которое в корне изменило политическую расстановку сил. Известно, что султан хорезмийцев, напуганный набегами монголов, обращался к Ала ад-Дину Кейкобаду, Мелику Ашрафу и Халифу с предложением объединить силы для защиты от монголов. Но помощи он так и не получил и в конце концов был полностью разгромлен монголами.

«После уничтожения Джелал ад-Дина, главным противником татар остаются Грузия и Рум. К последнему татары приблизились еще во время гонения хваразмов [хорезмийцев. — *Н. Ш.*], но до похода на Рум враг должен был пройти длинную дорогу войны»<sup>17</sup>. Монголы постепенно приближались к государству сельджуков. И если ранее у Ала ад-Дина Кейкобада были хорошие взаимоотношения с правителями соседних государств и он считался среди них одним из сильнейших правителей, то теперь соседи сельджукского государства были захвачены монголами. Монголы захватили Хлату, Диарбекир, Малатию, Харфут, распространив свою власть до Майяфарикина,

<sup>14</sup> Ибн-Биби..., с. 161–162.

<sup>15</sup> Anadolu Selçukluları Tarihi, III, Ankara, 1952, с. 30.

<sup>16</sup> Turan O. Keykubad I. // *İslam Ansiklopedisi*, cüz. 62, 1954, с. 650; Turan O. Selçuklular Zamanında Türkiye. İstanbul, 1971, с. 347–351.

<sup>17</sup> Сихарулидзе И. Борьба грузинского народа за независимость в XII–XIV веках. Тбилиси, 1967, с. 72.

успешно завоевывали целый ряд территорий Ближнего Востока и Закавказья. Захват монголами Малой Азии был близок, монголы уже непосредственно соседствовали с сельджуками. Каждый день было возможно нападение монголов. По сведениям Ибн-Биби, в 629 г. (1231 г.) часть монгольского войска во главе с нойоном Чормаганом напало на население Фусера в окрестностях Сиваса. Была захвачена большая добыча, взято много пленных. Узнав об этом, Ала ад-Дин Кейкобад приказал отправить войско сельджуков во главе с Кемал ад-Дин Камияром «погасить огонь войны, который разожгли монголы»<sup>18</sup>.

Эмир Кемал Ал-Дин Камияр во главе своего войска двинулся на Сивас. Но оказалось, что монголы покинули Сивас и отошли назад. Кемал ад-Дин Камияр, по сведениям Ибн-Биби, гнался за монголами до Арзрума. Там он получил сведения, что монголы возвратились назад и через перевал Йунус подошли к Мугану<sup>19</sup>.

Быстрое реагирование султана сельджуков на нападение монголов и отправка сравнительно небольшого войска против них, ясно указывает на то, какое превратное представление было у сельджуков о военной силе монголов. Лишь в 1243 г., после битвы при Коседаге, сельджуки убедились в военной мощи монголов и в том, как трудно вести с ними борьбу.

Между тем пришедший в Арзрум Кемал ад-Дин Камияр укрепил свою армию, присоединив к себе силы Шашнигир Мубариз ад-Дина, и решил начать поход против Грузии. В связи с этим, у Ибн-Биби мы находим интересные сведения о враждебных отношениях между грузинами и сельджуками и о политике грузинской царицы Русудан, пытавшейся спровоцировать монголов на войну против сельджуков. По сведениям Ибн-Биби, когда Кемал ад-Дин Камияр прибыл в Арзрум, то, оставаясь там довольно долго, собрал значительное войско и вместе с Чашнигир Мубариз ад-Дин Чавли решил пойти в поход против грузинской царицы Русудан, подстрекавшей монголов против сельджуков<sup>20</sup>.

До этого нам были неизвестны взаимоотношения Грузии с монголами в 30-е годы XIII века. В грузинских документальных и нарративных источниках нет сведений о подстрекательстве царицей Русудан монгольских военачальников на поход против сельджуков. Нет сведений и о захвате монголами Сиваса. Но, исходя из создавшейся в это время в Закавказье и Малой Азии ситуации, можно предположить, что грузинские власти имели какие-то контакты с монгольскими военачальниками и могли пытаться толкнуть их на поход в соседние страны.

<sup>18</sup> Ибн-Биби..., с. 165–166; İbn-i Bibi (El-Huseyn b. Muhammed b. Ali le-Caferi-Rugedi), *El-Evamirü'l ... Ala'iyye fi'L-Umuri'L-A;a'iyye. Önsöz ve Fihristi Hazırlayan Abdan Sadık Erzi*. Ankara, 1956, с. 420.

<sup>19</sup> Ибн-Биби..., с. 166; İbn-i Bibi (El-Huseyn b. Muhammed b. Ali le-Caferi-Rugedi), с. 20; Turan O. *Selçuklular Zamanında Türkiye*, с. 375; *Türkiye Selçukluları Hakkında Resmî Vesikalar, Metin, Tercüme ve Araştırmalar Osman Turan*. Ankara, 1958, с. 78.

<sup>20</sup> Ибн-Биби, с. 166. Осман Туран отмечает, что собранные в Арзруме военачальники сельджукских сил решили пойти в поход на Грузию, с одной стороны, для упрочения мира в стране, а с другой — из-за подстрекательского поведения грузинской царицы (Turan O., *Selçuklular Zamanında Türkiye*, с. 375).

Грузинский летописец сообщает весьма интересные сведения о походе монголов на Закавказье в 30-е годы XIII века и ситуации, созданной ими. Тогда монголы, преследуя хорезмийцев, уничтожили Хлату и Валашкерт, взяли Тавриз и близлежащие территории, подвергнув их страшному разграблению, а на следующий год (т.е. 1232. — *Н. Ш.*), как свидетельствует летописец, монголы подошли к Грузии и начали грабить ее<sup>21</sup>.

К 1232 году монголы вплотную подошли к Грузии, и для страны настали тяжелые времена. Естественно, что царская власть в Грузии, всеми силами стараясь избежать этих нападений, пыталась направить монголов в соседние страны<sup>22</sup>.

Такой политикой грузинское правительство старалось хотя бы временно отвлечь внимание монголов на Малую Азию. Однако царская власть в Грузии должна была ясно представлять себе международные события и вероятность нападения монголов и на Грузию. По утверждению Я. Цинцадзе, «...нам неизвестно, что делало грузинское государство с 1230 до 1235 года против вероятных нападений монголов. Не верится, что в течение пяти лет (1230–1235) Грузия не готовилась к войне с монголами, захватывающими соседние с Грузией территории»<sup>23</sup>.

Позже, когда монголы начали завоевание Грузии, царица Русудан вынуждена была перейти в западную Грузию и оттуда вести переговоры с монголами.

Говоря о событиях 1232 года, Ибн-Биби детально описывает поход огромного войска сельджуков на Грузию и страны Закавказья, ход военных действий, отношения с царицей Русудан и другие, заслуживающие внимания события, которые неизвестны ни по грузинским, ни по армянским, ни по другим восточным источникам.

В грузинской историографии нет сведений о походе 1232 года на Грузию и страны Закавказья многочисленной армии сельджуков во главе с Кемал ад-Дином Камияром. В современной турецкой историографии на эти события обратил внимание профессор Осман Туран<sup>24</sup>.

Основываясь на сведениях Ибн-Биби и других восточных источников, тщательно изучив литературу, Осман Туран реально обрисовал состояние государства сельджуков в 30-х годах XIII века, его внешние войны, отношения с соседними странами. На этом фоне весьма естественно и реально выглядят сообщения Ибн-Биби о взаимоотношениях Ала ад-Дина Кейкобада с Грузией. Осман Туран особо отмечает то, что в грузинских источниках ничего не сказано о походе на Грузию Ала ад-Дина Кейкобада<sup>25</sup>.

<sup>21</sup> Летописец. Картлис Цховреба (История Грузии), грузинский текст, Т. II. Подготовлен к изданию по всем основным рукописям проф. С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1959, с. 186.

<sup>22</sup> Там же.

<sup>23</sup> Цинцадзе Я. Монголы и монгольские завоевания (XII–XIII века). Тбилиси, 1960, с. 150.

<sup>24</sup> Türkiye Selçukluları Hakkında Resmi Vesikalar, Metin, Tercüme ve Araştırmalar Osman Turan, с. 74–82. Turan O., Keykubad I. İslam Ansiklopedisi, cüz 62, 1954, с. 655; Turan O., Selçuklular Tarihi ve Türk-İslam Medeniyeti. Ankara, 1965, с. 211; Turan O., Selçuklular Zamanında Türkiye, с. 374–379.

<sup>25</sup> Türkiye Selçukluları Hakkında Resmi Vesikalar..., с. 78–79.

Поскольку в грузинской историографии по сей день неизвестен поход Ала ад-Дина Кейкобада на Грузию в 1232 году, то ничего неизвестно и о военачальнике сельджуков Кемал ад-Дине Камиаре. Целесообразным считаем подробнее ознакомить читателей с деятельностью этого военачальника, с его походом на Грузию и началом монгольских набегов на Закавказье.

Во время правления султана Ала ад-Дина Кейкобада Кемал ад-Дин Камиар прославился своими успехами в военной и государственной деятельности. Это был высокообразованный человек, знаток арабского и персидского языков, имел большой авторитет при дворе султана. Ибн-Биби сохранил немало интересных сведений о его деятельности. Везде, где сельджуки воевали под предводительством Кемал ад-Дина Камиара, они одерживали победы. Поэтому ему был присвоен титул «Пехливана» (героя, голиафа, богатыря), «завоевателя стран Рума и Армении». Его влияние в государстве было настолько сильным, что, по сведениям Ибн-Биби, тяжелобольной султан перед смертью обратился к Джелал ад-Дину Каратаю: «Плохи мои дела, позовите Кемал ад-Дина Камиара. Я должен оставить ему завещание»<sup>26</sup>. Нам неизвестно, когда и какие посты занимал Кемал ад-Дин Камиар, но является непреложным фактом, что он был самым приближенным и влиятельным лицом при дворе султана. В последние годы жизни султан назначил его субаши Кайсери. Имеется специальный указ султана, изданный в 1234–1235 годах<sup>27</sup>, о назначении его на этот высокий пост и о даровании ему Кайсери как икта, что являлось большой честью. Под предводительством такого заслуженного государственного деятеля и воевали в Грузии войска султана Ала ад-Дина Кейкобада.

По сведениям Ибн-Биби, Кемал ад-Дин Камиар усилил свои войска отрядом Чашнигира Мубариз ад-Дин Чавли, также к нему присоединилось до пяти тысяч пехотинцев. Оснащенные специальными приспособлениями для разрушения крепостных стен, катапультами и другими военными средствами, конное и пешее войско напало на Грузию. За одну неделю они взяли до 30 крепостей Грузии. Грузины оказались в тяжелом положении. В тот же год<sup>28</sup> сельджуки направились к Хайхской крепости, захватили и разграбили ее. В аналогичной ситуации оказались крепость и население Нихахи<sup>29</sup>.

Как видно, сельджуки для похода на южные провинции Грузии использовали довольно многочисленное войско, которое первоначально предназначалось для противодействия монгольским силам в Сивасе. Для специально подготовленной многочисленной армии сельджуков, к которой в Арзруме дополнительно присоединилось еще пятитысячное войско, не представляло больших сложностей завоевание крепостей, нахо-

<sup>26</sup> Turan O. Selçuk Vakfiyeleri, III. Belleten, XLV, с. 240; Ибн-Биби..., с. 187; Turan O. Keykubad İ. İslam Ansiklopedisi, cüz 62, 1954, с. 657.

<sup>27</sup> Türkiye Selçukluları Hakkında Resmî Vesikalar... с. 74–76.

<sup>28</sup> Т.е. 1232 г., поскольку в вышеуказанных источниках речь шла о событиях 1232 г.

<sup>29</sup> Ибн-Биби..., с. 165–166; İbn-i Bibi (El-Huseyn b. Muhammed b. Ali le-Caferi-Rugedi), El-Evamirü'l ... Ala'iyye, с. 420–421. Histoire des Seldjoucides d'Asie d'après le ms de Paris M. th. Houtsmas. Leide, 1902, с. 183–184; Duda H. W. Die Setschukengeschichte des İbn-Bibi. Munksgaard (Kopenhagen, 1959, с. 176–177).

дящихся на южной окраине грузинского государства. Армия сельджуков в кратчайший срок полностью завоевала южную часть Грузии. К сожалению, автор не называет те крепости, которыми завладели сельджуки. Он называет только лишь крепости Хахи и Нихахи. Очевидно, крепость Нихахи явилась последним пунктом среди тех крепостей, которые завоевали сельджуки. Грузины оказались совершенно неподготовленными к такому неожиданному нападению.

В последнее время особое внимание на поход в Грузию Кемал ад-Дина Камияра обратил внимание азербайджанский ученый Х. М. Мусаев, который специально изучал сочинение Ибн-Биби как первоисточник истории государства сельджуков Малой Азии.

Опираясь на сведения Ибн-Биби, Х. М. Мусаев утверждает, что Ала ад-Дин Кейкобад отправил в Грузию под предводительством Кемал ад-Дина Камияра и Мубариз ад-Дина Чашнигира двухтысячное войско, которое захватило до 30 грузинских крепостей<sup>30</sup>. Здесь автор явно допускает ошибку. Во всех текстах первоисточника ясно написано, что Кемал ад-Дин Камияр и Мубариз ад-Дин Чашнигир присоединили к пехоте, собранной из разных стран, еще пятитысячное войско, обеспечили их осадными приспособлениями, катапультами и другими средствами для взятия крепостей и так направились на завоевание Грузии. Так что перед походом на Грузию армия сельджуков была более многочисленна и хорошо вооружена, как пишет Х. М. Мусаев.

Х. М. Мусаев допускает и другую неточность, когда, опираясь на сочинение Ибн-Биби, отмечает сотрудничество грузин и монголов<sup>31</sup>. В сочинении Ибн-Биби ничего не сказано о союзе Русудан с монголами. Такие сведения вообще не встречаются ни в каких других известных первоисточниках. В сочинениях Ибн-Биби речь идет только лишь о подстрекательстве, попытке толкнуть Русудан к нападению на сельджуков. Этот вопрос заслуживает особенного рассмотрения.

Как только царица Русудан узнала о вторжении сельджуков в приграничные районы Грузии и об их разбойных действиях, был намечен определенный план. Посоветовавшись с представителями дворянства Грузии, она решила, что будет разумнее предложить мир представителям сельджукского государства<sup>32</sup>. С этой целью были начаты переговоры с эмиром Кемал ад-Дин Камияром. С чрезвычайным письмом и подарками к нему были отправлены грузинские дворяне, которые должны были оповестить о своей покорности сельджукскому султану. Они просили у султана прощения и предлагали военачальнику сельджуков прекратить грабеж страны. Царица надеялась, что сельджукские военачальники вернут ее стране завоеванные земли и доложат о ее прощении о мире двору султана. «Если султан благосклонно примет нашу просьбу и проявит милость, то тогда будет более благоразумным укрепить наши

<sup>30</sup> Мусаев Х. М. Сочинение Ибн-Биби..., с. 19.

<sup>31</sup> Там же.

<sup>32</sup> Ибн-Биби..., с. 167; El-Evamiru'l -Ala'iyye fi'L-Umuri'L..., с. 422; Duda H. W. Указ. соч., с. 177; Histoire des Seldjoudides d'Asie Mineure... texte persan..., с. 184; Turan O. Selçuklular Zamanında Türkiye, с. 376.



отношения добрыми пожеланиями и родственной связью. Наше желание, — писала царица Русудан сельджукскому военачальнику, — чтобы моя дочь, наследница династии Давида и сельджуков, сочеталась браком с наследником правителя нашей соседней страны — Мелик Гияс ад-Дин Кейхусревом»<sup>33</sup>.

Ибн-Биби коротко отмечает, что Кемал ад-Дин направил войско на Грузию, а царица Русудан отправила к нему гонцов и начала переговоры о породнении и свадьбе, пожелала иметь зятем Мелик Гияс ад-Дина<sup>34</sup>. После захвата крепостей и разгрома южной Грузии многочисленной армией сельджуков, как видно, царица Русудан сделала разумный дипломатический ход. Отказ Русудан от военных действий и выбор путей мирного урегулирования сложившейся ситуации заставляет нас полагать, что Русудан учла создавшееся международное положение в Малой Азии и Закавказье, в первую очередь мощь и успехи завоевательных походов сельджукского султана Ала ад-Дина Кейкобада, вместе с тем учла и то, что после недавнего разгрома хорезмийских сил в Закавказье, монголы уже представляли опасную силу для Грузии. Противостояние грузинских сил и сельджуков могло спровоцировать появление монголов, а против них необходимо было выступить общим фронтом.

В 30-х годах XIII века грузинские силы не смогли бы противостоять этим двум сильным противникам, тем более что неоднократно разгромленные хорезмийцами грузинские войска уже не могли реально противостоять даже одним сельджукам. Царица Русудан, посоветовавшись со своими дворянами, видимо, хорошо учла все это и начала мирные переговоры с Кемал ад-Дин Камияром.

Кемал ад-Дин Камияр учел просьбу царицы Русудан, снял войско с военного положения, приостановил грабеж страны и сообщил султану Ала ад-Дину Кейкобаду об успешном походе сельджуков в Грузию и о предложении царицы Русудан. Фактически Кемал ад-Дин Камияр выступал в роли посредника между султаном и царицей Русудан. Ибн-Биби отмечает, что Кемал ад-Дин Камияр вместе с сообщением о взятии 30–40 крепостей отправил в столицу к султану оружие, провиант, скот и другую захваченную военную добычу<sup>35</sup>.

Султан с восторгом встретил известия об успехах сельджукской армии в Грузии. В намерение султана сельджуков не входило вторгаться в глубь Грузии. Инициаторами антигрузинского похода являлись Кемал ад-Дин Камияр и Чашнигир Мубариз ад-Дин Чавли.

Военные успехи Кемал ад-Дина Камияра в Южной Грузии при дворе султана отмечались большим празднеством. Кемал ад-Дин Камияр не присутствовал при этом. Он ждал распоряжения от султана для вывода войск с территории Грузии и ответа царице Русудан.

<sup>33</sup> Ибн-Биби, с. 167; *El-Evamiru'l ... Alaiyye fi'L-Umuri'L...*, с. 422; Duda H. W. Указ. соч., с. 177; *Histoire des Seldjoudides d'Asie Mineure... texte persan...*, с. 184; Turan O. *Selçuklular Zamamında Türkiye*, с. 376.

<sup>34</sup> *Histoire des Seldjoudides d'Asie Mineure... texte persan*, с. 220; Duda H. W. Указ. соч., с. 177, 210.

<sup>35</sup> Ибн-Биби, с. 167; *El-Evamiru'l -Alaiyye fi'L-Umuri'L...*, с. 423; Duda H. W. Указ. соч., с. 177; *Histoire des Seldjoudides d'Asie Mineure... texte persan...*, с. 185.

В письме к Кемалу ад-Дин Камияру Ала ад-Дин Кейкобад поблагодарил его за достигнутые в Грузии успехи и вместе с этим послал ему грамоту о возвращении войска назад.

По сведению Ибн-Биби, Кемал ад-Дин писал, что султан согласен принять предложение царицы Русудан о породнении и мирных отношениях. Он сообщал также, что сельджукскому военачальнику не разрешено продолжать вторжение на территорию Грузии<sup>36</sup>.

Сельджуки покинули южные провинции Грузии. Как только войско достигло Эрзинджана, Кемал ад-Дин распустил его, сам же военачальник направился в столицу султаната, где его за военные успехи встретили с большим почетом<sup>37</sup>.

Ала ад-Дин Кейкобад, который постоянными захватническими войнами систематически расширял границы государства сельджуков и очень часто совершал набеги на Закавказье, в частности на Армению, естественно, хотел бы захватить и Грузию. Само собой, весь этот праздничный церемониал, устроенный в честь Кемал ад-Дин Камияра, который своими успешными военными действиями в Грузии доставил столько удовольствия султану, свидетельствует о стремлении султана подчинить своей власти новые территории.

Однако царская власть Грузии в лице царицы Русудан своими дипломатическими усилиями сумела сорвать намерения султана покорить Грузию. Поэтому совершенно справедливо заметил В. А. Гордлевский, что стремление Ала ад-Дина Кейкобада властвовать в Закавказье, в частности, в Грузии закончилась полным провалом<sup>38</sup>.

Царица Русудан своим предложением породниться с сельджукской династией способствовала установлению мирных взаимоотношений между двумя странами. Однако мир оказался недолговечным. Новые

<sup>36</sup> Ибн-Биби, с. 167; El-Evamiru'l -Alaiyye fi'L-Umuri'L..., с. 432; Histoire des Seldjoudides d'Asie Mineure... texte persan... с. 185; Duda H. W. Указ. соч., с. 177; Türkiye Selçukluları Hakkında Resmî Vesikalar..., с. 79. Спустя несколько лет после мирного договора с сельджукским султаном, уже после смерти Ала ад-Дина Кейкобада, должно было состояться породнение царицы Русудан с династией сельджуков, т.е. приблизительно к 1237 году. А договор о породнении был подписан, видимо, в 1232 году. В другом месте Ибн-Биби пространно рассказывает о свадьбе дочери Русудан — Тамары и сына Ала ад-Дина Кейкобада — Гиас ад-Дин Кейхусреве. Описывает свадебную церемонию, большой праздник, данный по этому случаю в Каисерии (Ибн-Биби, с. 168; Histoire des Seldjoudides d'Asie Mineure... texte persan... с. 220; Duda H. W. Указ. соч., с. 210). Бар Хебрай называет датой свадьбы дочери Русудан Тамары 1237 год, что и является достоверным фактом (Gregory Abu'l Farac (Bar Hebraeus), Abul-Farac Tarihi, cilt II, Ankara, 1950, с. 537). Ив. Джавахишвили, опираясь на сведения Абул Фараджа, также пишет об этой дате свадьбы дочери Русудан — Тамары (Джавахишвили Ив. История грузинского народа. Т. III. Тбилиси, 1966, с. 106). Осман Туран также прямо указывает, что как только Гиас ад-Дин Кейхусрев занял трон, на основании соглашения между Русудан и Кейкобадом он женился на дочери Русудан (Turan O., Kayhuresi II. Islam Ansiklopedisi, cuz 62, 1954, с. 628; Türkiye Selçukluları Hakkında Resmî Vesikaları..., с. 79). Дочь Русудан — Тамара, известная в государстве сельджуков Малой Азии под именем Гюрджи Хатун, на Ближнем Востоке считается святой. Она сыграла большую роль в деятельности ордена Мевлевийе. См. об отношениях Гюрджи Хатун и основателя ордена Джелал ад-Дина Рума в: Гацерея А. Гюрджи Хатун и поэт Джелал ад-дин Рум. — Литературная газета, 1960, № 41–42; Джавелидзе Э. Из Истории отношений Джелал ад-дин Рума и Гюрджи Хатун (Царица Тамара). — Цискари, № 1970, с. 107–117.

<sup>37</sup> Ибн-Биби, с. 168; El-Evamiru'l fi'l-Umuri'l..., с. 424. Histoire des Seldjoudides d'Asie Mineure... texte persan..., с. 185; Duda H. W. Указ. соч., с. 178.

<sup>38</sup> Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов..., с. 58.

набеги монголов и сельджуков на Грузию привели к ее политическому и экономическому упадку.

Современный турецкий историк Осман Туран в одной из своих монографий отмечает, что покорением грузинской царицы Ала ад-Дин Кейкобад отомстил грузинам за своего дядю Сулейман-шаха<sup>39</sup>.

Но грузинская царица не была покорена Ала ад-Дин Кейкобадом. Несмотря на взятие некоторых крепостей в Южной Грузии, царица Русудан на равноправных условиях вела мирные переговоры с султаном сельджуков. И здесь ни о каком покорении и неравноправных взаимоотношениях, конечно, нельзя говорить. В своем утверждении Осман Туран вспоминает победу царицы Тамары в 1202 г. на Басианском поле над Рукн ад-Дином Сулейман-шахом. И факт завоевания нескольких крепостей на южной окраине Грузии в 1232 г. он считает возмездием за это поражение.

После похода на Южную Грузию и соглашения с Русудан войско сельджуков снова направилось в Закавказье, на сей раз в Армению — в Хлату. После гибели Джелал ад-Дина Хорезмшаха его оставшиеся отряды бесчинствовали в восточных районах Анатолии. Как отмечает анонимный автор, сыновья Джелал ад-Дина Хорезмшаха сумели собрать из них большое войско и провозгласить свою власть в Армении — Хлате и Арзруме<sup>40</sup>. Фактически же на армянской территории господствовали монголы, а правитель Хлаты беззаботно находился в Дамаске. Поэтому султан решил захватить Хлату, обуздать хорезмийские силы и вместе с тем сдержать монголов. С этой целью султан сельджуков в том же 1232 г. вновь призвал Кемал ад-Дина Камияра и приказал ему «весь армянский вилайет от Хлаты и Битлиси до Тбилиси присоединить к области сельджуков»<sup>41</sup>.

Кемал ад-Дин Камияр в спешном порядке собрал свои силы и направился в сторону Хлаты. Сельджуки легко взяли город, водрузили над городом знамя султана и в его честь прочитали восхваление. По свидетельству анонимного автора, сельджуки в этом походе захватили «Харпути, Фалу и другие 16 крепостей. А защита границ была поручена Сейф ад-Дин Сункур Лале»<sup>42</sup>.

После взятия Хлаты войско сельджуков спустилось к берегам озера Ван. По заявлению Ибн-Биби, сельджуки сумели взять под свое господство всю Армению<sup>43</sup>. Для освоения захваченных территорий султан послал своих вельмож, которые произвели перепись в стране, установили количество дохода, восстановили крепости и начали править страной<sup>44</sup>.

Для «освоения» захваченных территорий султан сельджуков провел серьезные мероприятия, начал восстанавливать им же разоренную

<sup>39</sup> Turan O. Selçuklar Tarihi ve Türk-İslam Medeniyeti, с. 211.

<sup>40</sup> Anadolu Selçuklar Devleti Tarihi, III, Ankara, 1952, с. 30.

<sup>41</sup> Ибн-Биби, с. 168; Le sultan Seldjoukide Keikobad I et l'Arménie, Documents persans. Traduits par Henri Masse. Revue des Etudes Arméniennes, tome IX, Fascicule 1. P., 1929, с.

<sup>42</sup> Anadolu Selçuklar Devleti Tarihi, III, Ankara, 1952, с. 30.

<sup>43</sup> Ибн-Биби, с. 169; Turan O. Selçuklular Zamanında Türkiye, с. 377.

<sup>44</sup> Там же, с. 169–170.

страну, превращать ее в регулярный источник дохода. В результате принятых султаном мер странствующая по Закавказью и отдельным районам Ирана часть турок решила осесть в этих местах.

Мероприятия, проведенные Ала ад-Дином Кейкобадом в Закавказье, и особенно взятие им Хлаты, вызвали объединенный поход Аюбидов против сельджуков. Хлата давно притягивала к себе внимание египетских Аюбидов. Интерес к Хлате объясняется ее территориальным расположением на перекрестке торговых путей. Через Хлату проходила главная торгово-караванная магистраль. Поэтому и не могли Аюбиды и другие закавказские соседи Хлаты смириться с господством сельджуков в этом районе и решили объединенными силами вернуть Хлату.

По Ибн-Биби, в 1233 г. правитель Египта Ал-Мелик Ал-Камил выступил против сельджуков<sup>45</sup>. Султан сельджуков противопоставил ему военные силы Кемал ад-Дина Камияра. Войско сельджуков у Акча-Дербента встретилось с Аюбидами и нанесло им сокрушительное поражение. Город Хлата, расположенный на северо-восточном берегу озера Ван, остался в руках сельджуков, и они стали распространять свою власть по всему берегу озера Ван.

После первого поражения Аюбидов султан сельджуков продолжил с ними борьбу, которую Ибн-Биби подробно описывает<sup>46</sup>.

Зиму 1235 года Ала ад-Дин Кейкобад провел в Алае и для того, чтобы окончательно выдворить Аюбидов из восточной Анатолии, в Кайсери собрал новое войско. Кемал ад-Дин Камияру и другим знатным военачальникам было приказано захватить Харань, Реху (Урфа), Ракка и их окрестности. Для этого было задействовано пятитысячное войско<sup>47</sup>. Кроме того, по свидетельству Бар Гебрая, в 1234 г. султан собрал стотысячное войско, состоящее из французов, греков, армян, иберийцев и хорезмийцев, и послал их в Палестину против египтян<sup>48</sup>.

Как следует из предыдущего свидетельства, национальный состав многотысячного войска сельджуков был довольно пестрым. Интересно и сообщение об участии грузин в этом походе. В последующие годы грузины принимали активное участие и в походах сельджуков против монголы.

Участие грузин в походе против Аюбидов можно объяснить некоторыми обязательствами, которые царица Русудан взяла перед султаном сельджуков. Очевидно, это было записано в одном из пунктов перемирия, заключенного царицей Русудан с султаном сельджуков. Легко предположить, что именно поэтому грузинское войско вынуждено было принимать участие в систематических походах сельджуков. На это прямо указывает Ибн-Биби. Как он передает, после того как сельджуки взяли Харань, грузинские и французские войска уничтожили местное мусульманское население и захватили несметные богатства<sup>49</sup>.

<sup>45</sup> Ибн-Биби, с. 173–174; *Anadolu Selçukları Devleti Tarihi*, III, Ankara, 1952, с. 30.

<sup>46</sup> Ибн-Биби, с. 175–180, *Osman Turan, Keykubad I. İslam Ansiklopedisi*, cüz 62, İstanbul, 1954, с. 656–657; его же, *Selçuklular Zamanında Türkiye*, с. 379–383.

<sup>47</sup> Ибн-Биби, с. 180.

<sup>48</sup> *Abu'l-Farag G. (Bar Hebraeus), Abul-Farag Tarihi*, cilt II, Ankara, 1950, с. 533.

<sup>49</sup> Ибн-Биби, с. 175–180; *Turan O. Selçuklular Zamanında Türkiye*, с. 380.

Незадолго до своей смерти султан Ала ад-Дин Кейкобад собрал войско для похода на Диарбекир, чтобы раз и навсегда освободить восточную Анатолию от господства Аюбидов. В связи с этим Бар Гебрай замечает, что для похода на Диарбекир султан сельджуков собрал войско, состоявшее из хорезмийцев, гуннов, французов, армян и иберийцев<sup>50</sup>. Но смерть настигла его, и султан не смог осуществить свои намерения.

Естественно, что в многочисленном и этнически достаточно пестром войске принимали участие и грузины. Ведь между государством сельджуков и Грузией к этому времени установились родственные и тесные политические отношения. Смерть Ала ад-Дина Кейкобада для государства сельджуков перед нашествием монголов в Малую Азию явилась тяжелой утратой.

Итак, сведения Ибн-Биби по-новому освещают некоторые исторические моменты взаимоотношений между Грузией и государством сельджуков накануне монгольского нашествия. Грузинской историографии ничего неизвестно о походе Ала ад-Дина Кейкобада в Грузию, о его взаимоотношениях с царицей Русудан. И только турецкий исследователь Осман Туран, опираясь на сведения Ибн-Биби, обратил внимание на эти события и справедливо отметил реальность сообщаемых Ибн-Биби фактов, по-новому объясняющих и политическую обстановку в Закавказье, и взаимоотношения между Грузией и сельджуками в 30-е годы XIII в.

---

<sup>50</sup> Abu'l-Farac G. (Bar Hebraeus), Abul-Farac Tarihi, cilt II, c. 533.

А. Н. Хохлов (Москва)

## Документы русского госпиталя в Константинополе. Из истории русско-османских гуманитарных связей во второй половине XIX — начале XX в.

Проблемы гуманитарных акций России в сопредельных ей восточных странах, начиная с Османской империи и кончая Японией, во второй половине XIX — начале XX в. до настоящего времени остаются в отечественной историографии малоисследованными. Между тем обращение к отечественным архивным материалам убеждает в широких возможностях плодотворного изучения гуманитарной помощи россиянам жителям многих стран Азии, нередко подвергавшимся тяжелым испытаниям, связанным с войнами или стихийными бедствиями. Особенно интересны усилия и методы врачей в борьбе с чумой, холерой и другими эпидемиями, порой требовавшими принятия весьма жестких мер по локализации и ликвидации их неблагоприятных последствий для огромных масс населения. Как известно, это достигалось как установлением строгого карантина в том или ином портовом городе или отдельном географическом пункте, так и созданием стационарных учреждений для обследования и лечения заболевших во время эпидемии лиц.

Для многонациональной и многоконфессиональной Османской империи оказание медицинской помощи пострадавшему населению и, в частности, на территории Турции в середине XIX в. было тесно связано с деятельностью иностранных медиков-врачей, состоявших на службе при постоянных дипломатических представительствах, аккредитованных ведущими европейскими державами в Константинополе. По мере установления более тесных связей Османской империи с этими странами в ее столице стали возникать иностранные медицинские заведения, призванные обслуживать как своих соотечественников, так и местных жителей, преимущественно состоятельных лиц и влиятельных чиновников. Не исключением в деле организации медицинской помощи своим подданным и местному населению была Российская империя, которая как

соседняя держава благодаря развитию мореплавания и внешней торговли к этому времени добилась установления с Турцией тесных политических и экономических связей, которые во второй половине XIX в. порой сопровождались деловыми контактами и в военной области, в частности при обучении турецких офицеров в военных заведениях России<sup>1</sup>.

Поначалу врачи, зачисленные в МИД для службы в российском посольстве, оказывали приехавшим в Константинополь соотечественникам только предварительную («скорую») помощь и лишь в экстренных случаях направляли их в иностранные госпитали, услуги которых дорого обходились и частным лицам, и казне. Поэтому российские дипломаты в течение длительного времени неоднократно предпринимали попытки к учреждению с помощью своего правительства больницы для обслуживания преимущественно россиян, приезжавших в турецкую столицу. Об истории появления русской больницы в Константинополе и ее последующей деятельности среди населения Турции повествуют приводимые ниже российские архивные материалы середины XIX — начала XX в. Они начинаются докладной запиской, отправленной посланником в Константинополе Владимиром Павловичем Титовым (представителем московской университетской интеллигенции) 1 марта 1848 г. в Петербург Льву Григорьевичу Сенявину (директору Азиатского департамента МИД). В ней, в частности, говорилось:

«С давнего времени существует здесь ощутимое затруднение к личному помещению [в больницу] и пользованию [в ней] больных — российских подданных. Затруднение это нынешнею зимою было разительнее обыкновенного по причине холеры, посетившей, хотя и не в сильной степени, здешнюю столицу. Принимая в соображение сие, я объяснился по сему поводу с г.г. — действительным статским советником Пизана и врачом [нашей дипломатической] миссии коллежским советником Либертом, которые по известному усердию и долговременному пребыванию в Константинополе приобрели надлежащую опытность по сей части. Вследствие такого совещания [с ними] г-н Либерт по моему предложению составил записку, заключающую в себе сведения об иностранных госпиталях, находящихся здесь в ведении главных европейских и иностранных государств, а также излагающей его беглый взгляд на способы, позволяющие учредить подобное заведение для призрения как наших военных матросов и довольно многочисленных мореходов, так и небогатых российских подданных, ежегодно посещающих Константинополь при следовании на богомолье в Палестину или находящихся здесь на жительстве по торговым и другим делам (здесь и далее курсив мой. — А. Х.).

<sup>1</sup> Любопытный факт по этому поводу приводила популярная петербургская газета «Новое время», которая 9/21 сентября 1887 г. сообщала: «Из прибывших в Россию для изучения русского языка турецких офицеров поручик гвардии, племянник Реуфа-паши (командира гвардейского корпуса), ознакомившись уже достаточно с русским языком, с 15 сентября подает с соизволения своего высшего начальства в [русский] кавалергардский полк для практического ознакомления с русской кавалерийской службой».



Труд доктора Либерта показался мне столь добросовестным и благонамеренным, что я решаюсь препроводить оный в настоящем его виде на усмотрение Вашего Превосходительства в твердой надежде, что он заслужит благосклонное внимание [наших] высших властей и, прежде всего, медицинского начальства. Если бы мысль учредить здесь русский госпиталь удостоилась предварительного одобрения [нашего] Министерства, то в таком случае миссия могла бы озаботиться о собрании на месте подробнейших сведений касательно удобнейшего приведения сего в действие»<sup>2</sup>.

Не получив положительного ответа МИД и даже сочувственного отклика на свое предложение, В. П. Титов в связи с некоторыми переменами в составе внешнеполитического ведомства решил возобновить свои усилия по реализации своего мнения относительно желательности создания русского госпиталя в Константинополе. В его письме от 24 апреля 1851 г. на имя Якова Андреевича Дашкова (влиятельной фигуры при царском дворе) говорилось:

«В прежние времена в Галате [район Стамбула] находился греческий госпиталь, который был содержим одними подаяниями купцов Константинополя. Туда миссия обычно посылала [заболевших] матро-

<sup>2</sup> Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Турецкий стол. Оп. 502/1. 1848. Д. 1547. Л. 1–2 (Текст записки д-ра Либерта на французском языке см.: АВПРИ. Там же. Л. 4–11).

Титов Владимир Павлович (1807–1891) — российский дипломат, государственный деятель и литератор. Будучи родом из русских дворян, он в 1818 г. поступил в благородный пансион при Московском Университете. По окончании его с золотой медалью в декабре 1823 г. был принят на службу в Коллегию Иностранных дел (с причислением к Московскому архиву в чине коллежского секретаря). После перехода в мае 1826 г. в Азиатский департамент его 15 ноября 1830 г. назначили 3-м секретарем дипломатической миссии в Константинополе, где он находился до 1839 г. К этому времени он, дослужившись до чина статского советника (в июле 1835 г.), уже выполнял обязанности первого секретаря миссии. После кратковременной службы в качестве генконсула в Валахии и Молдавии (с марта 1839 по май 1840 г.) он занимал пост российского поверенного в делах в Турции, откуда его в сентябре 1842 г. вызвали по делам службы в Петербург, где в апреле 1843 г. назначили чрезвычайным посланником и полномочным министром в Турции. В связи с разрывом дипломатических отношений с Турцией накануне Крымской войны 1853–1856 гг. его в 1853 г. отозвали в Петербург, где в июне 1854 г. временно назначили управляющим российской миссии в Штутгарте, а затем (после вызова в Петербург) в соответствии с указом от 8 августа 1855 г. направили чрезвычайным послом в Вюртемберг. После выполнения обязанностей наставника при царской семье, связанных с воспитанием будущих великих князей — членов семьи Романовых (в течение полугода), его 15 июля 1858 г. вновь назначили послом в Вюртемберге. Общение с членами царской семьи и получение чина действительного тайного советника в сентябре 1844 г. позволило ему стать членом Государственного Совета (с оставлением в ведомстве МИД). С января 1882 г. в течение двух лет он возглавлял Департамент гражданских и духовных дел, связанный деловыми контактами с различными ведомствами, правительственными учреждениями и общественными организациями (в том числе научными и благотворительными). Огромное число трудно решаемых из-за волокиты министерских чиновников дел побудили В. П. Титова отказаться от председательства креста в упомянутом департаменте, а через год (в 1885 г.) и от присутствия в нем — при всем прежнем внимании к нуждам простого народа.

В молодые годы В. П. Титов увлекался литературой, активно участвовал в кружке любителей. С 1822 г. он состоял членом «Литературного общества друзей», организованном С. Е. Раичем при Московском Университете. Состоя в 1847 г. действительным членом имп. Русского географического общества, он участвовал в заседаниях многих других общественных организаций, например, имп. Русского исторического общества, членом которого он состоял с 14 марта 1875 г. Подробнее о его общественной и литературной деятельности см.: Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. Биобиблиографический справочник. СПб., 2005, с. 733–735.

сов с наших купеческих судов, но, к сожалению, тогда присмотр за больными и пользование оных [врачами] по недостатку средств не удовлетворяли нашим желаниям. Затем сей госпиталь был переведен в город, далее семибашенной крепости, следовательно, на довольно большое расстояние от Перы, так что отправление туда больных, наипаче в зимнее время, было сопряжено с немалыми неудобствами. Впоследствии находившиеся здесь сестры милосердия, состоявшие под покровительством французского посольства, учредили в Пере госпиталь из расчета на 40 больных, и кроме французско-подданных они [ныне] принимают в оный и других христиан, без различия вероисповедания, но с уплатою по 10 турецких пиастров за каждого больного. Таким образом, согласно желанию капитанов наших парусных судов и пароходов, их матросы в случае заболевания помещались и помещаются сейчас во французский госпиталь с уплатою денег за счет интендантства Черноморского флота. В течение прошедшей зимы там находилось иногда до семи наших матросов и ныне еще лечатся в оном три чел. В виде вознаграждения и поощрения за лечение в течение восьми лет россиян во французском госпитале [наш] посланник для д-ра Вероле и оператора Лесна приобрел и передал в эту больницу подарки, которые обошлись ему в 9 тыс. пиастров, с отнесением их к чрезвычайным издержкам нашей дипломатической миссии за январьскую треть»<sup>3</sup>.

Вторичная попытка российского дипломата в Турции В. П. Титова привлечь внимание к поставленному им вопросу не увенчалась успехом отчасти из-за неблагоприятной ситуации, складывавшейся тогда на международной арене в Европе, которая в конечном счете привела к Крымской войне 1853–1856 гг. Лишь с назначением в Османскую империю послом Николая Павловича Игнатъева (подписавшего в ноябре 1860 г. с цинским Китаем Пекинский договор об окончательной уступке России Уссурийского края, а затем работавшего директором Азиатского департамента), вопрос о необходимости учреждения русского госпиталя в турецкой столице был сдвинут с мертвой точки. Об этом свидетельствует приводимое ниже письмо директора Азиатского департамента МИД от 12 июня 1869 г. к министру внутренних дел:

«Посол наш в Константинополе [Н. П. Игнатъев] вошел в МИД с представлением [донесением] о необходимости учреждения в сем городе госпиталя для русских подданных по примеру уже существующих там подобных же заведений для лиц других национальностей. Необходимость эта обуславливается значительным скоплением в Константинополе русских подданных, преимущественно [материально] недостаточных людей как то: матросов купеческих кораблей, паломников и других лиц, которые в случае болезни часто остаются без всякой материальной помощи или бывают принуждены искать приюта в иностранных госпиталях, где прием их не всегда бывает обеспечен... Генерал-адъютант Игнатъев полагает,

<sup>3</sup> АВПРИ. Ф. Турецкий стол. Оп. 502/1, 1848. Л. 12–13.

что ввиду благотворительной цели, с которою учреждается госпиталь для русских подданных, можно было бы, независимо от других средств, которые имеются [Посланником] в виду, обратиться к частной благотворительности посредством публикаций в газетах призыва к пожертвованиям на учреждение этого госпиталя»<sup>4</sup>.

Поскольку в донесении Н. П. Игнатъева предлагалось установить сбор с проходящих в Константинополь российских судов «на предмет устройства в сем городе госпиталя для заболевших там матросов и других русских», руководство Азиатского Департамента МИД с аналогичным запросом обратилось также к министру финансов М. Х. Рейтерну, который 19 июня 1869 г. направил товарищу министра иностранных дел письмо с просьбой дать некоторые конкретные пояснения. В заключительной части этого документа министр финансов, в частности, указывал: «В сообщенных Вами сведениях не видно, в каких размерах надлежало бы устроить госпиталь, как велики могут быть издержки на его первоначальное устройство и на его ежегодное содержание»<sup>5</sup>.

С учетом необходимости согласования вопроса об организации в Константинополе русского госпиталя между различными ведомствами России Н. П. Игнатъев продолжал настаивать на своем предложении, особенно после поездки в Петербург. Это видно из приводимого ниже его письма от 23 сентября 1869 г. к П. Н. Стремоухову:

«Во время пребывания моего в С.-Петербурге я имел честь неоднократно обращать внимание Вашего Превосходительства на необхо-

<sup>4</sup> АВПРИ. Ф. Турецкий стол. Оп. 502-а, 1869. Д. 1548. Л. 3.

Игнатъев Николай Павлович (1832–1908) — российский дипломат и государственный деятель, родом из русских бояр середины XIV в. Родился 17 января 1832 г. в Петербурге в семье будущего генерала от инфантерии Павла Николаевича Игнатъева (1797–1879). По окончании в мае 1849 г. Пажеского Е.И. Величества корпуса корнетом был направлен в имп. Военную Академию и по окончании ее его причислили к Генеральному Штабу. В период Крымской войны в 1854–1855 гг. в чине капитана он находился в войсках, охранявших побережье Балтийского моря в Остзейском крае и при бомбардировке Дюнамонде английской эскадрой. 6 февраля 1855 г. его командировали для осмотра путей, избранных для перевозки войск и определения ночлежных пунктов от Нарвы до Ревеля и до Риги. В феврале–марте 1856 г. он участвовал в Парижской мирной конференции в составе российской делегации, и 7 июня того же года его назначили военным агентом (атташе) в Лондоне, куда он отправился 23 сентября. В сентябре 1857 г. началась его поездка по странам Европы и Ближнего Востока (Австрия, Сербия, Греция, Турция, Сирия, Палестина, Египет). Из Египта Александр II вызвал его в Варшаву и 16 октября его назначили начальником миссии, которая отправилась 12 апреля 1858 г. в Хиву и Бухару. Следуя со своей свитой по маршруту Оренбург — Хива — Бухара, он в ходе переговоров с бухарским эмиром подписал соглашение и 17 декабря вернулся в столицу. Здесь ему присвоили чин генерал-майора и включили в состав царской свиты (с оставлением в Генштабе). Будучи отправлен с особым поручением в Китай в 1859 г. (в период войны Китая с Англией и Францией), он сумел своим посредничеством добиться не только прекращения военного конфликта, в результате чего западные союзники отказались от штурма Пекина, но и подписать 2 ноября 1860 г. с уполномоченными Цинской империи договор об окончательной уступке России Уссурийского края.

21 августа 1861 г. его назначили директором Азиатского департамента МИД (с оставлением в штате Генштаба). 14 июля 1864 г. он стал послом в Константинополе, где его роль в истории русско-турецких отношений до 1878 г. завершилась активным участием в переговорах с турецкими уполномоченными, в результате чего был подписан договор в Сан-Стефано. 4 мая 1881 г. Н. П. Игнатъева назначили министром внутренних дел. Подробнее см.: Хевролина В. М. Сан-Стефано: венец и завершение дипломатической карьеры Н. П. Игнатъева // Российская дипломатия в портретах. М., 1992.

<sup>5</sup> Там же. Л. 5.

димось скорейшего исходатайствования Высочайшего разрешения на устройство в Константинополе госпиталя и на открытии подписки касательно добровольных пожертвований для его постройки за неимением в виду правительственных средств.

Имея в виду скорое получение вышеозначенного разрешения, Императорское Посольство приторговало землю для госпиталя, но еще не имеет нужных средств для уплаты [за нее]. Вследствие сего и принимая во внимание время, необходимое для получения султанского фирмана [разрешения] на право строить госпиталь, я снова обращаюсь с покорнейшею просьбой сделать зависящие распоряжения для скорейшего исходатайствования Высочайшего Государя Императора разрешения на постройку госпиталя и открытие [соответствующей] подписки [по сбору добровольных пожертвований]<sup>6</sup>.

Судя по помете, оставленной на этом документе в Азиатском Департаменте («сказать [т.е. ответить Н. П. Игнатьеву], что ожидаем ответа от [министра финансов] Рейтерна», решение вопроса на ведомственном уровне всецело определялось позицией министра финансов, который 18 декабря 1869 г. прислал в МИД негативный ответ со следующим обоснованием:

«Одесский Биржевой комитет (вслед за Таганрогом и Ростовым, считавшими возможным установить сбор с каждого ластва русского судна в размере 3,5 коп. — А.Х.), войдя в сношение по сему делу с Русским Обществом пароходства и торговли, получил от него отзыв, что пароходы этого Общества составляют более половины судов, приходящих под русским флагом в Константинополь, а именно: для содержания Лондонской и Восточной линий Общество в настоящем году имело 22 парохода, в течение года посетивших Константинополь 434 раза; считая же всякий приход и отход за одно судно, [в итоге] составит 454 судна, т.е. почти две трети общего количества 730-ти судов, посетивших этот порт в 1867 г. Посему, если для содержания госпиталя положить по 8 р. с одного судна, то Обществу придется ежегодно платить дополнительно 3632 руб. консульского налога к ныне уплачиваемому в размере 3256 руб. ... [Между тем] из 7945 чел. [судовых] команд, посетивших Константинополь в прошлом году, только 10 тяжело больных пользовались [медицинской помощью] во французском госпитале, за что уплачено 262 руб.

Таким образом [выше упомянутое] Общество, будучи лишено возможности упразднить свои капитальные средства (имея на каждом пароходе помощника лекаря, а в Константинополе доктора) и затрачивая этот капитал на их содержание, в то же время было бы обязано платить 3632 р. на предмет, который прежде обходился в 300 руб.»<sup>7</sup>.

Опираясь на вышеприведенные расчеты, а более руководствуясь жестким стремлением к строгой экономии (скупных после Крымской

<sup>6</sup> АВПРИ. Ф. Турецкий стол. Оп. 502-а, 1869. Д. 1548. Л. 10.

<sup>7</sup> Там же. Л. 14–15.

войны) казенных средств, министр финансов сформулировал свое решение следующим образом:

«...не отвергая пользы учреждения госпиталя в Константинополе, я тем не менее ввиду изложенных выше обстоятельств признавал бы более осторожным отложить приведение в исполнение мысли генерал-адъютанта Игнатьева до более благоприятного времени, когда представится возможность устроить это настоящее дело без обременения нашей торговли и без особых расходов казны»<sup>8</sup>.

О том, как Н. П. Игнатьеву все-таки удалось решить вопрос с открытием русской больницы в столице Османской империи (в 1875 г. — А. Х.), рассказала популярная в Петербурге газета «Новое время», которая 13/25 января 1886 г. дала следующую информацию, более напоминающую собою рассказ очевидца:

«В Константинополе есть русская больница во имя Св. Николая Чудотворца. “Journal des Debats”, поместив ряд очерков о больницах различных наций в столице Турции, сообщает о русской следующее: “Почин её учреждения принадлежит бывшему послу ... графу [Н. П.] Игнатьеву... В Крымскую войну один российский армянин, живший в Константинополе, служил поставщиком для турецкой армии. По окончании войны [турецкое] правительство денег [за его услуги] ему не уплатило. При содействии Игнатьева армянин получил свой долг, но ему было поставлено условие — внести часть следуемой суммы на устройство больницы... В предместье Панкальди была приобретена по подписке земля, и с помощью 50 тыс. руб., полученных от бывшего поставщика, устроена больница. [Она] находится в 3-х этажном каменном здании с пятью окнами на фасаде; расположена на открытой местности с садом и деревянным флигелем для помещения больных в летнее время. Впоследствии Александр II повелел выдать 150 тыс. руб. в качестве основного капитала, а частное лицо пожертвовало белье на 40 кроватей. Кроме процентов с основного капитала расходы по содержанию больницы покрываются трех-копеечным сбором с каждого ластва, взимаемым с приходящих в Константинополь русских судов”.

Больница Св. Николая имеет пять палат, в которых помещаются от 3-х до 12 кроватей, и шесть отдельных комнат — платных (по 5 франков в день). Больничное здание снабжено ... печами и ванными (а также двойными оконными рамами. — А. Х.).

Служебный персонал состоит из главного врача, [палатного] врача... с жалованием 150 руб. в месяц и шести сестер милосердия. Врачебная консультация и выдача лекарств [осуществляются] бесплатно. Больницу в течение года посещает до 1 тыс. чел.; число больных доходит до 300 в год»<sup>9</sup>.

<sup>8</sup> АВПРИ. Ф. Турецкий стол. Оп. 502-а, 1869. Д. 1548. Л. 17.

<sup>9</sup> О разрешении царя относительно добровольного сбора средств путем повсеместной в России подписки на устройство русского госпиталя в Константинополе сообщила 19 февраля 1870 г. газета «Новое время», которая 21 февраля этого года поместила на своих страницах

Более подробные сведения о русской больнице в Константинополе даны в объяснительной записке к ее отчету за 1881 год, помещенном в «Правительственном вестнике» (в номере 142-м 1882 г.). Из этой записки, составленной группой из шести лиц, включая доктора Каракановского и сотрудника российского посольства Чахотина<sup>10</sup>, приведем ниже наиболее интересные данные, в том числе касающиеся истории указанной больницы: «При самом открытии госпиталя, т.е. в 1875 г. весь наличный капитал был помещен следующим образом: 10 тыс. ф. ст. в турецких государственных бумагах “Bons du Tresor Ottoman”, наиболее выгодных из всех бумажных ценностей, и 4 тыс. турецких лир — под залог недвижимой собственности — дома г-на Бордеано, преждего издателя газеты “La Turquie”, причем обе помещенные суммы должны были приносить 12%. Но объявленное турецким правительством в конце того же 1875 г. прекращение платежей лишило больницу не только %, но и капитала. Лишь по истечении 5 лет стал возвращаться частями утраченный было капитал благодаря стараниям Имп. Посольства перед Портою, во исполнение параграфа 5 Константинопольского договора 1879 г., выговаривающего уплату

---

соответствующую информацию по этому поводу из «Правительственного вестника», официально российского правительства.

После окончания Всероссийской подписки в пользу русской больницы в Константинополе, денежные пожертвования в ее адрес продолжали поступать. Это видно из сообщения российского посланника А. И. Нелидова о получении из Азиатского департамента МИД денег (в сумме 2 руб. 46 коп.), собранных духовенством г. Углича. См.: АВПРИ. Ф. Турецкий стол. Оп. 502/1, 1890. Д. 1575. Л. 159.

<sup>10</sup> Чахотин Степан Иванович — российский дипломат и востоковед. Родился 28 октября 1857 г. в деревне Суворово Костромского уезда, в семье крестьянина, ставшего купцом. Среднее образование получил в немецкой гимназии Св. Петра в С.-Петербурге, затем окончил в мае 1876 г. факультет восточных языков С.-Петербургского университета (с золотой медалью за сочинение о турецкой литературе). В сентябре 1880 г. его приняли на службу в МИД, где до 23 декабря этого года он числился в учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте. Для дальнейшего совершенствования в восточных языках был послан студентом при российском посольстве в Константинополе. До 13 августа 1883 г. он выполнял там обязанности второго драгомана Генерального консульства, а затем его направили секретарем и драгоманом в консульство в Иерусалиме. После возвращения оттуда в Константинополь и службы в качестве первого драгомана российского Генерального консульства 19 сентября 1889 г. его назначили управляющим Агентства МИД в Одессе с последующим переводом в августе 1895 г. консулом в Сербию (в Ниши).

После путешествия в 1882 г. по берегу Мраморного моря до Дарданелл с целью ознакомления с топографией местности и экономическим положением местного населения он посетил Афон. До 1886 г. им были переведены на русский язык более 200 фирманов и других турецких документов, принадлежавших русскому Свято-Пантелеймоновскому монастырю на Афоне. Это дало ему возможность активно сотрудничать с редакцией газеты «Новое время», в которой публиковались его статьи под псевдонимом «Стамбулец». Среди последних укажем, для примера, такие как: «Русское кладбище в Сан-Стефано» (6 января 1887 г.), «Попытка сатиры в современной турецкой печати» (26 ноября 1887 г.), «Москов-таш, или русский памятник на Босфоре» (29 июня 1890 г.) и др. Из статей С. И. Чахотина, опубликованных в иллюстрированном журнале «Нива», интересны «Мусульманское кладбище в Скутари и Эйюбе» (1892 г.), «Мечеть Сулеймана в Стамбуле» (1893 г.) и др. Для исследователей русско-турецких отношений может представлять интерес (особенно для историков Украины) статья о набегах казаков на Босфор (по турецким источникам), опубликованная в 1894 г. в журнале «Исторический вестник». Не менее интересен перевод С. И. Чахотина турецкой повести «Свадьба», опубликованной в 1895 г. в журнале «Север». Любителей русской поэзии могут заинтересовать стихи русского дипломата-востоковеда, включенные в сборник «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам», вышедший в Москве в 1897 г. См.: Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 118. Оп. 1, ед. хр. 630.

больнице Портою 11 200 ф. ст. Так, в 1880 г. были удержаны и переданы больнице 9203 руб. кредитными билетами, следующие турецкому правительству за палатки, по размене составившие 1073½ турецких лир, которые были израсходованы на приобретение 5-ти облигаций российского 5% процентного займа 1871 г. и на уплату долгов больницы.

Затем в истекшем 1881 г. было получено с турецкого правительства через Управление Оттоманских почт и телеграфа 2 тыс. турецких лир. Строитель больницы г-н Шабуров, задолжавший ей в 1875 г. 1000 турецких лир, не смог в истекшем году уплатить всего долга, а внес лишь 50 турецких лир в счет нарощих на должную сумму процентов, обещая при первой возможности уплатить весь долг.

Расположенный на возвышенности, в здоровой в климатическом отношении местности Нишанташ (предместье Перы), госпиталь не обладает, однако, всею окружною площадью: три земельных участка, принадлежащие частным владельцам, вдаются с восточной и западной сторон клиньями в землю больницы...

Вступив в мае ... истекшего года в управление делами больницы, настоящий Комитет (при Имп. Посольстве. — А. Х.) прежде всего осознал необходимость приобретения вышеупомянутых трех участков. Но при отсутствии свободных капиталов, ему надолго бы пришлось отложить осуществление своих планов, если бы не явились на выручку старцы русского Андреевского на Афоне монастыря с их настоятелем архимандритом Феодоритом во главе, добровольно предложившие 260 турецких лир 80 пиастров на покупку одного участка и 250 турецких лир на приобретение другого, всего 510 турецких лир 80 пиастров»<sup>11</sup>.

Чтобы представить характер и итоги работы медицинского персонала в русской больнице, достаточно обратиться к ее отчету за 1881 год, из которого видно, что в течение этого года на излечении в ней находился 301 чел., причем процент смертности был 0,08, а выздоровления — 0,85. По своему национальному составу большая часть больных состояла из славян (235 чел.), среди которых преобладали русские (108 чел.). Поэтому составители отчета не случайно подчеркивали: «Николаевская больница вполне оправдывает цель своего первоначального учреждения — служить для оказания помощи заболевшим на чужбине нашим соотечественникам и соплеменникам»<sup>12</sup>.

Кроме больных, лечившихся в самом здании больницы (из них лечились бесплатно 18 чел., оставшихся в больнице с 1880 г., а также поступившие сюда в течение 1881 г., т.е. 264 чел.), бесплатной помощью медперсонала пользовались 304 приходящих больных, которые после

<sup>11</sup> АВПРИ. Ф. Турецкий стол. Оп. 502/1, 1890. Д. 1575. Л. 5–6 (Записку подписали: Мария Новикова, Луиза Ону, Мария Иванова, А. Е. Лаговский, д-р В. К. Каракановский и С. И. Чахотин).

<sup>12</sup> Там же. Л. 8–9.



приема у врачей бесплатно получали лекарства. «Как в приеме больных, так и в снабжении приходящих лекарствами, больница, — указывали составители отчета, — не руководствовалась узко-племенными или религиозными целями. Напротив, всякий, стучавшийся в ее дверь в расчете на помощь, был ли он армянин или русский, христианин, мусульманин или еврей, принимался с одинаковым радушием и готовностью ему помочь». Из больных, лежавших в больнице в 1881 г., получили медицинскую помощь 30 греков, 13 армян, 3 еврея и 3 мусульманина, а из ее посетителей — 4 грека, 108 армян, 15 турок и 8 евреев. Наибольшее количество больных армян среди посетителей больницы объяснялось тем, что она находилась в жилом квартале, где преобладало армянское население<sup>13</sup>.

Успешной работе русских врачей отчасти благоприятствовал тот факт, что российским дипломатам удалось добиться от турецких властей для них профессионального уравнивания в правах с врачами-иностранцами. О решении этой проблемы позволяет судить донесение посланника А. И. Нелидова, отправленное из Константинополя 22 января 1889 г. директору Азиатского департамента И. А. Зиновьеву. Вот что он писал по этому поводу:

«Разница в терминологии ученых степеней, присуждаемых русскими и иностранными университетами лицам, оканчивающим курс медицинских наук, не раз подавала в Турции повод к недоразумениям. Турецкое правительство иногда отказывало в признании за лицами, удостоенных нашими высшими учебными заведениями, звания “лекарь”, равных прав с лицами, получившими звание “доктор” в европейских и американских университетах.

Я счел уместным воспользоваться сообщением мне Портою своих постановлений относительно иностранных врачей, чтобы выяснить раз и навсегда вопрос о вышеупомянутом значении термина “лекарь”. В ответ на мое представление Порты ныне отвечала нотою от 8/20 текущего января, признающей полное равенство прав в пределах Турецкой империи лиц, удостоенных нашими высшими учебными заведениями звания “лекарь”, и лиц, получивших звание “доктор” в других государствах»<sup>14</sup>.

<sup>13</sup> АВПРИ. Ф. Турецкий стол. Оп. 502/1, 1890. Д. 1575. Л. 9.

<sup>14</sup> АВПРИ. Ф. Турецкий стол. Оп. 502/1, 1889. Д. 1583. Л. 2–3.

Нелидов Александр Иванович (1835–1910) — известный российский дипломат, родом из дворян. Родился 11 июня 1835 г. в семье директора училищ Бессарабской губернии Ивана Александровича Нелидова (1799–1853) в с. Дубровка Поречского уезда Смоленской губернии. Среднее образование будущий дипломат получил в Кишиневской гимназии, а высшее — в Петербургском университете (на факультетах: юридическом и восточных языков). Окончил университет, как и гимназию, с золотой медалью. В ноябре 1855 г. его приняли на службу в Азиатский департамент МИД. Сначала работал в российских миссиях в Греции (с 1856 г.), Баварии (с 1861 г.) и Австро-Венгрии (с 1869 г.). Перед русско-турецкой войной 1877–1878 гг. он в качестве советника посольства в Константинополе прибыл в Бухарест, где в результате переговоров с премьер-министром Румынии заключил конвенцию, разрешавшую проход русских войск через румынскую территорию в случае войны с Турцией. Во время русско-турецкой войны его назначили начальником канцелярии при главнокомандующем действующей армии (вел. князе Николае Николаевиче Романове-старшем), поэтому ему приходилось участвовать во всех передвижениях русских войск и ее Главной квартиры. После переговоров с турецкими уполномоченными в Казанлыке и Адрианопле он составил Проект предварительного соглашения отно-

Согласно решению общего собрания сотрудников русской больницы, состоявшегося 4 февраля 1889 г., должность старшего врача до августа 1890 г. занимал В. К. Каракановский, состоявший в штате русского посольства в Константинополе. Его сменил В. П. Щепотьев, ранее бывший ординатором Госпитальной терапевтической клиники Московского университета. В ноябре 1890 г. он был командирован в Берлин для ознакомления с новым методом лечения туберкулеза. Во время командировки В. П. Щепотьев приобрел все необходимое для устройства при Николаевской больнице небольшой химической и бактериологической лаборатории, с вводом в действие которой расширились возможности для производства различного рода клинических исследований<sup>15</sup>.

В декабре 1890 г. обновился младший медперсонал больницы: вместо четырех уехавших в Россию сестер милосердия прибыло шесть новых медсестер.

С декабря 1890 г. здесь в порядке опыта был введен новый порядок амбулаторного приема больных, предусматривавший бесплатную выдачу лекарств только наиболее бедным посетителям. С учетом огромного числа приходящих больных (более 11 тыс. посещений в год при четырех приемных днях для медперсонала) и обременительных для больницы расходов, связанных с выдачей лекарств бесплатно, ее руководство решило установить такой порядок: не назначая никакой платы за врачебные советы, ни — за лекарства, «выдавать даровые лекарства только бедным больным — по усмотрению врачей амбулатории или по представлению больными удостоверений о их бедности от какого-либо учреждения»<sup>16</sup>. Больным же со средним достатком либо состоятельным людям предлагалось приобретать лекарства у владельцев частных аптек. Помимо новой системы выдачи лекарств был установлен для врачей предельный вечерний час для приема приходящих больных; до его наступления больные пользовались правом быть принятыми врачом в день своего обращения за помощью.

Другим новшеством в работе больницы стало введение с 20 августа 1890 г. статистических карточек для регистрации стационарных больных, в которые заносились их имена, пол, возраст, род занятий, национальность, вероисповедание и болезни, а также день поступления в больницу. При выписке из нее в этой карточке следовало указать, в каком состоя-

---

сительно условий мира с Турцией. В 1878 г. ему вместе с Н. П. Игнатьевым удалось заключить договор в Сан-Стефано, затем он участвовал с работе Берлинского конгресса 1878 г.

В 1879–1882 гг. А. И. Нелидов был российским посланником в Саксонии и в герцогстве Саксен-Альтенбург, а затем снова являлся послом в Турции с 1883 по 1897 г., когда его перевели на такой же пост в Италию, где он провел более пяти лет. Дальнейшая его дипломатическая деятельность проходила во Франции (с 1904 г. до конца жизни). Он скончался в Париже 5 сентября 1910 г. после тяжелой болезни на 55 году верного служения России на дипломатическом поприще, которая была удостоена многих наград и высших орденов (до Св. Владимира I степени включительно). От брака с Ольгой Дмитриевной Хилковой, дочерью д. ст. сов. князя Д. А. Хилкова, у него осталось трое сыновей: Дмитрий (1863 г. рожд.), Иван (1865 г.) и Владимир (1869 г.).

См.: Федорченко. Императорский дом. Выдающиеся сановники. Т. II. Красноярск–Москва, 2003, с. 114.

<sup>15</sup> АВПРИ. Ф. Турецкий стол. Оп. 502/1, 1890. Д. 1575. Л. 59, 70.

<sup>16</sup> Там же. Л. 71.

нии он оставил больницу: вполне выздоровевшим, с улучшением или без улучшения общего состояния здоровья. Подобная регистрация больных значительно облегчала врачам составление отчета о работе больницы в течение года<sup>17</sup>.

Административной и хозяйственной деятельностью русской больницы (Николаевской, как ее иногда называли в годовых отчетах) занимался особый комитет, состоящий из врачей, старших медсестер и лиц, связанных личным родством с посланником либо службой в посольстве. Таким образом посольство осуществляло не только контроль над больницей, но и оказывало ей необходимую шефскую помощь. С 1893 г. председателем этого комитета была супруга посланника Ольга Дмитриевна Нелидова, сложившая свои полномочия по делам больницы в 1897 г. в связи с приездом жены нового посланника в Турцию И. А. Зиновьева, бывшего директора Азиатского департамента МИД<sup>18</sup>. Обязанности секретаря больничного комитета после отъезда С. Н. Свербева в Россию в сентябре 1893 г. принял на себя энергичный князь Н. А. Кудашев<sup>19</sup>, написавший 2 марта 1898 г. отчет об успешной работе больницы за 1897 г. Общими делами ее комитета в 1897 г. занимался А. Е. Лаговский, а работой младшего медицинского персонала — Н. Э. Успенская<sup>20</sup>. К сожалению, этот год был омрачен первой утратой в сестринском составе больницы. В июле скончалась от чахотки Мария Иванова. Ее сменила приехавшая

<sup>17</sup> АВПРИ. Ф. Турецкий стол. Оп. 502/1, 1890. Д. 1575.

<sup>18</sup> Там же. Л. 142.

<sup>19</sup> См.: АВПРИ. ф. ДЛС и ХД. Оп. 464 (формулярные списки). Д. 1882-а.

Кудашев Николай Александрович (1868–1921) — российский дипломат, родом из дворян, выпускник С.-Петербургского университета. После службы в посольстве в Константинополе (с 1893 г.), где он в последующие годы занимал должность 2-го секретаря (в чине надворного советника), Н. А. Кудашев 1/14 ноября 1901 г. прибыл в Токио первым секретарем российского посольства. В 1905 г. его вновь направили в Константинополь (помощником первого секретаря посольства), но уже в следующем году он занял место первого секретаря российского посольства в Вашингтоне. В 1908 г. его в третий раз послали в Константинополь в качестве второго секретаря российского посольства. 14 января 1912 г. выходящая во Владивостоке газета «Далекая окраина» сообщила о приезде в Петербург князя Кудашева, назначенного советником российского посольства в Вене вместо В. Крупенского, получившего назначение на пост посланника в Пекине. В начале Первой мировой войны Н. А. Кудашев служил начальником дипломатической канцелярии Верховного главнокомандующего России. 14/27 апреля 1916 г. газета «Петроградские ведомости» сообщила «о недавнем приезде» (на днях) в Петроград князя Кудашева, причем через пять дней та же газета дала о нем следующую информацию: «16 апреля с.г. царю представлялись российский посол в Токио, в звании камергера Высочайшего двора, д.с.с. Крупенский и российский посланник в Пекине, в звании камергера Высочайшего двора, д.с.с. князь Кудашев». О проезде последнего через Харбин к месту нового назначения в Пекин сообщила газета «Дальняя окраина» 5 мая 1916 г. О приезде Н. А. Кудашева 15/28 мая в китайскую столицу газета «Новое время» дала знать, ссылаясь на телеграмму, полученную 14 мая от собственного корреспондента из Пекина.

В Пекине Н. А. Кудашев оставался главой российской дипломатической миссии до конца 1920 г., когда указом президента Китайской Республики Суй Ши-чана были официально закрыты все бывшие дипломатические представительства царской России. Оставив Пекин в январе 1921 г. (см.: АВПРИ. Ф. 324. Д. 49, ч. 2. Л. 83), российский дипломат уехал в Америку, где скончался в декабре того же года. О кончине Н. А. Кудашева сообщила 9 декабря 1921 г. харбинская газета «Новости жизни», приглашая россиян от имени Правления Общества КВЖД и харбинского отделения Русско-Азиатского Банка на панихиду в Свято-Николаевском соборе, назначенную на 1 час текущего дня. См.: АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 464 (формулярные списки). Д. 1882-а.

<sup>20</sup> АВПРИ. Ф. Турецкий стол. Оп. 502/1. Д. 1575. Л. 140.

сюда Наталия Синякова, командированная в Турцию Покровской общиной сестер милосердия в Петербурге<sup>21</sup>.

Привычный деловой ритм активной жизни больницы нередко нарушался в силу случайных обстоятельств, связанных чаще всего с текущим ремонтом зданий на ее территории. Как видно из отчета больницы за 1890 г., в этом году здание бывшей покойницей было разобрано и построено новое здание, хотя вполне не была окончена отделка часовни, необходимой для отпевания покойников, а также для отдельной комнаты, предназначенной для вскрытия трупов<sup>22</sup>. Из-за ремонта, продолжавшегося в течение двух месяцев, больница могла содержать лишь половину нуждающихся в срочной медпомощи, а именно 258 мужчин и 21 женщину. Согласно отчету за 1890 г. в отдельных палатах за плату находилось 9 чел., в общих палатах (также за плату) — 4 чел., а остальные 266 чел. лечились бесплатно. По национальному составу больные распределялись следующим образом: русских — 71 чел., черногорцев — 98, болгар — 70, греков — 16, армян — 15, албанцев — 2, турок — 2, итальянцев — 1, евреев — 1<sup>23</sup>.

По роду профессиональных занятий среди больных было 70 чернорабочих, 42 матроса, 46 торговцев и мастеровых, 36 садовников и огородников, 22 человека прислуги, 21 человек из интеллигенции, 18 монахов и послушников и 16 паломников. Приходящих больных в 1890 г. насчитывалось 11 288 чел. (на 2688 чел. больше, чем в 1889 г.). Число рецептов, по которым больным были выданы бесплатно лекарства, равнялось 10 869<sup>24</sup>.

В последующие 90-е годы русская больница в Константинополе продолжала успешно функционировать, в чем убеждают приводимые ниже выборочные данные за 1893 и 1897 гг. Так, с 1 января 1893 г. по 1 января 1894 г., когда с октября этого года секретарем больничного комитета при российском посольстве стал князь Н. А. Кудашев, в больнице находились на излечении 433 чел., что было на 79 чел. больше, чем в 1892 г., и на 121 чел. больше, чем в 1891 г. Из общего числа больных обоего пола (443) мужчин насчитывалось 389, а женщин — 44. Платных больных было 14, а лечившихся бесплатно 418. Приходящих больных только у д-ра Л. И. Игнатовича (принимавшего пациентов 3 раза в неделю) насчитывалось 7385 чел., в том числе мужчин 3496 и женщин 3889. На приеме у другого врача Плескова (принимавшего больных раз в неделю) побывало, только по официальным данным, 494 чел., в том числе 396 мужчин и 98 женщин. Всего же приходящих больных в течение 1893 г. было 8864 чел., в том числе мужчин 4449 и женщин 4415<sup>25</sup>.

<sup>21</sup> Там же, с. 142.

<sup>22</sup> Как явствует из отчета больницы за 1890 г., ей предстояло в следующем году рассчитаться за постройку покойницей и прачечной с архитектором Валори, который в 1890 г. поправил купол больничной церкви. См.: АВПРИ. Ф. Турецкий стол. Оп. 502/1, 1890. Д. 1575. Л. 94.

<sup>23</sup> Из первых 76 черногорцев 32 чел. были присланы в больницу Поверенным в делах Черногории Бакичем. Из 88 болгар, прибывших в русскую больницу в Константинополе, лишь 30 чел. представили свидетельства о бедности, за подписью священника болгарской церкви Св. Стефана, и 8 чел. — от болгарского экзархата. См.: Там же. Д. 1575. Л. 96.

<sup>24</sup> Там же. Л. 69.

<sup>25</sup> Там же. Л. 129.

Столь же успешно и неустанно работали русские медики в 1897 г., когда в Николаевской больнице находились на излечении 368 больных, что на 23 чел. больше, чем в 1896 г. Из них мужчин было 347 чел., а женщин — 21<sup>26</sup>.

Особенно напряженно и самоотверженно трудились русские врачи в Турции в годы борьбы с различного рода эпидемиями (чумой, холерой и другими заболеваниями), нередко посещавшими эту страну. Когда в начале 80-х гг. XIX в. в Египте вспыхнула мощная по своим масштабам эпидемия холеры и создалась угроза ее распространения на Турцию, Российское Общество Красного Креста 9 августа 1883 г. обратилось в МИД с письмом, в котором заявило о своей готовности оказать помощь населению Османской империи. В этом письме, в частности, говорилось:

«Русское Посольство в Константинополе устраивает лазарет на 20 кроватей на случай появления холеры ...Несмотря на то, что в мирное время Общество не имеет в своем распоряжении ни медиков, ни санитаров и в то же время не может ассигновать из своих сумм на содержание и проезд медицинского персонала, так как пособие по случаю общественных бедствий по уставу Общества не входит в его задачи, Главное Управление (РОКК) тем не менее не желало бы оставаться безучастным к такому гуманному делу и распорядилось предоставлением по первому требованию посла Нелидова в его полное распоряжение комплекта госпитальных принадлежностей на лазарет в 20 кроватей».

Сообщая об этом в Министерство иностранных дел, Главное управление позволяет себе обратиться в свою очередь к Министерству — не признает ли оно возможным со своей стороны оказать какое-либо содействие Послу Нелидову, исходатайствовав доставление ему медицинского персонала, всегда имеющегося в распоряжении как Военного Министерства, так и Министерства внутренних дел»<sup>27</sup>.

В связи с ослаблением холерной эпидемии в Египте и снижением вероятности проникновения ее в Турцию вопрос о возможной помощи российских медиков населению этой страны потерял остроту. Это видно из цитируемого ниже донесения Нелидова от 5 сентября 1883 г., отправленного в Петербург директору Азиатского департамента И. А. Зиновьеву:

«Ввиду ... значительного ослабления в последнее время холерной эпидемии в Египте, с учетом того, что опасность, угрожавшая самому Константинополю, также почти миновала, я пока не намерен давать дальнейшего хода предполагавшемуся устройству госпиталя, но предоставляю себе [возможность] обратиться через посредство Вашего Превосходительства с просьбой касательно приема медицинского персонала в МВД и Военном [Министерстве] при первой же потребности, если опасность [появления холеры] снова станет

<sup>26</sup> АВПРИ. Ф. Турецкий стол. Оп. 502/1, 1890. Д. 1575. Л. 149.

<sup>27</sup> АВПРИ. Ф. Турецкий стол. Оп. 502/1, 1883. Д. 1582. Л. 1.

угрожать Константинополю, т.е. если в Египте по окончании зимы эпидемия вновь появится, как вообще многие того опасаются»<sup>28</sup>.

После получения дипломатической почты из Константинополя Министерство иностранных дел 29 сентября 1883 г. направило в Главное управление РОКК следующее сообщение: «Ввиду ослабления холерной эпидемии в Египте и миновавшей для Константинополя опасности ее занесения, Посольство наше не намерено ныне приступать к осуществлению своего предположения [относительно устройства временного госпиталя]»<sup>29</sup>.

Идея организации в Турции русского полевого госпиталя для борьбы с надвигающейся угрозой занесения на ее территорию холеры, выдвинутая Нелидовым в 1883 г., была реализована Россией во время греко-турецкой войны в 1897 г., когда великий князь Сергей Александрович Романов решил отправить санитарный отряд Иверской общины из 20 чел., снаряженный великой княгиней Елизаветой Федоровной (покровительницей РОКК), на театр военных действий в Турцию. Начальником отряда был назначен В. Ф. Джунковский. В помещении Иверской общины, где был отслужен напутственный молебен, Елизавета Федоровна лично благословила каждого из отъезжавших в Турцию образком Иверской Божией матери, пожелав сестрам милосердия и их спутникам счастливого пути и благополучного возвращения на родину.

Во Фарсале, куда 5 мая прибыл этот отряд, был устроен временный (полевой) госпиталь. Медицинское снаряжение экспедиции (включая вещи сестер и врачей) прибыло с опозданием лишь к полудню следующего дня, когда уже стали поступать раненые турки после боя под Домокосом. К концу дня их было более 300 чел. С помощью перевязочных средств, взятых в долг у французских медиков, россияне — врачи с медсестрами — стали в трех комнатах дома делать операции, что продолжалось почти непрерывно в течение трех дней. На третий день, когда госпиталь был практически обустроен, над ним взвился флаг Красного Креста вместе с трехцветным российским.

Во второй половине мая, когда новые партии раненых турок перестали поступать, а прежде прибывшие после операций пошли на поправку, родилась мысль об их эвакуации в Лариссу. При прощании с русскими медиками некоторые раненые турки, вновь увидевшие мир, дарованный россиянами, не скрывая слез от счастья, целовали руки медсестер в знак благодарности за их чуткость и душевное внимание, восхищаясь их терпеливым уходом за тяжелоранеными. После массовой эвакуации больных турок в другое место 29 мая в госпитале осталось 7 человек. Это дало повод российскому посланнику в Константинополе отправить телеграмму об окончании работы врачей и поставить вопрос о времени их возвращения на родину. Когда же султану доложили о прибытии русского санитарного отряда в Стамбул, он выразил желание оставить его на некоторое время в ближайшем от турецкой столицы пункте. По его рас-

<sup>28</sup> Там же. Л. 4–5.

<sup>29</sup> АВПРИ. Ф. Турецкий стол. Оп. 502/1, 1883. Д. 1582. Л. 6–7.

поряжению врачей и сестер разместили в дворцовом здании Бешикташа, который оказался с большими удобствами, нежели в Фарсале. Местом их нелегкой работы с ранеными стал барак (на 100 кроватей), расположенный в местечке Ильдизе, в 15 минутах езды от Бешикташа. Уже во время первого медицинского осмотра раненых и их перевязки выяснилось, что некоторые из них ранее проходили лечение в Фарсале. Поэтому неудивительно, что они так радостно и тепло приветствовали русских медиков, однажды поставивших их на ноги и подаривших им жизнь.

Несмотря на приличные бытовые условия и благожелательное отношение коренного населения, многие сестры и врачи из-за тесных контактов с местными больными нередко сами становились жертвами разного рода недугов, причем среди заболевших оказался и сам В. Ф. Джунковский. Только в июле 1897 г. российский санитарный отряд из Константинополя вернулся на родину<sup>30</sup>.

Следует отметить, что одновременно с санитарным отрядом россиян, посланным в Турцию, другой отряд с аналогичной миссией отправился из России на территорию Греции, что объяснялось желанием России примирить враждующие стороны путем переговоров при посредстве российских дипломатов. Не случайно газета «С.-Петербургские ведомости» 6/18 июля 1897 г. писала по этому поводу: «Россия намерена добиться умиротворения Востока приблизительно следующим путем: скорейшим заключением мира между Турцией и Грецией, окончательным решением критского вопроса и проведением внутренних реформ в Османской империи».

Несмотря на очевидные успехи в деятельности русской больницы в Константинополе по оказанию помощи многонациональному населению Османской империи на рубеже XIX–XX вв., с началом Первой мировой войны ее медперсонал столкнулся с серьезными трудностями. Они лишились его моральной и практической поддержки со стороны ведущих российских дипломатов, выехавших из Турции в Россию. Через неделю после их отъезда из Константинополя турки взорвали усыпальницу русских воинов в Сан-Стефано. Она представляла собой храм в виде большой часовни, в нижней части которой были захоронены собранные в ближайших местах останки русских солдат и офицеров, погибших в бою либо умерших от ран во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Как отмечалось в справке, составленной россиянами в апреле 1919 г. в Стамбуле, уничтожение этого памятника было осуществлено не безумствующей толпой, а военными-специалистами, заложившими взрывчатые заряды в нарочно проделанные гнезда. Несколько моментов взрыва были запечатлены на фотографиях, которые потом распространялись в виде почтовых открыток. Что касается русской больницы, в той же справке об ущербе, нанесенном российским зданиям и учреждениям Константинополя в период войны, об этом мирном объекте дана следующая информация: «Больница и церковь Св. Николая, в квартале Нишанташ. Больница рассчитана на 50 кроватей... Кроме главного здания, она имеет три отдельных флигеля и большой сад. В одной ограде с нею — небольшой храм, построенный одновременно с больницей и содержащийся

<sup>30</sup> Постернак А. В. Очерки по истории общин милосердия. М., 2001, с. 142–143.



на ее средства... Кроме земли, на которой расположена больница, ей принадлежит еще небольшой участок земли на окраине города, и участок земли на острове Принкино (на Мраморном море) — оба не приносящие дохода».

В той же справке о Генеральном консульстве в Пере сказано, что его главное здание «по всему фасаду было самовольно срезано турками на половину вглубь для уширения улицы, немедленно после выезда из Константинополя [сотрудников] Посольства и Генерального консульства с началом войны»<sup>31</sup>.

В условиях поражения Турции в Первой мировой войне и с появлением в Константинополе войск Антанты в городе возник хаос, лишь усиливший криминогенную обстановку. С этим столкнулись и россияне, как ранее работавшие здесь, так и вновь прибывшие из России в качестве беженцев. О критической ситуации в Турции писал Б. С. Серафимов в Рим М. Н. Гирсу из Перы 2 апреля (по новому стилю) 1919 г.:

«Как я уже имел честь сообщить Вам в предыдущем письме, при занятии французами нашего Посольства в Пере, вся обстановка, казенная и частная, была снесена в три комнаты, запечатанные нашими печатями. На месте оставлено только несколько шкапов и столов, коим составлена опись. Не сдвинуты также с места дорогие деревянные карнизы и китайские арки. Надеюсь, что народу будет ... немного, так как в комнатах Посольства устроены только бюро, и французы постоянно убеждают меня, что всё будет в порядке. Тем не менее мебельмейстер Семюхин ежедневно проходит по Посольству, следя за целостью вещей... Недавно в буфетной комнате одна из печатей оказалась снятой и из шкапа вынута 24 чашки казенного чайного сервиза, чему немедленно составлен протокол... Недели три тому назад я побывал вместе с генералом Франше д'Эсперей в нашем Посольстве в Буюкдере, где с сожалением констатировал, что там несомненно производилась кража вещей... Квартиры секретарей, в особенности Фонвизина, по-видимому, были опустошены. Поэтому при приеме посольства у голландцев я поручу Гвоздинскому и Семюхину произвести опись имущества, там находящегося. То же придется сделать и в отношении Генерального консульства, где кражи не прекращаются и поныне...

В нашем положении в Константинополе наступил такой момент, когда нам нужно или пойти навстречу требованиям жизни и приступить к восстановлению [прежней] нашей деятельности, или окончательно уйти. *Россия здесь чувствуется больше, чем когда-либо со всеми ее военными, политическими, экономическими и финансовыми нуждами.* Сосредоточение здесь главного командования, как французского, так и английского, еще [более] усугубляет значение Константинополя как ближайшего к нам крупного центра [и] требует [нашей] серьезной работы... *От прежнего положения остались*

<sup>31</sup> АВПРИ. Ф. Посольство в Риме. Оп. 525, 1911–1922. Д. 2544. Л. 122.

*лишь обломки, но эти обломки слишком дороги нам, чтобы бросать их на произвол судьбы»<sup>32</sup>.*

Среди этих «обломков», дорогих сердцу россиян и местным жителям, была указана и больница Св. Николая Чудотворца, персоналу которой пришлось работать с удвоенной энергией для оказания медицинской помощи огромному наплыву беженцев из России, которых, по официальным данным российского консульства в Константинополе, после ухода отсюда в конце 1920 г. пароходов с войсками барона Врангеля (ранее оставивших Крым) в Лемнос и Галлиполи — осталось около 8 тыс. человек<sup>33</sup>. Между тем выходившая в Берлине газета «Голос России» 5 апреля 1921 г. сообщала о том, что 80 тыс. бездомных и безработных [русских] беспомощно бродят по улицам Константинополя. Такое мнение берлинской газеты кажется вполне вероятным, так как «по подсчетам некоторых исследователей, к концу 1920 г. в Константинополе оказалось около 500 тыс. русских эмигрантов, которые устремились вслед за армией Врангеля в столицу Турции»<sup>34</sup>.

Оказавшись в силу разных причин и обстоятельств среди русских эмигрантов не только в Турции, но и в других странах мира, российские медики, несмотря на житейские невзгоды и удары судьбы, самоотверженно продолжали нести свою повседневную вахту помощи людям, попавшим в беду из-за своих телесных недугов и нелегкой жизни на чужбине, постоянно помня о клятве Гиппократата, данной ими в студенческие годы.

---

<sup>32</sup> Там же. Л. 12.

<sup>33</sup> См.: Белое дело. Избранные произведения в 16 книгах. XIII книга. Константинополь–Галлиполи. М., 2003, с. 78.

<sup>34</sup> См.: Командорова Н. И. Русский Стамбул. М., 2009, с. 280. К сожалению, автор не называет исследователей данного вопроса, что обязывает с большой осторожностью пользоваться указанной ею цифрой — 500 тыс. русских эмигрантов в Константинополе.

Д. Д. Васильев (Москва), Г. В. Длужневская (С.-Петербург)

## Города Османской Турции на старинных фотографиях, выполненных российскими учеными

Малоизвестным источником по истории стран Востока второй половины XIX — начала XX в. остаются фотографии, отснятые русскими учеными, офицерами и аристократами, совершившими в этот достаточно длительный период служебные и частные поездки и владевшими навыками искусства фотографии, которое в то время была делом немногих. Одним из крупнейших фотоархивов мира считается Фотоархив Института истории материальной культуры РАН, руководителем которого и одним из авторов настоящей статьи предпринят ряд тематических публикаций фондов архива и источниковедческих исследований этих материалов<sup>1</sup>.

Среди фотографий, отснятых в разных странах мира, имеется множество материалов по Турции (1855 ед.), как по архитектуре, так и этнографии многонационального государства, каким являлась Османская империя. Более 100 фотографий историко-культурных памятников Константинополя, зафиксированных город, начиная с середины XIX века. Круговая панорама Стамбула (10 снимков) и панорама Босфора выполнены в 1880-х гг. фотографами Себа и Жоайе. Коллекция материалов включает снимки внешних и внутренних видов памятников архитектуры, расположенных в разных районах собственно Турции и на территории стран, которые ранее входили в ее состав; множество снимков этнологического характера (жители в национальных одеждах, за традиционными занятиями); фотографии памятников мусульманской архитектуры, экспонатов музеев<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Длужневская Г. В. Из истории формирования фонда фотоархива Института истории материальной культуры РАН. — Археологические вести, № 3. СПб., 1995, с. 298–302; *её же*, Фонд 45. Библиотека Мраморного дворца. Материалы фотоархива Института истории материальной культуры РАН. — «Восточный архив», № 10. М., 2003, с. 86–98; *её же*. Собрание фотодокументов великих князей Константина Николаевича и Константина Константиновича. — Проблемы истории России. Вып. 5. На перекрестках эпох и традиций. Екатеринбург, 2003, с. 407–437; *её же*. Мусульманский мир Российской Империи в старых фотографиях. — Лики России. СПб., 2006.

<sup>2</sup> Васильев Д. Д., Длужневская Г. В., Кырымлы Х. Eski Fotoğraflarda Kırım, «Türk Tarih Kurumu Yayınları», XXXI Dizi, Sa. 9. Ankara, 2006; Длужневская Г. В. L'architecture de l'Empire Ottoman et la Turquie dans les photographies du milieu du XIX-e siècle au début du XX-e siècle: (Par des

Многие фотографии выполнены лично великими князьями или по их поручению офицерами русской армии, находившимися в зарубежных поездках.

Входившие в состав Османской империи территории Балканского полуострова и памятники раннехристианского и византийского искусства начиная с 1900 г. становятся объектами археологических, архитектурных и историко-культурных исследований Русского археологического института в Константинополе (РАИК) и многолетней Македонской экспедиции Российской Императорской Академии наук, работавшей под руководством византиниста академика Н. П. Кондакова, при участии историка П. Н. Милокова, архитектора Покрышкина и других ученых. Полный фонд фотоматериалов этой экспедиции из императорской коллекции также хранится в Фотоархиве ИИМК РАН и частично опубликовался нами ранее<sup>3</sup>.

23 марта 1914 г. великий князь Константин Константинович, бывший президентом Императорской Академии наук, посетил Русский археологический институт в Константинополе. Как объяснял высокому гостю руководитель РАИК академик Ф. И. Успенский, эти памятники (монастыри и церкви XIII–XIV вв.) имеют далеко еще не выясненную связь как с византийским искусством, так и с русскими памятниками XIV–XV вв., они нуждаются в тщательном изучении и издании. Выслушав доклад Ф. И. Успенского, Августейший Президент Императорской Академии наук обратил внимание на особую важность для российской науки изучения археологии христианских памятников и их фотосъемки. Он предложил директору института представить ему по этому предмету записку для императора Николая II, который лично написал положительный ответ на просьбу института, отметив ее скромность<sup>4</sup>.

В архиве имеются фотографии, связанные с деятельностью Русского археологического института в Константинополе. Институт существовал сравнительно короткий период времени, менее 20 лет, но его деятельность была удивительно яркой и плодотворной. Начиная с 1896 г. было издано 15 томов с результатами полевых исследований: археологических, этнографических и географических. В различных районах Османской империи ежегодно работали экспедиции института, преимущественно на Черноморском побережье и на Балканах. В научных собраниях принимали участие коллеги из европейских стран, к научной работе привлекались и отдельные представители османской интеллигенции.

Согласно отчетам, публиковавшимся в трудах института, в результате археологических экспедиций были собраны коллекции древностей, где были представлены находки памятников материальной культуры

---

materiaux des photoarchives de l'Institut de la culture materielle, St. Petersbourg). «Oriental studies in the 20th c.». Vol. I. М., 1997, с. 93–95.

<sup>3</sup> Васильев Д. Д., Длужневская Г. В., Малевинская М. Е. Православные святыни Балкан. — Невский мир — Лики России. СПб., 2004.

<sup>4</sup> Соболев В. С. Августейший президент. Великий князь Константин Константинович во главе Императорской Академии наук 1889–1915 гг. СПб., 1993, с. 57; СПбФА РАН, ф. 1. Оп. 1-а-1914. Д. 161. Л. 89.

древних переднеазиатских цивилизаций, раннехристианской и византийской культур. В собранной библиотеке только по византиноведению насчитывалось 21 тыс. рукописных и печатных единиц<sup>5</sup>.

С началом Первой мировой войны османское правительство запретило деятельность РАИК, коллекции и библиотека были конфискованы и переданы в Оттоманский музей. Именно ответной мерой было изъятие и вывоз в 1916–1917 гг. командированным на Кавказский фронт Ф. И. Успенским, который по-прежнему чувствовал себя директором РАИК, из взятого русскими войсками Трапезунда большого количества рукописных книг. Для сохранения этих, имеющих историко-культурную ценность трофеев в действующую армию были направлены и другие специалисты-востоковеды, о поездке и деятельности которых имеются не только письменные сведения, но и большое количество фотографий, хранящихся ныне в фотоархиве С.-Петербургского Института истории материальной культуры РАН. Часть рукописей была позже передана в Азиатский музей Академии наук.

Следует отметить, что попытки возродить РАИК предпринимались и позже. В 1924 г. Ф. И. Успенский обращался в советские правительственные учреждения с соответствующей инициативой. Это был период, когда между Советской Россией и республиканской Турцией отношения развивались чрезвычайно благоприятно и плодотворно. НКВД начинает переписку с правительством Турции по вопросу об обмене коллекциями и библиотеками, захваченными во время войны обеими странами<sup>6</sup>.

Во время своей командировки в Стамбул В. В. Бартольд имел поручение от А. А. Спицина попытаться найти и осмотреть коллекции, собранные РАИК. Директор музеев дворца Топкапы Халиль-Эдхем, получивший археологическое образование в Германии, согласно отчету В. В. Бартольда о командировке в Турцию, хранящемся в Архиве востоковедов Филиала ИВ РАН в С.-Петербурге, был также сторонником обмена трофейными коллекциями. Он показал В. В. Бартольду, кроме общедоступных, и закрытые для публики в то время фонды, среди которых были и предметы из раскопок, произведенных РАИК. В. В. Бартольдом фиксируются, в частности, предметы из Патели близ Салоник. По просьбе В. В. Бартольда Халиль-Эдхем сделал и передал ему даже некоторые фотографии этих коллекций<sup>7</sup>.

К 1927 г. на правительственном уровне было достигнуто соглашение об обмене трофейными коллекциями и библиотеками. Одновременно в Академии наук обновляется проект устава Русского Археологического Института, для НКВД подготовлены записки о штате и смете этого научного учреждения. Предпринимаются и первые конкретные действия. Например, в декабре 1927 г. РАН направляет в НКВД 4 тюка с пятнадцатью рукописными Коранами, вывезенными в 1916–1917 гг. Ф. И. Успен-

<sup>5</sup> Басаргина Е. Ю. Русский археологический институт в Константинополе. Очерки истории. «ДБ». СПб., 1977, с. 132–137.

<sup>6</sup> Там же, с. 140–145.

<sup>7</sup> Умняков И. И., Туманович Н. Н. Аннотированная библиография трудов и описание архива В. В. Бартольда, 1976, с.226–227.

ским из зоны боевых действий в окрестностях Трапезунда, для отправки этих рукописей по договоренности с ВНСТ в Анкаре в обмен на коллекции и библиотеку РАИК. Известно, что эти рукописи в Турцию дошли и были переданы руководству Оттоманского музея в обмен на часть библиотеки и имущества РАИК. Тем не менее, значительная часть библиотеки и наиболее ценных археологических находок, сделанных во время экспедиций РАИК, возвращены не были. Некоторые книги из библиотеки РАИК были обнаружены одним из авторов статьи в различных научных библиотеках Турции<sup>8</sup>. С середины 30-х гг. начинается ухудшение политических отношений с Турцией, а научные связи почти полностью прекращаются.

Значительная часть турецких фотографий архива ИИМК РАН относится к периоду Первой мировой войны, в первые месяцы которой на общем собрании АН было проведено обсуждение мер по охране памятников, находящихся на территории военных действий. Была создана специальная комиссия, в состав которой вошли, в частности, А. А. Шахматов, А. С. Лаппо-Данилевский, Н. П. Кондаков, Ф. И. Успенский. На Западный фронт и на Кавказский было решено направить членов Академии. С разрешения Верховного главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича первой была осуществлена весьма успешная командировка академика Ф. И. Успенского в район боевых действий на Кавказском фронте, для научного ознакомления с ситуацией<sup>9</sup>.

Затем на занятую русскими войсками территорию на Кавказском фронте для охраны памятников были также командированы академики Н. Я. Марр, И. А. Орбели, приват-доцент Петербургского университета П. А. Фалев, старший хранитель Кавказского музея С. В. Тер-Аветисян, архитекторы-фотографы Бульбенко, Окунев. В сентябре 1916 года на одном из заседаний Академии наук был заслушан и одобрен отчет о деятельности этой группы и выполнении работ по охране находящихся в зоне военных действий исторических памятников, научных коллекций, святынь, книг, рукописей и пр. В ходе поездки на стеклянных негативах были запечатлены многие архитектурные и археологические памятники, находившиеся на территории, занятой русскими войсками<sup>10</sup>.

Одним из проектов, начатых А. С. Тверитиновой в Секторе публикации памятников, стал сбор сведений о хранящихся в библиотеках, музеях, ведомствах СССР рукописей, книг, предметов с текстами на восточных языках, а также сведения о живописных, иллюстративных и кино фотодокументах о странах Востока. Этот проект относился к последнему периоду жизни Анны Степановны и сформировался после того, как она побывала в ряде командировок и обследовала тюрко-османские собрания

<sup>8</sup> Васильев Д., Аверьянов Ю. Из истории Русского Археологического института в Константинополе (1894–1914) (публикация на русском и турецком языках). — Диалог Евразия. 2003. № 9, с. 60–64.

<sup>9</sup> Басаргина Е. Ю. Указ. соч., с. 138–140.

<sup>10</sup> Длужневская Г. В. Архитектурные памятники Османской империи в фотографиях XIX–XX вв. из Научного архива ИИМК РАН. «Basileus» (сборник статей, посвященный 60-летию Д. Д. Васильева). М., 2007, с. 120–131.

рукописей в Киеве, Ереване, Тбилиси. С подобными заданиями были направлены в другие города и некоторые сотрудники Сектора. Собранные сведения составили весьма значительный объем. Систематизация сведений была поручена одному из авторов настоящей статьи. В рукописи был составлен каталог сведений, поступивших из различных библиотек и музеев. К сожалению, он был утрачен при переезде Института востоковедения АН СССР в новое здание из Армянского переулка. В продолжение этого проекта и в память о научных интересах Анны Степановны Тверитиновой ниже предлагается аннотированный список малоизвестной части фотографий Стамбула, Эрзурума и Восточной Анатолии из фондов Фотоархива ИИМК РАН, которые могут быть использованы специалистами как источник по истории Турции на рубеже XIX–XX вв.

## Стамбул

1. Крепость Анадолу-хисар на Азиатском берегу Босфора. Фото Себа и Жоайе, 1880-е гг. Стамбул-1 (Q 259/58)
2. Крепость Румели-хисар на Европейском берегу Босфора. Фото Себа и Жоайе, 1880-е гг. Стамбул-2 (Q 245/1 а)
3. Вид набережной Бююк-Дере. Фото Бергрена, 1870-е гг. Стамбул-3 (O.1020/16)
4. Посольская дача в Бююк-Дере. Фото 1890-х гг. Стамбул-4 (Q 209/18)
5. Ширкеты — пароходы, совершающие рейсы по Босфору. Фото Бергрена, 1870-е гг. Стамбул-5 (O.1020/11)
6. Вид старого Галатского моста через Золотой Рог. Фото 1880-х гг. Стамбул-6 (Q 259/28)
7. Вид на мечети Айя-София, Ахмедие и Сулеймание. Фото Бергрена, 1870-е гг. Стамбул-7 (O.1020/8)
8. Вид Сералья. Фото Себа и Жоайе, 1889 г. Стамбул-8 (Q 245/2)
9. Общий вид мечети Айя-София. Фото Себа и Жоайе, 1880-е гг. Стамбул-9 (Q 259/29)
10. Интерьер мечети Айя-София. Фото 1880-х гг. Стамбул-10 (Q 245/3а)
11. Общий вид мечети Сулеймание. Фото Себа и Жоайе, 1880-е гг. Стамбул-11 (Q 354/7)
12. Вид мечети Шах-Заде и рынка металлических изделий. Фото Себа и Жоайе, 1880-е гг. Стамбул-12 (Q 259/45)
13. Общий вид мечети Кахрие-Джаме. Фото Себа и Жоайе, 1890-е гг. Стамбул-13 (Q 259/4)
14. Интерьер мечети Кахрие-Джаме. Фото Себа и Жоайе, 1892 г. Стамбул-14 (Q 259/14)
15. Мозаика в мечети Кахрие-Джаме. Фото Себа и Жоайе, 1890-е гг. Стамбул-15 (Q 259/23)



16. Фонтан Топ-Ханэ. Фото Себа и Жоайе, 1890-е гг. Стамбул-16 (Q 259/42)
17. «Селемэки» — выезд Султана в мечеть Илдиш. Фото Берггрена, 1870-е гг. Стамбул-17 (O.1020/13)
18. Пера и Галата. Вид со стороны Золотого Рога. Фото Себа и Жоайе, 1880-е гг. Стамбул-18 (Q 259/43)
19. Мелочная торговля на старой улице. Фото 1890-х гг. Стамбул-19 (Q 209/11)
20. Интерьер Большого базара. Фото Себа и Жоайе, 1880-е гг. Стамбул-20 (Q 259/50)
21. Портрет турецкой дамы. Фото Лекегрена, 1890-е гг. Стамбул-21 (б/н)
22. Портрет женщины в турецкой одежде. Фото П. Себа, 1880-е гг. Стамбул-22 (Q 245/4а)
23. Портрет турчанки в вуали. Фото П. Себа, 1880-е гг. Стамбул-23 (Q 245/4г)
24. Главные ворота дворца Долма-Бахче. Фото 1890-х гг. Стамбул-24 (Q 209/8)
25. Общий вид дворца Долма-Бахче. Фото 1890-х гг. Стамбул-25 (Q 209/9)
26. Мечеть Валидэ-султан при дворце Долма-Бахче. Фото П. Себа, 1880-е гг. Стамбул-26 (Q 245/3)
27. Русская Николаевская больница и церковь при ней. Фото 1890-х гг. Стамбул-27 (Q 209/10)
28. Общий вид дворца Долма-Бахче с противоположного берега Босфора. Фото Себа и Жоайе, 1880-е гг.
29. Портрет женщины, сидящей в кресле. Фото Себа и Жоайе, 1880-е гг.
30. Портрет турецкой женщины в покрывале. Фото Себа и Жоайе, 1880-е гг.
31. Портрет гречанки. Фото П. Себа, 1880-е гг.
32. Портрет цыганки. Фото Себа и Жоайе, 1880-е гг.

## Эрзурум

1. Эрзурум. Медресе Чифте-минаре. Орбели И. А., 1912.
2. Эрзурум. Медресе Чифте-минаре. Орбели И. А., 1912.
3. Эрзурум. Тюрбе на кладбище Учкюмбетлер. Орбели И. А. 1911–1912.
4. Эрзурум. Тюрбе на кладбище Учкюмбетлер. Орбели И. А. 1911–1912.
5. Эрзурум. Медресе Чифте-минаре. Вид центрального здания с юга. Орбели И. А. 1911–1912.
6. Эрзурум. Чифте-минаре. 1917.
7. Эрзурум. Вид улицы. 1917.

8. Эрзурум. Вид улицы. 1917.
9. Эрзурум. Караван-сарай, внутренний вид. 1917.
10. Эрзурум. Караван-сарай. 1917.
11. Эрзурум. Чифте-минаре. 1917. Бульбенко-Окунев. (Папка № 2)
12. Эрзурум. Моргафе-минаре. Азиатская Турция. Снимок 1880-х годов фотографа Д. И. Ермакова.
13. Эрзурум. Общий вид города. 1917. Снимок фотографа Бульбенко. Поездка Н. Л. Окунева в «Турецкую Армению».
14. Эрзурум. Цитадель. 1917. Снимок Бульбенко. Поездка Окунева.
15. Эрзурум. Якутье-медресе — ниша портала. 1917. Снимок Бульбенко. Поездка Окунева.
16. Эрзурум. Цитадель. 1917. Снимок Бульбенко. Поездка Окунева.
17. Эрзурум. Якутье-медресе. 1917. Снимок Бульбенко. Поездка Окунева.
18. Эрзурум. Чифте-минаре. 1917. Снимок Бульбенко. Поездка Окунева.
19. Эрзурум. Фонтан. 1917. Снимок Бульбенко. Поездка Окунева.
20. Эрзурум. Якутье-медресе. Орнамент в стене. 1917. Снимок Бульбенко. Поездка Окунева.
21. Эрзурум. Чифте-минаре. 1917. Снимок Бульбенко. Поездка Окунева.
22. Эрзурум. Чифте-минаре. 1917. Снимок Бульбенко. Поездка Окунева.
23. Эрзурум. Кладбище. Учкумбетлер. 1917. Снимок Бульбенко. Поездка Окунева.
24. Эрзурум. Кладбище. Учкумбетлер. 1917. Снимок Бульбенко. Поездка Окунева.
25. Эрзурум. Чифте-минаре. 1917. Снимок Бульбенко. Поездка Окунева.
26. Эрзурум. Цитадель. 1917. Снимок Бульбенко. Поездка Окунева.

## **Восточная Анатолия, территории, занятые русскими войсками в Первую мировую войну**

1. Гассан Кала. Общий вид крепости. Фото Бульбенко, 1917. О. 186/3
2. Гассан Кала. Вид из восточных ворот крепости. Фото Бульбенко, 1917. О. 186/9
3. Гассан Кала. Вид ворот в городе. Фото Бульбенко, 1917. О.186/16
4. Гассан Кала. Фонтан в городе. Фото Бульбенко, 1917. О. 186/12
5. Гассан Кала. Фонтан в городе. Фото Бульбенко, 1917. О. 186/14
6. Гассан Кала. Фонтан в городе. Фото Бульбенко, 1917. О. 186/15
7. Дёрт-Калисе. Вид замка на скале. Фото Бульбенко, 1917. О. 186/50

8. Дёрт-Калисе. Вид деревянного дома. Фото Бульбенко, 1917. О. 186/53
  9. Бархал. Вид на реку Бархал-Чау. Фото Бульбенко, 1917. О. 187/21
  10. Бархал. Общий вид базилики. Фото Бульбенко, 1917. О. 187/62
  11. Бархал. Интерьер базилики. Фото Бульбенко, 1917. О. 187/9
  12. Бархал. Интерьер базилики. Фото Бульбенко, 1917. О. 187/4
  13. Река Евфрат (между Мемахатун и Эрзинджаном). Вид долины реки. Фото Бульбенко, 1917. О. 187/24
  14. Река Евфрат (между Мемахатун и Эрзинджаном). Группа местных жителей. Фото Бульбенко, 1917. О. 187/25
  15. Мемахатун. Общий вид комплекса построек. Фото Бульбенко, 1917. О. 187/29
  16. Мемахатун. Караван-сарай. Фото Бульбенко, 1917. О. 187/41
  17. Мемахатун. Мавзолей. Фото Бульбенко, 1917. О. 187/31
  18. Мемахатун. Вид входного портала мавзолея. Фото Бульбенко, 1917. О. 1187/32
  19. Мемахатун. Интерьер мавзолея. Фото Бульбенко, 1917. О. 187/36
  20. Пичарыч. Общий вид. Фото Бульбенко, 1917. О. 187/43
  21. Пичарыч. Вид селения с горы. Фото Бульбенко, 1917. О. 187/47
  22. Пичарыч. Подземная лестница. Фото Бульбенко, 1917. О. 187/45
  23. Эрзинджан. Вид ворот караван-сарая. Фото Бульбенко, 1917. О. 187/55
  24. Эрзинджан. Двор караван-сарая. Фото Бульбенко, 1917. О. 187/57
  25. Эрзинджан. Старинное турецкое здание. Фото Бульбенко, 1917. О. 187/52
  26. Эрзинджан. Интерьер старой мечети. Фото Бульбенко, 1917. О. 187/60
  27. Эрзинджан. Фонтан в городе. Фото Бульбенко, 1917. О. 187/50
  28. Эрзерум. Общий вид цитадели. Фото Бульбенко, 1917. О. 188/55
  29. Эрзерум. Кладбище Учкюмбетлер. Фото Бульбенко, 1917. О. 188/41
  30. Бейбурт. Вид крепостных стен. Фото Бульбенко, 1917. О. 189/2
  31. Бейбурт. Общий вид города. Фото Бульбенко, 1917. О. 188/63
  32. Испир. Вид крепости на скале. Фото Бульбенко, 1917. О. 189/21
  33. Испир. Вид из крепости на р. Чорох. Фото Бульбенко, 1917. О. 189/29
  34. Олту. Общий вид крепости. Фото Бульбенко, 1917. О. 191/34
  35. Олту. Общий вид города. Фото Бульбенко, 1917. О. 191/31
  36. Карс. Общий вид собора. Фото Бульбенко, 1917. О. 191/51
- Материалы из поездки Н. Л. Окунева на Кавказский фронт летом 1917 года по маршруту Гассан-Кала, Ачса-монастырь, Дёрт-Килисе, Бархал, р. Мурат между Мемахатун и Эрзинджаном; Мемахатун, с. Пичарыч, Эрзинджан, селения в 17 км от Эрзинджана, Пертек, Эрзерум, Бейбурт, Варзахан, Испир, с. Кале-Касрык, Ишхан, Эошк-Ванк, Хахул, Олту, Бана,*

*Карс, Мухет, Аркенис. Негативы во время поездки исполнены фотографом Бульбенко (НА, ФА, отп. О. 186–О. 192).*

37. Хой. Вид городской стены и рва, наполненного водой. Фото С. В. Тер-Аветисьяна, 1915–1916 гг. Q 3 24/6

38. Востан. Общий вид старой мечети. Фото С. В. Тер-Аветисьяна, 1915–1916 гг. Q 324/7

39. Востан. Общий вид мавзолея со стороны входного портала. Фото С. В. Тер-Аветисьяна, 1915–1916 гг. Q 324/9

40. Ван. Общий вид города. Фото С. В. Тер-Аветисьяна, 1915–1916 гг. Q 324/33

41. Ван. Мечеть Хуршин-джами. Фото С. В. Тер-Аветисьяна, 1915–1916 гг. Q 324/26

42. Ван. Мечеть Тончи-джами. Фото С. В. Тер-Аветисьяна, 1915–1916 гг. Q 324/29

43. Ван. Вид части северной крепостной стены. Фото С. В. Тер-Аветисьяна, 1915–1916 гг. Q 324/39

44. Ван. Вид пещеры в Ванской скале. Фото Н. Я. Марра, 1916 г. О. 1456/32

*В фонде Н. Я. Марра отложились снимки из экспедиции С. В. Тер-Аветисьяна, командированного Академией наук в Ванский округ зимой 1915–1916 гг. для принятия мер охраны, производства регистрационных археологических работ и регистрации памятников по маршруту Хой, Востан, Ахтамар (Ак дамар), Айхзе, Артамед, Цветан, с. Цветан (в 12 км от Вана), Вараг, монастырь Кармравор (на западном склоне горы Вараг), Ван, Нораванк (памятники крепостного и культового зодчества, клинописные и армянские надписи, миниатюры церковных книг) (НА, ФА, отп. О. 193, Q 324; Изв. АН, 1916 г., № 10).*

45. Ванский округ. Монастырь Вараг. Общий вид двора. Фото И. А. Орбели, 1911–1912 гг. О. 1530/22

46. Близ Вана. Хайкаберд. Вид остатков стен. Фото И. А. Орбели, 1911–1912 гг. О. 1530/18

47. Ван. Общий вид Ванской скалы с цитаделью. Фото И. А. Орбели, 1911–1912 гг. О. 1530/7

48. Ван. Общий вид цитадели и долины Айгестана. Фото И. А. Орбели, 1911–1912 гг. О. 1530/8

49. Ван. «Камни Шамирами» — сооружение халдской эпохи. Фото И. А. Орбели, 1911–1912 гг. О. 1530/10

50. Мокс. Ванский округ. Местные жители. Фото И. А. Орбели, 1911–1912 гг. О. 1530/28

51. Мокс. Ванский округ. Житель селения. Фото И. А. Орбели, 1911–1912 гг. О. 1457/12

52. Мокс. Ванский округ. Житель селения. Фото И. А. Орбели, 1911–1912 гг. О. 1457/13

53. Мокс. Ванский округ. Житель селения. Фото И. А. Орбели, 1911–1912 гг. О. 1457/15

54. Мокс. Ванский округ. Чиновники полицейского участка. Фото И. А. Орбели, 1911–1912 гг. О. 1457/16

*Фотодокументы поездки И. А. Орбели в 1911–1912 гг. в Азиатскую Турцию: архитектурные памятники Эрзерума – медресе Чифте-Минаре (общие виды, виды двора); тюрбе на кладбище Учкюмбетлер; крепость Бейбурта, в Ване – крепость, общие виды, пещеры; Топрах-Кала, близ Вана – виды холма, раскопа; также близ Вана – виды остатков стен, плато, окрестных гор; монастырь Вараг, Ахтамар – храм, халдские надписи; в Ванском округе – внутренние постройки, халдская надпись; в области Мосх – горный ландшафт, церковь, местные жители (НА, ФА, отп. О.1530/1-30).*

55. Близ Александрополя. Халдская надпись Аргишти на скале. Фото Н. Я. Марра, 1910-е гг. О. 1456/71

56. Ван. Вид ниш в скале во время раскопок. Фото Н. Я. Марра, 1916 г. О.1456/6

57. Ани. Вид на Вышгород. Фото Н. Я. Марра, 1900-е гг. Q 687/21

58. Ани. Крепостные стены. Фото Н. Я. Марра, 1900-е гг. Q 687/20

59. Ани. Вид через главные ворота. Фото Н. Я. Марра, 1900-е гг. Q 687/3

60. Ани. Вид Триумфальных ворот. Фото Н. Я. Марра, 1900-е гг. Q 687/23

61. Ани. Мечеть Мануче. Фото Н. Я. Марра, 1900-е гг. Q 687/46

62. Ани. Северо-восточная часть храма царя Гагика. Фото Н. Я. Марра, 1900-е гг. Q 687/95

63. Ани. Позднейшая стена храма царя Гагика. Фото Н. Я. Марра, 1900-е гг. Q 687/96

*Материалы, непосредственно связанные с работами Н. Я. Марра: в серии снимков отражены раскопки в Ани в 1892–1893, 1904, 1906–1913 и 1917 году – панорама городища, церкви Бахтагеки, h'Оромы, h'Амбушенц, Тигра, h'Оненца, Апостолов, Спасителя, жилые кварталы у стен Ашота, архитектурные фрагменты и надписи, храм царя Гагика, гостиница, раскопки в Вышгороде, дом Саргиса, здание с двумя башнями, минарет, дворец Парона, Смбаповы стены, Карские ворота и др. (НА, ФА, отп. О.30, О.194, О.778, О.928, О.1455, Q 348-350, 328, 473, 559, 220).*

64. Малая Азия. Кония. Сотрудники Русского консульства. Фото И. Д. Погодина, 1896. Q 707/54

65. Малая Азия. Кония. Скульптуры львов в городском музее. Фото И. Д. Погодина, 1896. Q 707/50

66. Малая Азия. Ада-Базар. Юстинианов мост. Фото И. Д. Погодина, 1896. Q 707/41

67. Малая Азия. Кония. Мечеть Индже-Минарели до удара молнии и после. Фото неизвестного фотографа, 1890-е гг. Q 742/1

68. Малая Азия. Кония. Мечеть Караман-Капысы. Фото неизвестного фотографа, 1920-е гг. Q 687/51

69. Турция. Каменные надгробные стелы с надписями на лицевой стороне. Фото Н. Я. Марра, 1933. О. 928/44

70. Турция. Каменные надгробные стелы с надписями на лицевой стороне. Фото Н. Я. Марра, 1933. О. 928/43

71. Константинополь. Могилы султанов в Айя-София. Фото неизвестного фотографа, 1890-е гг. О. 692/34

172. Константинополь. Улица Mouji Osmanie. Фото неизвестного фотографа, в 1890-е гг. О. 692/39

73. Константинополь. Бухта «Золотой Рог» с кораблями. Фото Д. А. Крайнева, 1900. Q 262/1.

Любомир Миков (София)<sup>1</sup>

## Ритуалы побратимства среди гетеродоксальных мусульман в Болгарии

Заключение побратимства у гетеродоксальных мусульман (особенно среди кызылбашей и тахтаджи) на Балканах является одним из самых характерных для них ритуалов. Речь идет как о заключении побратимства у детей, так и у супружеских пар (Gökalp 1980: 215–219; Kehl-Bodrogi 1988: 182–208; Mélikoff 1992: 95–103; Миков 2007: 205; Míkov 2008). У гетеродоксальных мусульман Болгарии встречаются оба вида побратимства. Описание ритуалов, представленное в данной статье, отражает способ их проведения в основном в XX веке, при этом большая их часть документирована мной в 90-х годах<sup>2</sup>.

Форма **ритуала заключения побратимства детей** является самой развитой среди кызылбашей в Северо-Восточной Болгарии, в частности в селах Севар, Мыдреве и Бисерци, которые расположены около города Кубрат. Здесь заключение побратимства детей совершается во время одного из двух байрамов. Дети заключают побратимство обычно в возрасте между 7 и 12 годами. Побратимами становятся как мальчики, так и девочки, однако по традиции ритуал регламентирует побратимство только между детьми одного и того же пола. Родители детей, которые заключают побратимство, должны быть *талибами* (членами) одного и того же *джема* (религиозная община). Со временем, однако, это требование отпало, т.е. практиковалось и побратимство детей, чьи родители были членами разных джемов. Сохраняется строгий запрет на заключение побратимства детей, происходящих из кызылбашских семей, с детьми из семей турков суннитов или иноверцев.

Обряд побратимства детей проводится днем в доме одного из них и в присутствии их родителей. Там дети меняются обрядовыми хлебами (*колачами*), которые испекли их матери. Хлеб для обряда побратимства мальчиков носит название *биязер коладжи*, для побратимства девочек — *кардеш коладжи*. После обмена *колачами*, которые завернуты в полотенце, дети касаются взаимно языками. С этого момента дети считаются побратимами, при этом мальчиков называют *биязер*, а девочек — *кардеш*.

<sup>1</sup> Профессор в Институте фольклора при Болгарской академии наук в Софии, работает в области османской архитектуры, искусства и этнологии.

<sup>2</sup> В описаниях ритуалов включены и сведения, опубликованные в сборнике *Българските алиани* 1991: 34, 50–51, 105–107, 158.



Взрослые называют детей-побратимов *сют кардешлер* (молочные побратимы).

Хлеба, которыми дети обмениваются, обычно украшены орнаментами из теста. В большинстве случаев эти орнаменты имеют декоративный характер. Встречаются, однако, и орнаменты, имеющие символический характер. Хлеба с такой декорацией я зафиксировал в селе *Бисерци*. Речь идет о декорации из теста, которая представляет собой изображение двух ручек (ладони с пальцами) и голубя с дубовым листом в клюве. Существует вера в то, что ручки и голубь являются символами братства и солидарности, а дубовый лист в клюве птицы символизирует их вечность. Изображенные руки связаны и с выражением «рукой в руке к истине», которое обозначает солидарное посвящение в религиозное таинство.

Девочки, которые не успели заключить побратимство до указанного возраста, осуществляют его через несколько лет, т.е. когда станут девушками или войдут в подростковый возраст. Ритуал побратимства среди девушек протекает иным образом в сравнении с тем же ритуалом у детей. Девушки совершают его также во время одного из двух байрамов, однако он проводится только вечером в доме одной из них. Обычно там заключают побратимство несколько пар девушек. Днем они приносят продукты в дом хозяйки и приготавливают ужин под руководством ее матери. На этом ужине присутствуют только официально приглашенные родственники и друзья — как девушки, так и юноши. Их приглашают днем сами девушки, которые будут совершать ритуал побратимства.

Вечером эти девушки одеваются в одинаковые одежды и вместе с гостями танцуют и поют в образованном ими *алае*. После этого веселья, в котором принимают участие и неприглашенные гости из села, начинается торжественный ужин. После него девушки удаляются в специально подготовленную комнату, в которой они вместе ночуют. С утра на следующий день считается, что они стали побратимами и их также называют *кардеш*.

До своей свадьбы дети, заключившие побратимство, также, как и девушки, становятся неразлучными — на свадьбах, байрамах и праздниках они всегда вместе. В случае женитьбы один из побратимов становится обязательно *саадычем* («второй зять» на свадьбе; фигура, имеющая такое же значение, как и кум) другого побратима. Избрание одного из побратимов в качестве *саадыча* дополнительно укрепляет связь между двумя побратимами, одновременно делая ее долговечнее. На практике дружба между обоими побратимами продолжается до их смерти.

**Ритуал заключения побратимства супружеских пар** у гетеродоксальных мусульман проводится разными способами в отдельных регионах страны.

Ритуал побратимства супружеских пар у кызылбашей и бекташей осуществляется в большинстве случаев непосредственно после их свадьбы. Первый шаг, связанный с этим, заключается в выборе другой брачной пары в качестве побратимов. Чаще всего этот выбор делает но-

вобрачный. Он может выбрать в качестве побратима своего *саадыча*, но только при условии, что последний уже женат и принят в действительные члены джема.

После уговора с выбранной парой новобрачные начинают подготавливаться к проведению обряда. Важнейшей задачей во время этой подготовки среди кызылбашей в Северо-Восточной Болгарии является укомплектование ритуального костюма новобрачной, без которого она не сможет посещать собрания джема. Другая важнейшая обязанность новобрачных в подготовительный период состоит в том, чтобы выучить некоторые из основных молитв, произносимых во время собраний джема, а также молитв, специально используемых при заключении побратимства.

\* \* \*

У кызылбашей в Северо-Восточной Болгарии выбранных в качестве побратимов называют кафадарами. Здесь новобрачные обязательно выбирают *мюршида* (духовного наставника), который учит их соответствующим молитвам и поклонам. Исключительно важными являются его советы по поводу того, как новобрачные должны общаться со своими побратимами, так как отношения с ними после обряда побратимства становятся пожизненными. В связи с этим в качестве *мюршида* выбирается мужчина, который, кроме родства с одним из новобрачных, должен быть и в возрасте, т.е. обладать жизненным и религиозным опытом.

День и место для обряда побратимства уточняются на свидании между новобрачными, кафадарами и мюршидом. Чаще всего ритуал совершается в доме кафадаров и по традиции только вечером — с четверга на пятницу или с воскресения на понедельник. Тогда там проводится собрание всего джема, чьими членами уже являются кафадары.

Новобрачные и кафадары оглашают день и место проведения ритуала. Они вместе обходят село и с вином приглашают гостей на церемонию. Обычно они приглашают своих родственников или ближайших друзей, при этом новобрачный и кафардар приглашают мужчин, а новобрачная и жена кафардара — женщин.

Мюршид и главный *баба́* (букв. отец; святой старец; мусульманский проповедник; глава ордена, братства, обители, общины) тоже приглашаются особо. Это является обязанностью только кафадаров, которые приходят к ним в дом и приглашают их. В этом случае кафадары обязательно приносят с собой вареную курицу и бутылку вина.

Сам ритуал считается символической свадьбой между новобрачными и супружеской парой, которую они выбрали в качестве кафадаров, т.е. побратимов. По этой причине он носит название *кафардар дю'юню* (побратимская свадьба). По этой же причине перед началом ритуала новобрачные надевают свои свадебные одежды. Одетые таким образом, они сопровождают мюршида до дома кафадаров, т.е. до места проведения

ритуала. Там их встречает главный баба, перед которым новобрачные сначала кланяются, после чего они вместе с кафадами ложатся лицом вниз, для того, чтобы над ними совершилось очищение при помощи ритуальной палочки, называемой *тари́к*. Главный баба проводит этой палочкой по три раза над каждым из них с головы до ног. Этот ритуал называется *тари́ктен гечирме* (пройти под тариком), а его целью является *темизленмек*, т.е. опрощение грехов или очищение тела и души. После этого новобрачные и кафадары поднимаются и встают перед главным бабой, который произносит молитву для заключения побратимства. Так как по традиции произносить эту молитву правомочен только главный баба, проведение ритуала без него является нежелательным. Считается, что, после того, как ее произнес главный баба, новобрачные и кафадары уже официально являются побратимами. С этого момента новобрачные становятся также и талибами, т.е. членами джема.

После собственных новейших исследований в Центральной Восточной Болгарии мне удалось установить, что заключение побратимства у кызылбашей в селе Ябланово считается осуществившимся после выполнения следующего ритуального акта. Новобрачная семейная пара и выбранная в качестве побратимов семейная пара ложатся перед деде (или перед *бабой*) и накрываются белой простыней, а он произносит над ними специальную молитву. Смысл этого ритуального акта в том, чтобы совершить символическое слияние четырех душ в одну душу (Миков 2009: 125).

После этого состоится торжественный ужин, на котором обычно присутствуют люди помоложе. За этим ужином пьют преимущественно вино. На ужин, как и на саму церемонию, не допускаются семейные пары или отдельные лица, которые еще не стали кафадами.

Побратимская свадьба заканчивается на следующий день торжественным обедом. На этом обеде присутствуют люди старшего возраста, которые угощаются ракией<sup>3</sup>. Ставшие побратимами дарят всем присутствующим по платку — чаще всего *чевре*<sup>4</sup>, а главному бабе дарят рубашку.

Как я упомянул выше, после «свадьбы» отношения между побратимами становятся пожизненными. В связи с этим утвердилось мнение, что человек может поменять жену, но кафадара не меняют до гроба. Это может произойти только в случае его преждевременной смерти. В этом случае семья может заключить побратимство и во второй раз, но только с такой семьей, чей кафадар тоже скончался. С другой стороны, каждый из четырех побратимов в ответе за поступки троих остальных. Например, если из-за имевшего место обмана один из них отстранен на какое-то время от собраний джема, туда не ходят и трое остальных. Этот же принцип лежит в основе распределения ответственности и между самими парами — если одна пара совершит провинность, виновной считается и другая.

<sup>3</sup> Более подробно о ритуальном употреблении вина и ракии у гетеродоксальных мусульман в Болгарии см. Миков 1998.

<sup>4</sup> Более подробно об этом ритуальном виде платка см. Миков 2007.

Пожизненными становятся и взаимоотношения между побратимами и мюршидом. Они посещают его каждый год вплоть до его смерти, а он, со своей стороны, присутствует на всех их семейных праздниках. Некоторые талибы даже называют его *мюршид бабой*, так как считают, что его роль духовного наставника в их жизни подобна роли бабы как духовного предводителя джема.

В завершение по поводу заключения побратимства у кызылбашей в Северо-Восточной Болгарии можно сказать что ритуал обретения кафадаров на самом деле является способом регламентирования пожизненной дружбы, как в духовной, так и в повседневной жизни кызылбашских общностей. Кроме того, институт кафадаров имеет более высокий статус, чем институт саадычей, так как саадыч не всегда отвечает условиям, требуемым для того, чтобы стать кафадаром.

\* \* \*

Церемония заключения побратимства супружеских пар, исполняемая гетеродоксальными мусульманами в Юго-Восточной Болгарии, состоит из двух относительно самостоятельных ритуалов. Через первый ритуал осуществляется заключение побратимства, а через второй новобрачных принимают в действительные члены джема, называемом здесь *гьол*. Церемония исполняется только на собрании джема, которое проводится всегда вечером и может быть организована как на каком либо из больших праздников общности, так и по поводу собственно самой церемонии. Как правило, на собрание джема допускаются только супружеские пары. Присутствие неженатых не запрещается, но они не принимают участия в ритуалах, так как не считаются талибами, т.е. они не приняты в члены джема.

У кызылбашей новобрачную пару на место собрания, т.е. в дом бабы, ведут их избранники. Там новобрачные получают разрешение войти в помещение, после того, как они объяснили сторожу у двери, называемом *капуджи* (должностное лицо в джеме), что поводом их посещения является их принятие в члены джема.

В доме бабы новобрачные объявляют брачную пару, с которой они договорились заключить побратимство. После этого объявленная пара обычно выходит из помещения и становятся перед дверью, где новобрачные кланяются им и целуют им руки поочередно три раза, причем первым совершает это действие новобрачный. Считается, что после этого ритуала обе пары уже являются побратимами, т.е. является исполненным условие для включения новобрачной пары в джем.

Сразу после заключения побратимства начинается ритуал принятия новобрачных в действительные члены джема. Этот ритуал проводится в самом помещении, где сторож сначала представляет бабе мужчину. Мужчина, ведомый сторожем, должен приблизиться к бабе постепенно. В некоторых джемах роль сторожа выполняет побратим супруга. У кы-

зылбашей приближение совершается в семь этапов, т.е. мужчина делает семь шагов, при этом на каждом шаге он останавливается и произносит молитву. Кроме того, все шаги делаются правой ногой. После молитвы на седьмом шаге баба встает с так называемого *поста* (овечья шкура, на которой он сидит, своеобразный «трон» бабы) и произносит шепотом на левое ухо мужчины наставления: не убивать, не красть, не лгать, не ходить «налево». На это мужчина отвечает: «Я буду верным и честным». После этого баба ставит мужчину спиной к себе и поглаживает его три раза по спине. По всей видимости он совершает это в связи с одним древним, но забытым представлением о позвоночнике человека как о символе единства и солидарности. В конце баба указывает ему на место, где он будет сидеть в помещении. С этого момента считается, что мужчина принят в общину, т. е. является действительным членом джема. Аналогичный ритуал проводится и с его женой.

У бекташей ритуал поступления в джем исполняется, в общих чертах, таким же образом, но, в отличие от кызылбашей, новобрачные при приближении к месту бабы делают двенадцать шагов.

Церемония заканчивается ужином. Его готовят из мяса барана, данным новобрачными в качестве курбана (жертвы). Приношение жертвы является одной из основных обязанностей каждой новобрачной пары при заключении побратимства и при поступлении в джем. У бекташей новобрачные совершают одно жертвоприношение, у кызылбашей же они обязаны совершить его два раза.

После окончания церемонии новопринятая в джем супружеская пара обращается к своим побратимам со словами *баба* (отец) и *ана* (мать). В этих названиях вкладывается только религиозный смысл, так как заключившие побратимство воспринимают своих побратимов в качестве духовных родителей. В этой связи побратимство между двумя парами приобретает пожизненный статус. Оно не может быть расторгнуто ни по какому поводу, за исключением преждевременной смерти пары побратимов. В этом случае лидеры некоторых джемов дают разрешение на заключение повторного побратимства, однако есть и такие, которые этого не разрешают исходя из того, что духовные родители не могут быть заменены никем.

Самым важным выводом из вышесказанного является то, что заключение побратимства супружеских пар делает возможным включение новых членов в джем. С другой стороны, через этот ритуал заключившие побратимство приобретают статус действительных (признанных) членов джема, а так же самой общности.

\* \* \*

У кызылбашей и бекташей в Юго-Восточной Болгарии пары, заключившие побратимство, имеют название *мусахиблер*, которое означает «побратимы». Здесь однако не встречается название *ахирет кардеши*, явля-

ющееся широко распространенным среди гетеродоксальных мусульман в Турции и означающее «побратим для того света». Среди кызылбашей название «ахирет кардеши» тоже не встречается. Здесь также незнакомо и название «мусахиб».

В одной своей статье, посвященной кызылбашам в Болгарии, Фр. Де Йонг пишет, что среди гетеродоксальных мусульман в Родобах имеется также и группа, названная им «мусахабилер» (Jong 1993: 206). О группе с таким же названием среди кызылбашей и бекташей в Восточных Родобах пишет и М. Бейтулов (Beytullov 1999: 51–52). Такой группы однако не существует. Гетеродоксальные мусульмане из Юго-Восточной Болгарии используют название «мусахиб» в качестве синонима для названия «кызылбаш», «алеви» или «алиан», а также для названия «бекташ». Таким образом они не только выражают свой взгляд на эмблематический характер обряда побратимства в их этноконфессиональных традициях, но и проводят разграничение между собой и турками-суннитами из того же региона.

Ирэн Меликофф пишет, что ритуал заключения побратимства — «свойственный для гетеродоксальных братств, является обязательным у алеви, но не у бекташей» (Mélíkoff 1992: 96). Схожее мнение выражает и К. Кел-Бодроги, которая подчеркивает, что «в бекташизме институт “мухасибликов” имеет слабое проявление и никогда не обладала тем значением, которое у нее было в сельских общностях» (Kehl-Bodrogi 1988: 205). Важным в связи с этими наблюдениями является и мнение Фр. Де Йонга, который считает, что ритуал заключения побратимства у кызылбашей является частью сефевидской социорелигиозной практики (Jong 1993: 212).

Действительно, имеется мало данных о практиковании этого ритуала среди бекташей Малой Азии. Дж. К. Бардж например всего лишь упоминает о нем в подстрочном примечании (Birge 1937: 182, ind. 3). Достаточно лаконичным является и изложение о нем, сделанное Б. Нояном (Noyan 1995: 272). Схожий характер имеет и сведение, данное Аб. Сезгином. Он однако поясняет, что, если кто-либо желает поступить в орден бекташей, он должен выбрать себе двух друзей, которые будут его помощниками на церемонии по принятию в орден. Одного из них называют *рехбером* (религиозный вождь; духовный лидер; ведущий по мистическому пути), другого же называют *сахибом* или *мусахибом*. После церемонии двое друзей посвященного в орден становятся для него как бы родственниками до конца жизни и духовными братьями (Sezgin 1995: 306–307).

То, что одна часть мусульман в Юго-Восточной Болгарии, исповедующая гетеродоксальный ислам, использует для самоопределения такие названия, как «мусахиб» и «бекташ», означает практикование ритуала и в среде бекташей, что является фактом. Это является следствием влияния этнорелигиозных традиций кызылбашей. Сельское происхождение обеих общностей в данном регионе, их совместное существование, имеющее причиной их почти идентичные религиозные взгляды, а также длительная изоляция бекташей от своей среды в Малой Азии, являются

основными факторами для усвоения бекташами ритуала заключения побратимства.

Этот ритуал воспроизводит сюжет, включенный в Буйрук (Законник, Свод правил) шестого шиитского иимама Джа'фара ас-Садыка (ум. в 765 г.), а также в большую часть его более поздних списков. Речь идет о следующем сюжете: Мухаммед схватил Али за правую руку и заставил его подняться на *мимбер*. Он развязал свой пояс и прижал Али к своей груди, обнимая его. Оба облачились в одну рубаху таким образом, что со стороны они казались одним телом с двумя головами. Тогда Пророк сказал: «Моя кровь — твоя кровь; мой ум — твой ум; моя душа — твоя душа». Тогда его ученики сказали ему: «О, Пророк Бога, снимите с себя рубаху». Пророк снял с себя рубаху и все увидели, что Мухаммед и Али имеют одно тело. Пророк сказал: «Али и я — суть плоды одного и того же дерева». И, взявши Али за руку, он поставил свой палец напротив его пальца. После этого Мухаммед сошел с мимбера, взял свой пояс и сказал: «Вот пояс, которым Джабраил опоясал меня в ночь Ми'раджа. Ныне я опоясываю его вокруг твоей поясницы». Он обвил вокруг поясницы Али свой пояс и завязал три узла — один во имя Бога, один во имя Джабраила и третий — во имя свое. И сказал: «О, Али, ты — мой брат, как Моисей был братом Аарону». После этого Али в присутствии Мухаммада опоясал Салмана аль-Фариси и Камбера. Ученики принесли Мухаммеду пексимет, масло и халву. Мухаммед раздал эту пищу всем присутствующим, но перед тем выделил часть, которую Салман аль-Фариси отнес Хасану, Хусейну и Фатиме аз-Захра (Mélíkoﬀ 1992: 100).

Посвящение Али ибн Абу Талиба, или акт его побратимства с Мухаммедом, описан и в Фютювветнаме (учредительный устав цеховой организации) XV века, составленном Шейхом Сеййидом Хусейном при правлении султана Мехмеда II (1451–1481). В описанном посвящении Пророк провозгласил Али своим преемником. Согласно шиитской традиции, это произошло в Гадир Хумме за три месяца до смерти Мухаммеда, когда он возвратился из своего последнего поклонения в Мекку. Тогда Мухаммед вошел в шатер Фатимы и перед восемнадцатью присутствовавшими опоясал Али *шедд-и рихалом*<sup>5</sup>. После этого Мухаммед приказал Али чтобы он таким же образом заключил побратимство с семнадцатью присутствовавшими (Mélíkoﬀ 1964: 184–185). В комментарии И. Меликоффа по поводу заключения побратимства между Мухаммедом и Али поясняется, что Пророк приказал Али забраться под его рубаху лицом к нему (Mélíkoﬀ 1964: 185, ind. 18).

Ритуалы заключения побратимства у гетеродоксальных мусульман вероятнее всего инспирированы именно этими сюжетами, несмотря на то, что легендарная и ритуальная версии идеи о побратимстве обслуживают разные цели. В связи с этим можно сделать вывод, что легенды регламентируют инвестируемые Али, представляя ее как церемонию заключения побратимства, в то время как описанные ритуалы вводят и утверж-

<sup>5</sup> *Шедд-и рихал* — ритуальный пояс, знак принадлежности к цеховой организации.



дават изкуствено (некровно) родство в качествe принципа в социорелигиозната практика на хетеродоксалните мюсюлмански общности.

*Перевод с българского языка: Регина Митева*

## Литература

Българските алиани 1991: Сборник етнографски материали. Съст. Ив. Георгиева. София.

Миков, Л. 1998: Ритуално пиене на алкохол при хетеродоксалните мюсюлмани в България. / Български фолклор, № 3, 28–36.

Миков, Л. 2007: Култова архитектура и изкуство на хетеродоксалните мюсюлмани в България (XVI–XX в.). Бекташи и къзълбаши/алеви. Второ допълнено и преработено издание. София.

Миков, Л. 2009: Типологично сходство между културните традиции на ахиите от Анадола и на хетеродоксалните мюсюлмани в България (бекташи и къзълбаши/алеви). / Български фолклор, кн. 1, 108–132.

Beytullof, M. 1999: Alevilik keşmekeşliği ve Bulgaristan kızılbaşlığı. Sofia.

Birge, J. K. 1937: The Bektashi Order of Dervishes. London/Hartford.

Gökalp, A. 1980: Têtes rouges et bouches noires. Paris.

Jong, Fr. De. 1993: Problems concerning the origins of the Qizilbaş in Bulgaria: remnants of the Safaviyya? / In: La shi'a nell'Impero Ottomano. Roma, 203–215.

Kehl-Bodrogi, K. 1988: Die Kızılbaş/Aleviten. Untersuchungen über eine esoterische Glaubensgemeinschaft in Anatolien. Berlin.

Mélikoff, I. 1964: Le Rituel du Helva. Recherches sur une coutume des corporations de métiers dans la Turquie médiévale. — Der Islam, B. 39, 180–191.

Mélikoff, I. 1992: Recherche sur une coutume des Alevi: MUSAHIP “FRÈRE DE LAU-DELÀ”. / In: Mélikoff, I. Sur les traces du soufisme turc. Recherches sur l'islam populaire en Anatolie. Istanbul, 95–103.

Mikov, L. 2008: Bulgaristan'da Alevi-Bektaşî Kültürü. Istanbul.

Noyan, B. 1995: Bektaşîlik Alevilik Nedir? 3. Baskı. Istanbul.

Sezgin, A. 1995: Hacı Bektaş Velî ve Bektaşîlik. 5. Baskı. Istanbul.

# III. Проблемы османской истории: теоретические размышления и конкретно-исторические исследования

D. A. Korobeinikov

## How 'Byzantine' were the early Ottomans? Bithynia in ca. 1290–1450

In 1916 Richard Dawkins published his famous book «Modern Greek in Asia Minor». The Greek dialects described were soon to disappear: in 1921–1922 after the protracted First World War and the following «population exchange» between Greece and the modern Turkish state, the Greek dialects of Asia Minor had all but vanished. The study of Dawkins remains perhaps the most accurate transcription of the lost speech of the Greek inhabitants of Asia Minor, while in their homeland, whose tongue descended from the Byzantine population of Anatolia. Though his study mostly focused on the Greek vernacular in Cappadocia, nevertheless Dawkins briefly mentioned other obscure Greek dialects. One of them was in Bithynia, in the villages of Demirtas and Abuliond near Bursa. The dialect was notorious for its peculiar Genitive plural form in – ροῦ (e.g. ἀφτοναροῦ instead of ἀτῶν)<sup>1</sup>. Despite the imperfect transcription, this instance alone allowed Dawkins to suggest that this dialect was a remnant, or at least inherited features, of the speech of the native Byzantine population. Did this show an extant Greek Anatolian population in the former Ottoman ethnic melting-pot of Bithynia? That sounded impossible.

<sup>1</sup> Dawkins R. M. *Modern Greek in Asia Minor. A Study of the Dialects of Silli, Cappadocia and Phárasa with Grammar, Texts, Translations and Glossary*. Cambridge, 1916, pp. 37, 125, 143–144.

To understand the boldness of Dawkins' conclusions, one should recall what Bursa was in the nineteenth century. The city was one of the chief Ottoman economic centers, famous for its flourishing silk industry; and as such attracted many Greek craftsmen who settled in Bursa during the last periods of Tourkokratia. I do not know whether the Greeks in Bursa developed a special dialect; despite the scantiness of evidence, it would be far safer to suggest that the numerous Greek population in Bithynia belonged to a larger Greek area in the Marmara, with Constantinople as their centre. To choose this obscure though once prosperous village from all other Greek settlements in Bithynia and to describe its tongue as a descendant of a forgotten Byzantine vernacular required an outstanding historical intuition. So exactly how intense were the Ottoman conquests and the consequent Ottoman settlements in Bithynia? What were the relations between the Byzantine Greek population and the newcomers?

The Turkish conquest of Anatolia was a gradual process. After the battle at Mantzikert in 1071 the central Anatolian plateau became the cradle for the Seljuk Sultanate of Rūm. The Byzantines still retained the rich lowlands in Western Anatolia and all the coastal regions of the peninsula. However, after the fall of Constantinople in 1204 to the participants of the Fourth Crusade Byzantium disappeared. The weakness of the Byzantine successor states allowed the Seljuks to get access to two important ports in Asia Minor: Antalya which they conquered in 1207; and Sinop, surrendered by Alexios I Grand Comnenus, the founder of the Empire of Trebizond, in 1214. From that moment on, the eastern border of the Nicaean empire, and then of the restored Byzantium, faced only the Seljuks: there were no other Christian or Muslim states on the empire's borders after 1214.

Let me first describe the geographical limits of the Byzantine-Seljuk border as it was in the 1250s. To the north, Tios, Amastris and Kromna as far as Thymaina near Kerempe Burnu were Byzantine possessions<sup>2</sup>; while Kastamonu and Safranbolu were centres of the Seljuk part of Paphlagonia<sup>3</sup>. In Bithynia, Klaudiopolis (Bolu) may have been in Seljuk hands since the end of the twelfth century<sup>4</sup>, but the strategically important region of Tarsia

<sup>2</sup> Georgii Acropolitae *Opera*, eds. A. Heisenberg et P. Wirth, 2 vols (Stuttgart, 1978), i, p. 18, l. 3 (hereafter Akropolites); Georges Pachymeres, *Relations historiques*, ed. A. Failler, tr. A. Failler and V. Laurent, 2 vols in 5 parts (Paris, 1984–2000), i, p. 405, ll. 14–18 (hereafter Pachymeres); K. Belke, *Paphlagonien und Honorias* [Tabula Imperii Byzantini, 9] (Vienna, 1996), pp. 161–170, 241–242, 276–278. On Amastris, see also J. Crow, S. Hill, «The Byzantine fortifications of Amastris in Paphlagonia», *Anatolian Studies* 45 (1995), pp. 251–265. On Thymaina, see Pachymeres, ii, p. 359, l. 17; Belke, *Paphlagonien*, pp. 274–275. That the eastern limits of the Empire of Nicaea reached Rhodes, Tripolis and the Cape Karambis (Kerempe Burnu), is mentioned by the Emperor Theodore II Laskaris: *Theodori Ducae Lascaris Epistulae* CCXVII, ed. N. Festa (Florence, 1898), letter 44, p. 57, ll. 32–36.

<sup>3</sup> The most accurate map of the Byzantine possessions in Paphlagonia can be found in I. Booth, «Michael VIII Palaeologos and the Sangarios frontier 1280 to 1282», *Archeion Pontou* 49 (2002), pp. 320, 328. See also: J. Crow, «Alexios Komnenos and Kastamon: Castles and Settlements in Middle Byzantine Paphlagonia», in Alexios I Komnenos, eds. M. Mullet and D. Smythe [Belfast texts and translations, vol. IV, part 1] (Holywood, 1996), pp. 12–36.

<sup>4</sup> C. Cahen, *The Formation of Turkey. The Seljukid Sultanate of Rum: Eleventh to Fourteenth Century* (Harlow, 2001), p. 44; C. Foss, «Byzantine Malagina and the Lower Sangarius», *Anatolian Studies* 40 (1990), pp. 173–174.

(near Adapazari), on the main road from Bithynia to Paphlagonia, was certainly Byzantine<sup>5</sup>. The border ran along the river Sangarios, the left bank of which was Byzantine; moreover, Byzantine fortifications (like Kabeia (Geyve)<sup>6</sup>) were situated on the river's right bank<sup>7</sup>. The Emperor Michael Palaiologos created a wooden wall on the right bank of Sangarios in 1281, in order to protect the region of Tarsia and the bridge of Justinian against the Turks<sup>8</sup>.

Thus, Nicaea, the 'capital' of Byzantine Asia Minor, had a very dangerous location, in close proximity to the border. That is why this important city was surrounded by many fortresses, such as Angelokomis (İnegöl), Belokomis (Bilecik) and Melangeia/Malagina (Yenişehir)<sup>9</sup>. The Byzantine fortification line almost surrounded Bithynia, stretching as far as Achyraios (Balıkesir)<sup>10</sup> and further south to Kalamos<sup>11</sup>. This part of the Nicaean border is the most obscure; we know more about Nicaean castles situated further south, in Lydia, with its centres Sardis and Philadelpheia (Alaşehir). This was the richest part of the Nicaean empire; Magneseia (Manisa) and Nymphaion were the chief residences of the Emperor John III Batatzes<sup>12</sup>. Philadelpheia, like Nicaea, was located near to the frontier zone.

However, the chief Byzantine strongholds lay further south, on the river Maeander. The valleys that surrounded the river were some of the richest territories of the Nicaean empire; Pachymeres called this land «the second Palestina»<sup>13</sup>. The Byzantines possessed not only the right bank of the

<sup>5</sup> Nicetas Choniates, *Historia*, ed. I.A. van Dielen (Berlin, 1975), p. 640, ll. 13–15; p. 641, ll. 40–42; Belke, *Paphlagonien*, pp. 264–266; A.A.M. Bryer, «David Komnenos and Saint Eleutherios», *Archeion Pontou* 42 (1988–1989), pp. 171–186. Foss suggests that Plousias/Prousius was probably lost by the Byzantines after 1225–1231, but no source confirms his point of view: C. Foss, «Byzantine Malagina and the Lower Sangarios», *Anatolian Studies* 40 (1990), pp. 173–174. Cf. Booth, «Michael VIII Palaeologos», pp. 322–323.

<sup>6</sup> Pachymeres, i, p. 535, ll. 1–2.

<sup>7</sup> Pachymeres, i, p. 407, ll. 16–20; p. 633, ll. 12–17; ii, p. 363, ll. 9–10, 24–25.

<sup>8</sup> Pachymeres, i, p. 635, l. 29 — p. 637, l. 3; p. 406, n 3; pp. 632–633, n 7; ii, p. 363, ll. 9–14. On the bridge of Justinian over the Sangarios, see M. Whitby, «Justinian's Bridge over the Sangarius and the Date of Procopius' *De Aedificiis*», *Journal of Hellenic Studies* 105 (1985), pp. 129–136; W.M. Ramsey, *The Historical Geography of Asia Minor* (London, 1890), p. 460.

<sup>9</sup> Pachymeres, ii, p. 453, l. 25 — p. 455, l. 15; on Melangeia/Malagina, the region and its town, see Foss, «Byzantine Malagina», pp. 161–172. On the history of the city of Nicaea, see C. Foss, *Nicaea: a Byzantine Capital and its Praises* (Brookline, Mass., 1996), pp. 57–87.

<sup>10</sup> Akropolites, i, p. 37, l. 7; p. 185, l. 24; p. 278, l. 22; Pachymeres, i, p. 657, ll. 12–18; Theodori Ducae Lascaris Epistulae, letter 180, p. 231, l. 9; L. Robert, *Villes d'Asie Mineure. Études de géographie ancienne* (Paris, 1962), pp. 385–386.

<sup>11</sup> Akropolites, i, p. 28, l. 4; p. 185, l. 23; p. 294, l. 23; Notitiae Episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae, ed. J. Darrouzès (Paris, 1981), pp. 105, 106 note 4; Not. 10, p. 313, ll. 127–128; P. Golubovich, «Disputatio Latinorum et Graecorum seu relatio apocrisiorum Gregorii IX de gestis Nicaeae in Bithynia et Nymphaeae in Lydia, 1234», *Archivum franciscanum historicum* 12 (1919), p. 464 (29); Ramsey, *The Historical Geography of Asia Minor*, p. 129; Robert, *Villes d'Asie Mineure*, pp. 66–69; J.S. Langdon, *Byzantium's Last Imperial Offensive in Asia Minor. The Documentary Evidence for and the Hagiographical Lore about John III Dukas Vatatzes' Crusade against the Turks, 1222 or 1225 to 1231* (New York, 1992), p. 23.

<sup>12</sup> Ducas, *Istoria Turco-Byzantină (1341–1462)*, ed. V. Grecu (Bucharest, 1958), p. 33, ll. 13–14; H. Ahrweiler, «L'histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupations turques (1081–1317), particulièrement au XIII siècle», *Travaux et Mémoires*, 1 (1965), pp. 42–47; C. Foss, «Late Byzantine fortifications in Lydia», in *ibidem*, *Cities, Fortresses and Villages of Byzantine Asia Minor* (Aldershot, 1996) [Variorum Reprints Series], article VI, pp. 298, 307–311.

<sup>13</sup> Pachymeres, i, p. 403, ll. 22–23.

Maeander, but also the lands on the left bank, in the old province of Karia<sup>14</sup>. The chief Nicaean strongholds south of the Maeander were Antioch-on-Maeander<sup>15</sup>, Miletos<sup>16</sup>, Melanoudion<sup>17</sup> and Mylasa (Milas)<sup>18</sup>.

The extant Byzantine documents provide us with a picture of a prosperous and densely populated state. What lay further east, beyond the Byzantine borders? Unlike Byzantium, the Seljuk Sultanate of Rum was a relatively new formation. Though founded soon after the brilliant Seljuk victory at Manzikert in 1071, the Seljuk Sultanate of Rum was only one of many Turkic states that appeared in the recently conquered Byzantine lands. It was only in 1174–1175 and in 1228–1241 that the Seljuk state in Rum absorbed other Turkic states in the peninsula and the vast territories, which were almost as large as the Sultanate itself at the moment of the conquest. Not all of these territories were incorporated into the Seljuk state after a violent and oppressive military campaign: some accepted Seljuk rule willingly. We know very little of how the Seljuks re-organized the conquered territories; but the evidence suggests that the sultans used the most simple and convenient way: they replaced the *amir*, governor or other power but did not usually eliminate the previous dynasty or its aristocracy.

The bulk of the aristocracy at the Seljukid court was Turkish by origin<sup>19</sup> and Turkish titles were used together with Arab and Persian ones<sup>20</sup>. But the ruling dynasty adopted Iranian names such as «Kay-Kāwūs», «Kay-Qubād», and «Kay-Khusraw» which were derived from the names of the legendary shahs of the Kayanid dynasty in Iran, the founders of the Persian Empire<sup>21</sup>. This was not accidental. The vast bureaucratic apparatus with its strong Persian influence in both language and culture was the chief tool with which

<sup>14</sup> Pachymeres, i, p. 405, l.2; p. 591, l. 30.

<sup>15</sup> Akropolites, i, pp. 15, l. 23; p. 16, l. 10; Pachymeres, i, p. 591, l. 30; H. Barnes, M. Whittow, «Medieval Castles», *Anatolian Archaeology* 2 (1996), pp. 14–15; M. Whittow, *Social and Political Structures in the Maeander Region of Western Asia Minor on the Eve of the Turkish Invasion*, 3 vols (Oxford, 1987) [unpublished D.Phil. thesis], i, pp. 156–165.

<sup>16</sup> Pachymeres, i, p. 593, l. 3. The documentary sources also mention it as «the fortress of Palation/Palatia» (τὸ κάστρον Παλατιών, modern Balat): *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana*, eds. F. Mildosich and J. Miffler, 6 vols. (Vienna, 1860–1890), iv, pp. 290–295; vi, pp. 157–158, 162–163, 166, 168–177, 182–183, 188–191, 195–201 (hereafter MM); *Βυζαντινὰ ἔγγραφα τῆς Μονῆς Πάτμου*, eds. E.L. Branouse and M. Nystazopoulou-Pelekidou, 2 vols. (Athens, 1980), i, pp. 121, 128, 226, 232, 238, 244, 283, 300; ii, pp. 137–140, 153, 158–159, 171–172, 214–215 (hereafter BE).

<sup>17</sup> Pachymeres, ii, p. 239, ll. 8–10; MM iv, p. 291, vi, pp. 166, 201, 213, 234–235; BE i, p. 226, 232, 259–269; ii, pp. 177, 214.

<sup>18</sup> MM iv, p. 291; vi, p. 166; BE i, p. 226. On the other Byzantine fortifications along the river Maeander (for example, Mastaura, which was located 5 km north-east of the modern Nazilli), see C. Foss, «Archaeology and the 'Twenty Cities' of Byzantine Asia», *American Journal of Archaeology* 81 (1977), pp. 467–486; Whittow, *Social and Political Structures in the Maeander Region*, i, pp. 72–192; ii, pp. 193–265; H. Barnes, M. Whittow, «The Oxford University/British Institute of Archaeology at Ankara Survey of Medieval Castles of Anatolia (1992). Mastaura Kalesi: a preliminary report», *Anatolian Studies* 43 (1993), pp. 117–135; *ibidem*, «The Oxford University/British Institute of Archaeology at Ankara Survey of Medieval Castles of Anatolia (1993). Yılanlı Kalesi: preliminary report and new perspectives», *Anatolian Studies* 44 (1994), pp. 187–206.

<sup>19</sup> P. M. Шукуров. Тюрки на православном Понте в XIII–XV вв.: начальный этап тюркизации? // Причерноморье в средние века 2 (1995), с. 70–71.

<sup>20</sup> B. A. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии (Москва; Ленинград, 1941), с. 59.

<sup>21</sup> R. Shukurov. AIMA: the blood of the Grand Komnenoi. *Byzantine and Modern Greek Studies* 19 (1995), pp. 176–178.

the sultans ruled over their vast realm in Anatolia. The paradox was that the Turks, especially the nomadic ones, who were fellow kinsmen of the Seljuks, did not provide major support for the Seljuk sultans.

Thus, the Seljuk state in Rum was multi-ethnic. Its subjects were Greeks, Syriac people, Armenians, Turks, Kurds, Arabs and Persians. Of these, the Greeks, Syrians, Armenians, Kurds and Arabs had been settled in Asia Minor before the Turkish conquest; whilst the majority of the Turks and Persians were mostly a new population. Though dispersed throughout the peninsula, the nomadic Turks largely concentrated in the border zone, or, as the Tuks called it, the *uc*.

Each ethnic group historically had its own niche in the Sultanate. The Turks were nomads half-independent of the central government; the Greeks and the Armenians represented a partly rural and partly urban population, as did the Syrians and Arabs in the south-east of Asia Minor. As for the Persian and Arab townfolk, they moved to Anatolia after the Seljuk conquest. This immigration, mostly from Central Asia, was so large that Persian became one of the spoken languages of the Sultanate and the term 'Tajik' was applied to the sedentary population<sup>22</sup>. The Persian influence on Anatolia was so significant that not only official documents, historical records and literary works were written in this language but even the sermons of the Mevlevi *dervişes* were composed in Persian and Greek<sup>23</sup>.

When historians describe invasions of the early Ottomans, they usually suggest a somewhat dichotomic picture, namely that the Turks had conquered the remaining Greek lands: «The Turks against the Greeks». As I will try to demonstrate the ethnic situation was far more complex.

Let me start from the Greeks, or, as they were called, the *rūmī*, in Asia Minor under the Seljuk rule. Doubtlessly they preserved their Byzantine identity: we read in the dedicatory inscription in Karşı Kilise, Gülşehir, in Cappadocia, certainly in Seljuk territory: «...under the reign of the [emperor] Theodore I Laskaris, in the year AM 6720, in the fifteenth indiction, April 25»<sup>24</sup>, i.e. 25 April 1212. This means that the Greek population in Cappadocia, whilst under the authority of the Seljuk Sultan, nevertheless recognized the Byzantine emperor as their chief suzerain. In some inscriptions, both the sultan and the emperor were commemorated, as was the case in the inscription of the church of St George of Beliserama (Cappadocia): «...[during the reign] of the most high, the most noble great sultan Mas'ud, when the lord Andronikos II [reigned] over the Romans» (*(ἐπι) μὲν τοῦ πανηγυρηλοτ[άτου] μεγαλογένους μεγάλου σουλτάν[ου] Μα[σούτη], ἐπὶ δὲ Ῥωμέων βασιλέβοντος κυ(ροῦ) Ἄν[δρονίκου]*). The date of the inscription should be placed between 1283 and 1295<sup>25</sup>. We also know that some Byzantine aristocratic families (the

<sup>22</sup> Cf. Kerîmüddin Mahmud Aksarayî, *Müsâmeret ül-ahbâr. Moğollar zamanında Türkiye Selçukluları Tarihi*, ed. O. Turan (Ankara, 1944), p. 172.

<sup>23</sup> The founder of the brotherhood, Jalâl al-Dîn Rumî, wrote in Turkish as well as in Greek (A.-M. Schimmel, *Mystical Dimensions of Islam* (Chappel-Hills, 1975), p. 312). However, the vast majority of Rumî's works (as well as those of his son Sultân Veled) were composed in Persian.

<sup>24</sup> C. Jolivet-Lévi. *Études Cappadociennes* (London, 2002), p. 289.

<sup>25</sup> N. Thierry, M. Thierry, *Nouvelles Églises rupestres de Cappadoce. Région du Hasan Dağı* (Paris, 1963), p. 202 ; V. Laurent, «Note additionnelle. L'inscription de l'église Saint-Georges de Béliséra-

Kommenoi<sup>26</sup>, the Tornikioi<sup>27</sup>, the Gabrades<sup>28</sup> and the Mavrozomai<sup>29</sup>) belonged to the high Seljuk nobility. Even when Muslims, they nevertheless preserved their family names, which means that they remembered their Byzantine ancestry. Moreover, the Greek population per se was not entirely restricted to the chief cities of the Sultanate. Sometimes we find Greek villages or towns in the frontier zone, alongside the Turkish nomadic tribes<sup>30</sup>. But we must remember that the position of the Rumi Greeks who retained their Christian beliefs was completely different from that in the old Byzantine Empire. The Byzantines, in particular the emperor Michael Palaiologos, sometimes called

ма», *Revue des Études Byzantines* 26 (1968), pp. 367–371; P. M. Шукуров. Иагуны: тюркская фамилия на византийской службе // *Византийские очерки* (Санкт-Петербург, 2006), с. 210–217.

<sup>26</sup> In 1140 John Komnenos, son of Sebastokrator Isaac Komnenos, took the side of the Seljuks. He married a daughter of one of the sultan's retainers. About him, see: Choniates, *Historia*, p. 34, l. 4 – p. 36, l. 71; Ioannis Cinnami epitome rerum ab Joanne et Alexio Comnenisgestarum, ed. A. Meineke (Bonn, 1836), p. 21, l. 3 – p. 22, l. 4 (hereafter – Kinnamos); K. Barzos, *Ἡ Γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν*, 2 vols (Thessaloniki, 1984), i, pp. 480–485.

<sup>27</sup> A certain amir Tornik helped Kılıç Arslan III (1204 – March 1205) to seize the throne at the end of 1204, after the death of the Sultan Rukn al-Dīn Süleyman (1196–1204). Ibn Bibi, who writes about this fact, adds that *amir* Tornik came from Tokat: *Histoire des Seldjucides d'Asie Mineure, d'après l'abrégé du Seldjouknameh d'Ibn-Bibi: texte persan*, ed. M.Th. Houtsma (Leiden, 1902) [Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seldjucides, iv], p. 23 (hereafter Ibn Bibi). H. Duda, *Die Seltshuken-geschichte des Ibn Bibi* (Kopenhagen, 1959), p. 36 (a) (hereafter Ibn Bibi (Duda)).

<sup>28</sup> For Ikhtiyar al-Dīn ibn Gavras who was governor in Konya in 1189 and had some possessions in the Seljuk Pontos, see: 'Imad al-Dīn al-Isfahānī, *Conquête de la Syrie et de la Palestine par Salāh ed-dīn*, ed. C. de Landberg, 2 vols (Leiden, 1888) i, p. 451; 'Izz al-Dīn Abu al-Hasan 'Alī Ibn al-Athīr, *al-Kamil fi al-tarikh*, 11 vols. (Beirut, 1998), x, p. 219; Michel le Syrien, *Chronique*, ed. and tr. J. B. Chabot, 4 vols (Paris, 1899–1910), iii, p. 388 (French translation); iv, p. 725 (Syriac text); C. Cahen, «Seljukides, Turcomans et Allemends au temps de la troisième croisade», in *ibidem*, *Turco-byzantina et Oriens Christianus* (London, 1974) [Variorum Reprints Series], article IX, p. 26; *idem*, «Une famille byzantine au service des Seldjuquides d'Asie Mineure», in *ibidem*, *Turco-byzantina et Oriens Christianus*, article VIII, p. 147–149; A. A. M. Bryer, «A Byzantine Family: the Gabrades, c. 979 – c. 1653», in *idem*, *The Empire of Trebizond and the Pontos* (London, 1980) [Variorum Reprints Series], article IIIa, p. 181, n. 10. About other Gabroi/Gavroi in the Seljukid Sultanate in the twelfth–thirteenth century, see also: P. M. Бартикян. О византийской аристократической семье Гаврас, Patma-banasirakan handes: Историко-филологический журнал Армянской Академии Наук СССР, выпуск 1987 г.: № 3, с. 190–200; № 4, с. 181–193; выпуск 1988 г.: № 1, с. 163–177.

<sup>29</sup> The descendants of Manuel Maurozomes, who was the famous amir Kumninus Mafruzum, the father-in-law of the Sultan Kay-Khusraw I, are found in the Konya inscription, dated in 1297: John Komnenos Maurozomes, his son John Komnenos and his grandson amir Michael Komnenos. On them, see P. Wittek, «L'építaphe d'un Comnène à Konia», *Byzantion* 10 (1935), pp. 505–515, *idem*, «Encore l'építaphe d'un Comnène à Konia», *Byzantion* 12 (1937), pp. 207–211; Barzos, *Ἡ Γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν*, ii, pp. 496–502; D. Korobeinikov, «A sultan in Constantinople: the feasts of Ghiyath al-Dīn Kay-Khusraw I», in *Eat, Drink and Be Merry* (Luke 12:19) – Food and Wine in Byzantium. Papers of the 37th Annual Spring Symposium of Byzantine Studies, in Honour of Professor A. A. M. Bryer, eds. L. Brubaker and K. Linardou (Aldershot, 2007) [Society for the Promotion of the Byzantine Studies: Publications, vol. 13], pp. 93–108; S. Métivier, «Les Maurozōmai, Byzance et le sultanat de Rum. Note sur le sceau de Jean Comnène Maurozōmès», *Revue des Études Byzantines* 67 (2009), pp. 197–208. On Manuel Maurozomes as sultan's father-in-law, fl. 1200–1226, see: Choniates, *Historia*, p. 626, ll. 47–52; Ibn al-Athīr, x, p. 295; Ibn Bibi, pp. 26, 129; Ibn Bibi (Duda), pp. 38, 131 (note 83), 330–331; Ibn-i Bibi, *El-Evāmīr-U'l-Alā'iyye fi'l-umāri'l-Alā'iyye*, ed. A. S. Erzi (Ankara, 1956), pp. 80, 305; Yazıcızāde Ali, *Evārīh-i Al-i Selçuk* (Oğuznâme-Selçuklu Tarihi), ed. A. Bakır (Istanbul, 2009), pp. 219, 444–445.

<sup>30</sup> Cf, for example, the descriptions of Laodikeia/Denizli in the thirteenth century: Akropolites, i, p. 143, l. 23 – p. 144, l. 15; p. 295, ll. 2–1; Abu al-Hasan ibn Musa ibn Sa'īd al-Maghribī, *Kitab al-Jughrāfiya* (Beirut, 1970), p. 185; *idem*, *Bast al-ard*, MS Bodleian Library, Seld. superius 76, fol. 61a; C. Cahen, «Ibn Sa'īd sur l'Asie Mineure Seldjuquide», in *ibidem*, *Turco-byzantina et Oriens Christianus*, article XI, pp. 42–43; X. de Planhol, «Le cadre géographique: le pays de Laodicée-Denizli», in J. Des Gagniers, P. Devambe, L. Kahil, R. Ginouvès, *Laodicée du Lycos, le Nymphée: campagnes 1961–1963* (Québec and Paris, 1969) [Université Laval, Recherches archéologiques, série I: fouilles], pp. 391–413.



the Rumi «our Persian enemies», thus making no distinction between the Rumi and the Seljuks<sup>31</sup>. Indeed, the Greeks in Asia Minor dressed like Turks; if they used a weapon, it was a Turkish sabre, not a European sword; moreover, their vernacular, with many Turkish and Persian loan words, diverged more and more from the tongue of the Byzantine Greeks. Without Byzantine education, the vernacular gained. We can trace this process from the evidence of various sources. For example, Choniates did not manage to understand the Rumi Greeks' spelling of the Turkish name of Ak-Saray as τὰ Ἀξαρα, the reduced form of which is Τάξαρα ('the city of Aksaray'), and mistakenly inverted an additional article τὰ: ὁ Μασοῦτ... παρενέβαλεν ἐκς τὰ Τάξα-ρα, ἃ ἐστισιν ἡ πάλαι λεγομένη Κολώνεια ('Mas'ūd entered the city of Ak-saray, formerly known as Koloneia')<sup>32</sup>. This is the case in the dictionary which was composed by al-Malik al-Afdal al-'Abbās b. 'Alī (1363–1377), the Rasūlid sultan of Aden, who was thought to have been a distant relative of the Mengüçek dynasty (fl in Erzincan, Divriği and Kemah from the twelfth until the thirteenth century). This dictionary contains entries in five principal languages: Arabic, Persian, Turkic, Greek and Armenian. As to Greek, without doubt the entries pointed to the Cypriot-Anatolian vernacular: consider the forms oilōs (ἰλουσ 'sun') instead of ἥλιος, ghlōsan (غلوسن) instead of γλώσσα, ghamrōn (غمرون 'son-in-law', 'bridegroom') instead of γαμβρός, obviously from Cappadocian γαμβρός, in which [b] had dropped out; consider also the Anatolian Turkish loan words, unattested in Greek in the fourteenth century: dāgharjūkī (داغرجوکی 'small leather sack') from dağarcık; or takās (تکاس 'goat') from teke<sup>33</sup>.

However, the best example of the existing bilingualism in Asia Minor was the poetry of Maulana Jalāl al-Dīn Rū (AH 605–672/AD 1207–1273), the great Persian mystic. Despite his nickname 'Rūmī', which literally meant 'Byzantine', he was of Persian origin from Balkh in Central Asia. At an early age he traveled with his father who finally settled in Konya. There he had founded the dervīṣ brotherhood of Mevlevi, known to the Europeans as 'Whirling dervīṣes'. His spiritual writings are immense as well as his excellent

<sup>31</sup> «Τυρικὸν τῆς ἐν τῷ περιώνυμῳ βουνῷ τοῦ Αὐξεντίου κατὰ τὴν ἐπαρχίαν Χαλκηδόνος βασιλικῆς μονῆς τοῦ Ἀρχιστρατήγου Μιχαῆλ. ἧς κτήτωρ ὁ βασιλεὺς Μιχαῆλ πρῶτος τῶν Παλαιολόγων», in Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока, изд. А. Дмитриевский, в 2-х тт. (Киев, 1895), i: Τυρικά, часть 1: Памятники патриарших уставов и ктиторские монастырские типиконы, с. 791; «Τυρῖκον of Michael VIII Palaiologos for the Monastery of the Archangel Michael on Mount Auxentios near Chalcedon», tr. G. Dennis, in Byzantine Monastic Foundation Documents. A Complete Translation of the Surviving Founders' Τυρῖκα and Testaments, eds. J. Thomas, A.C. Hero, with assistance of G. Constable, (electronic version [http://www.doaks.org/tyr000.html], 1999), p. 1231; Д. А. Коробейников. Михаил VIII Палеолог в Румском султанате. Византийский временник 64 (89) (2005), с. 82.

<sup>32</sup> Choniates, *Historia*, p. 53, ll. 45–46.

<sup>33</sup> The King's Dictionary. The Rasūlid Hexaglot: Fourteenth Century Vocabularies in Arabic, Persian, Turkic, Greek, Armenian and Mongol, trans. T. Halasi-Kun, P. B. Golden, L. Ligeti, E. Schütz; ed. P. B. Golden (Leiden, Boston, Köln: Brill, 2000) [Handbuch der Orientalistik, Achte Abteilung: Zentralasien, Bd. 4], pp. 20 (Introduction), 99, 110, 134, 168, 181; *MS facsimile* (private possession, Yemen), fols. 189, col. B, l. 16; 190, col. B, l. 19; 192, col. B, l. 14; 195, col. B, l. 6; 196, col. B, l. 13. On the 'Mencik'-Mengüçek ancestry of the Rasūlids, see: P. B. Golden, «The World of the Rasūlid Hexaglot», in The King's Dictionary. The Rasūlid Hexaglot: Fourteenth Century Vocabularies in Arabic, Persian, Turkic, Greek, Armenian and Mongol, p. 22 note 80; C. E. Bosworth, *The New Islamic Dynasties. A Chronological and Genealogical Manual* (Edinburgh, 2004), pp. 108–109.

poetry. The bulk of his writings were in Persian, but some of his verses were addressed in three languages (Persian, Turkish and Greek) to the city dwellers of Konya, for example:

كَلَالِي نَسِي أَنَانَسُو (ى) (فندى) چلبى  
 نيمشباب بر نام ما نا گزلبى طلبى  
 كه سياه پوش و اَشّ كه من كَلالوپوش  
 كه همدمه دنيزه، كه خرينج عربى

*Kālī tīsh-i āpānusū ay efendī chelebī*  
*Nīmshab bar nām-i mā tā garāmi ṭalabī*  
*Ke siyah pūsh u ‘aşā ke man kālūyerūs*  
*Ke ‘ammāma u nīze ke gharībam ‘arabī*

Good luck be upon you, o efendi chelebi  
 [Who is] at night seeking love in my name  
 Me who is dressed in black and [has] a stick of a monk;  
 Or [sometime] a turban and spear of an Arab stranger

The first line is Greek (ΚΚαλή τύχη ἀπάνω σου, ἔϊ, ἀφέντη τσελεμ-βή), though çelebi is a Turkish title for a gentleman. The second line contains the Greek word καλόγερος ('monk'). Other verses were Persian. The use of Greek in this multicultural society was not exceptional: Jalāl al-Dīn's son, Sultan Veled, himself an excellent poet, even exclaimed «I am going to speak Greek, so that you listen [to me], my rose-coloured beauty» (*N' εἶπω ἐδῶ ῥομαϊκά, ν' ἀκοῦς ἐσὺ, καλῆ ῥοδινῆ*). The language is Greek but the poetical form in Persian<sup>34</sup>. These Greek-Turkish language encounters left their trace even in the Modern Turkish language. In the clearest form these are attested in the Turkish Pontic dialect; but similar features, though to a lesser extent, can be found in Ottoman as well. The simplest example of the Greek influence is the emphasizing in pronunciation of the Turkish capital as Ankara, instead of the expected Ankara; Kastamonu (Castrā Comnenon) instead of Kastamonu. The archaic features of the modern Turkish dialects in the Pontic region allow B. Brendemoen to advance a theory according to which the Turkish dialect of the tribal confederation of Aq-qoyunlu, founded on the territory of the Empire of Trebizond, was bilingual: it had a Turkish nucleus (as far as the speakers were of Turkish origin), greatly influenced by their Greek neighbours. The Turks were isolated (for a while) from other Turks in the Greek environment in the Empire of Trebizond<sup>35</sup>. Thus, these Turks of the Northern range of the Pontic mountains preserved some archaic features. They also could have borrowed some Greek

<sup>34</sup> R. Burguière, R. Mantran, «Quelques vers grecs du XIIIe siècle en caractères arabes», *Byzantion* 22 (1952), pp. 63–80.

<sup>35</sup> B. Brendemoen, *The Turkish Dialects of Trabzpn: Their Phonology and Historical Development*, 2 vols (Wiesbaden, 2002), vol. i: *Analysis*, pp. 265–291. See also: P. M. Шукуров. Имя и власть на византийском Понте (чужое, принятое за свое) // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья, под ред. P. M. Шукурова (Москва, 1999), с. 222–227.

forms such as the diminutive suffix in – opo (from Greek – opulos)<sup>36</sup>. However, we meet the same suffix in Konya, far from the Pontos: the daughter of Jalal al-Din Rumi, Malika Hatun, was called efendipoulo, 'daughter of efendi' in the Persian sources. I have little doubt that such linguistic situation prevailed also in the frontier zone of western Asia Minor. What about the second component of our dichotomic picture, the Turks?

There, the ethnic situation was no less complex. The Turkish population of Asia Minor before the Ottomans consisted of two groups: the vast majority belonged to the southern Turkic tribes of the Oghuz people. Other, smaller groups were the Cumans or the Kıpçaks, the northern branch of the Turkic people. Besides their different ancestry (the Oghuz and the Kıpçaks had different tribal genealogies)<sup>37</sup> the difference between the two groups was evident from their speech. While the vernacular of the Oghuz Turks was full of voiced consonants, the Kıpçaks used the voiceless stops. The presence of the Kıpçak phonetic features can easily be traced in various dialects of Asia Minor. As far as Bithynia was concerned, the dialect that demonstrates the strong Kıpçak presence was on the territory of the former Byzantine Paphlagonia, in Kastamonu and Bartın<sup>38</sup>. The toponymy also shows the Turkmen presence, in particular of the tribes Afşar, Kınık and Salur<sup>39</sup>.

<sup>36</sup> B. Brendemoen, «Greek and Turkish language encounters in Anatolia», in *Language Encounters Across Time and Space*, eds. B. Brendemoen, E. Lanza, E. Ryen (Oslo, 1999), pp. 353–378.

<sup>37</sup> On the Oghuz tribes, see: Rashid al-Din, *Oghüz-nâme*, MS Topkapı Sarayı, Bagdad Köşkü 282, fol. 597a; *idem*, *Die Geschichte der Oğuzen des Rasid ad-Din*, ed. K. Jahn (Wien, 1969), pp. 45–46; *idem*, *Jāmi' al-tawārikh*, MS Bodleian Library, Elliott 377, fol. 342; *idem*, *Jāmi' al-tawārikh*, ed. M. Rawshan and M. Mūsawī, 4 vols (Tehran, 1994), i, pp. 58–61; Рашид ал-Дин, *Огуз-наме*, пер. П. М. Шукуровой (Баку, 1987), с. 64–67; Yazıcızâde Ali, *Tevârih-i Al-i Selçuk*, pp. 24–27; Абу-л-Гази, хан Хивинский, *Родословная туркмен (Şecere-i Teräkime)*, изд. А. Н. Кононов (Москва, Ленинград, 1958), с. 30, l. 506 – с. 37, l. 620; с. 50–54 (рус. пер.). On the Kıpçak tribes, see: Baybars al-Mansurî al-Dawâdâr, *Zubdat al-fikra fi ta'rih al-Hijra*. History of the early Mamluk Period, ed. D. S. Richards (Beirut, 1998) [Bibliotheca Islamica, 42], pp. 4–5; P. B. Golden, «The Polovci Dikii», *Harvard Ukrainian Studies* 3–4 (1979–1980), pp. 296–309; O. Pritsak, «The non-'wild' Polovtians», in *To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of His Seventieth Birthday, 11 October 1966*, 3 vols (The Hague and Paris, 1967), ii, pp. 1616–1623; *idem*, «The Polovcians and Rus'», *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 2 (1982), pp. 321–80; D. Korobeinikov, «A Broken Mirror: the Kıpçak World in the Thirteenth Century», in *The Other Europe in the Middle Ages: Avars, Bulgars, Khazars, and Cumans*, ed. F. Curta with the assistance of R. Kovalev (Leiden and Boston, 2008), pp. 402–406.

<sup>38</sup> А. П. Векилов, *Турецкая диалектология* (Ленинград, 1973), с. 81 (the Kıpçak phonetic forms such as [-v-] instead of [-ğ-] of standard Turkish, e.g. bovrnak instead of standard Turkish bağırnak ('to cry'); [-y] instead of [-n], e.g. napacasay instead of ne yapacaksan ('what you would like to do'), cf. Z. Korkmaz, «Die Frage des Verhältnisses der anatolischen Mundarten zu ihrer ethnischen Struktur», in *eadem*, *Türk Dili Üzerine Araştırmalar*, 2 vols (Ankara, 1995), ii, p. 188; B. Brendemoen, «Turkish Dialects», in *Language Encounters Across Time and Space*, p. 238; Э. А. Грунина, Раздел 2.7.0 («Диалекты»), в: А. Н. Кононов, *Турецкий язык // Языки мира: Туркские языки*, под ред. В. Н. Ярцевой, В. М. Солнцева, Н. И. Толстого (Москва, 1997), с. 410–411); С. Nuart, «Un commentaire du Qorân en turc de Qastamonu», *Journal Asiatique* 18 (XIe serie) (1921), pp. 180–181 (the Golden Horde Kıpçak Future tense – *IsAr*, e.g. *alsar* 'he/she will certainly take'; *gidser* 'he/she will certainly come', cf. Э. А. Грунина, *Историческая грамматика турецкого языка* (Москва, 1991), с. 170–171); Korkmaz, «Bartın ve Yöresi Ağızları Üzerine», in *eadem*, *Türk Dili Üzerine Araştırmalar*, ii, pp. 129–133; *eadem*, «Bartın ve Yöresi Ağızlarındaki Lehçe Tabakalaşması», in *eadem*, *Türk Dili Üzerine Araştırmalar*, ii, pp. 162–164, 170–174, 177–178; *eadem*, «Anadolu Ağızları Üzerindeki Araştırmaların Bu Günkü Durumu ve Karşılaştığı Sorunlar», in *eadem*, *Türk Dili Üzerine Araştırmalar*, ii, p. 206; *eadem*, «Anatolian dialects», in *eadem*, *Türk Dili Üzerine Araştırmalar*, ii, p. 258.

<sup>39</sup> Korkmaz, «Anadolu Ağızlarının Etnik Yapı ile İlişkisi Sorunu», in *eadem*, *Türk Dili Üzerine Araştırmalar*, ii, pp. 182–187; *eadem*, «Die Frage des Verhältnisses der anatolischen Mundarten

The difference between the two terms ('Turkmens' and 'Turks') did not lie in their language or ethnic divisions<sup>40</sup>, but in their habitat: whilst the name 'Turks' could have been applied to both the sedentary and nomadic population, the Turkmens were almost always nomads. The term 'Turkmens' was scarcely mentioned in the Anatolian Persian sources of the thirteenth century. Such limited usage of the term 'Turkmens' in our sources reflected the historical and geographical situation in Western Anatolia, where the nomads almost always dwelt side by side with the sedentary population, mostly due to the geographical features of the peninsula. For before the conquest of Byzantine Asia Minor the lowlands, the essential part of the nomadic habitat, they were too few in number. Both societies, nomadic and sedentary, could not properly have functioned without economic cooperation and as such never aimed at ultimate destruction of each other. As a result, we hardly find any territories in Asia Minor which were entirely occupied by the nomads. The symbiosis between the nomads and the sedentary population in Anatolia differentiated it from that in Mongolia or in Central Asia, in which the nomadic element was much more dominant. In Asia Minor, even in the no-man's-lands of the boundary zone, one could have found a mixture of population: nomadic, semi-nomadic and sedentary.

We need therefore to look more closely at the structure of the uc.

Oddly enough, the modern perceptions of the Byzantine-Seljuk frontier zone in the second half of the thirteenth century are primarily based on the study of Ottoman sources composed at the end of the fourteenth century, i.e. one hundred years after the events under consideration<sup>41</sup>. As a result, the

zu ihrer ethnischen Struktur», pp. 190–198; eadem, «Bartın ve Yöresi Ağızlarındaki Lehçe Tabakalaşması», pp. 175–178.

<sup>40</sup> The Turkmen language as such (including the language of the groups of the Turkmens in Asia Minor and Iraq), began in the end of the thirteenth century at the earliest: Б. Ч. Чарыяров, О. Н. Назаров. Туркменский язык // Языки мира: Тюркские языки, с. 412–426.

<sup>41</sup> The Byzantine sources mentioned the dates of the Turkish conquest of Western Asia Minor; occasionally they described, usually very briefly, the circumstances of the surrender; but when they stop, the Turkish ones do not begin. There were at least two simultaneous, but independent, Ottoman historical traditions. Both began in the end of the fourteenth century at the earliest; and both were largely based on oral tradition. Yahşi Fakih (Yakhshî Faqîh), whose chronicle was composed in 1389–1402, and whose data came from the oral tale of his father, the *imâm* İshak Fakih (İshâq Faqîh), as well as Yahşi's successors such as 'Aşıkpaşazâde or the important anonymous chronicle *Tawarikh-i nasal-i al-i Uthman Ghâzî*, which survived in the manuscript in the Bodleian Library (Rawl. Or 5 olim Bodl. Or. 65), belong to the first group: V. L. Ménage, «The Beginnings of Ottoman historiography», in *Historians of the Middle East*, eds. B. Lewis and P. M. Holt (London, 1962), pp. 172–173; V. L. Ménage, «The Menakib of Yakhshî Faqîh», *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 26 (1963), pp. 50–54; H. İnalçik, «The Rise of Ottoman historiography», in *Historians of the Middle East*, pp. 152–155; E. A. Zachariadou, *Ἱστορία καὶ θρόλοι τῶν παλαιῶν σουλτάνων* (1300–1400) (Athens, 1991), pp. 38–44, 116–213.

The second group includes the poem *İskendername* by Ahmedi (by 1410), the writings of Şükrullah Zaki (1456–1459), Karamani Mehmed-paşa, Mehmed Konevi (both Mehmeds worked around 1480) and Ruhi, who wrote in the 1490s: V. L. Ménage, *Neshri's History of the Ottomans* (the sources and development of the text) (London, 1964) [London Oriental Series, 16], pp. xiv–xv; İnalçik, «The Rise of Ottoman historiography», pp. 155, 159–167 (Ruhi's work is thought to have been survived in the MS Bodleian Library, Marsh 313, published by H. E. Gengiz, Y. Yücel, «Rûhî Târîhi», *Belgeler* xiv, sayı 18 (1989–1992), pp. 359–472; other Ottoman historians of the second group were published (in Modern Turkish characters) by N. Atsız, *Osmanlı Tarihleri* (Istanbul 1947)). According to Mehmed Fuad Köprülü, the Ottoman narratives concerning the reign of Ertoğrul (d. c. AH 679/1280) and his son Osman I ('Uthmân I, AH 680–724/1281–1324) are for the most part legendary (M.F. Köprülü,

frontier zone is seen as a narrow borderland inhabited mostly by the nomads. The classical description of such a perception was given by K. Hopwood:

«The uc was a debatable land, under the control of nomadic groups. Sedentarists could only be protected by the presence of forts, to which they could retire on the arrival of the nomads, and at which strong defensive forces could be concentrated. The upper reaches of the river valleys of western Anatolia lay on the crucial divide between arable and grazing land. The extent of each zone was ultimately determined by environmental factors, but temporary changes in the balance of power between the transhumant and the sedentarist could temporarily advance the extent of each zone»<sup>42</sup>.

However, if we look at the sources that were composed in the thirteenth century, we see that the picture was much more complex. *Āqsarāyī*, our main source for the frontier Türkmens, applies the term uc to large territories, sometimes those including the chief Seljuk cities, like Akşehir or even Konya, the capital of the Sultanate. Let me list two examples, of which the first one concerns the Nicaean-Seljuk border and the second describes the Pontic border of the Empire of Trebizond.

In 1261,

«[the Sultan Rukn al-Dīn and his ministers] deigned to confer full authority to govern the province of the uc (*amārat-i wilāyat-i uj*) to

---

Les origines de l'Empire Ottoman (Paris, 1935) [Études orientales publiées par l'Institut français d'archéologie de Stamboul iii], pp. 7–17; the statement of Köprülü was the response to the uncritical use of the early Ottoman sources on the part of H.A. Gibbons in his *The Foundation of the Ottoman Empire* (London, 1916). Nothing can change the pessimistic, yet correct, statement of Cemal Kafadar that «the only pieces of writing that survive from the days of Osman are not on paper but on coins» (C. Kafadar, *Between Two Worlds: the Construction of the Ottoman State* (Berkeley, Los Angeles, London, 1995), p. 60). On the early Ottoman sources, see also: H. Inalcik, «Osmanlı Beyliği'nin Kurucusu Osman Beg», *Belleten* 71, sayı 261 (2007), pp. 522–523.

Neither tradition witnesses, though both mention, the Turkish conquest of the Byzantine strongholds in Asia Minor, the last important of which was Nikomedeia in 1337. As far as the history of the decline and fall of Byzantine Asia Minor between 1295 and 1337 is concerned, the Ottoman historical writings should be used with caution, as these took final shape at the end of the fifteenth century. For example, we do not possess the authentic text of Yahşi Fakih whose chronicle survived only in the *Tevârih-i âl-i 'Osman of 'Aşıkpaşazâde*. The latter began his writings when he was 86 years old: 'Aşıkpaşazâde, *Tevârih-i âl-i 'Osman*, ed. 'Ali Bey (Istanbul, AH 1332/AD 1913), p. 35. The supposed date of 'Aşıkpaşazâde's birth is 1400 (F. Babinger, «Chronologische Miscellen. III. Wann starb 'Asyqpasazade?», in F. Kraelitz, P. Wittek, eds., *Mitteilungen zur Osmanischen Geschichte*, 2 vols (Vienna, Hanover, 1926; repr. Osnabrück, 1972), ii, pp. 315–316; Menage, «The Beginnings of Ottoman historiography», pp. 174–175), so the alleged text of Yahşi Fakih in 'Aşıkpaşazâde, which the scholars now possess, was finished between 1486 and 1490. 'Aşıkpaşazâde ended his chronicle in events of 1482, see the stemma in: Inalcik, «The Rise of Ottoman historiography», p. 155.

The great Byzantine historical works, that of Pachymeres (d. *circa* 1310) and that of Gregoras (died in Constantinople between 1358 and 1361), still described, inter alia, the history of Asia Minor until the first decade of the fourteenth century. Then Asia Minor almost disappeared from the pages of the Byzantine historical writings. The last great Byzantine historical work that belonged to the genre of «classicalising history», the *Histories of the Emperor John VI Cantacuzene* (1347–1354; died in 1383 as monk Joasaph), was almost entirely centred on the Balkan events in 1320–1356, with some additional episodes until 1362.

<sup>42</sup> K Hopwood, «The Byzantine-Turkish Frontier c1250–1300», in M. Kohbach, G. Procházka-Eisl, C. Römer, eds., *Acta Viennensia Ottomanica* (Vienna, 1999), p. 155. Cf. Heywood's critique of the concept of a narrow ghâzî frontier that had been advanced by P. Wittek: C. Heywood, «The Frontier in Ottoman History: Old Ideas and New Myths», in *ibidem*, *Writing Ottoman History: Documents and Interpretations* (Aldershot, 2002) [Variorum Reprints Series], article I, pp. 231–244.

Tâj al-Dîn Husayn and Nusrat al-Dîn, the children of the *ṣāhib* Fakhr al-Dîn 'Alī<sup>43</sup>... Their retainers were appointed in Kütahya, Sandıklı, Ghurghurûm and Akşehir»<sup>44</sup>.

Of these locations within the uc zone, Kütahya and Sandıklı were indeed the centres situated not too far from the Nicaean border (50–90 km); whilst Ghurghurûm (near Beyşehir) and Akşehir were situated in close proximity to Konya. The distance between Ghurghurûm/Beyşehir and Denizli can be calculated as 230 km (in reality, considering the complex road system in the mountains, this figure should be higher, up to 300 km), whilst the road that connected Konya and Beyşehir was no more than 80 km long. It seems that the *wazîr*'s sons controlled a very important road from Kütahya to Beyşehir (min 300 km) and all the lands west of it to the Nicaean border.

If we turn our attention to another principal Seljuk source, the chronicle of Ibn Bîbî, we find the same picture. For example, in 1280 one of the rebel Seljukid princes was captured in the uc of Amasya<sup>45</sup>. The expression «the uc of Amasya» means the Trebizond-Seljuk boundary zone, from Amasya to Limnia (east of Samsun), the fortress on the western border of the Empire of Trebizond at that time<sup>46</sup>. The distance between Amasya and Limnia was also long, no less than 120 km<sup>47</sup>.

These two examples, taken from two different sources, clearly demonstrate that the Seljuk frontier zone, unlike the Byzantine one, was a very large territory that extended as far as, or even included, the chief Seljuk cities like Konya or Amasya.

If the uc land occupied large territories and encompassed Seljuk cities, that also meant that the nomads were hardly a predominant element of the population in the uc. Indeed, as far as the southern sector of the Nicaean-Seljuk border is concerned, one finds here the important trade routes under the protection of the karavan-sarays<sup>48</sup>. prosperous cities and towns and,

<sup>43</sup> The famous Seljuk statesman, also known as Sâhib Atâ. He died on 25 Shawwal AH 687 (22 November 1288): *Histoire des Seldjoudides d'Asie Mineure* par un anonyme, ed. F.N.Uzluk (Ankara, 1952), p. 72 (Persian text); p. 49 (Turkish translation); *Târikh-i âl-i Saljûq dar Ânâṭûlî*, Compiled by Unknwn Author, ed. N. Jalâlî (Tehran, 1999), p. 115; Aksarayî, p. 150; I prefer the date given by Aksarayî, for the date of the week (Monday) coincides with the day of the month (25 Shawwâl). According to the common practice in the disintegrating Sultanate of Rum, Afyonkarahisar, Denizli, Sandıklı and Ghurghurûm, which originally formed an *iqṭā'* of Fakhr al-Dîn 'Alî, became hereditary possessions of his offspring, who established the *beylik* of the Sâhib Atâ oğulları under the protection of the Germiyanogulları. The beylik was annexed by the Germiyanogulları in c. 1341. Bosworth, *The New Islamic Dynasties*, p. 225.

<sup>44</sup> Aksarayî, p. 74.

<sup>45</sup> Ibn Bîbî, p. 336; Ibn Bibi (Duda), pp. 323–324.

<sup>46</sup> Limnia remained under the rule of the emperor of Trebizond until 1369, when it was visited by the Emperor Alexios III Grand Komnenos (1349–1390): *Μιχαήλ τοῦ Παναρέτου περὶ τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν*, ed. O. Lampsides, *Archeion Pontou* 22 (1958), p. 77, ll. 7–9. Limnia was situated in the delta of the river Yeşilırmak (the Byzantine Iris), near the modern village Taşlıkköy: A. A. M. Bryer, D. Winfield, *The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos*, 2 vols. (Washington DC, 1985), i, pp. 96–97; S.P. Karpov, *Ital'ianskie morskiiye respubliki i luzhnoieprichernomor'ie v XIII–XV vv.:problemy torgovli* (Moscow, 1990), p. 89; A. A. M. Bryer, «Greeks and Türkmens: the Pontic Exception», in *ibidem*, *The Empire of Trebizond and the Pontos*, article V, pp. 129–130.

<sup>47</sup> Cf similar example: Ibn Bîbî, p. 311; Ibn Bibi (Duda), p. 298: Elbistan is mentioned as boundary zone.

<sup>48</sup> The famous Seljuk statesman, also known as Sâhib Atâ. He died on 25 Shawwal AH 687 (22 November 1288): *Histoire des Seldjoudides d'Asie Mineure* par un anonyme, ed. F.N.Uzluk



interestingly, the peasant population<sup>49</sup>. One should remember that the large tribal confederations, be these the Turkish tribal groups in Asia Minor in the thirteenth-fourteenth century, the confederations of Ak-koyunlu and Kara-koyunlu in Eastern Anatolia in the fifteenth century or various *Qızılbaş* groups in the same area in the sixteenth to the eighteenth centuries,

«were not extremely pastoral nomads, and their chiefs were not merely leaders of nomads, but had legitimate sources of personal wealth and power: not only livestock, but agricultural land and commonly city-based trading houses. In addition, chiefs received income through tax collection»<sup>50</sup>.

One can better understand the balance of power between the transhumant and sedentarist elements in the *uc* zone through considering the data on the life of the nomads in Eastern Anatolia in the sixteenth century. These nomads were the backbone of the nomadic state of the Ak-koyunlu until 1507–1508 when Shāh Ismā'īl Šafawī (1501–1524) of Iran conquered the state. Soon afterwards, however, the former western lands of the Ak-koyunlu were incorporated into the Ottoman Empire after the famous battle at Çaldıran on 2 Rajab AH 920 (23 August 1514) when the Sultan Selim I Yavuz (1512–1520) defeated the Safawi army. The newly conquered lands were soon entered into the Ottoman tax registers (1518)<sup>51</sup>. As the chronological period between the fall of the Ak-koyunlu and the final Ottoman conquest was very brief (between 1507/1508 and 1516), we are able to restore the realities of the nomadic confederation on the basis of the comparatively recent evidence: the Ottoman tax registers. I will compare the number of Ak-koyunlu with the data of the first large Turkish confederation, the Turks of Denizli, which flourished in the thirteenth century.

The remaining tribes of the confederation of Ak-koyunlu are described in the Ottoman documents as Boz-ulus. The confederation consisted of 4,994 households in 1540, of which 4,568 were families, whilst 462 were mücerred

(Ankara, 1952), p. 72 (Persian text); p. 49 (Turkish translation); *Tārīkh-i āl-i Saljūq dar Ānāṭūl*, Compiled by Unknown Author, ed. N. Jalālī (Tehran, 1999), p. 115; Aksarayi, p. 150; I prefer the date given by Aksarayi, for the date of the week (Monday) coincides with the day of the month (25 Shawwāl). According to the common practice in the disintegrating Sultanate of Rum, Afyonkarahisar, Denizli, Sandıklı and Ghurghurım, which originally formed an *iqṭā'* of Fakhr al-Dīn 'Alī, became hereditary possessions of his offspring, who established the *beylik* of the Sāhib Atā oğulları under the protection of the Germiyanogulları. The beylik was annexed by the Germiyanogulları in c. 1341. Bosworth, *The New Islamic Dynasties*, p. 225.

<sup>49</sup> See the descriptions of three cities in the *uc* zone – Amasya, Konya and Malatya – in *The Geographical part of Nuzhat-al-Qulub, composed by Hamd-allāh Mustawfi of Qazwīn in 740 (1340)*, ed. and transl. G. Le Strange [E.J.W. Gibb Memorial series, xxiii, part 1–2] (Leiden, London, 1915), i, pp. 95–99 (Persian text); ii, pp. 96–99 (English translation). Cf. Kafadar, *Between Two Worlds: the Construction of the Ottoman State*, pp. 126–127. On the dependence of the nomads on the agriculturalists, see A. Khazanov, *Nomads and the outside world* (Cambridge, 1984), pp. 81–84.

<sup>50</sup> Tapper, *Frontier Nomads of Iran. A Political and Social History of the Shahsevan* (Cambridge, 1997), pp. 11–12.

<sup>51</sup> Ш. М. Мустафаев, *Восточная Анатолия: от Ак-кююнду к Османской империи* (Москва, 1994), с. 10–13, 28–49; J.E. Woods, *The Aqquyunlu: Clan, Confederation, Empire* (revised and expanded edition: Salt Lake City, 1999), pp. 163–172; F. Sümer, *Oğuzlar (Türkmenler): tarihleri, boy teşkilati, destanları* (İstanbul, 1992), pp. 127–130; cf. the chapters of H.R. Roemer, «The Türkmen dynasties» and «The Safavid period», in *The Cambridge History of Iran*, 7 vols (Cambridge, 1968–1991), vi, pp. 183–188, 209–225.



(bachelors)<sup>52</sup>. Mustafaev, who calculates the average number of the members of a family as 5 persons, believes that the confederation was as numerous as 23,000 people (the figure is almost ten times lower than that given by Ibn Said<sup>53</sup> for the Turks of Denizli)<sup>54</sup>.

The winter pasturelands (*kışlak*, *qışhlāq*) of the Boz-ulus were the so-called Beriyye: the territories between Mardin, Diyarbakır and Siverek. Their summer pastures (*aylak*, *yāylāq*) were situated north of the river Murat (north-west of Lake Van) and reached the environs of Erzurum<sup>55</sup>. The territory which the tribes of Boz-ulus occupied in 1540 was almost the same as the pasturelands of the Ak-koyunlu confederation in the fifteenth century<sup>56</sup>. The shortest distance between the *aylak* and the *kışlak* of Boz-ulus was 150–210 km.

It should be noted that the confederation of the Turks of Denizli under a certain Mehmed-bey, hostile to both Byzantium and the Seljuk government, appeared in 1260<sup>57</sup>. In AH 660 (26 November 1261 – 14 November 1262) the *ilkhān* Hülegü (1256–1265) commanded Mehmed-bey to visit the *ilkhān*-court (which was a usual Mongol demand to confirm the submission of a vassal ruler). The bey refused, and the angry *ilkhān* ordered the Sultan Rukn al-Dīn Kılıç Arslān IV (to whom Hülegü had given a Mongol detachment) to subdue the rebel. Rukn al-Dīn was victorious; Mehmed-bey was defeated on the plain of Dalaman, captured and finally killed in the fortress of Burlü (Burghulü, Uluborlu) on the sultan's return to Konya. However, the 'state' of Mehmed-bey was spared and 'Alī-bey, Mehmed's son-in-law, became the master of the Turkmens of Denizli<sup>58</sup>.

There is no doubt that this confederation was very powerful. The territory which was under the control of Mehmed-bey was enormously large: from Laodikeia to Dalaman (150 km), from Dalaman to Alanya (350–400 km),

<sup>52</sup> F. Demirtaş, «Bozulus hakkında», Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi 7 (1949), p. 53, 59 (the additional *hânes* of the Dhū'l-Qâdiriyye/Dulkadirli Turks). Cf. Ö.L. Barkan, XV. ve XVI. Asırlarda Osmanlı İmparatorluğu'nda Zirai Ekonominin Hukuku ve Mali Esasları (Istanbul, 1943), pp. 143; partly reprinted in An Economic and Social History of the Ottoman Empire, eds. H. İnalcık, S. Faroqhi, B. McGowan, D. Quataert, Ş. Pamuk, 2 vols (Cambridge, 1994), i, p. 37.

<sup>53</sup> Abū al-Ḥasan ibn Mūsā ibn Sa'īd al-Maghribī, *Kitāb al-Jughrāfiyā*, p. 185; *idem*, *Baṣṭ al-arḍ*, Seld. superius 76, fol. 61a (I give the MS readings): «As we have mentioned, there are the mountains of Denizli (Tughüzla) [situated] to the north of Antalya (Antāliyyā). They say that there are approximately two hundred thousand Turkmen tents in Denizli and the surrounding regions. And they (the Turkmens) are called al-uj (i.e. the Turks of the uc)». Cf. C. Cahen, «Ibn Saïd sur l'Asie Mineure Seldjuqide», pp. 42–43.

<sup>54</sup> Мустафаев. Восточная Анатолия, с. 118. The confederation was more numerous during the time of the Ak-koyunlu state. In c. 1474 the confederation had 6,000 households (tents) with 29,000 persons, including 3,000 men, 15,000 women and 11,000 children. The Ak-koyunlu state, which included other tribal confederations, could have had as many as 22,000 horsemen. D. Akkoyunlu, Akkoyunlular ve Bayburt (Ankara, 1992), p. 155.

<sup>55</sup> Barkan, XV.ve XVI. Asırlarda Osmanlı İmparatorluğu'nda Zirai Ekonominin Hukuku, pp. 140–142; Demirtaş, «Bozulus hakkında», p. 39; Мустафаев. Восточная Анатолия, с. 119.

<sup>56</sup> Cf the map in: Woods, Akquyunlu, p. 30.

<sup>57</sup> Baybars, Zübdat al-fikra, p. 73.

<sup>58</sup> Baybars, Zübdat al-fikra, p. 76; Aksarayı, p. 71. Cf. C. Cahen, «Notes pour l'histoire des Turcomans d'Asie Mineure au XIIIe siècle», Journal Asiatique 239 (1951), pp. 336–338; *idem*, *The Formation of Turkey*, pp. 190–193; F. Sümer, «Anadolu'da Moğollar», Selçuklu Araştırmaları Dergisi 1 (1970), pp. 48–49.

from Alanya to Laodikeia (300 km)<sup>59</sup>. Thus, the bey of Denizli was master of the great mountain range that separates the hills of the Upper Maeander from the Mediterranean shore of Anatolia (Dalaman-Antalya-Alanya)<sup>60</sup>.

Thus, the pastures of Boz-ulus were almost the same as the nomadic routes of the Turks of Denizli in the 1260s (230 km). There is a direct connection between the number of the transhumant households and their cattle on the one hand, and the distance of the nomadic migrations on the other: the bigger the livestock, the longer the route<sup>61</sup>. I thus conclude that the Turks of Denizli numbered the same as or rather fewer than the later tribes of Boz-ulus: 15,000–20,000 persons. Of these, roughly one third at the most were capable warriors whilst another two thirds were women, elderly people and children. Thus, the Turks of Denizli, one of the largest nomadic confederations near the Byzantine border, could have had no more than 4,000–6,000 fighting men<sup>62</sup>.

My calculation can be confirmed by the Ottoman tax registers. According to these, the Turks in the sub-province of Tekke, which occupied approximately the same territory as the Turks of Denizli in the thirteenth century (Denizli-Dalaman-Alanya), numbered 8,816 and 5,601 households (*hane*) in 1520–1535 and 1570–1580 respectively<sup>63</sup>. Of these figures, the number 5,601 (approximately 25,000 men, women and children) is the more reliable, as in the first half of the sixteenth century many nomads of Eastern Anatolia, the theatre of the long-lasting conflict between the Ottomans and the Şafawids, migrated westward. By the end of the sixteenth century many of them either became sedentary or were settled by the Ottoman administration in the Balkans<sup>64</sup>. Noteworthy is the fact that the Turks of the sub-province of Menteşe who lived further west in the triangle Dalaman- Denizli-Menderes, on the lands which in the thirteenth century were part of the Byzantine empire, numbered as many as 16,912 *hane* in 1570–1580<sup>65</sup>. Their great number in comparison to the Turks of the sub-province of Tekke demonstrates how economically important and attractive were the rich, well-watered Byzantine lowlands along the Maeander for nomadic society. The same was also true for Bithynia.

If one accepts the notion of the boundary zone as a large territory that encompassed cities and towns, one should agree with the famous statement of

<sup>59</sup> I count the distance very roughly; one should remember that the twisted roads in the mountains make the journey between these locations much longer.

<sup>60</sup> These Turks were probably descendants of the nomads around Mt Kadmos in Lykia in the twelfth century: P. Armstrong «Seljuks before the Seljuks: nomads and frontiers inside Byzantium», in *Eastern Approaches to Byzantium*, ed. A. Eastmond (Aldershot, 2001), pp. 278–279.

<sup>61</sup> Мустафаев. Восточная Анатолия, с. 119. Cf. R. Tapper's remarks on the growing size of the nomads of Shahsevan: R. Tapper, *Pasture and Politics. Economics, conflict and ritual among Shahsevan nomads of northwestern Iran* (London, 1979), pp. 92 (table 12), 94, 246–247. On the connection between the increasing of the nomadic production base and opening new pastures, as well as the possibility of comparing large nomadic groups in different regions by the particular type of their migration routes, see Khazanov, *Nomads and the outside world*, pp. 38, 79.

<sup>62</sup> On the population strata of the Ak-koyunlu confederation in c. 1474, see *supra*, note 54.

<sup>63</sup> *An Economic and Social History of the Ottoman Empire*, i, p. 35. On the very low increase of the nomadic population in a particular territory due to the stagnant economy throughout the centuries, see Khazanov, *Nomads and the outside world*, pp. 69–71.

<sup>64</sup> *An Economic and Social History of the Ottoman Empire*, i, pp. 34–37, 40–41.

<sup>65</sup> *Idem*, p. 35.

the Turkish historian Mehmed Fuad Köprülü that still perfectly describes the realities of the uc zone:

«The marches were not simply regions containing summer and winter pastures reserved for the nomadic and semi-nomadic Turkmen tribes. In addition to the summer and winter pastures reserved for each tribe there were also a great many villages, small towns, and even small fortified positions at strategic points. Furthermore, somewhat behind the border were some rather large, but not very numerous, cities. These well-defended cities which had been captured from the Byzantines served as the capitals of the march beyliks. And just as there were both Christian villages and Muslim villages in the Turkish area, the population of the cities was also a mixture of Christians and Muslims»<sup>66</sup>.

It should be noted that the migration routes were precisely established, and as far as the central government managed to control the territory where the nomads wandered, the state laws (for example, Ottoman ones) prohibited them from deviating from the established routes in their seasonal migrations<sup>67</sup>. In other words, as long as nomadic society was organized and controlled, it did not necessarily represent a permanent threat for a sedentary society; co-existence was always possible. If a Turkish ruler, no matter how many nomadic or sedentary people were under his rule, nevertheless wanted to increase his independence, he had, first and foremost, to establish control over the vast network of fortresses, bridges and small towns on his territory.

The uc zone suffered profound changes in the second part of the thirteenth century. The changes were largely connected with the Mongols: the thirteenth century itself was the time of the great Mongol conquests. When the Mongols finally subdued Rum in 1243, they weakened the sultan's power as much as possible. The period of the 1260s — the 1290s was marked by the domination of the semi-dependent Rum lords. The question of governance was also complicated by the infiltration of the Mongols into the Seljuk state apparatus. Deprived of effective control over their finances, army and households, the sultans soon became puppets of the Mongols.

The Mongol conquests also shifted the ethnic balance in the peninsula. Many Turkish nomads fled before them from Central Asia to Anatolia; moreover, the Mongol troops occupied the best pastures of the Anatolian plateau. From the 1260s the number of the Turks that migrated to the Byzantine borders increased sharply. Most importantly, the Turks began to form large permanent tribal confederations. The biggest one seemed to have been the Turks of Laodicea/Denizli in 1260–1262. Other confederations were those of the (1) ağaç-eri which occupied the plains between Malatya and

<sup>66</sup> M.F. Köprülü, *The Origins of the Ottoman Empire*, tr. G. Leiser (New York, 1992), pp. 81–82. See also Kafadar, *Between Two Worlds*, pp. 125–126.

<sup>67</sup> Мустафаев. Восточная Анатолия, с. 119. For the very precise routes of the Boz-ulus seasonal migrations, see Barkan, XV.ve XVI. Asırlarda Osmanlı imparatorluğunda Zırai Ekonominin Hukuku ve Mali Esasları, pp. 140–142. Cf Khazanov, *Nomads and the outside world*, p. 38, who suggests that «when we look at the nomadic routes of the large subdivisions of a nomadic group, these routes seem to be more stable than those of the other, smaller subdivisions in the same group».

Maraş as far as the north-eastern border between Rum and Cilician Armenia<sup>68</sup>, (2) the Germiyanogulları (a mixture of Kurdish and Turkish tribes mentioned for the first time near Malatya and Mayyafariq̄m (Silvan) in 1240–1241<sup>69</sup>, then near Kütahya from 1277<sup>70</sup>), (3) Karamanogulları (between Ermenek, Mut, Silifke and Anamur)<sup>71</sup> (4) the Turks of Kastamonu (who robbed Michael Palaiologos in 1256<sup>72</sup>) and, finally, (5) the Turks of the Pontos, of whom the most prominent was the tribe of çepni (recorded for the first time near Sinop in 1277)<sup>73</sup>. Of these confederations at least three (the Germiyanogulları, of Kastamonu, and of Denizli) occupied lands in proximity to the Byzantine border. The military pressure on the Byzantines increased as the Turks, whose territory was ravaged by the Mongols, tried to compensate by the occupation of Byzantine lands.

The Nicaean defence of the Anatolian possessions against the Turks was based on three elements: the provincial garrisons or themata, which were situated in the frontier towns and castles; the nomads of Turkic and Cuman origin who were allowed to settle on Nicaean soil<sup>74</sup> and, finally, the akritai (the «inhabitants of the mountains»<sup>75</sup>) who were smallholding soldiers in the frontier zone, exempted from taxation on condition of military service. Moreover, the most prominent of these were granted state revenues (pronoiai) and money grants from the Nicaean emperors<sup>76</sup>. However important during

<sup>68</sup> They are recorded as early as in 1254, and again in 1256 and 1258. Ibn Bibi, pp. 284–285; Ibn Bibi (Duda), pp. 270–271; Gregorii Barhebraei Chronicon ecclesiasticum e codice musei Britannia descriptum conjuncta opera ediderunt... J.B. Abbeloos et T.J. Lamy, 3 vols (Paris, Louvain, 1872–1877), ii, pp. 729–732; Smbat Sparapet, Taregirk', ed. S. Agëlean (Venice, 1956), p. 230; Smbat Sparapet, *Chronicle*, tr. R. Bedrosian (New Jersey, 2005), p. 108; A.G. Galstian, Armianskiie istochniki o mongolakh (Moscow, 1962), p. 49; Cahen, *The Formation of Turkey*, pp. 184, 193; Sümer, «Anadolu'da Moğollar», p. 46.

<sup>69</sup> Ibn Bibi, pp. 229–232; Ibn Bibi (Duda), pp. 218–221.

<sup>70</sup> Ibn Bibi, p. 326, 332; Ibn Bibi (Duda), p. 314, 319–320; Histoire des Seldjucides, 1952, pp. 69–73, 77 (Persian text); pp. 47–50, 54 (Turkish translation); *Tārīkh-i āl-i Saljūq dar Anāṭūlī*, ed. Jalālī, pp. 112–115, 119; Sümer, «Anadolu'da Moğollar», pp. 46–47; *The Encyclopaedia of Islam, New Edition*, 11 vols. (Leiden, London, 1960–2002), s.v. «Germiyan-oghulları» (hereafter *EI*).

<sup>71</sup> For a brief moment between 1265 and 1271, until the arrival of the confederation of the Germiyanogulları from Malatya, the Karamanogulları seem to have been neighbours of Byzantium in the region of Afyonkarahisar: Répertoire chronologique d'épigraphie arabe, eds. E. Combe, J. Sauvaget and G. Wiet, 16 vols (Cairo, 1931–1964), xii, 4540, p. 94; *EI2*, s.v. «Karamân-oghulları»; F. Sümer, «Anadolu'da Moğollar», p. 50; К.А. Жуков. Эгейские эмираты в XIV–XV вв. (Москва, 1988), с. 14.

<sup>72</sup> Akropolites, i, p. 136, ll. 8–25; Коробейников. Михаил VIII Палеолог в Румском султанате, с. 81.

<sup>73</sup> Ibn Bibi, p. 333; Ibn Bibi (Duda), p. 321; Bryer, «Greeks and Türkmens», pp. 125, 132–133; R. Shukurov, «Between Peace and Hostility: Trebizond and the Pontic Turkish Periphery in the Fourteenth Century», *Mediterranean Historical Review* 9, N 1 (1994), pp. 47–62; P. M. Шукуров. *Великие Комнины и Восток (1204–1461)* (Санкт-Петербург, 2001), с. 227–250; Sümer, «Anadolu'da Moğollar», p. 46; *idem*, *Oğuzlar*, pp. 241–244.

<sup>74</sup> H. Grégoire, «Imperatoris Michaelis Palaeologi de vita sua», Byzantium 29–30 (1959–60), p. 457; «Typikon of Michael VIII Palaiologos for the Monastery of St. Demetrios of the Palaiologoi-Kellibara in Constantinople», tr. G. Dennis), in Byzantine Monastic Foundation Documents, eds. Thomas, Hero and Constable, p. 1245; Nicephorus Gregoras, *Historia Byzantina*, eds. L. Schopen and I. Bekker, 3 vols. (Bonn, 1829–1855), i, p. 36, l. 16 – p. 37, l. 9 (hereafter Gregoras); Langdon, Byzantium's Last Imperial Offensive in Asia Minor, pp. 19–21; C.J. Halperin, «The Kipchak connection: the Ilkhans, the Mamluks and Ayn Jalut», Bulletin of the School of Oriental and African Studies 63 (2000), pp. 233–236.

<sup>75</sup> Pachymeres, i, p. 29, l. 21; p. 31, l. 17.

<sup>76</sup> Pachymeres, i, p. 29, ll. 21–26; p. 31, ll. 15–20.

the Nicaean period, from the 1260s onwards the akritai were no match for the Turks now organised in powerful confederations, strong enough to resist, sometimes successfully, even the Mongol tumens. The only appropriate response on the part of the Byzantines was military reform.

Such reform was conducted by Michael VIII Palaeologus in 1264–1265 who changed the status of the akritai into that of the *pronoia* holders. The people who had previously paid no taxes lost their status. The part of the land property of each individual whose yearly revenues were estimated at 40 hyperpyra, was converted into *pronoia*, a military fief, or, more precisely, a grant of state revenues from a land in return for the military service of the holder. The holders were now obliged to perform military service for the income from their estates, which were declared the state land and which were thus reduced to 40-hyperpyra parcels. The other lands that were not declared as *pronoia* were now taxed<sup>77</sup>. The reform brought about the changes in the status of the akritai: those who were tax-free holders of the state land and formed irregular military units during the reign of the Laskarids became *pronoia* holders. From then on, the incomes from the akritai lands were earned by the state; and the akritai received a fixed part from these revenues (40 hyperpyra per person per year)<sup>78</sup>. They became mobile *themata* troops that could be used in various military campaigns in Asia Minor or in the Balkans.

Until the 1290s the Byzantines managed to maintain their defence system. However, under the ineffective rule of Michael's son and successor Andronicus II the Byzantine army, which more and more relied on the mercenaries and the impoverished *pronoia* holders, whose wages were poorly paid, deteriorated. After the severe winter of 1298–1299<sup>79</sup> the Turks had crossed the Byzantine borders along the Maeander; in 1300–1301 Andronikos II received news of constant Turkish attacks on the Byzantine possessions in Asia Minor<sup>80</sup>. Facing ineffective and disorganised Byzantine resistance, the Turks had occupied the

<sup>77</sup> Pachymeres, i, p. 31, l. 27 – p. 33, l. 9; M. C. Bartusis, *The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204–1453* (Philadelphia, 1992), pp. 54–57. On the double status of *pronoia* as the grant of the state revenues from taxation, on the one hand, and as the allowance to collect taxes from, or to govern, the territory of the *pronoia*, on the other hand, see: К. В. Хвостова. Социально-экономические процессы в Византии и их понимание византийцами-современниками (XIV–XV вв.) (Москва, 1992), с. 37–50. On the abolition of the tax immunity in Byzantium as a form of confiscation of the land, see: она же. Земельная собственность в поздней Византии (XIV–XV вв.): реальные отношения и их понимание византийцами – современниками эпохи. *Византийский временник* 51 (1990), с. 10.

<sup>78</sup> On the difference between smallholders and *pronoia* holders, see Bartusis, *The Late Byzantine Army*, p. 157: «The smallholding soldier is usually viewed as someone who held a more or less direct grant of land as compensation for or on condition of military service... He is essentially distinct from the *pronoia* soldier, who generally had a much higher social position and only an indirect connection to the land from which his income was derived».

<sup>79</sup> Pachymeres, ii, p. 305, ll. 17–27.

<sup>80</sup> In his letter, dated April 1299 – October 1300, the Patriarch Athanasios I (1289–1293; 1303–1309) asked Andronikos II to leave Thessaloniki, where his daughter Simonis married Stephen Milutin of Serbia, for Constantinople, in order to organize resistance to the Turkish invasions: The Correspondence of Athanasios I, Patriarch of Constantinople; Letters to the Emperor Andronicus II, members of the Imperial Family, and Officials, ed. A.-M. Talbot (Washington DC, 1975), p. 2, ll. 2–14; p. 4, ll. 25–26, p. 307. Cf. Pachymeres, ii, p. 335, l. 4 – p. 337, l. 6; Gregoras, i, p. 204, ll. 23–24. Pachymeres mentions Halley's Comet of which appeared on 1 September 1301 and which foreshadowed not only the traditional Turkish invasions into various provinces in Anatolia but the complete loss of the Byzantine Asia Minor.

lowland between the Maeander and the Hermos rivers by 1302; by the end of 1304 the whole coastline to Adramittium, save Phocae, a Genoese possession, was in their hands. The northern sector of the Byzantine border defences was broken after the defeat of the Byzantine army by the Ottomans, on 27 July 1302, in the battle at Bapheus (Koyun Hisar) near Nikomedeia<sup>81</sup>, and the Turks had appeared on the Asiatic shore of the Bosphoros by 13 December 1302<sup>82</sup>. The later attempts by Andronicus to use foreign mercenaries, the Catalans, ended in disaster: the Catalans rebelled and threatened the very existence of the Empire in 1305–1311. New Turkish states emerged on the former Byzantine lands: the emirates of Osman, Karesi, Candar-oğulları, Saruhan, Aydın, Menteşe, Teke and Germiyan<sup>83</sup>.

We should remember that in the beginning of their history the early Ottoman groupings were smaller than these large confederations. According to the Ottoman historical tales, their beylik (principality) had been established by a tribe consisting of only 400 tents (according to the data of the first group of the Ottoman historical writings)<sup>84</sup>, which, if we accept the calculation of the Ak-koyunlu in c. 1474<sup>85</sup>, meant no more than 2000 persons, of whom 500 were fighting men. Oddly enough, this average number of 500 is very close to what the Ottoman sources of the second group say about the first Osmanlı in Asia Minor: the founder of the dynasty, Ertoğrul/Ertoğrul (d. c. AH 679/1280), father of Osman I (1281–1324), initially had only 340 fighting men (*nefer kişisi*)<sup>86</sup>. They moved from the territory between Erzincan and Erzurum, near Pasin ovası and Sürmelü at a period so remote that it was lost to Ottoman consciousness. If the later commentaries on the early Ottoman sources are correct, this movement took place when the Mongols appeared in Armenia, sometime in the 1230s. The future Ottoman Turks moved via Karaca Dag in the vicinity of Ankara<sup>87</sup> to the Byzantine-Seljuk border: Sultan-oyugu and Sogut<sup>88</sup>. The Ottomans remembered that their first territory stretched as far as Bilecik and Ine-Gol, which were Byzantine frontier fortresses of Belokomis and Angelokomis respectively<sup>89</sup>. There is

<sup>81</sup> Pachymeres, ii, p. 359, ll. 4–7; p. 365, l. 13 – p. 367, l. 32.

<sup>82</sup> The Correspondence of Athanasius I, p. 76, l. 1 – p. 78, l. 12; R. Muntaner, *Crònica*, ed. M. Gusta, 2 vols (Barcelona, 1979) [Les Millors Obres de la Literatura Catalana, 19–20], ii, 202, p. 71 (hereafter – Muntaner).

<sup>83</sup> MS Bodleian Library, Marsh 313, fol. 39 (the fullest account in the Ottoman sources); S. Vryonis, *The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamisation, from the XIth through the XVth century* (Berkeley, Los Angeles, London, 1971), pp. 403–408; Жуков. *Эеицкые эмираты*, с. 14–27.

<sup>84</sup> *Die altosmanische Chronik des 'Asikpāšāzāde*, ed. F. Giese (Leipzig, 1928, reprint: Osnabrück, 1972), p. 6 (hereafter 'Asikpāšāzāde (Giese)); Mehmed Neşri, *Kitāb-ı Cihān-nümā (Neşri Tarihi)*, ed. F.R. Unat, M.A. Köymen, 2 vols (Ankara, 1987), i, pp. 60–61.

<sup>85</sup> 6,000 tents = 29,000 persons = 3,000 men + 15,000 women + 11,000 children (see supra, note 54).

<sup>86</sup> MS Bodleian Library, Marsh 313, fol. 29; Gengiz, Yücel, "Rūhī Tārīhi", p. 375. On the two groups of the Ottoman historical works, see supra, note 41.

<sup>87</sup> On the location, see: İnalçık, "Osmanlı Beyliği'nin Kurucusu Osman Beg", pp. 479–480.

<sup>88</sup> Neşri, *Kitāb-ı Cihān-nümā*, i, pp. 56–69.

<sup>89</sup> *Die Altosmanischen Anonymen Chroniken (Tawārikh-i āl-i 'Uthmān) in Text und Übersetzung*, ed. F. Giese, 2 vols (Breslau and Leipzig, 1922–1925), i, pp. 5–6; Anonim, *Tevārih-i āl-i Osman*, F. Giese neşri, ed. N. Azamat (Istanbul, 1992), p. 9; 'Asikpāšāzāde (Giese), pp. 7–9; Neşri, *Kitāb-ı Cihān-nümā*, i, pp. 63–73; *Düsturnāme-i Enveri*, ed. M.H. Yımanç (Istanbul, 1928), pp. 79–82; R.P. Lindner, *Explorations in Ottoman Prehistory* (Ann Arbor, 2007), pp. 35–53, 71–80.



little doubt that the population was mixed Greek and Turkish. The Ottoman sources often mention the cases of cooperation between the Byzantines and the Turks: for example, it was the *takvar* of Bilecik, i.e. the Byzantine governor of Belokomis who allowed Osman to use the environs of the fortress for summer pastures<sup>90</sup>. We also find the Christian auxiliary troops, the *martolos* (from the Greek ἀμαρτωλός, 'a sinful one'), in Ottoman service in the 1280s.

The Ottoman expansion started from the conquest of Karaca Hisar in 1288<sup>91</sup>. In 1302 Osman defeated the Byzantine army at Bapheus near Nikomedeia<sup>92</sup>. However, the Ottomans, despite their victory at Bapheus, did not immediately gain much Byzantine territory though in the spring of 1304 their raids reached Chele<sup>93</sup>. In the battle at Bapheus they destroyed the Byzantine field army but the fortresses that surrounded Nicaea and Prousa were still to be conquered. The text of Pachymeres suggests that by the spring of 1304 Osman occupied the lands between Nicaea and the fortresses of Angelokomis (İnegöl), Belokomis (Bilecik), Plataneia (between Nicaea and Prousa) and Melangeia/Malagina (Yenişehir), situated south of Nicaea<sup>94</sup>. The road from Nicaea to the Gulf of Nikomedeia, near the fortresses of Herakleion (Ereğli), Neankomis (near Helenopolis (Hersek)) and Pythia (Yalova), was blocked by the Ottomans. The dwellers of Nicaea could have received supplies from Byzantium only by the difficult and unsafe road that ran from Kios (Gemlik) to Kroulla (Yeniğürle) and then to the Lake of Askania (İznik Gölü)<sup>95</sup>. Osman also ravaged the environs of Prousa and Pegai<sup>96</sup>. But of all these cities and towns near Nicaea, in the spring of 1304 the Ottomans managed to conquer only Belokomis and the surrounding fortresses<sup>97</sup>. The Ottoman sources indicate which Byzantine castles were taken. According to 'Āşikpāšāzāde and Neşri, Bilecik (Belokomis), Yar-hisar, İnegöl (Angelokomis) and Yenişehir (Melangeia) were conquered by Osman in AH 699 (28 September 1299 –

<sup>90</sup> *Tavāriḫ-i āl-i Osmān*, MS Bodleian Library, Rawl. Or 5 olim Bodl. Or. 65, fol. 7 (4v); 'Āşikpāšāzāde (Giese), pp. 8–9; Kafadar, *Between Two Worlds: the Construction of the Ottoman State*, p. 126; İnalçık, «Osmanlı Beyliği'nin Kurucusu Osman Beg», p. 499.

<sup>91</sup> 'Āşikpāšāzāde (Giese), pp. 12–13; Lindner, *Explorations in Ottoman Prehistory*, pp. 71–73; İnalçık, «Osmanlı Beyliği'nin Kurucusu Osman Beg», pp. 500–503. On the first Ottoman settlements by 1299, see *Sükrüllāh's Zaki*, in T. Seif, «Der Abschnitt über die Osmanen über die Osmanen in *Sükrüllāh's persischer Universalgeschichte*», in *Mitteilungen zur Osmanischen Geschichte*, 3 vols (Hanover, 1925), ii, p. 81; *Tavāriḫ-i āl-i Osmān*, MS Bodleian Library, Rawl. Or 5, fols. 7 (4v), 17 (9v); MS Bodleian Library, Marsh 313, fols. 29–39; Gengiz, Yücel, «Rühi Tārīhi», pp. 375–383; 'Āşikpāšāzāde (Giese), pp. 5–16; Neşri, *Kitāb-ı Cihān-nümā*, i, pp. 78–79, 87–88, 104–105; Laonicus Chalcocondylas, *Historiarum demonstrationes*, rec. E. Darco, 2 vols. (Budapest, 1922–1927), i, p. 12, l. 20 – p. 13, l. 17; Zachariadou, *Ἱστορία καὶ θρόνοι*, pp. 76–85; C. Imber, *The Ottoman Empire, 1300–1481* (Istanbul, 1990), pp. 18–19; R.P. Lindner, *Nomads and Ottomans in Medieval Anatolia* (Bloomington, 1983), p. 20; *ibidem*, *Explorations in Ottoman Prehistory*, pp. 35–80. =

<sup>92</sup> Cf the comparison of the text in Pachymeres with the data of the early Ottoman sources: H. İnalçık, «Osman Ghāzī's Siege of Nicaea and the Battle of Bapheus», in *The Ottoman Empire (1300–1389). A Symposium Held in Rethymnon 11–13 January 1991*, ed. E. Zachariadou (Rethymnon, 1993), pp. 77–99.

<sup>93</sup> Pachymeres, ii, p. 453, ll. 25–28. Chele (Şile) is located on the Black sea shore east of Bosphoros.

<sup>94</sup> Pachymeres, ii, p. 453, l. 28 – p. 455, l. 2.

<sup>95</sup> Pachymeres, ii, p. 455, ll. 2–15.

<sup>96</sup> Pachymeres, ii, p. 457, ll. 15–19.

<sup>97</sup> Pachymeres, ii, p. 457, ll. 10–14.



15 September 1300)<sup>98</sup>, and though the date is inaccurate, it seems that by 1304 these four fortresses became the nuclei of the early Ottoman state.

What kind of settlement had the Ottomans established on the newly conquered lands? This is not an easy question. First, we have to admit that the numbers of the invaders were relatively small. The strongest Turkish confederation near the Byzantine border, the Turks of Denizli, numbered 6,000 warriors at the most in the 1260s. In 1304 the confederation of three beys (Yakub I Alişir Germiyanoglu, Sasa and Mehmed Aydınoğulları) numbered no more than 8,000 horsemen and 12,000 infantry<sup>99</sup>. As the mediaeval sources are very unreliable as far as figures are concerned, I suggest that in the light of all we know about Turkish nomadic units at that time the confederation's army was no more than 8,000–10,000 capable warriors, most of whom were horsemen. The Ottomans had no more than 5,000 horsemen in 1304 though they were earlier supported by the Turks from Maeander and Paphlagonia<sup>100</sup>. In other words, I cannot envisage a significant increase in the numbers of any particular Turkish confederation. The Byzantine army under Michael Palaiologos (8,000 heavily armed troops<sup>101</sup>) was rather bigger than the Nicaean one (6,000, excluding *themata*)<sup>102</sup>. The Catalans in 1303–1304 had approximately the same number of soldiers (6,500)<sup>103</sup>. From the military point of view the campaigns of Michael VIII and later of the Catalans against the Turks in Asia Minor were successful, though the Byzantines' political failures turned their victories into defeat.

If so, the Ottomans, whose numbers were small when their expansion began, were unable to destroy all Greek settlements in Bithynia. It is the Ottoman cadastres, the so-called Hüdavendigâr Livası Tahrir Defterleri, the Land Registers of the province of Hüdavendigâr that show us the type of settlement that the Ottomans established in the province. The first cadastre was written in 1487; additional cadastral surveys were made in 1521 and in 1573<sup>104</sup>. Though composed 200–300 years after the first Ottoman conquests on the Byzantine border, the cadastres contain a mine of information concerning the land possessions under the first Ottoman sultans. More importantly, the surveys covered the territory of both the former Seljuk frontier zone and the once Byzantine lands: from Balıkesir to Ankara and from Iznik to Kütahya. The surveys clearly show that the Greek population barely survived on the

<sup>98</sup> 'Aşikpāšāzāde (Giese), pp. 14–20; Neşri, Kitāb-ı Cihān-nümā, i, pp. 96–105; Zachariadou, *Ιστορία και θρόλοι*, pp. 138–146.

<sup>99</sup> Muntaner, ii, 205, p. 76.

<sup>100</sup> Pachymeres, ii, p. 457, l. 1.

<sup>101</sup> Bartusis, *The Late Byzantine Army*, p. 37.

<sup>102</sup> П. И. Жаворонков. Военное искусство Никейской империи // Византийские очерки (Москва, 1996), с. 151: the statement is based on Akropolites, i, p. 139, ll. 1–14. Oddly enough, this number is partly supported by the Chronicle of Morea, which lists 1500 Hungarian and 300 German mercenaries as well as 600 Serb, 1500 Turkish (i.e. Seljukid) and 2000 Cuman cavalry in Nicaean service: Bartusis, *The Late Byzantine Army*, p. 37; Τὸ Χρονικὸν τοῦ Μορέως, ed. P.P. Kalonaros (Athens, 1940), p. 162, ll. 3766–3772; *The Chronicle of Morea, τὸ Χρονικὸν τοῦ Μορέως*, ed. J. Schmitt (London, 1904), p. 250–251, ll. 3766–3772.

<sup>103</sup> Bartusis, *The Late Byzantine Army*, p. 78.

<sup>104</sup> Ö.L. Barkan, «Hüdavendigâr Livası Sayım Defterleri», in *Hüdavendigâr Livası Tahrir Defterleri*, eds. Ö.L. Barkan and E. Meriçli (Ankara, 1988), pp. 13, 66.

territory of the former Seljuk frontier zone (with the notable exception of Sögüt<sup>105</sup>); whilst the Greek villages in the former Byzantine lands, even those around Bilecik (Belokomis), Yar-hisar, İnegöl (Angelokomis) and Yenişehir

(Melangeia), were numerous<sup>106</sup>. The villages were listed as the private domains and waqfs (land endowments given for pious or charitable purposes) of the first sultans. It seems that those lands, originally Byzantine imperial domains or large monastic possessions, became the sultans' private property after the Ottoman conquest<sup>107</sup> their extant Greek population was now under the direct protection of the sultans. If so, the Ottomans were not particularly generous: they obviously wanted to continue to receive income from the recently conquered Byzantine lands (just as the Byzantine lords did before them); but the status that they granted to the non-Muslim population for a while contributed to the survival of the Greeks under Ottoman rule in the turbulent boundary zone. Even the çiftlik waqf<sup>108</sup> near Sögüt, established by Osman I and Bayezid I (1389–1402) 'for the [memory] of the soul of Ertoğrul', their ancestor, seemingly the earliest Ottoman pious foundation<sup>109</sup> listed three ellici kâfileri, literally 'three ellici infidels' as the cultivators of the çift<sup>110</sup>. The term 'ellici' meant a special category of the peasant population, usually Greek, though the true meaning of the term 'ellici' still remains hidden<sup>111</sup>. Given the fact that the category of the 'ellici' had become extinct by the time of the first Ottoman cadastre survey in Bithynia<sup>112</sup> it seems that the mention of the three Greek ellici peasants should be attributed to the time of Osman I.

We should also remember that the Byzantine presence in Bithynia did not completely disappear after 1307. Prousa fell in 1326; Nicaea in 1331; Nikomedeia in 1337; Chele/Şile in 1396; and the fortresses on the road between Nikomedeia and Chrysopolis (Kartalimen/Kartal, Pantychion/Pandik, Dakybiza/Gebze and Brounga/Hereke) were in Byzantine hands from 1402 until 1421. Let me consider, just to show the difference between the post-Seljuk and the post-Byzantine lands in Bithynia, two particular cases in the cadastral surveys. The first one is Göynük, which was situated in the Seljuk frontier zone; the Ottomans managed to conquer the city only after 1361. The survey shows no Greek population in the vicinity of the town of Göynük. Its toponymy is predominantly Turkish, with plenty of 'professional' settlements (like Köstekler 'those who make/are with chains' or Bektaşlar 'the Bektaş dervishes'<sup>113</sup>) or the villages that were inhabited by the former tribal groups

<sup>105</sup> I. Beldiceanu-Steinherr, «La population non-musulmane de Bithynie (deuxième moitié du XIVe siècle – première moitié du XVe siècle)», in *The Ottoman Empire (1300–1389)*, p. 11.

<sup>106</sup> Beldiceanu-Steinherr, «La population non-musulmane de Bithynie», pp. 9–12, 20–21.

<sup>107</sup> *Idem*, p. 18.

<sup>108</sup> The endowment of the revenues for pious purposes from the çift, the unit of agricultural land, which usually varied in size from 56400 to 141000 square metres. Cf. H. İnalçık, *The Ottoman Empire. The Classical Age, 1300–1600* (London, 1973), p. 219.

<sup>109</sup> İnalçık, «Osmanlı Beyliği'nin Kurucusu Osman Beg», p. 482.

<sup>110</sup> Hüdavendigâr Livası Tahrir Defterleri, pp. 283–284.

<sup>111</sup> Beldiceanu-Steinherr, «La population non-musulmane de Bithynie», pp. 15–17. The term was derived from the number «elli»/«fifty», and can be translated as «this/those of fifty».

<sup>112</sup> *Idem*, p. 16.

<sup>113</sup> Hüdavendigâr Livası Tahrir Defterleri, pp. 518, 536, 541, 595.

(Kınık<sup>114</sup>, Doğan<sup>115</sup>, Bayandur<sup>116</sup>, Çepni<sup>117</sup>). One village is called 'Firengi'<sup>118</sup>, namely 'the Franks', but I do not know how to explain it. The name of the village Falanoz is obviously Greek; but the cadastre records no trace of the Greek population there<sup>119</sup>. A çiftlik (land parcel, that formed a unit for taxation) is called Vasil-oğlu ('a son of Basil'), but the cadastre specifies that its masters were the commander of the irregular troops (yayabaşı) Seydi-bey and his brother Türkmen<sup>120</sup>. So far I failed to find other traces of the Greek population in the environs of Göynük.

If we turn to the description of the mahalles (districts) of the town of Göynük, we will also find no Greek population. Moreover, some mahalles' names suggest that they had been founded by the former nomads, descendants of the participants of the great nomadic revolt of Baba Ishâq that took place near Samosata in Eastern Anatolia in 1239–1240<sup>121</sup>. It seems that the Greek-Turkish coexistence came to an end at the beginning of the fourteenth century, when both the town and the environs of Göynük, like other territories in Eastern Bithynia, suffered heavily from an influx of nomads from Paphlagonia<sup>122</sup>.

The case of Bursa was different. The Ottomans tried to capture Bursa as early as 1307, but their initial attack failed. After blockading it for many years the starved city was to surrender to the Ottomans on 6 April 1326 and to pay a heavy tribute of 30,000 florî. The Byzantine commander whom the Turkish sources called takvar was allowed to leave Bursa for Istanbul but his chief adviser, a certain Saroz, who was responsible for the surrender, remained with the Ottomans<sup>123</sup>. The Greeks were apparently removed to a district below outside the fortress where we find them in the kadi registers of the fifteenth century<sup>124</sup>. In the reign of Orhan I (1324–1362) the police superintendent (subaşı) of the city was a certain Koskos, obviously a Christian Greek<sup>125</sup>. The policy of the Ottoman sultans who established new mahalles made Bursa a predominantly Muslim city within the lifespan of two generations; the Greeks survived, but remained a considerable minority. What makes the case of the city of Bursa similar to that of Göyük is the presence of the mahalles

<sup>114</sup> Hüdavendigâr Livası Tahrir Defterleri, pp. 542, 549, 596.

<sup>115</sup> Idem, p. 595.

<sup>116</sup> Idem, pp. 521, 542, 584, 596.

<sup>117</sup> Idem, p. 561.

<sup>118</sup> Idem, pp. 532, 594.

<sup>119</sup> Idem, pp. 555, 582.

<sup>120</sup> Idem, p. 555.

<sup>121</sup> Hüdavendigâr Livası Tahrir Defterleri, p. 507: Mahalle-i Babajlar, I. Beldiceanu-Steinherr, «Göynük, ville refuge des communautés Baba'î», in *Res Orientales, VI: Itinéraires d'Orient. Hommage à Claude Cahen* (Bures sur Yvette-Louvain, 1994), pp. 241–255, esp. p. 250: Mahalle-i Baba'eler, Mescid-i yayabaşı İlyâs. On the revolt of Baba Ishâq, see A. Y. Ocak, La révolte de Baba Resul ou la formation de l'hétérodoxie musulmane en Anatolie au XIIIe siècle (Ankara, 1989), pp. 36–80.

<sup>122</sup> Pachymeres, ii, p. 359, l. 4 – p. 365, l. 12; D.A. Korobeinikov, «The Revolt in Kastamonu, c. 1291–1293», *Byzantinische Forschungen* 28 (2004), pp. 87–117; A. A. Коробейников. Восстание в Ка-стамону в 1291–1293 гг. // *Византийские очерки* (Санкт-Петербург, 2001), с. 74–111.

<sup>123</sup> \* Âşikpâşazâde (Giese), pp. 28–30; *EI2*, s.v. «Bursa»; Zachariadou, *Ιστορία και θρόνοι*, pp. 110–111; H.W. Lowry, *The Nature of the Early Ottoman State* (Albany, NY, 2003), pp. 56–57.

<sup>124</sup> *EI2*, s.v. «Bursa»; Beldiceanu-Steinherr, «La population non-musulmane de Bithynie», pp. 10–11.

<sup>125</sup> M.T. Gökbilgin, «Murad I. Tesisleri ve Bursa İmaretı Vakfiyesi», *Türkiyat Mecmuası* 10 (1953), p. 233; Lowry, *The Nature of the Early Ottoman State*, pp. 86–90.

which were founded by the former nomadic groups, like the 'Tatars' (i.e. the Mongols)<sup>126</sup>.

However, if we look at the environs of Bursa, the picture is quite different. One might have expected that the Ottomans managed to blockade Bursa by wiping out the Greek population from the surrounding villages, but the cadastre's data does not support this view. Indeed, the city was encircled with villages with Greek names. Moreover, in many villages the Greeks and the Turks shared land possessions, which points out to the slow and peaceful infiltration of the Turks into the Greek society as well as successful conversion of the Greeks to Islam. For example, the timar village of Kestel (from *castellum*) had 9 Muslim and 7 Greek houses in 1487<sup>127</sup>. Some of the Greek villages, like Kalamine, were the possessions of the Greek wives of the Ottoman sultans. In particular, Kalamine was possession of Gülçiçek Hatun, a Bithynian Greek, wife of the Sultan Murad I and mother of the Sultan Bayezid I<sup>128</sup>. One should remember that the Ottomans came out from the frontier zone, which, as I have mentioned, was remarkable for its mixture of population, both nomadic and sedentary, and which could have been controlled only through the network of fortresses, towns and other strategically important positions. The Ottomans followed the same practice in Bithynia. The chief reason why the cities like Bursa or Nicaea were forced to surrender cannot be explained by sharp ethnic changes in the surrounding territory. The blockade was not tight: we know that the metropolitan Nicholas of Bursa managed to contact Constantinople in 1318 on the subject of his diminished revenues<sup>129</sup>. It seems that these big cities, which were unable to maintain themselves without trade, finally capitulated because the Ottomans controlled the network of fortresses on the chief supply routes.

If so, this suggestion can explain one interesting fact. Despite many Christians in the administration, members of the aristocracy in the Ottoman ruling class (like Kôse Mihâl, Evrenos-bey, Maurozomes in Biga in 1354<sup>130</sup>), and landholding and taxation organised on the Byzantine system<sup>131</sup>, the Ottomans showed astonishingly little interest in Byzantine culture, which was by nature urban. However, it was the cities that suffered profound changes after the Ottoman conquest. That is why the borrowings between the late Byzantine and early Ottoman historical writings were minimal, and reduced to the short

<sup>126</sup> Hüdavendigâr Livası Tahrir Defterleri, p. 1.

<sup>127</sup> Hüdavendigâr Livast Tahrir Defterleri, p. 10; Beldiceanu-Steinherr, «La population non-musulmane de Bithynie», p. 20.

<sup>128</sup> Hüdavendigâr Livast Tahrir Defterleri, p. 61. See also: Lowry, *The Nature of the Early Ottoman State*, p. 153.

<sup>129</sup> J. Darrouzès, *Les Regestes des actes du Patriarcat de Constantinople* (Paris, 1977), i, fasc. 5: *Les Regestes de 1310 à 1376*, N 2086, pp. 62–63; MM i, pp. 80–81; *Das Register des Patriarchats von Konstantinopel*, eds. H. Hunger, O. Kresten (Vienna, 1981), i: *Edition und Übersetzung der Urkunden aus den Jahren 1315–1331*, N 55, pp. 356–359.

<sup>130</sup> Lowry, *The Nature of the Early Ottoman State*, pp. 55–94, 131–132.

<sup>131</sup> С. Ф. Орешкова. Византия и Османская империя: проблемы преемственности // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики, под ред. Г. Г. Литаврина (Санкт-Петербург, 1999), с. 478–494.

chronicles<sup>132</sup>. One might have expected that the early Ottoman sultans would accept the title *qaysar* (the Caesar) of the Byzantine emperors as they laid claim to the Byzantine lands, but they did not. The title of the Sultan Murad I was the great emir, king of the kings of the Arabs and the Persians, protector of the territories of Allah, guardian of the worshippers of God, champion of the class of justice and benevolence, Sultan son of Sultan, Murad son of Orkhan<sup>133</sup>. Mehmed II Fatih conferred on himself only the title «the great authentos ('ruler') and the great emir» in his Greek charters<sup>134</sup>. The Ottomans indeed employed the title *qaysar* in the sixteenth century<sup>135</sup>, but consider the context:

«His majesty [the second] Iskandar, the banner of the Possessor of knowledge, the Saturn of sublimity of the sphere, [the one who belongs to] the rank of Khusrau, the palace of supremacy and power of Nushirwan, the throne of justice, the rule of the Caesar, Jamshid of the realm (lit. — place), Khurshid of the world, the khaqan, the one who distributes the crowns, the possessor of the countries, the sultan, the one who sits on the throne, the sahibqiran (lit. — the one who is under the lucky combination of stars), the padishah of the kingdom, the successful one»<sup>136</sup>.

The Byzantine title is buried under the Persian formula. And when the sultan Mehmed II entered Constantinople and visited the Church of Saint Sophia, he pronounced the verses of an unknown Persian poet:

The spider serves as gatekeeper in the halls of the Khosrau's dome  
The owl plays martial music in the palace of Afrasiyab<sup>137</sup>.

Was he aware of the Byzantine inheritance that he now possessed? I have no doubts. But, like his ancestors in the Seljuk frontier zone, he expressed this awareness in the categories of Persian culture.

<sup>132</sup> Д. А. Коробейников. Восточные источники Лаоника Халкокондила. Эпизод 1. Походы Баязида I Йылдырыма в Малой Азии // Византийские очерки (Москва, 1996), с. 152–168.

<sup>133</sup> Gökbilgin, «Murad I. Tesisleri ve Bursa İmaretı Vakfiyesi», pp. 223–224; Lowry, *The Nature of the Early Ottoman State*, pp. 86–87.

<sup>134</sup> See, for example: ММ, iii, p. 293.

<sup>135</sup> З. Абрахамович. Османский султан как восточноримский император (*кайсер-и Рум*) // *Turcica et Ottomanica. Сборник статей в честь 70-летия М. С. Мейера*, сост. И. В. Зайцев и С. Ф. Орешкова (Москва, 2006), с. 103–105.

<sup>136</sup> Feridun-bey Ahmed, *Münşaat-i Selatin*, 2 vols (Istanbul, AH 1274, AD 1857), i, p. 4; on the titles listed in Feridun-bey's work, see: H. Inalcik, «Power relationships between Russia, the Crimea and the Ottoman Empire as reflected in titulature», in *Passé turco-tatar, présent soviétique. Études offertes à Alexandre Bennigsen (Turco-Tatar Past, Soviet Present. Studies Presented to Alexandre Bennigsen)*, eds. Ch. Lemerrier-Quellejey, G. Veinstein, S.E. Wimbush (Paris, 1986), pp. 192–199.

<sup>137</sup> Tursun Beg, *The History of Mehmed the Conqueror*, ed. with English translation H. Inalcik and R. Murphey (Minneapolis and Chicago, 1978) (= Aya Sofya MS 3032), fol. 51a; E. Gibbon, *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*, ed. F. Fernández-Armesto, 8 vols (London: The Folio Society, 1990), viii, p. 240; cf. A.A.M. Bryer, «Gibbon and the later Byzantine Empires», in *Edward Gibbon and Empire*, eds. R. McKitterick and R. Quinault (Cambridge, 1997), pp. 101–116, esp. p. 110, note 33.

А. В. Витол (С.-Петербург)

## «Счастлиное товарищество франков» и турки: от войны к союзу

IV Крестовый поход завершился образованием так называемой Латинской империи (1204–1261): фактически Запад смог расширить свои владения за счет ослабленной Византии, уже не прикрываясь идеей «освобождения» Гроба Господня, а лишь эксплуатируя «богопротивность» «схизматиков»-греков, а также прибегая и к иным «историческим» доказательствам<sup>1</sup>. Византии удалось сохранить свои владения в Трапезунде, в Греции, где сопротивление франкам продолжалось до середины XIII в. (а отдельные владения чужеземцев сохранились и позже), и, конечно, в Малой Азии, где греки создали жизнеспособное государство — Никейскую империю. Греческое сопротивление позволило восстановить (не полностью!) Византийскую империю со столицей в Константинополе и приступить к продолжению так называемой «греческой реконкисты»<sup>2</sup>.

В Средиземноморье «франками» называли европейцев с Запада в целом; так называли себя воины «каталонской компании», однако прежде всего этот термин относился к французам. О колоссальной роли «французского ресурса» свидетельствуют неоднократные попытки создания «Новой Франции» на Ближнем Востоке, а потом и в Греции, существование французского языка в качестве *lingua franca* в Средиземноморье. Можно уточнить, что под «Францией» в XIII в. понимались территории не только «собственно» Франции, но и норманнской Англии<sup>3</sup>, земли прежнего «срединного» королевства Каролингов от Нидерландов к Лотарингии и Бургундии до Средиземного моря; через нор-

<sup>1</sup> Болгарский царь Калоян (1197–1207), который вел с римским папой переговоры о церковной унии, встретился под Адрианополем с представителем франков Петром Брасье. Царь спросил, почему франки завоевали Константинополь. Брасье ответил, что франки ведут свое происхождение от «славного древнего города Трои» и пришли отобрать свое наследство у греков (Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. III. М.–Л., 1948, с. 417). Подобные утверждения были известны и во время I Крестового похода: норманнский автор «Деяний франков» из свиты князя Таранто писал о том, что франки и турки происходят от древних троянцев и, следовательно, являются естественными врагами «подлых и коварных греков» (Кардини Ф. Европа и ислам. История непонимания. СПб., 2007, с. 115).

<sup>2</sup> Так в историографии называют отвоевания районов Пелопоннеса и Балкан, причем роль основного опорного пункта сыграл греческий город Мистра (Медведев Н. П. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973, с. 23).

<sup>3</sup> Вплоть до XIII в. английская знать пользовалась французским языком. Первый официальный документ этого времени, составленный на английском, датируется 1258 годом.

мандцев же французское влияние распространялось на Южную Италию и Сицилию<sup>4</sup>. Именно францужско-анжуйское Неаполитанское королевство, со времени оттеснения Гогенштауфенов с помощью папства<sup>5</sup>, становится грозным противником Византии, подхватив «эстафету» крестового противостояния, выроненную Западом после возвращения греков в Константинополь в 1261 г.

С большим трудом и с большими потерями византийскому императору Михаилу VIII Палеологу удалось создать атмосферу доверия к нему и убедить Запад<sup>6</sup> не приводить в действие сокрушительный механизм нового Крестового похода, который мог вот-вот обрушиться на возрождавшуюся Византию. Стратегический выигрыш императора не подлежал сомнению: Лионскую унию (1274) и «Сицилийскую вечерню» (1282)<sup>7</sup> можно отнести к тем событиям в истории Византии, которые в прошлом считали «чудом»<sup>8</sup>.

Как бы ни отзывались о Михаиле VIII его современники и потомки, но факт остается фактом: при нем Византия оказалась в состоянии на короткое время восстановить положение мировой державы<sup>9</sup>. Отводить от него упрек в том, что он не заботился о состоянии границы с турками, нет оснований, но напомним, что отношения императора с южными соседями были иными, чем у последующих правителей. Михаил VIII сам был незаурядным полководцем и занимался борьбой с монголами еще в 1250-е гг. на службе у иконийского султана Изз-эд-дина Кей Кавуса II (того султана, который затем попросил убежища в Византии). В Никейской империи Михаил (тогда еще не император) был назначен Великим Коноставлом<sup>10</sup> — начальником латинских наемных войск Византии. Отметим, что на службе в Иконийском султанате Михаил командовал корпусом из христианских наемников.

Если Никейская империя успешно отбивалась от врагов, а византийское оружие при Михаиле VIII одерживало победы на суше и на море (правда, в основном на Западе), то при следующем императоре Андронике II (1282–1328) обстановка ухудшилась, поскольку к возраставшей турецкой опасности добавился постоянный риск сепаратистских выступлений. Так, во время боев против турок в Малой Азии, византийские

<sup>4</sup> См.: Кёнигсбергер Г. Средневековая Европа 400–1500 года. М., 2001, с. 205.

<sup>5</sup> То есть до гибели Конрадина Гогенштауфена при Тальякцио в 1268 г.

<sup>6</sup> Понимание взаимной пользы такой унии, несомненно, существовало. Однако объединение церкви предполагалось осуществить по западному образцу, т.е. именно православным надлежало «превратиться» в католиков.

<sup>7</sup> «Сицилийская вечерня» подорвала возможность Карла I Анжуйского к организации крестового похода.

<sup>8</sup> Если начинать с XI в., то такими событиями были: 1) спасение Византии от турок крестоносцами; 2) монгольское нашествие, которое спасло Византию от турок-сельджуков; 3) усиление в Египте мамлюков — «иноземцев из юго-восточной Руси», которые разбили монголов в 1260 г. при Айн-Джалуте и изгнали их из Сирии и Палестины, что можно сравнить с изгнанием арабов из Европы. (О мамлюках см.: Успенский Ф. Н. Византийские истории о монголах и египетских мамлюках. — Византийский временник. Т. 24, 1923–1926 (отдельный оттиск), с. 11.)

<sup>9</sup> Оболенский Д. Византийское содружество наций. М., 1998, с. 253.

<sup>10</sup> Geanocoplos D. J. Emperor Michael Paleologus and the West. 1258–1282. Cambridge, Mass., 1959, с. 26.



войска действовали довольно эффективно, но затем способный полководец пинкертн<sup>11</sup> Алексей Филантропин стал склоняться к выступлению против Андроника II и к провозглашению себя императором. «Мятеж» Алексея Филантропина был не первым и не последним проявлением волнений в государстве, но Андроник II после этого события окончательно разуверился в надежности своих подданных. Он стал, по выражению византийского историка Никифора Григоры, «и днем и ночью бредить об иноземной помощи»<sup>12</sup>. Эта его позиция в определенном смысле и погубила Византию. Андроник II сначала обратил внимание на аланскую<sup>13</sup> орду, которая находилась недалеко от Дуная (прежде аланы служили хану Ногаю). Аланы предложили свою помощь в отражении турецкой угрозы в Малой Азии (а затем и на Балканах). Андроник II с радостью согласился поселить алан вместе с семьями на византийской территории. Наемники стоили дорого, очень дорого. Византийское государство употребило немалую энергию на сбор дополнительных (чрезвычайных) налогов. Множество сборщиков обыскивали села, города, дома богачей и воинов, монастыри, театры, рынки. Забирали не только деньги, но лошадей и оружие, чего раньше никогда не делалось. Жители были ограблены и обескуражены; они встречали войска наемников «слезами и проклятиями»<sup>14</sup>.

Тем временем турки, расположившись «по горам и чащам», внимательно и непрерывно наблюдали за аланами и убедились, что молва преувеличила боевые качества их новых противников. Аланы, по наблюдению турок, выходили на боевые операции без всякого порядка и разведки, занимались грабежом местного населения и т.д. Завершив наблюдение, небольшие подразделения турок стали решительнее вести разведку боем, определяя слабые места в обороне византийско-аланского войска. В конце концов, аланы в боевом столкновении обратились в бегство, покинув своих византийских союзников во главе с соимператором Михаилом IX<sup>15</sup>, который укрылся в крепости города Магниси. Войска наемников отступили к Геллеспону (Дарданеллам), а некоторые переместились в Европу. Турки тем временем заняли ряд важных византийских крепостей; положение становилось катастрофическим, и тогда Андроник II решился на приглашение новых наемников — из «Нижней Иверии» — Каталонии. Решение ответственное: напомним, что аланы уже давно приняли христианство; их Церковь была подчинена Константинопольскому патриарху. Таким образом, аланы были для византийцев «варварами», но единоверцами. Другое дело — каталонцы-католики. В среде влиятельного духовенства явственно слышался ропот, который еще не утихал — даже после отмены Унии с католиками в 1282 г. Император настоял на

<sup>11</sup> Придворная должность — чашник.

<sup>12</sup> Никифор Григора. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1 (1204–1341). Рязань, 2004, с. 159.

<sup>13</sup> В Византии аланов называли массагетами. Численность этих войск оценивают в 16 000 человек.

<sup>14</sup> Никифор Григора. Указ. соч., с. 159.

<sup>15</sup> Сын и соправитель Андроника II, василевс с 1292 г. Командовал византийскими войсками, как правило — без успеха.

своим, хотя его предшественники постоянно пользовались услугами наемников, но только в ограниченном масштабе и, в отличие от него, опирались прежде всего на национальную армию.

О каталонской дружине, или о «каталонской компании», в отечественной историографии упоминается сравнительно редко. Столица Каталонии Барселона, наряду с Венецией и Генуей, относилась к самым значительным торговым городам Средиземноморья. После объединения Каталонии с Арагоном и изгнания мавров-мусульман из Валенсии и Балеарских островов, в Испании сложилось многочисленное рыцарство и пехота, не находившие себе дел на родине. Из испанских искалателей приключений, «славы и добычи», и из морских пиратов образовались каталонские дружины («ватаги») наемников, которые иногда также именовались «компаниями»<sup>16</sup>. У каталонской дружины имелся свой собственный флот, причем его экипажи возили с собой жен и детей. Основу каталонских отрядов составляли испанцы, но встречались и французы, итальянцы, наваррцы, представители других наций. Из вождей этого «испанского казачества» выделялся сын немецкого выходца Рихарда, служившего егермейстером (сокольничим) у Фридриха II<sup>17</sup>, по имени Роджер. Его имя произносили в Средиземноморье как Рожер, а фамилию фон Блюм перевели как де Флор (т.е. тот же «цветок»). В юности на де Флора обратил внимание некий рыцарь, провансалец по происхождению и тамплиер по ордену, и помог начать боевое поприще. Де Флор скоро стал известным в водах Леванта, а особенно прославился при защите «столицы крестоносцев» Сен-Жан д'Акра (Акки). Вступление в орден тамплиеров<sup>18</sup> способствовало его карьере: он стал капитаном галеры «Фалькон». Из-за конфликта с гроссмейстером Мальтийского ордена он был вынужден скрываться в Генуе, но затем вместе со своей дружиной был принят на службу Фредериком Арагонским. Этот правитель обязан де Флору — ни много ни мало — сохранением своих владений и завоеванием Сицилии, за что де Флор удостоился звания вице-адмирала<sup>19</sup>.

После заключения мира в Кальтобелотто (1302 г., Сицилия) де Флор и его удалцы, оставшись без дела и без средств к существованию, предложили свои услуги Андронику II для борьбы с турками. Согласие было получено немедленно, тем более что де Флор (он, кстати, бегло говорил по-гречески) уже оказывал грекам услуги на море, а главное — имел полную поддержку Фредерика Арагонского, который снабдил экспедицию кораблями и припасами.

Контингент «каталонской компании» прибыл в Константинополь весной 1303 г. Он включал 1500 рыцарей (конных), 4000 альмугаравов (о них еще будет сказано), 1000 человек пехоты, экипажи кораблей и се-

<sup>16</sup> Этот термин относился прежде всего к военным подразделениям.

<sup>17</sup> Грегоровиус Ф. История города Афин в средние века (от эпохи Юстиниана до турецкого завоевания). М., 2009, с. 367.

<sup>18</sup> Возможно, он был сержантом, а не полноправным рыцарем. Впрочем, сержантам доверяли очень ответственные должности.

<sup>19</sup> Троицкий И. Е. Арсений, патриарх Никейский и Константинопольский, и арсениты (из истории восточной церкви в XIII веке). СПб., 1873, с. 423.

мы наемников<sup>20</sup>. Серьезность намерений обеих сторон должен был подтвердить брак Рожера с племянницей императора (по сестре), дочерью болгарского царя Ивана III Асеня Марией, а также присвоение знаменитому авантюристу титула великого дукса (мегадуки), т.е. адмирала.

По прибытии в Константинополь каталонцы едва не разгромили генуэзскую Галату<sup>21</sup>, так что их поспешили переправить в Малую Азию для сражений с турками. Первые же бои подтвердили превосходство каталонцев и альмугаваров над турками. «Лучшие воины Европы» побеждали «лучших воинов Азии». Уничтожение пятитысячной турецкой орды принесло каталонцам большие трофеи. В следующем году Рожер де Флор деблокировал осажденную Филадельфию (важный арсенал византийских войск), нанес удары туркам под Гермой и при Авлаке. Затем пришли вести о новых поражениях турок под Нимфеем, Магнисией, Эфесом и Анией; было рассеяно 18-тысячное войско племен Сарухан и Айдын. Флот Рожера де Флора действовал против турок и венецианцев на островах Хиос, Мителена, Лемнос и других. Победы удачливых наемников — в данный момент они оправдывали свое интересное самоназвание, вынесенное нами в заголовок: «счастливое товарищество франков в Романии» — были с восторгом встречены в столице: некоторые даже полагали, что турецкая опасность для империи исчезла навсегда<sup>22</sup>. Местное греческое население, впрочем, не разделяло этих восторгов: содержание наемников и постоянные грабежи солдат Рожера де Флора обходились ему дорого, греки не доверяли ни императору, ни его иностранному ставленнику.

В чем же была причина побед «каталонской компании» над казалась бы «непобедимыми» турками? Исследователи сходятся в том, что «компания» побеждала благодаря наличию в ней альмугаваров, которые составляли как бы «твердое ядро» внутри каталонской испанской дружины, «элитное подразделение» внутри массы и без того умелых и стойких воинов. В самой Каталонии, оказывается, хорошо представляют, как выглядели альмугавары, которые стали чем-то вроде «национального символа». Странные фигуры, облаченные в грубую одежду из шкур, с шапкой и обувью из того же материала, напоминающее «дикарей» на иллюстрациях старых приключенческих книг, с грозным, но простым оружием, с небольшими копьями в руках и за спиной — непрменный атрибут военно-исторических шоу. До настоящего времени понять, кто это такие, не так просто: хотя альмугавары — современники рыцарей, крестоносцев, кондотьеров, европейской пехоты, мамлюков, индийских воинов, они все-таки отличаются от более или менее знакомых каждому обликов.

По-видимому, непривычным является нарочитая архаичность их внешнего облика. Далее: почему воины с Иберийского полуострова, т.е. из Испании, называются «восточным» по звучанию словом? Слово «аль-

<sup>20</sup> Троицкий И. Е. Арсений, патриарх Никейский и Константинопольский, и арсениы (из истории восточной церкви в XIII веке). СПб., 1873, с. 423.

<sup>21</sup> Галата — район современного Стамбула. В указанное время — отдельное укрепленное генуэзское поселение на территории Константинополя.

<sup>22</sup> Васильев А. А. История Византийской империи. От начала Крестовых походов до падения Константинополя. СПб., 1998, с. 303.

мугавар» — действительно арабское заимствование и означает «тот, кто совершает гавар», т.е. «набег», «поход». В одной из старых французских энциклопедией сообщается, что существовали и такие категории альмугаваров как адалиды (разведчики) и альмокадены (капитаны), слова тоже явно арабского происхождения. Описание их одежды совпадает с уже приведенным примером из наших дней. Отмечается, что альмугавары не имели защитного вооружения (полагаю, что это не совсем так). Упоминается об их обучении, о специальных экзаменах для желающих стать альмугаваром (а им мог стать и простой солдат). Указывается, что альмугавары сражались в пешем строю, но имели право использовать лошадей противника, захваченных на поле боя. Жили альмугавары вдали от городов, в лесах и горах, общались только между собой и имели право не быть «угрюмыми и молчаливыми» только в день сражения, который был для них праздником<sup>23</sup>.

Интерес к данной теме позволил найти дополнительные сведения об альмугаварах в сочинениях каталонского хрониста Бернарда Декло (Десклота), описавшего события с 1276 по 1325 г.<sup>24</sup> Заслуживают упоминания его сведения о том, что альмугавары способны переносить лишения, которые не под силу обычным людям, например — обходиться по 2 дня без еды, питаться травой. Как инструкцию для бойцов современных спецподразделений читаешь об их режиме питания, особенно в экипировке и т.д. Другой хронист (соратник и панегирист Рожера де Флора) Рамон Мунтанер описывает показательный поединок между альмугаваром и французским рыцарем — один из сравнительно редких случаев, когда альмугавар попал в плен. Французам пленник показался «бедным и презренным», заросшим бородой и волосами, почерневшим от загара. В поединке рыцарь полагался на свое копьё и лошадь, но пеший альмугавар легко ушел от удара, убил лошадь противника коротким копьем (асконетой), бросился на француза, который даже не успел применить меч, и собирался уже сорвать с него шлем, чтобы отрезать голову. Противников разняли, и альмугавар получил свободу. В других источниках сообщалось, что попавшего в плен альмугавара обменивали на 10 французов<sup>25</sup>. Сведения об альмугаварах, в общем, скудны. Несомненно одно: их отряды (partides) возникли во времена грандиозной борьбы между мусульманами и христианами на «ничейных» территориях. Альмугавары позиционировали себя как христиане, но в принципе не исключена генетическая связь их сообществ с мусульманскими рибатами<sup>26</sup>. Следует изучить вероятность особого участия отдельных этносов в происхождении альмугаваров. Предстоит выяснить происхождение их обычая поднимать своих командиров на щитах (готы?) или обычая «пробуждать сталь» перед сражением.

<sup>23</sup> La grande encyclopedie. P. [б.г.], т. 2, с. 424.

<sup>24</sup> Декло и Мунтанер цитируются по книге известного каталонского историка Феррана Сольдевилы: Soldevila F. Els Almogàvers. Barselona, 1952.

<sup>25</sup> Цит. по: Soldevila F. Op. cit., с. 9–11, 37.

<sup>26</sup> Энциклопедический словарь ислама. М., 1991, с. 198. Существование рибатов на Иберийском полуострове весьма вероятно.

Однако завершим тему «каталонской компании». После успехов в боях с турками Рожер де Флор и его окружение не скрывали планов создания испано-греческого государства (княжества) — возможно, в районе Магнисии (т.е. древней Лидии). Мог возникнуть «Новый Арагон» вместо неудавшейся «Новой Франции». В Константинополе срочно решили расправиться с де Флором и его дружиной. Рожера (он носил уже титул кесаря)<sup>27</sup> под предлогом борьбы с болгарями вызвали в Адрианополь, где на пороге шатра жены соимператора Михаила IX его убил вождь аланов, мстивший за убитого каталонцами сына (весна 1305 г.). «Каталонская компания» жестоко отомстила за смерть своего предводителя, ограбив и разорив обширные области Византии, превратившись, таким образом, из спасителей империи в ее проклятие.

Около двух лет в Галлиполи существовало фактически независимое каталонское государственное образование. Уже тогда каталонцы нашли общий язык с турками и стали действовать совместно. В одной из величайших битв XIV века, на берегу реки Кефиссос в Греции (1311), турецкие отряды поддерживали каталонцев. Рамон Мунтанер писал, что каталонцы предлагали туркам в качестве союзников занять 3 или 4 укрепленных пункта (крепости), или больше, если пожелают. Однако в этот момент турки не захотели оставаться в Афинском герцогстве и ушли в Малую Азию. В качестве добычи они получили от каталонцев лошадей и вооружение, которые остались в малом количестве после битвы при Кефиссосе. Союзники расстались «в любви и согласии и с обещанием взаимной помощи, если таковая понадобится»<sup>28</sup>. Турки ушли, а каталонцы, как известно, основали Афино-Неопатрейское герцогство, название которого сохраняется до настоящего времени в титулатуре короля Испании<sup>29</sup>.

Итак, можно сделать следующие выводы:

1. Византия, восстанавливающая свои территории после «Никейского изгнания», столкнулась с агрессией Запада (Карл I Анжуйский), а затем снова с турками.

2. Андроник II приступил к найму иностранных войск в широких масштабах. Опыт использования аланских войск оказался неудачным.

3. Византия попыталась использовать мощную энергию нового европейского порыва, который позднее был реализован в направлении Нового Света, и обратилась к испанским государствам.

4. Византия пригласила знаменитого капитана Средиземноморья Рожера де Флора с его каталонской дружиной, в которой важную роль играли отряды альмугаваров.

5. Успешные действия каталонской компании породили надежды на ослабление турецкого натиска.

6. Расправа с де Флором существенно ослабила Византию.

<sup>27</sup> Впервые в византийской истории этот титул достался иностранцу. В Каталонии помнят, что «Рожер де Флор, сын сокольничего, стал кесарем» Византии.

<sup>28</sup> Setton K. M. *Catalan domination of Athens 1311–1388*. Cambridge, Mass., 1948, с.14.

<sup>29</sup> Афино-Неопатрейское герцогство просуществовало до 1385 г. и было разгромлено наваррцами.

7. Неожиданный не только для Византии союз каталонцев с турками принес каталонско-турецкой коалиции выдающуюся победу над французскими рыцарями при Кефиссосе.

8. В дальнейшем каталонцы вели совместные действия с турецкими войсками, что не исключало, впрочем, периоды значительного охлаждения отношений между ними<sup>30</sup>.

9. Каталонско-турецкое сотрудничество, возможно, оказало влияние на османскую военную организацию и на зарождение (именно в это время) янычарского пехотного корпуса.

---

<sup>30</sup> См.: Жуков К. А. Эгейские эмираты в XIV–XV вв. М., 1988, с. 30 и далее.

С. Ф. Орешкова (Москва)

## Становление Османской империи: ислам и византийское наследство

После завоевания Константинополя и сокрушения 1100-летней Византии Османская империя выступает как преемница этого великого государства. Она вобрала в себя (даже с превышением) ее территории, впитала многое из ее социально-экономической структуры и культурного наследия, а как политическая сила противопоставила себя Западу. Во многих внешнеполитических актах султаны даже именовали себя «кайсер-и Рум», т.е. римскими (восточно-римскими, византийскими) императорами<sup>1</sup>.

Преемственность естественна. Ведь как отмечают многие исследователи, после завоевания византийских территорий султаны столкнулись с теми же политическими и экономическими проблемами и культурными явлениями, которые стояли перед византийскими императорами<sup>2</sup>. Более того, Балканы, Малая Азия, Левант и Египет со времен Александра Македонского составляли единую культурную общность. Потому-то даже ислам, возникший на ближневосточной почве, является религией того же корня, что и христианство. В своих предписаниях как по принципиальным социальным, теологическим, так даже и по бытовым вопросам он близок со многими положениями христианства и иудаизма.

Сама исламская религиозно-политическая система и арабомусульманская цивилизация начали проявлять себя с IX в.<sup>3</sup>, явно складываясь с усвоением тех традиций, которые были свойственны сирийско-египетскому региону и во многом имели византийское происхождение. И воспринятые турками сами исламские постулаты во многом исходили из того византийского опыта, который усваивался не только непосредственно от завоеванных народов, но и опосредованно через сам ислам.

<sup>1</sup> Абрахамович З. Османский султан как восточно-римский император // *Turcica et ottomanica*. Сборник статей в честь 70-летия М. С. Мейера. М., 2006, с. 103–105.

<sup>2</sup> Vryonis S. *The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century*. Berkely – Los Angeles – L., 1971, с. 463.

<sup>3</sup> Большаков О. Г. *Византия и халифат в VII–X вв.* // *Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики*. СПб., 1999, с. 358.



Византия около 500 лет противостояла арабам и четыре столетия постепенно уступала свою территорию тюркским мигрантам. Как и для арабов, для кочевых пришельцев с Востока это была хорошая школа. Причем зачастую административную практику своих предшественников тюрко-мусульманское общество усваивало сознательно. Например, византийский историк Никита Хониат сообщает, что еще в XII в. сельджуки в районе притоков Меандра взяли в плен около 5000 местных жителей, поселили их на безлюдной территории вокруг Акшехира (Philomelium), тщательно охраняли, составили подробную опись их самих и их имущества, скота и т.п. Переселенцам были предоставлены земля и семена. На пять лет они были освобождены от каких-либо налогов. После же этого они должны были платить точно такие же налоги, какие ранее платили византийскому императору<sup>4</sup>. Следовательно, для восточных пришельцев византийская территория оказывалась неким «учебным полигоном». Они не просто завоевывали, но и хозяйственно осваивали территории, учились жить по новым законам, подчиняя прежнее население не само по себе, а вместе с его практикой социально-административной организации. Ислам не противоречил, а более того, способствовал этому. Если же искать некую иную христианско-исламскую цивилизационную направленность в общественном развитии, то следует констатировать, что на первых порах она не просматривалась. Шло «варварское» вливание в византийскую общественную структуру. Византийские власти, как известно, отвоєванные тюрками территории долгое время не считали окончательно потерянными<sup>5</sup>. Их опыт включения варварских элементов в свою цивилизацию и успешное переваривание их в ромейском котле успокаивал правителей, давал надежду, что и анатолийские тюркские племена будут постепенно приобщены к их обществу, государству, культуре. Завоеватели же активно приспособливали существовавшие на захваченных византийских территориях порядки к потребностям своей власти, учились использовать их для своих нужд.

Если для XI–XII и даже начала XIII в. христианское (т.е. прежнее, бывшее византийское) население в сельджукской державе Анатолии оставалось большинством и было главной материальной опорой нового государства<sup>6</sup>, то позднее ситуация изменилась<sup>7</sup>.

Конечно, шел процесс исламизации, какая-то часть местного населения переходила в ислам, отдельные группы христианского населения переселялись на Балканы, о чем источники сообщают вплоть до XVII в. включительно<sup>8</sup>. Однако убедительным представляется и утверждение

<sup>4</sup> Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism, с. 224, 471.

<sup>5</sup> См.: Культура Византии. XII – первая половина XV в. М., 1991.

<sup>6</sup> Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии // Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. 1. М., 1960, с. 170.

<sup>7</sup> Статистический материал по этому поводу см.: Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism, с. 444–447.

<sup>8</sup> Barkan Ö. L. Osmanlı İmparatorluğunda bir iskân ve kolonizasyon metodu olarak sürgünler // İktisat Fakültesi Mecmuası, 1949/1950, № 9, с. 524–529.

М. Ф. Кёпрюлю, что в изменении этнической и демографической ситуации в Анатолии первостепенную роль сыграли новые мигранты с Востока, гонимые на Запад монгольским нашествием<sup>9</sup>.

Новые переселенцы XIII в. были более разрознены в этническом (при преобладании тюрок — также персы, арабы и др.), социальном (не столько кочевники, сколько люди, более склонные к оседлости) и даже религиозном отношении. Большинство из них исповедовали не традиционный для тюрок ислам суннитского толка, а были приверженцами различных исламских толков, порой далеких от ортодоксии, а то и вообще плохо усвоившими ислам. Эти массы не были воспитаны в том духе взаимотерпимости и умеренности в религиозных притязаниях друг к другу, который сложился у арабов и сельджуков Рума за столетия пограничного сосуществования. Агрессивный настрой и потребность в новых землях для размещения вновь прибывающих масс породили в тюркской среде своеобразное понятие<sup>10</sup> о высшей справедливости (*адалет*)<sup>11</sup>. Утеря прежних мест обитания, поиск новой родины, ненависть к союзникам монголов — византийцам становились движущей силой в их устремлении на Запад. Как справедливо отметил византийский историк Г. Г. Литаврин, «...увлекшись мирным симбиозом православия и ислама, политические деятели Византии и Рума, а затем и Монгольского Ирана проглядели общую, внезапно ставшую во весь рост опасность, — усиление тюркских бейликов, в особенности — Османского»<sup>12</sup>.

Между тем Османская империя, как уже было отмечено, оказалась не чуждой политическому, социально-экономическому и культурному влиянию Византии. Первостепенное значение в этом отношении имело то, что османы строили свое государство и формировали новый господствующий класс на сложившейся до них рентной основе. Традиционно (для тюрок) они пытались сохранить податное население. Разумеется, это население в ходе завоеваний несло большие потери, но относительно быстро восстанавливалось на прежних территориях<sup>13</sup>, и завоеватели проводили переписи, в которых фиксировали как самих жителей — налогоплательщиков, так и те податные платежи, которые они ранее вносили государству и прежним землевладельцам<sup>14</sup>. На основании этих переписей составлялись вилайетские канун-наме (т.е. султанские законоположения), где все эти поступления записывались как налоги, которые необходимо было платить новому государству<sup>15</sup>.

<sup>9</sup> Köprülü M. F. Les origines de l'Empire Ottoman. P., 1935; см. также русский перевод этой работы: Кёпрюлю М. Ф. Происхождение Османской империи. М., 1939, с. 33, 39.

<sup>10</sup> Кямилев С. Х. К интерпретации коранических терминов кыст и адль // Социально-политические представления в исламе. История и современность. М., 1987.

<sup>11</sup> Ahmedî, Iskendername. Ankara, 1983, vr. 65b–66a.

<sup>12</sup> Византия между Западом и Востоком, с. 517.

<sup>13</sup> См.: Зирбуһ О. Цариградски друм од Белграда до Софии и (1459–1683). Београд, 1970; Тодоров Н. Балканский город XV–XIX веков. Социально-экономическое и демографическое развитие. М., 1976.

<sup>14</sup> См., например: Hicri 835 tarihli Süret-i Deffer-i Sancak-i Arvanid. Ankara, 1954.

<sup>15</sup> См.: Inalcik H. Suleiman the Lawgiver and Ottoman Law // Archivum Ottomanicum. № 1, Leiden, 1969.

Переписи и позднее проводились через каждые 30–40 лет. Они вносили необходимые коррективы и поддерживали установленные порядки, но все они, как писал О. Л. Баркан, какая бы дата под ними не стояла, фиксировали порядки и традиции, встреченные османами сразу после завоевания<sup>16</sup>. Использование той практики рентно-налогового обложения, которую они застали на завоеванных землях, по мнению османских управленцев, облегчало организацию управления новыми территориями и было привычнее для реаи<sup>17</sup>. Аграрные отношения и налогообложение в османском государстве, как констатирует турецкий исследователь Х. Иналджик<sup>18</sup>, моделировались по византийскому образцу. Это он усматривает в уровне налогообложения, способе, по которому оценивался налог, в объектах налогообложения и даже в терминологии.

Сбор части записанных за государством налогов с определенных территорий предоставлялся в качестве средств для жизнеобеспечения и экипировки воинам-кавалеристам и высшим управленцам. Так на старой доосманской рентной основе формировалась османская тимарная система, обеспечивавшая страну армией и низовым управленческим аппаратом.

После нескольких попыток использовать византийский опыт организации армии османы и здесь путем проб и ошибок нашли в нем то, что оказалось для них наиболее приемлемым. Вначале это были отряды яя и мюселлемов<sup>19</sup> (прообразом их можно считать византийских стратиггов-акритов<sup>20</sup>), создававшие прослойку мусульманских воинов-крестьян и тем самым способствовавших переходу на оседлость значительной части прибывавших в бейлик восточных переселенцев.

Тогда же, не являясь вначале среди тюркских завоевателей единственными организаторами походов на Византию, османы сотрудничали и постепенно подчиняли себе тех беев-завоевателей (гази), которые действовали самостоятельно и пытались создать на завоеванных территориях свои бейлики. Они и в османских владениях на первых порах были чем-то вроде тех крупных светских и духовных землевладельцев, которые господствовали в Византии с конца XIII в.<sup>21</sup> Султанам удалось подчинить себе основную массу европейских беев-гази, которые в условиях завоеваний и противостояния с местным населением сами были заинтересованы в объединении сил и султанской помощи<sup>22</sup>. Позднее, как и яя и мюселлемы, способные вести лишь приграничную войну, они довольно быстро сошли с османской военной сцены.

<sup>16</sup> Barkan Ö. L. XV–XVI asırlarda Osmanlı İmparatorluğunda zirai ekonominin hukuki ve mali esasları. C. I. Kanunlar. İstanbul, 1945, c. LXVI.

<sup>17</sup> Inalcik H. Ottoman Methods of Conquest // *Studia islamica*. P., 1954, c. 103–129.

<sup>18</sup> Inalcik H. The Problem of the Relations between Byzantine and Ottoman Taxation // *Akten des XI Internationalen Byzantinisten congresses*. 1958. München, 1960, c. 237–242.

<sup>19</sup> См.: Жуков К. А. Османские хроники XV–XII вв. о создании войска «яя в мюселлем» // *Turcologica*. Л., 1986, с. 128–132.

<sup>20</sup> Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X–XII вв. М., 1977, с. 236–255.

<sup>21</sup> См.: *Культура Византии XIII — первая половина XV в.* М., 1999, с. 206–207.

<sup>22</sup> См.: Inalcik H. *The Ottoman Empire. The Classical Age 1300–1600*. L. — N.Y., 1973.

Основной османской военной, управленческой и социальной структурой постепенно стала тимарная система, которая генетически также может быть выведена из византийского института прони<sup>23</sup>.

Институционализация управления Османской империи также шла во многом под византийским влиянием. При формировании финансово-регистрационных органов широко использовались византийские писцы и счетные работники (даже один из Палеологов, брат Софьи Палеолог, приняв ислам, работал в этой системе), так что и практические навыки византийцев использовались не понаслышке, а непосредственно. Многие были восприняты из структуры бюрократического аппарата, византийского церемониала. Очевидно, что даже то строгое соподчинение мусульманского духовенства, которое установилось в Османской империи, было выработано не без оглядки на византийский пример. Если это не прямое заимствование, то уже византийская выучка явно сказывалась. Византийское происхождение чувствуется и во многих городских институтах, начиная с цеховых организаций и объединений торговцев до общественных бань, архитектуры, мер веса и объема, многих аграрных и ремесленных терминов<sup>24</sup>.

Путей усвоения византийских стандартов управления, жизненных правил и некоторых культурных черт было несколько<sup>25</sup>.

Известно, что и сельджукские и некоторые османские принцы бывали при византийском дворе как пленники, гости, беглецы, спасающиеся от внутренних распрей в своих владениях, а начиная со времен Мурада I и как командиры войск, действующих в союзе с византийцами.

Христианские аристократы служили при дворе Сельджукидов, а позднее, в раннее османское время, некоторые из пограничных византийских владетелей, приняв ислам, становились известными османскими бейями-завоевателями. В качестве хрестоматийного примера можно привести широко известного Михал-бея, создавшего одно из наиболее могущественных семейств османо-мусульманской знати.

Нельзя забывать и бесспорного влияния многочисленных брачных союзов султанов и их ближайших придворных с христианскими женщинами (на первых порах зачастую происходивших из самых верхних слоев завоеванных государств), проживавшими в гаремах с собственной челядью, оказывавшей (по крайней мере, до и во время Мехмеда II) определенное влияние на бытовую культуру султанского двора. Известно, что даже сестра Софьи Палеолог одно время находилась в султанском гареме в качестве воспитанницы.

Использовались также многочисленные группы военных поселенцев, сложившиеся до завоевания, особенно в пограничных районах. Они переходили на службу к завоевателям целыми структурами, такими как марталозы, дербенджи, войнуки; жители некоторых крепостей, в частно-

<sup>23</sup> Орешкова С. Ф. Византия и Османская империя: проблема преемственности // Византия между Западом и Востоком, с. 483–486. Там же библиография проблемы.

<sup>24</sup> Подробнее см.: Орешкова С. Ф. Византия и Османская империя: проблемы преемственности // Византия между Западом и Востоком, с. 174–194.

<sup>25</sup> См.: Vrioumis S. The Decline of Medieval Hellenism, с. 465–468.

сти, например, охранявшие Дунайский водный путь. Многие из них даже сохраняли прежнюю веру.

И конечно, сложившийся в османское время институт *капыкулу* (гулямы, рабы, используемые на военной службе). Это традиционный мусульманский институт. В османское время, однако, он приобрел особую и исключительно четкую структуру. Производился централизованный набор (*девширме* — по-турецки «набор») мальчиков из православных христианских семей, осуществлявшийся представителем янычарского аги и местными православными священниками. Их отрывали от семей, отдавали в ислам, отдавали в мусульманские семьи для обучения «турецкому языку и рабскому служению». Через определенное время их снова набирали, обучали в специальных школах при султанских дворцах, воспитывая из них воинов и придворных управленцев. Уже при Мехмеде II даже великие везиры стали назначаться из таких воспитанников, взятых по *девширме*. Казалось бы, эти капыкулу (рабы [султанского] порога), чуждые османотурецкому обществу люди, оторванные от своих этнорелигиозных корней, могущие уповать лишь на милость султана и его окружения, должны были претворять в жизнь только султанские требования. Мы знаем, однако, что и эта среда оказывалась неоднозначной. Люди, поднимавшиеся по этому пути к вершинам османской бюрократии, сохраняли память о своем прошлом, помогали выдвигаться своим родичам (даже по христианской религиозной линии, как, например, семейство Соколу-Соколовичей) и, следовательно, не могли не сохранить и представлений об иных, неосманских культурах и обществах. Так, грек по происхождению, великий везир Сулеймана Кануни Ибрагим-паша оказался тем османским государственным деятелем, который способствовал установлению дружеских отношений Османской империи с Францией. Была составлена первая «капитуляция», вводившая торговлю с христианской страной в определенные юридические рамки мусульманского государства. Для такого шага требовалась эрудиция человека, мыслящего шире, чем османская армейская верхушка, пребывавшая в эйфории от военных успехов.

Постепенно осваивая сложный механизм имперского управления, приспособив для своих нужд многие институты и практики завоеванных стран и, прежде всего, конечно, Византии, османы вместе с тем явно осуществляли смену цивилизационной направленности в развитии завоеванного ими региона.

В исторической литературе по этому поводу встречаются разные суждения и оценки. Еще в 1916 г. Х. А. Гиббонс<sup>26</sup> писал, что Османская империя — это ничто иное как «возрождение Византийской империи в качестве мусульманского государства». В 30–50 годы прошлого века шла бурная дискуссия по этому поводу. Турецкие ученые, и прежде всего М. Ф. Кёпрюлю<sup>27</sup>, резко возражали Гиббонсу. Их не устраивал как сам

<sup>26</sup> Gibbons H. A. The Foundation of the Empire Ottoman. Oxford, 1916.

<sup>27</sup> См.: Köprülü M. F. Bizans müesseselerinin Osmanlı müesseselerine tesiri hakkında bazı mülahazalar // Türk hükûk ve ihtisat tarihi mecmuasi. Istanbul, 1931, № 1. Имеется второе издание отдельной книгой Istanbul, 1981; Köprülü M.F. Les Origines de l'Empire Ottoman. P., 1935.

тезис о «возрождении» империи, так и, прежде всего, утверждение этого автора, что творцами нового государства были объединившиеся с мусульманами и принявшие ислам греки Мраморноморского района.

За прошедшие почти 100 лет со времени выдвигания Гиббонсом его тезиса был накоплен огромный материал о структуре и институтах Османского государства, османском обществе, этнодемографических процессах в регионе. Сама Османская империя перестала существовать. Оценка же ее значимости и роли в судьбах региона, проблемы наследства самой Османской империи и его влияния на размежевание, менталитет и судьбы народов, входивших в это государственное образование, — все эти вопросы по-прежнему продолжают оставаться дискуссионными и оказывать влияние на современные конфликты и настроения в регионе. Американский исследователь турецкого происхождения Кемаль Карпат заявил даже, что османская история остается «падчерицей мировой истории». Поддерживая это определение, Стенфорд Шоу поясняет, что многие представления об этом государстве сложились в европейской науке по той причине, что ее первоначально изучали главным образом по тем материалам, которые исходили от нетурецких подданных этого государства, надеявшихся с помощью европейских стран освободить свои народы от османского владычества. Объективности от них ждать было трудно<sup>28</sup>. Отсюда многие стереотипы до сих пор не преодолены ни в общественном сознании, ни во многих научных построениях. В последние годы, когда в изучение Османской империи активно включились ученые из арабских стран, появились утверждения типа — Османская империя — это «оболганное исламское государство» (А. Ш. ат-Шенауи). Между тем серьезные исследователи, продолжая изучать феномен этого великого государства, почти 500 лет определявшего судьбы Ближнего Востока, Северной Африки, Балкан и Причерноморья, пытаются разобраться в его специфике, внутренних связующих силах, поисках своего пути развития, вовлекавшего в свое цивилизационное пространство варварскую периферию, противостоявшего Западу, несущему в регион как прогресс, так и порабощение. Еще К. Коэн в 1955 г., изучая аграрную систему османского государства, подчеркивал, что там «из своеобразного сочетания общемусульманских, иранских, тюркских, монгольских и византийских влияний, не нашедших, однако, в нем своего полного выражения», сложился режим, который «отличается от режимов всех стран — как мусульманских, так и христианских, граничащих с ним в пространстве и времени, несмотря на все заимствования у них и определенное сходство с теми и другими в отдельных случаях»<sup>29</sup>. С похожими утверждениями выступает в настоящее время и канадский профессор греческого происхождения Димитрис Кицикис, книга которого несколькими изданиями вышла на Западе, а в 2005 г. была переведена на русский язык: «Османской им-

<sup>28</sup> См.: The Ottoman State and its Place in world History. Leiden, 1974. Об этой книге см. статью С. Ф. Орешковой в: // Проблемы истории Турции. Сб. статей. М., 1978, с. 102–114.

<sup>29</sup> Cahen Cl. Le Régime de la Terra et l'occupation torque en Anatolie // Cahiers a Histoire Mondiale, 1955. T. 2. N° 2, с. 361–362.

перии в зените своей славы удалось создать универсальную систему равновесия и синтеза, из которого возникло самобытное общество: ни собственно христианское, ни мусульманское, а в основе своей османское»<sup>30</sup>. Он же подчеркивает, что «абсурдна колоссальная мифология, заполнившая с XIX в. балканскую историографию, а в XX в. — арабскую». Эта мифология зиждется на крайнем национализме, сформировавшемся среди народов, входивших в состав Османской империи в XIX–XX вв. «...Любой историк от Белграда до Багдада должен превратиться в пропагандиста национализма под страхом обвинения в измене родине». Турецкие националисты также приняли на вооружение, бытующую в историографии, подмену османской истории турецкой, чем «просто хотели включить в состав своей национальной истории период многонационального государственного устройства». Османская же империя, в отличие от современных критиков и защитников ее с тех или иных националистических позиций «своим почти семивековым существованием... доказала, что долгое время она уважала формулу необходимой терпимости»<sup>31</sup>. Подтверждением этой мысли Кицикиса может служить эпиграф, помещенный им в начале книги. Слова «Османская империя — самое прекрасное царство в мире», сказанные в 1797 г., принадлежат греческому поэту и османскому революционеру Фереосу Ригасу, стремившемуся не только к преобразованиям в империи, но и к ее сохранению во благо «жителей этого государства, без различий в религии и языке»<sup>32</sup>. Соглашаясь со многим в приведенных выше высказываниях Д. Кицикиса, хотелось бы, однако, возразить по двум вопросам.

Первое. Империи, как подчеркивает Кицикис, это действительно многонациональные государства. Их «необходимой формулой является единство в многообразии», «терпимость означала для империи вопрос жизни и смерти», нарушение ее «влечет за собой гибель империи независимо от достоинств ее правителей»<sup>33</sup>. Многие этносы могут вносить свой вклад в строительство империй, но всегда бывает один, который вносит главный вклад в это строительство. Поэтому нельзя забывать, что Османскую империю строило пришлое мусульманское население.

И второе. Усвоив и используя «византийское наследство», пройдя многовековую выучку у этого великого государства, а также впитав многие традиции государственности Сасанидов, Аббасидов, Сельджукидов и др., османы строили свое государство прежде всего как исламское. Сокрушив Византию, они способствовали тому, что именно ислам стал главным государственно-организующим фактором в их огромной империи.

При всей неортодоксальности раннего османского ислама он был единственной объединяющей идеологической доктриной, которую исповедовали завоеватели. С миграциями XIII–XIV вв., да и позднее, в Малую Азию прибывали представители различных религиозно-мистических те-

<sup>30</sup> Кицикис Д. Османская империя // На перекрестке цивилизаций. Сборник статей. М., 2005, с. 112.

<sup>31</sup> Там же, с. 105–107.

<sup>32</sup> Там же, с. 206.

<sup>33</sup> Там же, с. 106.



чений из Мавераннахра, Хорезма, Хорасана, Ирана, Закавказья, Ирака, Сирии, Египта, вышедшие из различных социальных и культурных кругов. Именно они на первых порах возглавляли тот газават, целью которого было не только распространение ислама вширь, но и обретение новой территории для обитания тех вынужденных мигрантов, которыми оказалась переполненная Анатолия. В приграничных областях, а затем и на завоеванных территориях возникало множество различных дервишских обителей. Они становились центрами колонизации и расселения пришлого населения<sup>34</sup>.

Дервиши этих обителей были далеки от высокого «книжного» ислама. Они воспринимали его под влиянием различных суфийских учений и с большой примесью старых племенных верований. Среди них были те, кто апеллировал к низшим слоям общества, но и османские управленцы не были чужды таких взглядов<sup>35</sup>.

В османском бейлике идеологически верховенствовали абдалы (абдалан-ы Рум) и ахи<sup>36</sup>. Обители их имелись в каждой деревне. Беи жаловали им земельные вакфы вначале на территории бейлика, а позднее и на вновь завоеванных землях<sup>37</sup>.

Начавшая складываться тогда социальная и управленческая структура османского государства вырастала из того «мозаичного панно этнических типов и религиозных направлений», которое составляло тогдашнее общество бейлика. Оно не было готово к восприятию высокого книжного ислама, и даже такие тарикаты, интеллектуально более продвинутые, как мевлеви, имевшие свои обители в других анатолийских бейликах, османами стали интересоваться значительно позже. Даже Мурад I (1362–1389) все еще называл себя «ахи Мурад»<sup>38</sup>.

Только во времена Баязида I Йилдырыме (1389–1402) началось постепенное сближение османских властей с ортодоксальными суннитскими улемами. Процесс этого сближения оказался длительным и продолжался вплоть до второй половины XVI в.

Мехмед II Фатих (1451–1481), укрепляя государственную власть, строя бюрократическую структуру империи, внедряя тимарную систему, уже не мог обходиться без высокого ислама и мусульманского права (фикха-шариата). Однако его действия далеко не всегда встречали одобрение улемов, теоретиков ислама. Известно, что в конце жизни этого султана оппозиция ему заметно усилилась (есть предположение, что даже умер он не своей смертью), а его наследник Баязид II (1481–1512), получивший прозвище Вели (Святой), вносил коррективы в отцовские нововведения, пытаясь примирить их с мусульманскими постулатами<sup>39</sup>.

<sup>34</sup> Barkan Ö. L. Osmanlı İmparatorluğunda bir iskan ve kolonizasyon metodu olarak Vakıflar ve Temlikler: İstila Devrinin Kolonizatör Türk Dervişleri // Vakıflar Dergisi, II, 1992, с. 279–386.

<sup>35</sup> Ocak A. Y. Bazı Menâkıbnamelere göre XIII–XIV Yüzyıllardaki İhtidâlarda Hıterodoks Şeyh ve Dervişlerin Rolü // Archivum Ottomanicum. Wiesbaden, 1981, № 2, с. 31–42.

<sup>36</sup> См.: Köprülü M. F. Le Origines de l'Empire Ottoman. P., 1935.

<sup>37</sup> Ocak A. Y., Faroqhi S. Zâviye // İslam Ansiklopedisi. T. 13. İstanbul, 1996, с. 468–476.

<sup>38</sup> История Османского государства, общества и цивилизации. Т. 2. М., 2006, с. 144.

<sup>39</sup> Reindl H. Männer um Bayezid. Eine prosopographische Studie über die Epoch Sultan Bayazids II (1481–1512). Berlin, 1983.

Волнения в Анатолии в XVI в., связанные с наступлением государства на кочевые племена, знаменовали собой и размежевание по религиозной линии. Тюркские племена, тяготевшие к шиитским сектам, переселились в Иран, где приняли активное участие в строительстве Сефевидского государства. Другие хотя и получили общее название алевитов, так как культ Али в Анатолии традиционно был силен, скорее тяготели к суннизму. Не случайно алевитов Турции и в настоящее время шииты своими не считают.

Погром, устроенный сектам Селимом I Явюзом (1512–1520), не устранил суфийского разнообразия в религиозной жизни Османской империи. Со многими ответвлениями их тарикатов сохраняли связи высшие управленческие чины империи. Это не только не было зазорным, а, наоборот, придавало этим людям ореол религиозной святости. Орден бекташи, имевший явные алевитские отклонения, стал, как известно, покровителем янычарского войска. И более того, сам Селим I носил в ухе особую серьгу, что свидетельствовало о его принадлежности к бекташскому братству<sup>40</sup>.

Религиозная «мозаика» в империи продолжала существовать, приобретая особый османский характер. Исследователи этого явления отмечают, что государство было связано как с высоким исламом, исламом Книги, исламом медресе, так и с исламом мистических обителей. И все это базировалось на традиционном восприятии этой религии широкими массами населения, для которых ислам был образом жизни<sup>41</sup>, формой поведения, восприятия своих и чужих, той организующей силой, которая скрепляла их сообщество военных завоевателей. Правящие же круги, строя империю, все более и более ощущали потребность в религиозной поддержке своей деятельности.

К XV в. в османской правящей верхушке складывается группа или мие, людей книги. Это уже не шейхи различных тарикатов, а те, кто получил образование в медресе. Первое медресе было открыто в османском бейлике, в Изнике, в 1331 г. Ряд таких образовательных учреждений появляется позднее при Мураде I и Баязиде I. Медресе высшего разряда были учреждены при Мехмеде Фатихе — это Сахн-и Семен (восемь медресе 1463–1471 гг.) и при Сулеймане I — Мусыла-и Сулейманайе (1550–1857)<sup>42</sup>.

Параллельно с учреждением медресе шло становление исламских религиозных судов<sup>43</sup>. По преданию, первый кадий был назначен еще Осман-беем. Им стал после взятия Караджахисара известный богослов Турсун Факих, впервые провозгласивший в хутбе имя Осман, что знаменовало независимость власти этого бей. Позднее кадии стали назначаться во все завоеванные земли, и только после такого назначения

<sup>40</sup> Аверьянов Ю. А. Старец Хаджи Бекташи и его последователи — суфии братства бекташи // Восточный архив. Т. 8–9, 2002, с. 134–141.

<sup>41</sup> История Османского государства, общества и цивилизации. Т. 2, с. 128–129.

<sup>42</sup> См.: Bilge M. *Ilk Osmanle Medreseler*. Istanbul, 1984.

<sup>43</sup> Ortaylı G. *Osmanlı Kadisi // Siyasal Belgiler Fakültesi Dergisi*. № XXX/ 1–4, с. 1117–1128; Ortaylı J. *Hukuk vı İdare Adamı olarak Osmanlı Devletinde Kadı*. Ankara, 1994; Uzunçarşılı J.H. *Osmanlı devletinin İlimiye Teşkilâtı*. Ankara, 1965.

территории считались окончательно перешедшими под османское владычество<sup>44</sup>. В 60-е годы XIV в. появились должности кадиаскеров, и наконец, в 1425 г. при Мураде II был учрежден пост шейх уль-ислама. На него был назначен бывший кадий Бурсы мола Фенери. Так постепенно формировалась исламская религиозно-судебная организация<sup>45</sup>.

При Мехмеде II Фатихе в его канун-наме об административной структуре государства, утверждавшем складывавшуюся практику управления, подчеркивалось: «шейх уль-ислам — глава всех улемов. Великому везиру надлежит почитать его выше себя. Он имеет право сидеть в султанском присутствии»<sup>46</sup>. И далее, муллы медресе выше санджакбеев, муллам медресе дахиль и сахн (т.е. высшего ранга) можно предоставлять должности дефтердара и нишанджи (т.е. главы финансового ведомства и хранителя султанской печати — высших чинов в султанской администрации).

Законодательством именно этого султана зафиксировано, что господствующий (и управляющий) класс османского государства — аскери; он подразделяется на три<sup>47</sup> профессионально-сословные группы: сейфийе (люди меча), калемийе (люди пера), ильмийе (люди науки, знания)<sup>48</sup>.

Сейфийе были связаны с военно-территориальным управлением, базировавшимся на тимарной системе. Это именно та линия управления, которая впитала в себя многое из византийского наследства. Ее членов называли еще эхл-и орф, дословно перевода — люди традиции, обычая, т.е. той правящей верхушки, которую формировали султаны исходя из потребностей управления. Исламская, религиозная, основа в структуре и практике функционирования этой сословной группы на первых порах явно не просматривалась. Именно в эту группу стали постепенно вливать-ся и выходцы из девширме, прошедшие выучку при султанском дворце.

Калемийе работали в различных имперских канцеляриях, образующих разветвленный бюрократический аппарат с четким разделением функций. Именно в их руках были все переписи, регистрации, финансовые вопросы, хранение имперских документов, а в случае необходимости — рассылка их по провинциальным учреждениям, внешние сношения империи и т.п.<sup>49</sup>

<sup>44</sup> Inalcık H. The Ottoman Empire. The Classical Age 1300–1600. L., 1973.

<sup>45</sup> См.: Danişmend Ğ. H. İzahlı Osmanlı tarihi Kronolojisi. Osmanlı Devlet Erkâni, T.V. İstanbul, 1971; Halaçoğlu Y. XIV–XVII Yüzyıllarda Osmanlılarda Devlet Teşkilâtı ve Sosyal Yapı. Ankara, 1998; İpşirli M. Kadiaskerlik Müessesesi. İstanbul, 1982.

<sup>46</sup> Ариф М. Канун-наме-и Мехмед Фатих. İstanbul 1330 (араб. ш), с. 9–32. Русский вольный перевод этого канун-наме, выполненный Р. И. Керим-заде, опубликован: Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990, с. 81–96.

<sup>47</sup> Было еще и четвертое подразделение — дворцовые слуги, придворные (см.: Uzunçarşılı J. H. Osmanlı Devletinin Saray Teşkilâtı. Ankara, 1945), роль которых на отдельных этапах османской истории выходила на первый план, однако это уже было определенным нарушением сложившейся структуры имперского управления.

<sup>48</sup> Подробнее см.: История Османского государства, общества и цивилизации. Т. 1. М., 2006, с. 378–389.

<sup>49</sup> См.: Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Devletinin Merkez ve Bahriyi Teşkilâtı. Ankara, 1950 (первая часть этой работы); Halaçoğlu Y. XIV–XVII Yüzyıllarda Osmanlı Devlet Teşkilâtı ve Sosyal Yapı, с. 7–82.

При включении балканско-византийских территорий в состав османского государства для составления переписей и первых канун-наменов санджаков использовались местные специалисты. Чтобы занять такое место в османской системе управления, многие из них переходили в ислам (как уже упоминавшийся брат Софьи Палеолог). В дальнейшем, однако, в канцеляриях стали разрешать служить лишь выходцам из мусульманских семей. Обучение новых работников осуществлялось прямо на рабочих местах, а параллельно — в мечетях и медресе. Эта часть османских управленцев отличалась хорошей образованностью и не только в своей профессиональной сфере, но и в иных культурных аспектах. Их религиозность не всегда была лишь ортодоксально-суннитской. Многие были связаны с различными суфийскими тарикатами.

Как правило, служба в этой сфере была наследственной и именно в ней формировалась культурная элита османского общества. Среди выходцев из калемий появились и первые критики Османской империи, уже в конце XVI в. заговорившие о кризисе этого государства<sup>50</sup>.

Руководители этого ведомства могли назначаться и из улемов (т.е. прослойки ильмийе), однако сама эта сфера требовала особой профессиональной подготовки, а потому оставалась обособленной. В отношении нее можно говорить, что она базировалась на определенных навыках, заимствованных из византийских, ближневосточных и исламских традиций, но в дальнейшем развивалась самостоятельно.

И наконец, собственно ильмийе, связанные с двумя сферами деятельности — религиозно-образовательной и судебной<sup>51</sup>.

Показательно, что среди мюдerrисов высшего ранга даже во времена Мехмеда II Фатиха 47% составляли выходцы из реайи, 39% — из улемов, 14% — из различных категорий аскери<sup>52</sup>. Поэтому можно заключить, что исламская духовная элита тогда только начинала формироваться. Еще не сложился тот замкнутый круг улемских семей, которые стали главенствовать в духовной жизни империи позднее<sup>53</sup>.

До Мехмеда II почти все везиры назначались из сословия ильмийе, как наиболее грамотные и сведущие в управлении люди. Большую роль тогда играло семейство Чандарлы. Основатель его — Кара Халил занимал пост кадия Бурсы еще в период правления Орхана (1320–1362). Тогда это был высший улемский пост. По его инициативе<sup>54</sup> создавались первые османские профессиональные воинские части из мусульманской молодежи — яя и муселлемы. Записи в эти части вели кадии. Формировались отряды типа византийских акритов, но исключительно из мусульман. При Мураде I, по инициативе того же Кара Халила, из пленных начали комплектоваться первые отряды нового войска (*yeni çere* — янычары). Для

<sup>50</sup> См.: Тверитинова А. С. Социальные идеи в турецких дидактических трактатах XIV–XVI вв. М., 1960.

<sup>51</sup> Uzunçarşılı İ. N. Osmanlı Devletinin İlmiye Teşkilâtı; История Османского государства, общества и цивилизации. Т. 1, с. 384–389.

<sup>52</sup> История Османского государства, общества и цивилизации. Т. 1, с. 406.

<sup>53</sup> Там же, с. 200.

<sup>54</sup> Ашик-паша-заде. Теварих-и Ал-и Осман. Стамбул, 1332 (1913), с. 40.

этого использовалась та часть пленных, которая по шариатской практике доставалась султану — т.е. 1/5 добычи (пенчик). Позднее система набора и обучения янычаров была усовершенствована, но следует обратить внимание, что у ее истоков стоял деятель, происходивший из ильмийе<sup>55</sup>.

С именем Чандарлы Кара Халила связывают и становление финансовой системы государства и упорядочение в ведении фискальной отчетности (дефтеров)<sup>56</sup>. Следовательно, исламские деятели уже тогда начинали принимать участие в строительстве и систематизации многих спонтанно возникавших в период утверждения на новых территориях государственных институтов.

Мехмед II отстранил от власти семейство Чандарлы<sup>57</sup>, заменив после взятия Константинополя великого везира Чандарлы-заде Халила-пашу на выходца из девширме Заганас Мехмеда-пашу. Как отмечает турецкий исследователь Ф. Эмеджен, раздав важные государственные должности, включая пост великого везира, верным ему безвестным людям, он сосредоточил в своих руках всю власть, что позволило ему провести ряд смелых экономических, военных и правовых реформ<sup>58</sup>, т.е. законотворчество Мехмеда II Фатиха претворялось в жизнь без улемского контроля, хотя этой прослойке господствующего класса и отводилось важное место в верхушке управленческой элиты.

При Мехмеде II в канун-наме были включены статьи о сословии улемов и их руководящей роли в государственной структуре. Этим была явно продемонстрирована приверженность к высокому ортодоксальному исламу. Много внимания уделялось приданию мусульманского облика новой столице. После падения Константинополя более ста построек города были переделаны в мечети, медресе, дервишские обители. Мечетью стала даже Ая-София. Тогда же был создан комплекс из восьми больших медресе (Семанийе), восьми малых (Тетимме), начальной школы, библиотеки, больницы, кухни. Все это располагалось вокруг мечети Мехмеда Фатиха. Весь этот комплекс представлял собой единое сооружение, знаменовавшее, как пишут турецкие исследователи, «централизаторский подход султана к религии, науке и образованию»<sup>59</sup>.

Была определена иерархия медресе, составлены учебники, сведены воедино правила учебной жизни, установлено твердое жалованье мюддерисов<sup>60</sup>.

В страну приглашались ученые из исламского мира, но были и выходцы из Европы, которые переводили султану труды по географии, военному делу. Еще в Манисе (где Мехмед II находился, будучи наследником) Кириак из Анконы знакомил будущего султана с историей Рима и Запада. Позднее Георгий Амуруцци, грек из Трапезунда, переводил с арабского «Географию» Птолемея. У султана была большая библиотека, где храни-

<sup>55</sup> См.: Uzunçarşılı I. H. Osmanlı Devleti Teşkilâtı Kapıkulu ocakları. № 1–2. Ankara, 1943, 1944.

<sup>56</sup> Uzunçarşılı I. H. Osmanlı Devletinin Merkez ve Bahriyî Teşkilâtı, с. 319.

<sup>57</sup> Uzunçarşılı I. H. Çandarlı Vesir Ailesi. Ankara, 1974.

<sup>58</sup> История Османского государства, общества и цивилизации. Т. 1, с. 16.

<sup>59</sup> Там же. Т. 2, с. 274–275.

<sup>60</sup> Uzunçarşılı I. H. Osmanlı İlimiye Teşkilâtı.

лись книги не только на восточном, но и греческом языке. Еще при отце Мехмеда — Мураде I на турецкий язык с арабского и персидского были переведены многие труды по географии, медицине, математике, астрономии. Большое внимание уделялось суфизму. К этому времени уже было переведено на турецкий месневи Мевляны Джелалудина Руми<sup>61</sup>.

Мехмед II поощрял дискуссии по религиозным вопросам. Известно шестидневное обсуждение трудов Газали и Ибн Рюшда, в результате которого один из авторитетных богословов того времени Ходжазаде (Муслихиддин Мустафи б. Юсуф б. Салих эль-Бурсани) написал свое произведение с самостоятельным толкованием взглядов этих ученых<sup>62</sup>.

Интерес к научно-религиозным вопросам не ограничивался тогда только знакомством с авторитетами. Шла выработка своих собственных взглядов. Любопытно, что в 1455 г., по поручению султана, патриарх Геннадий Схolariй написал два трактата о христианской вере, которые были переведены на турецкий язык<sup>63</sup>. Есть сведения и о том, что небольшая часть образованного османского общества склонялась к христианству<sup>64</sup>. Недаром христианский богослов Георгий Трапезундский своими обращениями к Мехмеду II надеялся склонить его к христианской вере (за что, кстати, был осужден не мусульманами, а папским окружением)<sup>65</sup>. Незадолго до Мехмеда II по османскому государству прокатилось восстание, вызванное проповедями шейха Бедреддина, взгляды которого представляли собой синкретизм ислама, христианства и иудаизма. Сам же шейх получил лучшее для своего времени религиозное образование (он учился в Аль-Азхаре) и какое-то время находился на государственной службе, занимая пост кадиаскери<sup>66</sup>.

На османской территории не только продолжали действовать суфийские ордена, но и создавались их новые ответвления<sup>67</sup>. Формировался османский вариант братства бекташи, укреплявшего свои связи с янычарским корпусом. Начинают обретать все большее влияние мевлевий. Их шейхи имели тесные контакты со многими османскими государственными деятелями. Однако сам этот аристократический тарикат при Мехмеде II еще не был взят под государственное покровительство<sup>68</sup>.

Строя свое государство в довольно разобщенной религиозно-идеологической среде, Мехмед II сумел найти рациональную форму межконфессиональных отношений. Идейный разброд в византийском обществе, порожденный последствиями 1204 г. и Флорентийской унией, побуждал часть этого общества считать, что лучше видеть в Константи-

<sup>61</sup> История Османского государства, общества и цивилизации. Т. 1, с. 197–198; Т. 2, с. 31, 274–279, 382–389.

<sup>62</sup> Там же. Т. 1, с. 198. Т. 2, с. 389.

<sup>63</sup> Лобовикова К. И. Две попытки объяснить Мехмеду Завоевателю догматы христианства: Георгий Трапезундский и Геннадий Схolariй // *Turcica et Ottomanica*. М., 2006.

<sup>64</sup> История Османского государства, общества и цивилизации. Т. 2, с. 164–165.

<sup>65</sup> Лобовикова К. И. Христианство, иудаизм и ислам в трактате Георгия Трапезундского «О вечной славе самодержца и его мировом владычестве» // *Античность и древность в Средние века*. Екатеринбург, 2003, с. 399–414.

<sup>66</sup> История Османского государства, общества и цивилизации. Т. 1, с. 153, 272.

<sup>67</sup> Там же, с. 146–152.

<sup>68</sup> Там же. Т. 2, с. 146.

нополе турецкую чалму, чем папскую тиару<sup>69</sup>. Это позволило султану привлечь на свою сторону ряд византийских светских и духовных аристократов. Крупный религиозный деятель Византии, противник Унии, Геннадий Схоларий стал новым православным патриархом. Именно с ним был оформлен договор о создании так называемого Рум миллети, общины православной церкви в исламском государстве. Этим соглашением немусульманским конфессиям (позднее были оформлены Эрмени миллети и Яхуда миллети — армянский и иудейский) предоставлялось право проживания в османском государстве. Им разрешалось сохранять свою веру, соблюдать обряды, даровалась судебная автономия (все, что касалось браков, разводов, наследования, некоторые уголовные дела, использование церковного имущества и т.п.). Только споры между немусульманином и мусульманином передавались в кадийские суды. Патриархи провозглашались главами миллета. Они, как и лидеры других конфессий (миллет-баши), вместе со своим духовенством выполняли все управленческие функции среди своей паствы и отвечали за свой миллет перед султаном. Религиозные общины, следовательно, получали право автономного существования. За это они должны были платить подушную подать — джизью. Это было шариатское требование для «людей писания», проживавших в странах ислама («они платят джизью, чтобы жить по своей вере»). В Османской империи были введены еще некоторые налоги, которые немусульманам положено было платить в больших размерах, чем мусульманам. Все немусульмане за это освобождались от военной службы. В османском обществе аскери — военные — высшая управляющая прослойка страны. Ее членами могли быть лишь мусульмане. Создавая миллетную систему, завоеватели отделяли себя от тех граждан, которые не исповедовали ислам. Это же означало отказ внутри страны от политики исламизации. Есть разные взгляды на миллетную систему и ее роль в судьбах империи<sup>70</sup>. Главное же здесь то, что страна оказалась разделенной на этно-религиозные общности, между которыми, как пишет египетский исследователь османской истории аш-Шеннауи, «не было единства языка, мышления, образования. Не было у них и единых обрядов, праздников, традиций, идеалов и других проявлений общественного единства. Другими словами, не было единых цивилизационных элементов, которые связывали немусульманскую общность с османами»<sup>71</sup>. В этом он видит причину, которая впоследствии привела империю к краху. В период же становления империи, как бы сбросив с себя межконфессиональные проблемы, османы сумели заняться укреплением собственных властных структур.

Миллетная система вытекала из коранических установок о «людях Писания» (ахл ал-китаб), которые должны «дать откуп своей рукой» (Коран, 9, 29), после чего они становились ахл аз-зимма или зимми —

<sup>69</sup> Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. М., 1983, с. 32, 73.

<sup>70</sup> См.: Орешкова С. Ф. Османская империя: проблемы межконфессиональных отношений // Восток, 2008, № 6, с. 33–44.

<sup>71</sup> Шеннауи А. А. М. Османская империя — оклеветанное мусульманское государство. Каир, 1986, с. 324 (араб. яз.). Русский перевод этой книги готовится к изданию в издательстве «Рубежи XXI века».



людьми договора и получали право проживать в стране ислама (дар аль-ислам), где их личность и имущество будут находиться под защитой. Признание османами этого положения Корана и исламского права свидетельствует об усвоении ими традиций Ближнего Востока, где издавна царил этнорелигиозная чересполосица. Однако далеко не все османские тарикаты безоговорочно приняли султанские предписания о миллетной системе. Происходили взрывы воинствующего исламизма, особенно в балканских городах, которые с XVI в. были преимущественно мусульманскими<sup>72</sup>. Эти же настроения порой проникали и в управленческие верхи империи, например при Селиме I, говорившем о своем стремлении к тотальной исламизации и искоренении «неверных» в его стране<sup>73</sup>. Однако такие выступления, как правило, быстро подавлялись, так как немусульманская налогоплательщая реяя оставалась «казной падишаха» и ее следовало охранять не только для спокойствия в государстве, но и по чисто экономическим причинам.

Было найдено и оправдание для налога «дерширме». Имелся хадис, в котором приводятся слова Пророка: «...каждый ребенок рождается по закону природы, потом родители делают его иудеем, христианином или язычником». Считалось, что до 18 лет юноша еще не стал взрослым, а потому в отношении его речь идет не о насильственной перемене религии, а о переходе в истинную веру до того, как родители сделают его христианином<sup>74</sup>.

Окончательное складывание классической османской государственной структуры и ее оформление в рамках исламского права произошло лишь при султанах Сулеймане I Кануни (1520–1566), то есть после того, как в империю были включены основные арабские территории и мусульманское население в османской державе стало численно преобладающим. Этому империя обязана прежде всего шейх уль-исламам Ибн Кемалю (ум. в 1534 г.) и особенно Эбуссууду-эфенди, занимавшему должность главного муфтия с 1534 по 1574 г. При них на заседаниях султанского Дивана стали обращать большее внимание на соответствие султанских законов нормам шариата. Были случаи отмены султанских распоряжений как противоречащих шариатскому праву<sup>75</sup>, но главное, что основополагающим османским законам шейх уль-исламы своими фетвами давали шариатское обоснование. Дело в том, что исламское право — фикх, шариат — не имело ответа на многие вопросы, вставшие перед османами при строительстве империи. В нем хорошо были разработаны правовые основы, касающиеся наследования, семьи, женитьбы, разводов, преступлений, налоговой системы (но этих налогов явно не хватало новому государству). Политические же и административные структуры государства этим правом проработаны не были. Земельная проблема по мусульманскому праву решалась не так, как ее стремились решать осма-

<sup>72</sup> См.: Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. М., 1984, с. 219.

<sup>73</sup> Altındag Ş. Selim I // *İslam ansiklopedisi*. Т. 10. İstanbul, 1966, с. 423–434.

<sup>74</sup> История Османского государства, общества и цивилизации. Т. 1, с. 269.

<sup>75</sup> См.: Heyd U. *Studies in Old Ottoman Criminal Law*. Oxford, 1973, с. 148, 191–192; История Османского государства, общества и цивилизации. Т. 1, с. 332.

ны. Поэтому все завоеванные земли они объявили арази-и эмирийе им арази-и мемлекет, т.е. государственной собственностью. Это позволило отказаться от тех ограничительных положений, которые были разработаны исламским правом на арабских территориях. Турецкий историк Т. Гёкбилгин видит в отношениях османов к земле основное отличие их режима от режимов других мусульманских государств<sup>76</sup>. На этой земле и доходах с нее они и смогли построить свое государство. Экономической основой его стало аграрное хозяйство, кочевничество и его традиции отошли на второй план. Именно этим нововведениям тогдашние шейх уль-ислами своими фетвами и дали исламское освящение. Любопытно, что позднее в подтверждение законоположений о тимарной системе стали ссылаться не столько на канун-наме Сулеймана Кануни по этому поводу, сколько на эти фетвы<sup>77</sup>. Чтобы подтвердить исламскую правомочность аграрных отношений, установленных в центральных и западных районах империи (т.е. на той территории, где складывалось ядро османского государства), Эбуслууд-эфенди приравнял к традиционному исламским многие взимаемые там налоги (например, ушр — харадж-и мукассем, чифт ресми — харадж-и муваззаф)<sup>78</sup>.

В фетвах подчеркивалось отличие османского земельного законодательства от практики аграрных отношений в других мусульманских странах. Очевидно, это было необходимо в период, когда в составе Османской империи оказались арабские страны с их классическим мусульманским пониманием норм шариата, в частности касающихся земли.

Османским улемам XVI в., придерживавшихся ханифитской правовой школы суннитского ислама, наиболее гибкой из всех мусульманских мазхабов<sup>79</sup>, удалось своим толкованием османских особенностей государственного строительства как-то согласовать многие из них с классическим исламом. Однако имперская практика, как уже отмечалось, была намного шире тех предписаний, которые имелись в шариате.

Поэтому, как констатирует турецкий ученый М. А. Айдын, в империи продолжали существовать две правовые системы: «Правовую систему, отразившуюся в классических текстах фикха (исламской юриспруденции) и возникшую без вмешательства государства, называют шариатским правом, а другая система, которая складывалась под воздействием султанских указов и ферманов султанов, стала называться орфи (урфи)». Он же утверждает, что термин орфи, *örf* (орф) впервые появился в период правления Мехмеда II Фатиха<sup>80</sup>.

Шариатское право складывалось в результате трудов религиозных ученых. Государство же, за исключением периода четырех первых хали-

<sup>76</sup> Gökbilgin T. Un aperçu general sur l'histoire des institutions de l'Empire Ottoman an XVI siècle // Tarcica, Paris-Strasbourg, 1969, № 1.

<sup>77</sup> Орешкова С. Ф. Османский источник второй половины XVI в. о султанской власти и некоторых особенностях социальной структуры османского общества // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990, с. 248–249.

<sup>78</sup> История Османского государства, общества и цивилизации. Т. 1, с. 437–438.

<sup>79</sup> Цветков П. Исламизм. Ашхабад, 1912, с. 314–317.

<sup>80</sup> История Османского государства, общества и цивилизации. Т. 1, с. 324.

фов, никак не вмешивалось в это законотворчество, и все вопросы государственного строительства оставались за рамками шариатского права. При строительстве империи османам такие вопросы пришлось решать самостоятельно. Отсюда множество султанских распоряжений, канун-наме отдельных районов и, наконец, обобщающие своды законов, составившиеся в период с Мехмеда II Фатиха до Сулеймана I Кануни. В период обобщения предыдущих распоряжений, касающихся государственного строительства, и возник, очевидно, термин *örf*. Удивляет, однако, то, что правовую систему, складывавшуюся вне шариата, турецкие ученые выводят лишь из тюрко-монгольских политических и административных традиций, восходящих к тюркскому праву тюре и монгольской ясе. Отмечается, что система *örf* прошла длительный путь развития, в ходе которого учитывались местные условия и сложившиеся традиции<sup>81</sup>.

Что, однако, постоянно остается где-то за скобками, так это то, что для османов сложившиеся традиции тех мест, где они строили свое государство, — это тысячелетний опыт Византии. Именно он воспринят османами и отражен в канунах. Османское законотворчество свидетельствовало о высоком уровне их общественного развития и способности создать имперское государственное образование, объединившее разные народы и страны, сохранив определенную специфику их развития.

Уже составление первых провинциальных канун-наме в XIV–XVI вв. свидетельствовало о том, что османы сознательно строили свое государство как империю, державу, по-разному строящую управление своих территорий. Канун-наме могли быть однотипными (классическим считалось законоположение ливы Худавендигяр 1487 г.) или меняющимися в соответствии с какими-либо новыми стандартами (так, например, в Восточной Анатолии по просьбе населения законы Узун Хасана были заменены на более либеральное налогообложение, принятое в западных областях), но все-таки разными для каждого санджака, зялета, бейлербейства<sup>82</sup>. С включением арабских стран и оформлением вассальных пограничных владений структура империи еще более усложнилась. Оформились не только две правовые системы, но и две линии управления.

Помимо военно-территориальной структуры власти (тимариот, санджакбей, бейлербей, великий везир) складывается централизованная судебно-религиозная диагональ управления.

Эбуссууд-эфенди упорядочил систему назначения на должность кадиев и мүдеррисов<sup>83</sup>. В результате появилась особая контролирующая система. Кадии на местах не подчинялись местным властям, а были ответственными только перед шейх уль-исламом. Они следили за исполнением законов, сбором налогов, соблюдением порядка землепользования, решали наследственные дела, выполняли различные нотариальные

<sup>81</sup> История Османского государства, общества и цивилизации. Т. 1, с. 423–426.

<sup>82</sup> См.: Inalcık H. Suleiman the Lawgiver and Ottoman Law // Archivum Ottomanicum, 1969. Т. 1, с. 105–138.

<sup>83</sup> Османское государство, общество и цивилизации. Т. 1, с. 200–201.

функции, в их ведении находились рынки, где контролировались не только пошлины, но и рыночные цены. Хотя кадии и считались эхл-и шер, т.е. людьми шариата, судить их предписывалось на основе «священного шариата и высокого закона», т.е. два права действовали в единстве<sup>84</sup>. Им рассылались султанские распоряжения и тексты канун-наме<sup>85</sup>. В период кризиса конца XVI–XVII вв. именно кадии противостояли разбойной военно-административной верхушке, сотрясавшей страну своими мятежами. К ним апеллировало местное население, надеявшееся найти защиту у султанского двора<sup>86</sup>.

Итак, постепенно ислам и идеологически и институционно овладевает той османской имперской структурой, которая первоначально казалась довольно далекой от какого-то религиозного оформления, более того, он выступает ее охранителем и консерватором, лишает гибкости и способности к обновлению. Жизнь, однако, остановить невозможно. Жесткий религиозный контроль и строгая регламентация оформляются в середине XVI в. А уже в конце этого же века в османском обществе заговорили о кризисе. Эти разговоры продолжались весь XVII в. Страну потрясали различные восстания, а объяснения всему происходящему давались как отход от порядков «золотого века» Сулеймана I Кануни, а потому необходимо строго соблюдать былые правила, отношения, беречь старые институты, такие как, например, тимарную систему<sup>87</sup>. Попытки преодолеть эту ностальгию начали появляться лишь к концу XVII — началу XVIII в.: «люди пера» и некоторые религиозные деятели попытались как-то изменить положение в стране. Однако тяжелые войны на Западе и кровавые государственные перевороты 1687 и 1703 гг. привели к физическому уничтожению возможных лидеров перемен<sup>88</sup>. Позднее же идеи «европеизации» и явно проявившееся отставание Османской империи от ее европейских противников повели страну по другому пути.

Османы создали свою исламскую цивилизацию, впитав в нее много предшествующих достижений того региона, где они расположились. Бесспорны их достижения в государственном строительстве, организации общества, завоеваниях и противостоянии Западу. Однако постепенно религиозные «объятия» ислама, его идеологический контроль, направленный на сохранение былых достижений, остановили развитие. Два последних века существования Османской империи были наполнены внутренней борьбой, в результате которой многие достижения исламской цивилизации оказались отвергнутыми. Возможности же ее и народные надежды, с ней связанные, все еще продолжают существовать.

<sup>84</sup> Barkan Ö. L. XV ve XVI asırlarda Osmanlı İmparatorluğunda Zıvay Ekonominin Hukuk ve Mali Esasları. Kanunlar. İstanbul, 1943, с. 309, 341, 342 и др.

<sup>85</sup> Inalcık H. Suleiman the Lawgiver, с. 120.

<sup>86</sup> Akdağ M. Genel çizgileri XVII yüzyıl Türkiye tarihi // Türk araştırmaları dergisi. Ankara, 1966.

<sup>87</sup> См.: Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. Очерки истории Турции. М., 1983, с. 63.

<sup>88</sup> Kırat A.N. İsveç kralı XII Karl'ın Türkiyede kalışı ve bu sıralarda Osmanlı İmparatorluğu. İstanbul, 1943, с. 13; Орешкова С. Ф. Государственный переворот 1703 г. в Османской империи // Русское востоковедение в память о М. С. Капице. М., 2001, с. 236.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на некоторые моменты истории Византии и арабского халифата. Как отмечает О. Г. Большаков, культурному развитию халифата в IX–X вв. способствовало «отсутствие в исламе в ту пору разработанной религиозно-философской системы. Религия и наука развивались параллельно, мусульманская идеология не поднялась еще до того уровня, когда она могла оказывать идеологическое влияние. Оно стало ощущаться только в XI в., когда развитие науки в мусульманских странах явно замедлилось»<sup>89</sup>. Османь, продолжившие развитие мусульманской цивилизации, столкнулись с подобной же ситуацией, когда ислам не только (и, пожалуй, не столько) идеологическим, но, главное, организационным контролем исламских управленческих структур стал к XVII в. оказывать консервирующее и удушающее влияние на развитие страны. Это чувствовали и наиболее дальновидные османские религиозные деятели. Трагической фигурой в этом отношении является шейх уль-ислам Фейзуллах-эфенди. Он сотрудничал с Кёпрюлю Хюсйи-пашой и Рамис Мехмедом-пашой — великими везирами-реформаторами рубежа XVII–XVIII вв., пытавшимися найти подход к тому процессу модернизации, которым был охвачен тогдашний мир. Большую роль сыграл Фейзуллах-эфенди и в поддержании мирной политики, к которой повернулась Порта после Карловицкого мира (1699 г.). Но, как известно, именно поведение, коррумпированность, протекционизм и диктаторские замашки шейх уль-ислама сделали его той одиозной фигурой, с которой стали связывать все тогдашние трудности и беды государства. Бунт стамбульских горожан и военщины в 1703 г. смел и султана, и шейх уль-ислама, и все поколение реформаторов, пытавшихся модернизировать страну, сохраняя прежнюю цивилизационную самобытность<sup>90</sup>.

Консервирующее влияние религиозных структур и идеологическое закрепление существующих порядков характерны не только для ислама. То же происходило с Византией и христианством в последние годы существования этого государства<sup>91</sup>. Недаром и ее в свое время называли, как и Османскую империю в XIX в., «большим человеком».

Ислам, как и другие великие религии человечества, — это большое культурное достижение, цивилизационный фактор, определяющий направление развития исповедующего его общества. Однако существует некая грань в религиозных регламентациях и религиозном руководстве. Мы знаем, что Европа смогла перейти на новый этап развития лишь вырвавшись из папских объятий, ограничив светскую власть понтифика, а в наиболее продвинутых странах — порвав с ней в результате Реформации.

Религии, очевидно, дают некий импульс для цивилизационной направленности, определяют особенности внутренних общественных

<sup>89</sup> Большаков О. Г. Византия и халифат в VII–X вв. // Византия между Западом и Востоком, с. 378.

<sup>90</sup> Орешкова С. Ф. Османская империя на рубеже XVII–XVIII вв.: последний всплеск средневекового величия // От Стамбула до Москвы. Сборник статей в честь 100-летия профессора А. Ф. Миллера. М., 2005, с. 120–121.

<sup>91</sup> Большаков О. Г. Византия и халифат, с. 378.

структур, но им противопоказано государственное руководство. Они должны сосуществовать параллельно государственным структурам, помогая, направляя, но не подменяя их, стать одним из важнейших факторов того, что мы называем гражданским обществом.

И еще одна проблема, связанная с исламом и византийским наследством. О. Г. Большаков обратил внимание на то, что «охотно признавая авторитет античных ученых, арабские авторы совершенно не упоминают своих византийских современников»<sup>92</sup>. То же происходит и с турецкой (даже современной) историографией. Возможно, правда, здесь проблема коренится в терминологической неточности. Словом «Рум» — Рим турецкие авторы называют ту страну (Восточно-Римскую империю), которую у нас и в европейской науке именуют Византией. А потому, говоря о «римском праве», например, некоторые авторы, возможно, имеют в виду более широкое, чем мы, понятие, включая в него и византийский период. Но, по сути дела, получается так, что они перескакивают через целое тысячелетие, когда это римское право и римские традиции получили совсем иное оформление и стадийное развитие. Для османов же именно «византийское наследство» оказалось тем фундаментом, на котором они строили свое самобытное имперское государство и формировали новое общество. Способность использовать это наследство — достижение османов, позволившее им создать свою империю и противостоять Европе. Именно это позволяло говорить об особой, османско-мусульманской цивилизации и в чем-то сближало османскую историю с историей России, где свое, близкое Европе и наследующее византийские традиции, но иное цивилизационное развитие.

---

<sup>92</sup> Большаков О. Г. Византия и халифат, с. 377.

Н. В. Ремез (Москва)

## К вопросу о законотворческой деятельности османских султанов в XV–XVI вв.

В основе правовой системы Османской империи лежало исламское право и нормы шариата играли определяющую роль в жизни османского общества. Вместе с тем наряду с правом, опирающимся на шариат, возникла и укрепилась вторая, параллельная ей законодательная система, предписания которой исходили из принципов обычного права и оформлялись султанскими указами. Как правило, они сопровождались формулой «по воле государя и на основе традиции» (*урф*). Правитель изъявлял свою волю в законотворческих областях, не входящих в круг вопросов, рассматриваемых шариатом. В первую очередь это касалось политико-административного управления государством. Появление такого рода законодательной системы было обусловлено созданием могущественного централизованного государства и усилением султанской власти<sup>1</sup>.

Период наиболее активной законотворческой деятельности в истории османского государства приходится на время правления Мехмеда II Фатиха (1444–1446; 1451–1481), стремившегося путем реорганизации системы государственного управления расширить масштабы своей власти, создать централизованно управляемую могущественную империю. При этом султане был создан первый обобщающий письменный свод государственных законов — Кануннаме. Сам факт появления Кануннаме, документа, юридически регулирующего от имени правителя судебные, аграрные, фискальные отношения, указывал на приобретение османским государством имперского статуса. Правовые нормы, выработанные во второй половине XV–XVI вв. и нашедшие отражение в кануннаме Мехмеда II Фатиха<sup>2</sup>, а также его преемников Баязида II (1481–1512)<sup>3</sup>, Селима I Явуза (1512–1520)<sup>4</sup> и Сулеймана

<sup>1</sup> Подробнее об этом см.: Barkan Ö. L. 15. ve 16. Osmanlı İmparatorluğunda Zirai Ekonominin Hukuki ve Mali Esasları. İstanbul, 1943; İnalçık H. Kanunname. — Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi. Cilt 24. İstanbul, 2001; İnalçık H. Devlet-i Aliyye. Osmanlı İmparatorluğu Üzerine Araştırmalar-1. İstanbul, 2009.

<sup>2</sup> См.: Akgündüz A. Osmanlı Kanunnameleri ve Hukuki Tahlilleri. Vol. 1. İstanbul, 1990; Hazihi Suret-i Kanun-ı Padişahi: Sultan Mehmed b. Murad Han // XIV–XVII Yüzyıllarda Osmanlılarda Devlet Teşkilatı ve Sosyal Yapı. Ankara, 1998.

<sup>3</sup> Akgündüz A. Osmanlı Kanunnameleri ve Hukuki Tahlilleri. Vol. 2. İstanbul, 1990.

<sup>4</sup> Книга законов султана Селима I. Публикация текста, пер., терминологический коммент. и предисл. А. С. Тверитиновой. М., 1969; Pulaha S., Yücel Y. I. Selim Kanunnamesi ve XVI. Yüzyılın İkinci Yarısının Kimi Kanunları. Ankara, 1988.



Кануни (1520–1566)<sup>5</sup>, составили юридическую основу Османской империи и действовали без существенных изменений вплоть до XIX в.

Весьма показательна законодательная деятельность султана Селима I Явуза. Именно в его период были изданы и введены в действие Кануннаме для таких вилайетов, как Кайсери, Рум (Сивас), Диарбекир, Урфа, Мардин, Эрзинджан, то есть для районов Восточной Анатолии, вошедших в состав Османской империи при Селиме I. Законоположения этих вилайетов датированы 1516–1518 гг.<sup>6</sup>

Главным достижением этого султана в сфере законодательства стало составление собственного Кануннаме общего характера, отразившего в себе как нормы и установления предыдущих периодов, так и содержащего немаловажные нововведения, вызванные социально-политическими изменениями в жизни Османской империи. Кануннаме Селима I демонстрирует уровень развития правовой и законодательной сфер государства в начале XVI в., дополняет и существенно расширяет многие положения Кануннаме Мехмеда II Фатиха и Баязида II<sup>7</sup>.

Типологически Кануннаме Селима I представляет собой свод законов общего характера и содержит положения, распространяющие свое действие на всю территорию Османской империи. Структурно оно состоит из четырех основных частей. Свод законов открывают положения о размерах и сроках наказаний за различные преступления, то есть своего рода уголовное уложение. Вторая часть содержит законы, разъясняющие экономическое, социальное и правовое положение райятов, а также положения, устанавливающие размер, формы и способы взимания налогов с податного сельского населения. Третья часть регулирует уровень рыночных пошлин.

Наконец, четвертая, заключительная часть Кануннаме рассматривает структуру и функционирование торгово-ремесленных организаций в городах, устанавливает форму и размер их налогообложения, а также наказания в случае нарушения данных установлений<sup>8</sup>.

При сопоставлении Свода законов Селима I и Кануннаме Мехмеда II Фатиха, составленного вскоре после завоевания Константинополя, видно, что, с точки зрения структуры, основных положений, эти два общих свода законов весьма близки друг к другу. Близость эта особенно заметна в разделах, устанавливающих способ взимания и размер налогов с райятов и городского ремесленного населения, а также величину наказаний за некоторые виды преступлений. Однако, несмотря на наличие в данных Кануннаме схожих, подчас повторяющих друг друга положений, важно обратить внимание на произошедшее к периоду Селима I существенное развитие и обогащение ряда принципов законодательства, расширение

<sup>5</sup> Аграрный строй Османской империи в XV–XVII вв. Документы и материалы. Составитель, переводчик и автор комментариев А. С. Тверитинова. М., 1963.

<sup>6</sup> Там же; Barkan Ö. L. 15. ve 16. Osmanlı İmparatorluğunda Zirai Ekonominin Hukuki ve Mali Esasları; Pulaha S., Yücel Y. I. Selim Kanunnamesi ve XVI. Yüzyılın İkinci Yarısının Kimi Kanunları, с. 14.

<sup>7</sup> См.: Peirce L. In Search of the Harem// The Ottoman Empire: Myths, Realities and Black Holes. Istanbul, 2006, с. 140–146.

<sup>8</sup> Там же, с. 140–146.

сферы применения норм, сложившихся на основе права *урф* и постановлений султана. В Кануннаме Селима I отчетливее, чем в правовом своде Мехмеда II Фатиха, выявляются особенности экономической, социальной, законодательной сфер деятельности Османского государства.

Так, например, многие положения, касающиеся земельного права и регламентации отношений между сипахи и райятами, наследования райятами земельных наделов, развития категории «сербест» (свободных) тимаров, уровня рыночного налогообложения, в Кануннаме Селима I сгруппированы в отдельные параграфы и проработаны весьма детально, в то время как свод законов Мехмеда II Фатиха касался их лишь поверхностно и отрывочно<sup>9</sup>.

Ряд важных положений Кануннаме Селима I, относящихся к решению продажи и покупки земли реайи, передачи ее по наследству, а также регламентирующих правовое положение сипахи, кадиев, хатибов, имамов, назыров и «подобных им, которые по падишахскому бекрату имеют что-нибудь в своем владении...»<sup>10</sup>, отсутствует в уложении Мехмеда II Фатиха либо изложены менее детально.

Это свидетельствует о том, что оформление основных элементов социально-экономического строя Османского государства на правовом уровне, которое традиционно относят к середине XVI в., то есть ко времени правления султана Сулеймана Кануни (1520–1566), было достигнуто уже при Селиме I, когда социальная структура османского общества получила важнейшие правовые основы.

Нововведения, появившиеся в Кануннаме Селима I по сравнению со сводами законов его предшественников Баязида II и Мехмеда II Фатиха, явственно отражают изменения в социальной и политической жизни Османской империи.

Наиболее наглядно данный процесс прослеживается при анализе законоположений Кануннаме, относящихся к уголовному праву. Уголовные статьи Кануннаме, в отличие, например, от установлений, регламентирующих налоговые сборы, едины и применимы ко всей территории Османской империи. В то время как величина налоговых сборов может варьироваться в зависимости от качества земли, природных условий конкретного санджака, что отражено в законоположениях отдельных провинций, уголовные статьи, включенные в состав общего Кануннаме, едины для всех подданных империи. Согласно понятию «укубат» (наказание), существующему в исламском праве, и мусульманское, и немусульманское население Османской империи находится в одинаковом положении, когда речь заходит о сфере уголовного права. Именно поэтому в кануне, принятом в 1583 г., говорится о «штрафах и иных наказаниях категории *урф*, которые назначаются для преступлений по всей империи»<sup>11</sup>.

Одной из причин обращения именно к уголовным положениям Кануннаме Мехмеда II Фатиха, Баязида II и Селима I для более детального

<sup>9</sup> Pulaha S., Yücel Y. I. Selim Kanunnamesi ve XVI. Yüzyılın İkinci Yarısının Kimi Kanunları, с. 59–63.

<sup>10</sup> Там же, с. 17а, 176, 31–33.

<sup>11</sup> Barkan Ö. L. 15. ve 16. Osmanlı İmparatorluğunda Zirai Ekonominin Hukuki ve Mali Esasları, с. 81.

анализа развития султанского законодательства стало традиционное тяготение этой сферы законодательства к нормам обычного права *урф*. Помимо преступлений, наказание за которые были определены Кораном, существовало большое количество проступков, наказуемых по усмотрению правителя (принцип *тазир*)<sup>12</sup>.

Султан, руководствуясь установившимися традициями, то есть принципами *урф*, определял, какие действия считать уголовными и какое наказание за их совершение следует установить. Право приведения наказания в исполнение также находилось под контролем султана, который делегировал эти функции определенным должностям в системе государственного управления. Султанские кануны более полно и масштабно вобрали в себя нормы публичного права, касающиеся правил ведения уголовных процедур и претворения в жизнь правовых предписаний<sup>13</sup>.

Прерогативой правителя, как защитника интересов государства и подданных, являлось судебное преследование лиц, совершивших преступления, нарушающие общественный порядок. Такими преступлениями являлись прелюбодеяние, клеветничество, воровство, употребление спиртных напитков, грабеж на дорогах. Преступления подобного рода были первоначально указаны в Коране, поэтому Кануннаме правителей начинались с законоположений в уголовной сфере, рассматривающих именно эти виды преступлений и наказаний за них. Данное обстоятельство позволяет сделать важный вывод: такое расположение уголовных статей в структуре Кануннаме указывает на то, что верховный правитель — султан, являясь создателем и блюстителем системы османского правосудия, должен был следить за соответствием положений этой сферы Корану, Сунне и нормам шариата.

Кануннаме отражали султанское видение упорядоченного внутреннего пространства Османской империи. Благодаря активной деятельности султанов-законодателей в XV–XVI вв., внесению ими поправок в своды законов предшественников, а также составлению собственных Кануннаме, мы можем определить, что считали правители своей целью в конкретный период времени и что, по их мнению, требовало доработки или коренного изменения в управлении империей.

Поскольку установления Кануннаме основывались на нормах обычного права, иногда они входили в несоответствие с предписаниями шариата, хотя, как уже было сказано выше, правители стремились приводить в соответствие основные положения Кануннаме с мусульманским правом. В некоторых случаях установления султанских сводов законов были призваны сгладить недостатки норм как шариата, так и обычного права. Это хорошо заметно на примере проблемы прелюбодеяния: согласно нормам мусульманского законодательства, для точного установления совершенного преступления необходимы показания четырех свидетелей происшедшего, что, естественно, весьма и весьма сложно обеспечить. Обычное же право в этом вопросе не требует такого количества свидетелей, однако

<sup>12</sup> История Османского государства, общества и цивилизации. М., 2006, с. 330.

<sup>13</sup> Peirce L. In Search of the Harem // The Ottoman Empire: Myths, Realities and Black Holes, с. 131.

представляется излишне жестоким, так как разрешает мужу (а в некоторых случаях и брату) убить свою жену и ее любовника. Установления Кануннаме, соединяя в себе элементы шариата и обычного права, обеспечивают более взвешенный подход к проведению судебного расследования как в отношении прелюбодеяния, так и других преступлений<sup>14</sup>.

Изменения, вносимые в тексты уголовных положений Кануннаме, в немаловажной степени отражали позицию османских султанов по отношению к источникам легитимности их власти. Кануннаме Селима I характеризует имперскую правовую политику термином «сиясет», обозначающим абсолютную законодательную власть султана, которая включала в себя полномочия в случае необходимости приводить приговор в исполнение без проведения судебного расследования<sup>15</sup>.

Подобная жесткость в этом вопросе объясняется вполне определенными причинами. Во второй половине XV в. и на протяжении большей части XVI в., то есть именно в период активного составления и совершенствования Кануннаме, Османская империя осуществляла интенсивную территориальную экспансию, что естественным образом приводило к вхождению большого количества населения в ее состав. Гетерогенность империи требовала повышенного контроля и подчинения центру представителей власти на местном и на провинциальном уровне. Практически каждое постановление центральной власти, так или иначе, коррелировалось с идеей о необходимости защиты султаном своих подданных, в особенности сельского податного населения, райятов, от злоупотреблений чиновников, сборщиков налогов. Более того, так как наиболее распространенным видом наказания за уголовное преступление являлись денежные штрафы, составляющие значительную часть жалованья местных чиновников, четкая правовая регламентация в Кануннаме того, какие действия считаются уголовно наказуемыми и какой точно размер штрафа должен быть взят с нарушителя правопорядка, являлась наиболее необходимой административной мерой.

Рассмотрим более подробно уголовные положения Кануннаме Мехмеда II Фатиха, Баязида II и Селима I и постараемся выявить наиболее важные изменения, произошедшие в этой сфере на протяжении второй половины XV — первой половины XVI в.

Кануннаме Мехмеда II Фатиха, в сравнении с последующими сводами законов, содержит весьма краткий набор постановлений, связанных с неверностью, развратными действиями и прелюбодеянием. Раздел, озаглавленный «о прелюбодеянии и преступных намерениях к его совершению», начинается Кануннаме<sup>16</sup>. Он содержит всего лишь двенадцать положений, приблизительно половина из которых посвящена описанию штрафов за совершение прелюбодеяния и внебрачные связи. Такое соотношение характерно и для материала последующих Кануннаме.

<sup>14</sup> Heyd U. *Kanun and Shari'a in Old Ottoman Criminal Justice*. Jerusalem, 1966, c. 17.

<sup>15</sup> Peirce L. *In Search of the Harem // The Ottoman Empire: Myths, Realities and Black Holes*, c. 134.

<sup>16</sup> Hazihî Suret-i Kanun-ı Padişahi: Sultan Mehmed b. Murad Han // *XIV–XVII Yüzyıllarda Osmanlılarda Devlet Teşkilatı ve Sosyal Yapı*. Ankara, 1998, c. 187–188.

В определении размера штрафов наибольшее значение придавалось двум факторам. Первый из них — гражданский статус — замужние/женатые свободные лица, незамужние/холостые свободные лица и, наконец, замужние/женатые и незамужние/холостые лица рабского статуса. Во всех этих случаях речь в Кануннаме Мехмеда II Фатиха, видимо, идет о мусульманских подданных империи, так как никаких специальных положений, оговаривающих вероисповедание, в данном разделе нет.

Второй фактор — это уровень благосостояния: богатые, лица среднего достатка, бедные или совсем неимущие. Так, например, для богатого свободного (в том случае, если его имущество достигает 1000 акче), состоящего в браке человека максимальный штраф за совершение прелюбодеяния составлял 300 акче<sup>17</sup>, в то время как лица рабского статуса должны выплатить половину этой суммы<sup>18</sup>.

Неимущий мусульманин или мусульманка, имеющий супругу/супруга, платил штраф в размере 40 акче, холостой — 30 акче; рабы платили половину от указанной суммы<sup>19</sup>. Необходимо отметить, что рабам наравне со свободными подданными, а женщинам наравне с мужчинами штраф назначался исходя из их материального положения. Следовательно, в Кануннаме Мехмеда II Фатиха фиксируется значительная степень свободы женщин и рабов, что отличает, как мы увидим далее, данный свод законов от последующих.

Два положения Кануннаме посвящены преступлениям на сексуальной почве, совершаемым соответственно в доме или на улице публично. Если какое-либо лицо вступит в чужой дом с намерением совершить прелюбодеяние (*зина*), он несет за это наказание независимо от того, удалось ему осуществить задуманное или нет<sup>20</sup>.

Что же касается публичного нарушения порядка, то положение Кануннаме гласит следующее: «...Если кто-то будет приставать к женщине на улице, поцелует или обнимет ее, то кади пусть строго накажет его и за каждый палочный удар пусть будет взято в штраф 1 акче»<sup>21</sup>. Таким образом, денежный штраф в данном случае совмещался с физическим наказанием — палочными ударами, количество которых определял кади.

Заслуживающим особого внимания пунктом является положение о выплате штрафа женщинами. Замужняя и незамужняя женщина, с точки зрения наказания за прелюбодеяние и внебрачные связи, была равна мужчине — она платила такой же штраф. Более того, на женщину распространялось такое же право защиты от клеветнических обвинений в ее адрес, как и на мужчину: «Если мужчина скажет женщине “я совершил с тобою прелюбодеяние”, а женщина станет отрицать это, она должна дать клятву невиновности, и судья должен наказать мужчину, за каждые два палочных удара пусть будет взят в штраф 1 акче»<sup>22</sup>.

<sup>17</sup> Hazihi Suret-i Kanun-ı Padişahi: Sultan Mehmed b. Murad Han // XIV-XVII Yüzyıllarda Osmanlılarda Devlet Teşkilatı ve Sosyal Yapı. Ankara, 1998, n. 1.

<sup>18</sup> Там же, с. 188, n. 8.

<sup>19</sup> Там же, с. 188, n. 1, 2, 8.

<sup>20</sup> Там же, с. 187, n. 7.

<sup>21</sup> Там же, с. 187, n. 9.

<sup>22</sup> Там же, с. 188, n. 11.

Таким образом, женщина выступает равным мужчине участником совершаемых преступлений и, совершая их, несет за них равное наказание.

Сводничество, совершаемое женщиной, заслуживает наказания в форме палочных ударов (тазир) и выплаты 1 акче за каждый удар<sup>23</sup>. О сводничестве со стороны мужчины и наказании за него в Кануннаме Мехмеда II Фатиха не говорится.

Лишь в одной статье<sup>24</sup> мы встречаем упоминание о главе семьи, несущем ответственность за преступление своей жены. Как отмечает Лесли Пайерс, указанная статья Кануннаме отражает практику, характерную для норм обычного права: мужчина, жена которого виновна в адюльтере, должен выплатить штраф, составляющий 100 акче, так называемый *кёфтехорлук*. Практика подобного рода связана с традиционным пониманием чести, характерным для многих народов Ближнего и Среднего Востока: муж обеспечен и, следовательно, виновен в том, что не смог контролировать поведение своей жены<sup>25</sup>.

В связи с выплатой штрафа *кёфтехорлук* существовало, однако, одно немаловажное условие: муж обязан был платить его только в том случае, если совершившая адюльтер жена обладала собственными, независимыми от мужа средствами (*авретин малы олса...*)<sup>26</sup>. Это условие, вероятно, было связано со стремлением отделить женщин, не ограниченных в средствах к существованию и совершивших прелюбодеяние по собственной воле, от тех, кто был вынужден заняться проституцией для приобретения средств к существованию<sup>27</sup>.

Итак, можно сказать, что уголовные постановления Кануннаме Мехмеда II Фатиха, связанные с преступлениями на сексуальной почве, являются своего рода основой, каркасом, на который в свою очередь накладывались расширенные и доработанные положения последующих сводов законов. Уголовные постановления подчеркивали обязанности правителя приводить в исполнение наказания, установленные Кораном за прелюбодеяние, распущенность и разврат.

Отсутствие в Кануннаме Мехмеда II Фатиха специальных положений, устанавливающих наказания для немусульманских подданных империи, как нам представляется, указывает на стремление правителя, не выделяя особо правонарушения немусульман, официально подчеркнуть прерогативу османского султана формулировать общеимперский закон и использовать его для наказания нарушителей Божьего закона на всей территории османской державы.

Обязанность султана следовать в своих постановлениях мусульманскому закону в разделе Кануннаме о прелюбодеянии особенно отчетливо находит свое выражение в так называемом принципе полового

<sup>23</sup> Hazîhi Suret-i Kanun-ı Padişahi: Sultan Mehmed b. Murad Han // XIV–XVII Yüzyıllarda Osmanlılarda Devlet Teşkilatı ve Sosyal Yapı. Ankara, 1998, n. 5.

<sup>24</sup> Там же, с. 187, n. 4.

<sup>25</sup> Peirce L. In Search of the Harem// The Ottoman Empire: Myths, Realities and Black Holes, с. 135.

<sup>26</sup> Hazîhi Suret-i Kanun-ı Padişahi:Sultan Mehmed b. Murad Han // XIV–XVII Yüzyıllarda Osmanlılarda Devlet Teşkilatı ve Sosyal Yapı, с. 187, n. 4.

<sup>27</sup> Peirce L. In Search of the Harem// The Ottoman Empire: Myths, Realities and Black Holes, с. 136.

равенства: и мужчина, и женщина являются участниками преступления, они несут равные наказания в случае установления их вины. Единственной второстепенной жертвой является женщина, подвергшаяся нападению на улице.

Еще одной важной характеристикой этого раздела Кануннаме является то, что в сфере наказания за такого рода преступления, наряду с нормами религиозного права, значительное место занимают постановления, сформулированные на основе и обычного права *урф*.

В целом, несмотря на важность уголовных положений Свода Законов Мехмеда II Фатиха, необходимо отметить, что его Кануннаме еще не охватывало в полной мере наиболее насущные задачи, которые вставали перед властями в процессе имперского объединения. Эти общественные изменения стали более заметны в период правления Баязида II, когда был составлен обновленный свод законов.

Баязид II был более религиозным человеком, чем его отец, Мехмед II Фатих, что нашло отражение в эпитете, который дали Баязиду современники — Святой (Вели). На протяжении большей части его правления военные действия велись нерегулярно и были весьма краткими. Основным направлением внутренней политики Баязида II стало административное объединение ранее завоеванных территорий.

Результаты этой политики видны в Кануннаме Баязида II, состоящем из 250 статей, что в три раза больше, чем содержал Кодекс Мехмеда II Фатиха. Структура Кануннаме Баязида II отличается большей проработанностью, сложностью. Он состоит из трех крупных разделов, каждый из которых содержит от четырех до семи параграфов. Первый раздел, состоящий из четырех пунктов, посвящен преступлениям и наказаниям за них. Он открывается параграфом о прелюбодеянии, далее следуют положения относительно нанесения физических увечий, убийства, третий пункт посвящен распитию спиртных напитков, воровству и клевете, наконец, четвертый, заключительный пункт по порядку следования, но отнюдь не по важности, посвящен положениям, декларирующим наказания категории *сиясет* — приводимые в исполнение властью правителя за самые серьезные преступления<sup>28</sup>. Первые три раздела были представлены в Кануннаме Мехмеда II Фатиха в более сокращенном объеме.

Одно из наиболее важных нововведений, сделанных Баязидом II, стало включение в текст Кануннаме положений, устанавливающих размер штрафов и наказаний для немусульманского населения империи. Это свидетельствует об изменившемся отношении к немусульманам — теперь они воспринимались как акторы преступлений, в то время как уголовные положения Кануннаме Мехмеда II Фатиха апеллировали лишь к мусульманам. Можно сказать, что указание на преступления всех подданных империи, вне зависимости от их вероисповедания, а также четкая регламентация размеров штрафов за эти преступления демонстрируют нам развитое имперское восприятие кануна как закона, рас-

<sup>28</sup> Akgündüz A. Osmanlı Kanunnameleri ve Hukuki Tahlilleri. Vol. 2, c. 40.



пространяющегося на всю территорию и поддерживающего социальный порядок в империи.

Более того, на упрочение имперских порядков также указывает возросшее, по сравнению с Кануннаме Мехмеда II Фатиха, количество статей, основанных на обычном праве. Это являлось показателем стремления центральной власти взять правовой контроль в свои руки, выведя его из сферы влияния местной администрации.

В целом, помимо указанного выше отличия, связанного с упоминанием немусульманского населения (которое обязано было выплачивать штраф, составляющий половину от штрафа, назначенного мусульманам), раздел о прелюбодеянии Кануннаме Баязида II схож с аналогичным разделом Свода Мехмеда II Фатиха.

Наиболее важные нововведения заключены в четвертом разделе, который отсутствует в предыдущем Кануннаме и декларирует наказания категории *сиясет*. Положения этого раздела рассматривают прецеденты незаконных, преступных отношений между полами и наказываются весьма и весьма жестко по сравнению с нормами обычного права<sup>29</sup>. Так, например, первая статья раздела предписывает кастрацию в качестве наказания для лиц мужского пола, похитивших мальчика или девочку, а также для тех, кто вторгнется в чужое жилище с преступным намерением похитить женщину или девушку.

Согласно второй статье, рассматривающей последствия похищения, лицо, пожившее похищенную женщину и похитителя, обязано расторгнуть этот брак, как только это станет возможным. Для лица, пожившего похитителя, предусмотрено наказание в виде отрезания бороды (облегченная форма кастрации).

Наконец, третья статья предписывает смертную казнь в качестве наказания для мужчины, пойманном на месте преступления с замужней женщиной<sup>30</sup>. Как отмечает Л. Пайерс, такое нововведение объясняется стремлением вывести «акт восстановления поруганной чести» из рук мужа и передать его в компетенцию лиц, уполномоченных государством.

Группирование указанных наиболее жестких наказаний в четвертый раздел «сиясет» демонстрирует нам четкое разделение между религиозными и политическими источниками законодательной власти. Баязид II, выделив эти преступления и наказания в отдельный раздел, сделал тем самым акцент на роли имперской власти в осуществлении правосудия, обязанности султана следить за исполнением Божьего закона и всячески способствовать усовершенствованию законодательства благодаря изданию канунов. Появление в Кануннаме раздела «сиясет» свидетельствует о стремлении правителя представить себя истинным последователем шариатских норм, стремящимся, путем издания канунов в соответствии с религиозным законом, к поддержанию социального порядка и благопристойности в империи.

<sup>29</sup> Akgündüz A. Osmanlı Kanunnameleri ve Hukuki Tahlilleri. Vol. 2, с. 42–43.

<sup>30</sup> Там же, с. 43.

Данная тенденция в законодательной политике османских султанов наблюдалась и при следующем правителе. Наиболее полным и проработанным выглядит раздел о прелюбодеянии и совершении развратных поступков в Кануннаме сына Баязида II Селима I Явуза. Можно сказать, что, по сравнению с двумя предыдущими сводами законов, Кануннаме Селима I максимально полно регламентирует, какой вид действия необходимо считать преступлением и каков в этом случае будет наложенный штраф или иной способ наказания. Первый раздел Кануннаме, посвященный уголовным наказаниям, рассматривает правонарушения, подпадающие под категорию *сияет*<sup>31</sup>, что указывает на возросшую важность этой категории преступлений.

При рассмотрении статей, находящихся в данном разделе Кануннаме, в первую очередь обращает на себя внимание значительное ужесточение наказаний, предписанных для всех, кто совершает преступления против порядка, моральной дисциплины и законных супружеских отношений. Штраф за адюльтер, по крайней мере, для обеспеченного мусульманина возрос и стал составлять 400 акче, вместо 300 акче, указанных в предыдущих Кануннаме<sup>32</sup>. Штраф в 400 акче стал основным признаком, позволяющим с большой долей уверенности определить принадлежность той или иной копии Кануннаме именно к периоду Селима I.

Вторым важным изменением в тексте свода законов Селима I стало своего рода «демографическое» расширение возможных жертв преступлений: если, согласно положением предыдущих Кануннаме, муж должен был блюсти честь лишь своей жены, то теперь в статье помимо жены фигурируют также сыновья, дочери и рабы<sup>33</sup>. Жертвами нападения на улице теперь являются не только чья-то жена, но и чья-то дочь, сын, рабыня или раб.

Роль женщины в совершении преступлений, по сравнению с положениями Кануннаме Мехмеда II Фатиха и Баязида II, отходит на второй план: она уже не является самостоятельным действующим лицом в совершении того или иного правонарушения, что демонстрирует нам общую характерную для данного периода черту — постепенное исключение активной роли женщин в регулировании социального порядка. Ответственность за совершаемые женой неблагоприятные поступки ложится на мужа — теперь он платит штраф за прелюбодеяние жены<sup>34</sup>.

Это положение, основанное на нормах обычного права, становится одним из определяющих в период правления Селима I. Однако постольку-поскольку среди возможных жертв теперь фигурируют также сыновья и дочери, то ответственность за их связи также ложится на хозяина дома. Это касается в первую очередь младших сыновей и дочерей, не достигнувших совершеннолетия. В случае если они совершат развратный поступок (речь здесь идет, в первую очередь, о связях с не-

<sup>31</sup> Pulaha S., Yücel Y. I. Selim Kanunnamesi ve XVI. Yüzyılın İkinci Yarısının Kimi Kanunları, с. 17–19, 16, 2а, 26.

<sup>32</sup> Там же, с. 16.

<sup>33</sup> Там же, с. 2а, 26.

<sup>34</sup> Там же, с. 16.

совершеннолетними детьми, поскольку в тексте употреблено слово «кенизлик» — малолетняя девочка, рабыня), именно отец несет наказание в виде палочных ударов, поскольку не смог контролировать поведение своих детей (однако денежного штрафа не платит)<sup>35</sup>. Совершеннолетний же сын уже в полной мере ответственен за свои поступки, поэтому сам несет наказание в виде палочных ударов, количество которых назначает кади, и выплаты денежного штрафа<sup>36</sup>.

Мужчина, вступивший в связь с рабыней своей жены, матери или кого-то из близких, наказывается палочными ударами и штрафом<sup>37</sup>. Однако за связь между мужчиной и рабыней его сына или же собственной рабыней, согласно Кануннаме, наказания нет, «за это ничего не следует, пусть не вмешиваются»<sup>38</sup>.

Впервые в Кануннаме Селима I мы встречаемся со статьей, предписывающей судьям заключать в тюрьму лиц, пристающих к женщинам как на улице, так и в доме: «если какой-нибудь человек погонится за женщиной или войдет к ней в дом, ... то после того, как это будет установлено, его следует строго наказать, посадить в тюрьму и сообщить высокому двору»<sup>39</sup>.

Итак, Кануннаме Селима I содержит в себе большое количество нововведений, отражающих социальные изменения в обществе. В уголовных положениях данного свода законов важную роль играют установления обычного права, что выражается в явной консервативности и традиционности статей, регулирующих семейные взаимоотношения. Глава семьи обладает наибольшей властью над домочадцами, однако, с другой стороны, несет гораздо больший груз ответственности, так как платит штраф за проступки своей жены и несовершеннолетнего сына. Более того, общий размер штрафа за адюльтер возрос на сто акче, и связи самого хозяина дома с членами семьи также регулируются весьма жестко. Таким образом, поддержание социального порядка в империи связывается в Кануннаме с поддержанием главой семьи нравственного порядка в своем доме.

Гомосексуальные связи в Кануннаме Селима I также являются наказуемым актом, о чем в предыдущих сводах законов не упоминалось. Однако отдельной статьи, посвященной этому, нет, положение это находится в ряду других преступлений и называется словно бы вскользь.

Строгость законоположений Селима I в отношении преступлений категории *сиясет* подчеркивает акцент, который правитель делает на них в Кануннаме. Разграничение между политическими и религиозными основами имперской законодательной власти в Кануннаме Селима I практически стирается, что отличает их от законов периода Баязида II. Как отмечают исследователи, законодательная инфраструктура империи значительно развилась за период, прошедший от правления Мехмеда II Фатиха до Селима I: сформировалось большое количество новых юри-

<sup>35</sup> Pulaha S., Yücel Y. I. Selim Kanunnamesi ve XVI. Yüzyılın İkinci Yarısının Kimi Kanunları, с. 2а.

<sup>36</sup> Там же, с. 2а.

<sup>37</sup> Там же, с. 2б.

<sup>38</sup> Там же.

<sup>39</sup> Там же.

дических, судейских кадров, получивших образование в многочисленных медресе, возведенных Мехмедом II Фатихом и Баязидом II<sup>40</sup>.

К концу правления Селима I Османская империя значительно расширилась территориально после завоевания в 1514 г. Восточной Анатолии и подчинения в 1516–1517 гг. Египта, Сирии, Хиджаза, священных мусульманских городов Мекки и Медины. Эти территориальные присоединения естественным образом привели к процессу интегрирования в имперскую систему большого количества нового населения со своим социокультурным уровнем развития. Османский султан, став «слугой двух священных городов» и перевезя священные реликвии Пророка в Стамбул, превратился в наиболее могущественного суннитского правителя в мире, что породило определенный социально-религиозный консерватизм, проявившийся при Селиме I в сфере внутреннего управления, вопросов законодательства и уголовного права.

Текст Кануннаме Селима I, в особенности раздел, посвященный наказаниям и штрафам, демонстрирует нам усиление значимости религиозного закона в уголовной сфере по сравнению с положениями аналогичного раздела Свода законов Мехмеда II Фатиха.

Тенденция усиления влияния норм шариата, начавшаяся при Селиме I, наблюдалась и в период правления сына Селима I — Сулеймана Кануни. Особенно показательными, с этой точки зрения, являются пометы на полях одного из списков Кануннаме Селима I. Как указывает А. С. Тверитинова, видный отечественный востоковед-тюрколог, первые опубликованная текст этого списка и его перевод на русский язык, создание данного законоуложения относится к 1564 г., то есть уже к концу правления Сулеймана Кануни<sup>41</sup>. Эти пометки не только в значительной степени корректируют, но весьма часто и отменяют некоторые положения Кануннаме. Наибольшее количество таких записей на полях, относящихся именно к разделу о штрафах и наказаниях за преступления, демонстрирует нам процесс увеличения роли установлений шариата в султанском законодательном своде, начавшийся при Баязиде II и набравший силу при Селиме I и Сулеймане Кануни. Так, например, одно из положений Кануннаме Селима I гласит: «Если кто-нибудь, будучи ранен, скажет: “Меня ранил такой-то”, — его слова во внимание пусть не принимают. Только лишь в том случае, если тот человек был подозреваем раньше или был враждебен к пострадавшему. Если при посредстве кади это будет установлено по обычному праву, то пусть и поступят по обычаю» (здесь в тексте употреблено слово «урф»<sup>42</sup>). Далее в рукописи, опубликованной А. С. Тверитиновой, на полях относительно данного положения имеется пометка: «Обычая нет, это ошибка. Если не будет установлено по шариату, то ничего и не будет»<sup>43</sup>.

<sup>40</sup> Pulaha S., Yücel Y. I. Selim Kanunnamesi ve XVI. Yüzyılın İkinci Yarısının Kimi Kanunları, с. 143.

<sup>41</sup> Книга законов султана Селима I / Публикация текста, пер., терминологический коммент. и предисл. А. С. Тверитиновой, с. 11.

<sup>42</sup> Pulaha S., Yücel Y. I. Selim Kanunnamesi ve XVI. Yüzyılın İkinci Yarısının Kimi Kanunları, с. 18, За.

<sup>43</sup> Книга законов султана Селима I / Публикация текста, пер., терминологический коммент. и предисл. А. С. Тверитиновой, с. 34.

После следующего положения Кануннаме Селима I следует подробная приписка, разъясняющая необходимые в указанном случае действия. Само положение звучит следующим образом: «Если в махалле или в деревне обнаружится убитый, то пусть проведут тщательное расследование и заставят найти убийцу или же востребовать плату за кровь (*диет чектирелер*). Если же следов убийства не будет обнаружено, и на мертвом не будет ран, то ничего не требуется, пусть никого не притесняют»<sup>44</sup>. Текст пометки на полях рядом с данным установлением вносит в него важные дополнения: «В этом случае придается значение шариату. Если по шариату требуется плата за кровь, востребовать плату за кровь, а если не требуется — то ничего за это не положено. Что шариат предписывает, то и действительно»<sup>45</sup>.

Замечания такого рода наилучшим образом отражают все возрастающее влияние шариатских норм на правовые положения, изложенные в Кануннаме османских султанов-законодателей, в первую очередь Селима I и Сулеймана Кануни, а также демонстрируют значение сборников султанских законов как показателей важнейших процессов, происходивших в общественно-политической жизни Османской империи.

<sup>44</sup> Pulaha S., Yücel Y. I. Selim Kanunnamesi ve XVI. Yüzyılın İkinci Yarısının Kimi Kanunları, с. 18, 3а.

<sup>45</sup> Книга законов султана Селима I / Публикация текста, пер., терминологический коммент. и предисл. А. С. Тверитиновой, с. 34.

К. А. Жуков (С.-Петербург)

## Берклюдже Мустафа, был ли он новым Маздаком?

Данная статья представляет собой модифицированную версию нашего доклада, опубликованного несколько лет назад на английском языке<sup>1</sup>.

Мощные антиосманские восстания Шейха Бедреддина (в Румелии) и Берклюдже Мустафы (в Анатолии), имевшие место во втором десятилетии XV в., — это тема, которая традиционно привлекала к себе внимание российских исследователей. В их числе была А. С. Тверитинова, посвятившая данному вопросу пространную статью, в которой впервые в отечественной историографии была опубликована в русском переводе репрезентативная подборка источников по истории восстаний Берклюдже Мустафы и Шейха Бедреддина. Таким образом были сведены воедино извлечения из арабо-, персо- и тюркоязычных хроник следующих авторов: Ибн Арабшаха, Шюкруллаха бин Шихабеддина, Ашикпашазаде, Мехмеда Нешри, Идриса Битлиси, Коджа Хюсейна; к ним также был добавлен фрагмент из османской анонимной хроники, в свое время изданной Ф. Бабингером<sup>2</sup>.

Несколько ранее русскоязычному читателю стал доступен фрагмент сочинения византийского историка Дуки, содержащий описание восстания Берклюдже Мустафы<sup>3</sup>. Иными словами, в распоряжении отечественных специалистов оказался основной корпус источников по рассматриваемой проблематике, что в купе с появлением ряда исследований, посвященных данным восстаниям, создало солидную историографическую традицию, составной частью которой явились несколько работ автора данной статьи<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Zhukov K. Bөрklüce Mustafa, was he another Mazdak? // *Syncretismes et hérésies dans l'Orient seldjoukide et ottoman (XIVe–XVIIIe siècle)*. Actes du Colloque du Collège de France, octobre 2001. P., 2005.

<sup>2</sup> Тверитинова А. С. К вопросу об изучении первого антифеодального крестьянского восстания в средневековой Турции // *Византийский Временник*. Т. XI. 1956.

<sup>3</sup> Степанов А. С. Труд Дуки как источник по истории восстания Берклюджи Мустафы начала XV в. // *Византийский Временник*. Т. V. 1952. См. также: Красавина С. К. Византийский историк Дука о восстании Берклюдже Мустафы // *Общество и государство на Балканах в Средние века*. Калинин, 1980.

<sup>4</sup> См., в частности: Жуков К. А. Эгейские эмираты в XIV–XV вв. М., 1988; он же. Восстание Берклюдже Мустафы и Торлака Ху Кемаля в Турции в начале XV в. // *Общественные движения и их идеология в добуржуазных обществах Азии*. М., 1988; он же. *The Cathars, Fraticelli, and Turks: A New Interpretation of Berkludje Mustafa's Uprising in Anatolia*, с. 1415 // *Acts — XVIII<sup>th</sup> International Congress of Byzantine Studies. Selected Papers: Main and Communications* (Moscow, 1991). Shepherdstown, 1996. Vol. 2; он же. К истории религиозных движений в Восточном Средиземноморье в XIV–XV вв.: новая интерпретация восстания Берклюдже Мустафы в Турции (около 1415 г.) // *Православный Палестинский Сборник*. Выпуск 98 (35). 1998.

В них нами были рассмотрены такие вопросы, как датировка, состав участников восстания Берклюдже Мустафы, способ казни, которой в Эфесе (Айасулук) был предан Мустафа, отношение к мятежникам со стороны рыцарей-госпитальеров и др. Тем не менее характер сохранившихся исторических свидетельств таков, что до сих пор оба этих восстания все еще входят в число наиболее загадочных феноменов раннеосманского периода.

Среди известных к настоящему времени источников отдельный интерес, на наш взгляд, представляют два: «Турецко-византийская история» Дуки (завершена в 1462 г.) и персоязычное сочинение Шюкруллаха «Краса историй» (Бехджет ут-теварих), составленное около 1459 г. В хронологическом отношении это наиболее близкие к описываемым событиям сочинения. Принадлежность их авторов к разным культурным и историографическим традициям придает сравнительно-сопоставительному анализу двух этих источников дополнительное значение.

Как было отмечено в наших предыдущих работах, Шюкруллах в своем описании антиосманского восстания в вилайете Айдын уподобляет Берклюдже Мустафу знаменитому Маздаку (488–531), основателю влиятельного религиозно-философского учения. Он пишет: «А вокруг этого суфия, как и вокруг еретика (*зундик*)<sup>5</sup>, появившегося в Хорасанском вилайете во времена отца Нуширевана (шаха Кавада I, отца Хосрова I Ануширвана. — К. Ж.), собралось множество людей»<sup>6</sup>. Заметим, что ни в уже упоминавшейся сводке и комментариях А. С. Тверитиновой, ни в специальных исследованиях других авторов<sup>7</sup> эта характеристика, данная Шюкруллахом, объяснения не получила. Нам уже доводилось писать, что хилиастическое учение Берклюдже Мустафы генетически не имело общего с дуалистической доктриной Маздака. Ересь Мустафы, по нашему мнению, являлась своеобразным усвоением учения о святости абсолютной бедности, сопряженным с преломлением иоахимовских идей, перенесенных на турецкую почву (в основном в среду дервишей-торлаков) при посредничестве крайних францисканцев (фратичеллов)<sup>8</sup>. Хилиастическая доктрина Мустафы получила широкое распространение в условиях, когда апокалиптические ожидания переполняли чрезвычайно неоднородное в этноконфессиональном отношении общество тогдашней Малой Азии, чему не в последнюю очередь способствовала цепь катаклизмов, вызванных опустошительным нашествием Тимура в 1402–1403 гг. и последовавшей за этим длительной междоусобной борьбой наследников за османский престол (Время междуцарствия, 1403–1413).

<sup>5</sup> О содержании этого термина см.: Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991, с. 78.

<sup>6</sup> Рукопись из коллекции Института восточных рукописей РАН (С 785, Сев. Индия, 938/1531–1532). Л. 214а.

<sup>7</sup> М. Баливе, например, просто не понял, что у Шюкруллаха речь идет именно о Маздаке. См.: Balivet M. Islam mystique et révolution armée dans les Balkans ottomans. Vie du Cheikh Bedreddin le "Hallâj des Turcs" (1358/59–1416). Istanbul, 1995, с. 70–71.

<sup>8</sup> Подробнее см.: Жуков К. А. К истории религиозных движений в Восточном Средиземноморье в XIV–XV вв.: новая интерпретация восстания Берклюдже Мустафы в Турции (около 1415 г.).



На наш взгляд, уподобление Шюкруллахом Мустафы Маздаку связано с тем обстоятельством, что обычно при характеристике Маздака мусульманские авторы (Низам ал-Мулк, Фирдоуси) особо выделяли такую сторону его учения, как положение относительно общности жен и имущества; подчеркивались также присущие Маздаку универалистские религиозные тенденции<sup>9</sup>.

В этом отношении чрезвычайно интересен второй источник — «История» Дуки, автор которого, со слов своего информанта — греческого монаха-отшельника (очевидца тех событий), сообщает, что согласно Мустафе, всё, кроме жен, должно стать общим: и пища, и одежда, и скот, и земля. «Я такой же хозяин в твоём доме, как ты в своём, а ты в моём, как в своём, за исключением женской половины»<sup>10</sup>, — проповедовал он. Мустафа, пишет Дука, также «тайно завязывал дружбу с христианами, потому что распространилось такое мнение: кто из турок скажет, что христиане не являются благоверными, тот сам неверный. И все последователи этого учения <...> поддерживали дружелюбные отношения с христианами, почитая их, словно ангелов божьих». Наконец, «люди Берклюдже Мустафы, <...> укрепившись в своём мнении относительно лжеотца («псевдоаббат», так Дука именует Мустафу. — К. Ж.), воспели его в гимнах превыше пророка и приняли решение <...> придерживаться скорее христианских догм, чем турецких»<sup>11</sup>.

Передача информантом Дуке якобы истинных слов Мустафы («за исключением женской половины») наводит на мысль, что обвинения в адрес Мустафы относительно пропаганды общности жен вполне могли иметь место со стороны османских властей, и, таким образом, сближение Мустафы с Маздаком, которое мы находим в хронике Шюкруллаха, помимо всего прочего вполне может быть отголоском и таких обвинений. Другой содержательный момент, который мы обнаруживаем в хронике Дуки — это указание на дрейф Мустафы и его приверженцев в сторону христианства. В нашем представлении это не признание равенства всех религий, а явное предпочтение христианства исламу. Иными словами, Мустафа был из числа так называемых суфиев-*исави*, ставящих Иисуса выше Мухаммеда.

Для нас сложность восприятия текста Дуки усугубляется тем обстоятельством, что сам автор признаётся в том, что его информант рассказывал и другие удивительные вещи, но что он, Дука, не поверил и не дал себя увлечь этими бреднями. Этот факт позволяет нам задать вопрос, насколько адекватно была понята и интерпретирована Дукой та информация, которую он получил от греческого монаха.

В этой связи обращает на себя внимание самый зачин рассказа о восстании, в котором Дука сообщает, что Мустафа был «неуч и дере-

<sup>9</sup> Подробнее о Маздаке и его учении см.: Колесников А. И. Идеология маздакизма и народные движения VIII–IX вв. в Иране // Общественные движения и их идеология в добуржуазных обществах Азии. М., 1988.

<sup>10</sup> Красавина С. К. Византийский историк Дука о восстании Берклюдже Мустафы, с. 40.

<sup>11</sup> Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. An Annotated Translation of «Historia Turco-Byzantina» by H. J. Magoulias. Detroit, 1975, с. 120–121; Красавина С. К. Византийский историк Дука о восстании Берклюдже Мустафы, с. 40–41.

венщина» (ἁδιότης καὶ ἀγριοκος)<sup>12</sup>. Между тем из «Жития...» Шейха Бедреддина известно, что Мустафа в течение нескольких лет до восстания являлся воспитателем внуков шейха; кроме того, в бытность Бедреддина кадиаскером у султана Мусы (1411–1413) Мустафа занимал у шейха должность кетхуды<sup>13</sup>.

Очевидно, что вышеприведенные факты из его биографии плохо сочетаются с утверждением Дуки о невежестве (неграмотности) Мустафы. Однако данное противоречие снимается, если мы обратимся к особенностям суфийской практики, в которой особое мистическое значение придавалось тому факту, что пророк Мухаммед в Коране однажды назван *умми* (сура 7: 157). Обычно это слово переводят как «неграмотный». «Только человек, чье сердце не было испорчено поверхностным интеллектуализмом и ученостью, но оставалось чистым сосудом, подобно телу Девы Марии, мог стать достойным вместилищем для Божественного слова. Когда поздние мистики хвастались своей мнимой или действительной неграмотностью, тем, что умеют прочесть только буквы *алиф*, символ единства и единственности Божества, у них перед глазами был пример Пророка, олицетворявшего собою чистую любовь и покорность, т.е. качества, противоположные холодной рассудочности», — пишет Аннемари Шиммель<sup>14</sup>. Таким образом, мнимое невежество Мустафы оказывается всего лишь следованием по пути укорененной суфийской традиции. В конце этого пути Мустафа провозгласил себя новым пророком.

Известно, что в массовом сознании Мухаммед — это прежде всего заступник в день Страшного суда (это обещано в Коране). Как отмечает А. Шиммель, уже на рубеже XI–XII вв. «почитание Пророка обрело зримые формы в праздновании *маулид*, дня его рождения, который приходится на 12-е число *Раби ал-аввал*, третьего месяца мусульманского лунного года. Этот праздник и сегодня отмечается во всем мусульманском мире. Количество стихотворений, написанных по случаю *маулид* на всех языках, неисчислимо. С восточной и до западной окраины мусульманского мира благочестивые мусульмане используют день рождения Пророка как прекрасный повод, чтобы проявить свою горячую любовь к нему в песнях, стихах и молитвах. Но, пожалуй, нигде простодушное упование на милость Пророка и его заступничество в Судный день не нашло столь уверенного выражения, как в Турции. Турецкий поэт Сюлейман Челеби из Бурсы (ум. 1419) пересказал историю рождения Мухаммеда в своем *Мевлюд-и шериф*...»<sup>15</sup>.

Поэма Сулеймана Челеби нашла горячий отклик в экзальтированной социальной среде, пропитанной апокалиптическими ожиданиями.

<sup>12</sup> Ducas. Historia Byzantina. Recognovit et interprete Italo addito supplevit Immanuel Bekkerus. Bonn, 1834, с. 111.

<sup>13</sup> См.: Жуков К. А. К истории религиозных движений в Восточном Средиземноморье в XIV–XV вв.: новая интерпретация восстания Берклюдже Мустафы в Турции (около 1415 г.), с. 91.

<sup>14</sup> Шиммель А. Мир исламского мистицизма. М., 1999, с. 174–175.

<sup>15</sup> Там же, с. 173. Поводом для написания этого произведения (Бурса, 812/1409–1410) было стремление поэта утвердить превосходство Мухаммеда над Иисусом. Об этой поэме, созданной в жанре *месневи*, см. также: Gibb E. J. W. A History of Ottoman Poetry. L., 1900. Vol. 1, с. 235.

Однако те же самые ожидания могли приводить и к обратному результату, а именно к полному отвержению пророческой миссии Мухаммеда. Таков был случай Берклюдже Мустафы. Об этом пишет Шюкруллах, общающийся нам, что мятежные суфии признавали в формуле исламского символа веры (*шахада*) только первую часть: «Нет Бога, кроме Аллаха», но отрицали вторую: «Мухаммед — посланник Аллаха» и почитали посланниками Бога своих шейхов<sup>16</sup>.

Центральное место в учении Берклюдже Мустафы занимала идея о спасении. По словам Дуки, Мустафа проповедовал, что «только в согласии с христианской верой возможно всем спасение»<sup>17</sup>. Вместе с тем в действиях Мустафы проповедь о спасении души сочеталась с активными практическими мерами. Известны его настойчивые попытки установить контакты с христианами о-ва Хиос, католиками и православными, мирянами (правящими в этот период на острове генуэзцами) и духовенством («избранными лицами церковного клира»). Таким образом, Мустафа пытался найти себе внешнеполитических союзников и создать локальную антиосманскую коалицию, то есть действовал в том же русле, что и Шейх Бедреддин, заключивший в Румелии союз с валашским воеводой Мирчей. Союз Мустафы с латинянами не состоялся; более того, родосские рыцари в апреле 1415 г., похоже, даже были готовы оказать помощь султану Мехмеду I в поимке бунтовщика<sup>18</sup>.

К сожалению, мы ничего не можем сказать об отношении к восстанию местных церковных властей (греческой православной церкви). Известно, что с 1393 г. митрополитом Эфесским являлся Иосиф<sup>19</sup> — болгарин по происхождению, родственник принявшего ислам Александра Шишмана, назначенного османским султаном правителем Айдынского вилайета и погибшего в сражении с мятежными суфиями Берклюдже Мустафы. 21 мая 1416 г., по нашим подсчетам, через год после подавления восстания в Айдыне, митрополит становится патриархом Константинопольским Иосифом II. Существуют предположения, что Иосиф II мог играть важную роль на церковном соборе в Констанце, а именно как один из обвинителей в суде над Иеронимом Пражским, последователем Яна Гуса и Джона Виклифа<sup>20</sup>. Аргументы в пользу этих предположений, на наш взгляд, в данном конкретном случае источниками подкреплены недостаточно, но в общем мы знаем, что сотрудничество представителей различных конфессий в деле преследования еретиков было явлением достаточно давним. Известно, например, что на религиозном диспуте между

<sup>16</sup> Тверитинова А. С. К вопросу об изучении первого антифеодального крестьянского восстания в средневековой Турции, с. 216–217.

<sup>17</sup> Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks, с. 120–121; Красавина С. К. Византийский историк Дука о восстании Берклюдже Мустафы, с. 40–41.

<sup>18</sup> См.: Жуков К. А. К истории религиозных движений в Восточном Средиземноморье в XIV–XV вв.: новая интерпретация восстания Берклюдже Мустафы в Турции (около 1415 г.), с. 93.

<sup>19</sup> О происхождении Иосифа см.: Божилов Ив. Българите във Византийската империя. София, 1995, с. 316.

<sup>20</sup> Nikolov Jord. Sur la participation du patriarche de Constantinople Joseph II aux réunions du Concile de Constance // Byzantinobulgarica, IV. Sofia, 1973.

Маздаком и зороастрийскими священниками присутствовал христианский епископ<sup>21</sup>.

В заключение отметим, что отождествление Берклюдже Мустафы с Маздаком Шюкруллах мог произвести также и по формальной аналогии. Через Низам ал-Мулка дошла версия о том, что Маздак, задумав исказить веру «гебров» (зороастрийцев), предсказывал близкое пришествие мессии, который «отменит веру гебров, иудеев, христиан и идолопоклонников, чудесами и силой навяжет народам свою веру»<sup>22</sup>. Пророком объявил себя Берклюдже Мустафа и, хотя сама хроника Шюкруллаха не содержит рассказа о восстании Шейха Бедреддина, из других османских исторических хроник мы знаем, что следующий шаг совершил Бедреддин: обосновавшись в области Дели Орман (Агач Денизи)<sup>23</sup>, он объявил себя Мессией (Махди)<sup>24</sup>. Идрис Битлиси, например, пишет: «Говорили, что восставшие Мустафа и Торлак Кемаль являются его приверженцами и сподвижниками и что это он послал их с целью, как он заявлял, “обращать в ислам”. Султан услышал и о том, будто Бедреддин обещал, что он по тайному знаку появится со своими мюридами и приверженцами и распределит страну между достойными. Путем установления главенства науки и единобожия он уничтожит законы общин и толков»<sup>25</sup>. Таковы были универсалистские устремления Шейха Бедреддина, которые по формальным признакам вполне сочетались с принципами универсальной религии так и не появившегося мессии, скорое пришествие которого в свое время прдрекал Маздак.

<sup>21</sup> Christensen A. L'Iran sous les Sassanides. Copenhagen, 1936, с. 355.

<sup>22</sup> Цит. по: Колесников А. И. Идеология маздакизма и народные движения VIII–IX вв. в Иране, с. 95.

<sup>23</sup> Здесь будет уместно привести описание этой местности, принадлежащее Михаилу Чайковскому (Садык-паше) — командиру султанских казаков, воевавших на стороне турок в Крымскую войну (1853–1856). Он пишет: «Мне было приказано взять Дели Орман, находящийся в четырех часах езды от Шумлы. Дели Орман — это отдельные чаши, перемежающиеся с тучными полями. В селениях живут по большей части мусульмане из секты кызылбашей; это потомки бывших сипаев султанов Мурада и Сулеймана, поселенных в виде стражи между Дунаем и Балканами. Этот лес имеет вид подковы, обращенный дугою к югу. А Силистрия находится против середины этой дуги. Эта местность как нельзя более приспособлена для кавалерийских разездов и дозоров, благодаря деревьям, разбросанным на полях, темным рошицам и болотцам, которые дают возможность пробраться всюду незамеченным и скрываться от погони. Это единственное в своем роде место для устройства засады. Местность безводна, есть только укромные колодцы, которые знают местные жители; наряду с этим, там много хлеба» (Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык-паши) // Русская старина. 1898. Декабрь, с. 204). В общем можно сделать вывод: в качестве базы это было идеальное место для восставших.

<sup>24</sup> См. перевод из анонимной хроники в: Тверитинова А.С. К вопросу об изучении первого антифеодального крестьянского восстания в средневековой Турции, с. 217.

<sup>25</sup> См. перевод из хроники Идриса Битлиси в: Тверитинова А. С. К вопросу об изучении первого антифеодального крестьянского восстания в средневековой Турции, с. 221–222.

И. В. Зайцев (Москва)

## Крымское ханство: вассалитет или независимость?

Отечественная литература о Крымском ханстве до сих пор находится под сильным, если не сказать тотальным влиянием выдающегося двухтомного исследования Василия Дмитриевича Смирнова<sup>1</sup>. Его концепция о вассалитете и полной подчиненности ханства Османскому государству безраздельно господствует не только в трудах по русско-крымским и русско-османским отношениям, которые написаны специалистами по внешней политике России, но и в отечественной тюркологии, вернее в немногочисленных статьях по Крыму, написанных тюркологами.

Попытки взглянуть на Крым как самостоятельный политический организм, пожалуй, если и присутствуют (например, иногда в книге А. Л. Хорошкевич), то в конечном итоге все равно выливаются в выводы о полной зависимости ханства<sup>2</sup>. Так А. Л. Хорошкевич, автор упомянутой книги, пишет, что ханство существовало очень недолго: видимо, весь период после 1475 г. вплоть до 1774 г. это политическое образование ханством было считать нельзя. Правда, согласно такой логике, и с 1774 г., когда на престоле независимого от османов Крыма утвердился русский ставленник Шахин-Гирей, по 1783 г. никакого ханства также не было. Но по иронии судьбы этот период как раз и называют независимостью.

Для Смирнова все было ясно: «ханская власть в Крыму представляется только как бы отражением власти турецкого султана, только временным поручением, продолжительность которого зависела от степени благоволения и доверия старшего к своему подручнику... При таких обстоятельствах вся дальнейшая политическая история Крымского ханства со времени утверждения над ними верховенства Отоманской Порты складывалась и протекала при постоянном действии двух начал — местного, национально-татарского, стремившегося к полной самостоятельности и самобытности, и внешнего, постороннего, турецко-османского, ставшего с возмозжно меньшими для себя хлопотами и затруднениями сохранить за собой верховенство над Крымом в чисто политических

<sup>1</sup> Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887; Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты в XVIII в. до присоединения его к России. Одесса, 1889 (Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 15). Переиздание см.: Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII в. М., 2005; Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты в XVIII веке до присоединения его к России. М., 2005.

<sup>2</sup> Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI в. М., 2000.

видах международного свойства». «Даже на основании документальных памятников, — писал далее В. Д. Смирнов, — иногда трудно разобраться ... и с точностью указать в иных отраслях государственного управления, где дело ограничивалось исключительно авторитетом власти ханской, и где этот авторитет опирается еще на другой, высший авторитет власти султанской»<sup>3</sup>.

Кстати, почти с теми же проблемами определения степени самостоятельности или зависимости Крымского ханства от Османской династии мы сталкиваемся, говоря о статусе Касимовского ханства по отношению к Московскому государству. В полном соответствии с логикой тех, кто отрицает за Крымским юртом статус ханства, в последнее время пишут, что и Касимовского царства или (в тюркской терминологии) ханства не было, потому что ханы в Касимове смещались из Москвы, получали оттуда денежную помощь, наделялись властью и землями.

Думается, что усвоенный В. Д. Смирновым, а вслед за ним и его российскими последователями пренебрежительный тон в отношении политического устройства Крыма, как это ни парадоксально, имеет своим источником османский взгляд на крымских татар. Действительно, Смирнов никогда не скрывал, что его труд написан исключительно на основе османских исторических трудов: «...исследование не претендует представить полную историческую картину Крымского ханства, а только свод тех известий, которые находятся в турецких письменных источниках, литературных и документальных, и которые могут или окончательно, категорически подтвердить факты, уже ранее констатированные наукой, но только предположительно, и без достаточных данных; или же пролить свет на явления, доселе пока мало выясненные; или же, наконец, обратить внимание на такие стороны исследуемого предмета, которые оставались вовсе незамеченными»<sup>4</sup>.

На это обратил внимание Н. И. Веселовский (автор рецензии на труд Смирнова): «Турецкие историки, выставя татар народом грубым, третируют их свысока; стремление унижить татар перед турками, показать, какое великое преимущество имеет султан пред Крымским ханом, проглядывает у этих историков постоянно. Оттого и события, описываемые турками, приобретают особенную окраску...»<sup>5</sup>.

Есть ли какая-либо иная перспектива, исходя из которой мы могли бы посмотреть на статус Крымского ханства в международных делах? Думается, что она есть. Тот же В. Д. Смирнов, как мне кажется, смог, возможно, сам того не желая, неявно предложить принципиально иной взгляд на роль Крыма в восточноевропейской политике в XVI–XVIII вв. Я имею в виду его идею о том, что Крым сознательно поддерживал вос-

<sup>3</sup> Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века, с. 245.

<sup>4</sup> Там же, с. 29.

<sup>5</sup> Веселовский Н. И. [Рец. на:] Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887 // Журнал Министерства народного просвещения. 1889, ч. 261, январь, отд. 2, с. 171.

точноевропейское равновесие, поддерживая союз со слабейшим из пары: Москва — Речь Посполитая<sup>6</sup>.

В XVII в., когда украинское казачество становится активной политической силой, крымцы предпочитают налаживать союзы с ним против Москвы, Варшавы или обеих. Уже в начале XVIII столетия Пылып Орлык в своей «Конституции» называет Крымское ханство гарантом украинского государства. У него же можно найти слова о *sympathico amoris nexu* («притягательный узел любви»), который будто бы связывает украинских казаков и крымцев.

Попытку развить идею В. Д. Смирнова о роли Крыма как гаранта европейского равновесия не так давно предпринял польский исследователь Дариуш Колодзейчик<sup>7</sup>. Он обратил внимание, что отдельные места в некоторых крымских текстах весьма близки современным политическим идеям о европейском равновесии<sup>8</sup>, а политико-географический горизонт крымских политиков включал такие страны, как Венеция, Австрия, Дания и Швеция<sup>9</sup>. Сюда можно было бы добавить (в 1760-х гг.) и Пруссию.

Действительно, крымские ханы довольно часто действовали если не вопреки инструкциям из Стамбула, то, по крайней мере, часто игнорировали их<sup>10</sup>. Так, по мнению французских исследователей А. Беннигсена и Ш. Лемерсье-Келькеже, «вопреки свидетельствам некоторых иностранных наблюдателей, “узы вассальной зависимости” между ханом и падишахом не были, по-видимому, определены формальным соглашением. В XV и XVI вв. ханы сохраняли полную власть в области внутреннего гражданского и военного управления их княжеством. Они только признали османского падишаха верховным сюзереном, что давало ему

<sup>6</sup> Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887, с. 555; Санин Г. А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987, с. 50.

<sup>7</sup> Дариуш Колодзейчик хорошо известен отечественным туркологам-османистам как чрезвычайно серьезный исследователь, автор нескольких книг (Kolodziejczyk D. Podole pod panowaniem tureckim. Ejalet Kamieniecki. Warszawa, 1994; Kolodziejczyk D. Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15<sup>th</sup>–18<sup>th</sup> century). An Annotated Edition of 'Ahdnames and Other Documents. Leiden — Boston — Köln, 2000) и целого ряда публикаций на европейских языках (например: Kolodziejczyk D. La Reconquête Catholique de la Podolie // XVIIe Siècle, # 199 (1998); Kolodziejczyk D. O turkach w Kamieńcu raz jeszcze — refleksje z kwereudy w Bolonii // Barok VIII/1 (2001); Kolodziejczyk D. Between tabaka and tyton: Who introduced Tobacco to Poles? // IXth International Congress of Economic and Social History of Turkey. Dubrovnik — Croatia, 20–23 August, 2002; Kolodziejczyk D. La Res Publica Polono-Lituanienne était-elle la vassale de l'Empire Ottoman // Studies in Oriental Art and Culture in Honour of Professor Tadeusz Majda. Warsaw, 2006; Kolodziejczyk D. The «Turkish Yoke» revisited: the Ottoman non-muslim subjects between loyalty, alienation and riot // Acta Poloniae Historica. # 93. Warsaw, 2006).

<sup>8</sup> Колодзейчик Д. Крымское ханство как фактор стабилизации на геополитической карте Восточной Европы // Украина и соседние государства в XVII в. Материалы международной конференции. СПб., 2004, с. 83–89. Любопытно, что его статья была опубликована в 2004 г., после того как Польша в 2003 г. вступила в Евросоюз. Устный доклад на ту же тему см.: Kolodziejczyk D. Das Krimkhanat als Gleichgewichtsfaktor im Osteuropa des 17 und 18. Jahrhunderts на конференции в Мюнхене «Das frühneuzeitliche Krimkhanat zwischen Orient und Okzident» Konferenz München 31. März–1. April 2008.

<sup>9</sup> Колодзейчик Д. Крымское ханство как фактор стабилизации на геополитической карте Восточной Европы, с. 84–85.

<sup>10</sup> Некрасов А. М. Возникновение и эволюция Крымского государства в XV–XVI веках // Отечественная история. 1999, № 2, с. 53.



право, впрочем весьма формальное, потребовать от них присоединиться во главе татарских армий к великой армии империи. В XV и начале XVI века ханы еще могли позволить себе категорически отказаться от приглашений Блистательной Порты»<sup>11</sup>. Так, в начале 1476 г. хан Нурдевет, приглашенный Мехмедом II присоединиться к османским войскам в Молдавии, отклонил его под предлогом нападения на Крым хана Большой Орды Ахмеда. Он вел себя, таким образом, не как его вассал, а скорее как непостоянный союзник, более озабоченный своими собственными интересами, чем интересами Османской империи.

В 1521 г. Мухаммед-Гирей также ответил лишь слегка вежливым отказом на приглашение Сулеймана Великолепного присоединиться к османской армии в Венгрии<sup>12</sup>.

Эта самостоятельная политическая линия ханства приводит нас к теме сущности отношений османских падишахов и крымских ханов.

По рангу крымский хан был приравнен к румелийским *бейлербеям* и ежегодно получал от султана содержание (*сальяне*), выделявшееся из доходов кафинской таможни и равнявшееся в XVI в. примерно 1,5 миллионам акче<sup>13</sup>. По случаю восшествия на престол каждый хан получал от османского двора так называемые *теширифат акчеси*, единовременную выплату, которая в XVII в. также могла достигать почти 1 миллиона акче<sup>14</sup>. Кроме того, хан получал из Стамбула еще и так называемые *секбан акчеси* — сумму, выплачиваемую на финансирование корпуса *секбанов* — личной гвардии, стражи хана, которых также присылали из Стамбула (первым, кто получил эти деньги, был Сахиб-Гирей<sup>15</sup>). Наконец, при каждом приглашении участвовать в походах османской армии крымским ханам посылались значительная сумма, которая называлась *тиркеш бехасы* («колчанные») — деньги на ведение военных кампаний совместно с османской армией (в Молдавии, Иране, Венгрии).

Инвеститура хана султаном включала непременно высочайший прием хана султаном, после чего хан жаловался специальными знаками-дарами — знаменем (*санджак*), саблей<sup>17</sup>, мехом соболя, барабаном, а также особым головным убором с так называемым *соргучем* (кисточка-

<sup>11</sup> Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch. Le Khanat de Crimée au Début du XVI Siècle. De la Tradition Mongole a la Suzeraineté Ottomane d'après un document inédit des Archives ottomanes // Cahiers du monde russe et soviétique. Paris; La Haye, 1972, vol. XIII, N° 3.

<sup>12</sup> Op. cit.; Le Khanat de Crimée dans les archives du Musée du palais de Topkapı. P., 1978, с. 95–97 (док. E. 1301). Примеры такого самостоятельного поведения крымских ханов см.: Некрасов А. М. Указ. соч., с. 53–54.

<sup>13</sup> Эта сумма неуклонно росла и в XVII–XVIII вв. достигала размеров от 2,5 до 9,5 миллионов акче (Fisher A. Crimean Separatism in the Ottoman Empire // Nationalism in a non-national state. The Dissolution of the Ottoman Empire. Ed. by William W. Haddad and William Ochsenwald. Ohio, 1977, с. 62).

<sup>14</sup> Там же.

<sup>15</sup> Kellner-Heinkele B. Şahib Girây Khān I // Encyclopaedia of Islam. Second edition. Vol. VIII, 1995, с. 832.

<sup>16</sup> Иногда сумма, выплачиваемая Портой крымским ханам за участие в совместных военных действиях, в источниках называется *чизме беа* — чизме беа или чизме бехасы («сапожные деньги», «на сапоги») — т.е. средства на расходы.

<sup>17</sup> Этим знаком власти целый раздел своей «Истории» посвятил Джевет-паша. См.: *جویدت تاریخ*. Т. I. Стамбул, 1309 (1891/92), с. 30–33.

султан, эгретка), украшенным драгоценными камнями. Нередко ханам даровали также и кафтан с султанского плеча<sup>18</sup>.

Принятие пера и сабли традиционно трактуется как знак вассалитета<sup>19</sup>. Полномочный представитель на переговорах с Крымским ханством Е. А. Щербинин в 1772 г. разработал церемониал принятия ханом Сахиб-Гиреем грамоты Екатерины II, провозгласившей независимость Крыма. Согласно этому церемониалу, хан должен был выступить на девять шагов со своего места, принять грамоту стоя и поцеловать ее. Кроме грамот он должен был принять в дар от русского правительства перо и саблю. Хан отказывался от пера и сабли, ссылаясь на то, что эти дары были всегда знаками подчинения Порте. Щербинин не стал настаивать, и 4 июля хан принял грамоту Екатерины II стоя, но без даров<sup>20</sup>.

Между тем крымский хан имел все атрибуты независимости, приняты в средневековом исламском государственном устройстве: право *хутбы* (упоминания в пятничной проповеди) и право чеканки монеты с собственным именем (*сикке*). Персидское выражение *بنام او را سکه و خطبه کردند* («с его именем была вычеканена монета и прочтена хутба») отражает роль этих атрибутов в теории независимой власти в Исламе<sup>21</sup>.

Правда, «персидский взгляд на монарха как на единодержавного правителя государства... был чужд кочевникам, в глазах которых империя была собственностью всего ханского рода. Насколько Сельджукидам вначале было чуждо понятие о единоличном правителе, показывает факт, что хутба одновременно читалась в некоторых хорасанских городах на имя Тогрула, в других — на имя его брата Давуда»<sup>22</sup>. В Крыму реликты такого взгляда на государственную власть проявлялись в практике наследования престола старшим в роду, но случаи провозглашения *хутбы* сразу на двух представителей династии мне неизвестны.

Важнейшим условием чтения *хутбы* на имя османского падишаха было принятие его статуса как *халифа*. В Крыму мы этого не видим. В Крымском ханстве, по крайней мере, до середины XVII в. османский халифат, видимо, не признавался (ведь и в самой Османской империи в то время идея халифата падишахов еще только зрела)<sup>23</sup>. Более того, некоторые крымские ханы даже присваивали этот титул себе. В послании

<sup>18</sup> Зайцев И. Крымские ханы: портреты и сюжеты // Восточная коллекция. Весна 2003, с. 87–88.

<sup>19</sup> Присылка султаном хану сабли и кафтана осуществлялась и в случае приказа выступить в военный поход. См.: Санин Г. А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987, с. 55.

<sup>20</sup> Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955, с. 169.

<sup>21</sup> См.: Бартольд В. В. Халиф и Султан // Бартольд В. В. Сочинения. Т. VI. Работы по истории Ислама и Арабского халифата. М., 1966, с. 26–27; Wensinck A. J. *Khutba* // E.J. Brill's First Encyclopaedia of Islam. 1913–1936. Vol. IV (Itk — Kwatta). Leiden–New York–København–Köln, 1987, с. 983; Baktır M. *Hutbe* // Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi. Cilt 18. İstanbul, 1998, с. 425–428.

<sup>22</sup> Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Сочинения. Т. I. М., 1963, с. 369.

<sup>23</sup> Очевидно, что легенда о том, как Селим I принял халифат в мечети Айя-София из рук халифа Мутаваккиля, возникла лишь в XVIII в., и в более ранних источниках данных об этом нет (История Османского государства, общества и цивилизации. Т. I. М., 2006, с. 26).

царю Михаилу Федоровичу, датированном 28 зулькада 1033 г.х. (11 сентября 1624 г.), Мухаммед-Гирей III прямо называет себя халифом. Халифский титул признает за Ислам-Гиреем III его панегирист Хаджи Мехмед Сенаи. Наконец, запись последовательности правлений ханов под заголовком *تواریخ قریم خانان*, находящаяся в составе рукописи из коллекции Лейденского университета (Cod. Or. 1548), составленная в Крыму в конце XVII в., все царствования ханов вводит словом *خلافت*<sup>24</sup>.

Безусловно, что в османских владениях Южного берега Крыма *хутба* читалась на имя османского падишаха. Скажем, по сообщению Ибн Кемали, на Мангубе первая *хутба* была прочтена там сразу же после завоевания крепости<sup>25</sup>. *Имам-хатыбов* в мечети там назначал лично султан. Например, в начале августа 1742 г. султан Махмуд II специальным *бератом* назначил *хатыба* во вновь построенную усердием *моллы* Мухаммеда на Мангубе мечеть Мухаммеда-Кальфы. Новый султан подтверждал назначение: в первой половине июня 1755 г. Мустафа III, например, подтвердил Мустафе его право быть хатыбом в Мангубской мечети<sup>26</sup>.

Относительно же собственно крымской *хутбы* источники противоречат друг другу. Автор «Истории хана Сахиб-Гирея» Нидаи-эфенди (Реммал-ходжа) совершенно ясно свидетельствует: «Крымские ханы не отставлялись и из поколения в поколение являются падишахами — господами государства (*şāhib-i şaltanat*), господами *хутбы* и господами монеты»<sup>27</sup>. Описывая пир в Бахчисарайском дворце после возвращения хана из астраханского похода, Реммал пишет: «Через три дня был приготовлен прием и угощение. Прибыли улемы и благочестивцы, богатые и нищие, горожане и иноземцы, странники и хатыбы. Получив аудиенцию, весь народ возносил за хана молитвы»<sup>28</sup>. Присутствие *хатыбов* на высочайшем приеме говорит о том, что, скорее всего, на нем произносилась *хутба* с упоминанием царствующего монарха<sup>29</sup>.

Абдулла б. Ризван, повествуя о пожаловании султаном Мехмедом Менгли-Гирею знамени и барабана, упоминает и право последнего на *хутбу* и чеканку монеты<sup>30</sup>.

Хюсейн Хезарфенн в своем «Изложении сути законов османской династии» (не ранее 1683 г.) также указывал: «Крымские ханы /происходят/ из рода Чингисхана. Являясь мусульманскими правителями,

<sup>24</sup> Зайцев И. В. Записи генеалогий и правлений крымских ханов и крымские средневековые исторические хроники // Восток (Oriens). 2008, № 4.

<sup>25</sup> Зайцев И. В. Крымское ханство в XV–XVI веках // Очерки истории исламской цивилизации. Т. 2. М., 2008, с. 144.

<sup>26</sup> Отчет имп. Публичной библиотеки за 1881 г. СПб., 1883, с. 48 (№ 8).

<sup>27</sup> *Tarih-i Sahib Giray Han* (Neşr. Ö. Gökbilgin). Ankara, 1973, с. 20.

<sup>28</sup> *Op. cit.*, с. 105.

<sup>29</sup> Помимо пятничного богослужения, *хутба* могла произноситься также на праздниках и торжествах (а также при каких-либо экстраординарных событиях, например затмениях и проч.). Правда, в одном месте «Истории хана Сахиб-Гирея» можно усмотреть намек на *хутбу* с упоминанием османского падишаха. Хан сам всегда, пишет Реммал, «молился о благополучии его светлости падишаха и повиновался ему душой и сердцем, считая, что Хюнкар есть величайший государь в мире, а те, кто противится ему, заслуживают кары, как в этом мире, так и в загробном. В настоящее время именно он является столпом Ислама» (*Op. cit.*, с. 119).

<sup>30</sup> Zajączkowski A. La Chronique des Steppes Kiptchak Tevarih-i Deşt-i Qipcaq du XVIIe siècle. Warszawa, 1966, с. 34.

имеющими право хутбы и чеканки монет, они подчинились и повиновались роду Османа. Их низложение и назначение и /всякие/ замены и перемещения производятся великими султанами»<sup>31</sup>. Мехмед-Гирей, как мы видели, относил упоминание имени османского падишаха в *хутбе* впереди имени крымского хана уже к 1475 г. Эвлия Челеби в обзоре мусульманских династий пишет о крымских ханах, что в своих хутбах они сперва читают имя османского падишаха, причем время установления такого обычая не указывает<sup>32</sup>. Однако в приписке к одному из пяти списков (сокращенному) труда Эвлии Челеби изложена другая версия, по которой упоминание османского падишаха в крымской *хутбе* стало производиться только с султана Селима (1512–1520): «Из поколения в поколение крымские ханы были властителями, в прославление которых читали особую хутбу и которые чеканили свою монету. Но когда падишахом стал победитель Египта султан Селим хан, они подчинились ему и передали чтение хутбы на имя дома Османова»<sup>33</sup>. Наконец, третью версию предлагал Сейид Мухаммед Риза, сокращенная версия его труда, а за ними и Халим-Гирей: первенство имени султана на *хутбе* было установлено только после утверждения ханом Ислам-Гирей II (1584–1588), «вследствие его раболепства и легкомысленной трусости»<sup>34</sup>. Вторгнувшись в область Богдан (или Кара-Богдан, как османы называли Молдавию)<sup>35</sup>, которая была вассальным владением падишаха, и не зная, чем загладить свой проступок, он, чтобы умилистить султана, добровольно распорядился в своих владениях производить на *хутбе* свое имя после имени султана, чего прежде не было и чем унизил ханское достоинство. Отменять нововведение впоследствии было уже неудобно, и «последующие ханы продолжали соблюдать этот похвальный обычай»<sup>36</sup>. Последнюю версию разделяют и позднейшие османские историки, пользовавшиеся крымскими источниками (прежде всего, трудом Халим-Гирей), вроде Джевдет-паши<sup>37</sup>, а также специалисты по средневековой истории полуострова (правда, некоторые весьма осторожно)<sup>38</sup>.

Вероятно, ближе всего к истине «Краткая история» (сокращенная и отредактированная версия «Семи планет»), которая сообщает,

<sup>31</sup> Орешкова С. Ф. Османский источник второй половины XVII в. о султанской власти и некоторых особенностях социальной структуры османского общества // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990, с. 265. См. также: Смирнов В. Д. Указ. соч., с. 243.

<sup>32</sup> Evliya Çelebi Seyahatnamesi. Cilt 9–10. İstanbul, 1984, с. 331.

<sup>33</sup> Эвлия Челеби. Книга Путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 1. М., 1961, с. 217.

<sup>34</sup> Смирнов В. Д. Указ. соч., с. 240–241; Ассеев о-ссейяр, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана 1-го до Менгли-Гирей хана 2-го, т.е. с 871/1466 по 1150/1737 г. Сочинение Сейида Мухаммеда Ризы. Казань, 1832 (араб. шрифт), с. 106–107.

<sup>35</sup> См.: Decei A. Boğdan // İslâm Ansiklopedisi. İslâm Âlemi Tarih, Coğrafya, Etnografya ve Biyografya Lûgati. 2. Cilt. 'Atbara-Büzürgümmid. İstanbul, 1944, с. 697–705.

<sup>36</sup> Смирнов В. Д. Указ. соч., с. 331.

<sup>37</sup> *جودت پاشا قریم و قافقاس تاریخچهسی*. Стамбул, 1307 (1889/90), с. 29; *تاریخ جودت*. Т. I. Стамбул, 1309 (1891/92), с. 266.

<sup>38</sup> İnalçık H. Giray // İslâm Ansiklopedisi. Cüz 38. İstanbul, 1948, с. 784–785; Некрасов А. М. Указ. соч., с. 53.

что из-за недовольства падишаха молдавскими событиями хан ввел *хутбу* в тех городках и местечках, которые принадлежали лично ему (*مخصوص كندولره قصبهله و قریهله*)<sup>39</sup>, т.е. в своем личном домене, а не на территории всего Крымского ханства.

Халим-Гирей не связывает это нововведение с походом на Молдавию, а просто пишет, что до Ислам-Гирея с минбаров молитва читалась на имя крымских ханов, а потом последовал указ падишаха, согласно которому в молитве сначала упоминалось имя падишаха, а потом имя хана<sup>40</sup>. Стоит отметить, что у Абдуллы б. Ризвана, который, казалось бы, должен был знать об этом событии (хотя бы в силу того, что был почти что его современником), в кратком описании правления Ислам-Гирея о перемене *хутбы* ничего не сказано<sup>41</sup>.

Судя по действиям предшественника Ислам-Гирея Мухаммед-Гирея Толстого, право *хутбы* всецело принадлежало в его время ханам. Так, в своей переписке с Ризван-пашой (см. выше) он прямо заявлял: «..какое касательство имеет род Османов к государству Дешт-и Қипчак, чтобы я получал от них назначение?»<sup>42</sup> Уже будучи у власти, он гордо отвечал на султанские фирманы: «Что же, разве мы османские беи что ли?!» «Я падишах, господин *хутбы* и монеты — кто может смещать и назначать меня?»<sup>43</sup>

Случаи произнесения *хутбы* сразу на нескольких правителей широко известны. Например, Ибн Джубайр упоминает, что в Мекке в 1183 г. в *хутбе* сначала упоминали аббасидского халифа, затем мекканского эмира, а потом султана Салах ад-Дина и его брата Абу Бекра<sup>44</sup>. С другой стороны, введение в *хутбу* имени другого государя наряду с чеканкой монеты от его имени безусловно означало политическое подчинение<sup>45</sup>.

Связь *сикке* с *хутбой* очевидна, и на всем протяжении истории Крымского ханства мы не встречаем монет, битых от имени османских падишахов. Сразу же после смерти Ислам-Гирея в Гёзлеве чеканится акче с датой 996/1588 г. и именем его преемника на престоле Гази-Гирея, причем на одной из четырех групп этих монет появляется термин *ханлык*. В свое время это обстоятельство позволило О. Ретовскому предположить, что Гёзлев был уделом внутри Крымского ханства, который,

<sup>39</sup> Рук. Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского. Киев, Украина (Национальна бібліотека України імені В.І. Вернадського. Київ), ф. V (Одесское общество истории и древностей), № 3805. Л. 42.

<sup>40</sup> *حليم كراى سلطان. كلبن خانان يا خود قريم تاريخى*. 2-е изд. Стамбул, 1327/1909, с. 58.

<sup>41</sup> Zajączkowski A. Op. cit., с. 38.

<sup>42</sup> Там же, с. 44; Зайончковский А. «Летопись Кипчакской степи» («Теварих-и Дешт-и Кипчак») как источник по истории Крыма // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. II. М., 1969, с. 19.

<sup>43</sup> Смирнов В. Д. Указ. соч., с. 328.

<sup>44</sup> Бартольд В. В. Халиф и Султан, с. 34; Ибн Джубайр. Путешествие просвещенного писателя, добродетельного, проникательного Абу-л-Хусайна Мухаммада ибн Ахмада ибн Джубайра ал-Кинани ал-Андалуси ал-Баланси да будет милосерден к нему Аллах! Аминь. М., 1984, с. 57–58.

<sup>45</sup> Османский султан Селим, например, перед завоеванием Египта прислал к Туман-баю послов с требованием согласиться на чтение *хутбы* и чеканку монеты с его именем, и при соблюдении этих условий соглашался оставить Туман-бая наместником Египта (Бартольд В. В. Халиф и Султан, с. 64).

вероятно, уступили брату Гази-Гирея Фетх-Гирею<sup>46</sup>. Более логичным выглядит предположение, что Гёзлев тогда был доменом хана — *ханлыком*. Хорошо известно, что в Крымском ханстве утвердилось несколько форм землевладения, среди которых выделяются так называемые земли *эрз мирийе* — т.е. казенные земли и личный домен ханской семьи<sup>47</sup>. Эти земли включали в себя, как установил Ф. Лашков, соляные озера и прилегавшие к ним селения, лесные угодья с селениями и резиденциями ханов по рекам Альме, Качи и Салгиру, а также пустопорожные земли<sup>48</sup>. Город Гёзлев с округой не входил в состав *ливы* Кефе — османских владений в Крыму<sup>49</sup>, а стало быть, относился как раз к *эрз мирийе* и именно поэтому получил на монете определение *ханлык*.

Распределение упомянутых источников, содержащих версии о введении на полуострове османской *хутбы*, по времени их создания дает любопытную картину. Тексты, созданные как минимум до середины XVII в. (т.е. до того, как появилась идея об османском халифате), не содержат каких-либо упоминаний о произнесении в *хутбе* имени правящего османского падишаха перед крымским ханом.

Как бы то ни было, оставляя в стороне политическую практику (о которой говорилось вначале), с точки зрения исламской теории власти крымские ханы являлись независимыми и суверенными монархами. Очевидно, что *хутба* в Крыму всегда включала упоминание имени правившего хана, которое в какой-то момент (впервые на короткий срок не ранее 80-х годов XVI в., а вторично, скорее всего, значительно позже) стало произноситься после имени падишаха. Весьма вероятно, что первый раз введение имени падишаха в крымскую *хутбу* так и осталось личной инициативой Ислам-Гирея, которая при последующих ханах могла быть отменена. Когда произошло вторичное введение имени падишаха в крымскую *хутбу*, еще предстоит выяснить.

<sup>46</sup> Ретовский О. Монеты Гази-Герая Хана II, бен Девлет // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1889, № 8, с. 90–98.

<sup>47</sup> Лашков Ф. Исторический очерк Крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, № 22, 1895, с. 61–62, 79–81.

<sup>48</sup> Лашков Ф. Исторический очерк Крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, № 23, 1895, с. 71–76.

<sup>49</sup> Лашков Ф. Исторический очерк Крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, № 24, 1896, с. 41–46; Fisher A. Ottoman Sources for a Study of Kefe Vilayet: The Malyeden Müdevver Fond in the Başbakanlık Arşivi in İstanbul // CMRS. 1978, vol. XIX (1–2); Öztürk Y. Osmanlı Hakimiyetinde Kefe (1475–1600). Ankara, 2000. Хюсейн Хезарфенн прямо писал: «В черте владычества их (грамских ханов) есть четыре крепости — Гёзлев, Ор, Рабат и крепость, известная под названием Ягуд-Калэси. В подведомстве их насчитывается 1300 больших и малых деревень... Все управляемые ими деревни и округа составляют двадцать четыре казылыка» (Цит по: Смирнов В. Д. Указ. соч., с. 261).

Ш. М. Мустафаев (Азербайджан, Баку)

## Османь и туркмань в XV веке: некоторые вопросы этнополитических процессов внутри тюркской среды Малой Азии

Сражение при Отлукбели между армиями Османской империи и государства Ак-Коюнлу, которое произошло 11 августа 1473 г., стало знаковым событием в истории Малой Азии. Его исход должен был решить судьбу многолетнего соперничества двух тюркских государств за политическое лидерство в Анатолии. После многочасовой кровопролитной битвы чаша весов наконец стала склоняться на сторону османов и ряды воинов Ак-Коюнлу дрогнули. В это время османь отчаянно ринулись вперед и стали преследовать отступающего противника, выкрикивая: «Эй, предатели-туркмань! Что же вы побежали как трусы до начала битвы, не успев обнажить сабли?»<sup>1</sup> Эта фраза, приведенная в хронике Мехмеда Нешри, вряд ли могла привлечь наше внимание, если бы в ней не содержался этноним «туркмань». Использование его в обращении османов свидетельствует о том, что те воспринимали своих противников — туркман Ак-Коюнлу — как представителей отличной от них самих этнокультурной общности, хотя и те и другие являлись частью тюркской среды Анатолии. Этот факт является важным «индикатором» для понимания этнических процессов, которые происходили в Малой Азии в XV столетии.

Согласно историческим свидетельствам, по крайней мере, уже в конце XIV — начале XV вв. сами туркмань Восточной Анатолии и Азербайджана (Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу) отчетливо выделяли себя из общетюркской среды в качестве самостоятельной общности. Так, накануне битвы при Мардине Кара Юсуф, глава конфедерации (улуса) Кара-Коюнлу, послал письмо с предложением о мире своему давнишнему сопернику Кара Юлук Осману, главе племен Ак-Коюнлу. Важным элементом этого послания было обоснование необходимости мира и согласия между двумя туркманскими конфедерациями общностью их этнического происхождения. «Мы оба принадлежим к туркманскому на-

<sup>1</sup> Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. Neşri Tarihi. II cilt. Yayınlayanlar F. R. Unat ve Dr. M.A.Köymen. Ankara, 1957, с. 818–819.



роду (*ма то аз мардом-е торкманим*), — писал Кара Юсуф. — Отныне мы не должны воевать друг с другом и ослаблять себя. Каждый из нас должен бороться против врагов наших — османов и чагатайцев. Правильнее и целесообразнее будет тебе направиться против Шама и Рума, а мне двинуться против чагатайцев»<sup>2</sup>. Несмотря скорее на декларативный характер данного призыва, который так и не был воплощен в жизнь, он интересен с двух точек зрения. Во-первых, этот факт свидетельствует о наличии у туркман Восточной Анатолии и Азербайджана общего этнического самосознания, которое позволяло им отличать себя от своих соседей, представителей других тюркских общностей — османов на западе (Рум) и чагатайцев на востоке. Во-вторых, ориентируя Кара Юсуфа Османа на военные действия на западе, Кара Юсуф словно предвидел основной вектор развития истории Ак-Коюнлу, который привел в будущем к кровопролитной войне этого государства с Османской империей и предпринял в итоге его судьбу.

Постоянные конфликты и стычки между самими двумя туркманскими конфедерациями не могли помешать развитию у них общего этнического самосознания. Как свидетельствуют источники, чувство соперничества проявлялось больше не на низовом уровне, а у элиты этих улусов. Показательны в этом отношении слова Узун Хасана, сказанные им своей матери Сарай-хатун: «Нукеры (рядовые воины-дружинники. — *Ш. М.*) Ак-Коюнлу и Кара-Коюнлу ходят в гости и помогают друг другу. Отношения их всегда были такими. Однако великие эмиры нашей династии никогда не ходили к Кара-Коюнлу»<sup>3</sup>.

Отношения Османского государства с обширной туркманской средой на востоке всегда были сложными и неоднозначными. В первой половине XV столетия далекие еще от политического соперничества османы и туркмены Кара-Коюнлу сосуществовали довольно мирно и без конфликтов. Посол султана Мурада II Шукрюллах посетил в 1448 г. двор Джахан-шаха Кара-Коюнлу в Тебризе, где во время аудиенции читались отрывки из «Огуз-наме» — древнетюркского генеалогического предания, написанного уйгурским алфавитом. По свидетельству османского посла, правитель Кара-Коюнлу говорил о родстве двух династий и принадлежности их к общему огузскому древу<sup>4</sup>.

Однако картина резко меняется во второй половине XV века. Начало соперничества между Османской империей и государством Ак-Коюнлу, которое олицетворяло всех «туркман Востока» (*теракимин-уш-шарк*), стало катализатором обострения отношений и внутри самой тюркской этнической среды Анатолии. Свидетельства исторических источников позволяют, на наш взгляд, оценивать это соперничество не только как военно-политическое, но и в известной степени как этнокультурное противостояние. К этому времени официальная идеология Османского

<sup>2</sup> Abu Bakr-i Tihrani. Kitab-i Diyarbakriyya. Ak-koyunlular tarihi. 1 Cüz. Yayınlayanlar N. Luqal, F. Sümer. Ankara, 1962, с. 59.

<sup>3</sup> Там же, с. 251.

<sup>4</sup> Şükruallah. Behcetüttevarih. Türkçeye çeviren Çiftçioglu N.Atsız // Osmanlı Tarihleri. İstanbul, 1949, с. 51.

государства, которая находилась на стадии сложения в некий комплекс политико-правовых и моральных ценностей (османизм)<sup>5</sup>, воспринималась туркманской средой как явление, чуждое по своей сути их собственным патриархальным взглядам. В этом смысле, важно постараться выявить особенности взаимного восприятия друг друга представителями этих двух тюркских сообществ в той мере, в какой эта информация нашла отражение в аутентичных источниках. Следует оговориться, что такого рода сообщения в исторических произведениях крайне редки и часто носят отрывочный характер, что затрудняет изучение вопроса.

Важным свидетельством, демонстрирующим взгляд туркман Ак-Коюнлу на османов, являются слова Узун Хасана, высказанные им после победы над османским авангардом под командованием бейлербея Румелии Хас Мурад-паши в первой военной стычке при Евфрате в 1473 г. Правитель Ак-Коюнлу собрал у себя в шатре попавших в плен османских эмиров и во время пира с гордостью обратился к Турханоглу Омар-бею: «Омар-бей, отбил я ногу Осману (султану Мехмеду II Фатиху. — Ш. М.), не так ли? Ибо то, что называют османами, состоит из румелийцев. Что же еще осталось?»<sup>6</sup> Данная фраза, приведенная в произведении Нешри, странным образом оставалась вне внимания многих исследователей. Из нее следует, что османь воспринимались со стороны туркман не как часть тюркской среды Анатолии, а скорее идентифицировались с ее этнокультурным антиподом — населением Румелии (румелийцами).

Постараемся выяснить, в какой степени это соответствовало исторической реальности. Безусловно, в основе противостояния Османской империи с государством Ак-Коюнлу лежало стремление обеих держав к установлению контроля над торговыми караванными путями, которые пересекали территорию Малой Азии. Также стояла насущная проблема политической централизации анатолийских земель после распада Сельджукской империи Рума в XIII в. Вопрос заключался лишь в том, в каком направлении и под эгидой какого государства эти задачи будут осуществлены — с востока на запад или наоборот.

Следует отметить, что постепенное укрепление Османского государства и начало им завоевательной политики в Малой Азии вызывали ожесточенное сопротивление со стороны тюркской родовой аристократии в лице правящих династий и элиты анатолийских бейликов, а также кочевых племен. Последние видели в установлении османской бюрократической власти угрозу своему образу жизни. В ходе длительного противостояния внутри тюркской среды Малой Азии в XIV–XV вв. постепенно сложилось два соперничающих полюса политической власти — «западный» в лице Османского государства и «восточный», который представляли антиосмански настроенные силы Анатолии. Лидерами «восточного полюса» в разное время выступали главы различных государственных образований: караманские беи, правитель Сиваса и Кайсери Кадий Бур-

<sup>5</sup> Ocak A. Y. Osmanlı Toplumunda Zındıklar ve Mülhidler yahut dairenin dışına çıkanlar (15.–17. yüzyıllar). İstanbul, 1999, с. 72.

<sup>6</sup> Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma, с. 810–811.

ханедин Ахмед, пока функция эта во второй половине XV в. не перешла к Узун Хасану Ак-Коюнлу.

Таким образом, в противовес османам, которые со второй половины XIV в. неустанно расширяли свои владения на востоке за счет присоединения земель анатолийских тюркских бейликов, правители Ак-Коюнлу во второй половине XV столетия стремились на запад, к овладению Константинополем. Не случайно османские источники подчеркивают «мечту [Узун Хасана] о Стамбуле» и его желание овладеть «престолом Рума»<sup>7</sup>. Война 1473 г., в сущности, предрешила судьбу соперничества между этими двумя государствами. Некоторые средневековые авторы утверждают, что после поражения в сражении при Отлукбели Узун Хасан окончательно отказался от намерения расширять свои владения на западе и даже якобы завещал своим потомкам впредь никогда не воевать против османов<sup>8</sup>. Однако существуют свидетельства, что при его сыне и преемнике султане Якубе эта идея все еще не была забыта. Так, османский посол при дворе правителя Ак-Коюнлу сообщал в своем донесении в Стамбул о том, что высшие эмиры Ак-Коюнлу были чрезвычайно вдохновлены поражением османской армии во время войны с мамлюками в 1484–1491 гг. и подстрекали своего государя к осуществлению похода на запад. Интересно, что свое мнение они аргументировали следующим образом: «Более такой возможности не представится. Двинемся, захватим Карахисар и завоюем всю Анатолию вплоть до проливов Гелиболу и Стамбула (Дарданеллы и Босфор. — *III. М.*)». Как становится ясно из этого донесения, султан Якуб всерьез воспринимал такую возможность и интересовался деталями военного плана<sup>9</sup>.

Таким образом, как и Тимур, завоевавший в свое время всю Анатолию и не проявивший интереса к румелийским провинциям Османского государства, правящая элита Ак-Коюнлу искала возможность подчинить именно анатолийские земли «вплоть до проливов Гелиболу и Стамбула». Как видно, Румелия не входила в их планы. Такая стратегия была обусловлена своеобразием «геополитического» видения ситуации в Малой Азии. И Тимур, и вслед за ним Узун Хасан рассматривали Анатолию как неотъемлемую часть мусульманского мира и бесспорные владения местных тюркских правителей (беев). Румелия, составляющая западные территории османов, с которым они, прежде всего, ассоциировались, оставалась вне границ мира ислама. Поэтому воюющие на Балканах против христиан османские султаны стяжали славу «гази» — борцов за веру; в то же время, завоеывая земли анатолийских беев, они выступали в качестве «захватчиков» и «узурпаторов». Не случайно Тимур в своих письмах к султану Баязиду увещевал его продолжать священную войну с «неверными» на западе и не стремиться к расширению на восток<sup>10</sup>. Узун Хасан

<sup>7</sup> Solakzade. Tarih-i Solakzade. İstanbul, 1298, c. 242.

<sup>8</sup> Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. Neşri Tarihi. II cilt, c. 818–819.

<sup>9</sup> Woods J. E. Turco-Iranica I: An Ottoman Intelligence Report on Late Fifteenth/Ninth Century Iranian Foreign Relations // Journal of Near Eastern Studies, 1979, v. 38, № 1, c. 2.

<sup>10</sup> Nizām al-Dīn Shāmī. Zafar-nāmah, ed. and tr. F. Tauer as Histoire des conquêtes de Tamerlan intitulée Zafarnāma par Nizāmuddin Šāmī (Praha, 1937/1956), c. 218.

также стремился полностью выдавить из Малой Азии османов, которые, по его мнению, «состояли из румелийцев». Анатолия же под его властью должна была окончательно влиться в «море туркман» (*türkmanlar deyuasi*), по красочному выражению Мустафы Аали-эфенди<sup>11</sup>.

Надо сказать, что соотнесение османов с Румелией в общественном сознании туркманского сообщества имело под собой определенную историческую основу. Как пишет С. Ф. Орешкова, «османские султаны опирались, прежде всего, на турецких феодалов Румелии и Северо-западной Анатолии, которые вели оседлый образ жизни и видели главный источник своей власти в земле и эксплуатации земледельческого населения. Кочевые феодалы оказались отодвинутыми на задний план. В своем недовольстве османской властью и централизаторской политикой султанов они блокировались с их главными политическими противниками в Малой Азии — Караманами. На этой же почве совместной борьбы с османскими султанами установился политический союз Караманов с Ак-Коюнлу — наиболее значительным государством тюркоогузских кочевников, созданным в начале XV века»<sup>12</sup>. Связи османской государственности и культуры, прежде всего с Румелией, нередко озвучивались в произведениях и самих османских авторов. Таких примеров немало у вышеназванного Мустафы Аали-эфенди. Так, автор связывал истоки османской культуры с полиэтничным по своему происхождению высшим сословием империи, которое большей частью рекрутировалось из румелийских провинций<sup>13</sup>. Показательно также, что после включения Восточной Анатолии в состав империи османские чиновники в новосоставленных реестрах этих областей представителей местной знати отмечали под их этноплеменными названиями (туркмань, курды, Ак-Коюнлу и т.д.), в то время как собственно османские ленники регистрировались как «румелийцы»<sup>14</sup>.

В этом отношении следует отметить еще один немаловажный факт. Анализируя остродискутируемый в конце XVI в. в Стамбуле так называемый «восточный вопрос», когда после завоевания сефевидских территорий (Азербайджан и Южный Кавказ) представители местной кызылбашской знати в большом количестве стали интегрироваться в османскую элиту, К. Флейчер отмечает следующее: «Центральная власть и османские историки связывали османизм (*Ottomanism*) и османское подданство (*Ottoman loyalty*), прежде всего, с географическим ареалом Рума, и с подозрением относились к людям, которые не идентифицировали себя в качестве румийцев, даже если те были по происхождению тюрками-мусульманами»<sup>15</sup>.

<sup>11</sup> Gelibolulu Mustafa Ali. *Kühü'l-Ahbar*. C.II. Fatih Sultan Mehmed devri 1451–1481. Hazırlayan H. Şentürk. Ankara, 2003, с. 119.

<sup>12</sup> Орешкова С. Ф. Средние века (XI–XVIII вв.). Раздел I // Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. Очерки истории Турции. М., 1983, с. 53.

<sup>13</sup> Fleischer C.H. *Bureaucrat and intellectual in the Ottoman Empire: the historian Mustafa Ali (1541–1600)*. Princeton, 1986, с. 255.

<sup>14</sup> Мустафаев Ш. М. Восточная Анатолия: от Ак-Коюнлу к Османской империи. М., 1994, с. 82.

<sup>15</sup> Fleischer C.H. *Bureaucrat and intellectual in the Ottoman Empire*, с. 157.

В исторических источниках можно обнаружить и другие примеры, демонстрирующие взгляд туркман Ак-Коюнлу на османов. В этом отношении интересные свидетельства имеются в произведении Ашикпашазаде. Еще Х. Иналджик рекомендовал исследователям внимательно отнестись к поэтическим пассажам в труде этого автора, поскольку в них часто содержится достаточно важная историческая информация<sup>16</sup>. Так, в описание войны между Мехмедом II Фатихом и Узун Хасаном в 1473 г. Ашикпашазаде включил следующий отрывок:

Хасан возомнил себя мужем,  
Одерживая победы в Чагатае и Аджеме.  
Уверовав в свою несбыточную мечту,  
Говаривал: «Встретиться бы мне с Чытаком».  
Встретились [на поле брани] с Чытаком,  
Который показался в тысячу раз больше.  
И бежал Хасан; и не упоминает более имени Чытака,  
Ибо стыдится он, когда слышит сие имя.  
Чытак нанес такой удар по голове Хасана,  
Что только найдя спасение, он одумался<sup>17</sup>.

Это стихотворение, посвященное победе османов в сражении при Отлукбели, в оскорбительном тоне описывает положение правителя Ак-Коюнлу Узун Хасана. Тем не менее, с точки зрения нашей темы, оно содержит чрезвычайно важную информацию, которая не зафиксирована в других аутентичных источниках. Из него мы узнаем, что Узун Хасан называл Мехмеда II Фатиха «Чытаком». Слово это восходит к кыпчакским языкам Центральной Азии, употребляясь в казахском и кыргызском языках как «джытак» или «джатак». В огузских диалектах оно имело форму «ятак» (от слова «ятмак» — лежать) и в средние века обозначало тех людей, кто отказался от кочевого образа жизни и перешел к оседлости<sup>18</sup>. Несомненно, в устах кочевников-туркман оно имело негативный смысл, что красноречиво свидетельствует о том, как они воспринимали османов. Согласно их системе ценностей, османь, которые к XV в. отказались от кочевого образа жизни и традиционных тюркских степных ценностей, не могли быть частью тюркской этнокультурной системы, а стали скорее ее антиподом — чытаками.

Интересно, что эпитет «Чытак» в отношении к османскому султану неожиданно встречается и в произведении XVII века. Армянский историк Аракел Даврижеци, бывший родом из Тебриза, а потому хорошо знакомый с традициями эпохи Ак-Коюнлу, так описывает в своей «Книге

<sup>16</sup> İnalçık H. Aşıkpaşazade Tarihi nasıl okunmalı? // Söğüt'ten İstanbul'a. Osmanlı Devleti'nin kuruluşu üzerine tartışmalar. 2 baskı. Ankara, 2005, с. 119–145.

<sup>17</sup> Aşıkpaşaoğlu Ahmed Aşiki. Tevarih-i Al-i Osman. Düzenleyen Çiftçiöğlü N.Atsiz. // Osmanlı Tarihleri. I. İstanbul, 1949, с. 224.

<sup>18</sup> Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Бартольд В. В. Сочинения. Т. II, ч. I. М., 1963, с. 169–433.

историй» поход Мехмеда II Фатиха на Трапезунд: «В 910 (1461) году Читах (Мехмед Фатих. — Ш. М.) захватил Трапезунд»<sup>19</sup>.

Слово «чытак» являлось социальным термином, сохранившимся с древнетюркской эпохи, и продолжало употребляться в тюркской среде Центральной Азии вплоть до Нового времени. Махмуд Кашгарский сообщает, что своих соплеменников, которые жили в городах, не кочевали и не участвовали в походах, огузы считали «ленивцами» и называли их не иначе, как «ятуг» (ятаг, джатаг, чытаг) или «ятуг киши»<sup>20</sup>. По мнению З. В. Тогана, кочевые огузы воспринимали туркман, т.е. своих соотечественников, принявших в X в. ислам, а потому сблизившихся с оседлой мусульманской культурой, как «ятаков» — по анатолийскому произношению<sup>21</sup>.

В «Зафар-наме» Низам ад-Дина Шами слово «чытак» (чытаг) употребляется несколько раз в связи с походом Тимура на Анатолию. Хотя больше оно используется в значении «разбойник», «головорез»<sup>22</sup>, однако мы встречаем его употребление и в значении, близком к тому, которое оно имело во фразе, приписываемой Узун Хасану. Описывая османскую армию в сражении при Анкаре в 1402 г., тимуридский автор пишет, что султан Баязид построил «войска чытаков и франков» в боевой порядок<sup>23</sup>. Если принять во внимание то, что под франками имеются в виду балканские союзники Баязида (сербы), то становится ясно, что Шами называет «чытаками» собственно османов.

Эвлия Челеби вносит наибольшую ясность в понимание того, в каком смысле это слово использовалось в средневековой тюркской среде Анатолии. В своей «Книге путешествий» автор называет население Добруджи в современной Румынии «племенем чытаков» и посвящает их этнической истории и языку отдельный раздел — «Язык Добруджи или племени чытак». Османский географ пишет: «Йылдырым Баязид-хан завоевал этот край у болгар, валахов и бессарабов и поставил здесь войска из народа Анатолии и татар. От этнического смешения (*ихтилат*) этих воинов с валахами произошли новые поколения, и появился у них собственный своеобразный язык, на котором они между собой говорят, и другие их не понимают»<sup>24</sup>.

Как следует из сообщения Эвлия Челеби, из этнического смешения валахов с тюрками (народом Анатолии) и татарами произошли чытаки. Независимо от того, насколько сообщение османского автора соответствует исторической действительности, важно то, что под словом «чытак» подразумевалось, прежде всего, этнически смешанное, метисированное население. Таким образом, называя османов «чытаками», туркмань Ак-Коюнлу вкладывали в это слово не только социальный, но

<sup>19</sup> Аракед Даврижеци. Книга историй. М., 1973, с. 483.

<sup>20</sup> Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том I. VII–XV вв. Арабские и персидские источники. М.—Л., 1939, с. 312.

<sup>21</sup> Togan A. Z. V. Umumi Türk Tarihine Giriş. Cild I. En eski devirlerden 16 asra kadar. 2 baskı. İstanbul, 1970, с. 196.

<sup>22</sup> Nizām al-Dīn Shāmī. Zafar-nāmah, с. 262.

<sup>23</sup> Там же, с. 255.

<sup>24</sup> Evliya Çelebi Seyahatnamesi. Müellifi Evliya Çelebi Mehmed Zilli ibn Derviş. Cild 3. Tab'ı: Ahmed Cevdet. İlk tab'i. Dersaadet [İstanbul], 1314 (1896–1897), с. 357–358.

и вполне осознанный этнокультурный смысл<sup>25</sup>. Данный факт имеет важное значение для понимания этнических процессов, которые происходили внутри тюркской среды Анатолии в XV столетии.

Интересно, что согласно византийскому историку Дуке, и Тимур накануне сражения при Анкаре, обращаясь к своим воинам, называл османов «полугреческими и полутюркскими варварами»<sup>26</sup>. Трудно сказать, что подразумевалось под этим выражением — смешанный характер османской армии, в состав которой были включены значительные отряды сербских союзников Баязида, или Тимур имел в виду полиэтничный характер самого османского общества. Ведь тимуридские источники свидетельствуют, что для чагатайцев османы в целом мало отличались от других тюркских бейликов Анатолии, а сам Тимур в письме к Баязиду указывал на его «туркманское происхождение»<sup>27</sup>. Скорее всего, приведенная Дукой фраза хоть и приписывается Тимуру, тем не менее отражает взгляды на османов представителей иноосманской тюркской среды Анатолии, с которыми византийский историк был хорошо знаком.

Благо, сами османы давали достаточно оснований для подобной оценки. Во второй половине XV в. значительная часть правящего класса империи и войск капыкулу имела полиэтничный характер, пополняясь постоянно за счет огромного количества ренегатов, и самое главное — системы девширме. Выходцы из различных балканских народов — греков, сербов, боснийцев, албанцев, венгров, валахов, болгар и т.д. — успешно интегрировались в османскую элиту и заняли наиболее ключевые посты в центральной и местной бюрократии и армии, значительно потеснив представителей тюркских аристократических родов. Известно, что немедленно после завоевания Константинополя для султана Мехмеда II Фатиха, объявленного «римским цезарем» (*кайсер-и Рум*), была придумана новая родословная, согласно которой он являлся потомком византийских императоров Комнинов<sup>28</sup>. Эта генеалогия не могла, конечно же, получить официального признания, однако сам факт ее появления показывает тенденции идеологической жизни империи во второй половине XV в. Османское государство стремительно трансформировалось в полиэтничную империю, что не оставалось незамеченным и вызвало неоднозначную реакцию со стороны тюркской среды Анатолии. Особенно в сознании туркман, все еще сохранявших приверженность традиционному образу жизни и патриархальным ценностям, османы все больше воспринимались как смешанное, метисированное, а потому чуждое им этнокультурное сообщество.

Смешанный характер османского общества отмечался не только со стороны их соперников, но часто признавался и самими османскими ав-

<sup>25</sup> Интересно, что в крымско-татарском языке до сих употребляется слово «чатык», что означает «скрещивание», «смешение», «переплетение».

<sup>26</sup> Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. By Doukas. An annotated translation of «Historia Turco-Byzantina» by H. J. Magoulias. Detroit, 1975, с. 92.

<sup>27</sup> Sümer F. Oğuzlar (Türkmenler). Tarihleri, boy teşkilatı, destanları. 3 baskı. İstanbul, 1980, с. 654.

<sup>28</sup> Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. М., 1983, с. 40.



торами, особенно в исторической литературе XVI столетия. Так, Мустафа Аали-эфенди в своем фундаментальном труде «Кюнх ал-ахбар» пишет: «Османские племена, полные величия, прибыли из Мавераннахра. Они принадлежали к одному роду с Сельджуками, и были эти два племени чрезвычайно многочисленными. Это простосердечное [османское племя] поселилось на границе греческого Рума, в течение тридцати-сорока лет смешиваясь с неверными, которых брали в плен, и представителями разных народностей, которые издавна обитали в тех местах. Затем открылись пути в области Рума. Из стран неверных много земель подпали под их (османов. — Ш. М.) власть, и появились там разные группы из мусульманского населения»<sup>29</sup>.

Безусловно, негативное взаимное восприятие османов и туркман Ак-Коюнлу было обусловлено, прежде всего, военно-политическим соперничеством двух государств. Однако оно еще больше усугублялось и различием социальных ценностей, на которые они ориентировались. Османская империя основывалась на оседлой аграрной экономике, в значительной мере унаследовав военные и государственные нормы сельджукской и византийской эпохи. В то же время в государстве Ак-Коюнлу, несмотря на реформы Узун Хасана, все еще были сильны кочевые традиции, и здесь во многом продолжали практиковаться порядки монгольской Ильханидской империи. Поэтому во взглядах друг на друга представителей этих двух обществ несложно обнаружить отзвуки противоречий между оседлостью и номадизмом, что издревле было характерно для истории тюркских народов.

Следует отметить, что в средние века социальные отношения и понятия, в том числе противоречие «оседлый—кочевник», часто преломлялись в сознании тюркских народов через призму этнических оценок. Это характерно и для сельджукской Анатолии. К примеру, в произведении Ибн Биби приводится пословица: «Туркмен подобен волку, а тюрок — овце»<sup>30</sup>. Здесь туркмен-кочевник наделен более грубыми и воинственными чертами, в то время как тюрок представляет собой более культурный оседлый элемент. Безусловно, под последними Ибн Биби подразумевает оседлое тюркское (уйгурское) население бывшего караханидского Восточного Туркестана. Не случайно, сравнивая Сельджукидов с Караханидами, В. Бартольд подчеркивал, что последние по своему культурному уровню стояли выше, поскольку в Восточном Туркестане они посредством уйгуров близко познакомились с китайской культурой<sup>31</sup>. Пословица, приведенная у Ибн Биби, вполне созвучна идентичному выражению из огузского эпоса о Деде Коркуде — «Буйный туркмен подобен безалаберному огузу»<sup>32</sup>, с той лишь разницей, что здесь исламизированный туркмен представляет более культурный элемент по сравнению с кочевым огузом.

<sup>29</sup> Künhü'l Ahbar. Cild 5. İstanbul, 1285 (1869), c. 8.

<sup>30</sup> Togan A. Z. V. Umumi Türk Tarihine Giriş, c. 198.

<sup>31</sup> Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Сочинения. Т. I. М., 1963, с. 311–312.

<sup>32</sup> Kitab-i Dedem Qorqud ala lisan-i taife-yi oğuzan. Müstensihi Kilisli Muallim Rifat. İstanbul, 1332.

Еще ранее, в VII–VIII вв., тюркские каганы называли своих оседлых согдийских подданных этнонимом «тат»<sup>33</sup>. Этот термин отмечен еще в Орхоно-енисейских надписях. Мы видим продолжение данной традиции и в X–XI вв., когда караханидские правители так обращались к ираноязычному мусульманскому и оседлому тюркскому населению. В последующем этот термин встречается во многих тюркских государствах, где остро стоял вопрос взаимоотношений номадов и оседлых. К примеру, в Хивинском ханстве словом «тат» кочевники-туркмены называли оседлых хивинцев<sup>34</sup>. Либо в Крымском ханстве кочевые ногайцы так обращались к урбанизированным татарам<sup>35</sup>.

С аналогичным османо-туркманскому противостоянию в Анатолии XV в. соперничеством мы сталкиваемся в Центральной Азии XIV–XV вв., когда Чагатайский улус распался на западную (Мавераннахр) и восточную (Моголистан) части. На западе порядки монгольской эпохи все больше уступали свое место мусульманской культуре и нормам шариата, в то время как на востоке больше сохранялись традиции кочевой жизни. В связи с этим, кочевники Моголистана презрительно называли чагатайцев, или тюркское население Мавераннахра, «караунасами»<sup>36</sup>. Подобно уничижительному слову «чытак», с которым туркмены Ак-Коюнлу обращались к османам, термин «караунас» означал людей смешанного происхождения. В данном случае такое презрительное обращение к чагатайцам было связано не столько с тем, что они довольно активно смешивались с ираноязычным населением Мавераннахра, а с тем, что они все больше переходили к оседлости и начинали вести образ жизни, подобно таджикам. Не следует забывать, что кочевники-тюрки в эту эпоху считали оседлость несовместимой с воинственным духом, который был присущ, по их мнению, лишь номадам, т.е. самим тюркам; земледельческое и городское ираноязычное население же не было способно к военному делу. Не случайно Тимур считал джелаиридского султана Ахмеда, изнеженного дворцовой жизнью, слабым противником, поскольку тот обладал «характером таджика» (*таджик-мизадж*), в то время как Кара Юсуф, глава кочевого улуса Кара-Коюнлу, был чрезвычайно опасным врагом<sup>37</sup>. Р. Сейвори также указывает, что тюрки-кызылбаши в сефевидскую эпоху отводили персам, как неспособным к воинской службе, лишь административные и гражданские должности и считали для себя позором служить под началом офицеров-персов<sup>38</sup>.

Следует также отметить одну закономерность, которая была характерна для этносоциальных представлений тюркских обществ в средние

<sup>33</sup> Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000, с. 94.

<sup>34</sup> Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В. В. Сочинения. Т. V. М., 1968, с. 82–83.

<sup>35</sup> Викторин В. М. Отражение татаро-ногайского дуализма Крымского ханства и его связей с Османской империей в этнической истории волго-уральского региона // Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией. М., 1996, с. 213–221.

<sup>36</sup> Бартольд В. В. Улугбек и его время // Бартольд В. В. Сочинения. Т. II, ч. 2. М., 1964, с. 35–36.

<sup>37</sup> Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии, с. 176–177.

<sup>38</sup> Savory R. Iran under Safavids. Cambridge (Mass.), 1980, с. 32.

века — чем восточнее жили тюрки, тем больше они сохраняли традиционные ценности кочевой жизни и свои этнокультурные качества, и наоборот, чем западнее они распространялись, тем больше у них происходила диффузия в иные культуры и метисация, т.е. они воспринимались со стороны своих более восточных сородичей как «чытаки», «караунасы» и т.д. Во всяком случае, такова была оценка источников той эпохи, примеров чему немало. Так, во время взятия Судака в Крыму анатолийскими сельджуками, кыпчаки, которые обороняли крепость и ассоциировались с Дешт-и Кыпчаком, названы в произведении Языджиоглу Али «тюрками», в то время как сельджуки — всего лишь «воинством ислама»<sup>39</sup>. И дело здесь не только в различии религиозной принадлежности, поскольку, несмотря на принадлежность к исламу, туркмены-сельджуки были не меньше тюрками, чем язычники-кыпчаки.

Негативное отношение друг к другу между оседлыми и кочевниками внутри тюркских обществ было характерно для обеих сторон. В то время как кочевники «обвиняли» своих соплеменников, перешедших к оседлости, в отказе от традиционного образа жизни и древних патриархальных ценностей, последние часто оценивали номадов как «разбойников», «грабителей» и т.д. Безусловно, эта терминология в основном была заимствована из лексикона других оседлых народов, в основном иранцев. В. Радлов указывал, что суждения представителей оседлых народов о номадах, в частности персов и азрбайджанцев о туркменах, либо русских и татар-переселенцев Западной Сибири и Оренбурга, или же китайцев и кокандцев о киргизах, всегда создавали неприглядный образ кочевника, как в стихотворении муллы Гази, который изображает казак-киргизов как потомков четырех воров и двух нищенков, вступивших в связь и бежавших в степь<sup>40</sup>. «Читая такие тирады, — пишет В. Радлов, — легко прийти к мысли, что киргизы — отбросы тюркского населения Западной Азии, воры и бандиты, бежавшие в широкую степь, так как не желали привыкать к упорядоченной жизни оседлых народов, одним словом, — раса, заслуживающая быть уничтоженной. Но на самом деле это совсем не так. Разве не изображали с давних времен и бедуинов как народ воров и разбойников, живущий в полной анархии? Просто мы имеем здесь дело со ступеней цивилизации, противоположной культуре эпохи оседлых народов»<sup>41</sup>.

Точно так же кочевники Моголистана, как было указано выше, называли чагатайцев «караунасами», в то время как последние обращались к номадам с не менее оскорбительным термином «джете», что означало «разбойник»<sup>42</sup>. Это слово часто встречается во многих тимуридских источниках, в том числе «Уложении Тимура»<sup>43</sup>.

<sup>39</sup> Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après Ibn-Bibi. Texte Turc. Publie d'après les Mss. De Leide et de Paris par M. Th. Houtsma. Vol. III. Leiden, 1902, с. 331–339.

<sup>40</sup> Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989, с. 247.

<sup>41</sup> Там же, с. 249.

<sup>42</sup> Бартольд В. В. Улугбек и его время, с. 35–36.

<sup>43</sup> Уложение Тимура. Пер. с перс. Х. Караматова. Ташкент, 1999, с. 24.

Мы еще раз сталкиваемся с примерами, когда социальные по сути противоречия преломляются в сознании народов средневековья и озвучиваются через этнокультурные термины и понятия. Таким образом, называя Мехмеда II Фатиха «чытаком», Узун Хасан, в сущности, «обвинял» его в отступничестве от традиционных ценностей тюркского кочевого общества. В ответ последний презрительно объявлял туркман Ак-Коюнлу «пастухами, пасущими коз». Известно, что после победы над османским авангардом при Евфрате в ставку османского султана прибыл посол Узун Хасана и преподнес от своего повелителя мешок проса, символизирующего многочисленность армии Ак-Коюнлу. Мехмед II Фатих приказал высыпать мешок на землю перед курами, которые склевали все просо. Затем османский султан обратился к послу со следующими словами: «Передай своему господину — как куры склевали все просо из мешка, так и мои янычары быстро покончат с его армией. Его люди могут быть хорошими пастухами, пасущими коз, но они ничего не смыслят в войне»<sup>44</sup>. Слова Мехмеда II Фатиха ясно отражают отношение османов к туркманам Ак-Коюнлу, которые, по их представлению, годны лишь к пастушеству, тогда как судьбы войн начинало решать огнестрельное оружие, а не кочевая конница, какой бы воинственной она ни была. Эти угрозы действительно оказались пророческими. Османские авторы приписывают победу османов в войне применению ими артиллерии и мушкетов. Нешри пишет, что в сражении при Отлукбели Узун Хасан потерпел поражение, «ибо не видел он доселе битвы с применением пушек и мушкетов»<sup>45</sup>. Анонимное произведение «Теварих-и Ал-и Осман» также указывает на то, что туркмены Ак-Коюнлу «не устояли перед пушками и мушкетами» османов<sup>46</sup>.

В то же время накануне этой войны османе достаточно хорошо себе представляли с каким соперником им придется столкнуться. Они осознавали, что в лице туркман Ак-Коюнлу им противостоит вся кочевая тюркская среда Анатолии и Азербайджана. Для них, конечно же, не было тайной, насколько обширна и сильна эта среда, которую, как было указано выше, Мустафа Аали-эфенди называл «морем туркман». Владения османов же в Анатолии, какими бы укрепленными они ни были, все еще напоминали остров посреди этого моря. Описывая положение в Анатолии накануне войны, Ибн Кемаль словно ощущает себя окруженным со всех сторон этой кочевой средой: «С одной стороны Караташ, где за одну монету дают тысячу голов; внутри и вовне повсюду варсаки, сеющие раздор и творящие злодеяния; с другой стороны повсюду племена тюрок и туркман...»<sup>47</sup> Эти слова красноречиво передают беспокойство османов перед угрозой столкновения с многочисленными кочевыми «племенами тюрок и туркман».

<sup>44</sup> Babinger F. Fatih Sultan Mehmed ve Zamanı. 4 baskı. İngilizce baskısından çeviren D. Körpe. İstanbul, 2002, с. 272.

<sup>45</sup> Mehmed Neşri. Kitab-ı Cihan-nüma. Neşri Tarihi. II cilt, с. 818–819.

<sup>46</sup> Anonim Osmanlı Kroniği (1299–1512). Hazırlayan N. Öztürk. İstanbul, 2000, с. 128.

<sup>47</sup> İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter. 2 baskı. Hazırlayan Ş. Turan. Ankara, 1991, с. LVIII.

Безусловно, османская элита уже ощущала свое техническое и организационное превосходство над традиционными батальными возможностями кочевой конницы. Однако это преимущество еще не было подавляющим. Любая случайность могла сыграть в пользу мощной кочевой волны, которая неумолимо надвигалась с востока. В памяти еще были свежи события, связанные с походом Тимура, когда все тюркские беи и кочевые племена Анатолии заняли место в рядах чагатайской армии и османь потерпели сокрушительное поражение в сражении при Анкаре. Во второй половине XV в. номадизм далеко еще не исчерпал свой воинственный потенциал. Это время должно было наступить позже, в XVIII столетии, как пишет Ф. Бродель<sup>48</sup>. Накануне войны с Узун Хасаном исход ее еще не был очевиден для османов. По словам Ибн Кемалья, этот правитель «разжег лампаду рода Баяндур-хана маслом своей энергии и пробудил родник счастья туркман от блаженного сна»<sup>49</sup>. Венецианцы связывали все свои надежды с конницей Ак-Коюнлу, которая в то время считалась лучшей в мире.

Поэтому враждебный тон по отношению к Ак-Коюнлу, которым проникнута вся османская историография той эпохи, оскорбительные эпитеты в адрес туркман свидетельствуют не только о военно-политическом противостоянии между двумя полюсами, но и имеющей место этнокультурной дифференциации внутри тюркской среды Анатолии и Азербайджана в этот период. Две части этой среды — османь на западе и туркмань на востоке Малой Азии — наряду с осознанием общности тюркского компонента, который формировал их этнический облик, тем не менее, отчетливо ощущают свою разность, принадлежность к различным мирам не только на политическом, но и социально-культурном уровне. Все в большей степени начинает проявляться антагонизм «свой — чужой». В османских источниках второй половины XV и XVI вв. туркмань Ак-Коюнлу — это представители «чужой» социальной и культурной среды. Так, указывая на исход сражения при Отлукбели, Ибн Кемаль пишет, что «каждый тюркский воин победил по десять туркмань»<sup>50</sup>. Говоря о «тюркских воинах», автор, несомненно, подразумевает османских сипахи-тимариотов, которые, в отличие от янычар, в основном рекрутировались из тюркского населения Анатолии. Показательно, что в данном примере отличие османских сипахи от воинов Ак-Коюнлу определяется автором в этнических терминах, что свидетельствует об уже достаточно глубоко зашедшем процессе этнокультурной дифференциации внутри тюркской среды Малой Азии. В османской исторической литературе в адрес туркмань постоянно звучат грубые эпитеты — «злосчастные туркмань», «злодеи туркмань» и т.д.; либо, как пишет тот же Ибн Кемаль, «туркмань — это племя, известное своей беспощадностью и неверностью»<sup>51</sup>. Все враждебные действия со стороны туркмань

<sup>48</sup> Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII вв. Т. I. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986, с. 112.

<sup>49</sup> İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter, с. 317.

<sup>50</sup> Там же, с. 328.

<sup>51</sup> Там же, с. 194.

Ак-Коюнлу по отношению к османам последние склонны приписывать всякого рода отрицательным качествам их «натуры». Так, Солакзاده объясняет «жестокости», совершенные отрядами Ак-Коюнлу под началом Юсуфджа Мирзы при взятии Кайсери, «свойствами их туркманской природы»<sup>52</sup>. Или Мустафа Аали-эфенди пишет, что после победы над Тимуридами и Кара-Коюнлу Узун Хасан настолько возгордился, что в соответствии «со своей подозрительной туркманской натурой» стал вынашивать враждебные планы по отношению к Османскому государству<sup>53</sup>.

Одним из важных показателей этнической дифференциации внутри тюркской среды Малой Азии был географический фактор. Османы, все политические и государственные традиции, а также морально-правовые ценности которых сформировались в Северо-западной Анатолии и Румелии, смотрели на восток Малой Азии как на отличный от них во всех отношениях и враждебный регион. В более широком смысле, этот регион с точки зрения преемственности государственных традиций являлся наследником Ильханидской империи и находился под политическим и культурным влиянием Азербайджана. Поэтому для османов эпохи Мехмеда II Фатиха Восточная Анатолия и Азербайджан представляли собой в политическом и этнокультурном плане единый регион, который в источниках этого периода часто отмечался под названием «Туркман-эли» (здесь — страна туркман). То, что этот термин имел под собой основательный политический фундамент, подтверждает мнение одного из видных западных специалистов по истории средневекового Ирана Х. Рёмера. Он считает, что в XV и начале XVI столетий, т.е. в эпоху Кара-Коюнлу, Ак-Коюнлу и начальный период Сефевидов, существовала идея создания обширного туркманского государства с центром в Азербайджане и с включением территорий Восточной Анатолии и Месопотамии<sup>54</sup>. Лишь после Чалдыранского поражения шаха Исмаила Сефевидов от османов в 1514 г. и потери Восточной Анатолии, важнейшего очага туркманской культуры, эта геополитическая по своей сути идея исчерпала себя и была предана забвению.

Однако в XV веке термин «Туркман-эли» еще часто встречается в исторических источниках, начиная с самых ранних тюркоязычных летописных хроник, появившихся в Анатолии. К примеру, в одной из таких хроник указывается на то, что Караманоглу Мустафа-бей скончался на территории «Туркман-эли»<sup>55</sup>, в данном случае — Зулкадырского бейлика. В османских исторических источниках последующего периода этот термин встречается еще чаще и охватывает более широкий географический ареал, включая в себя уже и территорию Азербайджана. Так, описывая бегство караманского правителя Пир Ахмеда в Тебриз к Узун Хасану, Ибн Кемаль пишет: «Пир Ахмед-бей ... покинул свой край и бежал в Туркман-эли, поселился в Азербайджане, пожелав служить у порога Хасан-бея

<sup>52</sup> Solakzade. Tarih-i Solakzade, c. 323.

<sup>53</sup> Gelibolulu Mustafa Ali. Kühü'l-Ahbar. C.II. Fatih Sultan Mehmed devri 1451–1481, c. 151–152.

<sup>54</sup> The Cambridge History of Iran. Vol. 6. The Timurid and Safavid Periods. Cambridge (Mass.), 1986, c. 249.

<sup>55</sup> İstanbul'un fethinden önce yazılmış tarihi takvimler. Yayınlayan O.Turan. Ankara, 1954, c. 36.

(при дворе Узун Хасана. — *Ш. М.*)»<sup>56</sup>. Точно так же правитель бейлика Исфендияр Кызыл Арслан «направился в страну (букв. климат. — *Ш. М.*) Азербайджан; упомянутый Ибрагим-бей (Караманоглу. — *Ш. М.*) дал ему денег и проводника на дорогу, который безопасно доставил того до границы [страны] туркман; Кызыл Арслан достиг Туркман-эли... и там нашел спасение»<sup>57</sup>.

В османских источниках Тебриз, главный город Азербайджана, считался в это время столицей «Туркман-эли». У того же Ибн Кемалья мы встречаем фразы «Тебриз, бывший столицей государства туркман (*дар-ул-мюльк-и туркман*)»<sup>58</sup>, либо «Тебриз, бывший столицей Азербайджана»<sup>59</sup>. Таким образом, слова «Азербайджан» и «страна туркман», или «Туркман-эли», используются в источниках в синонимичном значении. Не случайно, указывая на азербайджанского поэта XIV — начала XV вв. Насими, Мустафа Аали-эфенди пишет, что «родом он из области туркман»<sup>60</sup>.

Следует отметить, что в XV столетии Восточная Анатолия и Азербайджан ассоциировались с туркманской культурой и описывались как единая «страна туркман» не только в османских источниках, но и в произведениях европейцев. Если в XIII в. Марко Поло локализовал «Туркоманию» на территории между Сивасом и Кайсери<sup>61</sup>, то через два столетия этот термин распространяется на всю Восточную Анатолию. К примеру, Джозафа Барбаро после прибытия в Харпут пишет: «Отсюда мы ступили в Туркоманию»<sup>62</sup>, либо указывает, что «Султан Хасан-бей (Узун Хасан. — *Ш. М.*) был в Великой Армении, которую ныне называют Туркоманией»<sup>63</sup>.

Так же как в XV столетии Восточная Анатолия и Азербайджан считались «страной туркман» или «Туркман эли», так и правящие династии Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу в исторической литературе той эпохи были известны как «туркманские султаны» (*салатин-и туркманиййа*). В том числе, в османских источниках о различных правителях из этих династий часто говорится как о «туркманских шахах». К примеру, в «Селатин-наме», поэтической османской истории автора второй половины XV в. Кемалья, Узун Хасан назван «туркманским шахом» (*шах-и туркман*)<sup>64</sup>. Соответственно, главной опорой этого правителя в военное время являлись «племена тюрок и туркман». Ибн Кемаль сообщает, что перед началом войны с Османской империей Узун Хасан призвал в свою армию всех «тюрок и туркман, с которыми он заключил (букв. укрепил. — *Ш. М.*)

<sup>56</sup> İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter, c. 304.

<sup>57</sup> Там же, с. 200.

<sup>58</sup> Там же, с. 277.

<sup>59</sup> Там же, с. 340.

<sup>60</sup> Künhü'l Ahbar'ın Tezkire kısmı. Hazırlayan M.İsen. Ankara, 1994, c. 120.

<sup>61</sup> Джованни дель Плано Карпини. История моголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. М., 1997, с. 203.

<sup>62</sup> Travels to Tana and Persia by Josafa Barbaro and Ambrogio Contarini. A Narrative of Italian Travels in Persia in the 15<sup>th</sup> and 16<sup>th</sup> Centuries. L., 1873, c. 85.

<sup>63</sup> Там же, с. 96.

<sup>64</sup> XV Yüzyıl Tarihçilerinden Kemal. Selatin-name (1299–1490). Hazırlayan N. Öztürk. Ankara, 2001, c. 180.



соглашение о верности»<sup>65</sup>. Безусловно, под «тюрьками» здесь подразумеваются все антиосмански настроенные тюркские кочевые племена Анатолии, которые являлись потенциальными союзниками правителя Ак-Коюнлу. Не случайно на военном совете, созванном Мехмедом II Фатихом до начала восточного похода, он называет Узун Хасана «тюрьком»: «Что скажете, господа, как нам справиться с этим тюрьком?»<sup>66</sup>

В этом же ключе следует оценивать этноним «татары», который иногда применяется в османских источниках по отношению к туркманам Ак-Коюнлу. Как правило, это слово использовалось османскими авторами в широком смысле в применении ко всем тюрко-монгольским племенам и народам Евразии, которые являлись наследниками империи Чингис-хана: жителям Дешт-и Кыпчака, поволжским, крымским и балканским татарам и, в том числе, остаткам тех монгольских племен, которые поселились в Малой Азии в XIII–XIV вв. в период ильханидской власти в Анатолии. Последние больше известны под именем «кара-татар»<sup>67</sup>. Кочевья и пастбища кара-татар раскинулись на обширных территориях в центральной части Малой Азии. Они играли активную роль в военных событиях, которые происходили в Анатолии в период политической раздробленности. Эти антиосмански настроенные кочевые племена оказали отчаянное сопротивление централизаторской политике, которую особенно активно проводил в конце XIV – начале XV вв. султан Баязид I. Не случайно во время похода Тимура они перешли на сторону чагатайцев. Османские авторы дружно обвиняют кара-татар в предательстве, которое, по их мнению, стало главной причиной поражения османской армии и всех тех страшных бед, которые оно повлекло за собой для жителей Анатолии. Интересно, что Тимур завоевал сердца татарских предводителей и привлек их на свою сторону, ссылаясь на общность их происхождения и исторической родины, т.е. Центральной Азии<sup>68</sup>.

Как видно, этноним «татары» в османской литературе этого периода больше носил негативную нагрузку и ассоциировался с враждебно настроенными к империи кочевыми племенами. Поэтому неудивительно, что туркмены Ак-Коюнлу и их глава Узун Хасан, представляющие всю кочевую тюркскую среду Анатолии и Азербайджана, в османских источниках порой называются «татарами». К примеру, описывающий ход сражения при Отлукбелли Орудж бин Адил пишет, что после отчаянного натиска османов «татар (здесь – туркман Ак-Коюнлу. – *Ш. М.*) охватил страх»<sup>69</sup>. Либо в анонимной османской хронике армия Ак-Коюнлу названа «татарским войском» (*tatar çerisi*), а правитель Ак-Коюнлу именуется «Узун Хасан Татар»<sup>70</sup>. Такие эпитеты в адрес Ак-Коюнлу в устах османских авторов, конечно же, имели нелестный характер и свидетель-

<sup>65</sup> İbn Kemal. Tevarih-i Al-i Osman. VII Defter, c. 334.

<sup>66</sup> XV Yüzyıl Tarihçilerinden Kemal. Selatin-name, c. 180.

<sup>67</sup> См.: Мустафаев Ш. М. Монгольские племена в Малой Азии (XIII–XV вв.) // Культура народов Центральной Азии. Самарканд, 2008, с. 149–154.

<sup>68</sup> Nizâm al-Dīn Shāmī. Zafar-nāmah, c. 275–276.

<sup>69</sup> Oruc b. Adil. Tevarih-i Al-i Osman. Franz Babinger neşri. Hannover, 1925, c. 128.

<sup>70</sup> Anonim Osmanlı Kroniği, c. 127.

ствовали о восприятии ими туркман как представителей «чужой» этнокультурной среды.

Таким образом, в османской исторической литературе отношения между Османской империей и государством Ак-Коюнлу во второй половине XV в. не столько рассматриваются как военно-политический конфликт, сколько воспринимаются в рамках этнокультурного противостояния двух сообществ. Эта оценка отражает те этнополитические процессы, которые подспудно происходили внутри тюркской среды Малой Азии. На западе Анатолии наблюдалась все большая этническая консолидация вокруг османской государственности той части населения, которая принимала символизирующие ее политико-правовые и моральные ценности. Так, в сущности, складывалось в средние века ядро турецкого народа. Та же часть тюркского населения Малой Азии, которая по разным причинам — политическим, социальным или религиозным — отвергала «османизацию» и не видела себя частью формирующейся османско-турецкой этнокультурной общности, переходила в явную или скрытую оппозицию к Османскому государству. Успешная централизаторская политика Османской империи, неуклонное территориальное расширение на восток Малой Азии вовлекали все большее количество тюркского населения в орбиту ее влияния. Данный процесс вызывал рост антиосманских настроений у тех слоев, которые не желали принимать османскую гегемонию. Постепенно османская власть начинала ассоциироваться у них с понятием «ига» (*зулум*) или «Йезидова ига» (*Йезид зулму*), преломляясь через шиитское мировосприятие. С этим связано и бурное распространение гетеродоксальных религиозных течений в среде оппозиционно настроенных по отношению к османской власти слоев тюркского населения Анатолии, особенно туркман. Официальному османскому суннизму они противопоставляли свои «еретические» воззрения в форме алевизма, шиизма, кызылбашства. Это в итоге привело к тому, что значительная часть туркманских кочевников Анатолии оказалась под влиянием кызылбашской пропаганды Сефевидов и стала впоследствии жертвой жестоких религиозных войн, которые происходили между Османской империей и Сефевидским государством в XVI–XVII вв.

Б. Дж. Боук (США, Чикаго)

## Поэтическая повесть об Азовском осадном сидении как памятник антиосманской публицистики

Данная работа пересматривает историю создания Поэтической повести об Азовском осадном сидении на основе текстологического анализа повести и современных ей материалов. В ходе работы над докторской диссертацией о донском казачестве и русско-османском противостоянии в 1998–1999 гг.<sup>1</sup> у меня возникали сомнения в принятой источниковедческой характеристике повести и в правдивости отражения ею казачьего менталитета. Новые архивные документы, которые я обнаружил в архивах Москвы, подрывают фундамент традиционной версии истории повести. Данная статья пересматривает гипотезу А. Н. Робинсона об авторстве Поэтической повести казака Порошина<sup>2</sup>. Статья также привлекает ранее неизвестные архивные документы Посольского приказа и доказывает, что повесть была написана не в казачьей среде, а является литературным памятником Посольского приказа.

Поэтическая повесть и родственное ей «Сказание об Азовском сидении» рассматривались А. Н. Робинсоном еще до того, как он стал известным специалистом по литературе XVII века. В 1948 г. Робинсон выдвинул предположение, что донской казак Федор Порошин был автором повести, отмечая, что именно он обладал навыками в составлении войсковых отписок. Хотя у Робинсона достаточно публикаций по тематике этих произведений, он не изучил все существующие рукописи и архивные источники. Он также не занимался анализом водяных знаков бумаги разных рукописей, который мог бы способствовать более точному определению взаимоотношения между разными текстами. За исключением короткой статьи Д. С. Менделевой, опубликованной в 2008 году, работы Робинсона до сих пор не пересматривались.

Прежде чем приступить к анализу новых документов, мы обобщим историографию проблемы, особенно то, как Робинсон представлял био-

<sup>1</sup> Boeck B. J. *Shifting Boundaries on the Don Steppe Frontier: Cossacks, Empires and Nomads*, Harvard University, 2003 (приложение о поэтической повести, с. 570–582).

<sup>2</sup> Робинсон А. Н. Вопросы авторства и датировки поэтической повести об Азове // Московский университет. Доклады и сообщения филологического факультета. Вып. 5. М., 1948.

графию Порошина и ее соотношение с историей текстов<sup>3</sup>. По его мнению, казачья отписка о событиях 1641 года не сохранилась. Робинсон полагал, что «Сказание» и Поэтическая повесть создавались параллельно; между этими двумя текстами не существует генетического или какое-либо другое взаимоотношение. Он объяснял сходство между текстами тем, что «Сказание» якобы основывалось на устных расспросах казачьей станицы (делегации), а Поэтическая повесть создавалась отдельно на основании казачьих отписок. Робинсон также считал, что Поэтическая повесть была написана Порошиным в Москве между 24 октября 1641 года (когда казачья делегация прибыла в Москву) и 27 апреля 1642 года, когда царь Михаил Федорович принял окончательное решение вернуть Азов Османской империи. Робинсон считал, что Порошин мог быть автором Поэтической повести, так как, будучи на Дону, Порошин писал казачьи отписки, которые агитировали за присоединение Азова к Московскому государству.

Таким образом, на первый план выдвигается проблема авторства Порошина. Необходимо сказать несколько слов о Федоре Порошине, его деятельности в Москве и мнении Робинсона о жизни и литературной деятельности этого казака. Точно известно, что Порошин был участником казачьей делегации и что он был сослан из Москвы в Сибирь после февраля 1642 года. Сопоставив дату опалы Порошина (21 февраля 1642 г.) с приездом Османского посольства (19 февраля), Робинсон предположил, что эти события должны были быть взаимосвязаны<sup>4</sup>. Таким образом, мотивировкой ареста и ссылки он считал политическую позицию казака, т.е. агитацию Порошина за присоединение Азова к России. Робинсон верил, что взгляды есаула стали считаться некорректными и одиозными в столице после созыва Земского собора, который выступил против дальнейшего конфликта с Османской империей. Эта интерпретация событий XVII века очень сильно овеяна современной Робинсону идеологией сталинизма. Робинсон считал, что критические замечания против бояр в Поэтической повести могли играть роль в судьбе «народного» автора. Несмотря на то что предположение Робинсона построено на длинной (и непроверенной) цепи догадок и несмотря на то что он сам отмечал, что вопрос об авторстве Поэтической повести нуждается в дальнейших разысканиях, авторство Порошина до сих пор не пересматривалось и считается установленным фактом.

Я считаю обе гипотезы — как об авторстве Порошиным Поэтической повести, так и о взаимосвязи между его ссылкой и неугодными для властей взглядами — необоснованными и документально неподтвержденными. До тех пор пока не будут найдены архивные документы о следствии над Порошиным, которые могли бы подтвердить версию Робинсона, будут существовать очень серьезные и весомые документальные основания отрицать идеологическую подоплеку ареста Порошина. Но

<sup>3</sup> Библиографию проблемы см.: Каган М. Д. «Повесть о Азове поэтическая». Словарь книжников и книжности Древней Руси, XVII, часть 3. СПб., 1998, с. 66–70.

<sup>4</sup> Робинсон А. Н. Вопросы авторства..., с. 65–70.

вые сведения, найденные мною в архиве Посольского приказа, не только противоречат гипотезе Робинсона, но и указывают на совсем другие причины ссылки Порошина.

Найденный мной новый архивный документ описывает вооруженное нападение на Порошина и его жестокое избивание. 18 декабря 1641 года Порошин явился в Посольский приказ, чтобы доложить о нападении на него. Дьяк, который его осмотрел, записал, что Порошин был бит по голове ослопом во многих местах. Вот что случилось по версии Порошина: в четыре часа утра 18 декабря он шел по Москве один домой от знакомого, как вдруг на него напали пять человек. Когда его избивали, нападавшие говорили ему: «Вы на образец приехали. Говорите про государя нашего, что государь наш медведями и собаками травить и нигде ему проехать не дадите». В это время к месту разборки случайно подошел Иван Григорьевич Ромодановской. Увидев Ромодановского, нападавшие разбежались. Переночевав у Ромодановского, Порошин утром отправился в Посольский приказ, чтобы сообщить о произошедшем. Решение Посольского приказа по этому происшествию было достаточно загадочным: велели сыскать в Пушкарском приказе<sup>5</sup>.

К сожалению, мне не удалось найти среди «Донских дел» ни более подробного описания инцидента, ни результата следствия. Тем не менее из описания стычки можно предполагать, что Порошин оказался замешан в ссоре с каким-то крупным московским чиновом. Фраза о том, что Порошин «на образец приехал», намекает на какую-то серьезную зацепку в прошлом и на то, что Порошин сам впредь не должен был появляться в Москве. Угрожал ли Порошин какому-то знатному человеку или нет, мы не знаем, но сам факт того, что сей неизвестный господин решил его жестоко избить, говорит об остром и глубоком конфликте, который должен был иметь последствия не только для Порошина. Этот жестокий инцидент показывает, что неизвестный влиятельный человек не только хотел как следует наказать Порошина, но и создать на его примере незабываемый прецедент для других. Независимо от того, имеет ли этот конфликт криминальную, межличностную или крепостную подоплеку, вполне допустимо то, что в ходе следствия обнаружились новые факты, которые скомпрометировали Порошина. Хронология опалы Порошина (он уже был лишен жалованья и корма в период до 21 февраля) не противоречит этому предположению.

Любопытный факт о дальнейшей судьбе Порошина не подтверждает версию исследователей о том, что он был сослан за плутовство с чинами в своих отписках. Как известно, некоторые казаки, прибывшие в Москву весной 1642 года, обвинили Порошина в том, что он «был у Войска в подъячих, а в войсковых ясаулах не бывал». Я нашел новый документ, который подрывает и эту гипотезу о высылке Порошина. В найденном документе для нас интересно то, что во время Сибирской ссылки, несколько лет спустя, Порошин появился в Ыжемской съезжей избе для того, чтобы доносить на Сургутского жителя за непригожие слова про-

<sup>5</sup> РГАДА. Ф. 89, 1641 г., Д. 4. Л. 66–67.

тив царя. Свой извет он подписал как донской есаул Федько Порошин. Тот факт, что он указал это звание, говорит о том, что Порошина осудили не за плутовство с чинами, а за какое-то другое преступление. Иначе он не осмелился бы опять представиться есаулом перед властями. Хотя эта новая информация, содержащаяся в Сибирском документе, не противоречит версии Робинсона, она также показывает, что Порошин не характеризовал себя как дьяк или писец (т.е. в первую очередь литературная личность), и явно демонстрирует то, что он желал загладить свою вину перед царем<sup>6</sup>.

Тем не менее, я не отрицаю возможную причастность Порошина к составлению казачьих отписок, которые могли служить источником Поэтической повести и повлиять на стиль литературного памятника. Но сравнительный анализ текстов казачьей отписки, «Сказания», Поэтической повести и других современных источников, которые я привожу ниже, по меньшей мере ставит под сомнение авторство Порошина.

## Пример 1: Народы султана

### Казачья отписка<sup>7</sup>

...**было** де с **пашами** и с крымским царем и с царевичем из **буданские** земли с небольшим князьком воинских людей турская и крымская земля с белопольскими князьями и малой нагай со всеми мурзами и со всеми черными людьми и **волоские** и **мутянские** и **арапские** и французские и **черкеские** и лаские земель многие воинские люди. И большого нагаю мурзы с черными людьми которые откочевали от астарыхани.

### Сказание<sup>8</sup>:

И **были** с турскими **паши** розных земель люди **турки** и **греки** и **сербы** и **арапы** и **можары** и **буданы** **башняки** и **арнауты** и **немецкие** люди вымышленики и **волохи** и **мутяне** и **черкасы** горские

### Повесть<sup>9</sup>:

А **было** с **пашами** под нами всяких воинских собранных людей всяких разных земель и вер царя турсково, его земли и розных земель: 1 **турки**, 2 **крымцы**, 3 **греки**, 4 **сербы**, 5 **арапы**, 6 **можары**, 7 **буданы**, 8 **олшаны**, 9 **арнауты**, 10 **волохи**, 11 **мутяне**, 12 **черкасы**, 13 немцы.

<sup>6</sup> РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Д. 1683. Л. 298–298 об.

<sup>7</sup> РГАДА. Ф. 89, кн. 14. Л. 38 об.

<sup>8</sup> ГИМ. Собрание Забелина, 435. Л. 296.

<sup>9</sup> Адрианова-Перец В. П. Воинские повести Древней Руси. М., 1949, с. 60.

В обоих литературных текстах («Сказание» и Поэтическая повесть) список народов, которые участвовали в осаде Азова, одинаковый. В то же время литературные тексты имеют весомые различия по сравнению с казачьей отпиской: они отличаются от казачьей отписки не только числом, но и порядком указанных народов. С одной стороны, оба текста добавляют православные народы. С другой стороны, только повесть почему-то подчеркивает общее число всех народов (к вопросу нумерации народов мы вернемся ниже).

Сравнение этих текстов также показывает, что мы имеем дело с литературной обработкой казачьей отписки: в «Сказании» и Поэтической повести мы видим, как казачий текст видоизменяется различными сокращениями и дополнениями. Мы также можем проследить генетическую связь между литературными произведениями. Вопрос состоит в определении, какой литературный текст является первичным по отношению к другому. На этот вопрос может пролить свет отсутствующие в отписке боснийцы. В «Сказании» боснийцы именуются «башняки», а в повести «олшаны». Этноним «башняки» в разных рукописях сказания пишется одинаково. С «олшанами» повести ситуация состоит иначе: различия в рукописях повести регулярно заменяют **н** на **л** (олшаны, бошляны, бошляки, бошляны и т.д.). На основании этих фактов (постоянство в написании «башняки» в «Сказании» и большие вариации в повести) мы можем сделать вывод, что, скорее всего, повесть создавалась на основе дефектного списка «Сказания».

## Пример 2: Приписка или концовка

До появления работ Робинсона вопрос о первоначальном виде окончания повести считался неразрешимым. Самый полный и исправный Ундольский список обрывается перед окончанием текста. Робинсон обнаружил в собрании Тихонравова рукопись, которую он считал близкой к авторскому тексту. В публикации повести по Ундольскому списку он восстановил конец повести по тихонравовскому списку, с одним вопиющим исключением: он не опубликовал последние фразы текста<sup>10</sup>. Правда, он выборочно опубликовал текст последних фраз, просто охарактеризовав его как «интересная приписка». На самом деле в тихонравовской рукописи эта так называемая приписка написана тем же почерком, что и остальной текст повести. Робинсон сделал концовку припиской, потому что она мешала его предположению об авторстве Порошина, так как решение об оставлении Азова было объявлено казакам только в конце апреля 1642 г., два месяца спустя после опалы Порошина. Таким образом Порошин не мог бы ни написать Поэтическую повесть в Москве, ни быть наказанным за диссидентское мышление.

Хотя Робинсон обнаружил сходство между «припиской» и боярским докладом, он считал, что оба текста должны были быть основаны

<sup>10</sup> Адрианова-Перец В. П. Воинские повести Древней Руси. М., 1949, с. 81.



на «скаске атаманов и казаков». Несмотря на это, подробности расчетов стоимости присоединения Азова к Московскому государству не приводились в его статьях. Анализ этих данных противоречит гипотезе Робинсона: казаки просто не могли знать и компетентно просчитывать стоимость аннексии Азова.

### «Приписка» повести<sup>11</sup>

А по скаске тех же атаманов и казаков, что им надобно в Азов **для осадного** сиденья **10 000** людей, **50 000 всякого** запаса, **20 000 пуд** зелия, **10 000** мушкетов, а денег на то на все надобно **221 000 рублей**. Нынешняго 150 году по прошению и по присылке турским Ибрагима Салтана царя, государь царь и великий князь Михайло Федорович всея России пожаловал турским Ибрагима Салтана царя, велел донским атаманом и казаком Азов град покинут. Конец.

### Боярский доклад<sup>12</sup>

И по государеву указу бояри приговорили только укажет государь Азов город принять у донских атаманов и у казаков и послать велить государева воеводу с ратными людьми, и ратных людей воеводою для прихода турских и крымских людей меньше **10 000** человек послать нельзе.

А только государева жалования на год по 10 рублей человеку и того имеетца 100 000 рублей да хлебных **всяких запасов** только послать **для осадного** времени 50 000 чет. Итого **50 000** рублей. Пороху пушечново и ручново только послать **20 000 пудов**, а по цене 50 000 рублей по 100 рубли. Свинцу только послать 10 000 пуд а по цене 6000 рублей по 20 алтын пуд. Самопалов ручных послать **10 000** а по цене 15 000 рублей.

И всего имеетца по сему письму что дати государева жалования ратным людем и что положено за запас хлебной и за порох и за свинец и за ручные самопалы **221 000 руб.**

Первое, что бросается в глаза после сравнения этих текстов, это явное, но неполное совпадение между ними. Поэтическая повесть точно повторяет раскладку человеческих ресурсов (10 000), провианта (50 000 руб.), пороха (20 000 пудов), оружия (10 000 единиц) и общей стоимости экспансии на год (221 000 руб.). В то же время Поэтическая повесть не включает раскладку стоимости единиц оружия, пороха и припасов, которые четко бюрократически прописаны в Боярском докладе. Этот момент очень важен, так как невозможно рассчитать, как набралась итоговая сумма 221 000 руб. в «приписке» Поэтической повести; только Боярский доклад позволяет составить логичный и пол-

<sup>11</sup> РГБ, собр. Тихонравова, 135. Л. 77.

<sup>12</sup> РГАДА. Ф. 89, 1642 г., Д. 1. Л. 14–15.

ный расчет стоимости присоединения Азова, так как он указывает стоимость всех единиц перечисленных ресурсов. Боярский доклад — это не казачьи сказки, а приказный документ, рассчитанный людьми знающими и методически просчитывающими долгосрочную экономическую и военную политику. Боярский доклад также содержит секретную информацию, которая не обнародовалась на собрании. Таким образом, казаки просто не могли бы ее знать и Порошин не мог бы включить эти экономические сведения в свой текст, даже если бы он и был в Москве на тот момент.

### Пример 3: Дипломатическая речь

Благодаря исследованию М. Д. Каган, уже давно установлено, что Поэтическая повесть, как и «Повесть о двух посольствах», была связана со средой посольского делопроизводства. В своей статье она указывала на сходные моменты посольской речи, сходное отношение к турецкому султану и преувеличение сил русского царя в этих текстах<sup>13</sup>. В историографии до сих пор считалось, что автор Поэтической повести просто использовал общие приемы посольской речи, которые были хорошо известны в посольских кругах. Я считаю, что автор Поэтической повести не просто использовал общие приемы посольской речи, а активно заимствовал как речевые обороты из статейного списка посольства в Стамбул 1641 года, так и политическую линию московской посольской среды по Азовскому вопросу.

Рассмотрим связь между Поэтической повестью и статейным списком того времени.

#### Статейный список<sup>14</sup>:

И Богдану и Офанасу говорить что ему везиру и ближним людем **ведомо** подлинно что донские казаки издавна воры **беглые холопы** живут на Дону убежав за свои страдничьи вины и смертные казни и царского повеленья ни в чем не слушают. А **Азов** они **взяли без царского величества повеления** и помочи царского величества к ним **николи небывало** и помочи царское величество к ним непосыльвал и помогать им не за што. И за тех воров царское величество преж сего николи не стайвал и ныне не стоит и ссорь и нелюбовь за них никакова не хочет. Хотя их воров всех государь ваш Ибрагим Салтан велит побить и царскому величеству то будет не досад потому, что они воры беглые люди **из Московского государства** убежали заворовав от **смертные казни** живут в **дальних** местех воровским кочевым обычаем.

<sup>13</sup> Каган М. Д. Повесть о двух посольствах — легендарное политическое произведение начала XVII века. ТОДРЛ, 1955, с. 234–236.

<sup>14</sup> РГАДА. Ф. 89, 1640 г., Д. 1, часть 1. Л. 72–73.

## Повесть:

Отбегает мы **ис** того **государства Московского** от работы вечные **ис холопства** невольного от бояр и от дворян государевых, да зде прибегли и вселились в пустыни непроходней, взираем на Христа, бога небеснаго. Кому об нас там потужить? Ради там все концу нашему. А запасу ка нам хлебные и выручки с Руси **николи небывали**. Кормит нас молодцов, на поли господь Бог своею милостию во дни и в ночи зверьми дивными, да морскою рыбою... А злато и серебро емлем у вас за морем то вам самим **ведомо**. А жены себе красные и любимые водим и выбираем от вас же из Царяграда, а с женами детей с вами вместе приживаем. А се мы **взяли Азов** город своею волею а **не государским повелением** для казачьих зипунов своих и для лютых и высоких пых ваших поганых и скаредных. И за то на нас, холопей своих **дальних**, государь наш зело кручиноват и мы зело боимся от него великого государя **казни смертные** за взятие Азова<sup>15</sup>.

Эти два текста сопоставимы с точки зрения геополитики (во взаимоотношениях между царем и султаном), воззрений на статус казаков (их воровские корни и неподчинение Москве) и московского дипломатического языка. Удивительно, что повесть, иногда в одних и тех же словах, передает наказ московским дипломатам о казачестве. Оба приведенных текста адресованы османским представителям и одинаково настаивают на независимости казачества от Москвы. Они продолжают линию официального обмана о том, что никакой помощи казакам из Москвы не было. Казаки Поэтической повести твердо поддерживают эту дипломатическую неправду статейного списка и точно словами статейного списка утверждают, что никогда не получали никакой поддержки от московского правительства. Оба текста повторяют не только слова, но и речевые обороты, например посольский прием напоминать о том, что должно быть «ведомо» другой стороне. Более сухой статейный список отличается от Поэтической повести как языком, так и отсутствием романтических представлений о жизни казачества, которые мы видим в повести. Поэтическая повесть идеализирует казачье воровство, так из холопов казаки превращаются в героических добытчиков добра и красавиц из османских земель. В то же время оба текста разделяют словесное равнодушие к судьбе казаков. Так фраза в Поэтической повести «ради там все концу нашему» перекликается с дипломатическим равнодушием о судьбе казаков: «И за тех воров царское величество преж сего николи не стайвал и ныне не стоит...»

## Пример 4: Европейская риторика и Турецкая гордыня

Последний пример, показывающий невероятность авторства Порошина, но доказывающий написание Поэтической повести в среде Посольского

<sup>15</sup> Адрианова-Перец В. П. Воинская повесть, с. 68.

приказа, напрямую связан с особенностями антиосманской риторики, которая очень четко прослеживается в Поэтической повести. Три коротких текста, которые приводятся ниже, служат доказательством связи между Поэтической повестью и современной ей европейской антиосманской риторикой. В обширном исследовании по турецкой теме в русской публицистике семнадцатого века Дэн Уо показал, что русские редакции апокрифов султана имели западноевропейские источники. Но Уо не занимался темой Поэтической повести. Сравнение между приводимыми тремя текстами показывает связь Поэтической повести с русской редакцией апокрифа султана.

Тексты в этом примере подчеркивают вымышленные титулы турецкого султана: первый текст из Поэтической повести, второй из русской редакции апокрифа султана, а третий — это английская редакция апокрифа султана 1640 г.

### Поэтическая повесть:

#### Речь турка:

Кто вас может злодей убицы укрыть или затупить от руки его такая сильныя и от великих таких страшных, **непобедимых** сил его, царя восточного турецкого? Кто постоит ему? Нет ему никою равна или подобна величеством на свете! **Единому** лише повинен он **богу небесному** и един лише он верен **страж гроба божиия** по воли ж божий. Избра его бог на свете едина от всех царей.

Персицкой царь владетель поставлен **от бога** надо всею великою Персидою и над **богатою Индею**<sup>16</sup>

#### Речь казака:

Назвал **от высока** сам себя бутто он **выше всех земных царей**.

Ваш турецкой царь **богу небесному** у вас **в титлах** пишется.

### Русская редакция апокрифа султану

**От превысоце** царствующаго **Бога на небеси**, мы **един** токмо султан Мамагем в великой милости Бог на земли, над всеми вельможный **непобедимый** цесарь великоимеитаго Вавилона... и **богатые Индей** цесарь... вельможный **в титлах** и гербах... **над всеми цесарами и королми** от востока солнца даже до запада...И **хранитель гроба распятого Христа** **един** великие господарь над всеми господари и **Бог всяя земли**...Есть

<sup>16</sup> Адрианова-Перец В. П. Воинская повесть, с. 63, 65.

убо умышление наше с тобою тремянадцатми господарствы со всеми народы силами нашими<sup>17</sup>...

## Английская редакция апокрифа 1640 г.

**From the Great commanding God in the Heaven, we alone** Soloma Hometh **god upon earth**, of great grace and mercy; **invincible** Great and mightly Emperor of Babylon and Iudea, from the rising of the Sunne to the setting thereof; **king of all Kings upon earth**... King of Whole Arabia and Media... **protector of the Sepulchre of the crucified Christ** Challenging you Emperor of Germany... we will come before your City of Vienna with 13 Kindomes and Nations<sup>18</sup>

Сравнение между Поэтической повестью, русской редакцией апокрифа и английской редакцией 1640 года четко демонстрирует связь между этими произведениями. В особенности стоит подчеркнуть султанский титул как хранителя гроба Христа: «страж гроба божия» в Поэтической повести, «хранитель гроба распятого Христа» в русской редакции апокрифа, тот же самый титул указывается в английском тексте, «protector of the Sepulchre of the crucified Christ». Сравнение между текстами показывает связь как в терминологии, так и в географии: «богатая Индия» Поэтической повести и русской редакции апокрифа является ошибкой прочтения перевода Иудеи с протографа (Iudea в английском тексте).

Но возможно, что самое интересное сравнение — нумерологическое. Теперь мы можем вернуться к числу народов, указанному в примере 1. Как в русском, так и в английском апокрифе вымышленный титул султана включает и подчеркивает власть над 13 народами, которые четко обозначены этим числом, но не названы поименно. Напоминаем читателю любопытный список народов подвластных султану, которые принимали участие в осаде Азова по версии Поэтической повести: «1 турки, 2 крымцы, 3 греки, 4 сербы, 5 арапы, 6 можары, 7 буданы, 8 олшаны, 9 арнауты, 10 волохи, 11 мутяне, 12 черкасы, 13 немцы». Автору Поэтической повести было необходимо указать все тринадцать подвластных султану народов именно потому, что это число указывалось в апокрифе. Этот момент титулатуры султана показывает, насколько сильно было влияние апокрифической литературы на создание Поэтической повести.

Другой важный момент, который четко связывает Поэтическую повесть с апокрифами, это характеристика султана как литературного персонажа, его гордыни как основного элемента развития повествования. В Поэтической повести казаки мотивируют взятие Азова именно гордыней: «А се мы взяли Азов город своею волею а не государским повелением для казачьих зипунов своих и для лютых и высоких **пых** ва-

<sup>17</sup> Там же, с. 66, 67.

<sup>18</sup> Waugh D. C. The Great Turkes Defiance: on the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants, Columbus, 1978, с. 88–89.

ших поганных и скарредных»<sup>19</sup>. Перечисление титулов султана в апокрифах целенаправленно указывает на огромную гордыню правителя, который не стесняется уподобить себя богу на земле. В повести набожные казаки указывают османским властям на их святотатство: «Гордому бусурману, царю турецкому, и пашам вашим, бог противитца за ево такие слова высокие»<sup>20</sup>. В этом риторическом обороте просматривается религиозная оппозиция: своим высокомерным поведением султан оскорбляет чувства христиан, он ставит себя вровень с Богом; за это Бог ставит султана на место, принижает его властное достоинство, используя казаков как меч господний. Отсутствие подобного объяснения взятия Азова в казачьих отписках лишней раз подтверждает псевдоавторство Порошина.

Сравнение Поэтической повести с современными ей дипломатическими, риторическими и литературными текстами показывает, что текст повести мог быть написан только в Москве, в среде Посольского приказа. Текст Боярского доклада хранился в Посольском приказе. Д. Уо доказал что в Посольском приказе имелись знатоки языков для перевода разных западноевропейских апокрифов о турках. Только кто-то в Посольском приказе мог бы иметь доступ ко всем необходимым материалам, включая казачьи отписки и другие источники о ходе осады. В этой ситуации трудно представить, что казак, опороченный своими собратьями и находящийся под следствием, мог бы получить доступ к таким материалам. В результате этого анализа Поэтической повести и современных ей текстов повесть не следует рассматривать как уникальный источник истории казачества, но она становится первым популярным русским литературным произведением, посвященным казачьей тематике.

---

<sup>19</sup> Адрианова-Перец В. П. Военные повести, с. 68.

<sup>20</sup> Там же, с. 67.

М. Х. Сванидзе (Грузия, Тбилиси)

## О турецком землевладении в Ахалцыхском (Чилдырском) пашалыке, по данным «Джаба дефтера» (1694–1732 гг.)

Вопросы землевладения являются одной из важных проблем изучения османского социального строя. В этой связи, в данной статье рассмотрены некоторые аспекты тимарского землевладения в Ахалцыхском пашалыке.

После завоевания Юго-Западной Грузии (Самцхе-Саатабаго) в XVI веке и создания здесь Ахалцыхского (Чилдырского) пашалыка османские власти приступили к введению своего управления и внедрению своей системы землевладения и землепользования. С этой целью они несколько раз провели перепись края и составили дефтеры (реестры), одним из которых является «Джаба дефтер» Чилдырского эялета, относящийся к периоду 1694–1732 гг.<sup>1</sup>

По данным этого источника, Ахалцыхский (Чилдырский) эялет (пашалык) состоял из следующих санджаков (лив): 1. Ахалцыхе; 2. Ахалкалаки; 3. Артануджи; 4. Аспиндза; 5. Чилдыр; 6. Поцхови; 7. Хертвиси; 8. Олтиси; 9. Диди (Большой) Артаани; 10. Патара (Малый) Артаани; 11. Панаки; 12. Мамирван; 13. Чачараки; 14. Земо (Верхняя) Ачара; 15. Квемо (Нижняя) Ачара; 16. Оцхе; 17. Окросцихе; 18. Пертекрек; 19. Ливана; 20. Нисфи Ливана; 21. Шавшети.

По сравнению с данными источников первой половины XVII в. количество санджаков эялета увеличилось с 14 до 21, что явилось не следствием расширения территории, а ее раздробления.

Наследственными правителями Ахалцыхского пашалыка были назначены, принявшие ислам члены семьи атабага Джакели<sup>2</sup>. Их владения были записаны как юрдлуки и оджаклыки.

Примечательно, что согласно «Джаба дефтеру» часть санджаков Ахалцыхского пашалыка также значилась в наследственном пользовании

<sup>1</sup> Джаба дефтер Чилдырского эялета 1694–1732 гг. Турецкий текст с грузинским переводом подготовила к изданию Ц. А. Абуладзе, исследованием снабдил М. Х. Сванидзе. Тбилиси, 1979.

<sup>2</sup> Сванидзе М. Х. Из истории грузино-турецких отношений в XVI–XVII вв. Тбилиси, 1971, с. 125–135, 304–317 (на груз. языке). Kızıoğlu M. Osmanlar'ın Kafkas Ellerini Fethi (1491–1590). Ankara, 1976; с. 273, 344, 413.



по праву юрдлука и оджаклыка. Таковы санджаки: 1. Артануджи; 2. Хертвиси; 3. Олтиси; 4. Оцхе; 5. Алтун-кала; 6. Чачраки; 7. Поцхови; 8. Нижняя Аджара; 9. Верхняя Аджара; 10. Мамирвани; 11. Ливана; 12. Нисфи Ливана; 13. Шавшети; 14. Пертекрек; 15. Ахалкалаки.

Достоверность этих сведений подтверждает официальный летописец султанского двора первой половины XVIII века Мехмед Рашид, писавший, что в Чилдырском вилайете 14 беев владеют санджаками по праву юрдлука и оджаклыка<sup>3</sup>.

Следует отметить, что юрдлуки и оджаклыки были двух видов: одни относились к категории частных владений (mülk), другие — государственных земель (azamı mirgüe).

По нашему наблюдению, в Ахалцыхском пашалыке были оба вида этих санджаков: санджаки вида юрдлук (mülk) в Ахалцыхском пашалыке были созданы в середине XVI века. Таковы: 1. Фанаскерти; 2. Ливана; 3. Нисфи Ливана; 4. Шавшети<sup>4</sup>.

Этот факт подтверждает также известный турецкий путешественник XVII века Эвлия Челеби, посетивший этот регион. Он пишет: «Фанаскертом, Ливаной, Нисфи Ливаной и Шавшетом владеют по праву юрдлука и оджаклыка в качестве мюлька»<sup>5</sup>.

По нашему мнению, внутренняя организация санджаков этого вида не была зарегистрирована в дефтерах, в них отсутствовали зеаметы и тимары. Владельцы этих санджаков пользовались также судебным иммунитетом<sup>6</sup>.

Санджаки юрдлука и оджаклыка, относящиеся к категории государственных земель, были созданы в Ахалцыхском пашалыке в основном в XVII веке. В таких санджаках имелись зеаметы и тимары, их доход был внесен в реестры. В случае войны владельцы таких земель должны были выставлять определенное количество воинов под знамена бейлербея.

На основании имеющегося у них документа никого из владельцев таких санджаков нельзя было отстранить от власти и назначить на их место постороннее лицо. Этими землями владели по праву наследства. В случае смерти или ухода от власти владельца юрдлука и оджаклыка его права переходили к сыну, брату или родственнику, но ни в коем случае не передавались постороннему лицу, до тех пор, пока были живы дети или другие родственники. В случае же прекращения рода юрдлуки и оджаклыки обычно передавались кому-либо из сановных лиц, но уже не как оджаклыки и юрдлуки. Их новые владельцы (не из числа родственников умершего) управляли ими на основе общего правила как обычными санджаками<sup>7</sup>.

<sup>3</sup> Mehmed R. Tarih-i Raşid. İstanbul, 1865, c. II, 581.

<sup>4</sup> Ayni Ali. Osmanlı Devleti Arâzi Kanunnameleri çeviren H. Tuncer. Ankara, 1962, c. 23, 24; Koçî Bey risalesi. İstanbul, 1939, s. 102; Сванидзе М. Х. О юрдлуках и оджаклыках как одной из форм землевладения в Османской империи. Первый конгресс балканских исследований. София, 26 августа — 1 сентября. М., 1966, с. 10.

<sup>5</sup> Evliya Çelebi. Seyahat-namesi. İstanbul, 1314 (1896), cilt. II, c. 329.

<sup>6</sup> Сванидзе М. Х. О юрдлуках и оджаклыках, с. 3, 4, 5.

<sup>7</sup> Трактат Али Чауша из Софии о тимарской организации в Османской империи. Аграрный строй Османской империи XV—XVII вв. Документы и материалы. Составление, перевод и комментарий А. С. Тверитиновой. М., 1963, с. 100, 209.

В Османской империи должность санджакбея не передавалась по наследству. В Ахалцыхском пашалыке, однако, принявшим ислам, пошедшим на службу к султану крупным грузинским феодалам султанское правительство пожаловало санджаки на правах юрдлука и оджаклыка. Созданием на завоеванной территории Самцхе-Саатабаго санджаков как наследственных владений типа юрдлуков и оджаклыков османское правительство стремилось привлечь на свою сторону влиятельную часть господствующего класса этой страны, что, со своей стороны, должно было оказать им помощь в деле покорения этого края и преодоления сопротивления грузинского населения.

В «Джаба дефтери» зарегистрировано 16 хассов, их годовой доход составлял 5 450 189 акче. Из них — годовой доход хасса санджакбея Шавшета составлял 565 875 акче, санджакбея Пертерек — 519 390 акче, санджакбея Артануджа — 416 825 акче и др.

Часть крупных грузинских феодалов, перейдя на сторону султана и приняв ислам, сумела сохранить землю и привилегии (Джакели, Химшиашвили, Абашидзе, Эристави, Хурцидзе и др.). Этим феодалам-санджакбеям были сохранены поместья, которыми они владели до османского завоевания<sup>8</sup>.

По данным «Джаба дефтера», в Ахалцыхском пашалыке насчитывалось 94 зеамета. Их общий годовой доход составлял 2 464 485 акче. Среди них были зеаметы, доходы которых исчислялись суммой меньше 20 000 акче, но рядом имелась приписка, что это зеамет. Аналогичные факты встречаются и в других дефтерах провинций Османской империи.

Больше всех зеаметов было зарегистрировано в Мамерванской ливе — 14, Ахалцыхском — 13, Панакском — 13 и др.

В «Джаба дефтере» было зарегистрировано 762 тимаров, годовой доход которых составлял 2 464 405 акче. Больше всего тимаров было в ливе Диди Артаани — 95, в Ахалкалакской ливе — 83, Оглтиси — 68 и др. Подобные тимары назывались мюштерек (müşterek), число их составило 25. Факты совместного владения тимарами засвидетельствованы дефтерами XV–XVI вв. и в других районах империи<sup>9</sup>.

В «Джаба дефтере» указаны также тимары, среднегодовой доход которых составлял меньше 1000 акче, число подобных тимаров невелико, всего 14.

Сведения, содержащиеся в «Джаба дефтере», дают возможность выяснить экономическое положение землевладельцев по их ежегодному доходу.

<sup>8</sup> Сванидзе М. Х. Вопросы землевладения в Османской империи на примере Ахалцыхского (Чилдырского) пашалыка. III международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы. Бухарест, 4–10 сентября 1974 г. М., 1974, с. 17.

<sup>9</sup> Inalcık H. Hicri 835 (1431) Tarihlî Suret-i Defter-i Sancak-i Arvanid. Ankara, 1954, с. 55, 56, 57, 58; Beldiceanu N. Le Timar de Muşliḥ ed-din precepteur de Selim şah. II «Turcica». P., 1976, t. 8/2, с. 99; Абуладзе Е. А. Два турецких фирмана, «Мравалтави». Т. II. Тбилиси, 1971, с. 394–398.

	<b>Ежегодный доход</b>	<b>Количество владельцев</b>
1	до 999 акче	14
2	1000 и более акче	22
3	1500 акче	14
4	2000 акче	40
5	2500 акче	22
6	3000 акче	93
7	3500 акче	96
8	5000 акче	260
9	10 000 акче	206
10	20 000 акче	90
11	100 000 акче	16

Анализ этих данных свидетельствует, что в Ахалцыхском (Чилдырском) пашалыке преобладало крупное землевладение, так как свыше 60 % владельцев имели доход свыше 5000 акче. Самыми крупными и влиятельными были санджакбеи.

Годовой доход хассов, зеаметов и тимаров, по данным «Джаба дефтера»\*:

	<b>Лива (Санеджаки)</b>		<b>Хассы</b>		<b>Зеаметы</b>		<b>Тимари</b>	<b>Общий доход</b>
	1	2	3	4	5	6	7	8
1	Ахалцыхе	1	900 110	13	428 269	66	458 906	1 787 285
2	Ахалкалаки	1	20 000(0)	8	206 989	83	635 980	1 042 879
3	Артануджи	1	416 825	4	124 249	64	300 993	842 067
4	Аспиндза	-	-	4	79 514	14	90 565	170 079
5	Чилдыр	-	-	5	123 499	50	471 588	595 087
6	Поцхови	1	20 650(0)	5	87 798	40	287 303	581 601
7	Хертвиси	1	252 500	10	259 201	58	486 694	998 395
8	Олтиси	1	196 000	4	92 000	68	375 396	663 391
9	Диди (большой) Артаани	1	24 000(0)	10	253 120	95	652 319	1 144 446
10	Малый Ар- таани	-	-	-	-	41	200 794	200 794
11	Панаки	1	-	13	366 264	51	333 441	699 705
12	Мамирвани	1	277000	14	112 000	66	317 499	706 499

\* Подсчеты сделаны нами. — М.С.

13	Чачраки	1	320 000	3	82 600	27	165 918	568 178
14	Земо Артаани	1	527 550	4	85 000	11	116 368	728 958
15	Квемо Артаани	1	208 959	2	56 500	11	52 460	317 919
16	Алтун-кала	1	200 300	3	67 235	3	37 000	305 135
17	Оцхе	1	216 300	1	21 500	4	39 500	277 300
18	Пертекрек	1	519 390	1	20 000	7	60 967	600 757
19	Шавшети	1	565 873	-	-	2	9743	575 618
20	Ливана	-	-	-	-	1	3000	3000
21	Нисфи Ливана	1	202 240	-	-	-	-	202 240
		16	5 450 189	94	2 464 405	762	5 095 739	13 010 333

В целом, по данным «Джаба дефтера», среднегодовой доход Ахалцыхского пашалыка составлял 13 010 333 акче, из них доходы хассов — 5 450 189 акче, 42,7%, зеаметов — 2 464 405 акче, 18,6%, тимаров — 5 095 739 акче, 38,5%. Доходы хассов и зеаметов составляли свыше 60% всего дохода пашалыка. Этот факт является несомненным доказательством, что в пашалыке было большое количество крупных землевладельцев, из них самым влиятельным и богатым был Ахалцыхский паша, среднегодовой доход которого приближался к миллиону акче (9 900 110), а наименьший доход, зафиксированный дефтере, составлял 375 акче<sup>10</sup>.

Чем объяснить существование крупного землевладения в Ахалцыхском пашалыке?

До завоевания Самцхе-Саатабаго османами во главе княжества стоял «патрон-атабаг» (из дома Джакели). От атабага зависели представители знати — «дидебули» (князья) и «азнаури» (дворяне) различных категорий. Высшую социальную прослойку Саатабаго составляли «дидебули». Они имели обширные земельные владения, крепости, монастыри и крепостных крестьян и несли почетную службу у атабага. Большинство господствующего класса составляли «азнаури». В Саатабаго насчитывалось свыше двадцати знатных фамилий, имевших обширные владения, собственные усыпальницы, монастыри и придворные церкви. Крепостное крестьянство служило основой этой иерархии<sup>11</sup>.

После завоевания османами Самцхе-Саатабаго часть грузинской знати приняла ислам и стала служить султану, тем самым сохранив некоторые свои владения и привилегии.

<sup>10</sup> Для сравнения следует отметить, что по данным «Рисале» Айни Али, в начале XVII века годовой доход хасса Ахалцыхского бейлербея составлял 925 000 акче, хассы же санджакбея — 456 444 акче, а доходы зеаметов и тимаров — 9 686 000 акче. Весь годовой доход Ахалцыхского пашалыка составлял 14 249 444 акче. В пашалыке было 97 зеаметов и 559 тимаров. Доходы Ахалцыхского пашалыка по сравнению с данными «Джаба дефтера» сократились на 12 336 111 акче, что свидетельствует об экономическом упадке этого региона в период османского господства. Bellen M. Du regime des fiefs militaires dans l'islamisme et principalement en Turquie, Journal Asiatique, 1870, с. 230; Ayni Ali. Osmanlı Devleti Arazi Kanunnameleri, çeviren Tuncer. Ankara, 1962, с. 13, 23, 24.

<sup>11</sup> Судебник Бека и Агбуга. Тбилиси, 1960.

Известный грузинский историк Д. З. Бакрадзе писал: «В пределах Саатабаго, после завоевания его турками, не могла быть вдруг произведена ломка, и грузинская ленная система, несколько видоизмененная в духе турецкой системы, держалась долго... Право поземельной собственности их, под влиянием все более и более бравшего в их жизни верх ислама, правда, исчезло вместе с грузинским крепостным правом, но владение и распоряжение дворянскими поместьями не выходило из рук грузинских феодалов»<sup>12</sup>.

Привлекает внимание имеющаяся в «Джаба дефтере» приписка «Али из Шавшета азнаур»<sup>13</sup>. Это весьма примечательный факт. В официальном османском документе, дефтере, указан термин, обозначающий грузинского феодала-азнаура. Этот факт подтверждает и другой турецкий источник. В частности, Эвлия Челеби, побывавший в Ахалцыхском пашалыке в 40-х годах XVII века, писал, что «население Шавшета состоит из грузинских азнауров»<sup>14</sup>.

Об этом же сообщает грузинский путешественник Г. Казбеги, который в 1873 году посетил Турецкую Грузию, в частности, Шавшети. Он пишет: «Там были азнаури, остатки старинных дворян, привилегия которых состояла в том, что они могли владеть крестьянами и обязаны были бекам только службой на войне»<sup>15</sup>.

Таким образом, «Джаба дефтере» является ценным источником для изучения тимарного землевладения в Ахалцыхском пашалыке.

Приводимые выше статистические данные из официального османского дефтера 1694–1732 гг. свидетельствуют об особом статусе Ахалцыхского пашалыка в Османской империи и позволяют лучше представить специфику тимарного землевладения на ее восточных окраинах.

<sup>12</sup> Бакрадзе Д. З. Исторический очерк турецкой системы землевладения. Приложение к протоколам Кавказского юридического общества, № 9. Тбилиси, 1889, с. 20.

<sup>13</sup> Джаба дефтер Чилдырского зялета, с. 164.

<sup>14</sup> Evliya Çelebi. Seyahat-nameşi. İstanbul, с. 329.

<sup>15</sup> Казбеги Г. Три месяца в Турецкой Грузии. Сборник Кавказского Отделения Русского Географического Общества. Кн. X, вып. I. Тбилиси, 1876, с. 71.

И. В. Торопицын (Астрахань)

## Антиперсидская борьба в Грузии как фактор сближения интересов России и Турции в 40-х гг. XVIII в.

Закавказье занимало важное место во внешней политике России и Турции в первой половине XVIII в. Пользуясь ослаблением сефевидской державы, Османская империя захватила в 1720-х гг. ряд персидских территорий в Закавказье, а Россия присоединила к себе прикаспийские провинции Персии.

Так же как и Россия в Прикаспии, Турция пыталась в 1720-х гг. закрепить свое влияние в Грузии. В сентябре 1729 г. царь Картли Вахтанг VI сообщил, что турки требуют, чтобы грузины были «с ними в согласии и покорстве», предоставили им «места в Хеви и ниже, близ Кабарды и Чечен крепости поставить и с российскими крепостями противны бы были»<sup>1</sup>.

По мере усиления Персии Россия была вынуждена постепенно вернуть ей захваченные в ходе Персидского похода территории вдоль южного и западного побережья Каспийского моря. Турции удавалось удерживать Восточный Кавказ до середины 30-х гг. XVIII в. В надежде выиграть время Турция предложила Персии в 1734 г. заключить мир. Однако это не устраивало Россию, которая предприняла меры к тому, чтобы не допустить ослабления напряженности в персидско-турецких отношениях. В секретном рескрипте, направленном 21 февраля 1734 г. из Санкт-Петербурга к князю С. Д. Голицыну в Персию, поручалось убедить персидского полководца Тахмас-Кули хана в том, что турецкие предложения мира есть не что иное, как попытка со стороны Константинополя выиграть время для перегруппировки войск, «а в самом деле у них к примирению с Персией, а паче ко уступлению завлажденных ими персидских городов и земель намерения отнюдь не имеется» и склонить его к тому, чтобы «он свои действия активизировал в направлении Месопотамии»<sup>2</sup>.

В отношении Закавказья у России были свои планы. Она рассчитывала при содействии христианских народов изгнать турок с Восточного Кавказа. С этой целью решено было направить на Кавказ для подготовки антитурецкого выступления грузинского царя Вахтанга VI. Однако этим планам не суждено было сбыться. Тахмас-Кули хан перенес центр своей активности в Закавказье и в 1735 г. турецкие войска вынуждены

<sup>1</sup> Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968, с. 110–111.

<sup>2</sup> АВПРИ. Ф. 77. Оп. 7. 1734 г. Д. 46. Л. 1 об.; 2 об.

были окончательно оставить Восточную Грузию, Северный Азербайджан и Северную Армению. Однако это не принесло облегчения местному населению, так как персидские власти установили на этих территориях новый политический режим («кызылбашоба»)<sup>3</sup>. Поэтому несмотря на то что часть грузинских князей (тавадов), а также царь Кахети Теймураз II выступили на стороне Персии в борьбе с турецкими оккупантами, вскоре им пришлось обратить оружие уже против персов. Как отмечает Г. Г. Пайчадзе, в середине 30-х гг. XVIII в. вся Картли и Кахети были объяты пламенем всенародной борьбы с Персией<sup>4</sup>.

В 1736 г. между Персией и Турцией был заключен мирный договор, по которому турецкий султан признал права персидского шаха на Восточный Кавказ. В том же году началась русско-турецкая война, которая отвлекла на время внимание Константинополя от Закавказья, однако не выключило его полностью из сферы внешней политики Османской империи. Доказательством тому может служить сообщение ксанского эристави Шанше, поступившее в 1740 г. в Санкт-Петербург в адрес канцлера А. И. Остермана. Он писал о появлении в Грузии в 1739 г. самозванца на персидский престол под именем Аслан-мирзы, выдававшего себя за сына шаха Султан-Хусейна, который намеревался обратиться за помощью к Турции<sup>5</sup>. В 1741 г. уже сам Шанше вместе с братом Иесе вынуждены были искать убежище у ахалцыхского паши, подданного турецкого султана. Они бежали из Грузии после того, как потерпели поражение в междоусобной борьбе с князем Гиви Амилахвари (Амилахори), поддерживаемого Персией<sup>6</sup>.

Победоносные походы персидских войск в Индию и Среднюю Азию в 1739–1740 гг. серьезно укрепили международный авторитет Персии. Поэтому, когда Надир-шах потребовал от Турции выдать обоих братьев, в Константинополе решили не обострять отношений с персидским шахом, который во главе 100-тысячной армии находился на Кавказе. 25 декабря 1741 г. резидент А. А. Вешняков сообщил из Константинополя, что Турция ничего не предпримет против России, «особливо пока страх будет иметь со стороны Персии»<sup>7</sup>. На стремление турецкого двора быстрее уладить в 1741 г. дела с Россией ввиду опасений, «возбуждаемыми в Турции персидскими делами», указывает и переписка английских дипломатов<sup>8</sup>.

С наименьшим вниманием следили за действиями персидских войск и в России. Находившегося на российской службе грузинского царевича Бакара (сына царя Вахтанга VI) регулярно информировали о положении дел в Грузии его сторонники, не терявшие надежду на его возвращение на престол Картли. Поступавшие через Кизляр в его адрес письма после

<sup>3</sup> Пайчадзе Г. Г. Русско-грузинские отношения в первой половине XVIII века. Тбилиси, 1970, с. 182; Боцвадзе Т. Д. Северный Кавказ во внешней политике Грузии в XVI–XVIII веков. Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук. Тбилиси, 1973, с. 53.

<sup>4</sup> Пайчадзе Г. Г. Указ. соч., с. 189.

<sup>5</sup> Арунова М. Р., Ашрафян К. З. Государство Надир-шаха Афшара. Очерки общественных отношений в Иране 30–40-х годов XVIII века. М., 1958, с. 150.

<sup>6</sup> Пайчадзе Г. Г. Указ. соч., с. 204–205.

<sup>7</sup> Архив князя Воронцова. Т. I. М., 1870, с. 148.

<sup>8</sup> СИРИО. Т. 91, с. 65.



перевода направлялись в Коллегию иностранных дел, однако самих гонцов из Грузии, во избежание осложнения отношений с Персией, запрещалось пропускать в Россию<sup>9</sup>.

Между тем Дагестанская кампания (1741–1743 гг.) складывалась крайне неудачно для персидской армии. Войска Надир-шаха терпели одно поражение за другим. В этой обстановке в Константинополе решили, что настало время для реванша и стали интенсивно готовиться к предстоящей войне с Персией. Уже в 1742 г. русский резидент А. Вешняков доносил из Константинополя, что война у турок с Персией «дело решенное»<sup>10</sup>.

Подготовка к войне с Персией потребовала концентрации всех турецких сил. В сентябре 1742 г. турецкий султан в резких выражениях запретил верховному визирю поднимать тему оказания какой-либо помощи Швеции, воюющей против России. В ответ на настойчивые домогательства этой помощи в письме французскому кардиналу Флэри Турция официально заявила, что она «не имеет никакой обязанности» помогать Швеции. «Кроме того, — подчеркивалось в письме, — находясь накануне войны с Персией, неблагоприятно было бы возбуждать против себя Россию, такую сильную державу, которая четвертою долею своих сил не только защитилась от Швеции, но и совершенно ее низложила, остальные же силы свои она употребила бы против Порты, вступив в союз с шахом»<sup>11</sup>.

Османская империя планировала вести военные действия с Персией одновременно на двух фронтах: Кавказском и Азиатском. Особую ставку она делала на организацию антиправительственных выступлений в самой Персии. Для этого в Турции решили разыграть династическую карту путем выдвижения якобы законного претендента на шахский престол. Подобный сценарий развития событий был достаточно реалистичен. Представитель английской торговой компании Дж. Ганвей отмечал: «Турецкое министерство понимало, что власть Надир-шаха стала уже ненавистной народу и, что весьма возможно, любой претендент, выставленный им, под предлогом царского происхождения, из семьи Сефи, мог бы создать благоприятное для турок положение»<sup>12</sup>. С другой стороны, самозванец был необходим Турции, чтобы воодушевить не только противников Надир-шаха, но и своих подданных. Констатируя крайне бедственное финансовое положение Турции, А. Вешняков сообщал в августе 1743 г., что султан решил сделать ставку на самозванца на персидский трон, чтобы тем «подать лучший способ к собранию войска и охоту за ним следовать, расславляя, что там есть много шаху недоброхотствующих»<sup>13</sup>.

Кроме того, Порта постаралась привлечь на свою сторону недозвольных правлением Надир-шаха единоверных владельцев Дагестана.

<sup>9</sup> ГААО. Ф. 394. Оп. 1 доп. Д. 16. Л. 92–92 об.

<sup>10</sup> Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII столетии. Одесса, 1889, с. 71–72.

<sup>11</sup> Соловьев С. М. Сочинения. История России с древнейших времен. Кн. XI. Т. 21. М., 1991, с. 190.

<sup>12</sup> Абдурахманов А. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в первой половине XVIII в. Баку, 1964, с. 93.

<sup>13</sup> РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. Кн. 71. Л. 12.

В 1743 г. к ним был послан ферман, в котором сообщалось о том, что Сефи Мирза (мнимый сын шаха Султан-Хусейна) пользуется покровительством Турции и они должны оказывать ему содействие. При этом дагестанским владельцам обещалось, что и их интересы не будут забыты<sup>14</sup>.

Отдельная роль в антиперсидской кампании отводилась Константинополем грузинским князьям, боровшимся в Картли против персидского владычества. Турецкими властями в лице Юсупа-паши была установлена связь с Гиви Амилахвари. Его информировали о планах и действиях Порты в отношении Персии, добиваясь, видимо, скоординированных действий со стороны грузинских и дагестанских сил. Так, в июне 1743 г. Гиви Амилахвари сообщили, что в Дагестан прибыл из Турции эмиссар с заданием уговорить дагестанцев совершить набег на владения Персии в Закавказье. Его участникам было обещано щедрое вознаграждение. Агитация имела успех — тавлинцы напали на Гянджинскую провинцию<sup>15</sup>. В другом письме Юсуп-паша поздравил Гиви Амилахвари с победой грузин над персами и пожелал новых военных успехов, а заодно сообщил ему подробности о прибытии в Константинополь (Царьград) Сефи Мирзы, претендента на персидский престол, и о том приеме, который был оказан ему турецким султаном<sup>16</sup>.

Что касается России, то ее отношения с Персией во время неудачной для Надир-шаха кампании против народов Дагестана стали ухудшаться. В марте 1742 г. в Астраханскую губернскую канцелярию поступило сообщение о том, что персидская армия может вторгнуться в Россию<sup>17</sup>, поэтому в течение лета и осени 1742 г. российский воинский контингент на кавказской границе был усилен. Помимо прочего в Санкт-Петербурге рассчитывали, что предпринимаемые Россией шаги окажут должное воздействие на народы Дагестана, которые «в лучшее ободрение противу шаха обратиться могут, ибо от оных шаху противность высочайшему Ея императорскому величеству интересу полезно...»<sup>18</sup>. 27 декабря 1742 г. в Астрахани состоялся военный совет. В нем участвовали руководители губернии и Персидской экспедиции, созданной правительством для противодействия Персии на Кавказе. По предложению губернатора В. Н. Татищева было решено усилить оборону российско-персидской границы<sup>19</sup>.

В январе 1743 г. губернатор В. Н. Татищев и грузинский царевич Бакар обсудили между собой в дополнение к принятым на военном совете мерам новые шаги, которые могли способствовать отвлечению

<sup>14</sup> Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Т. II. Дополнение к I-му тому. Тифлис, 1869, с. 1081–1082.

<sup>15</sup> АВПРИ. Ф. 77. Оп. 1. 1743 г. Д. 12. Л. 337.

<sup>16</sup> Там же. Л. 356 об.

<sup>17</sup> ГААО. Ф. 394. Оп. 1. доп. Д. 16. Л. 46.

<sup>18</sup> Торопицын И. В. В. Н. Татищев и деятельность Персидской экспедиции на Кавказе. Подготовка к отражению вторжения Надир-шаха на Россию // Архив русской истории. Вып. 8. М., 2007, с. 258–259.

<sup>19</sup> Там же, с. 270–271.

Надир-шаха от российских границ<sup>20</sup>. В частности, царевич Бакар предложил в случае наступления персидских войск на Россию «поднять» против них грузин, кахетинцев и тавлинцев, «чтоб они немедленное в персидские места к раззорению персидских жилищ впадение чинили и старались никакого правянта в шахово войско не пропускать, чтоб тем его шаха, что внутри Персии неприятельское вчятие будет в конфузию, войско же ево в крайнее изнеможение привести»<sup>21</sup>. С этой целью царевич Бакар предложил заблаговременно установить связь со своими сторонниками в Грузии Бежапом Эристовым и Гиви Амилахвари<sup>22</sup>. Он напомнил губернатору, что в июне 1742 г. к нему с письмами из Грузии был прислан от них дворянин Зураб Тевкелев, которого далее Кизляра не пропустили. Однако и обратно в Грузию он не уехал, так как опасался быть захваченным при возвращении персами, и с тех пор тайно проживал в Брагунской деревне. Царевич Бакар и В.Н. Татищев решили поручить ему эту миссию. Кизлярскому коменданту было приказано, «ежели он в Брагунской деревне имеется», секретно, «чтоб никто об нем не знал», привести З. Тевкелева в Астрахань<sup>23</sup>. Кроме того, по сведениям Н. А. Попова, царевич Бакар предложил В. Н. Татищеву «возмутить племянника Надирова, Али-кули-хана, за которого насильно была взята дочь кахетинского владельца Теймураза Николаева, родного зятя Бакара». Губернатор, оценив данную идею, рекомендовал ему быть предельно осторожным, чтобы «не озлобить шаха против России»<sup>24</sup>.

Таким образом, астраханский губернатор и грузинский царевич, учитывая обстановку в Закавказье, намеревались пойти дальше предписаний правительства, которые ограничивались исключительно мерами оборонительного характера. Однако до этого, видимо, дело не дошло, так как в феврале 1743 г. Надир-шах начал отвод своих войск из Дагестана в Персию. Так как опасность вторжения персидских войск миновала, руководство Персидской экспедиции и царевич Бакар получили разреше-

<sup>20</sup> В историографии укрепились мнение, что грузинский царевич Бакар Вахтангович был направлен на Кавказ для укрепления связей с кабардинскими и другими горскими владельцами (См.: Смирнов Н. А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI–XVIII вв. Нальчик, 1948, с. 59; он же. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958, с. 79; История Кабарды с древнейших времен до наших дней. М., 1957, с. 60; Мальбахов Б. К., Дзамихов К. Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI — конец XVIII в.). Нальчик, 1996, с. 214). На самом деле Бакар, как генерал-поручик от артиллерии, был прислан инспектировать состояние оборонительных рубежей России в Астраханской губернии и на Кавказе. В инструкции, данной ему Военной коллегией 11 декабря 1742 г., ни слова не говорится о том, что ему поручается выполнение каких-либо дипломатических функций. Вопросы внешних сношений с народами Кавказа находились в ведении астраханского губернатора. Царевичу Бакару было приказано не ездить в Кизляр, а находиться в Астрахани «до указа» и иметь с астраханским губернатором В. Н. Татищевым «доброе согласие» (АВПРИ. Ф. 77. Оп. 7. 1742 г. Д. 78. Л. 2–3).

<sup>21</sup> АВПРИ. Ф. 77. Оп. 1. 1743 г. Д. 12. Л. 54.

<sup>22</sup> Как отмечает П. Г. Бутков, Гиви Амилахвари (Амилахоров) был предан потомству царя Вахтанга VI, находившемуся в России, где его считали «наместником царевича Бакара, законного наследника Картли, коего пользы Амилахоров наблюдал, и весьма не допуская кахетинского царя Теймураза к овладению Картлией в 1744 г.» (Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 1. СПб., 1869, с. 229).

<sup>23</sup> АВПРИ. Ф. 77. Оп. 1. 1743 г. Д. 12. Л. 53.

<sup>24</sup> Попов Н. Эпизод из истории русской администрации. Управление Татищева Астраханской губернией в 1741–1745 годах // Московские ведомости. 1861. № 73, с. 577.

ние возвратиться в Санкт-Петербург, но российские пограничные власти не прекратили поддерживать связь с грузинскими князьями, возглавлявшими сопротивление персам. Письма от них с информацией о персидско-турецких делах и положении в Грузии поступали в Кизляр. Астраханский губернатор В. Н. Татищев, получая эти донесения, анализировал ситуацию в Закавказье и докладывал об обстановке в Коллегию иностранных дел.

Дальнейшие события свидетельствуют об упорном сопротивлении грузин персидским войскам в Картли. Грузинский князь Серидан Эриванский сообщал кизлярскому коменданту, что в мае 1743 г. «персидские воинские люди многократно приходили и ничего нам никакого убытка не сделали, токмо был очень воинским их людям урон от милости всевышнего бога»<sup>25</sup>. 22 июня 1743 г. в Грузию вступил карательный отряд, состоящий из афганцев, под командованием Аджи-хана, но «через божескую милость войско их грузинцами в конфузию приведено было, — писал Гиви Амилахвари своим приятелям в Кизляре, — и много лошадей и богатства от них достали»<sup>26</sup>. Впрочем, локальных успехов в подавлении очагов сопротивления в Грузии добивался и Надир-шах. После майского поражения он приказал найти людей, которые выполнили бы заказное убийство, обещая щедрое вознаграждение. Осуществить задуманное вызвались пять или шесть грузин. Им удалось обмануть охрану князя Бежапа Эриванского, который был ими застрелен вместе с братом Атеем<sup>27</sup>. Однако в целом борьба грузин под руководством Гиви Амилахвари против персидских войск была достаточно успешной, что не могло не радовать и Турцию, и Россию.

«В условиях турецко-иранской войны 1743–1746 гг. связь Гиви с турками, естественно, была опасна для Надира», — пишет Г. Г. Пайчадзе<sup>28</sup>. Сопротивление картлийских тавадов вынудило персидского шаха пойти на пересмотр своей политики в Грузии. Сделав ставку на поддержку царя Кахети Теймураза II и пойдя на некоторые уступки грузинским феодалам в Картли, Надир-шах противопоставил кахетинского царя Теймураза II картлийскому князю Гиви Амилахвари. Между ними развернулась острая междоусобная борьба, в которой приняли участие Турция и Персия. По сведениям П. Г. Буткова, Турция в этой борьбе была на стороне Гиви Амилахвари, а Теймураза II поддерживала Персия. В 1744 г. турки занимают Руи, а персы город Гори. Поддерживаемые персами войска Теймураза II осаждают крепость Сурам, которую удерживает для турок Гиви Амилахвари<sup>29</sup>. Однако Турции не удалось воспользоваться помощью своего грузинского сторонника. Все попытки ахалцихского паши вторгнуться в Восточную Грузию были отбиты отрядами Теймураза II и Ираклия II<sup>30</sup>. В августе 1745 г. между Ереваном и Карсом персидски-

<sup>25</sup> АВПРИ. Ф. 77. Оп. 1. 1743 г. Д. 12. Л. 274.

<sup>26</sup> Там же. Л. 338.

<sup>27</sup> Там же. Л. 274.

<sup>28</sup> Пайчадзе Г. Г. Указ. соч., с. 207.

<sup>29</sup> Бутков П. Г. Указ. соч., с. 228–229.

<sup>30</sup> Надир-шах сделал в 1744 г. Теймураза II царем Картли, а Ираклию II по решению персидского шаха досталась корона царя Кахети.

ми войсками были разбиты главные силы турецкой армии, что вынудило Константинополь пойти в 1746 г. на заключение мира с Персией на условиях договора, заключенного в Зохабе в 1639 г.<sup>31</sup>

Характеризуя деятельность Гиви Амилахвари в 40-х гг. XVIII в., П. Г. Пайчадзе негативно оценивает его связь с Турцией, к которой тот обратился за помощью. По его мнению, «из-за своих узкоклассовых интересов тавади Гиви Амилахвари, являвшийся в прошлом активнейшим борцом против турецких завоевателей, а затем и иранских поработителей, по существу, постепенно стал превращаться в агента Турции»<sup>32</sup>. Однако историки Б. К. Мальбахов и К. Ф. Дзамихов считают, что Гиви Амилахвари придерживался в своих действиях российской ориентации<sup>33</sup>. Вполне возможно, что решение опереться на помощь Турции Гиви Амилахвари принял после того, как узнал, что царевич Бакар, интересы которого он «наблюдал» в Грузии, вернулся из Астрахани в столицу России.

Для прояснения этого вопроса полезно обратиться к работе П. Г. Буткова, который отмечал, что Гиви Амилахвари согласился на примирение с Теймуразом II по просьбе его супруги царицы Тамары, которая была сестрой царевича Бакара. Она гарантировала ему, что ее муж не будет вмешиваться в дела Картли, что она будет управлять этим грузинским царством до прибытия в страну законного наследника Бакара Вахтанговича<sup>34</sup>. Данное предложение носило компромиссный характер. Для Гиви Амилахвари оно означало, что он прекращает вооруженную борьбу с Теймуразом II, но не отказывается от поддержки царевича Бакара. Очевидно, что пойти на него Гиви Амилахвари заставила неблагоприятно складывавшаяся для него обстановка: турки были разбиты, а из России помощь Бакару оказана не была.

Таким образом, антиперсидская борьба в Картли, во главе которой стоял Гиви Амилахвари, оказалась на руку как Турции, так и России. Обе стороны решили сделать ставку на освободительную борьбу грузин, преследуя цель дестабилизации обстановки в персидских владениях, отвлечения сил Надир-шаха на подавление антиправительственных выступлений. При этом Россия в лице пограничных властей предпочитала действовать скрытыми мерами, не давая повода персидским властям к упрекам в ее адрес во враждебных действиях, а Турция, наоборот, активно демонстрировала свою поддержку антиперсидским силам в Грузии.

<sup>31</sup> Иванов М. С. Очерк истории Ирана. М., 1952, с. 104.

<sup>32</sup> Пайчадзе Г. Г. Указ. соч., с. 208.

<sup>33</sup> Мальбахов Б. К., Дзамихов К. Ф. Указ. соч., с. 128–129.

<sup>34</sup> Бутков П. Г. Указ. соч., с. 229.

А. Ш. Кадырбаев (Москва)

## Османь в странах «теплых морей». XVI — начало XX века

События, связанные с историей создания мировой Османской державы на Балканах, в Западной Азии, Северной Африке, Средиземном море, достаточно хорошо известны, в то время как ее связи с далекими народами «теплых морей» от западной до восточной части Индийского океана, и особенно Малайско-Индонезийского архипелага, оказывавшие заметное влияние на роль и место Османской империи в мусульманском мире и в международных отношениях XVI — начала XX вв., только в последнее время привлекли пристальное внимание историков<sup>1</sup>.

Османь — новые владыки Средиземного и Красного морей, оспаривавшие в XVI в. у португальцев Индийский океан, восприняли в области мореплавания плоды творчества не только греков и итальянцев, но и своих мусульманских предшественников — арабов. Без этого им было бы невозможно поддерживать связи с народами по другую сторону океана. На данных арабских рукописей, содержавших лоции и морские карты, построена османская картография Средиземного и Красного морей, Индийского океана в XVI и следующих столетиях и современные ей лоцманские описания этой экватории, конечно, с естественными поправками на основании свежего опыта, что систематически делали кормчие османских кораблей. Венское издание части морской энциклопедии стамбульского адмирала Сейди Али Челеби, составленной в 1554 г., наглядно показывает на 30 приложенных картах, что знали в конце средних веков арабы на Индийском океане и какой вид приобрели эти знания в обработке турецких ученых и мореплавателей османской эпохи<sup>2</sup>.

В 1929 г. в старом дворце османских падишахов Топкапы в Стамбуле при разборе библиотеки византийских императоров учеными была обнаружена карта Земли, составленная османским адмиралом Пири Рейсом в 1513 г., где он с удивительной точностью изобразил рельеф тихоокеанского побережья Южной Америки, реку Амазонку с островом Маражо в ее устье, западное побережье Африки, указал горный хребет Анд и даже нанес на карту Антарктиду за 300 лет до ее открытия. Но Пири Рейс был не только ученым, но и воином. В 1552 г. во главе эскадры из 30 кораблей с 16 тысячами человек на борту Пири Рейс вышел из Суэца,

<sup>1</sup> Мейер М. С. Османское присутствие в южных морях в XVI в. // Востоковеды — востоковеды. М., 2003, с. 42–63.

<sup>2</sup> Шумовский Т. А. Арабское мореплавание // Очерки истории арабской культуры V–XV вв. М., 1982, с. 410.

следуя через Красное море и Индийский океан к берегам Омана, разгромил по пути несколько португальских факторий, после 18 дней бомбардировки взял Маскат – главную португальскую крепость на подступах к Ормузу и вошел в Ормузский залив, где понес большие потери и отступил в Басру, блокированный португальским флотом. С тремя кораблями прорвался и вернулся в Суэц. Оттуда же был вызван в Стамбул и казнен за самовольное нападение на Ормуз. Однако османь вели боевые действия и осуществляли мореплавание не только на Красном море, в Персидском заливе и прилегающей к ним акватории северо-западной части Индийского океана.

На востоке османский военный флот подходил к берегам Индии, как это случилось в 1538 г., когда по просьбе мусульманских правителей этой страны османь 20 дней неудачно осаждали Диу, самую сильную португальскую крепость на Индийском океане. Результатом этой экспедиции было завоевание Йемена.

Для того, чтобы оказывать заморским единоверцам необходимую помощь, османь создали мощный флот в Индийском океане, выделив его в отдельную флотилию, которая подчинялась османскому бейлербею – наместнику Египта. На судостроительных верфях в Суэце, захваченных в свое время у мамлюков, строились для флотилии боевые корабли. В связи с морскими сражениями за Индию и мореплаваниями в страны «теплых морей» Малайско-Индонезийского и даже Филиппинского архипелагов, османским правительством в 1568 г. поднимался вопрос о необходимости прорытия Суэцкого канала, хотя этот проект так и не был осуществлен османьми<sup>3</sup>. Таким образом, берега Индии не являлись тем пределом, до которого доходили в эту эпоху корабли османь на востоке.

В XV–XVI вв. османские мореплаватели и купцы основали свои поселения в разных портах Юго-Восточной Азии. Известен порт Малакка, два квартала которого были заселены выходцами из стран Западной Азии, подвластных Османской империи и игравших заметную роль в экономической жизни этого города. Полиэтничный колорит Малакки отразился в ее названии, производном от арабского слова «мулака», означающего «место встречи»<sup>4</sup>. Как гласит легенда, в последние дни перед падением Малаккского султаната и захватом его португальцами в 1511 г. в Османскую империю отправилась малаккская дипломатическая миссия с целью приобретения военных кораблей<sup>5</sup>.

Слухи о прибытии «Великих турков» (как называли османь жители Малайско-Индонезийского архипелага) в Малакку впервые сообщаются историком А. Пагефетта в 1519 г.<sup>6</sup> Согласно его сведениям, португальцы,

<sup>3</sup> История Османского государства, общества и цивилизации. Том 1. М., 2006, с. 315; Хазанов А. М. Борьба между Португалией и Османской империей за Индийский океан (XVI в.) // Новая и новейшая история, 2003, № 6, с. 59–77.

<sup>4</sup> Affan Seljug. Relations between the Ottoman Empire and the Muslim Kingdom in the Malay-Indonesian Archipelago // Der Islam. Berlin–New York, band 57, heft 2, 1980, с. 304; Учок Б. Женщины-правительницы в мусульманском мире. М., 1982.

<sup>5</sup> Сычев В. Ф. Индонезия и мусульманский мир в XX веке. М., 2003, с. 103.

<sup>6</sup> Pegatella A. Magellan's voyages. Yale University press, 1968, с. 119.



к этому времени утратившие этот город, не рекомендовали своим судам заходить в порт Малакка в связи с пребыванием там османских военных кораблей. Португальцы пытались не допускать османских военных поставок в Юго-Восточную Азию и перехватывать корабли османов еще в Красном море<sup>7</sup>. Другой европейский историк Пинто сообщает об османской военной помощи мусульманскому султанату Аче на острове Малайско-Индонезийского архипелага — Суматре в 1539 г., когда между султаном Аче Ала-ад-Дином Аль-Кахаром и подданным османов — бейлербеем Египта от имени падишаха Сулеймана Великолепного был подписан договор о сотрудничестве, соглашение о так называемой «новой лиге».

С 1539 г. известно о прибытии в Аче османских специалистов — артиллеристов, военных инженеров с целью помочь обороняться от нападений португальцев. Тогда же 160 кораблей Аче с десантом воинов на борту подошли к берегам княжества Ару на восточной Суматре — союзнику португальцев. Ачехской пехотой, атаковавшей Ару, командовал посланный османским падишахом абиссинец, позднее погибший в бою. Аль-Кахар предпринимал походы на отказавшегося принять ислам Тимора Раджу, правителя соседнего княжества Батты Сири, в которых участвовали арабы, выходцы из Османской империи. Погибло много воинов Батты Сири, в их числе три сына их правителя. Война приняла жестокий характер. Заручившись поддержкой португальцев, правитель Батты Сири разгромил войско Аль-Кахара, которое имело в своем составе и 600 турецких, 200 абиссинских и малабарских воинов из Индии. Затем подошел к столице Аче и 23 дня осаждал ее, понес большие потери и был вынужден отступить, когда стало известно о возвращении из похода в Сиам флота Аче<sup>8</sup>.

Для обслуживания османских купцов была выделена в Аче специальная таможня в Пареме, а племянник османского бейлербея Египта стал адмиралом военного флота Аче и был направлен с военной экспедицией в Теватери, в Сиам. В Аче проживали несколько тысяч выходцев из Османской империи — турки, арабы, абиссинцы. Они жили в своих отдельных кварталах с мечетями, школами и базарами. Их потомки, смешавшиеся с местным населением, так называемые «хаджи турки», и поныне проживают на Суматре<sup>9</sup>.

Переход под власть Османской империи Йемена и африканского побережья Красного моря привели к возрождению ранее блокированных португальцами старых международных путей из Юго-Восточной Азии, шедших через Индийский океан и территорию Судана в Египет. Сюда приходили мусульманские торговые суда из разных стран побережья Индийского океана, которые с немалым риском для себя в обход португальских кордонов привозили в пределы османских владений большие количества лекарственных препаратов, ароматических веществ и пряностей. Они закупались в Малакке, странах Малайско-Индонезийского и Филиппинского архипелагов.

<sup>7</sup> Affan Seljug. Op. cit., с. 307.

<sup>8</sup> Там же.

<sup>9</sup> Asiroglu V. Cultural ties between Turkey and Islamic countries // Dis Politika. Vol. V, n. 4. Ancara, 1979, с. 57.

Арабские купцы — подданные Османской империи — предлагали здесь более высокие цены и соответственно получали товары в первую очередь и более высокого качества, чем их конкуренты в международной торговле пряностями — португальцы. В середине XVI в. Португалия потерпела поражение в войне за пряности, что сказалось на ее экономическом процветании, а затем и военно-политическом влиянии в бассейне Индийского океана. Несмотря на победы португальцев над османами на море, захват турками азиатского и африканского побережья Красного моря нанес тяжелый удар претензиям португальской короны на монополию ост-индской торговли экзотическими сокровищами Юго-Восточной Азии. Тысячи документов неопровержимо показывают, что «древний путь пряностей» был полностью возрожден в 1550–1570 гг. Вся Западная Европа, кроме Испании, Португалии и атлантических провинций Франции, вновь стала снабжаться перцем из стран Арабского Востока, к тому времени ставших частью Османской империи. Пряности в небывалых размерах стали поставляться через османские порты Красного моря. «Через Красное море, — пишет французский историк Ф. Бродель, — поступало столько перца и пряностей, сколько их ранее никогда не поступало»<sup>10</sup>. Португальские власти были в полном унынии и даже опасались, что перца не хватит для их собственных закупок. В 1554–1564 гг. через свои красноморские порты османь вывозили в Европу по 20–40 тыс. ц пряностей в год. В 1554 г. только венецианцы закупили в Александрии 6 тыс. ц; в 1560–1564 гг. эта цифра выросла до 12 тыс. ц в год. Лишь в 70-х гг. XVI в. португальцам удалось несколько улучшить свое положение и взять реванш в борьбе за «золотые миллионы», как тогда говорили про ост-индские товары. Тем не менее, вплоть до 1625 г. — когда голландцы стали доминировать в Индийском океане, мусульмане, в немалой степени благодаря покровительству Османской империи, сохраняли свою ведущую роль в торговле между Европой и Дальним Востоком, поставляя на Запад большую часть пряностей, наркотических средств и бальзамов. Хотя в конце XVI в. португальский военный флот в Индийском океане усилил свои атаки и османь были вынуждены перейти к обороне<sup>11</sup>.

В 1561 г. португальцы перехватили 50-пушечный корабль Аче с золотом и драгоценностями на сумму 200 тысяч крузедос, которые предназначались османскому султану за военную помощь Аче, и 500 воинами, в том числе османскими подданными — турками, арабами и абиссинцами, возвращавшимися с северной Суматры после боев с португальцами. По информации португальских осведомителей, 27 августа 1564 г. из одного из османских портов был отправлен в Аче корабль с посольством, военным снаряжением, а также золотом и драгоценностями<sup>12</sup>. Известно, что правитель Аче Аль-Кахар, прося османов о помощи в борьбе против португальцев, также посылал посольство к падишаху османов Селиму II. Вместе с посольством в качестве дара в Османскую империю было направлено несколько кораблей, груженных специями. После двух лет пол-

<sup>10</sup> Braudel F. La Mediterranee et le monde mediterraneen au temps de Philippe II. P., 1949, с. 429.

<sup>11</sup> Иванов Н. А. Османское завоевание арабских стран. 1516–1574. М., 2001, с. 153–155.

<sup>12</sup> Affan Seljug. Op. cit., с. 307.

ного опасностей путешествия в 1567 г. посольство достигло Стамбула, но без даров, так как было вынуждено их продать в ходе затянувшегося путешествия, чтобы обеспечить себе пропитание. Во время церемонии приема посольства Аче падишахом Селимом II посол в большом смущении и принося извинения преподнес османскому правителю лишь горсть тропических пряностей. Но Селим II принял их с большой благодарностью, оценив как жест дружбы со стороны правителя заморских единоверцев. Османь откликнулись на просьбу о военной помощи Аче. 19 военных галер-катарг и две барки под началом капудан-паши Курдоглу Хизира вышли к берегам острова Суматры, но по пути следования их догнал новый приказ направиться на подавление восстания в Йемене. Тем не менее, два османских военных корабля из состава этой эскадры с 500 членами экипажа, в составе которого были артиллеристы и военные инженеры, достигли султаната Аче на далекой Суматре. Османский посол Саид аль-Камаль, прибывший с этими кораблями, вскоре был назначен командующим войсками султаната Аче.

И поныне в память об этом визите в ачехском порту Далам стоит один из этих османских кораблей. Султан Селим II отказался от получения от правителя Аче вознаграждения за эту военную помощь, предложив ему потратить эти средства на празднование Маулуда — Дня рождения Пророка Мухаммеда. В Аче были привезены в дар несколько больших пушек, из которых прибывшие османские артиллеристы обучили местных воинов стрелять. В 1567 г. Аль-Кахар направил военные корабли против португальцев, базировавшихся на Малаккском полуострове. Из 15 тысяч ачехских воинов, отправившихся в этот поход, 400 были турками. Кроме военной помощи повелитель османов прислал султану Аче Ала-ад-Дину в подарок меч, украшенный драгоценностями. В благодарность за это во время хутбы — еженедельной пятничной молитвы — во всех мечетях Аче читалось специальное обращение к падишаху османов, которого величали не иначе, как «повелителем всех мусульман Аче», что свидетельствует о признании правителем Аче Ала-ал-Дином Аль-Кахаром османского покровительства<sup>13</sup>.

Вместе с военными специалистами в Аче прибыли из Османской империи мусульманские богословы, один из которых проповедник, под местным именем — Тенку Баити, прославился, как известно, своей ученостью и набожностью<sup>14</sup>. Продолжались контакты двух мусульманских государств и при преемниках Ала-ал-Дина и Селима II. При правлениях султана Аче Мансур-шаха (1577–1588) и падишаха османов Абдул-Хамида I турки передали Аче немало пушек различного калибра, ружей, направляли военных моряков, артиллеристов и военных инженеров, специалистов по строительству крепостей, о чем сообщает своему королю в 1585 г. португальский консул в Индии, в Гоа, некий Джордж Лемас. Он также сообщает, что султан Аче направил османам значительную сумму денег, в два раза превосходящую стоимость военных кораблей, которые

<sup>13</sup> Affan Seljug. Op. cit., с. 306.

<sup>14</sup> Сычев В. Ф. Указ. соч., с. 98.

османы собирались направить в Аче<sup>15</sup>. И позднее, при султанах Аче Ала-ал-Дине Раят-шахе (1588–1604) и Искандаре Муда (младшем) (1607–1636) связи продолжали развиваться. Ала-ал-Дин Раят-шах удостоился высшей османской награды — «Звезды чести», а к Искандару прибыли османские военные специалисты. Султан османов разрешил ачехским судам плавать под османским флагом<sup>16</sup>. В свою очередь, султан Искандар отправил в Стамбул большое посольство на трех кораблях с богатыми подарками, которое прибыло ко двору османского падишаха через два года, обогнув Африку с юга у Мыса Доброй Надежды. После роскошного приема в Стамбуле, посольство Аче вернулось на родину с многочисленным военным снаряжением, включая тяжелую османскую артиллерию. В 1612 г. османское посольство посетило Аче, где ему был оказан грандиозный прием, на котором османский султан объявил, что во всем мире есть «только два великих правителя»: на Западе — султан Османской империи, а на Востоке — султан Аче<sup>17</sup>.

Аче стал оплотом ислама на Архипелаге и расцвет его мощи пришелся на первую половину XVII в., когда его султаны Искандар Муда и Искандар Тани (1636–1644) распространили свою власть на большую часть Суматры, на западное побережье Малаккского полуострова и острова в Малаккском проливе. Аче превратился в государство с процветающей международной торговлей. Ачехские корабли плавали в Индию и к берегам Красного моря, где находились владения османов. В Аче встречались купцы из Индии, Китая, Персии, Эфиопии, Бирмы и подвластных Османской империи стран — Аравии, Египта, Сирии, Судана, Малой Азии, Месопотамии, Греции.

В XV — начале XVI вв. ислам утвердился в портовых городах северной Явы. А в 1527 г. коалиция этих исламизированных княжеств покончила с существованием индусско-буддийского государства Маджапахит, включавшим в свой состав восточную Яву, острова Мадуру, Бали, восточное побережье Суматры, юг Малаккского полуострова, побережье островов Ломбок и Сумбава, некоторые из островов Банда и Молуккского архипелага. После долгих междоусобиц на Яве выделились два исламских султаната — Бантен на западе, сложившийся в 20-х гг. XVI в., и Матарам — в центре острова. Правитель Матарам султан Агунг (1613–1645) объединил под своей властью центральную в восточную части Явы. Его вассалами стали княжества Палембанг, Джамби на Суматре и западе Явы, Сукадана и Банджармасин на Калимантане. Правление Агунга было временем успешной исламизации Явы, когда ислам был институцирован в социальную и политическую структуру яванского общества. Ислам распространяется в глубь острова Явы и становится основной религией Матарам, занимавшего в XVII–XVIII вв. господствующее положение на Яве — самом населенном острове Малайско-Индонезийского архипелага. По свидетельству яванского литературного памятника «Бабад Танах Джави»

<sup>15</sup> Affan Seljug. Op. cit., с. 308.

<sup>16</sup> Мейер М. С. Османское присутствие в южных морях..., с. 42–63.

<sup>17</sup> Сычев В. Ф. Указ. соч., с. 101–103.

(«Сказания о земле яванской»), исламизация Явы была окрашена в цвета яванской культуры. При этом султан Агунг характеризуется не только как мусульманский правитель, преуспевший в государственном и общественном устройстве яванского общества, но и как потомок известных правителей индусско-буддийского Маджапахита, к этому времени уже столетие назад «канувшего в Лету» под натиском мусульман. Это свидетельствует о мирной, гармоничной атмосфере цивилизационного взаимодействия новой мировой религии — ислама, главной цитаделью которого тогда была Османская империя, и древней богатой культуры Явы, основанной на индусско-буддийских традициях. Распространение ислама способствовало развитию государственности на востоке Малайско-Индонезийского архипелага. Возникли султанаты Тернате и Тидоре на Молуккских островах, контролировавшие торговлю пряностями. В XVI — начале XVII вв. ислам приняли княжества Юго-Западного Сулавеси.

Характерная особенность исламизации Малаккского полуострова и Малайско-Индонезийского архипелага, проходившая не без содействия самой могущественной империи тогдашнего мусульманского мира — Османской, состояла в том, что ислам не был здесь религией завоевателей. Исламизация Архипелага происходила постепенно, на протяжении веков, и только в османскую эпоху приняла необратимый характер. Велика в этом роль миссионеров, выходцев из Западной Азии — подданных Османской империи — арабов, турков, курдов, которые на протяжении веков поддерживали отношения с Архипелагом, оседая в его прибрежных городах и селениях, рождались с местными жителями. Переход в ислам означал для жителей «теплых морей», связанных с мореплаванием и торговлей, приобщение к влиятельному братству мусульманских купцов, за которыми стояли могущественные мусульманские государи того времени — падишахи Османской империи и Персидской державы, империи Великих Моголов в Индии. С политической точки зрения принятие ислама для правителей прибрежных княжеств в ситуации упадка Маджапахита стало символом независимости. В атмосфере общего кризиса старой идеологии Юго-Восточной Азии, основанной на индуистских религиозно-философских системах, ислам, с его идеями человеческого равенства, придававший огромное значение духовной стороне жизни, проповедовавший отрицание роскоши, умеренность и простоту, стал привлекательным для широких слоев населения. И наконец, фактор внешней угрозы со стороны европейских колонизаторов-христиан, прежде всего португальцев, вторгавшихся на Архипелаг с начала XVI в., способствовал распространению ислама среди правителей и населения целых районов Индонезии и Малайи, поскольку стал формой протеста и способом организации сопротивления. Целью вторжений португальцев было не только овладение монополией на торговлю пряностями и подчинение местных правителей. Их экспансия была прямо связана с распространением католицизма, т.е. шла борьба за «души» народов Индонезии и Малайи, когда португальцам удалось обратить в христианство население южного Амбона, Флореса и Восточного Тимора. В 1522 г. португальцы основали на Молуккских островах, на острове Тернате и на

Амбоне свои форты. В противовес религии захватчиков-португальцев многие жители Молуккских и Малых Зондских островов переходили в ислам. При этом новообращенные мусульмане могли надеяться на помощь своих единоверцев, где бы они ни находились. И эти надежды не были напрасными, а связи между османами и мусульманскими княжествами Индонезии и Малайи — наглядное подтверждение сказанному<sup>18</sup>.

К середине XVII в. пальма первенства в борьбе за преобладание на Малайско-Индонезийском архипелаге и Индийском океане переходит от португальцев к голландцам. После захвата в 1641 г. Малакки голландцы проникают в вассальные от Аче прибрежные княжества. Влияние Аче в регионе ослабевает. К тому же союзник Аче — Османская империя, которая прошла к этому времени пик своего могущества, была связана войнами в Средиземноморье, на Балканах, в Центральной Европе с империей Габсбургов, с Персидской державой Сефевидов в Месопотамии и не могла оказывать в прежнем объеме помощь своим заморским единоверцам. Тем не менее влияние Османской империи в Аче заметно вплоть до начала XVIII в. Например, в вопросе о престолонаследии, когда в 1699 г. после смерти правительницы султаната Аче Зийнат-ад-Дин Камалат-шах противникам избрания женщин на ачехский трон удалось получить из пределов османских владений — из Мекки фетву, доказывающую, что женщины не должны занимать престол в Аче. Тогда при поддержке османов на ачехский трон был возведен Бадр-ал-Алам, правивший с 1699 по 1702 г.<sup>19</sup>

В индонезийском эпосе «Хикаят Аче» («Сказании об Аче») сообщается, что дворец султана в Аче охраняли воины, которые, по образцу османских янычаров, воспитывались из захваченных в плен детей в духе преданности своему повелителю. Османские военные специалисты принимали участие в войнах султана Аче, особенно при осадах крепостей. Известны 12 героев Аче — выходцев из Османской империи, помогавших Искандару-младшему в строительстве военного форта и султанского дворца. Султаны Аче приняли османские символы, их флаг был похож на османский, содержал изображение белого полумесяца и звезды на красном фоне с рисунком белой сабли в нижней части. Широкое распространение получили титулы османского происхождения для правителей Суматры, например, хедив<sup>20</sup>. Несмотря на удаленность друг от друга мусульманских султанатов Малайско-Индонезийского архипелага и Османской империи, предполагается, что культура народов Юго-Восточной Азии оказала определенное влияние и на османскую цивилизацию, свидетельством чего является Ваянг — театр теней, творение индусско-буддийской цивилизации народов Индонезии. Индонезийский Ваянг имеет много общих черт с турецким народным театром Карагез.

Остров Суматра, ставший в лице султаната Аче цитаделью ислама на островах Индонезии, не был географическим пределом османского влияния. Это влияние, как и в распространении ислама, мы видим и на

<sup>18</sup> Другов А. Ю., Тюрин В. А. История Индонезии. XX век. М., 2005, с. 8–12.

<sup>19</sup> Учок Б. Указ. соч., с. 124.

<sup>20</sup> Сычев В. Ф. Указ. соч., с. 102.

остальных островах Малайско-Индонезийского и даже Филиппинского архипелагов. Если ислам начал распространяться в Индонезии и Малайе в IX–X вв., на Филиппинах в XIII в., то к концу XVI в. вера Пророка Мухаммеда утверждается на южных островах Филиппин — Минданао, Палаван, архипелаге Сулу, а к XVII в. становится преобладающей религией на северной Суматре, в некоторых районах Явы, Сулавеси, на Моллуккских островах. И сегодня мусульманские народы Филиппин составляют 6 % населения этой страны, они называются «моро» (от испанского слова, обозначающего «мавры» — мусульмане). Моро образовались в итоге смешения коренного населения острова Минданао и архипелага Сулу, обращенного в ислам в XV–XVI вв., и более поздних мусульманских пришельцев из Индонезии, в числе которых были и арабские миссионеры — выходцы из владений Османской империи. Моро устояли перед трехсотлетним натиском христианизации, проводимой по отношению к ним испанцами и американцами, в разное время владевшими Филиппинским архипелагом, и правителями независимого Филиппинского государства.

К османскому времени, к XV–XVI вв., относится широкая исламизация Коморских островов, расположенных в северо-западной части Индийского океана у берегов Африки, а также Мальдивских островов, находящихся в центральной части океана, хотя эти территории не входили в состав Османской империи. На Коморах еще в раннем средневековье появились арабы — миссионеры ислама, пик переселения которых приходится на X в. В этногенезе коморского народа весьма заметна арабская струя. И сегодня арабский язык является государственным на Коморских островах. Новая волна исламизации Коморских островов в османскую эпоху, миссионерами которой вновь были арабы — подданные Османской империи, — придала этому процессу необратимый характер. На Мальдивских островах, чьи правители приняли ислам в середине XII в. и где еще в первой половине XIV в. население, по свидетельству путешественника Ибн-Баттуты, слабо придерживалось мусульманских традиций, о чем он судил по внешнему виду свободно одевавшихся мальдивских женщин, к османской эпохе — в XVII в. — ситуация в корне меняется. Мальдивские женщины днем не выходят из дома без покрывала, закрывающего их лица. Очевидно, в это время произошло усиление роли ислама и в духовной жизни мальдивского общества. Насколько это было вызвано османским влиянием, можно только предполагать. В XVI–XVIII вв. на Мальдивские острова переселялись мусульмане — выходцы из Малайско-Индонезийского архипелага и Османской империи, в основном арабы, что способствовало процессу исламизации. При этом в начале XVII в. Мальдивским островным султанатом правит женщина, имя которой не сохранилось в истории<sup>21</sup>.

В свою очередь выходцы из стран «теплых морей» бывали в Османской империи. В «истории Малайи» упоминается о радже Пандана, правителе одного из мусульманских княжеств Малайи, который уехал в Османскую империю. Потомки малайской княжеской семьи Искандара

<sup>21</sup> Учок Б. Указ. соч., с. 107–110.



занимали там даже государственные посты. Интересна в этой связи известная Джохорская легенда, согласно которой один из сыновей мусульманского малайского правителя отправился на запад и стал якобы там правителем<sup>22</sup>. В этой легенде возможно нашли отражение контакты османов с мусульманами Юго-Восточной Азии. Когда жители индонезийских островов познакомились с исламом, многие из них устремлялись на родину новой религии — в Аравию. С XVI в. отмечены очевидные успехи индонезийцев в усвоении знаний из области мусульманского права, теологии и мистицизма. Poleмика мусульманских богословов и перемены в Мекке, подобно эху, отражались на религиозной жизни Малайско-Индонезийского архипелага.

Паломничество за мусульманскими знаниями в далекую Аравию связано с именами выходца с Суматры Хамзы Фаназри (конец XVI в.) и малайца Абдуль Рауфа (конец XVII в.). Оба покинули Суматру и многие годы учились у известных суфийских деятелей ордена кадирийя в Йемене и Мекке. Абдуль Рауф оставил свое жизнеописание с подробными характеристиками арабских учителей, городов и селений, где он жил с 1642 по 1661 г. По возвращении на родину Абдуль Рауф успешно пропагандировал идеи суфиев кадирийе. Он был вовлечен в круг исследовательских интересов многих видных арабских мыслителей — подданных Османской империи, например, Ибрагим аль-Курани, и опубликовал трактат «Исаф аль-Дхаки» («Представления проницательности»). В трактате критикуются воззрения мусульманских ученых Индонезии и Малайи, высказывавших сомнения по поводу единобожия в исламе. С середины XVII в. ученые, подобные Абдуль Рауфу, становились не только приверженцами реформистских идей мусульманских ученых Османской империи, но и активно выступали против спекулятивных толкований суфизма в исламе, доминировавших в Юго-Восточной Азии до середины XVII в.

Индонезийцы и малайцы, изучавшие ислам, никогда не были простыми подражателями своих османских учителей. Они по-своему воспринимали приобретаемые ими знания и интерпретировали их в свободной и либеральной манере, что отразилось в их переводах мусульманских религиозных сочинений. Яркий пример — перевод и интерпретация трактата «Тухват аль-Мурсал» («Подарок посланника Аллаха») индонезийским ученым Фазлулахом аль-Бурханпури из Мекки. В его яванском переводе отношения между Всевышним и его земным выражением представлены через символику моря и с учетом восприятия индонезийцев, где исламская традиция накладывается на предшествующую индуистскую. В упомянутом выше индонезийском эпосе «Сказание об Аче» наглядны примеры симбиозного восприятия традиционной мусульманской мифологии, когда мусульманские правители Аче претендуют на право считаться потомками божества Кришны из индуистского пантеона<sup>23</sup>.

XIX в. был временем упадка Османской империи, тем не менее сохранявшей оборонительный потенциал вплоть до поражения в Первой

<sup>22</sup> Marsden W. W. The History of Sumatra. L., 1811, с. 341–342.

<sup>23</sup> Сычев В. Ф. Указ. соч., с. 122–123.

мировой войне, хотя и в эти трудные для нее времена к османскому падишаху — халифу, духовному главе мусульман всего мира, по-прежнему апеллировали единоверцы из других, даже далеких стран ислама. Насколько возможно, слабеющая империя поддерживала их и не только морально. Так, правитель султаната Аче Ибрагим в 1850 г. решил восстановить старые связи с Османской империей и отправил в Стамбул посольство с просьбой признать Аче османской провинцией, на что было получено согласие падишаха османов Абдул-Меджида, издавшего по этому поводу два фирмана (указа). В первом из них официально восстанавливался османский протекторат над Аче, а во втором утверждался титул Ибрагима как правителя Аче. В знак признательности через несколько лет правитель Аче отправил 10 тысяч долларов на военную поддержку Османской империи, воевавшей тогда с Россией в союзе с Великобританией, Францией и Сардинским королевством. За этот шаг Ибрагим был награжден высшим османским орденом<sup>24</sup>. Интересно, что правитель Аче в 1879 г. будет обращаться с просьбой о протекторате и покровительстве к Российской империи, но безуспешно<sup>25</sup>.

С 1848 по 1859 г. длилось антиголландское восстание на южной Суматре в Палембанге, поддержанное мусульманами Джамби — зависимо от голландцев мусульманского княжества. Джамби признала власть голландцев в 1833 г., но номинально здесь правил местный султан. В 1853 г. правитель Джамби султан Таха Сафи-уд-Дин отказался подписывать с голландцами договор, ограничивающий его власть. Более того, он обратился к падишаху османов с просьбой выдать ему официальный османский документ, провозглашающий Джамби османским владением, что позволило бы ему пресечь иностранное вмешательство. Шариф Али, его посланник к османскому двору, добрался до Стамбула и получил от османского султана официальные документы, согласно которым княжество Джамби провозглашалось территорией Османской империи. Вместе с тем османы не смогли воспрепятствовать захвату голландцами Джамби. Султан Таха через несколько лет вновь предпринял попытку провозгласить княжество частью Османской империи. Есть сведения, что он получал для этой цели от османов деньги и оружие. Таха был в 1858 г. свергнут и до 1904 г. укрывался с группой приверженцев во внутренних областях Джамби на Суматре, когда голландцы, покончив с основными очагами сопротивления в Джамби, высладили и убили его<sup>26</sup>.

В 1868 г. 65 видных мусульманских богословов из Аче обратились к султану османов с воззванием, где просили защиты от голландских колонизаторов, приступивших к покорению индонезийских островов. Вдохновителем этого воззвания был выходец из Османской империи Хабиб Абд-ар-Рахман аз-Захир, потомок сайидов — сподвижников Про-

<sup>24</sup> Reid A. Nineteenth century Pan-Islam in Indonesia and Malaysia // The Journal of Asian studies. Michigan (USA). Vol. 26, n. 2. February 1967, c. 174.

<sup>25</sup> Российский государственный архив Военно-Морского флота. Фонд 410. Оп. 2, т. 2. Д. № 3639, с. 1–8. О рассмотрении просьбы населения острова Суматры о принятии их в подданство России. 19 июля — 1 сентября 1879 г.

<sup>26</sup> Reid A. Nineteenth century Pan-Islam in Indonesia and Malaysia, c. 273.

рока Мухаммада, посетивший в 1864 г. север Суматры после многих лет пребывания в Индии и Малайе. В 1868 г. Хабиб Абд-ар-Рахман вернулся в Мекку. Подобно ему, многие подданные османов — турки и особенно арабы — прибывали в Индонезию и служили советниками при дворах местных мусульманских правителей<sup>27</sup>. Участие османов в делах мусульман Малайско-Индонезийского архипелага способствовало также вовлечению в этот процесс мусульман-курдов — подданных Османской империи, оказавших помощь индонезийским мусульманам<sup>28</sup>. В 1873 г., когда Нидерланды начали наступление на Аче, его правитель срочно отправил посольство во главе с Абд-аль-Рахманом в Османскую империю с просьбой оказать военную и политическую поддержку в противостоянии голландским войскам. При этом посол Аче в обращении к османским властям апеллировал к договору 1567 г., заключенному в столь далекие времена между султанами Аче и османов. Османь были в силах оказать Аче только моральную поддержку. В том же году османские власти отправили официальное письмо правительству Нидерландов, где, ссылаясь на договор 1567 г., объявили себя защитниками интересов Аче против любого иностранного вмешательства<sup>29</sup>.

70–80-е гг. XIX в. были периодом усиления влияния ислама на Архипелаге, особенно на Яве, что была связано с расширением контактов (паломничеством в Мекку, переселением мусульман из пределов османских владений, особенно Аравии — арабских торговцев и улема — духовных лиц) с Османской империей и негибкой политикой колониальной администрации Нидерландов, болезненно реагиовавшей на активность местных мусульманских школ и проповедников.

В 1881 г. голландские власти раскрыли заговор местных мусульман, готовивших восстание против власти Нидерландов на Суматре. При этом в числе главных заговорщиков были арестованы два бывших османских офицера, незадолго до этого прибывшие в город Палембанг якобы по торговым делам из Сингапура, где было османское консульство<sup>30</sup>.

Надо сказать, что османское консульство в Сингапуре, тогда британской колонии, было центром, откуда османь оказывали идеологическую и материальную поддержку мусульманским движениям на островах Нидерландской Индии, как тогда называлась Индонезия. Было османское консульство и в Батавии — голландской колонии на индонезийских островах. Уже первый османский консул в Сингапуре Саид Абдалла аль-Джунид, назначенный в 1864 г., вел активную пропаганду панисламизма, внедряя в сознание мусульман Юго-Восточной Азии, что он является представителем османского падишаха, верховного халифа всех мусульман. После его смерти в 1865 г. под давлением Нидерландов британские

<sup>27</sup> Там же, с. 275; Сычев В. Ф. Указ. соч., с. 197; Тюрин В. А. Ачехская война (Из истории национально-освободительного движения в Индонезии). М., 1970; он же. История Малайзии. Краткий очерк. М., 1980.

<sup>28</sup> Reid A. Sixteenth Century Turkish influence in Western Indonesia // Journal of South-East Asian history. Vol. 10, n. 3. Singapore, 1969, с. 398.

<sup>29</sup> Там же, с. 399.

<sup>30</sup> Shouck Hurgongie Ch. The Holy War «Made in Germany». New York, 1915, с. 27.

власти препятствовали назначению на пост османского консула брата Абдаллы — Саида Джонида аль-Джунида. Османские власти публично выражали свои симпатии Аче. В 1872 г. во время сезона паломничества мусульман в Мекку, которая тогда находилась в пределах османских владений, османский вали — губернатор Хиджаза и Джидды в Аравии заявил консулу Нидерландов, что Аче является составной частью Османской империи<sup>31</sup>.

В 1880-х гг. османским консулом в Сингапуре был Саид Мухаммад Алсагоф. В 1899 г. османский консул в Батавии Мухаммад Кемаль-бей вел пропаганду среди мусульман Индонезии, подчеркивая, что как представитель халифа, османского султана, он намерен поддерживать их. По его инициативе 11 молодых индонезийцев за счет османской казны учились с 1898 по 1904 г. в Стамбуле. Они вернулись на родину с османскими паспортами и требовали от голландских властей распространения на них европейской юрисдикции (т.е. всех прав, которыми пользовались здесь европейцы — голландцы и британцы. — А. К.) Нидерландской Индии<sup>32</sup>. В 1899 г. Кемаль-бей от имени османского правительства официально предложил помощь султану Аче.

В это время продолжалось паломничество за мусульманскими знаниями из Индонезии в Мекку. Известны Дауд Патани, который в начале XIX в. 35 лет прожил в Османской империи — Мекке и Медине, и Мухаммад аль-Наваи из Бантена (1813–1897) — духовный лидер малайско-индонезийской диаспоры в Мекке, насчитывавшей здесь 5,5 тысяч человек. Эта община была известна не просто своей набожностью, но и тем, что являлась «сердцем и душой всей религиозной жизни восточно-индийского (Малайско-Индонезийского. — А. К.) архипелага»<sup>33</sup>.

До 1901 г. Великобритания отказывала османам в присутствии их консула в Сингапуре. Лишь в июне этого года был назначен консулом Хаджи Аятолла-эфенди. Затем до 1904 г. консулом стал Мухаммад Кемаль-бей, панисламистская пропаганда которого вызвала беспокойство британских и голландских властей. Его деятельность оказала заметное влияние на политику османов в Юго-Восточной Азии и характер публикаций в молодой индонезийской и малайской прессе. В первом номере малайской газеты «Бинтанг Тимур» («Звезда Востока»), вышедшей в Пенанге, было написано, что «со времени Кемаль-бея среди мусульман Юго-Восточной Азии утвердилось расположение не к голландской Батавии, а к турецкому Стамбулу». В османских газетах была в это время развернута мощная антиголландская кампания в связи с подавлением голландцами освободительного движения в Аче. В газете «Икдам» была опубликована статья Кемаль-бея, получившая широкий резонанс в правящих кругах стран Европы и Азии. В статье подчеркивалось, что основной задачей консульской службы Османской империи должно быть

<sup>31</sup> Shouck Hurgrongie Ch. Mekka in the latter part of the Nineteenth century. Leiden—London, 1931, с. 225.

<sup>32</sup> Reid A. Nineteenth century Pan-Islam in Indonesia and Malaysia, с. 280.

<sup>33</sup> Shouk Hurgrongie Ch. Mekka in the latter part of the Nineteenth century, с. 291.

укрепление связей между мусульманами вне зависимости от места их проживания. И человек, который получил назначение на должность консула в Сингапуре, должен опекать своих единоверцев, поскольку ислам является крайне важным инструментом в политике расширения турецкого влияния в этом регионе земного шара<sup>34</sup>.

В 1904 г. антиголландское восстание в Нидерландской Индии возглавил бывший офицер османской армии Абдулла Юсуф, венгр по происхождению, чье имя до принятия ислама — Карл Хирма. Он заявлял, что выполняет приказ халифа и падишаха османов, но был схвачен голландцами и отправлен в ссылку.

Индонезийские мусульмане продолжали активно искать связи с Османской империей и постоянно выражали свои симпатии к ней, что ярко отразилось в индонезийской и малайской печати того времени. Общественное мнение мусульман Юго-Восточной Азии было на стороне османов во время их военных конфликтов на Балканах с Сербией, Грецией, Болгарией и в Северной Африке — в Ливии с Италией перед Первой мировой войной. Во время Первой мировой войны проосманские симпатии мусульман Нидерландской Индии нарушали нейтралитет Голландии в отношении германо-османского военного союза. Мусульмане Индонезии оказывали значительные пожертвования в пользу воюющей с державами Антанты Османской империи через общество «Красный полумесяц», а на страницах газет публиковалось множество материалов в знак солидарности с политикой османов по отношению к армянам<sup>35</sup>.

Таким образом, традиции взаимоотношений Турции, прямой наследницы Османской империи, с мусульманскими народами стран «теплых морей» — Малайско-Индонезийского архипелага и истоки их симпатий друг к другу насчитывают почти полтысячелетия. Эти связи важны тем, что имели конкретный характер в виде всесторонней османской помощи и поддержки — политической, военной, экономической, культурной не только в эпоху могущества Османской империи, но и в тяжелые для нее времена упадка, что, конечно, не могло не оставить заметного следа в благодарной исторической памяти мусульманских народов Малайско-Индонезийского архипелага, тем более эти контакты имели непосредственное отношение к героическим и трагическим событиям их национально-освободительной борьбы против португальских и голландских колонизаторов в течение многих веков. Значение Османской империи и османов этим не исчерпывается, поскольку именно в османскую эпоху исламизация народов «теплых морей», причем не только Малайско-Индонезийского архипелага, но и Коморских, Мальдивских островов, юга Филиппин — острова Минданао и архипелага Сулу, принимает необратимый характер.

<sup>34</sup> Reid A. Nineteenth century Pan-Islam in Indonesia and Malaysia, с. 280–281.

<sup>35</sup> Сычев В. Ф. Указ. соч., с. 118.

М. С. Мейер (Москва)

## Между Востоком и Западом: Османская империя в XVIII веке

Новое столетие для ведущей державы мусульманского мира — Османской империи началось совсем неудачно. Ко всем невзгодам, связанным с поражением и территориальными потерями в войне 1684–1699 гг. против государств «Священной лиги», добавилось еще одно унижение от *москов кралы* (московского царя). Летом 1700 г. жители Стамбула с изумлением и тревогой взирали на российский военный корабль «Крепость», который, в нарушение двухвекового владычества турок на Черном море, доставил из Азова полномочного представителя Петра I Емельяна Украинцева. Думный дьяк должен был завершить мирные переговоры двух недавних противников. Заключенный 3(13) июля 1700 г. Константинопольский договор не только отменял уплату Россией ежегодной «дачи» крымскому хану, но и оставлял за ней Азов с окрестными землями. Этот пункт договора открывал русским перспективу добиться в дальнейшем свободы мореплавания по Черному морю и проливам<sup>1</sup>.

Вся совокупность мирных соглашений, завершивших 16-летнюю войну, была воспринята многими современниками, а позже и историками, как явное свидетельство начавшегося упадка могущества Османской державы. С того времени среди европейских и русских дипломатов в Стамбуле утвердились представления о ее неспособности к нормальному функционированию и о близкой и неминуемой гибели. Русский резидент А. А. Вешняков одно из своих писем, где он описывал состояние «Турецкой империи» в 1743 г., закончил такими строками «Сие есть... краткое изображение сей великой разваливающейся машины и которая от разорения своего совсем уже недалеко»<sup>2</sup>. Тем не менее, вплоть до последних десятилетий XVIII в. османские правители не испытывали серьезных потрясений и сохраняли контроль над своими огромными владениями, общая площадь которых составляла 3,5 млн. кв. км. Сведения о состоянии социально-экономической жизни, также не дают оснований для безоговорочных выводов о застое или упадке.

Более того, материалы по исторической демографии позволяют с определенной долей уверенности говорить о том, что, после заметного снижения численности населения империи в первой половине XVII в., в последующие 150 лет проявилась устойчивая тенденция к росту данно-

<sup>1</sup> См. подробнее: Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971, с. 30–33.

<sup>2</sup> АВПРИ. Ф. 89. Сношения России с Турцией, 1743. д. 6, ч.1, л. 115 об.

го показателя до уровня 16–18 млн. к середине XVIII в. и до 18–20 млн. на рубеже XIX в.<sup>3</sup>

Применительно к исследуемому периоду можно говорить и о важных сдвигах в аграрных отношениях. Утверждение крупного частного землевладения способствовало окончательному разложению сипахийской системы условных держаний. Новые производственные порядки, складывавшиеся в деревне, вызвали существенные перемены в сельском хозяйстве, изменились и условия существования крестьян. С одной стороны, исследователи отмечают повышение производительности труда, рост товарности земледелия, расширение посевов технических культур, а с другой — сокращение общей площади обрабатываемых земель, понижение уровня жизни и общественного статуса многих сельских жителей, увеличение крестьянской миграции из одних районов в другие и из деревни в город.

Жизнь довольно быстро растущих городов также отмечена рядом новых явлений, определивших изменение условий их существования. Города стали терять свое привилегированное положение, что соответственно уменьшало долю прибавочного продукта, на который могли рассчитывать разные категории горожан. Поэтому заметно вырос уровень их активности. Широкие масштабы и разнообразные формы взаимных связей купечества, ремесленников и янычар позволяют говорить о тенденции к складыванию в городской среде широкой социальной общности, располагавшей не только известными материальными возможностями, но и несомненным политическим влиянием. Для деятельности ее членов характерно осознание некоторых общих интересов, связанных с состоянием жизни в городе и отношениями с центральной властью. Торгово-ремесленное население было заинтересовано в сближении с янычарами, чтобы противостоять попыткам Порты усилить налоговое обложение горожан. Янычары также нуждались в таком союзе. Он мог принести им немалые выгоды и позволял одновременно рассчитывать на массовую поддержку в борьбе с правительством, пытавшимся добиться улучшения состояния своей армии.

Асимметричность происходившего процесса имела и другое выражение. Сближение с янычарами ставило в более выгодное положение мусульманских горожан по сравнению с немусульманскими. То обстоятельство, что мусульмане сумели потеснить немусульман в ключевых позициях экономической жизни городов, наиболее явственно ощущалось в европейских провинциях империи. С одной стороны, это заставляло часть наиболее зажиточного христианского населения искать сближения с властной верхушкой посредством обращения в ислам и включения в господствующую конфессиональную общность — мусульманский *миллет*. С другой — резко обострился этно-религиозный конфликт, приведший во второй половине XVIII в. к массовым выступлениям на Балканах против османского господства, примером которых может служить греческое восстание 1770 г.

<sup>3</sup> Мейер М. С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991, с. 83–89.



При всей неполноте сведений о внешней и внутренней торговле Османской империи в XVIII в. имеющиеся материалы позволяют сделать выводы о заметном увеличении роли товарно-денежных отношений, об упрочении связей между отдельными областями, а также о стабильном расширении внешнеторгового обмена, особенно со странами Западной Европы. Традиционно торговля со странами Востока была для османцев наиболее прибыльной и привлекательной. Однако заметное уменьшение потока транзитных грузов (особенно пряностей и красителей) после открытия морского пути вокруг Африки привело к соответствующему сокращению таможенных сборов. Из-за пассивного баланса торговли с Востоком усилился отток ценных металлов из Османской империи в Иран и Индию. В подобных обстоятельствах возрос интерес Стамбула к расширению товарообмена с Европой.

Хозяйственные связи между европейскими государствами и владениями турецких султанов сегодня привлекают особое внимание исследователей, ибо позволяют проследить начавшийся процесс включения Османской державы в мировую экономическую систему. Анализ сдвигов в левантийской торговле показал, что уже в первые десятилетия XVIII в. вывоз сырья для французских мануфактур составлял  $\frac{3}{4}$  ежегодного импорта ведущего участника торговых операций в странах Леванта — Франции. С учетом же закупаемого продовольствия удельный вес сельскохозяйственной продукции оказывался еще выше. Ожесточенная борьба, развернувшаяся между Англией, Голландией и Францией за преимущества в поставке сукна в османские провинции, позволяет говорить о том, насколько левантийский рынок был важен для сбыта продукции европейских мануфактур.

То обстоятельство, что империя стала превращаться в источник сельскохозяйственного сырья и продовольствия для европейских стран, в немалой степени способствовало укреплению позиций новой социальной группы, представленной провинциальной землевладельческой верхушкой — *аянами*. В рамках властной общности она резко отличалась от прежде столь влиятельной военно-служилой элиты. Своим возвышением аяны были обязаны не принадлежностью к сипахийской среде или к влиятельным при дворе султанским рабам-*капыкулу*, но присвоению ими обширных земельных владений, денежному богатству и прочным связям в среде местного мусульманского населения. Принадлежавшие им поместья зачастую были центрами разведения технических культур — хлопчатника и табака, а также производства шерсти и пшеницы для экспортной торговли. Под их контролем оказалась также значительная часть городской недвижимости. Большое значение для роста влияния аянов имела реформа откупной системы, по которой были учреждены пожизненные откупа (*маликяне*). С помощью маликяне они сумели расширить свои земельные владения и упрочить собственнические претензии на них. Такова история появления в XVIII в. ряда крупнейших аянских династий — Чапаноглу, Караосманоглу, Джаникли, Казаноглу, а также многих менее известных аянских кланов в различных провинциях империи.

Сдвиги в структуре правящей верхушки происходили не только на провинциальном, но и на столичном уровне, где потомственная бюрократия постепенно оттесняла на второй план представителей старой военно-служилой элиты. Новую группу отличала, прежде всего, тенденция к совершению карьеры в рамках определенного ведомства. Ограничение деловых интересов какой-то одной сферой деятельности создавало возможности накопления и передачи опыта и навыков, приобретенных за время службы. Представляется, что столичная бюрократия XVIII в. может рассматриваться как переходная социальная группа от военно-служилой к профессиональному чиновничеству XIX в.

Изучение борьбы за власть в Стамбуле показывает, что неизменным ее участником являются *улемы* — высшие духовные авторитеты, входившие в категорию ученых богословов (*ильмийе*). Будучи наиболее образованной частью общества, они достаточно хорошо представляли себе состояние империи. Иностранные представители при султанском дворе постоянно отмечали активность улемов при обсуждении важнейших вопросов внешней и внутренней политики в диванах, собираемых великим везиром. Их значительное влияние отметил и князь Н. В. Репнин, направленный в качестве чрезвычайного посла для ратификации Кючук-Кайнарджийского мирного договора. Он писал, что «и сам султан, когда они говорят, что закон так велит, противиться не смеет»<sup>4</sup>. Восприятие нововведений лицами духовного звания было неоднозначным. Фактически реформаторы и улемы далеко не всегда занимали противоположные позиции. Даже такие новшества, как открытие типографии и учреждение военно-инженерной школы, не привели всех столичных богословов в лагерь противников реформ. Определяя свое отношение к «гяурским» новациям, они руководствовались скорее не корпоративными соображениями, но тем пониманием интересов государства, которое было им присуще как представителям правящей элиты. Вместе с тем, их «благоразумие» позволяет говорить и об усилившемся конформизме наиболее авторитетных членов *ильмийе*, продиктованное интересами личной выгоды, соображениями карьеры, желанием подольше удержаться на доходных и престижных постах.

Сдвиги в экономической и социальной сферах жизни империи показывают, что основные компоненты османского социума не утратили способностей к развитию. К тому же заметное ослабление контроля центральной власти над всеми формами жизнедеятельности способствовали переходу от состояния, близкого к поголовному рабству, к более дифференцированным и индивидуализированным отношениям, как на уровне эксплуатации, так и на уровне взаимопомощи. Конечно, динамичность эволюционных процессов относительна, особенно в сравнении с темпами прогресса передовых держав Европы.

Определить существо перемен в политической жизни труднее. Если в период складывания османской государственности ответ на изменя-

<sup>4</sup> [Репнин]. Бумаги Н. В. Репнина за время Константинопольского посольства // Сб. РИО. Т. 15, 1875, с. 504.

шуюся ситуацию выражался преимущественно в учреждении новых институтов, то после обретения правящим режимом своих «классических» форм добавление каких-то новых элементов ко вполне отлаженному организму было трудным делом и воспринималось как ненужное новшество или ересь. Поэтому процесс регуляции механизма управления в XVIII в. выступал обычно в виде внутренней трансформации органов власти. Процедура «вливания нового вина в старые мехи» заключалась в своеобразном «перераспределении ролей»: одни институты постепенно теряли свое значение, сфера их деятельности сокращалась. Другие расширялись, становясь более престижными. К числу первых можно отнести многие дворцовые службы и школы, готовившие кадры для султанского двора, высших эшелонов столичной бюрократии и провинциальной администрации; среди вторых назовем канцелярии при великом везире и главном казначее. Трудно сказать, в какой мере эти перемены были результатом осознанных и целесообразных начинаний османской правящей верхушки, но объективно ее усилия определялись нарушением прежде существовавшего баланса сил в связи с падением роли сипахи в общественно-политической жизни империи.

Новшества в ходе принятия и осуществления решений более заметны. К XVIII в. в османской политической системе на столичном уровне сложились три центра власти: султанский двор, резиденция великого везира (*Бабиали*, в исторической литературе — Блистательная Порты) и резиденция главного муфтия (*шейхульислама*). Их взаимоотношения обуславливались многими обстоятельствами общественной жизни и потому не могли оставаться неизменными. В одних случаях султанский двор совместно с мусульманскими религиозными авторитетами пытался ограничить возможности Порты, в других высшая столичная бюрократия совместно с улемами выступала против всевластия султанских фаворитов. Их сосуществование и постоянное противоборство несомненно ограничивало возможности своевременного принятия решения и порождало серьезные колебания политического курса. Тем не менее, важнейшим результатом «перераспределения ролей» можно считать укрепление позиций Порты в механизме центральной власти. С подобной ситуацией связано и повышение деловой компетентности ведущих государственных сановников (*риджалей*), что обеспечивало более реалистическую оценку ими положения империи.

Каким бы ни было сложное положение в столице, предсказания о скором и неминуемом крахе Османской империи питались, главным образом, известиями из провинции. Именно там наиболее явственно ощущались сбои в работе механизма государственного управления, вызванные усилившимся дисбалансом власти. Положение на местах вызывало особую озабоченность в Стамбуле, поскольку под ударом оказались те связи, которые обеспечивали устойчивое господство центра над периферией. Нарушение их нормального функционирования делало невозможным постоянное получение средств, пополнение людских и материальных ресурсов, необходимых для воспроизводства имперского

организма, и тем самым создавало условия для усиления сепаратистских тенденций. По мнению известного турецкого историка Х. Иналджика, в Стамбуле ощутили угрозу, исходившую от своеволия провинциальных наместников — *бейлербеев*, еще во второй половине XVII в., когда губернаторы начали содержать вооруженных наемников, как часть своего двора. Начиная с 1688 г. отряды наемников неоднократно упразднялись султанскими указами, но они возникали вновь под новыми названиями<sup>5</sup>.

В XVIII в. открытые мятежи провинциальных наместников случались не так часто. Для этого времени характерна иная картина: приказы Порты на местах, как правило, игнорировались, но обе стороны воздерживались от открытого конфликта. Многие паши были просто не в состоянии враждовать с центральным правительством из-за оскудения своих ресурсов. В таком же положении оказались и султанские власти. Для них основными соперниками вскоре стали аяны. Еще в середине столетия Порты была в состоянии посредством казней и конфискаций приостанавливать рост могущества отдельных аянских династий. Однако в 70-х годах отношения провинциальной знати с Портой достигли точки разрыва, а в 80-х — перешли в открытое и повсеместное противоборство. Это состояние воспринималось многими современниками как агония государства. На деле же в острых столкновениях различных сил выстраивалось новое соотношение группировок внутри правящего класса на провинциальном уровне и новая практика связей центра с периферией. Отныне она предполагала не только прямые, но и обратные связи, позволявшие новым провинциальным лидерам оказывать влияние на политику центра.

Среди множества правительственных акций, относящихся к описываемому времени, особое внимание привлекают нововведения и преобразования, отражающие знакомство османских политических деятелей с жизнью европейских стран и направленные на повышение авторитета центральной власти и улучшение деятельности системы управления. Одни исследователи склонны видеть в них свидетельства радикальных перемен в воззрениях османских государственных деятелей, другие интересуются ими с точки зрения возможностей докапиталистического («традиционного») общества адаптироваться к меняющимся условиям существования, третьи объясняют их воздействием внешних сил. На деле же, во всяких начинаниях, касались ли они внешней или внутренней политики, приходится учитывать совокупное воздействие всех трех факторов.

Наибольшее внимание османских правителей на протяжении XVII–XVIII вв. было сосредоточено на проблеме возрождения былой военной мощи. Первоначально основные усилия обращались на восстановление тех институтов, которые когда-то обеспечивали успех завоевательных экспедиций, — сипахийского ополчения и янычарского корпуса. После заключения Карловицкого мира 1699 г. на первый план постепенно

<sup>5</sup> Inalcik H. Military and Fiscal Transformation in the Ottoman Empire 1600–1700 // H. Inalcik. Studies in Ottoman Social and Economic History. L., 1985, c. 300–303.

выходит идея усвоения опыта европейских держав. Инициаторами подобных проектов стали видные представители столичной бюрократической элиты, которых, по современным меркам, можно было бы назвать «западниками». Наряду с мероприятиями по поднятию боеспособности османской армии, все большее внимание ими уделялось развитию дипломатических контактов с европейскими странами и заимствованию их достижений в науке и технике.

В самом начале века к сторонникам преобразований принадлежали: известный дипломат Рами Мехмед-паша (1654–1703), ставший незадолго до своей гибели великим везиром, его личный советник, занимавший пост *реис-эфенди* Нефиоглу, главный драгоман Порты Александр Маврокордато (Шкарлат), будущий молдавский господарь Дмитрий Кантемир. Последний в одной из своих работ описывал Нефиоглу, как человека с широким кругозором, пытавшегося сочетать элементы восточной и западной культур и потому выучившего латынь<sup>6</sup>. Одним из самых просвещенных людей в османской столице считался выходец с острова Хиос А. Маврокордато (1637–1709), получивший образование в университетах Рима и Падуи и преподававший риторику в греческой школе при Константинопольской патриархии. Занимая около 40 лет пост переводчика Порты, он сблизился Рами Мехмед-пашой: они вместе участвовали в работе Карловицкого мирного конгресса и в подписании мирных договоров<sup>7</sup>.

Воздействие идей и взглядов ученого грека ощущается в трудах Дм.Кантемира (1673–1723) и его современника Николая Маврокордато (1670–1730), унаследовавшего от отца должность главного переводчика Порты. Участвуя в переговорах о заключении Пожаревацкого мира в 1718 г., Николай сблизился с будущим великим везиром Ибрагимом Невшехирли (1662/3–1730) и стал его ближайшим советником. Суть рекомендаций драгомана, по сообщениям А. А. Вешнякова, состояла в том, чтобы избегать конфронтации с европейцами и занимать людей войной в Иране, искоренять возможных соперников и насаждать свои креатуры, не вступать в конфронтацию с улемами, поскольку «оное наибольшую силу имеет в поведении народного лехкомыслия», активно вести строительство дворцов, «дабы был случай к движению и обращению денег в народе, всего бы была дешевизнь по изобилию, а паче в пище», наконец, облагать все прихоти султана, развлекая его «разными забавами и веселиями»<sup>8</sup>. При всей тенденциозности картины, нарисованной со слов сына восхваляемого им персонажа, в ней есть и рациональное содержание. Несомненно, отношения Ибрагима Невшехирли и драгомана Порты были схожи со связями, сложившимися между Рами Мехмед-пашой и Александром Шкарлатом. В их основе лежал пробуждавшийся интерес части правящей верхушки к жизни Европы. Со времени Пожаре-

<sup>6</sup> Cantemir D. Histoire de l'Empire Ottoman, où se voyent les causes de son aggrandissement et de sa décadence. P., 1743, t.4, с.89–90.

<sup>7</sup> О нем см.: Camaritano N. Alexander Mavrocordato, le grand drogman. Son activité diplomatique, 1673–1709. Thessaloniki, 1970.

<sup>8</sup> АВПРИ. Ф. 89, 1745, д.5. Л. 43–50.

вацкого мира завязались контакты великого везира с другими «западниками», а также с французским послом де Боннаком. При участии последнего во Францию было направлено торжественное посольство во главе с Йирмисекиз Челеби Мехмед-эфенди (ум. 1732). Помимо официальных задач (переговоры о заключении союза с Францией против Австрии) турецкий посол должен был, по указанию великого везира, «разунуть о средствах цивилизации и образования Франции и сообщить о тех, которые можно было применить»<sup>9</sup>.

Сведения о первых «западниках» позволяют предполагать, что общение османской элиты к достижениям европейской цивилизации шло преимущественно через ее контакты с просвещенными *фанариотами* — жителями греческого квартала Стамбула, поставлявшего Порте кадры драгоманов, господарей Валахии и Молдовы, дипломатических агентов. Другим источником информации стали донесения османских послов, направляемых в европейские страны. Практика регулярной отправки таких посольств начала складываться со второй половины XVII в., но особенно часто подобные посольские поездки практиковались при великом везире Ибрагиме Невшехирли. Среди них можно назвать миссии дефтердара Ибгагим-паши в Вену (1719), Йирмисекиз Челеби Мехмед-эфенди во Францию (1720–1721), Нишли Мехмед-аги (1722–1723) и миралема Мехмед-аги (1729) в Россию, Мустафы Козбекчи в Швецию (1726) и пребывание в Вене первого турецкого резидента Омер-аги (1725–1732). Значение этих посольств выходило далеко за рамки обычных дипломатических акций Порты. Прежде всего они способствовали преодолению традиционного для османских политиков убеждения в превосходстве *Дар-уль-ислама* (мира ислама). Существование многочисленных копий *сефаретнаме* (отчета о пребывании в стране) Йирмисекиз Челеби Мехмед-эфенди, одного из наиболее известных «западников» того времени, весьма показательны. Ведь основу этого произведения составило не изложение дипломатических переговоров, а описание того, что показалось послу достопримечательным и вызвало его восхищение (загородные резиденции короля, смотры войск, опера, игра на органе, Академия наук с ее приборами, ботанический сад, телескоп, развлечения французской знати). По такому же принципу создавались и другие *сефаретнаме*, определившие отдельный жанр турецкой литературы, где путевые заметки занимали больше места, чем перечисление того, что сделал сам посол. Таковы, в частности, рассказы другого видного «западника» Мехмеда Саид-эфенди (ум. 1761), сына Челеби Мехмед-эфенди, о его посольствах в Россию (1731–1732), Польшу (1730), Швецию (1732–1733), Францию (1741–1742)<sup>10</sup>.

Еще одним источником информации по Европе были сами европейцы, перешедшие, как правило, на службу Порте. Один из таких «ре-

<sup>9</sup> О посольстве и тексте *сефаретнаме* см.: [Mehmed Efendi]. Le Paradise des Infideles: Rétation de Yirmisekiz Çelebi Mehmed effendi, ambassadeur Ottoman en France sous la Régence, traduite de l'Ottoman par Julien Galland. Ed. G. Veinstein. P., 1981.

<sup>10</sup> Об этом см.: Göçek F. East encounters West. France and the Ottoman Empire in the Eighteenth Century. N.Y., 1987. p. 80–81.

негатов» — итальянец из Ливорно, известный под именем Мехмед-аги, стал автором проекта по организации суконных мануфактур в Салониках и Эдирне, который пытался осуществить Рами Мехмед-паша<sup>11</sup>. Другие выходцы из Европы были причастны к различным предложениям о реорганизации османской армии по европейским образцам. В конце 1710 г. австрийский посланник в Стамбуле И.Тальман сообщал в Вену, что обретавшийся в Бендерах при шведском короле Карле XII поляк Станислав Понятовский через французского посла П.Дезальёра передал великому везиру Балтаджи Мехмед-паше проект, объяснявший «как в короткое время сделать турецкое войско регулярным и непобедимым». Вряд ли у Балтаджи, занятого начавшейся русско-турецкой войной, было достаточно времени и желания знакомиться с подобным документом, но сама акция породила опасения Тальмана, что под шведским руководством османское войско переймет европейские навыки ведения боевых действий и вновь станет «страшной опасностью для христиан»<sup>12</sup>. С этого времени австрийские резиденты в Стамбуле бдительно следили за каждым шагом Порты в направлении военных преобразований и предпринимали всяческие усилия, чтобы не допустить их реализации. Заинтересованность Венского двора определялась также тем, что ряд аналогичных проектов был прямо или косвенно связан с именем князя Ференца II Ракоци (1676–1735), руководителя антигабсбургского восстания венгров в 1703–1711 гг., получившего затем убежище на территории Османской империи. Именно с ним вел переговоры другой великий везир Шехид Али-паша относительно создания корпуса регулярных войск из христиан и мусульман под командованием самого князя<sup>13</sup>. Однако Ракоци прибыл в султанские владения в октябре 1717 г., спустя год после гибели Али-паши, когда война Османской империи с Австрией и Венецией была фактически завершена, и шли переговоры о мире.

Зато он мог быть автором другого документа о необходимости военных реформ, созданного, судя по тексту, именно в период мирных переговоров. Содержание *ляихи* (записки), опубликованной турецким историком Ф. Р. Унатом, составляет беседа между мусульманским и христианским офицерами. Первый из них излагает причины падения боеспособности мусульманских войск, а второй раскрывает истоки военных успехов европейцев, имея в виду австрийскую армию, которая под руководством Евгения Савойского только что нанесла несколько сокрушительных поражений туркам. Сочинение подводит к мысли о необходимости реорганизации османской армии посредством повышения профессиональной выучки и дисциплины солдат, освоения новой линейной тактики ведения боя, подготовки образованных и опытных офицеров, для чего следует воспользоваться знаниями христианских военных специалистов. В качестве положительного примера приводится опыт

<sup>11</sup> Yücel Y., Sevim A. Türkiye Tarihi. Cilt III. Osmanlı Dönemi (1566–1730). Ankara, 1991, s. 246.

<sup>12</sup> Турция накануне и после Полтавской битвы (глазами австрийского дипломата). Пер., введ. и примеч. В.Е. Шутого. М., 1977, с. 84–87.

<sup>13</sup> Витол А.В. Османская империя (начало XVIII в.). М., 1987, с. 52.



Петра I, использовавшего западную модель реформы армии. Унат считал, что ляха была составлена по указанию Ибрагим-паши Невшехирли, дабы склонить султана к скорейшему заключению мира. Однако он не исключал того, что авторами опубликованного им документа могли быть и другие лица, например Ибрагим Мютеферрика — выходец из Трансильвании, принявший ислам и ставший видным османским политическим деятелем, основателем первой турецкой типографии (1727)<sup>14</sup>. Поскольку Ибрагим-эфенди поддерживал постоянную связь с Ракоци, став с 1717 г. его переводчиком, а позже — агентом князя при Порте, сходство идей, высказанных Ракоци и турецким первопечатником в его сочинении «Основы мудрости в устройстве народов», вполне объяснимо<sup>15</sup>.

В 1726 г. вновь был поднят вопрос о необходимости перестройки османской армии. По сообщению русского дипломата И. И. Неплюева, новая инициатива исходила от Ракоци, который предложил создать корпус регулярных войск из венгров, запорожцев и албанцев. Можно предположить причастность к составлению этого проекта и Ибрагима Мютеферрика, поскольку тот же Неплюев в феврале 1725 г. узнал, что «эфенди, который был прежде венгренин и с молодых лет обусурманился», передал для великого везира свое сочинение. В нем он «изобразил о важности и прибыли географии и прочих наук, также как нужно регулярное войско, и какое оно плод принести может»<sup>16</sup>. Хотя имя «эфендия» и название его труда не упомянуты, ясно, что речь идет о написанном к началу 1725 г. трактате «Основы мудрости».

Даже если допустить, что сочинение Ибрагим-эфенди не было связано с проектом Ракоци, другое обстоятельство очевидно — все названные предложения исходили от иностранцев, главным образом от представителей венгерской эмиграции в Османской империи. Во всяком случае, антиавстрийская направленность их планов очевидна. Французский посол де Боннак, известный своей близостью к Ибрагиму Невшехирли, утверждал, что сама Порта в начале 20-х годов готовилась создать корпус из 12 тыс. обученных солдат<sup>17</sup>. Пока не имеется подтверждений словам осведомленного дипломата, но нет и оснований не верить ему. Во всяком случае, в деле организации типографии великий везир оказывал Ибрагиму Мютеферрике и его соратникам большую поддержку. С большим интересом относился он и к испытаниям новых видов оружия. Так, в 1723 г. в предместье Стамбула Кяйтхане были проведены пробные стрельбы под руководством испанского офицера-артиллериста, поступившего на османскую службу и обещавшего наладить изготовление новых мортир, снарядов и гранат большой убойной силы<sup>18</sup>.

<sup>14</sup> Unat F.R. Ahmed III Devrinde ait Bir Islahat Takriri //Tarih Vesikalari. Ankara, 1941. Cilt 1, s. 107–121.

<sup>15</sup> См. подробнее: Каменев Ю.А. Ибрахим Мутаферрика и его сочинение «Усул ал-хикам фи низам ал-умам» (Основы мудрости в устройстве народов) // Письменные памятники Востока 1976–1977. М., 1984, с. 111–158 (перевод текста с.121–154).

<sup>16</sup> АВПРИ. Ф. 89, 1725. Д. 6. Л. 49.

<sup>17</sup> [Bonnac]. Mémoire historique sur l'ambassade de France `a Constantinople par le Marquis de Bonnac, publié avec un précis de ses négociations `a la Porte Ottoman par Ch. Scheffer. P., 1894, с. 223.

<sup>18</sup> АВПРИ. Ф. 89, 1723. Д. 5, ч. 1. Л. 37.

Планы реорганизации армии при Ибрагим-паше Невшехирли остались нереализованными, поскольку попытки их осуществления грозили серьезными осложнениями. Это обстоятельство и имел в виду Неплюев, когда в 1726 г. сообщал об отказе Порты от проекта Ракоци: «... князя Рагоцкого предложения о регулярном войске в действо не произошли, яко то по состоянию здешняго народа без крайней нужд учиница не может»<sup>19</sup>. Более решительно нововведения в армии осуществлялись в 30-е годы, когда к прежним сторонникам военных реформ присоединился еще один «ренегат» — Александр Клод Бонневаль (1675–1747). Выходец из французской аристократической фамилии, профессиональный военный, сражавшийся сначала в рядах французской армии, а затем австрийской, Бонневаль в 20-е годы вступил в конфликт с австрийскими властями и был уволен со службы. После этого он решил принять ислам и предложить свои услуги Ибрагим-паше, зная, что великий везир благосклонно относится к ренегатам и интересуется географическими картами и моделями «очень полезных машин»<sup>20</sup>. После восстания под руководством Патрона Халила в сентябре 1730 г., которое привело к свержению султана Ахмеда III и гибели его зятя Ибрагим-паши Невшехирли, Бонневаль (действовавший под именем Ахмед-паши) некоторое время находился при Ракоци, а в начале 1732 г. был вызван новым великим везиром Топал Осман-пашой в Стамбул. По приказу последнего он был назначен *хумбараджибаши* («главным действительным бомбардирским командиром», как писал Вешняков) для реорганизации корпуса бомбардиров по европейскому образцу<sup>21</sup>. Видимо, тогда же он представил план перестройки всей военной системы.

Наиболее полно деятельность Бонневалья развернулась в первой половине 30-х годов. По распоряжению великого везира Хекимоглу Али-паши ему были предоставлены плацы, бараки и мастерские на азиатском берегу Босфора. Здесь было решено открыть военно-инженерную школу (*хендесхане*): «Из албанцев и арнаутов магометан набрать три тысячи человек и обучать военному регулу под его Бонневалового дирекциею всякой бомбардирской должности, учредя им из ренегатов же французов, при нем находящихся»<sup>22</sup>. Свидетельство Вешнякова интересно и тем, что он отмечает участие в работе хендесхане и других европейцев. Русский дипломат назвал двух из них — графа Рамзея и Морли, об остальных же отзывался довольно пренебрежительно («они достойных к тому качеств, ни знания не имеют») <sup>23</sup>.

После падения Хекимоглу Али-паши влияние Бонневалья сильно пошатнулось, а сам он из-за ссоры с очередным султанским фаворитом был временно сослан в Кастамону, но корпус *хумбараджи* продолжал существовать, а школа работать. В феврале 1736 г. Вешняков сообщал об очередных учениях, проведенных у султанской загородной резиденции

<sup>19</sup> Там же, 1726. Д. 6. ч. 1. Л. 344.

<sup>20</sup> О нем см.: Benedict H. Der Pasha — Graf Alexander von Bonneval, 1675–1747. Graz–Köln, 1959.

<sup>21</sup> Там же, 1732, д. 7. Л. 156 об.

<sup>22</sup> АВПРИ. Ф. 89, 1734. Д. 5а. Л. 214.

<sup>23</sup> Там же, 1735. Д. 5. Л. 492об.

в Саадабаде. Действия солдат «салтану и всем zelo понравились, того ради велено ему <Бонневалою> число удвоить и сим жалование регулярно платить»<sup>24</sup>. Начавшаяся война с Австрией и Россией 1736–1739 гг. не только сорвала планы расширения «Бонневалова завода», но и привела к гибели большей части обученных и хорошо себя показавших в ходе боев солдат. Последнее сообщение о судьбе корпуса относится к 1743 г., когда к власти опять пришел Хекимоглу Али-паша. В ходе его встречи с Бонневалем речь зашла о хумбараджи. Однако француз явно охладел к своему замыслу, поскольку его реализация не обеспечила ему достаточно высокого и устойчивого положения в османской столице<sup>25</sup>. После смерти Бонневала в 1747 г. под давлением янычар бомбардирские части были на довольно длительный срок упразднены, а школа закрыта. Изменившаяся внутренняя обстановка, связанная с временным усилением дворцовой клики, где особым влиянием пользовался глава черных евнухов султанского дворца (*кызлар агасы*) Хафиз Бешир-ага, также не благоприятствовала быстрому возрождению начинаний 20–30-х годов.

Тем не менее, попытки осуществить идею о реорганизации османской армии, вне зависимости от конечного результата, очень показательны, как пример пробуждения интереса в среде столичной бюрократической элиты к достижениям христианского мира и готовности некоторых ее представителей использовать опыт европейцев. Особенно явственно данная тенденция проявилась в начинаниях периода *Ляле деври* (эпохи тюльпанов), которую большинство историков отождествляет с годами деятельности в качестве великого везира Ибрагим-паши Невшехирли (1718–1730). Действительно Ибрагим Невшехирли и некоторые близкие ему деятели Порты проявляли устойчивый интерес к военному опыту европейских держав, к их политической и культурной жизни. Именно в это время в среде столичной знати возникла мода на все европейское (алафранга). Впрочем, ясно и то, что вряд ли можно определять хронологические рамки рассматриваемого явления датами правления султанов и великих везиров, ведь речь идет об идеях, получивших распространение, по крайней мере, в среде правящей верхушки империи. Показательно, что со свержением Ахмеда III, гибелью великого везира и некоторых людей из его окружения интерес столичной элиты к Европе не угас. Более того, попытки «европеизации» османского общества продолжались и при преемниках Ибрагима Невшехирли, причем в в 30-е годы они осуществлялись более активно, чем в годы его везирата. Эти соображения позволяют определить время возникновения тенденции к заимствованию европейского опыта более широко — от Карловицких мирных договоров 1699 г., зафиксировавших начало отступления турок из Европы, до 1740 г., когда султан Махмуд I (1730–1754) своим декретом вынужден был провозгласить бессрочное действие льготных условий торговли («капитуляционных прав»), предоставленных Франции. Вскоре тот же

<sup>24</sup> Там же, 1736, д. 5, ч. 1. Л. 225 об.

<sup>25</sup> Там же, 1743. Д. 4. Л. 520.

принцип был распространен на торговлю с другими европейскими державами. Тем самым было фактически признано могущество Европы.

Активность «западников» и широта их интересов позволяют увидеть связь между модой «алафранга», нововведениями и изменениями во внешней политике Порты. Становление нового подхода к проблемам взаимоотношений Османской империи со странами Европы является еще одним выражением перемен, позволяющим связать в единую картину свидетельства подобного рода. Более того, само развитие событий на протяжении столетия дает основание говорить, что сановники Порты придавали большое значение новациям во внешней политике, чем в других сферах деятельности. Поэтому сдвиги в расстановке сил на международной арене были осмыслены раньше и полнее, чем существо процессов во внутренней жизни. Уже первым «западникам» было ясно, что немедленное перенесение европейских институтов на османскую почву чревато серьезными политическими осложнениями. Об этом говорит явная диспропорция между обилием проектов преобразований и малыми усилиями по их реализации. В подобных условиях единственной более или менее широкой областью их активности оставались международные отношения.

Российский дипломат А. М. Обресков (1720–1787), опираясь на длительный опыт контактов с турецкими *эряк-и девлет* (государственными мужами), сформулировал основные положения, традиционно определявшие суть внешней политики Османской империи. На первое место он поставил положение о том, чтобы с «христианскими potentатами в союзы не вступать». Оно опиралось на общее убеждение, что основатели империи создали ее с помощью военной силы и религиозного рвення («имея в одной руке саблю, а в другой Алкоран»), а также на веру в «надмерное могущество империи их, и которая всякую державу покорить может без посторонней помощи»<sup>26</sup>. После Карловицкого мира части столичной бюрократической элиты стало ясно, что строить европейскую политику на подобных основах Порты вряд ли могла. Поэтому уже в первое десятилетие XVIII в. обозначилось их стремление к более обдуманному и осторожному действиям.

Между тем международная обстановка в Европе тех лет представляла немалые возможности для возобновления военных экспедиций. Так, после подписания Альтранштедтского мира между Карлом XII и курфюрстом Саксонии Фридрихом Августом I, являвшимся в те годы и королем Польши, резко обострились отношения между Австрийской империей и Швецией из-за вопроса о положении протестантов. Многие европейские политики ожидали, что турки воспользуются этими осложнениями, а также начавшимся восстанием в венгерских провинциях австрийского императора под руководством Ф.Ракоци, чтобы взять реванш за поражение в войне 1684–1699 гг. и вернуть уступленные австрийцам земли. Однако Порты не спешила с объявлением войны, выжидая дальнейшего развития событий. Схожая ситуация сложилась после начала

<sup>26</sup> Там же, 1761. Д. 3. Л. 124–124 об.

русского похода Карла XII. Она открывала заманчивые возможности для реализации агрессивных замыслов той части османской и крымской элит, которая придерживалась откровенно антироссийской позиции. К числу явных недоброжелателей России относился и Чорлулу Али-паша, занимавший в 1706–1710 гг. пост великого везира. Тем не менее, он не принял предложений Карла XII о совместном выступлении. Его главный драгоман Александр Маврокордато в ответ на запрос российского посла П. А. Толстого (1645–1729) о возможности заключения военного союза между Османской империей и Швецией сослался на упомянутый выше максимум внешней политики, заявив, что такие соглашения не практикуются султанским правительством. Дм. Кантемир позже писал об Али-паше» «Он не любил русских и неоднократно старался им навредить, однако в то же время был приветлив с ними, поскольку боялся быть втянутым в войну, в которую его пытался вовлечь Карл XII ... Он стремился к завоеваниям, но не хотел подставлять страну под угрозу потерять многое из-за надежд на завоевание малого. Это и сделало его таким противником войны; опыт последних войн убедил его в силе хорошо дисциплинированных христианских войск и в слабости огромных мусульманских армий»<sup>27</sup>.

Впрочем, внутренние проблемы, давление представителей военно-служилой знати и опасения народных бунтов время от времени заставляли Порту вновь обращаться к военным действиям. Таковы причины русско-турецкого конфликта 1710–1711 гг. и войны Османской империи против Венеции и Австрии в 1714–1718 гг. Новые территориальные потери, зафиксированные Пожаревацким миром, существенно усилили позиции сторонников более реалистического курса внешней политики. Его выразителями стали Ибрагим Невшехирли и Николай Маврокордато. Правда, в первые годы *Ляле деври* французские дипломаты еще рассчитывали на возможность нового австро-турецкого конфликта с целью возвращения Белграда и Темешвара. Поскольку великий везир не надеялся на силу своих войск, он попытался организовать антиавстрийскую коалицию в составе Франции, России и Османской империи. Важное место в этих замыслах отводилось посольству Йирмисекиз Челеби Мехмед-эфенди во Франции. Неудачный исход переговоров в Париже и вовсе охладил Ибрагим-пашу к планам реванша.

Примерно с того же времени важной чертой внешнеполитического курса Порты стали усилия по нормализации отношений с основными противниками империи — Австрией и Россией. Сближение последних заставило Ибрагим-пашу Невшехирли заключить соглашение с Петербургом о разграничении российских и османских владений в Закавказье и отказаться от прямой конфронтации с Венским двором. Была и другая причина, вынуждавшая великого везира избегать конфликтов в Европе. Речь идет о восточном аспекте внешней политики Порты. Если соотношение сил на Западе было явно не в пользу Стамбула, то острый политический кризис в Иране в связи с фактическим крахом власти Сефевидов в 1722 г.

<sup>27</sup> Cantemir D. Histoire de l'Empire Ottoman..., с. 455.

создал благоприятную ситуацию для удовлетворения агрессивных замыслов тех, кто ратовал за продолжение завоевательных походов. Стамбул незамедлительно воспользовался положением, сложившимся в Иране, надеясь с помощью громких побед поднять авторитет правительства. Однако расчеты на легкий успех не оправдались. На смену первым удачам, обещавшим расширение сферы османского влияния на Кавказе и обильную добычу, к концу 20-х годов пришли поражения, ставшие губительными не только для тысяч солдат, но и для самого великого везира.

Начавшаяся в 1722 г. турецко-иранская война растянулась, с некоторыми перерывами, на 25 лет и привела к опустошению государственной казны, разорению многих районов Анатолии, способствовала росту сепаратизма в восточных провинциях. При объяснении причин продолжительности столь непопулярной в народе войны можно выделить два момента. Во-первых, правителям империи она была нужна, чтобы, в соответствии с советом Н. Маврокордато, «неприятелей своих и беспокойствия духи было куда отдалить». Во-вторых, наличие «персидской войны» помогало Порте противостоять натиску своих ближайших союзников тех лет — Франции и Швеции, стремившихся вновь толкнуть Османскую империю на открытый конфликт с Россией и Австрией. Показательна позиция уже упоминавшегося Мехмеда Саид-эфенди во время его посольства в Швецию в 1732 г. На обеде, данном королем в честь посла, речь зашла о турецко-иранской войне. Король предложил направить на помощь туркам 20–30 тыс. шведских солдат. Отвечая ему, «западник» Саид-эфенди вновь сослался на традиционные принципы османской внешней политики: «Как Вам известно, Османское государство в своих войнах не нуждается ни в чьей помощи, все наши завоевания и победы добыты нами с помощью собственных мечей. Вы, наши друзья, не должны утруждать себя ни материально, ни физически. Достаточно, что Вы оказываете нам моральную поддержку»<sup>28</sup>.

Попытки преемников Ибрагима Невшехирли, в частности Хекимоглу Али-паши, опытного политика и дипломата, неоднократно занимавшего пост великого везира (1732–1735, 1742–1743, февраль—май 1745 г.), принять более самостоятельное участие в европейских делах выявило слабое знание «министрами» Порты принципов и методов европейской дипломатии, что повлекло за собой крупные просчеты в оценке общей ситуации и намерениях отдельных держав. Следствием этих ошибок стала война с Австрией и Россией, от которой пытались удержать султана более осторожные политики. Тем не менее, султанский двор поверил «внушениям» французского посла Вильнёва, что Россия при преемниках Петра I не в состоянии начать войну против Османской империи и что другие европейские державы до того не допустят. Габсбурги, по его утверждению, не осмелятся поддержать Петербург потому, что их руки связаны войной за польское наследство. Париж же будет противодействовать австрийцам, пока не закончится русско-турецкий конфликт.

<sup>28</sup> Цит по: Gocek F. East encounters West..., с. 92.

Ход военных операций быстро выявил несостоятельность заверений Вильнёва. После того, как русские войска в 1737 г. оказались в Крыму, Порта была вынуждена предложить мирные переговоры. Несогласованность позиций союзников на Немировском конгрессе 1737 г. позволила османским делегатам уйти от принятия жестких требований русской стороны, сформулированных А. И. Остерманом. Поддержка посредника, французского посла, в ходе мирных переговоров под Белградом помогла Порте не только сохранить отвоеванные у австрийцев территории, но и свести на нет претензии России, несмотря на ее военные победы. Усердие Вильнёва Порте пришлось оплатить дорогой ценой. В 1740 г. султан, «во внимание к старинной дружбе» и «к недавно еще данным доказательствам особой искренности», возобновил все привилегии французским подданным, предоставленные им по раннее данным «капитуляциям». Однако, если прежние подобные акты действовали в течение жизни тех правителей, которые их предоставляли, и даже могли быть ими же отменены, то Махмуд I дал обязательство от своего имени и за всех своих преемников не допускать никаких нарушений статей договора 1740 г.

После заключения Белградского мира османская правящая верхушка продолжила курс на активное участие в европейских делах, постепенно осваивая новые принципы дипломатии и отказываясь от традиционных представлений османских правителей, привыкших осуществлять свой курс, не связывая себя какими-либо обязательствами в отношении «врагов веры». Об этом свидетельствует заключение первых двусторонних договоров с христианскими государствами: вначале турецко-шведского оборонительного союза, затем турецко-неаполитанского (с Королевством обеих Сицилий) о дружбе и торговле. В первом случае французская дипломатия приложила большие усилия, чтобы «помочь» османским политикам преодолеть колебания и заключить союз. Во втором она активно противодействовала, но султанский двор не посчитался с открытым заявлением Вильнёва о том, что подобная акция противоречит французским интересам. Еще большую самостоятельность проявила Порта, заключив «вечный мир» с Габсбургами в 1747 г. Его подписание не означало полного урегулирования отношений между двумя империями, но обозначило смену представлений в правящей верхушке о наибольшей угрозе Османской империи.

По существу, «вечный мир» 1747 г. можно рассматривать как очень важный рубеж во внешней политике Порты. До этого времени основным противником считалась империя Габсбургов. В дальнейшем на первое место выходит Россия, а Габсбурги представляли угрозу для Порты лишь в качестве союзника Петербурга. Укрепление России, по мнению стамбульских властей, создавало грозную опасность, заключающуюся не столько в устойчивом, но не очень эффективном австро-русском союзе, сколько в развитии тесных связей между Петербургом и балканскими народами, находившимися под османским владычеством. Подобные обстоятельства и заставляли Порту быть весьма осторожной в отноше-



ниях с российскими самодержцами и почти 30 лет избегать открытого столкновения. Восприятие султаном Махмудом I и его окружением новой ситуации хорошо раскрывается в одном из докладов переводчика российского посольства в Стамбуле Николая Буйдия, представленных в коллегии иностранных дел в 1752 г. Автор отмечает, что султан «безпрестанно в сердце носит столь великий страх от России» из-за роста ее военного могущества. Поэтому он требует от великого везира «дабы всегда к российским делам употреблял разумные средства, которые бы не могли подать повод слышать оному султану несогласие с Россией»<sup>29</sup>.

Пересмотр прежних представлений о роли России в международной политике означал и изменение всей внешнеполитической доктрины. Это нашло свое выражение в повороте к развитию дружественных отношений с европейскими государствами, особенно с теми, которые находились в открытом конфликте с Россией — Швецией, Польшей, Пруссией. Одновременно османские дипломаты должны были искать союза с ведущими державами Европы тех лет, чьей целью было помешать расширению влияния Петербурга на международной арене. Чаще всего это была Франция, «издревле истинный Порты друг», но в ряде случаев Порты обращалась к Лондону. Так, после подписания 1 мая 1756 г. в Версале договора между представителями Франции и Австрии, Англия на какое-то время была признана главным инструментом, определявшим османскую политику в Европе. По совету британского посла Дж. Портера султанское правительство решило немедленно заключить с Данией договор о дружбе и торговле, против которого возражали австрийские и российские дипломаты в Стамбуле.

Замыслы и деятельность османской правящей верхушки во второй половине XVIII в. производят более противоречивое впечатление. Сообщения дипломатов из Стамбула в 50–60-е годы содержат мало упоминаний о мероприятиях, которые можно было бы рассматривать как продолжение новаций «эпохи тюльпанов». Основное внимание Порты переключилось на события внутренней жизни, и прежде всего на усилия по сохранению контроля над провинциями, борьбу с мятежами и другими выражениями недовольства политикой центрального правительства, а также на изобретение средств к пополнению истощенной казны. Современники пытались объяснить отмеченное обстоятельство пристрастиями нового султана Османа III (1754–1757). В отличие от своего предшественника он выступал как ревностный мусульманин и блюститель канонов империи. Выйдя, наконец, из внутренних покоев дворца, где он пробыл в заключении 50 лет, новый монарх произвел настоящую «революцию» в серале, сократив число придворных служителей, изгнав шутов и карликов, уволив прежних евнухов, приказав убрать из дворцовых помещений все «гяурские» украшения — картины, фарфор, часы, дорогие гобелены. При нем вновь стали строго следить за соблюдением запретов в отношении курения и вида одежды для немусульман, за правилами поведения женщин в общественных местах. Однако Осман III оставался на

<sup>29</sup> АВПРИ. Ф. 89, 1752. Д. 7. Л. 11об.–12.

троне лишь три года, и, следовательно, «переменчивость его нрава» вряд ли могла серьезно повлиять на политику Порты.

Значительно более интересной фигурой для того времени был Коджа Рагыб Мехмед-паша, ставший великим везиром при Османе и сохранившим свой пост при следующем султани Мустафе III (1757–1774). Многолетней службой в канцеляриях Порты, выполнением обязанностей реис-эфенди в 1741–1744 гг., деятельностью в качестве провинциального губернатора он заслужил отменную репутацию. Коджа Рагыб-паша был также известен своей образованностью и назывался в числе лучших поэтов своего времени. Оставаясь на посту великого везира в течение семи лет (1757–1763), он сумел подчинить себе весь правительственный аппарат и умело противостоять интригам дворцовой партии, направляемой главой черных евнухов. В более широком смысле можно считать везират Коджа Рагыба временем окончательного утверждения роли столичных бюрократов-*риджалей* в османской политической системе<sup>30</sup>. Укрепление позиций бюрократической элиты сопровождалось новыми усилиями, направленными на повышение военного потенциала империи. Власти попытались восстановить деятельность военно-инженерной школы. Традиционными стали султанские смотры войск, на которых проверялся уровень подготовки солдат.

Акции, инициатором которых выступал Коджа Рагыб-паша, демонстрировали верность принципам внешней политики 20–30-х годов. Для их правильной оценки важно учитывать, что Мустафа III оказался сторонником методов своих предков, делавших ставку на военные действия, что и не удивительно для правителя, долгие годы остававшегося отрезанным от всякого участия в жизни страны. Поэтому Рагыб-паше неоднократно приходилось идти наперекор султану, доказывая преимущества дипломатических методов политики над военными. Так, осенью 1758 г. на одном из заседаний Дивана рассматривалась возможность объявления войны России, которая вела в то время военные действия против прусского короля Фридриха II. В противовес султану, считавшему, что нужно принять все меры, дабы сорвать наступление русских войск в Пруссии, партия великого везира, по свидетельству Обрескова, доказывала, что в интересах империи «оставить христианские державы между собой разорятца и ослабевать», иначе «оные примирятца, следовательно Порта найдется в весьма тяжкой и многим опасностям подвергшейся войне»<sup>31</sup>. После побед русских войск под Цорндорфом и Кунерсдорфом положение прусского короля стало критическим. Именно в это время в Стамбуле по инициативе английских дипломатов начались переговоры о турецко-прусском соглашении. В марте 1761 г. они завершились подписанием согласованного документа, антирусского по своей направленности. Однако его реальную значимость не следует преувеличивать. Вопреки всем домогательствам эмиссаров Фридриха о заключении «наступатель-

<sup>30</sup> О нем см.: Itzkowitz N. Men and Ideas in the Eighteenth Century Ottoman Empire // Studies in Eighteenth Century Islamic History. Ed. by Th. Naff, R. Owen. Amsterdam, 1977, с. 22.

<sup>31</sup> АВПРИ. Ф. 89, 1758. Д. 6. Л. 170–171.

ного или, по крайней мере, оборонительного союза», великий везир согласился лишь на трактат «дружбы и коммерции» по образцу акта, заключенного ранее с Данией. Объясняя смысл позиции Коджи Рагыба, Обресков отмечал, что тот «простым трактатом дружбы Порту ничем не компрометирует»<sup>32</sup>. Готовность великого везира пойти на заключение договора, по мнению русского дипломата, определялась его желанием заставить прусского короля продолжать войну как можно дольше. Такого же мнения придерживались в Петербурге. И. И. Панин, ставший в 1763 г. ближайшим советником Екатерины II по внешнеполитическим делам, отмечал, что «король прусский знает из союзов других держав, сколь мало оне из того получили действительной пользы от турок»<sup>33</sup>.

О правоте выводов Обрескова свидетельствует еще один эпизод, связанный с Семилетней войной. С 1760 г. в переписке между Фридрихом II и Портой обсуждался вопрос о возможности выступления турок против Австрии. В порядке компенсации Берлин обещал содействовать возвращению туркам Темешвара и Петервардена. Однако к лету 1762 г. стало ясно, что Порта вовсе не готовилась к войне. Те военные приготовления, которые открыто осуществлялись в европейских провинциях империи, совсем не означали, что османские правители собирались выступить против австрийцев. Тот же Обресков расценил их как «позолоченную пиллюлю», которую Порта приготовила для Фридриха, ибо в Стамбуле хотели провести лишь демонстрацию «для устрашения Венского двора» в надежде заполучить утраченные крепости, «не обнажая сабли»<sup>34</sup>. Такая «пиллюля» предназначалась не только для Пруссии, но и для Мустафы III. Затеянные маневры были, несомненно, созвучны его «марциальному» духу. Они не произвели слишком большого впечатления на Венский двор, который отказался уступить захваченные города на австро-турецкой границе. Более того, они ничего не изменили в «миролюбительных сентиментах» Порты, но избавили великого везира от «навлечения на себя какого нареkania».

Коджа Рагыб умер, оставаясь, вероятно, в уверенности, что его курс на дипломатическую игру и использование взаимного соперничества европейских держав дает османскому обществу достаточную возможность адаптироваться к новым условиям существования. Однако реальных плодов этот курс не принес. Время, когда Порта могла бы попытаться применить европейский опыт для реорганизации своих политических институтов, особенно армии, было упущено. С окончанием Семилетней войны стала ясна несбыточность надежд на то, что Османскую империю по-прежнему будут «содержать в почтении». Чем активнее Порта стремилась включиться в «концерт» европейских держав, тем больше попадала под воздействие противоречий, которые разделяли его участников. Внешняя политика теряла свою самостоятельность, все больше

<sup>32</sup> Там же. Оп. 89/8, 1762. Д. 324. Л. 160б–17.

<sup>33</sup> Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769 по 1774 г. Т. 1, с.126.

<sup>34</sup> АВПРИ. Ф. 89, 1762. Д. 3. Л. 193 об.

подпадая под влияние противников растущего влияния России. В итоге, сама логика выбора османской элитой сторонников («своих») и противников («чужих») в Европе привела к новой русско-турецкой войне 1768–1774 гг.

Побуждаемая Францией Порты вмешалась в польские дела, мобилизовав огромную армию. Однако война показала явную неготовность империи к боевым действиям. Она вскрыла качественную отсталость турецких войск с точки зрения организации, уровня материально-технического оснащения и состояния военных знаний. На первом же военном совете великий везир признался, что ничего не понимает в военном деле. Не лучше были и другие военачальники, преуспевшие в основном в казнокрадстве<sup>35</sup>. Уже в 1771 г. под влиянием тяжелых поражений в Крыму и на Дунае в армии началось повальное дезертирство. Франция, втянувшая Порту в войну, по существу, не оказала ей никакой помощи. Военные победы России оказали большое влияние на пробуждение национального самосознания в среде немусульманского населения Балкан, вселив в него надежду на скорое избавление от чужеземного господства. Появление в Средиземном море небольшой русской эскадры под командованием вице-адмирала Г.А.Спиридова стало сигналом для восстания греческого населения Мореи в 1770 г. Оно было подавлено, но показало, что идеи борьбы за свободу уже довольно глубоко проникли в сознание балканских народов.

Завершивший войну Кючук-Кайнарджийский мирный договор имел важное значение, как для России, так и для Османской империи. Он предоставил России право торгового судоходства по Черному морю и торговые льготы российским купцам. Крым был объявлен независимым от Стамбула. Правители России получали право покровительства молдавским и валашским господарям и православной церкви в султанских владениях. Поражение в войне со всей остротой поставило перед османскими властями вопрос о будущем империи и дало толчок новым проектам и программам преобразований. Наиболее дальновидные реформаторы во главе с великим везиром Халилом Хамид-пашой (1736–1785), наряду с осуществлением начальных шагов по реорганизации армии, выступили за более серьезные перемены, в частности за ликвидацию сипахийской системы и реорганизацию янычарского корпуса<sup>36</sup>. Стремясь заручиться поддержкой европейских держав в осуществлении своих планов, сторонники нововведений закрывали глаза на то, что для Франции и других западных государств помощь реформаторам была лишь прикрытием их политики, направленной на

<sup>35</sup> Об этом см.: [Ахмед Ресми-эфенди]. Сок достопримечательного. Записки Ресми Ахмед-эфендия, турецкого министра иностранных дел // Сенковский О.И. Собрание сочинений. Т. 6, с. 237–314. Об авторе и его деятельности см.: Aksan V. An Ottoman Statesman in War and Peace. Ahmad Resmî Efendi, 1700–1783. Leiden, 1995.

<sup>36</sup> См. подробнее: Дружинина Е.Н. Кючук Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955.

усиление своих экономических позиций и политического влияния на Ближнем Востоке<sup>37</sup>.

Те перемены в социальной структуре османского общества, которые происходили на протяжении столетия и те нововведения, что начали осуществлять османские реформаторы на рубеже 80-х годов, вряд ли серьезно повлияли на религиозно-этнические символы идентичности, определявшие сознание разных народов империи. Действия правящей верхушки и реакция на них горожан и сельских жителей по-прежнему определялись категориями религиозного сознания (мир ислама — христианский мир). Их сохранению способствовало существование тех традиционных институтов, за упразднение которых выступили сторонники преобразований. Их противники умело использовали недовольство народа ухудшением материального положения в годы войны. Присоединение Крыма к России в 1783 г. стало сигналом к началу выступлений в Стамбуле против реформаторов, задумавших, по мнению их участников, погубить империю, войдя в сговор с «гяурами». В 1785 г. Халил Хамид-паша был свергнут, а затем казнен вместе с группой своих сторонников. Новые руководители Порты решили бороться за возвращение Крыма и в 1787 г. объявили войну России. После ряда сокрушительных поражений от русских войск Порте пришлось вновь запрашивать мира. С заключением Ясского мира 1792 г., который подтвердил ранее подписанные российско-османские соглашения и установил новую границу между Россией и Османской империей по Днестру, совпало и значительное усиление роли Восточного вопроса в международных отношениях.

Существо этой проблемы выступает как совокупный результат экономических, социально-политических и этно-религиозных перемен, связанных с вовлечением Османской империи в мировую экономическую систему. Возникновение Восточного вопроса в середине XVIII в. отчасти вызвано обострением соперничества европейских держав за преобладающее влияние на Балканах и Ближнем Востоке, отчасти возрастающей ролью России на международной арене и распространением в среде балканских народов идей освободительного движения, успех которого напрямую связывался с военными победами России. Само ее вступление в данную сферу международной политики определялось в какой-то мере преувеличенной оценкой степени слабости Османской империи в окружении Екатерины II, отразившейся в известном «Греческом проекте». Политическая комбинация, положенная в основу проекта, была явно неосуществима, но ее выдвижение помогло Петербургу реализовать свой план присоединения Крыма. Именно поэтому Ясский мирный договор, предусматривавший окончательное включение Крыма в состав России, вызвал резкую активизацию дипломатической активности европейских держав, выступавших против усиления влияния российской дипломатии в Восточном вопросе. В Париже, Лондоне и других западных столицах

<sup>37</sup> О нем см.: Uzunçarşılı İ.H. Sadrazam Halil Hamid Pasa // *Türkiyat Mecmuası*, Ankara, 1935, cilt 5, s. 213–267; Yücel Y., Sevim A. *Türkiye Tarihi*. Cilt 4 (1730–1860). Ankara, 1992, s. 75–82; Mantran R. *Osmanlı İmparatorluğu Tarihi*. Cilt 2, İstanbul, 1999, c. 10–11.

заговорили о «русской угрозе» территориальной целостности Османской империи<sup>38</sup>.

Османским ответом на эти предсказания можно считать реформы, предпринятые в 1792–1793 гг. новым султаном Селимом III (1789–1807). Основная цель преобразований, получивших название *низам-и джедид* (обновленный порядок), состояла в укреплении центральной власти за счет воссоздания боеспособной и сильной армии. Подобные идеи были не новы, их пытались осуществить и предшественники Селима. Вслед за ними реформаторы из окружения молодого султана стремились усилить армию за счет создания регулярных, по-европейски обученных частей. Для проведения таких начинаний были приглашены иностранные инструкторы, главным образом — французские офицеры и военные инженеры. Выполнение задуманных проектов было возможным лишь в условиях сохранения мирных отношений с Россией и Австрией. Поэтому последнее десятилетие XVIII в. отмечено тенденцией на укрепление и развитие русско-турецких и австро-турецких связей. Благодаря усилиям миссии М. И. Кутузова в Стамбуле был погашен острый конфликт между султанским двором и Веной. В свою очередь, Порта решительно отказалась выступить с враждебным демаршем по поводу второго раздела Польши. Охлаждением франко-турецких отношений воспользовался Наполеон, выдвинувший идею захвата Ионических островов и побережья Адриатического моря, а затем возглавил высадку экспедиционного корпуса в Александрии. Оккупация Египта привела к разрыву франко-турецких отношений, заставив Порту искать поддержки у Павла I. Выражением этих перемен стал союзный договор между Россией и Османской империей, подписанный 3 января 1799 г. Петербург обещал своему новому союзнику военную помощь в 12 линейных кораблей и 75–80 тыс. солдат. Порта обязалась открыть проливы для прохода российской эскадры Ф. Ф. Ушакова. Договор оказался недолговечным, но для историков он важен тем, что впервые показал возможность кардинально иного курса международной политики Порты и еще раз подчеркнул значение проливов для русско-турецких отношений<sup>39</sup>.

Целое столетие отделяет проход эскадры Ушакова чрез проливы от появления первого российского военного корабля у берегов Босфора. Такой длительный срок понадобился османской правящей верхушке для осознания тех изменений, что происходили в самой империи и в мире. Медленное осмысление меняющихся возможностей государства и его роли на международной арене определялось прежде всего прочностью архетипов традиционного сознания, ориентировавшегося на религиозные приоритеты и на веру в военную мощь и неисчерпаемость человеческих и материальных ресурсов державы. Наряду с этим обстоятельством нужно учитывать и другие факторы. К числу таковых следует отнести

<sup>38</sup> См. об этом: Bagis A.I. Britain and the Struggle for Integrity of the Ottoman Empire: Sir Robert Ainslie's Embassy to Istanbul, 1776–1794.

<sup>39</sup> Виноградов В. Н. «Второй роман» генерала Бонапарта и балканские грезы императора Павла // История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004, с. 168–170.

начавшееся вовлечение империи в мировую экономическую систему в качестве ее периферийного компонента. Разумеется, ни сельское хозяйство, ни городское производство в османских землях еще не были готовы к функционированию в рамках капиталистического рынка. Однако социально-экономические последствия данного процесса проявились в XVIII в. в явной неравномерности наступления перемен в разных подсистемах османского общества, что и определило кризисное состояние всего организма. Ранее всего оно выявилось в сфере материального производства, позже — в области социально-политических отношений. Менее всего оказалась задета духовная жизнь, о чем можно судить не только по состоянию литературы и искусства, но и по замедленной реакции правящей элиты на новые явления в османской действительности. Наличие подобных диспропорций и породило социально-политический кризис в империи. Поскольку предсказания о ее скорой гибели не подтвердились, существо процессов, переживавшихся в рассматриваемый период можно определить как «выравнивание», по крайней мере частичное, диспропорций, возникших между отдельными сферами общественной жизни. Направленность подобных усилий лучше всего демонстрируют реформаторские начинания, предпринятые при Селиме III и показавшие их ориентацию на западные институты. Попытки осуществления такого курса показали, что преодоление кризиса достигается дорогой ценой, ибо занимает длительное время и сопровождается большими потерями. Тем не менее, дав толчок переменам, кризис, в конечном счете, содействовал более устойчивому функционированию всей общественно системы. С его помощью были обеспечены ресурсы для дальнейшего существования империи, чего современники не могли предвидеть.



Ортайлы И. (Турция, Стамбул)

## Российско-турецкие отношения в XVIII веке\*

Когда мы говорим о российско-турецких отношениях или о российско-турецкой истории XVIII века, то, по сути, имеем в виду не только историю двух стран, но и очень важный поворотный пункт в истории Европы, ознаменовавшийся двумя последствиями — модернизацией двух традиционных обществ и привнесенными этой модернизацией войнами и напряжением.

В XVIII веке Европа меняется. Прежние порядки перерастают в систему государственного централизма. Меняются прежние общественные структуры, и Европа становится тем континентом, где начинают уже доминировать национальные государства и националистические идеологии. Наконец, в качестве последней стадии Европа приобретает чувство бесспорного превосходства (европоцентризма), рассматривая себя как высшую стадию цивилизации. Если исходить из философии истории Вольтера, то получается, что центром цивилизации являются Франция и Европа, и история существовала только для того, чтобы создать Европу XVIII века. Вольтер считает, что это самая последняя и наивысшая стадия развития человечества, после чего Европа будет просвещать мир...

Несомненно, в XVIII веке отношения России и Османской империи стали более интенсивными. Дипломатические отношения между этими странами были установлены в XV в. В XV–XVI вв. российско-османские отношения сводились к войнам и торговле. Россия не являлась государством, которое могло напрямую контактировать со Стамбулом до Карловицкого мира (1699). Был лишь обмен посольскими миссиями. В начале XVIII века при султанском дворе открылось постоянное посольское представительство. Первым российским послом, приехавшим в 1702 году, был Петр Андреевич Толстой. Жизнь посла была и активной, и полной невзгод. Во время Прутского похода 1711 года он был арестован. В 1714 году он покидал Стамбул усталым дипломатом. Его письменные отчеты относительно политического, военного и социального положения Османской империи достигали порой сотен страниц и являются для историков ценным источником.

Точно так же, как и войны, которые две страны вели на протяжении XVIII века, весомый след в истории оставили торговые и культурные связи. Постепенно отношения структурировались. К постоянным посоль-

\* Доклад на симпозиуме, посвященном 500-летию российско-турецких отношений. Симпозиум проходил в Анкаре в 1992 году и был организован совместно Турецким историческим обществом и Российской академией наук.

ствам добавились консульства. Кючук-Кайнарджийским мирным договором 1774 года было признано религиозное лидерство царя и султана в отношении соответственно христианских и мусульманских подданных двух империй.

Кроме того, как мы уже отмечали, XVIII век — это век, когда две империи переживали период, который мы называем европеизацией. Для них это был очень важный этап. Однако Европа тогда не признавала эти европеизирующиеся империи равными ей самой. Характерно, что идея европейского союза тогда уже родилась в головах некоторых мыслителей. Например, один из министров короля Франции Генриха IV выдвигал проект единого европейского парламента государств Европы (такowymi признавалось только 15 государств). В этот парламент государства, не считавшиеся европейскими, т.е. Россия и Османская империя, не должны были входить. Существует живописное полотно, относящееся к народному искусству Австрии XVIII века, где среди народов Европы изображены турок, но очень негативно, и русский, еще более негативно. Объявлялось, что «религия турков дьявольская, а русских еще хуже» (Австрия, Вена, Музей народного искусства, картина 30-905, 104 x 127). Обе империи в Европе не признавались своими ни народом, ни элитой, и относились к тем частям мира, на будущее которых смотрели с сомнением. Такая антирусская и антитурецкая позиция Европы была причиной дискуссий об отношении к Западу и европеизации и полемических комментариев по этому поводу, которые на протяжении веков велись среди интеллигенции этих двух стран. Эта позиция Европы в какой-то степени сохраняется и сейчас.

Наконец последнее. Начиная с XVIII века история России не может мыслиться без Турции, а история Турции — без России. Именно с этого века новая научная отрасль — российско-турецкая история — превращается в общую область исследований историков двух стран. Правда, накопление исторического материала и научные методы его осмысления явно отстают от собственно исторической действительности. Российско-турецкая история — это пока что еще недостаточно развитая область исторического знания. Сделано еще очень мало. Сегодня еще не выявлены даже необходимые архивные материалы для таких совместных исследований.

Как мы уже говорили, две традиционные азиатские империи, чтобы выжить, были вынуждены постепенно совершенствоваться, с тем чтобы противостоять Европе с ее европоцентризмом. Вызывают интерес замечания Арнольда Тойнби по этому поводу. Он отмечал, что хотя Россия и европеизируется, она не может доверять Европе, а европейцы, проповедующие европейскую культуру, не могут освоить Россию<sup>1</sup>. Это верно и по отношению к европеизирующейся Османской империи. В этом обе империи очень похожи. Они приспособили к своим структурам элементы иранской и византийской цивилизации и монголо-татарской верховной власти. Одна из империй мусульманская, другая — христианская, но обе они (как православная Россия, так и Османская империя, ведущая вой-

<sup>1</sup> Тойнbee A. Civilization on Trial and the World and the West. New York, 1957, с. 235–241.

ны во имя ислама) вне Европы, и даже против нее. И несмотря на европеизацию, они имеют особую судьбу. Европа для них — это культурный партнер, которому не доверяют, и это среда, с которой они не могут сближаться.

Бросаются в глаза те изменения, которые происходили в России XVIII века. Речь, прежде всего, идет о радикальных реформах такой исторической личности, как Петр Великий. Изменения, происходившие в Османской империи, только сейчас начали привлекать наше внимание. При изучении истории огромной империи (вместе с Балканами и Средним Востоком) видно, что в Османской империи меняются бюрократия, взгляды на жизнь и формы торговых отношений. Особенно большие изменения происходят среди немусульманских народов империи. Хотя это и явное преувеличение, но знаменательно, что историки Болгарии этому периоду своей национальной истории присвоили даже название «Возрождение».

В российско-турецких отношениях XVIII века можно выделить три периода.

Первый период. Начиная с Карловицких соглашений (1699), завершивших войну между Турцией и «Священной Лигой» (Австрия, Венеция, Польша, Россия), для османов начинается период, сходный с эпохой Петра Великого в России. Вначале османские лидеры смотрели с сомнением и даже насмешкой на петровские реформы. Действительно, во время Прутского похода Россия в военном отношении не превосходила османское государство. Благодаря Прутскому мирному договору, территориальные потери, которые принесли османскому государству Карловицкие и последовавший за ним Константинопольский (1700 г.) мирные договоры, были восполнены Россией.

Петр Великий по этому последнему договору получил крепость Азов. Но к Черному морю он так и не смог выйти, так как не мог завоевать полуостров Крым. Напряженную ситуацию между двумя странами усугубило прибытие в османские земли с 1710 года шведского короля Карла XII. Началась война против России. В российской историографии, особенно в работах С. Ф. Орешковой, отмечается, что этому особенно способствовала Франция. Рассмотрим этот вопрос.

В сущности, речь идет даже не только о том, что Франция в данном случае подстрекала Османскую империю к войне против России. Следует говорить о периоде османской политики, ориентированной на Францию, и в отношении Крымского ханства, о дружественных отношениях с противниками России (Польшей и потом Швецией). Это был период, когда Крымское ханство втягивало Высокую Порту, т.е. своего сюзерена, в войну против России.

Тогда же начинают формироваться группировки сторонников той или иной политики. Так, Мехмед Гирей, сын Девлет-Гирей-хана, не считая политику Великой Порты достаточно враждебной по отношению к России, публикует от имени Девлет-Гирея некий «Универсал», практически повторяющий заявление шведского короля Карла XII, направленное к нейтральным странам 28 января 1711 г., т.е. еще во время войны.

Единственный историк, упомянувший об «Универсале» на польском языке, — покойный Акдес Нимет Курат. Мы обнаружили экземпляр этого (крымского) «Универсала», написанный на латинском, во французском архиве Кэ д'Орсэ. В документе приветствовалась смена власти в Польше и поддерживались требования шведского короля; подчеркивалось, что война Османской империи, а по сути Крымского ханства, против России необходима для того, чтобы защитить, в частности, права Польши. «Документ» свидетельствует о стремлении Крымского ханства стать во внешней политике более независимым от Великой Порты. Характер «Универсала», исходящего от Крымского ханства, показывает и то, что в этом случае речь идет уже не о влиянии Франции, а скорее о своего рода провокации Крымского ханства по отношению к Великой Порте<sup>2</sup>.

О XVIII столетии мы располагаем рядом исследований. Помимо трудов историков-классиков (В. Д. Смирнов, Т. Крылова) и исследований С. Ф. Орешковой, М. С. Мейера, особенно следует отметить работу покойного А. Н. Курата «Прутский поход и мир»<sup>3</sup>, в которой освещаются проблемы отношений между Россией и Османской империей исходя из позиций и той и другой воюющей стороны. В период Петра Россия для Османской империи еще не представляла большой опасности. И, как мы уже говорили, реформы Петра в трудах османских историков и донесениях послов оценивались отрицательно.

Османский посол Нишли Мехмед Ага, который в то время находился в России, пишет о военных парадах и официальных приемах (эти банкеты зачастую заканчивались скандальными историями), которые устраивал Петр, как о «шутовстве и безобразиях царя». Однако османский посол Шехди Эфенди, побывавший в стране в период царствования Елизаветы Петровны, описывает учреждения России и ее повседневную жизнь уже не с пренебрежением, а с удивлением и интересом. Это описание касается даже только что созданной оперы и музыкальных оркестров. Все изложено очень обстоятельно. А Мустафа Расих-паша, который приехал в Петербург в период царствования Екатерины II, в 1794 г., описывает подробно военные и гражданские учреждения России с явным одобрением<sup>4</sup>. Просматривается, следовательно, явное изменение во взглядах османов на Россию и русскую модернизацию. Доминируют бесспорно положительные оценки.

Ахмед Джебдет-паша, самый яркий из османских историков XIX века, уделил значительное внимание России XVIII в. Прежде всего он проанализировал так называемое «завещание» Петра I, которое, однако, Петру не принадлежит. Оно было составлено во времена Елизаветы Петровны Б.-К. Минихом и его сторонниками. Б.-К. Миних не забывал свое-

<sup>2</sup> Ortaylı J. Une Proclamation Universelle du Khanat de Crimée de Janvier 1711 // *Studies on Ottoman diplomatic History I*. Istanbul, 1986, с. 105–109.

<sup>3</sup> Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971; Мейер М. С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991; Смирнов В. Д. Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма. СПб., 1886; Kurat A.N. *Türkiye ve Rusya*. Ankara, 1990.

<sup>4</sup> Unat F. R. *Osmanlı sefirleri ve sefâretnâmeleri*. Ankara, 1968, с. 62–167.

го немецкого происхождения, однако он понимал будущее и потенциал России намного лучше, чем многие русские. Он служил России со всей своей энергией, используя любые средства. Ахмед Джевдет-паша рассмотрел в своей работе это «завещание», чем продемонстрировал определенную русофобию и представил его как истинное «Завещание Великого Петра»<sup>5</sup>. (Это «завещание» было неоднократно опубликовано отдельными оттисками. У нас имеется текст, место и время публикации которого неизвестны.)

Вместе с тем следует отметить, что Ахмед Джевдет-паша как придворный историк и юрист серьезно интересовался Россией XVIII века. Некоторые его описания, по-моему, просто превосходны. Сравнивая казнь стрельцов Петром с уничтожением Махмудом II янычарского корпуса, он пишет следующее: «Стрельцы были наростом на спине России. Она срезала этот нарост и дело было закончено. Янычарский корпус для османского государства был раком<sup>6</sup>. Его удаление и отбрасывание не было легким. Он проник во всю жизнь. Совсем нелегко было подвергать реформам все учреждения государства. И еще: Петр был человеком, видевшим Европу, жившим там и знакомым с европейскими наукой и техникой. У наших не было такой возможности поехать и посмотреть, мы были неопытными»<sup>6</sup>.

Подобное сравнение реформ в России и Османской империи присутствует не только в «Истории» Джевдет-паши, но и в письме османского посла в Вене Садуллаха-паши<sup>7</sup>.

Культурная жизнь двух империй в XVIII веке имела много сходных черт. В. О. Ключевский так писал об европеизированных русских аристократах: «Это были люди, которые хотели выглядеть как европейцы в Европе. Между тем, среди европейцев их оценивали как татар, только переодетых в европейское платье. На родине же они считались среди местного народа европейцами»<sup>8</sup>.

Итак, дома они были иностранцами, а среди иностранцев — людьми с Востока. Мы очень хорошо знаем такого рода сравнения. Весь XIX век османской европеизации они употреблялись и в отношении европеизированных турок.

Второй период начался с царствования Елизаветы Петровны (1741–1761), когда в османско-русские отношения стали вмешиваться европейские страны — Франция, Австрийская империя, а позднее и Англия; на этой почве произошла поляризация сил в Европе. Австрия и Россия были союзниками. Происходящее в России и в Османской империи занимало очень важное место. Первые серьезные реформы турецкой армии были осуществлены именно в это время. Показательны также новые постоянные капитуляции, которые получила Франция, и присутствие разных точек зрения в государственной идеологии и общественной жизни.

Наконец, третий период — период Екатерины II. Он характеризуется тем, что по Кючук-Кайнарджийскому договору и подтвердившим его

<sup>5</sup> Cevdet. Tarih, № 1. Istanbul, 1309, с. 354.

<sup>6</sup> Там же, с. 241.

<sup>7</sup> Cevdet. Tezâkir, yay. C. Baysan, Tetimme 40. Ankara, 1967, с. 217–219.

<sup>8</sup> Kluçevskiy V. O. History of Russia. T. 5. L., 1931, New York, 1960, с. 147.

и аннексию (1783) Крыма Ясскому договору (1792) Россия присоединила к себе часть территории Османской империи и тем самым продемонстрировала свою силу; в этот период в Османской империи начались реформы, направленные на то, чтобы предотвратить такие потери в будущем. Однако важнее всего то, что эти реформы влекли за собой новые политические и идеологические изменения.

Начиная со второго периода, точнее с периода правления Анны Иоанновны (1730–1740), османская армия воевала и против России и против Австрии, но в тогдашних дипломатических соглашениях отчетливо просматривается влияние Франции. Франция была противником союза России и Австрии. Для Англии проблема союзничества с османами против России тогда еще не стояла, и лишь позднее, в начале XIX века, в период премьер-министра Уильяма Питта Младшего, было объявлено о защите целостности и суверенитета Османской империи.

С. Орешкова справедливо указывает на политику Османской империи и Франции против России<sup>9</sup>. Жиль Вайнштейн, опираясь на французские источники, утверждает, что крымский хан Каплан Гирей намного лучше, чем Высокая Порта, понимал антирусскую политику Франции<sup>10</sup>. Политика Крыма, строящаяся на антагонизме к России, явственно просматривается и в «Универсале» от января 1711 года, выпущенном во время Прутского похода. Хан был более осторожен, чем Высокая Порта. Вместе с тем Высокая Порта 1711 года, то есть Высокая Порта, пренебрегающая Петром, в 1730 году уже выглядела совсем иначе, она изменила свою позицию и свою политику. До того как Петр Толстой покинул Стамбул, в марте 1713 года антирусски настроенный Девлет-Гирей был свергнут с крымского престола. Вероятно, и русские послы в Стамбуле благодаря этому должны были вздохнуть спокойно.

После отъезда П. А. Толстого постоянного представителя России в Стамбуле не было. В этот период обмен послами продолжался традиционным образом, как это было до Карловицкого соглашения. Последним такой обмен послами Абдюлькерим-пашой и Репниным произошел в 1775–1776 гг. После этого постоянное российское посольство снова было восстановлено<sup>11</sup>. Из послов последующего периода следует выделить Ивана Ивановича Неплюева, назначенного в Стамбул в 1821 г. Он знал лишь морское дело и итальянский язык, не имел дипломатического опыта и, тем не менее, исполнял свою службу действительно и эффективно<sup>12</sup>. Итак, начиная с петровского периода русское дипломатическое представительство в Османской империи становится постоянным, оформляется в определенную структуру, и это необходимо подчеркнуть, так как российские дипломатические представители и консулы стали очень важным элементом в истории нашей империи.

<sup>9</sup> Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения..., с. 158, 176–187.

<sup>10</sup> Veinstein G. Les tatars de Crimée et la seconde élection de Stanislas Leczeynski// Cahiers du Monde Russe et Soviétique. T. XI. P., 1970, с. 40.

<sup>11</sup> Ortaylı J. «Mübadele» Encyclopaedia of Islam. Leiden. T. 7, с. 271.

<sup>12</sup> Summer B. H. Peter the Great and the Ottoman Empire. Oxford, 1949, с. 74–75.

Россия по Прутскому миру 1711 г. потеряла право организации паломничества в Иерусалим и право ограниченного покровительства над православными христианами Османской империи, полученное по Стамбульскому договору 1700 г. Но в 1720 г. Россия вновь завоевала статус «Хранителя Иерусалима». Несомненно, это было начало того процесса, который завершился Кючук-Кайнарджийским и Яским договорами.

Как П. Толстой, так и И. Неплюев, видимо, использовали итальянский в качестве языка дипломатического общения. Это был тот европейский язык, который они знали. Со временем русские дипломаты преуспели в том, чтобы создать информационную сеть на всех Балканах. Оба государства начали быстро осваивать тогдашнюю практику европейской дипломатии. Этот процесс у них шел очень похоже. В Османской империи возросла роль Канцелярии реис ул-кюттаба и бюро переводчиков. После Карловицкого мира бюрократия усилила свое влияние на секретарское сословие, которое вело внешнеполитические дела. В этот последний период турки из Анатолии замещают христиан, выходцев из девширме, и пытаются захватить важнейшие посты в Османском государстве, т.е. речь идет об анатолийском отуречивании. Среди них выдвигаются такие выдающиеся садразамы-реформаторы, как Халиль Хамид-паша, Невшехирли Дамад Ибрагим-паша. В Османском государстве в военной и финансовой областях делаются попытки провести целый ряд реформ. Причем о попытках финансовых реформ нам стало известно только недавно из последних исторических исследований. Чиновники реис ул-кюттаба, зародыша турецкого внешнеполитического ведомства, начинают овладевать мастерством в ведении иностранных дел и дипломатической переписке.

В послепетровский период российский императорский двор продолжает реформы с помощью иностранцев, в частности немецких ученых, которые были приглашены в русские научные общества. Россия и Австрия выступают союзниками в борьбе с Османской империей. На протяжении XVIII века в России появляется новый тип государственных людей. Это немецкие аристократы, приехавшие из Прибалтики и Германии. Они коренным образом реформируют русскую армию и государственную систему, т.е. вместо классической московской аристократии государственные посты занимают обрусевшими иностранцами, появляется новая русская бюрократия, владеющая знаниями в областях инженерии, военного дела и дипломатии. XVIII век, называемый в русской истории «веком аристократов», известен не только группой избранных людей, ориентированных на Запад, но и самой примитивной системой земледелия в Европе и крепостным статусом русских крестьян.

В период, когда огнестрельное оружие модернизировало армии, российская армия все еще оставалась силой, основу которой составляли крестьяне, взятые в армию пожизненно, слабо обученные и плохо вооруженные. Это позволяло османским капыкулу в войнах XVIII века противостоять армиям России и Австрии, а в случае, если они получали новое вооружение и сохраняли дисциплину, то и затягивать войны. Вместе



с этим в войнах XVIII века и у России, а особенно у Австрии появились талантливые полководцы. У Австрии — это принц Евгений Савойский; во главе русской армии в период Екатерины II стояли П. А. Румянцев и А. В. Суворов. В морском деле продолжения традиций, начатых Петром, в России в XVIII веке не прослеживается.

Вернемся к проблеме «завещания» Петра. Его идеи нашли продолжение в проекте восстановления Византийской империи, выдвинутом при Екатерине II. Возможно, партнером Екатерины по этому проекту был австрийский император Иосиф II. Европейские государства XVIII века любили внешний блеск — это барочные фасады зданий, парки, оркестры, военные парады, празднества с фейерверками, красивые театральные представления, балы и т.п. И государственные деятели проводили политику, рассчитанную на показуху, шумиху, лозунги. Российский «византийский проект»\* был таким театральным действием по отношению к османам. Россия только слишком погрузилась в эту иллюзию и потому ее воздействие еще долгое время сказывалось.

Несмотря ни на что, Россия XVIII века не смогла сделать рывок в сельском хозяйстве. Промышленность только зарождалась. В 1725 г. (в год смерти Петра) в России было более 200 мануфактур и фабрик, но, естественно, ее собственная военная промышленность пока еще была не в состоянии обеспечить русскую армию, как это происходило с армиями Европы. Однако военные реформы в русской армии и увеличение ее численного состава уже заставляли с ней считаться в европейских войнах.

В 1736 г. российская армия вступила в войну с османским государством, которую вела в союзе с Австрией. Русские вошли в Крым, был сожжен Бахчисарай. Это был мгновенный удар русского главнокомандующего генерала Миниха, позже русские взяли Азов. Но победы османской армии над австрийцами и взятие ею Белграда остановили Россию. Азовская крепость была разрушена и превращена в нейтральный район. Российская армия оказалась не в состоянии вести продолжительную войну, продвигаться вперед, обеспечивать армии необходимую транспортную поддержку. В России, как и в Османском государстве, с большой интенсивностью шла реформа армии, развивалась наука и образование. Но, несмотря на эти реформы и успешное развитие, Россия в XVIII веке еще не обладала абсолютным превосходством над Османской империей.

В истории России и Турции период царствования Екатерины II несомненно был поворотным. В российской истории правление наследников Петра (Петра II, Ивана, Анны, Елизаветы) известно как время дворцовых переворотов. В период долгого правления (1762–1796) ангальт-цербстской принцессы, ставшей русской императрицей Екатериной II, российская история вошла в новый, более здоровый период обновления системы управления, аристократии и самого института монархии. Среди высших слоев общества распространялись европей-

---

\* В русской историографии его принято называть Греческим проектом (ред.).

ская культура и образ мышления, были заложены реальные основы России XIX века. Екатерина проводила захватническую политику и из-за Польши конфликт ее с Османской империей достиг предела. Война 1769 года, на первый взгляд, была начата османами, чтобы устранить русское вмешательство в деле Польши. Однако на самом деле истинными причинами войны были все увеличивающееся влияние России на внутренние дела Крымского ханства и те противоречия, которые назревали в этом районе. Эта продолжительная война была не в пользу турок во многом из-за того, что османское командование составляли стареющие везиры, а российское — блистательные генералы Румянцев и Суворов. Но и в этой войне проявилась слабость России с транспортным обеспечением, которая продолжалась до 1918 года. В результате продолжительной войны был заключен Кючук-Кайнарджийский мирный договор. Россия усилила свои позиции. Черное море стало открытым. Раньше же черноморская торговля служила обогащению османско-эллинского элемента Османской империи. Россия получила право вмешиваться в османскую политическую жизнь, получив право быть духовным покровителем над православными христианами (в той же степени и падишах в качестве халифа получил похожие права над мусульманами России и Крыма).

Россия создала в Османской империи самую разветвленную консульскую сеть. На протяжении будущих 150 лет обе империи переживали состояние союзов, продолжительных войн и взаимной настороженности. Последняя война с Россией в турецкой истории XVIII века закончилась Яским договором 1792 г. В XIX веке отношения двух государств будут развиваться в новых условиях и продолжать оказывать сильное воздействие на историю наших обществ.

Россия в XVIII веке начинает занимать важное место в истории Османской империи. Это же можно сказать и о Турции в отношении России. В жизни двух империй их контакты между собой, помимо войн, затрагивали и многие иные важные стороны жизни.

Когда Османская империя в 1890-х гг. провела железные дороги в Анатолию, Россия начала опасаться, что ее пшеница не сможет продаваться на Запад. В отчетах советника российского посольства в Стамбуле виден этот страх конкуренции: «Стамбул отныне отказался закупать русскую пшеницу, подумайте об экспорте в ближайшем будущем миллионов пудов пшеницы в Европу. Каким будет наше положение?»<sup>13</sup>

Когда Османская империя объявила себя конституционной монархией и приняла конституцию в 1876 году, это повергло российских дипломатов в волнение. Согласно английским сообщениям, они говорили: «Османское государство бросило нам вызов. Оно дорого заплатит за попытку оставить нас последней европейской страной без парламента»<sup>14</sup>.

Есть еще вопрос, на котором мы не останавливались — это очень похожие программа европеизации и культурная структура двух госу-

<sup>13</sup> Бондаревский Г. Л. Багдадская железная дорога. Проникновение германского империализма на Ближний Восток. Ташкент, 1955, с. 209–211.

<sup>14</sup> Kurat Y. T. Henry Layard' in Istanbul Elçiliği. Ankara, 1968, с. 167.

дарств и двух систем. Мы знаем, что европейские просветители (от Руссо до Монтескье) изучали и Османскую империю и Россию. Сведения этих писателей опирались не столько на исторические исследования, которые писали их соотечественники, сколько на различные записки путешественников. Османов не привлекала просвещенная Франция. А Екатерина II выбрала своей настольной книгой Монтескье, который допускал деспотизм. Россия и Турция принадлежали к одному миру, и их оценки многих явлений были одинаковыми.

*Перевод М. Репенковой*

В. М. Запорожец (Москва)

## Военные реформы в Османской империи в конце XVIII — первой половине XIX в.: строительство армии европейского типа

К концу XVIII в. военная организация Османского государства находилась в состоянии глубокого кризиса. Это подтвердили сокрушительные поражения Османской империи в войнах с Россией в 1768–1774 гг. и в 1787–1791 гг. И. Х. Узунчаршылы пишет, что войны с Россией со всей очевидностью показали, что турецкая армия «уже ни на что не способна»<sup>1</sup>. Крайне резкую оценку общему состоянию османской армии в конце XVIII в. дает посол Англии в Стамбуле лорд В. Итон. «Если быть кратким, — пишет В. Итон, — то это собранный вместе сброд, толпа, а не постоянная армия. Она не обладает ни одним из тех многочисленных качеств, которые присущи хорошо организованному военному механизму и придают его действиям быстроту, мощь и регулярный характер...»<sup>2</sup>

Первая попытка проведения широкомасштабных военных преобразований была предпринята в период правления султана Селима III (1789–1808). Селим III, хорошо понимавший, что Турция в своем развитии намного отстала от европейских государств, уже в годы войны смог сплотить вокруг себя группу единомышленников, разделявших его уверенность в том, что все, что способствовало усилению Запада, при правильном применении могло укрепить Восток<sup>3</sup>.

Первым шагом на пути реформ следует считать указ Селима III от 4 августа 1791 г. о назначении Эбубекира Ратиба-эфенди послом Турции в Вене. Наряду с дипломатической миссией на Эбубекира Ратиба-эфенди возлагалась задача изучить государственное и военное устройство Австрии и других европейских стран и сформировать на этой основе предложения по совершенствованию османских государственных институтов и, прежде всего, армии. После возвращения в Стамбул в мае 1792 г. Ратиб-эфенди представил султану подробный доклад (сефаретнаме)

<sup>1</sup> Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı devleti teşkilatından kapıkulu ocakları. I. с. Ankara, 1943, с. 504.

<sup>2</sup> Eton W. A survey of the Turkish Empire. L., 1798, с. 72.

<sup>3</sup> Show S. I. Between old and new. The Ottoman Empire under Sultan Selim III (1789–1808). Cambridge, 1971, с. 87.

объемом в 500 страниц. Центральное место в сефаретнаме отводилось описанию организации австрийской, а также прусской, французской и русской армий, европейской (австрийской) промышленности, сельского хозяйства, банков, таможен, почт и т.д.<sup>4</sup>

Основная идея, заложенная Ратибом-эфенди в сефаретнаме, заключалась в том, что Османской империи надлежало «извлечь все полезное из европейских военных законов и уставов, и, присовокупив это к собственному опыту и знаниям, создать новую военную организацию»<sup>5</sup>.

Не более чем через 2–3 месяца после получения сефаретнаме Ратиба-эфенди Селим III потребовал от великого везира Коджи Юсуфа-паши представить ему в письменном виде соображения светских и духовных сановников о состоянии Османского государства и о мерах, которые следовало принять для восстановления его былого могущества.

Селиму III было представлено 22 докладных записки (ляихи). Как светские, так и духовные сановники были единодушны в том, что, во-первых, существующая военная организация не в состоянии обеспечить интересы империи и, во-вторых, что проведение военных реформ является очевидной необходимостью<sup>6</sup>.

Что касается содержания предполагаемых реформ, то здесь у авторов докладных записок не было единодушия. Наиболее консервативные из них полагали, что для восстановления былого могущества империи достаточно реставрировать военную организацию Османского государства в точном соответствии с законами, существовавшими при султана Сулеймане I (1520–1566). Этой точки зрения, в частности, придерживались интендант адмиралтейства Осман-эфенди, чиновник министерства финансов и официальный летописец османского государства Садуллах Энвери-эфенди и другие<sup>7</sup>.

Менее консервативную позицию занимал Татаржик Абдуллах-эфенди, вскоре после написания ляихи ставший кадиаскером Румелии. Его точка зрения сводилась к тому, что армию, особенно янычарский корпус, необходимо окружить той же заботой и почетом, которыми она пользовалась при Сулеймане I. Необходимо восстановить существовавшие при нем военные законы. Затем, ссылаясь на то, что это не противоречит законам Сулеймана I, можно вводить в янычарском корпусе и других военных формированиях элементы боевой подготовки, заимствованные из уставов европейских армий. В османскую армию могут быть приглашены военные инструкторы из европейских государств, однако они должны принять ислам. Аналогичные мысли высказывались и в ряде других записок<sup>8</sup>.

Точка зрения наиболее радикально настроенных авторов докладных записок сводилась к следующему. Законы, некогда обеспечивавшие военное могущество империи, устарели. Попытаться с их помощью вос-

<sup>4</sup> Karal E. Z. Nizam-i ceditte dair layihalar // Tarih vesikalari. 2 cilt. Sayı 16. Ankara, 1941–1942, c. 34.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Karal E. Z. Selim IIIün Hatt-ı Hümayunları. Nizam-i cedit. 1788–1807. Ankara, 1960, c. 36.

<sup>7</sup> Karal E. Z. Nizam-i ceditte dair layihalar // Tarih vesikalari. 2 cilt. Sayı 16.

<sup>8</sup> Karal E. Z. Selim III ün Hatt-ı Hümayunları. Nizam-i cedit. 1788–1807.

становить боеспособность армии бессмысленно. Необходимо сформулировать новые законы и, опираясь на них, реорганизовать вооруженные силы. Надеяться на решение проблемы только путем проведения реформ в существующей военной организации не следует, так как едва ли удастся осуществить в ней требуемые прогрессивные преобразования. Поэтому необходимо, наряду с традиционными военными формированиями, создать новую армию, которая должна быть организована и обучена по европейским уставам и с помощью европейских инструкторов. Численность такой армии должна составлять 15–20 тыс. человек<sup>9</sup>. Сторонниками этой точки зрения были великий везир Юсуф-паша, реис-эфенди (министр иностранных дел) Абдуллах Бери-эфенди и другие.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что даже наиболее радикально настроенные сановники не предлагали полностью отказаться от традиционных форм военной организации и решать проблему восстановления военного могущества Османского государства путем строительства вооруженных сил нового для Турции европейского типа. Новые войска должны были существовать наряду с традиционными военными формированиями. Такая противоречивая позиция была обусловлена следующими соображениями. Во-первых, убежденностью в том, что в результате реорганизации традиционная армия, или значительная ее часть, существенно повысит свою боеспособность и, в сочетании с 15–20-тысячным корпусом организованных, вооруженных и обученных по европейским стандартам войск, сможет обеспечить защиту государственных интересов. Во-вторых, пониманием того обстоятельства, что расформировать традиционную армию можно было только опираясь на вооруженную силу, которой государство в то время не располагало.

Изучив все поданные ему ялихи, Селим III принял решение реорганизовать традиционную армию и сформировать корпус новых войск европейского типа.

Все законы о корпусах постоянной армии (капыкулу оджаклары) были подготовлены и приняты в 1792–1793 гг. Ими предусматривались значительные преобразования, направленные на повышение уровня профессиональной подготовки личного состава, укрепление дисциплины, совершенствование организационной структуры и повышение боеспособности традиционной армии в целом. Исключение составлял корпус янычар.

Опасаясь открытого неповиновения янычар, Селим III решил ограничиться введением для них занятий по боевой подготовке. Для того чтобы обеспечить контроль за претворением в жизнь намечаемых преобразований, в штат каждого корпуса была введена должность инспектора, на которую были назначены люди из ближайшего окружения султана, члены государственного совета.

Особое внимание Селим III уделил реорганизации корпуса артиллерии. На должность инспектора артиллерии он назначил своего близкого друга Мустафу Решида-пашу, которому были даны строгие указа-

<sup>9</sup> Там же, с. 39.

ния устранить всякое сопротивление реформам и в кратчайшие сроки добиться их осуществления. Особый подход к корпусу артиллерии объясняется двумя причинами. Во-первых, возросшей ролью этого рода войск на поле боя. Во-вторых, тем обстоятельством, что все попытки предшественников Селима III, в частности султана Абдул Хамида I, провести реорганизацию корпуса артиллерии встречали оппозицию в армии, особенно среди янычар. Уступая требованиям последних, Абдул Хамид I был вынужден отменить все нововведения, снять и репрессировать великого везира Халила Хамида-пашу, который непосредственно занимался реорганизацией артиллерии.

Мустафа Решид-паша уволил большую часть солдат, служивших в корпусе, и заменил их новобранцами. В качестве инструкторов в корпус были приглашены офицеры-артиллеристы из французской, английской и шведской армий. С помощью французских инженеров был модернизирован арсенал (топханэ), начавший производить пушки по французским образцам<sup>10</sup>.

Новый закон о корпусе артиллерии, принятый 1 марта 1793 г., состоял из трех разделов. Первым разделом закона устанавливались должности командного состава корпуса, их права, размеры жалования и других видов материального вознаграждения. Вторым разделом регламентировалась организационная структура корпуса, в третьем разделе содержалось описание обмундирования для различных категорий личного состава<sup>11</sup>.

Корпус должен был состоять из 25 артиллерийских частей (орта), из которых 23 являлись боевыми и 2 — резервными. На вооружении артиллерийской части, в соответствии с законом, имелось 250 орудий различных калибров. Законом предусматривалось проведение с личным составом ежедневных занятий по боевой подготовке.

В соответствии с законом, жалование артиллеристов, уровень профессиональной подготовки которых не соответствовал предъявляемым требованиям, так же как и жалование умерших и погибших, перечислялось в казну. Закон запрещал артиллеристам вступать в брак и иметь семью, исключение составлял старший командный состав, начиная с командира части.

Реорганизация корпуса шла достаточно успешно, и к концу 1796 г. в нем насчитывалось 2875 хорошо подготовленных артиллеристов. В 1806 г. численность личного состава корпуса артиллеристов достигла 4910 человек. Они составляли наиболее боеспособную часть прежней постоянной армии<sup>12</sup>.

Как уже отмечалось, Селимом III было принято решение ограничить преобразования в янычарском корпусе введением занятий по боевой подготовке и заменой устаревшего вооружения. Одновременно янычарам повышались размеры жалования. Что касается отношения

<sup>10</sup> Tarih. 3. Cilt. Istanbul, 1993, c. 190.

<sup>11</sup> Karal E. Z. Selim III ün Hatt-ı Hümayunları. Nizam-i cedit. 1788–1807, c. 47.

<sup>12</sup> Show S. I. Between old and new. The Ottoman Empire under Selim III (1789 — 1807), c. 122.



самих янычар к мерам по повышению их боеспособности, то оно было отрицательным, несмотря на неоднократные попытки султана убедить янычар в их крайней необходимости. Янычары не желали отказываться от привычного уклада жизни и даже новое оружие принимали неохотно, а в ряде случаев вообще отказывались принимать. В связи с ростом недовольства в янычарской среде, где боевая учеба считалась «делом гяуров», Селим III решил отказаться от дальнейших попыток реорганизации корпуса.

В рамках намеченной реорганизации традиционной армии были также предусмотрены меры по повышению боеспособности феодального кавалерийского ополчения (т.е. тимариотов-сипахи). Эти меры содержались в «Новом законе о тимарах и зеаметах» («Тедждид-и Канун-у тимар ве зеамет»), который был принят в сентябре 1792 г.<sup>13</sup>

Законом предписывалось алайбеям (командирам полков) и другим военным должностным лицам каждого санджака прежде всего заново составить реестры всех тимаров, находившихся в границах санджака, а также тех лиц, которые ими пользовались. Те же должностные лица должны были лично удостовериться в том, что именно указанные лица владеют тимарными пожалованиями, организуют сельскохозяйственную и административную деятельность на их территории, могут и желают в случае необходимости выполнять свои военные обязанности.

Согласно новому закону, сипахи лишались права (традиционного для османской армии) в зимнее время года в массовом порядке покидать действующую армию и возвращаться в свои владения для получения доходов и управления хозяйством. Теперь только одному из десяти тимариотов санджака и только с разрешения султана разрешалось на некоторое время покинуть армию для того, чтобы исполнить все необходимые административно-хозяйственные функции в своем владении, а также в девяти соседних. Результаты этой реформы кавалерийского ополчения оказались крайне незначительны. Во всяком случае использовать феодальную кавалерию в военных действиях Селим III практически не мог.

В 1792 г. указом Селима III была вновь открыта военная инженерная школа<sup>14</sup>. В 1795 г. в школе была введена новая учебная программа, рассчитанная на 4-летний срок обучения и предусматривавшая изучение следующих дисциплин. На первом курсе: каллиграфии, чтения, рисования, элементарной геометрии, арифметики, арабского языка, французского языка. На втором курсе: арифметики, геометрии, географии, арабского языка, французского языка. На третьем курсе: тригонометрии, алгебры, топографии, географии, военной истории. На четвертом курсе: дифференциального и интегрального исчисления, динамики, минно-подрывного дела, баллистики, фортификации, астрономии<sup>15</sup>.

<sup>13</sup> Ahmet Cevdet Paşa. Tarihi Cevdet. 3. Cilt. İstanbul, 1972, с. 356.

<sup>14</sup> Первая в истории Османского государства военная инженерная школа была учреждена в 1733 г. при султанах Махмуде I (1730–1754). Однако из-за негативного отношения к нововведению со стороны янычар в том же году школа была закрыта.

<sup>15</sup> Berkes N. The development of secularism in Turkey. Montreal, 1964, с. 75.

На базе военно-инженерной школы была образована военно-морская школа, состоявшая из двух отделений: навигационного и судостроительного<sup>16</sup>.

Преподавание в военно-учебных заведениях велось французскими инструкторами. Как отмечает Х. Р. Эртуг, с 1795 г. школы стали центром подготовки высокоэрудированных специалистов<sup>17</sup>.

Военно-учебные заведения имели свою типографию и библиотеку. По приказу Селима III на турецкий язык переводились и издавались труды европейских военачальников и ученых. В частности, в 1792–1794 гг. были переведены и изданы известные в то время произведения маршала Франции Себастьяна де Вобана «Искусство войны», «Искусство минно-подрывного дела», «Искусство осады крепостей» и др.<sup>18</sup> Всего же в библиотеке военно-инженерной и военно-морской школ насчитывалось свыше 4000 наименований книг на французском языке<sup>19</sup>.

Реформы в военном флоте Селим III начал с введения новой системы комплектования и прохождения службы личным составом. В соответствии с изданным в январе 1793 г. законом, флот комплектовался жителями прибрежных районов Эгейского моря, для которых вводилась воинская повинность. Избежать службы можно было лишь в случае уплаты государству определенной законом денежной компенсации, именуемой «кальонджу бедели».

Служба на флоте была пожизненной. Рядовому составу полагалось постоянно находиться на кораблях либо в казармах адмиралтейства. Законом предусматривалось непрерывное обучение рядового состава и регулярные проверки уровня его профессиональной подготовки. Наиболее подготовленные матросы становились главным источником пополнения офицерского состава флота.

Все категории личного состава стали получать жалование, размеры которого были весьма значительны. В начале XIX в. средства, выделяемые на содержание рядового и командного состава флота, стали одной из основных статей расходов казны «Ирад-и джедид», финансировавшей реорганизацию традиционной армии и строительство новых войск.

Летом 1793 г. Селим III приступил к модернизации турецкого военного кораблестроения. Под руководством французских специалистов Ж. Б. ле Бруна, Ж. Б. Бенуа, Т. Пети и других к 1797 г. были значительно расширены и усовершенствованы или построены заново верфи в Бодруме, Гемлике, Мидилли, Синопе, Эрегли, Лимни, Кемере, Каласе, Силистрии, Сохуме, на островах Родос, Кипр и в некоторых других местах<sup>20</sup>.

К 1789 г. на воду было спущено 45 новых боевых кораблей, построенных по французским проектам. Три из них — «Селимие», «Бад-и Нусрет» и «Тавус-у Бахри» — стали самыми большими кораблями османского флота. Так, спущенный на воду в 1796 г. «Селимие» имел команду

<sup>16</sup> Uzunçarşılı I. H. Osmanlı devletinin merkez ve bahriye teşkilatı. Ankara, 1948, с. 4.

<sup>17</sup> Ertuğ H. E. Basın ve yaygın hareketleri tarihi. İstanbul, 1959, с. 115.

<sup>18</sup> Там же, с. 110.

<sup>19</sup> Tarih. 3. Cilt., с. 189.

<sup>20</sup> Karal E. Z. Selim III ün Hatt-ı Hümayunları. Nizam-ı cedit. 1788–1807. Ankara, 1960, с. 68.

в 1200 человек и был вооружен 122 пушками, размещенными на трех артиллерийских палубах.

Увеличение численности корабельного состава флота, переход на новые принципы комплектования и обучения личного состава значительно увеличили объем задач, решаемых военно-морским командованием, и требовали совершенствования его структуры. В 1804 г. впервые в истории Османской империи была учреждена должность министра по морским делам (умур-у бахрийе назыры), на которого возлагалась ответственность за строительство и ремонт кораблей, вооружение и материально-техническое обеспечение флота. Командующий флотом (капудан-паша) отвечал за боевое применение флота, развитие стратегии и тактики морского боя, обучение и боевую подготовку личного состава, совершенствование организационной структуры флота и т.д.<sup>21</sup>

В 1805 г. в связи со значительным увеличением расходов на строительство и содержание флота была учреждена казна адмиралтейства (терсанэ хазинеси). В казну передавались значительные суммы от налогов «джизье», «авариз», «кальонджу бедели», а также доходы с тимаров и зеаметов, ранее выделявшихся за службу на флоте. Директор казны адмиралтейства (терсанэ хазинеси дефтердары) был подчинен министру по морским делам и отвечал за эффективную деятельность возглавляемого им финансового учреждения, а также за регистрацию и учет населения, обязанного нести службу на флоте, и комплектование флота рядовым составом<sup>22</sup>.

В результате реорганизации флота, осуществленной в 1793–1805 гг., его боеспособность значительно возросла. В начале XIX в. османский военный флот стал одним из лучших флотов в Европе.

К концу периода правления султана Селима III военный флот состоял из 20 линейных кораблей, 20 фрегатов и 50 кораблей других классов. Огневую мощь флота обеспечивали 2156 корабельных орудий. На кораблях находилось около 40 000 моряков и морских пехотинцев<sup>23</sup>.

Свои надежды на восстановление военного могущества Османской империи султан Селим III в значительной степени связывал с формированием новых войск, устройство которых должно было коренным образом отличаться от устройства традиционной османской армии. Эти войска получили название «низам-и джедид».

Селим III последовал совету ряда своих приближенных и решил дислоцировать новую армию за пределами Стамбула. Таким образом он надеялся сохранить в тайне от янычар начальный этап формирования войск «низам-и джедид», которые он предполагал организовать, вооружить и экипировать по западным образцам. В апреле 1792 г. в поместье Левенд, находившемся в десяти милях от Стамбула, было начато строительство казарм и учебного комплекса для нового военного формирования. Было также решено, что в целях обеспечения секретности офици-

<sup>21</sup> Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı devletinin merkez ve bahriye teşkilatı, с. 528–541.

<sup>22</sup> Ahmet Cevdet Paşa. Tarihi Cevdet. 3. Cilt., с. 118, 181.

<sup>23</sup> Show S. I. Between old and new. The Ottoman Empire under Sultan Selim III (1789–1808), с. 158.

ально будет объявлено о начале формирования не войск европейского типа, а о расширении одного из подразделений традиционных войск, а именно подразделения бостанджи, в функцию которого входила охрана султанских дворцов, и создании при этом подразделении «корпуса (оджака) стрелков бостанджи»<sup>24</sup>.

1 марта 1793 г. был принят закон о создании «Казны новых доходов» («Ирад-и джедид хизинеси»), на которую возлагалась ответственность за финансирование формируемых и реорганизуемых войск<sup>25</sup>.

Для получения «новых доходов» законом вводились дополнительные налоги на табак, спиртные напитки, кофе, шелк и ряд других товаров. В казну также передавались доходы с конфискованных тимаров и зеаметов, доходы со стамбульской таможни и т.д.<sup>26</sup>

Поступления в «казну новых доходов» быстро достигли заранее установленной суммы в 20 тыс. акче в год и продолжали расти, что позволило создать определенный финансовый резерв. Казна «Ирад-и джедид» стала одним из наиболее успешных нововведений Селима III. Она обеспечила материальные предпосылки для успешной реформаторской деятельности султана и его сторонников в военной области. Вместе с тем увеличение налогового бремени не могло не вызвать недовольства в различных слоях османского общества. Широкие массы населения в столице и провинции негативно отнеслись к реформам Селима III.

В 1793 г. началось комплектование новых войск личным составом. Вначале Селим III предполагал набирать в «корпус стрелков бостанджи» молодых янычар. После отказа последних было принято решение о том, что новые войска будут укомплектованы добровольцами, которым предлагалось высокое жалование. Тем не менее, в 1793 г. и в течение большей части 1794 г. численность новых войск оставалась незначительной. М. И. Кутузов, с 1792 по 1802 г. являвшийся русским послом в Стамбуле, в своем донесении Екатерине II от 20 октября 1793 г. писал: «По поводу вводимых здесь в войсках новых учреждений начинают все благоразумные в успехе сомневаться... Бостанджиев, обучающихся регулярной тактике, находится числом до 500, а предполагалось их иметь на первый случай только до 2000. Для помещения всех вышеупомянутых войск строятся казармы. Сии новости, еще столь малоуспешные, производят однако ж не малый ропот в старом корпусе янычар, из которых еще ни один в новое войско не записался, несмотря на все прельщения, от Порты делаемые»<sup>27</sup>.

Наконец, 18 сентября 1794 г., то есть более чем через 2 года после того, как в поместье Левенд началось строительство учебного комплекса, был принят закон о создании войск «низам-и джедид». В законе, в частности, говорилось, что численность новых войск (официально именуемых «корпусом стрелков бостанджи») составит 12 тыс. человек. Сначала

<sup>24</sup> Danişmend İ. H. İzahlı Osmanlı tarihi kronolojisi. 4. Cilt. İstanbul, 1955, с. 72.

<sup>25</sup> Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı devletinin merkez ve bahriye teşkilatı, с. 72.

<sup>26</sup> Karal E. Z. Selim III ün Hatt-ı Hümayunları. Nizam-ı cedit. 1788–1807, с. 87.

<sup>27</sup> Кутузов М. И. Документы. Т. I. М., 1951, с. 237.

в поместье Левенд будет создан один полк новых войск, состоящий из 12 рот общей численностью 1602 человека. Опыт, приобретенный при формировании левендского полка, будет затем использован для создания аналогичных полков в Румелии и Анатолии.

Для солдат левендского полка впервые в Османской империи вводилось обмундирование европейского образца. Н. Н. Муравьев следующим образом описывает вооружение и обмундирование рядового состава: «Вооружение пехоты заключалось в ружье со штыком и тесаке, одежда состояла из красной куртки и синего или серого исподнего платья широкого до колена, а ниже его плотно охватывавшего ногу. Вместо чалмы носили на голове продолговатую красную шапку»<sup>28</sup>.

После принятия закона формирование войск «низам-и джедид» шло быстрыми темпами и немногим более чем через полгода левендский полк был полностью укомплектован. Источником комплектования рядовым составом была молодежь из беднейших слоев населения Стамбула. Одновременно завершилось сооружение казарм, ружейной фабрики и полковой школы.

В этот период, то есть во второй половине 1790-х годов, благоприятными были финансовые условия для формирования новых войск. Доходы казны «Ирад-и джедид» с каждым годом увеличивались. К 1800 г. они достигли, по данным Н. Н. Муравьева, внушительной суммы в 12 млн рублей и продолжали расти<sup>29</sup>. Это позволило Селиму III приступить к строительству второго учебного центра в непосредственной близости от Стамбула – в Ускюдаре. Здесь было решено сформировать и разместить еще один полк войск «низам-и джедид». Его организационная структура, содержание и методы обучения личного состава должны были быть такими же, как в левендском полку. Отличие состояло в том, что не была установлена максимальная численность ускюдарского полка, а также то обстоятельство, что для его комплектования использовалась часть новых войск, сформированных в Анатолии губернатором Карамана Абдурахманом-пашой. Как отмечает Н. Н. Муравьев, последний, не жалея денег и обещаний, с помощью своих друзей за три года сформировал 8 регулярных полков<sup>30</sup>.

Селим III лично инспектировал прибывающие войска и, высоко оценив результаты деятельности Абдурахмана-паши, назначил его везиром в Анатолию, поручив ему реорганизацию находившихся там войск традиционной армии<sup>31</sup>.

Боевой опыт войска «низам-и джедид» приобрели в ходе военной кампании в Египте (1798–1801), где им пришлось противостоять экспедиционной французской армии под командованием Наполеона Бонапарта. Новые войска Селима III показали высокие боевые качества, в частности, при осаде Наполеоном Акки (19 марта – 21 мая 1799 г.),

<sup>28</sup> Муравьев Н. Н. Турция и Египет в 1832 и 1833 годах. Т. I. Военное и политическое состояние. М., 1869, с. 60.

<sup>29</sup> Там же, с. 61.

<sup>30</sup> Там же.

<sup>31</sup> Karal E. Z. Selim III ün Hatt-ı Hümayunları. Nizam-i cedit. 1788–1807, с. 56.

а также во время блокады английскими и турецкими войсками Александрии и Россеты, завершившейся капитуляцией французов в апреле 1801 г.<sup>32</sup>

После окончания войны масштабы деятельности по организации войск «низам-и джедид» еще более возросли. Было принято решение о начале подготовки «обученной кавалерии». Источником комплектования кавалерийских полков «низам-и джедид», которые формировались на базе левендского и ускударского учебных центров, стало феодальное кавалерийское ополчение санджаков Болу — левендский учебный центр и Хюндавендигяр — ускударский учебный центр.

Вскоре после принятия решения о создании новых частей «низам-и джедид» и последовавшим за этим резким увеличением численности новых войск стало очевидным, что их содержание является непосильным финансовым бременем для государства. Следствием явилось повлиявшее на судьбу всех нововведений Селима III решение об изменении способа комплектования войск «низам-и джедид». Убедившись в том, что Османское государство не в состоянии одновременно содержать два многочисленных платных войска (а именно корпуса «капыкулу», куда входили янычары, с одной стороны, и войска «низам-и джедид» — с другой), Селим III в марте 1805 г. издал указ о принудительном пополнении полков «низам-и джедид» «молодыми людьми от 20 до 25 лет, хорошего сложения, из городских и сельских янычар Европейской Турции»<sup>33</sup>.

Реформаторская деятельность султана Селима III вызывала растущее сопротивление со стороны феодально-клерикальных кругов. С течением времени духовенство стало открыто говорить о том, что реформы султана, его деятельность по перестройке армии противоречат положениям Корана и шариата. Население империи, недовольное усиливающимся налоговым бременем, поддерживало духовенство. С момента начала преобразований в армии на грани бунта находился корпус янычар. После издания указа о принудительном наборе янычар в войска «низам-и джедид» вспыхнул бунт в Адрианополе (Эдирне).

Для подавления бунта Селим III направил в Адрианополь часть азиатских войск «низам-и джедид» под командованием везира Абдулрахмана-паши. Однако янычары, обладавшие значительным численным превосходством, оказали Абдулрахману-паше сильный отпор и заставили его отступить.

25 мая 1807 г. в Стамбуле началось восстание корпуса янычар, которое быстро приобрело такие масштабы, что султан был вынужден удовлетворить требования бунтовщиков и отменить указы о военных реформах, а также распустить войска «низам-и джедид». Тем не менее, восстание продолжало развиваться, и 29 мая 1807 г. Селим III был смещен с престола. Султаном стал Мустафа IV (1807–1808), отличавшийся консерватизмом взглядов и безволием.

<sup>32</sup> Öztuna T. Y. Başlangıcından zamanımıza kadar Türkiye tarihi. 2. Cilt. İstanbul, 1967, с. 119–120.

<sup>33</sup> Муравьев Н. Н. Турция и Египет в 1832 и 1833 годах. Т. I. Военное и политическое состояние, с. 61.

Через некоторое время сторонникам реформ, возглавляемым крупным государственным деятелем Мустафой Байрактаром, удалось собрать 15-тысячную армию и совершить поход на Стамбул. Следствием этого похода явилось свержение Мустафы IV и возведение на престол Махмуда II (1808–1839).

Став великим везиром, Мустафа Байрактар сделал попытку продолжить реформаторскую политику Селима III, в частности, в области военного строительства. Под руководством Байрактара началось восстание войск «низам-и джедид». Позиция Байрактара в отношении начатой Селимом III реорганизации традиционных войск была закреплена в решениях созданного Махмудом II совета высших светских и духовных деятелей империи.

Советом были также приняты решения, касающиеся янычарского корпуса. Согласно этим решениям предполагалось сократить численность янычар; отменить продажу офицерских званий в янычарском корпусе; обязать холостых янычар жить в казармах; сделать более современным обмундирование янычар и т.д.<sup>34</sup> Эти решения вызвали новый янычарский бунт, который начался 16 ноября 1808 г. Одной из первых жертв бунта стал Мустафа Байрактар. После его смерти янычары добились издания указа, восстанавливавшего их прежние привилегии и распущавшего войска «низам-и джедид». Янычары сожгли казармы войск «низам-и джедид» в Левенде и Ускюдаре и потребовали от Махмуда II немедленной казни ближайших сподвижников Байрактара, а также других наиболее известных сторонников реформаторской политики Селима III. Так завершилась первая серьезная попытка осуществить реорганизацию османской армии и флота с учетом достижений европейской военной мысли.

Следующим важным этапом на пути создания в Османской империи кадровой регулярной армии явились реформы султана Махмуда II. Их проведению предшествовало крупное поражение турецкой традиционной армии в войне с Россией в 1806–1812 гг., а также неудачи в борьбе с национально-освободительным движением балканских народов, ставшим центральной проблемой всей внутренней политики Османского государства первой четверти XIX в.

Весной 1821 г. началось восстание в Греции. В результате побед, одержанных в ходе боевых действий против гарнизонов турецких войск, повстанцы смогли созвать национальное собрание, которое в январе 1822 г. приняло греческую конституцию, провозгласившую независимость страны.

В июле 1822 г. Махмуд II направил в Морею на подавление главного очага восстания большую часть своей постоянной армии и флота. Однако их боеспособность находилась на таком низком уровне, что греческим повстанцам удалось нанести османам тяжелое поражение. Военное и политическое значение этого поражения усугублялось тем обстоятельством,

<sup>34</sup> Миллер А. Ф. Мустафа-паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX в. М.–Л., 1947, с. 64–65.



ством, что против профессиональной турецкой пехоты (янычар) воевало, в основном, вооруженное гражданское население, а турецкому флоту противостояли вооруженные корабли греческого торгового флота<sup>35</sup>.

Критическая ситуация, в которой после неудачной попытки подавления греческого восстания оказалось Османское государство, вынудила Махмуда II обратиться к своему вассалу — наместнику Египта Мухаммеду Али с просьбой об оказании Порте военной помощи. Мухаммед Али согласился направить в Морею армию и флот, при условии передачи Мореи в управление его сыну Ибрагиму-паше.

Египетские войска, организованные и обученные по европейскому образцу, в ноябре 1824 г. сумели разгромить греческих повстанцев на острове Крит, в феврале 1825 г. захватить Наварин, летом 1825 г. овладеть административным центром Мореи г. Триполисом.

Таким образом, к концу первой четверти XIX в. традиционная армия и флот Турции продемонстрировали свою неспособность самостоятельно обеспечить выполнение не только внешней, но и внутренней функции. Поражение, нанесенное турецкой армии и флоту греческими повстанцами, и, напротив, успешные действия против того же противника египетских войск создали в Османской империи политическую обстановку, благоприятствовавшую началу нового этапа реорганизации вооруженных сил.

В отличие от Селима III Махмуд II не питал иллюзий в отношении янычарского корпуса, понимая, что янычары не позволят проводить реформы в армии. Исходя из этого, Махмуд II решился на опасный, но необходимый шаг — расформирование янычарского корпуса. Для приведения в исполнение этого намерения требовалась вооруженная сила, способная заставить янычар повиноваться.

Такой силой, по замыслу Махмуда II, должен был стать корпус артиллерии постоянной армии, который в период правления Селима III был реорганизован, а фактически создан заново Мустафой Решидом-пашой, а также новые пехотные части, к созданию которых Махмуд II приступил в мае 1826 г.

Хорошо помня участь Селима III и созданных им войск «низам-и джедид», Махмуд II принял меры для обеспечения лояльности со стороны командования янычарского корпуса. «Он сумел склонить янычарских начальников, — отмечает Р. Вальш, — к участию в его предприятии: одних подкупил он деньгами и обещаниями, а самых буйных устранил угрозами и ужасными примерами. Чтобы обеспечить себя в их содействии и отнять у них всякий предлог к отказу, он потребовал от них подписку, в которой они одобрили план его и обязывались споспешествовать исполнению оногo»<sup>36</sup>.

По указанию командования янычарского корпуса, каждое из 51 янычарского подразделения выделило из своего состава 150 человек

<sup>35</sup> Karal E. Z. Osmanlı tarihi. 7. cilt. İslahat fermanı devri (1861–1876). Ankara, 1956, с. 190.

<sup>36</sup> Вальш Р. Путешествие по Турции из Константинополя в Англию через Вену. СПб., 1828, с. 68.

для формирования новых войск, которые было решено назвать корпусом ишкенджи. Чтобы повысить привлекательность службы в новых войсках, рядовому и командному составу в корпусе ишкенджи платили больше, чем в корпусе янычар.

Для обучения новых войск, численность которых превышала 7500 человек, в Стамбул были приглашены в качестве инструкторов офицеры из армии наместника Египта Мухаммеда Али. Командование корпуса ишкенджи сумело внушить личному составу, что установленные в корпусе порядки не противоречат устоям традиционной армии. «Сверх этого, — отмечает Р. Вальш, — было объявлено, что это есть лишь единственно восстановление прежнего устава Сулеймана I. Обман удался, и солдаты покорились новому устройству и порядку подчиненности»<sup>37</sup>.

Неизвестно, как долго намеревался обучать новые войска Махмуд II, прежде чем издать декрет о расформировании янычарского корпуса. Янычары, которых, несмотря на все принятые меры, факт существования новых войск беспокоил тем больше, чем более боеспособными они становились, ускорили развитие событий. К середине июня 1826 г. в янычарской среде созрело решение потребовать от султана расформирования корпуса ишкенджи, а в случае отказа поднять бунт и применить силу. Выступление янычар, в котором готовились принять участие около 20 000 человек, было назначено на 15 июня с тем, чтобы не допустить назначенный султаном на 18 июня первый смотр и парад новых войск.

Утром 15 июня 1826 г. янычары собрались на стамбульскую площадь Этмейдан и потребовали от султана расформирования новых войск. Махмуд II, ожидавший выступления янычар, сумел окружить площадь верными ему артиллерийскими и пехотными частями и отдал приказ об уничтожении бунтовщиков. В результате значительная часть янычарского корпуса была физически истреблена в течение дня 15 июня. Потери султанских войск составили всего 87 человек<sup>38</sup>.

В дальнейшем по решению специальных судов было казнено несколько тысяч янычар. Казармы янычарского корпуса были сожжены, а их символы преданы публичному осквернению. 17 июня 1826 г. Махмуд II издал указ об упразднении и предании анафеме янычарского корпуса.

Вслед за этим были ликвидированы янычарские гарнизоны в провинции, а также корпус кавалерии капькулу и некоторые другие формирования постоянных наемных войск, традиционно являвшиеся источником смут в Османском государстве.

Уничтожив таким образом главное препятствие на пути военных реформ, Махмуд II издал (17 июля 1826 г.) закон о начале формирования новой армии, которую он назвал «Асакире мансуре-и мухаммедие» («Победоносные магометанские войска»).

Принципиальным отличием новой армии от профессиональных постоянных армий прошлых времен являлось то, что она комплектовалась

<sup>37</sup> Вальш Р. Путешествие по Турции из Константинополя в Англию через Вену. СПб., 1828, с. 69.

<sup>38</sup> Розен Д. Г. История Турции от победы реформы в 1826 году до Парижского трактата в 1856 году. Ч. I. СПб., 1872, с. 16.

рекрутами, которых, в соответствии с законом, предполагалось набирать из мусульманского населения империи в возрасте от 15 до 40 лет. Ответственность за проведение наборов возлагалась на правителей провинций.

Преимущества нового принципа комплектования заключались в том, что (теоретически) он позволял создать многочисленную постоянную армию при меньших, чем ранее (т.е. когда армия комплектовалась путем найма добровольцев), расходах.

В июле 1826 г. был введен в действие «Военный устав», определявший организационную структуру новой армии, ее штаты, обязанности должностных лиц, порядок несения службы в частях и подразделениях, содержание боевой подготовки войск и т.д.<sup>39</sup>

В соответствии с уставом, «Победоносные магометанские войска» подразделялись на гвардию (хасса) и армию. Численность гвардии должна была составить 12 тыс. человек. Общую численность новых войск предполагалось довести до 96 тыс. человек<sup>40</sup>.

Уставом вводилась новая более совершенная организационная структура войск, повышавшая эффективность их действий на поле боя. Предусматривалось, что «Победоносные магометанские войска» будут состоять из дивизий (ферик), в состав которых войдет по две бригады (лива). Бригада должна была состоять из двух полков (алай). Полк — из четырех батальонов (табур), батальон — из восьми рот (бёлюк), рота — из восьми взводов по десять человек в каждом.

Уставом учреждались новые для вооруженных сил Османской империи должности и звания, соответствовавшие новой организационной структуре войск. Армией должен был командовать маршал (мюшир), дивизией — дивизионный генерал (ферик), бригадой — бригадный генерал (мирлива), полком — полковник (миралай), батальоном — майор (бинбаши), ротой — капитан (юзбаши), взводом — капрал (онбаши). В полку, кроме того, учреждалась должность заместителя командира в звании подполковника (каймакам) и интенданта (алай эмини).

Командирам полков и их заместителям предписывалось регулярно проводить смотры и сборы войск, организовывать занятия по боевой подготовке, выводить войска на учения. Командиры батальонов отвечали за организацию боевой подготовки в подразделениях, за организацию и несение подразделений караульной службы<sup>41</sup>.

Вооружение пехоты составляли ружья со штыком французского образца и сильно изогнутые сабли; кавалерии — палаши, винтовки и пистолеты. В целом, по мнению Г. Мольтке, «вооружение и одежда соответствовали вполне особенным свойствам войск, равно как требованиям климата и местности...»<sup>42</sup>

Формирование новой армии происходило в сложной для Османского государства внутри- и внешнеполитической обстановке. В Греции

<sup>39</sup> РГВИА. Ф. «Турция» 450. Д. 11.

<sup>40</sup> Вальш Р. Путешествие по Турции из Константинополя в Англию через Вену, с. 25.

<sup>41</sup> РГВИА. Ф. «Турция» 450. Д. 11.

<sup>42</sup> Мольтке Г. Русско-турецкая кампания в Европейской Турции 1828–1829 гг. Ч. I. СПб., 1876, с. 35.

не прекращались бои между повстанцами и египетскими войсками под командованием Ибрагима-паши. В июне 1827 г. пал последний оплот повстанцев — Афины. Однако великие державы по инициативе России предъявили Турции ультиматум, требуя предоставления Греции независимости. После того как Махмуд II отклонил ультиматум, Россия, Англия и Франция направили к берегам Греции объединенный флот. 20 октября 1827 г. в Наваринской бухте (южная Греция) произошло морское сражение, в котором османский военный флот (66 кораблей, 2200 орудий) был уничтожен. В Морее высадился французский экспедиционный корпус. Войска Ибрагима-паши были вынуждены эвакуироваться из Греции.

Все это до предела накалило отношения Турции с Россией, в которой Порты видела главного виновника гибели своего флота и фактической потери Греции. В конце декабря 1827 г. Махмуд II объявил России войну.

К началу боевых действий «Победоносные магометанские войска» состояли из 35 полков пехоты (в том числе два гвардейских), 4 полков кавалерии, 8 конных и 84 пеших батарей артиллерии. Общая численность этой армии составляла 80 тыс. человек<sup>43</sup>.

Основным достоинством новых войск была их достаточно высокая дисциплинированность. «Новое войско, — подчеркивает Г. Мольтке, — имело одно свойство, которое ставило его выше всех бесчисленных сборищ, выставляемых некогда Портою в поле, — оно повиновалось»<sup>44</sup>. Кроме того, войска новой армии имели более совершенную, чем ранее, организационную структуру и современное вооружение.

С точки зрения обученности войск, созданная Махмудом II армия значительно уступала противнику. «...Пехота, — отмечает Г. Мольтке, — была с трудом обучена правильным сомкнутым движениям...», на поле боя она предпочитала атаковать противника «по прежнему обыкновению, враспынную»<sup>45</sup>. Тот же недостаток был характерен и для действий кавалерийских частей.

Что касается артиллерии, то она, как отмечает Г. Мольтке, «со своей стороны сделала успехи, но тем не менее... не смогла выдерживать сравнения с артиллерией ее противника, в особенности относительно способности маневрировать»<sup>46</sup>.

Война застала новую армию в стадии формирования. Недостаточной была не только подготовленность и обученность войск, но и их численность. По этой причине Махмуд II был вынужден включить в состав сухопутных войск иррегулярные формирования, доведя общую численность армии до 180 тыс. человек<sup>47</sup>. Таким образом, иррегулярные войска образовывали большую часть турецкой армии, что еще больше снижало ее боеспособность.

<sup>43</sup> Мольтке Г. Русско-турецкая кампания в Европейской Турции 1828–1829 гг. Ч. I. СПб., 1876, с. 34.

<sup>44</sup> Там же, с. 31.

<sup>45</sup> Там же, с. 35–36.

<sup>46</sup> Там же, с. 37.

<sup>47</sup> Там же, с. 35.

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. велась на балканском и кавказском театрах военных действий. На балканском театре боевые действия происходили на территории Валахии, Добруджи, Болгарии и Румелии; на Кавказе — в пределах Карского, Ахалцыхского, Баязетского и Эрзурумского пашалыков<sup>48</sup>.

Вначале русская армия одержала ряд побед на кавказском фронте, а после разгрома турецких войск на Балканах и взятия Адрианополя перед русской армией открылся путь на Стамбул.

Адрианопольский мирный договор зафиксировал крупное поражение Османского государства в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. По условиям договора к России отошли освобожденные ею части Грузии, Армении и северо-восточное побережье Черного моря. Турция теряла Грецию и Сербию, которым она обязывалась предоставить независимость; лишалась права держать войска в Молдавии и Валахии, где туркам запрещалось селиться и владеть недвижимостью; соглашалась выплачивать России крупную контрибуцию и т.д.

Тяжелые потери, понесенные во время войны османской армией, привели к практически полному исчезновению «Победоносного магометанского войска».

После подписания Адрианопольского мирного договора Махмуд II возобновил формирование новых войск. Однако к лету 1831 г., т.е. почти через два года после окончания войны, в составе «Асакире мансуре-и мухаммедие» насчитывалось всего 15 пехотных, 9 кавалерийских и 4 артиллерийских полков, общая численность личного состава которых не превышала 45 тыс. человек. «Дух этого войска, не одобренного успехами, — подчеркивает Н. Н. Муравьев, — был в совершенном упадке»<sup>49</sup>.

Малочисленность и слабость армии крайне осложняли положение Османской империи перед лицом той опасности, которую в начале 30-х годов представляла ее единственная жизнеспособная часть — Египет. В 1831 г. наместник Египта Мухаммед Али, стремившийся к созданию независимого от Турции крупного арабского государства, открыто выступил против Махмуда II. Формальной причиной конфликта послужил отказ Мухаммеда Али внести в казну Османского государства традиционную дань и выдвинутая им претензия на управление Сирией.

Осенью 1831 г. египетские войска начали боевые действия против султана. Полностью овладев Сирией и Киликией, Мухаммед Али вторгся в Анатолию. После разгрома турецкой армии в сражении у г. Коньи в декабре 1832 г. возникла реальная угроза движения египетских войск на Стамбул и низвержения османской династии.

Исход войны решило энергичное вмешательство России, не заинтересованной в укреплении на Ближнем Востоке позиций стоявшей за Египтом Франции. По требованию Николая I Мухаммед Али приостано-

<sup>48</sup> Ляхов В. А. Русская армия и флот в войне с Оттоманской Турцией в 1828–1829 гг. Ярославль, 1979, с. 95–96.

<sup>49</sup> Муравьев Н. Н. Турция и Египет в 1832 и 1833 годах. Т. I. Военное и политическое состояние, с. 69.

вил наступление на Стамбул. В феврале – апреле 1833 г. на азиатском берегу Босфора, в долине Ункяр-Искелеси, высадилось около 10 тыс. русских солдат под командованием генерала Н. Н. Муравьева.

В мае 1833 г. между Махмудом II и Мухаммедом Али было достигнуто соглашение, в соответствии с которым наместник Египта получал в управление Сирию, Ливан, Палестину и Киликию.

Войны с Россией и Египтом наглядно продемонстрировали военную слабость Османской империи и заставили Махмуда II с новой энергией взяться за реорганизацию вооруженных сил.

Важным условием укрепления военной мощи Османского государства Махмуд II справедливо считал повышение уровня профессиональной подготовки офицерского состава. Первым шагом на пути решения этой задачи было учреждение в 1831 г. т.н. учебных рот (окул бёлюккери), для размещения которых были отведены казармы Селемие, а затем казармы Мачка. Роты комплектовались молодыми людьми из числа наиболее способных рядовых солдат и младших командиров.

Кандидаты в офицеры проходили ускоренный курс обучения (10 месяцев) по программе, включавшей такие дисциплины, как чтение, письмо, арифметика, геометрия, география, воинский устав, элементы тактики<sup>50</sup>. В 1835 г. в Стамбуле было открыто первое в истории Турции пехотное командное училище (харп окулу). В училище принимались молодые люди из числа наиболее способных рядовых солдат.

В конце 30-х гг. Махмуд II приступил к ликвидации феодального кавалерийского ополчения. Условия для реализации этой важной меры были подготовлены проводившейся по указу султана в 1831 г. реформой землевладения, в результате которой у прежних владельцев было изъято около 2500 тимарных владений. Начиная с 1838 г. бывших заимов и тимариотов, образовывавших костяк феодального кавалерийского ополчения, начали переводить на пенсию. Доходы с тимаров бывших сипахи теперь поступали в руки государства.

С 1835 г. в турецкой армии в качестве военного специалиста находился капитан прусского генерального штаба Г. Мольтке. В начале 1836 г. Махмуд II присвоил ему звание полковника (миралай) турецкой армии. С 1837 г. вместе с Г. Мольтке работала группа прусских офицеров-инструкторов в составе Ф. Винке, Ф. Мюльбах, Г. Фишер<sup>51</sup>.

Г. Мольтке разработал проект реорганизации турецкой армии, включавший, в частности, введение прусской ландверной системы. Существование ландверной системы заключалось в содержании в мирное время под ружьем армии ограниченной численности и накоплении обученного резерва для значительного увеличения количественного состава действующих войск в случае войны. Реализация проекта началась уже после смерти Махмуда II при его сыне – султанине Абдул Меджиде (1839–1861). Содержавшиеся в нем положения нашли свое отражение в военной реформе 1843 г.

<sup>50</sup> Berkes N. Türkiye'de çağdaşlaşma. Ankara, 1973, с. 171.

<sup>51</sup> Розен Д. Г. История Турции от победы реформы в 1826 году до Парижского трактата в 1856 году. Ч. I. СПб., 1872, с. 291.

В соответствии с законом о реформе вооруженные силы Османской империи состояли из регулярных войск, военного флота и вспомогательных войск вассальных государств.

Регулярные войска подразделялись на действующие войска (низам) и резервные войска (редиф).

Комплектование действующих войск осуществлялось на основании обязательной рекрутской повинности, которую закон (от 3 сентября 1843 г.) распространял на все мусульманское население империи. Закон устанавливал призывной возраст — 20–25 лет. Войска резерва комплектовались за счет отслуживших положенный срок солдат действующей армии, что обеспечивало необходимый уровень профессиональной подготовки личного состава резерва.

Продолжительность действительной военной службы составляла 5 лет. После демобилизации из действующей армии солдаты в течение 7 лет служили в редифе (резерве). Личный состав резерва ежегодно призывался на сборы, которые проводились по месту жительства в течение одного месяца.

Закон вносил значительные усовершенствования в механизм комплектования регулярной армии рядовым составом. Для осуществления приема призывного контингента, а также для организации войск редифа территория Османской империи была разделена на 5, а с 1847 г. — на 6 армейских кругов. Первый армейский круг включал в свой состав северо-западную часть полуострова Малая Азия; второй — восточную часть Болгарии, восточную Румелию, северо-восточную часть п-ова Малая Азия; третий — Албанию, Фессалию, Македонию и юго-западную часть п-ова Малая Азия; четвертый — Армению, средний Курдистан, Караман; пятый — Сирию, Палестину; шестой — южный Курдистан, Месопотамию, Ирак<sup>52</sup>.

Каждый армейский округ комплектовал одну армию низама и одну армию редифа. Для проведения набора в действующую армию в округе создавалась рекрутская комиссия, в состав которой входил офицер в звании не ниже капитана, медик, мулла, секретарь. Комиссия последовательно объезжала все уезды, где следовало произвести набор.

Следует отметить, что в ряде провинций военное командование было вынуждено проводить рекрутский набор насильственным путем. Так, в донесении русского военного агента в Стамбуле полковника генерального штаба графа Остен-Сакена от 24 марта 1852 г., в частности, говорится: «Собственно турки дают рекрут без всякого ропота, но курды и другие несовершенно еще покоренные мусульмане, ненавидящие оттоманское правительство, оказывают при наборе сильное сопротивление»<sup>53</sup>.

В другом донесении от 24 ноября 1852 г. Остен-Сакен сообщал военному министру князю Долгорукому следующее: «В 1850 г. приступлено в первый раз к рекрутскому набору в Сирии, не везде, однако, конскрип-

<sup>52</sup> Турецкая империя. Из военно-статистического сборника на 1868 г. СПб., 1868, с. 308.

<sup>53</sup> РГВИА. Ф. «Турция» 450. Д. 44. Л. 7.



ция в этом крае могла быть ведена с одинаковым успехом. ...турецкое правительство прибегло к усиленным мерам для усмирения непокорных... Предпринятая в 1851 г. экспедиция против племен... была неудачна...»<sup>54</sup>.

С точки зрения религиозной принадлежности личного состава создаваемая армия была исключительно мусульманской. В качестве компенсации за освобождение от воинской повинности с немусульманского населения империи взимался налог, дававший казне до 40 млн. пиастров в год<sup>55</sup>.

В организационном отношении действующие войска (низам) состояли из пяти армий: 1-я армия — «гвардейская», штаб в Стамбуле; 2-я армия — «дунайская», штаб в Шумне; 3-я армия — «румелийская», штаб в Эрзинджане; 5-я армия — «сирийская», штаб в Дамаске. С 1847 г. началось формирование 6-й — «иракской» армии (штаб в Багдаде).

В соответствии с законом резервные войска (редиф) также состояли из 5, а с 1847 г. — из 6 армий. В мирное время личный состав редифа жил по домам и не состоял на содержании правительства (за исключением тех случаев, когда с войсками редифа проводились учения, сборы и т.д.; в этих случаях резервисты получали все виды довольствия, установленные в действующей армии), а в военное время входил в состав действующей армии, образуя отдельные от низама части<sup>56</sup>.

Отличием редифных армий от армий низама (с точки зрения организационной структуры) являлось то, что в мирное время они не имели кавалерии, артиллерии и саперов, точнее, материальной части и конского состава этих родов войск.

Каждый армейский округ был разбит на установленное число полковых и батальонных редифных участков, на территории которых проживал личный состав соответствующих полков и батальонов редифа, а также размещались склады вооружения, боеприпасов и обмундирования.

Такая система организации редифа позволяла производить мобилизацию резервных войск в ограниченные сроки. Мобилизацией редифа количество армий регулярных войск удваивалось. Что касается затрат на содержание армии, то в мирное время они сокращались наполовину.

В годы осуществления реформы Османское государство было вынуждено значительно внимание уделять строительству военного флота, так как в ходе турецко-египетского конфликта 1838–1839 гг. Турция лишилась почти всего своего флота — на сторону наместника Египта перешло 22 боевых корабля, в том числе 18 линейных.

В результате принятых мер к началу Крымской войны Турция располагала многочисленным флотом, в составе которого имелись корабли, оснащенные паровыми машинами (английского производства). В начале 1853 г. турецкий военный флот насчитывал 70 кораблей различных классов, в том числе два 130-пушечных трехпалубных и четыре 90-пушечных двухпалубных линейных корабля, которые, по оценке зарубежных

<sup>54</sup> РГВИА. Ф. «Турция» 450. Д. 40. Л. 2.

<sup>55</sup> Турецкая империя. Из военно-статистического сборника на 1868 г., с. 308.

<sup>56</sup> Очерк вооруженных сил Турции // Военный сборник. СПб., 1873, № 10, ч. 2, с. 261.

специалистов, не уступали лучшим кораблям флотов европейских государств<sup>57</sup>.

Общая численность личного состава флота (экипажей кораблей) составляла 34 тыс. человек. Кроме того, в составе военного флота имела одна бригада морской пехоты численностью 4 тыс. человек.

В целом реформа 1843 г. поставила военную организацию Османского государства на качественно новый уровень. В результате реализации реформ в Турции была создана кадровая регулярная армия.

Являясь основой для подготовки военно-обученного резерва (редифа) и мобилизационного развертывания войск, кадровая армия в мирное время существовала в сокращенном составе (низам) и тем самым позволяла государству экономить средства на содержание вооруженных сил.

Следует отметить, что Турция была одним из первых в мире государств, перешедших на кадровую систему комплектования войск. В большинстве стран Европы такая система была введена во второй половине XIX в., в России — в 1870-е годы. Поэтому в период Крымской войны 1853–1856 гг. турецкая армия имела комплектование, основанное на более современных принципах, чем русская, французская и английская армии.

Благодаря новой системе комплектования с началом Крымской войны Османское государство сумело в короткие сроки от мобилизовать регулярную армию, которая по численности намного превосходила войска «низам-и джедид» Селима III и «Победоносные магометанские войска» Махмуда II. Турецкий историк З. Шакир в этой связи отмечает: «Реорганизация армии еще не была завершена, когда началась Крымская война. Несмотря на это, правительство легко смогло собрать 200-тысячную армию, которая тем самым заняла достойное место рядом с армиями Европы»<sup>58</sup>.

Вместе с тем в ходе реализации реформы стало очевидно, что даже при «экономичной» кадровой системе темпы и масштабы военного строительства сдерживались экономической отсталостью Османской империи, кризисным состоянием ее финансовой системы.

Согласно сведениям, которые приводит в своем донесении от 15 февраля 1851 г. полковник Остен-Сакен, расходы на содержание армии и флота достигли 368 млн. пиастров (около 20 млн. 200 тыс. рублей серебром), что составляло «половину оттоманского бюджета»<sup>59</sup>.

Значительное увеличение численности регулярных войск в результате реформ 1843 г. резко обострило проблему нехватки в армии квалифицированных офицеров. С этой точки зрения армия находилась в крайне тяжелом состоянии, так как системы подготовки командных кадров для вооруженных сил в Османской империи по-прежнему не существовало.

Пытаясь решить эту проблему, Абдул Меджид учредил новую военную школу, в которой готовились кадры для пехоты, кавалерии и артил-

<sup>57</sup> Убичини М. А. Изображение современного состояния Турции в географическом, статистическом, религиозном и военном отношениях. СПб., 1854, с. 143.

<sup>58</sup> Şakir Z. Tanzimat devriden sonra Osmanlı nizam ordusu tarihi. İstanbul, 1957, с. 30.

<sup>59</sup> РГВИА. Ф. «Турция» 450. Д. 37. Л. 15.

лерии. Обучение велось французскими и прусскими офицерами. Срок обучения в школе составлял 4 года. Выпускники получали звание «лейтенант» (мюлязим) и направлялись в войска. Лучшие из них (по итогам выпускных экзаменов) продолжали обучение в школе в течение еще одного года, после чего им присваивалось звание «капитан генерального штаба» (эркян-ы харбие юзбашысы). Офицеры «генерального штаба» составляли незначительную, но наиболее подготовленную в профессиональном отношении часть офицерского корпуса. Как правило, они проходили службу в штабах соединений и объединений. В 1852 г. в школе обучалось в общей сложности 120 человек<sup>60</sup>.

Свой первый выпуск школа произвела в 1848 г. Однако количество подготовленных школой офицеров явно было недостаточно, чтобы укомплектовать ими командные должности в регулярной армии.

Крайне невысоким был уровень профессиональной подготовки всех категорий командного состава.

Все это не могло не сказаться на боевых качествах турецких войск и их действиях в ходе Крымской войны. Показав себя с лучшей стороны в начале кампании, в дальнейшем они понесли ряд тяжелых поражений, поставивших под угрозу само существование регулярной армии.

Крымская война, обнажившая изъяны в военной организации Османского государства, поставила султана и его ближайшее окружение перед необходимостью еще раз пересмотреть политику в области военного строительства.

---

<sup>60</sup> Şakir Z. Tanzimat devriden sonra Osmanlı nizam ordusu tarihi. İstanbul, 1957, с. 30.

Н. И. Черниченкина (Москва)

## Особенности формирования кредитной системы в Османской империи

На протяжении многовекового существования в Османской империи неоднократно демонстрировались примеры того, как религиозные предписания ислама, регулировавшие хозяйственную жизнь, в силу их несоответствия потребностям социально-экономического развития общества достаточно явно нарушались. Наиболее открыто эти нарушения проявились в развитии системы процентных ссуд, теоретически запрещенной религией, но практически завоевавшей большую популярность у населения.

Ни коранический запрет использования ссудного процента, ни первоначальное отсутствие банковских учреждений не смогли воспрепятствовать раннему возникновению кредита в Османской империи. Кредитование уже в XVI в. широко распространилось как среди городского, так и сельского населения Анатолии.

Кредиторами в османском обществе были так называемые саррафы (менялы, ростовщики). По своему составу эта категория не была однородной. С одной стороны, в источниках упоминаются *sarraḡ esnaḡi* — рядовые менялы. Как правило, это были ювелиры, которые через членство в ремесленном цехе имели связи с монетным двором империи (*Darbḡane-i Amire*) и промышляли обменом денег. Подчиняясь уставу цеха и полностью завися от внутренних правил, они не могли действовать самостоятельно. С другой стороны, располагавшие большим капиталом богатые и влиятельные саррафы формировали другую категорию (*Ḥazine sarraḡi*)<sup>1</sup>. Эта группа саррафов занималась главным образом четырьмя видами деятельности. Во-первых, они финансировали международную торговлю и выдавали кредиты. Во-вторых, начиная с 1760-х гг. они договаривались на Западе о предоставлении краткосрочных «персональных» кредитов султанам. В-третьих, используя свои международные связи, они привлекали иностранные средства, выписывая свои векселя на торговый дом и (или) банк в Западной Европе — деятельность, которая приобрела большой размах с XVIII в. за счет приобщения к использованию сетей западноевропейских (в основном французских) торговцев векселями<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Название свидетельствует о том, что такие саррафы были больше связаны с имперской казной, чем с монетным двором.

<sup>2</sup> Подробнее см.: Pamuk S. A Monetary History of the Ottoman Empire. Cambridge, 2000, с. 170; Eldem E. French Trade in Istanbul in the Eighteenth Century. Leiden, 1999, с. 113–47, 174–202.

В-четвертых, они были участниками сделок купли-продажи иностранной валюты и заключали фьючерсные сделки<sup>3</sup> по золоту и бумажным деньгам *kaime*.

Деятельность саррафов также включала в себя предоставление краткосрочных кредитов правительству и операции с *sergi* и *havale*. *Sergi* были долговыми расписками, выдаваемыми министерством военных дел и другими органами государственной власти. *Havale* по сути являлись уступками будущих доходов, оформленными в виде простых векселей, выдаваемых властями провинций. Таким образом, *havale* являлись формой их участия в социализации госрасходов, так как эти виды доходов не были подвержены бюджетному контролю. Путем дисконтирования этих видов долговых обязательств, т.е. их покупки до истечения срока по цене ниже номинала, саррафы получали доступ к праву откупа непосредственного взимания налога *ашар*, что обеспечивало им немалый доход<sup>4</sup>.

Саррафы этой категории не зависели от *sarraḡ esnafı*. Они осуществляли свою профессиональную деятельность в соответствии с османскими канунами, которые допускали ссуживание под процент при условии, что оно осуществлялось косвенными способами и прикрывалось какой-то юридической фикцией. В связи с этим в сфере кредитования была разработана специальная терминология, призванная завуалировать факт начисления ссудного процента (*riba*). Светские кануны рассматривали взятие процента как правомерное явление, если оно называлось иначе, чем *riba*. Поэтому сделки, заключенные между саррафом и его клиентом, включавшие и ссуду под процент, назывались *muamele-i sariyye* и *istirbah*<sup>5</sup>. Османский уголовный кодекс допускал заключение таких сделок, регулируя только размер процентной ставки: И лица, которые заключают (кредитные) сделки в соответствии с *sharia*, не имеют права на (взятие) более одиннадцати за (каждые) десять (ссуженных денежных единиц)<sup>6</sup>.

Договоры о займах демонстрируют, что участники сделки часто обращались к неким «трюкам» (*hitah*) с целью обойти запрет на начисление процентов за использование денежных средств. Одной из наиболее распространенных систем кредитования был так называемый *istiglal*, суть которого заключалась в предоставлении процентного кредита с оформлением ипотеки (залога), причем вся операция маскировалась как обычная сделка купли-продажи объекта недвижимости. Исследователь Х. Гербер, изучавший архивы османских судов, отмечал исключительную популярность, которой пользовался *istiglal* у населения<sup>7</sup>. В руководствах, пред-

<sup>3</sup> Фьючерсная сделка — сделка на продажу (покупку) при условии оплаты по согласованной цене через определенный срок.

<sup>4</sup> Issawi C. (ed.). *Economic History of the Middle East*. Chicago, 1966, с. 96, 98; Blaisdell D. C. *European Financial Control in the Ottoman Empire*. New York, 1929, с. 11–14.

<sup>5</sup> По словарю Redhouse, 'istirbah' — заимствование денег под процент, 'muamele' — процент с денег. По сути, это тот же *riba*, только названный по-другому.

<sup>6</sup> Heyd U. *Studies in Old Ottoman Criminal Law*. Oxford, 1973, с. 122.

<sup>7</sup> *The Jewish Quarterly Review*. New Series. Vol. 72, № 2 (Oct., 1981), с. 114.

назначавшихся для секретарей судов, *istiglal* посвящались отдельные главы. На практике такая форма кредита означала следующее. А ссужает денежную сумму В, причем эта сумма трактуется как цена объекта недвижимости (например, жилой дом). Этот дом В передает А, а тот немедленно возвращает его В в аренду. При этом арендная плата на самом деле являлась процентом за пользование денежными средствами. Если спустя год В погасит свою задолженность, он получит назад право собственности на свой дом. Если он этого не сделает, право собственности переходит к А.

Похоже, что ювелирные украшения также использовались в качестве предмета залога, и в этом случае они передавались заемщиком саррафу при непосредственной выплате ему процентов. Поскольку такая договоренность не могла быть завуалирована, представляется возможным, что ее функция заключалась в облегчении ломбардной деятельности, которая не была описана ни в ортодоксальном исламском праве, ни в османском законодательстве. Заемщик не закладывал имущество, а «продавал» его саррафу<sup>8</sup>.

Для того чтобы легально заниматься выдачей кредитов, саррафу необходимо было подписать соглашение с будущим клиентом. На основе этого соглашения осуществлялись все сделки, которые сарраф регистрировал в книгу учета (*sarrafa defteri*). В случае возникновения разногласий между саррафом и его клиентом, а также в случае кончины одного из них эти документы передавались судьям для прояснения ситуации. Письменное соглашение и ведение книг учета являлось обязательным условием для легальной деятельности саррафа в любом городе Османской империи.

Помимо официально зарегистрированных саррафов было множество «черных» менял, действовавших незаконно, с которыми постоянно конфликтовали *sarrafa esnafı* в попытках держать под контролем денежные рынки. Больше всего саррафов промышляло в Стамбуле. Но свои менялы существовали и в других городах, особенно в крупных центрах Анатолии. Об этом свидетельствуют многочисленные протоколы судов, изучавшиеся в свое время американским исследователем Р. Дженнингсом, который привел доказательства широкого распространения кредита в Кайсери, Карамане, Амасье и Трабзоне в XVI в.<sup>9</sup> Ссуды под процент были также широко распространены в Эдирне и Бурсе. В XVII в. почти все жители Бурсы были до определенной степени вовлечены в кредитные сделки. В тысячах семейных захоронений людей, которые умерли в этом городе в упомянутый период, было обнаружено, что почти все занимали или ссужали деньги под процент<sup>10</sup>.

Саррафы в Османской империи, как правило, были выходцами из немусульман: армянами, греками, евреями и отчасти левантийцами. На протяжении XV и XVI столетий греки и евреи составляли большинство.

<sup>8</sup> The Jewish Quarterly Review. New Series. Vol. 72, № 2 (Oct., 1981), с. 110.

<sup>9</sup> См. подробнее: Jennings R. C. Loans and Credit in Early 17<sup>th</sup> Century: Ottoman Judicial Records // Journal of Economic and Social History of the Orient. Vol. 16, 1973, с. 168.

<sup>10</sup> См.: Gerber H. Society and Economy in an Ottoman City: Bursa 1600–1700. Jerusalem, гл. 7.

После XVI в. значение евреев в кредитной, финансовой и коммерческой сферах снизилось одновременно с усилением влияния греков и армян. В XVII в. греки вышли на второе место среди саррафов, и по мере вымывания евреев основной этнической группой стали армяне.

По мнению турецкого исследователя Ш. Памука, ростовщики происходили также из среды мусульман, и «вплоть до XVII в. ни в Анатолии, ни в Халебе не наблюдалось признаков того, что система кредитования станет прерогативой немусульман»<sup>11</sup>. Но Я. Джебзар, анализирувавший османские архивные документы, пришел к выводу, что в XVIII–XIX вв. из двухсот зарегистрированных в документах саррафов около 98 % были немусульманами<sup>12</sup>. В османском обществе высокая доля саррафов-немусульман не рассматривалась как что-то необычное. Зарегистрированы лишь немногочисленные жалобы жителей Дамаска, Сайды и Иерусалима о том, что действующие саррафы являются евреями или христианами, в то время как они предпочли бы мусульман<sup>13</sup>.

Профессиональная деятельность саррафов из разных этнических групп отличалась своими особенностями. Так, обычно считается, что в средние века евреи повсеместно занимались ссудой денег в качестве своей основной профессии. Однако в Османской империи, где кредитование было хорошо развито, доступ к нему был настолько беспрепятственным в юридическом плане, что еврейским саррафам приходилось преодолевать высокий входной барьер в лице многочисленных конкурентов<sup>14</sup>. Это приводило к тому, что в тех центрах империи, где были хорошо развиты кредитные институты, у ссудодателей-евреев не было больших возможностей для деятельности, а там, где эти институты были менее развиты, евреи могли найти благоприятные условия для занятия кредитованием. Источники указывают на то, что на арабских территориях и о. Родосе ощущался недостаток кредитных контор, вследствие чего именно здесь еврейский институт денежной ссуды был более развит, чем в Анатолии<sup>15</sup>.

Кроме того, существовала еще одна проблема, осложнявшая распространение ростовщичества среди евреев: прямое кредитование под процент на рубеже XV–XVI вв. все еще осуждалось раввинами. Наглядным примером служит дело, представленное на рассмотрение Р. Иосифа бен Леба, раввина в г. Салоники в XVI в., который категорически запретил подобную практику, даже если она использовалась для организации помощи сиротам<sup>16</sup>. Однако среди евреев Османской империи бытовало мнение, что сделки кредитования разрешались постольку-поскольку начисление процентов носило косвенный характер. Некоторые прагматич-

<sup>11</sup> Pamuk S. A Monetary History of the Ottoman Empire, с. 79.

<sup>12</sup> Frontiers of Ottoman Studies: State, Province and the West. Vol. 1. L., 2005, с. 64.

<sup>13</sup> Там же.

<sup>14</sup> Данный барьер еще больше усугублялся тем фактом, что значительная часть кредитных средств предоставлялась населению посредством исключительно популярного и уважаемого института *vakf*.

<sup>15</sup> Raymond A. Artisans et Commerçants au Caire au XVIII<sup>e</sup> Siècle. Damascus, 1973–1974, с. 280–282.

<sup>16</sup> The Jewish Quarterly Review. New Series, Vol. 72, № 2, с. 110.



ные равнины пытались найти способы узаконить соответствующие косвенные механизмы, когда считали это необходимым для своей общины. Так, Хайим Бенвенисте, живший в XVII в. в Измире, на просьбы указать конкретные способы отдачи денег в рост, не нарушая при этом запрета на ростовщичество, предлагал ввести штраф за задержку возврата номинальной суммы кредита<sup>17</sup>.

В случае кредитования неевреев, особенно мусульман, евреи не были скованы правовым положением зимми<sup>18</sup>. Сарраф мог легко добиться заключения мусульманского должника в тюрьму, если последний нарушал условия подписанного с кредитором соглашения и не погашал задолженность и положенные проценты.

Среди многочисленных еврейских саррафов, действовавших на территории Османской империи, известно лишь несколько влиятельных еврейских банкиров, прославившихся благодаря финансовым связям с европейскими рынками.

Во второй половине XVI в., спасаясь от инквизиции в католических странах, евреи иммигрировали в Османскую империю. Тесно сотрудничая с двором султанов, еврейские банкиры и откупщики заняли видные позиции в османских финансах и торговле. Так, прибывший в Стамбул в 1552 г. родственник главы банковского дома Марано Дон Иосиф Наси стал личным финансистом принца Селима. Авраам Камондо (1780–1873) имел большое влияние при дворе султанов Абдулмеджида (1836–1861) и Абдулазиза (1861–1876) и был известен как кредитор Решида-паши<sup>19</sup>. Его внук Авраам Бехор Камондо (1829–1889) был компаньоном греческих банкиров, заключавших займы за границей. В XIX в. семья Камондо настолько прославилась среди меценатов и банкиров Европы, что по богатству и влиянию их сравнивали с Ротшильдами и Хиршами<sup>20</sup>.

После XVI в. значение евреев в финансах и коммерции снизилось одновременно с усилением влияния греков и армян. Последние посредством армянской общины в Европе установили связи с западными финансовыми и торговыми сообществами, что значительно способствовало их возвышению. После того как в начале XIX в. Греция получила независимость, армяне стали занимать более видные позиции в кредитовании. Помимо своей традиционной роли привилегированных кредиторов османского правительства армянские саррафы также выполняли различные обязанности по сбору налогов<sup>21</sup>. Установив хорошие отношения с османской центральной администрацией, они становились посредни-

<sup>17</sup> Там же, с. 101.

<sup>18</sup> Зимми — (буквально «люди договора») — собирательное название немусульманского населения Османской империи. Зимми находились в подчиненном малопривилегированном положении. Пользуясь правом на защиту жизни и имущества, они обязаны были признать безраздельное господство ислама во всех сферах жизни общества и платить налог (джизья), но освобождались от уплаты закята, предназначенного для мусульман.

<sup>19</sup> Semi N. The Camondos and Their Imprint on the 19<sup>th</sup> Century Istanbul // International Journal of Middle East Studies, #26, 1994, с. 664.

<sup>20</sup> Однако в отличие от последних империя Камондо потухла в 1943 г.

<sup>21</sup> Kazgan H. Galata Bankerleri. Ankara, 2005, cilt 1, с. 14.

ками между чиновниками и армянским миллетом<sup>22</sup>. В XIX в. ведущие армянские саррафы неоднократно добивались должности управляющего имперским монетным двором. В связи с этим на них возлагалась ответственность за любые денежные проблемы государства, как то, порча монет или снижение качества чеканки, что в худшем случае могло означать конфискацию имущества и ссылку.

Рост влияния отдельных армянских саррафов приводил к возникновению жесткой профессиональной конкуренции и клановой борьбы. Конкуренты использовали любые возможности для уничтожения своих противников. Так, распространение католической пропаганды на территории Османской империи в XVIII–XIX вв. и последующее обращение некоторых армян в католицизм привело к разделу армянской общины. Наиболее влиятельные армяне обеих религиозных групп были крупными саррафами, семьи которых вступили в борьбу за сохранение своих позиций в миллете и отношений с правительством. Каждая из групп плела интриги, требуя наказать противников. Государство, которое, как правило, не вмешивалось в религиозные дела миллетов, на этот раз не осталось равнодушным к происходящему. Исповедовавшие католицизм понесли наказания, некоторые саррафы были приговорены к смертной казни, впоследствии замененной на ссылку.

Доминирующее положение в кредитной сфере всей империи занимала финансовая община Стамбула, состоявшая из менял, которые функционировали как «банкиры без банков». Район Галата, расположенный на восточном берегу залива Золотой Рог (Haliç), был торговым и финансовым центром в течение всего византийского периода. Купцы и саррафы, жившие в этом районе, ссужали Византии деньги и занимались сбором налогов. Византийское правительство выставляло на торги права на сбор налогов, и купцы из Галаты приобретали эти права.

Завоевавший в 1453 г. Константинополь султан Мехмед II Фатих считывал найти в лице галатцев финансовых советников для укрепления экономических связей с Европой, поэтому он издал указ о том, что при условии соблюдения запретов, а также выплаты налогов и сборов они могут и далее заниматься своей прежней деятельностью<sup>23</sup>. Таким образом, многонациональная финансовая община Галаты была сохранена. Ее деятельность продолжалась в XV–XVI вв., выводя в лидеры поочередно то евреев, то армян, пока по истечении этого периода первенство окончательно не закрепилось за греками. В XVII в. греки стали представлять Стамбул в условиях политики меркантилизма<sup>24</sup>, активно проводившейся в то время

<sup>22</sup> Миллет — в мусульманских державах — группа людей одной веры, имеющая автономные административные учреждения (суды, школы, больницы и т.д.), расположенные в специально отведенном для этого месте/квартале города. В XV–XX вв. термин получил широкое распространение в Османской империи для классификации ее народов по религиозному признаку.

<sup>23</sup> Kazgan H., Ateş T. Turkish Financial History from Empire to the Present. Istanbul, 1999, cilt 1, s. 360.

<sup>24</sup> Меркантилизм — экономическая теория и система экономической политики, применявшаяся в Европе в XVI–XVIII вв., исходящая из принципа, что деньги являются основой общественного богатства, и направленная на сосредоточение денежных капиталов внутри страны, преимущественно путем создания активного баланса во внешней торговле.

в Европе. Занимая практически монопольное положение в оптовой торговле, они открывали торговые училища, аналогичные тем, которые существовали в то время в Европе. Капитуляции<sup>25</sup> 1740 г. также усилили влияние греков в торговле на Черном, Эгейском и Адриатическом море<sup>26</sup>.

Банкиры из Галаты располагали целой сетью контактов на территории Османской империи. Их агентами на местах при сборе налогов выступали саррафы. После XVIII в., когда национальные меньшинства получили право владеть землей и начали активную сельскохозяйственную деятельность, местные саррафы кредитовали их по ставке, определявшейся процентами, взимаемыми с них банкирами Галаты<sup>27</sup>. Возникшие кредитные отношения позволили галатским банкирам получать по низким ценам сельскохозяйственную продукцию, которую они скупали через свои торговые сети и экспортировали на Запад<sup>28</sup>. Кроме того, банкиры Галаты покупали товары из Европы на заемные средства, полученные под сравнительно низкую процентную ставку в европейских финансовых центрах, и продавали эти товары на территории Османской империи. Затем выручку от продаж они отдавали займы под более высокие проценты.

В ходе 1840-х гг. в числе первых банкиров, получивших известность среди многочисленных представителей Галаты, было одиннадцать греков, которые оставались в лидерах на протяжении примерно 40 лет. Это были Эммануэль и Теодор Балтазис, Д. Главанис, Стефанос Маврокордатос, Иоаннис Психарис, Стефанос Раллис, З. Штефановик-Скайлгисис, Б. Тубини, Георг Загиропоулос, Георг Зарифис и Крестакис Зографос<sup>29</sup>. К середине XIX в., когда иностранная торговля стала развиваться быстрыми темпами и в Стамбуле начало развиваться банковское дело, греки-финансисты добились еще большего влияния.

Каждый греческий банкир имел отношение к коммерции. За исключением Балтазисов, они были близко знакомы с быстро развивавшейся иностранной торговлей в Османской империи. Переход от международной торговли к финансированию произошел почти без труда, поскольку у купцов греческой диаспоры в Османской империи был большой опыт заключения фьючерсных сделок, использования векселей и спекуляции на международных валютах. Кроме того, за исключением Психариса и Зографоса, они принадлежали главным образом к состоявшим в родственных отношениях купеческим династиям диаспоры, торговые дома

<sup>25</sup> Капитуляции — экстерриториальные привилегии иностранным гражданам, осуществлявшим торговлю на территории Османской империи. Изначально эти привилегии добровольно предоставлялись султанами, основной целью которых было стимулирование иностранной торговли в империи. По мере ослабления Османской империи содержание капитуляций изменилось. Например, в 1740 г. привилегии в Османской империи в пользу Франции были расширены и закреплены «навечно». С конца XVIII в. условия капитуляций стали включаться в договоры, заключаемые Османской империей с иностранными государствами. Капитуляции из добровольно предоставлявшихся льгот превратились в кабальные условия, закреплявшие привилегии в пользу иностранных государств и их подданных.

<sup>26</sup> Tabakoğlu A. *Türk İktisat Tarihi*. İstanbul, 2003, с. 279.

<sup>27</sup> Kazgan H., Ateş T. *Turkish Financial History from Empire to the Present*. Cilt 1, с. 362.

<sup>28</sup> Kazgan H. *Galata Bankerleri*. Cilt 1, с. 13–14.

<sup>29</sup> Minoğlu I. P. *Ethnic Minority Groups in International Banking: Greek Diaspora Bankers of Constantinople and Ottoman State Finances* // *Financial History Review* 9 (2002), с. 128.

которых функционировали как «внутренние банки», а их международные филиалы работали с капиталом, предоставленным головным офисом.

Их изначальные привилегии сочетались с тесными связями в правительстве Османской империи и на Западе. Например, Теодор Балтазис был близко знаком с великим визирем Мустафой Решидом-пашой, Кристакис Зографос являлся личным банкиром султана Мурада V, а Георг Зарифис был частным кредитором султана Абдулхамид II. Кроме того, Балтазис и Зарифис были хорошо известны в банковских кругах Лондона, Марселя и Парижа<sup>30</sup>.

Рост влияния банкиров и их превращение в течение первой половины XIX в. в крупных финансистов были тесно связаны с увеличивавшимися кредитными потребностями османского государства. Банкиры Галаты предоставляли правительству Османской империи краткосрочные займы на один, максимум два года. Получая деньги в Европе под 6–7%, они сужали этими деньгами османское правительство по ставкам, превышавшим 12–18%. Этот разброс был результатом не только дефицита капитала в османском государстве, но и высоких рисков предоставления займов правительству, которое ни разу не было в состоянии погасить свои долги вовремя<sup>31</sup>.

К середине XIX в. в результате увеличения торгового дефицита и начавшегося повышения обменных курсов французской и английской валют величина золотого эквивалента османских банкнот стала стремительно снижаться. В 1845 г. двум банкирам, Аллеону и Балтазису, было поручено найти выход из валютного кризиса и стабилизировать курс обмена османских бумажных денег. Посредством получения 450 тысяч франков в Париже и Лондоне они смогли завоевать доверие османского правительства и султана Абдулмеджида<sup>32</sup>. В результате успешной деятельности этих банкиров правительство в 1847 г. разрешило им учредить первый банк (Bank Constantinople).

Балтазис, Главанис, Психарис, Тубини и Зарифис были вовлечены в процесс создания «Banque ottomane» (1853) и «Union financière» (1860)<sup>33</sup>. Каждый банк был учрежден под эгидой Османского государства с основной целью стабилизации курса обмена османских бумажных денег и, в частности, посредством ограничения обращения облигаций (kaime), которое выросло до больших размеров после их первоначального выпуска в 1840 г. Однако все три банка оказались недолговечными предприятиями, которые были ликвидированы, главным образом, из-за недостатка финансирования.

Потребность османского правительства в новых займах постоянно увеличивалась, в результате чего оно начало поиск более крупных учреждений для удовлетворения своей потребности в кредитах. Этот факт в со-

<sup>30</sup> Minoğlu I. P. Ethnic Minority Groups in International Banking: Greek Diaspora Bankers of Constantinople and Ottoman State Finances // *Financial History Review* 9 (2002), с. 128–129.

<sup>31</sup> Clay Ch. Gold for the Sultan: Western Bankers and Ottoman Finance, 1856–1881. L.—New York, 2000, с. 19.

<sup>32</sup> Kazgan H., Ateş T. Turkish Financial History from Empire to the Present. Cilt 1, с. 284–285.

<sup>33</sup> См. подробнее: Eldem E. A History of the Ottoman Bank, с. 20–4, 74, 89.

четании с большими «излишками» капитала, имевшимися в Западной Европе для вложения за границей, привел к резкому росту объемов прямых иностранных инвестиций, большая часть которых шла на развитие банковского дела<sup>34</sup>. В этих условиях в 1863 г. был основан иностранный Оттоманский имперский банк (*Banque Imperial ottomane*). Правительство предоставило ему право печатать бумажные деньги, фактически отказавшись от своего суверенного права на проведение независимой финансовой политики. Право на совершение таких действий, как выплата внутреннего и внешнего долга, процентов и изъятие ветхих денежных знаков из обращения, также было предоставлено банку. Банк предоставлял государству более дешевые краткосрочные кредиты посредством *сергис*, выпускаемых министерством финансов. Данная практика, по чаяниям правительства, должна была положить конец обращениям к банкирам Галаты. Сумма *sergi*, использованных ранее каждым министерством, должна была ежемесячно фиксироваться в соглашении с банком, и выпускать их вправе было только министерство финансов. Займы обеспечивались государственными доходами, предоставленными банку. Поскольку ценные бумаги, под которые должны были предоставляться займы, не вызывали сомнений, то кредиты выдавались под низкие проценты.

С учреждением Оттоманского банка «почти монополистическое положение» греческих банкиров на местном рынке пошатнулось. Хотя видный греческий банкир Георг Зарифис был членом совета Оттоманского банка и банк также установил тесные отношения с влиятельной семьей Раллис<sup>35</sup>, тем не менее греки не имели прямой доли в уставном капитале этого банка.

В целом в период активизации внешних заимствований Османской империи (1854–1875 гг.) банкиры Галаты потеряли свое привилегированное положение. Иностранные займы поступали на гораздо более выгодных условиях, чем кредиты, предоставляемые банкирами Галаты. Однако уже в 1875 г., в результате приостановления платежей по задолженности, Порта получила отказ в предоставлении новых кредитов со стороны европейских финансовых рынков и Оттоманского банка. В период дефолта, когда Порта потеряла доступ к международным финансовым рынкам, правительство все больше полагалось на внутренние займы банкиров Галаты.

Ш. Памук отмечал, что, особенно в ходе войны с Россией (1877–1878), деятельность этих банкиров «приобрела патриотическую окраску для поддержки своих многовековых клиентов во время этого тяжелого периода»<sup>36</sup>. Тем не менее, за патриотической ширмой скрывалась личная заинтересованность галатской элиты в территориальной целостности империи. Риски предоставления ссуд правительству, которое уже являлось

<sup>34</sup> Issawi C. (ed.). *Economic History of the Middle East*, c. 324; Pamuk Ş. *The Ottoman Empire and European Capitalism, 1820–1913: Trade, Investment and Production*. New York, 1987, c. 64–65; Clay Ch. *Gold for the Sultan: Western Bankers and Ottoman Finance, 1856–1881*, c. 474.

<sup>35</sup> Minoğlu I. P. *Ethnic Minority Groups in International Banking: Greek Diaspora Bankers of Constantinople and Ottoman State Finances* // *Financial History Review* 9 (2002), c. 130–131.

<sup>36</sup> Pamuk Ş. *A Monetary History of the Ottoman Empire*, c. 80.

банкротом и участвовало в тяжелой войне, были очень велики. Правительство уже задолжало этим банкирам значительную сумму денег, но в случае разделения империи они потеряли бы еще больше. Следовательно, если бы они не взяли на себя новые риски по кредитованию правительства, они могли бы в итоге потерять все. Кроме того, в то время они с выгодой для себя использовали изоляцию империи на международных рынках и подняли процентную ставку на краткосрочные займы до 24 %<sup>37</sup>.

В январе 1878 г. Османская империя и Россия подписали Сан-Стефанский договор, который положил конец войне. Правительство, по-прежнему остро нуждавшееся в источниках финансирования, получило рекомендацию создать специальный комитет для организации погашения долгов. В результате чего 22 ноября 1879 г. между правительством, Оттоманским банком и банкирами Галаты было достигнуто соглашение. Его условия предусматривали предоставление в качестве обеспечения некоторых османских внешних долгов части наиболее надежных источников доходов Османской империи, таких как акциз на алкоголь, на почтовые марки, морепродукты, налоги на шелк, табак и соль. В результате Оттоманский банк и банкиры Галаты создали так называемую Администрацию шести налогов (*Rüsumu Site İdaresi*), собиравшую налоговые поступления, права на сбор которых до этого продавались на торгах частным лицам. Выплатить очередные платежи и проценты за период с 1875 по 1880 г. по долгам, сделанным в период с 1874 по 1876 г., оказалось возможным только при помощи деятельности Администрации. Компания добилась существенных результатов всего за два года, что заставило европейских кредиторов добиваться использования схожей схемы погашения долгов Османской империи.

20 декабря 1881 г. был принят закон, учреждавший Администрацию оттоманского публичного долга, в состав которой входили представители кредиторов Османской империи. Администрация была уполномочена собирать налоги в счет уплаты государственного долга. После основания Администрации значение банкиров Галаты на финансовых рынках снизилось. Во время Первой мировой войны многие банкиры эмигрировали, уступив свои прежние функции иностранным банкам.

Таким образом, вопреки господствовавшей исламской доктрине, не ориентированной на принципы меркантилизма, в османском обществе в период активного развития товарно-денежных отношений сформировалась социальная группа, аккумулировавшая значительные капиталы. В основном, это были немусульмане-саррафы. В силу того что немусульмане проявили больший интерес и готовность к участию в экономической деятельности, именно они сыграли ключевую роль в становлении и развитии института кредитования в Османской империи. Выходцы из торговых общин, они эволюционировали от купцов-саррафов до банкиров, распространяя кредитные отношения среди османских подданных. Особенность этих отношений заключалась, прежде всего, в том, что ростовщический капитал был признан обогатить не только кредитора, но

<sup>37</sup> Clay Ch. Gold for the Sultan: Western Bankers and Ottoman Finance, 1856–1881, c. 367.

и государство, которое в любой момент могло обратиться к банкирам за финансовой поддержкой. По выражению С. М. Иванова, «османских ростовщиков можно представить в виде своего рода “губки”, которая впитывала в себя средства населения, чтобы... государство могло “выжать” ее в своих интересах»<sup>38</sup>. Негласное разделение сфер деятельности саррафов также было направлено на удовлетворение финансовых потребностей государства: в то время как евреи и армяне были связаны с финансированием внутреннего рынка, греки занимались размещением ценных бумаг оттоманского долга за рубежом. Используя системы личных и профессиональных связей в финансовой сфере в Османской империи и в Европе, банкиры-немусульмане выполняли роль посредников, сближавших традиционную османскую экономику с капиталистической европейской.

---

<sup>38</sup> Иванов С. М. Турецкая модель развития: Запад на Востоке и Восток на Западе // Экономика развивающихся стран. М., 2004, с. 238.



А. В. Болдырев (Москва)

## «Военная тревога» на Ближнем Востоке в начале XX в. (к истории несостоявшегося турецко-российского пограничного конфликта)

В начале XX в. взаимоотношения между Турцией и Россией отличались уважением к территориальной целостности друг друга. Тем не менее, к концу 1907 г. турецко-российские отношения осложнились. Поводом к этому послужил давний спор между Турцией и Ираном из-за пограничных территорий в районе озера Урмия, который длился с середины XIX в. Осенью 1906 г., пользуясь неустойчивым внутренним положением Ирана, где началась революция, Турция захватила спорные территории, начав концентрацию войск на иранской границе. Несмотря на энергичные усилия английского и русского послов в Стамбуле по разрешению конфликта, напряженная обстановка на турецко-иранской границе продолжала сохраняться<sup>1</sup>.

Сосредоточение турецких войск в районе конфликта создавало напряжение на кавказской границе России. Кроме того, турецкие захваты были произведены в северной области Ирана, которая, согласно русско-английскому соглашению 1907 г., отходила в сферу влияния России.

Вследствие этого начальник российского Генерального штаба Ф. Ф. Палицын в письмах к министру иностранных дел А. П. Извольскому высказал мысль о возможном военном столкновении с Турцией. По его мнению, захват Турцией приграничных с Ираном областей создавал для нее, в случае войны с Россией, выгодное стратегическое положение<sup>2</sup>. Ф. Ф. Палицын сообщал также, что, по данным начальника штаба Кавказского военного округа, в приграничной с Россией территории Малой Азии идут военные приготовления, которые «не могут быть объяснены иначе, как подготовка на случай войны с Россией, разрыв с которой, по циркулирующим упорным слухам, ... признается возможным из-

<sup>1</sup> Архив Внешней Политики Российской Империи (далее — АВПРИ). Ф. 137. Отчеты МИД. Оп. 475. Д. 137. Отчет МИД за 1905 г. Л. 80–80 об.

<sup>2</sup> АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 3057. Палицын — Извольскому, 7 ноября 1907 г. Л. 29.

за персидско-турецкого конфликта». По данным Ф. Ф. Палицына, войны с Турцией следовало ожидать весной 1908 г.<sup>3</sup>

А. П. Извольский разделял опасения Ф. Ф. Палицына и в письме послу России в Стамбуле И. А. Зиновьеву отметил необходимость заставить Турцию прекратить концентрацию войск на пограничных с Россией территориях. В случае неудачи допускалась возможность показательных маневров войск Кавказского военного округа<sup>4</sup>.

В ходе переписки, однако, выяснилось несогласие И. А. Зиновьева с возможностью военного столкновения с Турцией. По его мнению, меры военного характера, предпринимаемые Турцией, имели целью обезопасить себя на случай войны с Болгарией<sup>5</sup>. Исходя из опыта предшествующих лет, И. А. Зиновьев высказывал уверенность в преувеличении сведений о военных приготовлениях Турции. И. А. Зиновьев также отверг мнение Ф. Ф. Палицына о военной демонстрации как о средстве поддержания престижа России на Ближнем Востоке. По его мнению, по сравнению с предшествующим периодом, такой шаг России «являлся бы непоследовательным и несвоевременным». И. А. Зиновьев предлагал искать мирные способы урегулирования турецко-иранского конфликта на основе сотрудничества с Англией<sup>6</sup>.

Действительно, анализ ситуации показывает, что турецко-иранский конфликт носил локальный характер, а концентрация Турцией своих войск вблизи кавказской границы России была связана, прежде всего, с ее желанием удержать захваченные у Ирана территории и не имела анти-русской направленности. В связи с этим представляет интерес взгляд на проблему самого инициатора подготовки войны с Турцией — начальника Генштаба Ф. Ф. Палицына. 29 декабря 1907 г. в докладе императору Николаю II он изложил свое мнение о перспективах турецко-русского конфликта. Доклад Ф. Ф. Палицына был изучен российским исследователем К. Ф. Шацилло. По его мнению, позиция Генштаба свидетельствовала о желании начать превентивную войну против Турции<sup>7</sup>. Такая оценка является верной.

Суть предложений Ф. Ф. Палицына состояла в том, чтобы заставить Турцию очистить захваченные территории. Мерой давления на Турцию должны были стать маневры Кавказского военного округа. В случае неудачи предусматривалось силой принудить Турцию выпол-

<sup>3</sup> АВПРИ. Ф. 138. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 266/267. Палицын — Извольскому, 17 января 1908 г. Л. 2.

<sup>4</sup> АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 3057. Извольский — Зиновьеву, 15 декабря 1907 г. Л. 55–55 об.

<sup>5</sup> Источником турецко-болгарских противоречий в начале XX в. была Македония. Болгария стремилась присоединить к себе эту турецкую провинцию ввиду преобладания там этнических болгар. Другая причина осложнений между двумя сторонами заключалась в желании Болгарии провозгласить свою независимость (в 1878–1908 гг. Болгария пользовалась правом широкой автономии, находясь под суверенитетом Турции, и стремилась добиться для себя статуса Болгарского царства).

<sup>6</sup> АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 3057. Зиновьев — Извольскому, 8/21 января 1908 г. Л. 75–75 об.

<sup>7</sup> См.: Шацилло К. Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М., 2000, с. 38–40.

нить требования России, что означало начало войны с ней. Последнее, по мнению Ф. Ф. Палицына, вполне отвечало интересам России, поскольку в ходе войны она могла решить в свою пользу вопрос о Проливах<sup>8</sup>. Таким образом, турецко-иранский конфликт предлагалось использовать для восстановления позиций России на Ближнем Востоке после неудачной русско-японской войны и даже усилить их в случае успешной войны с Турцией. При этом совершенно не учитывались последствия такого шага.

Между тем планы Ф. Ф. Палицына были нереальны. Он явно не учитывал международную обстановку того времени и возможную реакцию других держав в случае русско-турецкой войны. Не был проанализирован и военный потенциал самой Турции. Военные же возможности России ни в коей мере не соответствовали планам Ф. Ф. Палицына. В письме Николаю II от 5 января 1908 г. наместник России на Кавказе И. И. Воронцов-Дашков отмечал полную неготовность войск Кавказского округа к военным действиям, признавая, что в случае войны «мы окажемся еще менее подготовленными, чем были на Дальнем Востоке»<sup>9</sup>. Наконец, неосуществимой была сама возможность подготовки к войне за два месяца.

Таким образом, мероприятия России, связанные с подготовкой к войне с Турцией, следует рассматривать с учетом личности их инициатора Ф. Ф. Палицына. Начальник российского Генштаба был довольно посредственным военачальником, получившим свою должность, главным образом, благодаря близости к председателю Совета Государственной Обороны (СГО) великому князю Николаю Николаевичу (дяде Николая II), у которого Ф. Ф. Палицын в течение долгого времени был начальником штаба. По оценке военного министра России в 1905–1909 гг. А. Ф. Редигера, предложения Ф. Ф. Палицына были инспирированы им, прежде всего, для улучшения весьма скромных результатов своей служебной деятельности<sup>10</sup>. В связи с этим трудно судить, насколько сам Ф. Ф. Палицын полагал необходимой войну с Турцией. Представляется возможным предположить, что не слишком способный генерал попытался громкими заявлениями привлечь к себе внимание. Следует, однако, учесть и тот факт, что предложения Ф. Ф. Палицына получили поддержку МИД, председателя СГО, а также тех военных округов, которые после поражения в войне с Японией были серьезно настроены на скорый реванш. Против войны с Турцией решительно возражали посольство России в Стамбуле, а также более умеренная часть генералитета во главе с военным министром А. Ф. Редигером, считавшим, что Россия не готова к серьезным военным осложнениям.

<sup>8</sup> Российский Государственный Военно-Исторический Архив (далее — РГВИА). Ф. 2000. Главное Управление Генерального Штаба (далее — ГУГШ). Оп. 1. Д. 147. Доклад по ГУГШ. 29 декабря 1907 г. Л. 20–26.

<sup>9</sup> Письма И. И. Воронцова-Дашкова Николаю Романову // Красный архив. Т. 1 (26). 1928. С. 105.

<sup>10</sup> Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1–2. М., 1999. Т. 1, с. 444–446; т. 2, с. 195, 208.

Тем не менее, военные приготовления к войне с Турцией, начатые в ноябре 1907 г., продолжались. Мероприятия эти, как и переписка Ф. Ф. Палицына с Извольским, происходила втайне от других ведомств. В секретном письме А. П. Извольскому от 17 января 1908 г. Ф. Ф. Палицын сообщал, что его соображения по поводу наступательной войны против Турции получили одобрение Николая II<sup>11</sup>.

В письме А. Ф. Редигеру Ф. Ф. Палицын известил его, что для обсуждения положения на Ближнем Востоке должно состояться особое совещание<sup>12</sup>. Инициатором его созыва выступал А. П. Извольский. Упомянутое совещание под председательством главы правительства П. А. Столыпина состоялось 21 января (3 февраля) 1908 г.

В своей речи на совещании А. П. Извольский отметил, что формальным поводом для его созыва были обращения к нему начальника Генштаба Ф. Ф. Палицына и заместника России на Кавказе И. И. Воронцова-Дашкова о тревожном положении на кавказских границах России. В то же время А. П. Извольский подчеркнул, что турецко-иранский конфликт является лишь частью общего кризисного положения на Ближнем Востоке. Он отметил тревожную ситуацию на Балканах, опасность болгаро-турецкого конфликта, отказ Австро-Венгрии от совместной политики по проведению реформ в Македонии. Ввиду этого, по мнению А. П. Извольского, требование России к Турции об очищении захваченных иранских территорий неминусом должно было повлечь за собой «осложнения на Ближнем Востоке».

С точки зрения А. П. Извольского, в этих условиях для России было важно понять, какую позицию она займет в случае очередного ближневосточного кризиса. Министр иностранных дел утверждал, что, заняв позицию невмешательства, Россия рискует выйти из конфликта ослабленной и потерявшей статус великой державы. В связи с этим А. П. Извольский предлагал «сойти с почвы строго охранительной политики» и в случае войны с Турцией добиться реализации своих интересов на Ближнем Востоке. Пойдя на конфликт с Турцией, Россия, по мнению А. П. Извольского, могла рассчитывать на поддержку Англии<sup>13</sup>.

Таким образом, локальный конфликт на турецко-иранской границе послужил для министра иностранных дел и руководства Генштаба поводом к тому, чтобы поставить вопрос о пересмотре *всего курса*, проводимого Россией на Ближнем Востоке. Необходимость этого объяснялась А. П. Извольским тяжелой обстановкой на Балканах, в Османской империи и бесперспективностью дальнейшей политики России по сохранению статус-кво в регионе. По сути, на февральском совещании 1908 г. А. П. Извольский обнародовал новую программу ближневосточной политики.

<sup>11</sup> АВПРИ. Ф. 138. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 266/267. Л. 2 об.-3.

<sup>12</sup> В России в конце XIX — начале XX вв. особые совещания являлись органами по координации вопросов внутренней и внешней политики.

<sup>13</sup> Три совещания Совета министров 1908, 1913, 1914 гг. // Вестник НКВД. 1919, № 1, с. 19, 21, 24.

Позиция А. П. Извольского, однако, нашла поддержку лишь у одного Ф. Ф. Палицына. Представитель военного министерства — помощник военного министра А. А. Поливанов и военно-морской министр И. И. Диков заявили, что армия и флот совершенно не готовы к тому, чтобы обеспечить проведение Россией новой политики на Ближнем Востоке. А. А. Поливанов выразил опасение, что предлагаемые меры военного давления на Турцию вызовут осложнения на Балканах, справиться с которыми Россия будет не в состоянии. А. А. Поливанов поддержал министр финансов В. Н. Коковцов, заявив, что Россия не должна вмешиваться в турецко-иранский конфликт<sup>14</sup>. Участники совещания также выразили недовольство тем, что подготовку к войне с Турцией Ф. Ф. Палицын осуществлял без ведома правительства<sup>15</sup>.

Итоги совещания подвел П. А. Столыпин. В своей речи на совещании он заявил, что внутренняя обстановка в стране исключает проведение в ближайшее время активной внешней политики. Иная политика, кроме охранительной, по его мнению, «была бы в настоящее время бредом ненормального правительства... Война на турецко-иранской границе возложила бы тяжкую ответственность на правительство, и председатель Совета министров не мог бы взять на себя такой ответственности». В случае же угрозы военного конфликта министр иностранных дел, по словам П. А. Столыпина, мог рассчитывать только на свое дипломатическое искусство<sup>16</sup>.

Таким образом, большинство участников совещания высказалось против принятия военных мер в отношении Турции. Это свидетельствовало о том, что в рассматриваемый период правительство России в целом придерживалось осторожной тактики в отношении Турции, правильно соотнося возможности России с ее внутренним положением и состоянием вооруженных сил. Несмотря на трудности своего положения, Россия явно не собиралась в ближайшем будущем менять свою политику на Ближнем Востоке.

Вскоре военная тревога в правительственном лагере пошла на убыль. На заседании особого совещания 25 февраля 1908 г. Ф. Ф. Палицын был вынужден отказаться от идеи войны с Турцией. Он признал, что военные мероприятия Турции не являются опасными для России. А. П. Извольский, в свою очередь, согласился с тем, что угрозы нападения Турции на Россию не существует<sup>17</sup>. Свою роль сыграл и категорический ответ султана Абдул-Хамида II, заявившего послу России в Стамбуле И. А. Зиновьеву, что никакой мобилизации в Малой Азии не происходит. По свидетельству А. Ф. Редигера, «этот ответ положил конец всей шумихе, поднятой Палицыным»<sup>18</sup>.

<sup>14</sup> Там же, с. 22–23.

<sup>15</sup> Поливанов А. А. Мемуары. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916. М., 1924. Т. 1, с. 39.

<sup>16</sup> Три совещания Совета министров 1908, 1913, 1914 гг. // Вестник НКВД. 1919. № 1, с. 25.

<sup>17</sup> Шацилло К. Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне, с. 40.

<sup>18</sup> Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 2, с. 208–209.

В итоге весной 1908 г. обстановка на кавказских границах России стабилизировалась.

Оценивая несостоявшийся турецко-российский конфликт, следует сделать вывод, что реальных поводов к нему не было. Оккупация Турцией двух небольших приграничных районов Ирана не создавала скольконибудь существенной угрозы интересам России на Кавказе, что отлично осознавалось военными и в самой России. Усиление военных округов Турции в Малой Азии также не было направлено против России. Таким образом, истоки возможного конфликта следует искать в системе принятия военно-политических решений в России в начале XX в.

В стране на тот момент не существовало правительства как *единого* органа по координации и *контролю* за деятельностью внешнеполитического и центральных военных ведомств. МИД, Генштаб и другие руководящие органы имели возможность напрямую обращаться к императору, минуя главу правительства. Печальную роль в обострении турецко-российских отношений в рассматриваемый период сыграла и децентрализация военного руководства России, в результате чего военное министерство, Генштаб и СГО действовали независимо друг от друга, имея при этом нередко разные взгляды на концепцию военной политики страны. Ситуация усложнялась и амбициями представителей военной элиты, в результате чего российский Генштаб занял безответственную позицию, стремясь фактически спровоцировать Турцию на конфликт.

Таким образом, «военная тревога» на Ближнем Востоке в 1907–1908 гг. представляется важным событием с точки зрения изучения истории взаимоотношений Турции с Россией. Она раскрывает субъективные причины военных осложнений, а также показывает, что механизм принятия политических решений в России нередко приводил к дуализму ее политики по отношению к Турции, в результате чего официальный курс на поддержание дружественных отношений между двумя странами сочетался со стремлением решить за счет Османской империи ряд конкретных территориальных проблем. События на кавказской границе указывают также на довольно хрупкую грань войны и мира между Турцией и Россией, несмотря на внешнюю стабильность в их отношениях в начале XX в.

Н. Г. Киреев (Москва)

## Антиконституционный мятеж 31 марта (13 апреля) 1909 г. и деятельность партии «Мусульманская Лига»

На рубеже XIX–XX вв. стало очевидным, что модель имперского османизма, представленная в фирманах периода Танзимата, а также другие меры, предусматривавшие создание многоконфессионального и многонационального общества на принципах толерантности, оказались невыполнимыми. Всё окончилось восстановлением султаном Абдулгамидом II автократии в форме зулюма и блокированием Конституции 1876 г., роспуском первого в истории империи парламента, физическим устранением в 1883 г. главного творца первой турецкой конституции — Мидхатапаши<sup>1</sup>.

Молодая свидетельница, а затем участница событий тех времен Халиде Эдип (Адывар) писала в своих воспоминаниях: «Мрачное господство тирании и деспотизма, система террора и шпионажа — такова история последнего периода господства Абдулгамидом»<sup>2</sup>. Другой турецкий автор — Ш. С. Айдемид отмечал, что если бы Абдулгамид II, «даже оста-

<sup>1</sup> Торжественное объявление первой турецкой конституции состоялось 23 декабря 1876 г. «Конституция определяла общую структуру государства, его органы и взаимодействие между ними, основные права и свободы граждан; таким образом, впервые было документально определено правовое состояние Османской империи» (Üçök S., Mumcu A. Türk hukuk tarihi ... с. 318). Монархия в Турции должна была стать конституционной. Султан имел право назначать и смещать министров, объявлять войну, заключать мир, вводить военное положение и прекращать действие гражданских законов, за ним признавалось право отправлять в ссылку любого, кого он мог посчитать угрозой государству. Вместе с тем провозглашалась личная свобода и равенство перед законом всех подданных империи без различия вероисповедания, гарантировалась на основе закона безопасность движимого и недвижимого имущества, неприкосновенность жилища, пропорциональное распределение налогов и податей. Также декларировалась свобода печати, обязательное начальное образование. Предусматривалось создание двухпалатного парламента, определялись права и обязанности министров и чиновников империи, а также принцип гласности и независимости судов. Подчеркивалось, что Османская империя — единое государство, все её подданные — «османы» — равны перед законом. Государственным языком признавался турецкий, а государственной религией — ислам. Парламент собрался в марте 1877 г. и сколь не был послушен султану, все же осмеливался критиковать деятельность правительства. Летом 1877 г. Абдулгамид II распустил парламент и назначил новые выборы. Однако и в новом составе парламент, собравшийся в январе 1878 г., позволил себе критику правительства и через месяц был распущен на неопределенный срок, хотя формально конституция не была отменена (Петросян Ю. А. Османская империя. Могущество и гибель. Исторические очерки. М., 1990, с. 212–213).

<sup>2</sup> Edip H. (Adivar). Memoirs of Halide Edib. L., 1926, с. 250.



ваясь деспотом, тираном, поощрял в стране образование, искусство, создание дорог, портов, развитие торговли, индустриализацию, то рано или поздно Турция вновь обрела бы конституцию ... Однако Абдулгамид II был в высшей степени невежественный человек, не прочитавший в своей жизни ни одной книги, слушавший чтение лишь полицейских романов, не ведавший о современных течениях, ставший затворником в стенах своего дворца, подозрительный, с большим воображением ...»<sup>3</sup>

Ряд турецких исследователей напоминает, что и в это время в Османской империи система социально-политических возрений по-прежнему большей частью покоилась на государственной религии (исламе): «...любой политический акт приобретал религиозный характер или по крайней мере сопровождался ссылкой на религию. Решения и политические требования... оценивались религиозным языком, например, всякое постановление верховной власти считалось желанием Бога, согласованным с шариатом и представленным от его имени султаном»<sup>4</sup>.

Обратим внимание на слова из фирмана 1839 г., положившего начало периоду Танзимата: «Истина состоит в том, что страны, которые не придерживаются законов шариата, не могут оставаться на ногах...»<sup>5</sup> Тарык З. Туная отмечал, что «возможность открывать либо закрывать дверь для новшеств и реформ как функция продолжала оставаться у той силы, которая была ответственна за исполнение шариата — за сословием богословов и законоведов («ильмие сыныфы», «улема»). Поэтому те новшества, которые отвечали требованию времени, особенно в периоды реформ, либо вовсе не внедрялись в османскую социально-политическую структуру, либо принимались с запозданием, да и то частично... Сословие богословов и правоведов стремилось командовать Османской империей до самого ее конца»<sup>6</sup>. Народное образование в Турции находилось на низком уровне — основным типом школ оставались средневековые медресе. К началу XX в. в империи насчитывалось 28 615 мусульманских

<sup>3</sup> Aydemir Ş. S. Makedonya'dan Ortaasya'ya Enver Paşa. Cilt I. İstanbul, 1983, с. 161–162. Не менее критическая оценка режима Абдулгамид II дана в работах отечественных авторов — Г. З. Алиева, А. Ф. Миллера, Ю. А. Петросяна, В. И. Шпильковой и др. По словам В. И. Шпильковой, «...деспотический режим душил культурное развитие страны. Абдул Хамид II боялся проникновения из-за границы в Турцию прогрессивных идей... В стране существовала строжайшая цензура. Она беспощадно вычеркивала малейшие намеки на революцию и государственный переворот» (Шпилькова В. И. Младотурецкая революция 1908–1909 гг. М., 1977, с. 23).

<sup>4</sup> Ağaogulları M. A. L'İslam dans la Vie Politique de la Turquie. Ankara, 1979, с. 26. Получается, что османская европеизация не мыслилась без сохранения основ шариата. Ахмет Джевет-паша (1822–1895) — глава комиссии по подготовке и публикации нового 16-томного гражданского кодекса Меджелле (1868–1876 гг.) — отверг предложения о принятии за его основу французского гражданского кодекса. Он был убежден, что мусульманскому обществу будет невозможно воспринять гражданское право христианского государства, что необходимо систематизировать и упорядочить гражданское право на основе исламского права, т.е. шариата. «Займствования из другой цивилизации должны соответствовать как принципам шариата, который является краеугольным камнем исламской цивилизации, так и принципам государства. Ибо то что хорошо для приверженцев одной цивилизации, для исламской ничего, кроме вреда, не принесет» (Ahmet Cevdet Paşa (1823–1895). Sempozyum 9–11 Haziran 1995. Ankara, Türkiye Diyanet Vakfı yayınları, 1995, с. 68, 69, 74,75).

<sup>5</sup> Yücel, Yaşar, Ali Sevim. Türkiye Tarihi. 4. Osmanlı Dönemi. 1730–1861. Ankara, TTK, 1992, с. 250.

<sup>6</sup> Tunaya T. Z. Türkiye'nin siyasi hayatında batlaşma hareketleri. İstanbul, 1996, 2 baskı. с. 8, 11–12.

и 5982 немусульманские школы. Этих школ было недостаточно для охвата детей начальным образованием<sup>7</sup>.

В годы зулума султанская власть обратилась к панисламизму как средству сохранения остатков империи, «чтобы поддержать ислам как инструмент единения империи, предупредить национализм — даже не столько немусульман, которых в империи к концу XIX в. оставалось относительно немного, а именно мусульман — арабов, албанцев, босняков, помаков. То есть вынужденно перейти от идеи имперского османизма к идее халифата как имперского исламского государства; запугать европейский империализм, который не смог подчинить пока лишь Османскую империю, Афганистан и Иран». Это «была реакция на пангерманизм и панславизм, все имело оборонительный для империи да и для Ирана и Афганистана характер. Вместе с тем эту политику надо оценивать как посыл исламскому миру в целях пропаганды империи, укрепления ее авторитета и влияния»<sup>8</sup>.

Остановить поступательное развитие османского общества было уже невозможно, его рост и влияние олицетворяла растущая подпольная деятельность конституционалистов — сначала «новых османов», а затем их сподвижников и различных последователей. Она разрасталась, несмотря на карательные меры султанской власти. По словам современного турецкого исследователя, обозначался духовный дуализм: «рационализм — исламизм». Он считает, что эти политические течения возникли помимо ислама именно при Танзимате. Предложенные в них постулаты предусматривали цели и средства, которые не фигурировали в религиозной идеологии или были прямой противоположностью основным принципам ислама. Это были течения «новых османов», младотурок, а впоследствии — националистов времен национально-освободительного движения<sup>9</sup>.

<sup>7</sup> Шпилькова В. И. Указ. соч., с. 24. По другим данным, представленным в Британской Энциклопедии, к 1914 г. «в империи насчитывалось более 36 тыс. османских школ, большей частью традиционно начальных. Развитие государственной системы образования ориентировалось на пример национальных немусульманских школ, в которых преподавание носило более современный характер. К 1914 г. эти школы были представлены более чем 1800 греческими школами (около 185 тыс. учащихся) и примерно 800 армянскими (свыше 81 тыс. учащихся). Немусульмане пользовались также школами, учреждаемыми в империи иностранными миссионерскими группами. К 1914 г. насчитывалось 675 американских школ, 500 французских католических, 178 британских — с общим числом учащихся свыше 100 тыс. человек» (Encyclopædia Britannica. 2007 Deluxe Edition. Ottoman Empire — Reform in education. Article).

<sup>8</sup> Что касается отсталости страны, то, как полагает цитируемый здесь турецкий автор, Абдулхамид II «не скрывал этой отсталости, занимался железными дорогами, осознавал необходимость образования и продолжил начатое в этой сфере при Танзимате... Он искусно использовал дипломатию для сохранения территориальной целостности Османской империи, прибегая к панисламизму прежде всего во внутренней политике, он постоянно помнил о своем османизме и тюркизме» (Koraman B. II Abdülhamit hakkında bazı düşünceler. Osmanlı. Cilt 2, с. 281). Другие турецкие авторы также убеждены, что «политика, названная тогда западными державами панисламизмом, не использовалась, как это ими утверждается, чтобы объединить исламские страны под единым политическим авторитетом, т.е. под властью Османской империи. Преследовалась иная цель — организовать, укрепить эти страны против западного империализма» (Ahmet Yaşar Ocak. Osmanlı İmparatorluğundan bugüne kalan miras: İslam. Osmanlı. Cilt 7, с. 557).

<sup>9</sup> Ağaogulları M. Op. cit., с. 28–29.

Миссия покончить с автократией Абдулгамиды выпала на долю младотурок, создавших организацию «Единение и Прогресс» (далее — ЕИП, иттикадисты, младотурки). В наступившем XX веке она превратилась в самое крупное общественно-политическое образование, противостоящее режиму и требующее восстановления конституции. Исходя из документов этой организации и заявлений ее лидеров, прежде всего Ахмеда Рыза бей (1858–1930), суть основных программных требований движения доступно изложил турецкий историк Ю. Х. Байур (1891–1980): «Единство, целостность и неделимость империи, сохранение султаната, равенство всех перед законом, независимость суда, свобода совести, принятие законов о народном представительстве — прежде всего при утверждении бюджета...»<sup>10</sup> Первые два съезда ЕИП состоялись в Париже в начале XX века — в феврале 1902 и декабре 1907 г. На последнем из них была принята декларация, призывавшая к свержению Абдулгамиды II и установлению в Турции конституционного правления, если потребуется, то и насильственным путем.

Восстание против режима началось в первых числах июля 1908 г. Его возглавлял начальник военного гарнизона в Ресне (Македония) лейтенант Ниязи-бей. Он ушел в горы вместе с организованным им повстанческим отрядом. Непосредственным толчком к восстанию послужило Ревельское свидание английского и русского монархов (июнь 1908 г.), в ходе которого было намечено проведение новых реформ в Македонии, фактически направленных на ее отторжение от Турции. К Ниязи-бею присоединился майор Энвер-бей (впоследствии Энвер-паша) со своим отрядом. 23 июля 1908 г. отряды Ниязи и Энвера вступили в г. Монастыр (Битола). 23 июля 1908 г. члены ЕИП в Монастыре (Манастыре) провозгласили восстановление конституции. В тот же день это произошло и в Салониках.

Опираясь на действия македонской армии, Комитет ЕИП смог действовать уже более решительно, его руководство направило султану срочную телеграмму с требованием в течение двадцати четырех часов восстановить в стране действие конституции. В противном случае младотурки угрожали двинуть армейские части из Македонии на Стамбул. Абдулгамид II внял этому предупреждению и уже на следующий день, 24 июля 1908 г., объявил о восстановлении конституции и предстоящем возобновлении деятельности парламента<sup>11</sup>.

В упомянутых выше мемуарах Халиде Эдип пишет, что весть о восстановлении султаном конституции 1876 г. принес в дом ее семьи журналист Хюссейн Джахит (Ялчин). На следующий день она вышла на улицу, чтобы увидеть Стамбул в первые дни революции. «Празднично одетые мужчины и женщины шли единым людским потоком... казалось, традиция столетий утрачивала свое влияние — не было разделения по полу или личности, люди двигались, охваченные единым порывом энтузиаз-

<sup>10</sup> Bayur Y. H. Türk İnkılabı Tarihi. Cilt 1 — Kısım 1. Ankara, 1983, с. 260.

<sup>11</sup> Соответствующие документы см.: Türk Anayasa metinleri. 1939–1980. 2. baskı. Ankara, 1982, с. 65–70. В исторической литературе это событие считается бескровной революцией против режима Абдулгамиды II. См., например: Mears E. G. Modern Turkey. New York, 1924, с. 476.

ма... Перед каждым министерством собиралась огромная толпа, призывая министра выйти и принять присягу верности новому режиму... Три дня вся империя была охвачена лихорадкой экстаза... Было очевидно, что толпа восприняла перемены как очевидное свержение режима с его насилием, коррупцией и тиранией; обновление же, каким бы оно ни было, означало счастье и свободу»<sup>12</sup>.

Сама Халиде Эдип в эти дни стала активно сотрудничать с младотурками. Именно тогда она приобщилась к журналистской и литературной деятельности, включившись в группу Эдебияты Джедиде, приняла участие в подготовке статей для газеты «Танин»; как сама она пишет, «именно в эти дни я стала автором», помогая таким признанным журналистам, как Тевфик Фикрет и Хюссейн Джахит, редактировавшим эту газету. «Никакая другая газета не имела столь блестящее положение, широкую продажу и популярность; за три прошедших месяца вся ненависть оппозиции сосредоточилась в ней... Среди прогрессивных идей, которые защищала “Танин” и которые вызвали самое ожесточенное противодействие, была эмансипация женщины. Самое упоминание о предоставлении ей равных шансов в образовании и в подъеме ее социального статуса приводило в ярость консерваторов. ...»<sup>13</sup>.

Овладев властью в империи, младотурки первоначально, до избрания нового парламента, не входили в те органы управления, которые действовали формально по воле султана. В целом процесс упрочения нового режима проходил болезненно, Абдулгамида II и его прежнее окружение могли даже полагать, что ничего не произошло — просто султан вернул империи конституцию и отныне все будет как прежде. Однако султан предпринял попытку сохранить за собой прежние властные права. Так, почти сразу после восстановления конституционного режима, 1 августа 1908 г. был издан указ Абдулгамида II, в котором перечислялись не только основные положения прежней конституции, но были включены и некоторые новые. Например, султан получал право назначать не только великого везира (садразам) и шейхульислама<sup>14</sup>, но и военного и военноморского министра. Это давало ему возможность восстановить контроль над армией и флотом. Более того, великий везир Саид-паша разослал во все вилайеты телеграмму, согласно которой местным властям рекомен-

<sup>12</sup> Edip H. Op. cit., с. 258–260.

<sup>13</sup> Там же, с. 262–267. По этому вопросу другой автор, Хикмет Баюр, особо отмечает решающую роль шейхульислама: «В провинциальных городах и даже в Стамбуле вплоть до 20-х годов XX века женщине, как бы она ни была закрыта, не разрешалось находиться рядом с мужчинами, этого было достаточно, чтобы подвергнуть ее позору. На улице она была вынуждена закрывать лицо, хотя шариятом это было разрешено, а в годы Абдулгамида II она не могла находиться в экипаже с мужчиной, если даже это были ее муж или сын» (Вауг Y. H. Op. cit., с. 46). К этому можно присовокупить и еще одно замечание. «До достижения зрелости девочки относительно свободны в своем передвижении... Но как только она оформляется и становится девушкой, на нее сразу распространяются ограничения и обязательства для женщин: пребывание только на женской половине, запрет на любые встречи с мужчинами до замужества, а также ношение паранджи вне женской части дома» (Хитцель Ф. Османская империя. М., 2006, с. 334).

<sup>14</sup> Шейхульислам был вторым лицом после главы правительства (великий везир, он же садразам) в султанской властной иерархии. Его полномочия — контроль за религиозной деятельностью в империи, подготовка и оглашение фетвы (разрешение какой-либо деятельности, если она отвечает положениям мусульманского права). См.: Türkçe Sözlük 2. Ankara, 1988, с. 497, 1382.

довалось вместо выборов новых депутатов назначить «подходящих людей» из числа членов административных советов, как это было в 1877 г., и прислать их в столицу в качестве депутатов.

Эта «инициатива» была опротестована младотурками; в итоге Саид-паша, министры внутренних дел, военно-морской, иностранных дел, юстиции и председатель Государственного совета подали в отставку. С согласия младотурецкого Комитета новым великим везиром стал Кямиль-паша, он и сформировал первое конституционное правительство. В ожидании итогов выборов в парламент младотурки и на этот раз в состав правительства входить не стали; они были убеждены в том, что и без этого реальная власть находится в их руках<sup>15</sup>. Как нам представляется, сменив правительство, младотурки сочли, что отныне события в стране уже по инерции будут развиваться по их сценарию. Об этом напишет позднее еще один свидетель того времени, молодой журналист из Салоник Зекерия Сертель, проходивший практику в младотурецкой газете «Румели»: «Покончив с деспотизмом Абдулгамиды, иттихадисты вообразили, что теперь все решится само собой...»; «Должным образом проблемами страны они не занимались, а те, которые возникали, они не пытались осознать...»<sup>16</sup>.

Подготовка к выборам нового парламента (они были двухступенчатыми) сопровождалась стремительным формированием многопартийной политической системы, ликвидированной при прежнем режиме. Ведущей в этой системе была, как это очевидно, организация «Единение и Прогресс» — статус политической партии она приняла на своем первом (закрытом) партийном конгрессе в Салониках в октябре 1908 г., и партия там же заявила о своем намерении участвовать в выборах. «Господствовала революционная атмосфера, звездами этого конгресса стали Энвер и его военные сподвижники»<sup>17</sup>. На конгрессе была принята и политическая программа партии (опубликована отдельной брошюрой 23 сентября 1324 г. х. / 6 октября 1908 г.). В ней предусматривались ограничение власти султана, расширение прав парламента, ответственность правительства перед парламентом. Уже в первом пункте указывалось, что партия намерена обновить конституцию с тем, чтобы она обеспечивала «представительство в парламенте избранных народа и чтобы министры были ответственны перед ними; те же министры, которые не получают в межлисе поддержку депутатов, подлежат отставке». Ограничивались полномочия султана и по формированию сената, предусматривалось изъятие из прежней конститу-

<sup>15</sup> Шпилькова В. И. Указ. соч., с. 129–133.

<sup>16</sup> «В те времена самым сильным и влиятельным членом ЕиП был Зия Гёкальп. Этого человека, спокойно и без претензий проживавшего в Диярбакыре, нашел комитет ЕиП, ввел в свой состав и доставил в Салоники. До того времени он не был известен ни в политической, ни в духовной, ни в культурной жизни... Зия Гёкальп начал формировать и распространять идеологию ЕиП, опираясь на принципы Великой Французской революции — свобода, равенство, братство. Но как все это применить в жизни, как осуществлять руководство страной ясного представления у иттихадистов не было. Они не понимали, что период империи кончился и народы, составляющие Османскую империю, находятся в состоянии борьбы за свою независимость» (Sertel Z. Hatırladıklarım. İstanbul, 1968, с. 9–11).

<sup>17</sup> Aydemir Ş. S. Tek adam. Mustafa Kemal. Cilt 1 (1881–1919). İstanbul, 1983, с. 144.

ции положения о праве султана по своему решению высылать за пределы империи неугодных ему лиц, расширялись возможности депутатов вносить в парламент законопроекты. 3-й пункт программы предусматривал изменения в избирательном законе: снижение до 21 года возрастного ценза и предоставление всем избирателям первой ступени избирательного права независимо от их имущественного положения. Также в программе провозглашалась свобода слова, печати, организаций и собраний. Высказывалась поддержка мер по развитию торговли, промышленности и сельского хозяйства. 7-й пункт предлагал положение о турецком языке как официальном, используемым «во всех видах переписки и общения». Провозглашая в 9-м пункте равенство всех османов перед законом, младотурки исходили из того, что все граждане Османской империи, независимо от их веры и национальности, являются османами. В области просвещения (пункты 16 и 17) программа обещала создать светские школы и поставить их под контроль правительства, а также ввести обязательное бесплатное начальное обучение. Провозглашалось, что «получение образования — свободно. Согласно положению Конституции, каждый османец может открывать частную школу, будут поощряться различные профессиональные школы... Религиозные школы не подпадают под эти общие положения»<sup>18</sup>. Каких-либо пунктов, утверждающих исключительность либо превосходство шариатского права, в программе не было. В целом можно полагать, что это была достаточно очевидная светская программа для политической партии, намеренной управлять халифатским султанатом. Как уже было сказано, этот документ был опубликован 6 октября 1908 г. и, несомненно, привлек пристальное внимание не только сторонников, но и противников революции, о чем свидетельствовали последующие события.

Главный оппонент партии ЕиП — либеральная «Ахрар» была создана 14 сентября 1908 г. Таким образом, прежнее движение принца Сабахаттина, первоначально (еще в парижский период) сотрудничавшее с комитетом ЕиП в борьбе с режимом Абдулгамида II, стало политической партией, серьезно претендовавшей на власть и уже поэтому противостоявшей ЕиП. Правда, принц Сабахаттин официально в эту партию не входил, очевидно, из-за родственной принадлежности к правящей династии. Один из лидеров «Ахрар» — Нуреттин Феррух-бей — подготовил программу партии, в которой были даны общие положения о свободе, должностующие, как предполагалось, ограничить политическую монополию партии ЕиП. В ней говорилось, что поскольку люди рождаются свободными и, с точки зрения прав человека, равными, они должны обладать такими общими правами, как право собственности, безопасности, равенства перед законом, как свобода слова, печати, торговли, переписки, совести, путешествий, образования, организации обществ, собраний, неприкосновенность жилища. В программе предусматривались поправки, которые должны были быть внесены в конституцию 1876 г. В основном они совпадали с предложениями младотурок (об ограничении прав султана, об ответственности кабинета министров перед парламентом, о лик-

<sup>18</sup> Tunaya T. Z. *Turkiye'de siyasi partiler*. Cilt 1. İstanbul, 1984, с. 65–67.

видации для избирателей ценза оседлости, о необходимости ликвидировать последний параграф в ст. 113, дававший султану право высылать без суда из страны, о равенстве всех османов и т. д.). Были и расхождения — в вопросе о формировании сената и др. Либералы выступали за принцип децентрализации управления империей, но не политической, а лишь административной<sup>19</sup>. Программу «Ахрар» поддерживали Великобритания и действующее правительство в лице великого везира Кямиль-паши, однако открыто против младотурок ни одна из возникавших партий не выступала.

Другие партии, участвовавшие в выборах 1908 г., были совсем небольшие, слабые и не могли рассчитывать на какой-либо успех в условиях недавнего триумфа младотурок и активности «Ахрар». Необходимо отметить, что в своей предвыборной борьбе, в противостоянии младотуркам «Ахрар» сочла возможным и целесообразным более и активнее всего взаимодействовать с партией «Мусульманская Лига».

Учитывая тему статьи, важно остановиться именно на этом аспекте предвыборного партийного многообразия, т.е. на происламских партиях, и прежде всего на самой активной из них — «Мусульманской Лиге». Очевидно, что после недавней революции немало прежних имперских опор, включая те, которые можно считать остатками абдулгамидовского режима, остались почти нетронутыми. Но, как также сказано выше, появились и нововведения, неизбежно сопровождавшие восстановленный конституционный режим и отделяющие младотурецкую власть от зулума. Одно из самых существенных — достаточно очевидные светские тенденции в программе ЕиП. Именно это новшество впервые в истории султанского халифата и при сохранении института шейхульислама весьма отчетливо — на конституционном уровне — должно было отделять государственную власть от религиозной, и именно это более всего тревожило тех исламистов, которые были ранее влиятельной частью свергнутого режима при всех их разногласиях с султаном в вопросах верховенства власти. Это объяснимо — никто из исследователей этого периода не оспаривает тезис, что «идеология младотурок основывалась на позитивистской, рационалистической и светской основе... эта идеология сужала политические функции ислама, настаивая, с одной стороны, на османизме, осуществляемом не уммой, а союзом наций (так впервые признавалось существование турецкой нации), а с другой — на такой организации государства, которая отвечает законам рационализма, а не шариата»<sup>20</sup>.

Разумеется, главной надеждой противников расширения светских принципов в системе верховной власти был халиф — удержавшийся на троне недавний самодержец. В любом случае дело шло к неизбежной и острой политизации части оппозиции и во время выборов, и после них. Играя на религиозных чувствах, исподволь поддерживаемых лидерами «Ахрар», исламисты осознали себя бескомпромиссными противниками младотурок и повели среди народа усиленную агитацию против кон-

<sup>19</sup> Подробнее см.: Шпилькова В. И. Указ. соч., с. 187; Tunaya T. Z. Op. cit., с. 155–162.

<sup>20</sup> Ağaogulları M. Ip. cit, с. 30.



ституционного режима, обвиняя младотурок в измене шариату. Немало влиятельных улемов, представлявших элиту духовенства, возбуждали у простых мусульман, в том числе солдат, недоверие к ЕиП, заявляя, что младотурки во всем предпочитают христиан империи мусульманам, что в повседневной жизни младотурки нарушают обычаи ислама и т.п. Тарык З. Туная подтверждает, что в те дни «наиболее влиятельным по сравнению с другими течениями было исламистское идейное течение... оно имело возможность опираться на религиозные убеждения общества и на теократический режим государства»<sup>21</sup>. Аналогично и мнение о нарастающей исламистской оппозиции всё той же Халиде Эдип, которой вскоре наяву пришлось иметь дело с наиболее озлобленными ее представителями: «Общим и наиболее взрывчатым оружием, которое они использовали, была реакционность, особенно преобладавшая в женском вопросе и в религии. Каждый политический деятель, который хотел пробудить популярное чувство против нового режима, и все, кто был заинтересован, чтобы подавить дух революции, объединились в игре на основе фанатичного пыла и реакционных тенденций, присущих мусульманским общинам...»<sup>22</sup> Как мы увидим далее, эта «игра» и довела ситуацию до военного мятежа под антиправительственными лозунгами.

Уместно напомнить, что положение младотурок во время выборов серьезно осложнялось и под воздействием ряда внешнеполитических факторов, прежде всего потому, что в начале октября 1908 г. Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, а Болгария после этого заявила о своей независимости. Обострились также отношения Турции с Германией. Порта объявила мобилизацию войск<sup>23</sup>.

Одно из первых открытых выступлений исламистов произошло 7 октября 1908 г., еще в ходе достаточно растянутого по времени выборного процесса. В этот день многотысячная толпа под руководством мулл Керр-Али и Исмаила Хаккы направилась к султанскому дворцу. Депутация софт (учащихся медресе) потребовала отмены конституции, восстановления шариата, закрытия питейных заведений, запрещения фотографирования и хождения женщин по городу без чадры. В тот же день произошли выступления недовольных и в других районах города. На площади у мечети Айя-София были расклеены плакаты, критиковавшие шейхульислама за то, что он «предает мусульманскую религию». Руководство партии ЕиП настояло на аресте организаторов этой манифестации. Одновременно в младотурецкой печати были опубликованы статьи, авторы которых пытались успокоить население и убедить его, что конституция нисколько не противоречит шариату, а поэтому все мусульмане обязаны беспрекословно подчиняться конституции<sup>24</sup>.

Не только в столице империи, но и в Анатолии, особенно Восточной, реакционная часть духовенства, используя тяжелое материальное положение

<sup>21</sup> Tunaya T. Z. Op. cit., с. 10, 13.

<sup>22</sup> Edip H. Op. cit., с. 269.

<sup>23</sup> Шпилькова В. И. Указ. соч., с. 189.

<sup>24</sup> Там же, с. 191–192.

ние населения, пыталась направить его против конституционного режима. Ему удалось вызвать «глухое волнение» в Эрзуруме, Битлисе, Сивасе, Харпуте и Диарбакыре. По сообщению российского консула Н. А. Скрябина, в Эрзуруме появились афиши антиконституционного содержания, разжигавшие религиозный фанатизм. В одной из них говорилось: «Наша магометанская религия после объявления конституции совершенно уничтожена и топчется ногами... Что же будет с мусульманством, если христиане станут нашими братьями? С гяурами мы не можем быть братьями»<sup>25</sup>.

В научной литературе наиболее активным организатором фанатиков от веры считается некий Дервиш Вахдети (1869–1909), уроженец и постоянный житель Кипра (тогда — ближайшей к Турции английской колонии), подолгу проживавший в Стамбуле. В свой последний приезд в столицу, уже после революции 1908 г., он стал издавать газету «Волкан». «В своих статьях в этой газете выступал с резкой критикой младотурок. Поддерживал центристов — Камиль-пашу и принца Сабахаттина, придерживался проанглийских взглядов»<sup>26</sup>. В преддверии выборов, в конце сентября 1908 г. Дервиш Вахдети основал организацию «Иттихади мухаммеди» («Мусульманская Лига»). Она выступила под флагом защиты традиций ислама и принципов халифата. В ее программе было записано, что она не будет вмешиваться в действия правительства и партии «Единение и Прогресс». В действительности же, как пишет В. И. Шпилькова, «ее деятельность носила политический характер и была направлена против младотурок и конституционного режима. Вскоре “Мусульманская Лига” имела своих представителей почти на всей территории Османской империи»<sup>27</sup>.

Выборы проходили в атмосфере небывалого энтузиазма, его эмоционально описала Халиде Эдип: «О страна, о мать, будь счастлива и радостна сегодня» — так пела большая и разношерстная толпа, проходившая под окнами моего дома в Нуриосмание. Всякий, кто слышал это восторженное песнопение толпы, не мог удержаться от слез...»<sup>28</sup> По итогам завершившихся 20 ноября 1908 г. выборов партия ЕиП получила подавляющее большинство мест в меджлисе, обозначилась и оппозиция. Ее единственный серьезный соперник партия «Ахрар» успеха не добилась, но ее политические сторонники в парламенте вскоре заявили о себе в полный голос<sup>29</sup>. Как отмечает Фероз Ахмат, до открытия в декабре палаты депутатов между либералами и иттихадистами действовало устное соглашение о перемирии, причем каждая из сторон надеялась посредством выборов получить власть. В столице либералы не получили ни одного места, но надежд не утратили, «мало кто принимал всерьез ЕиП. Благодаря ее за восстановление конституции, либералы и консервативные круги в то же

<sup>25</sup> Шпилькова В. И. Указ. соч., с. 193.

<sup>26</sup> Türk ve Dünya ünlüleri Ansiklopedisi. Cilt 4. İstanbul, 1983, с. 1730. Aydemir, Ş. S. Makedonya'dan Ortaasya'ya Enver Paşa. İkinci Cilt (1908–1914). İstanbul, 1981, с. 144, 146.

<sup>27</sup> Шпилькова В. И. Указ. соч., с. 191.

<sup>28</sup> «Множество людей следовало за выборными урнами, украшенными цветами и флагами. В экипажах, взявшись за руки, сидели мусульманские и христианские священники, одетые в белое, сомкнувшиеся в ребяческом объятии христианские и мусульманские девицы...» (Edip H. Op. cit., с. 271, 272).

<sup>29</sup> Tunaya T. Z. Op. cit., с. 6, 13, 65, 66.

время были убеждены, что ЕиП будет удалена из политики и власть достанется людям знающим, т.е. тем, кого поддерживают либералы. Но у ЕиП были другие намерения. В короткое время она объявила себя защитницей конституции... Естественно, что Камиль-паша и либералы не могли быть довольны деятельностью иттихадистов и вмешательством в правительственную деятельность. Даже после поражения на выборах они считали, что такое положение временно и оно закончится»<sup>30</sup>.

Восстановленный двухпалатный парламент открылся с большим торжеством 17 декабря 1908 г.; султан вначале не пожелал отправиться на открытие меджлиса; садразам пригрозил уйти в отставку — и падишаху пришлось уступить. Народ приветствовал султана на всем пути в меджлис и обратно. Приветственную речь от имени султана в адрес депутатов произнес Камиль-паша, а 31 декабря 1908 г. депутаты были приглашены на вечерний прием к султану. «Это приглашение, — пишет Бозкурт, — было встречено с большим энтузиазмом в стамбульской прессе. Одна из газет писала, что это первый в истории страны случай, когда народные представители приглашаются на вечерний прием к падишаху»<sup>31</sup>.

Среди 275 членов новой палаты депутатов насчитывалось 142 турка, 60 арабов, 25 албанцев, 23 грека, 12 армян, 5 евреев, 4 болгарина, 3 серба и 1 куцовлах (аромун). Председателем был избран Ахмет Риза-бей, его заместителями — турок Талаат-бей и грек Аристиди-эфенди. Также был оглашен список 39 сенаторов, назначенных султаном. Партия «Ахрар» не смогла пройти в этот парламент, но вскоре в меджлисе появились сторонники этой партии, сформировалась парламентская оппозиция, представленная как консервативными элементами, так и национальными меньшинствами. Сенат состоял из 53 человек, по национальному признаку места в нем распределялись следующим образом: 41 турок, 4 грека, 3 армянина, 2 еврея, 1 болгарин, 1 валах и 1 серб<sup>32</sup>.

Что касается партийного состава палаты депутатов, то младотурки получили в ней большинство — около 150 мест. Среди депутатов были такие видные младотурецкие деятели, как прибывший из Салоник Ахмед Риза-бей (именно он был избран председателем палаты), Талаат-бей (его заместитель), хафыз Ибрахим-эфенди, Энвер-бей, Зия Гёкальп и др. Депутаты-младотурки создали свою фракцию, через которую партия «Единение и Прогресс» осуществляла осуществлять контроль за законодательной деятельностью парламента. Партию поддерживали несколько газет и прежде всего «Танин». Что касается социального состава парламента,

<sup>30</sup> Камиль-паша был на выборах кандидатом либералов и ими поддерживался. Более того, он не сдержал обещания провести реформы в стране, во внутренней и внешней политике навязывал правительству медлительность и беспомощность перед деспотизмом дворца. Накопившееся в меджлисе недовольство главой правительства привело к его отставке 18 февраля. За него в меджлисе проголосовало лишь 8 депутатов. «Это стало поворотным моментом в отношениях между ЕиП и оппозицией» (Feroz Ahmad. İttihatçılıktan Kemalizme. İstanbul, 1986 с. 15–19).

<sup>31</sup> Bozkurt G. Batı Hukukunun Türkiye'de Benimsenmesi. Ankara, 1996, с. 89, 91. Также см.: Bayur Y. H. Op. cit., с. 136, 137.

<sup>32</sup> Алиев Г. З. Турция в период правления младотурок. М., 1972, с. 122–124, 130, 131; Шпилькова В. И. Указ. соч., с. 198.

то в него вошли представители исключительно имущих классов: крупные помещики и представители крупной и средней буржуазии. Значительное число составляли лица духовного звания, 80 мест получили улемы. «Если в начале работы парламента большинство улемов были лояльны к новому режиму и не скупились на либеральные заявления, то со временем они стали выражать ему недоверие, а затем и враждебно относиться...»<sup>33</sup> В одной турецкой энциклопедии высказано убеждение, что за «первые четыре месяца опосредованного правления младотурок наиболее стремительно усилившимся крылом оппозиции стало религиозное крыло»<sup>34</sup>. «Вне парламента... стремительно усиливалось течение, эксплуатирующее религиозные чувства и призывающее вернуться к старым порядкам»<sup>35</sup>.

Следует напомнить, что 10 ноября Дервиш Вахдети начал выпускать газету «Волкан», отражавшую взгляды организации «Мусульманская Лига», через четыре месяца ставшей партией. «“Волкан” уже с первого номера — подобен вулкану, он полыхает ненавистью и мракобесием. Его главная забота — естественно, опять-таки от имени шариата — подстрекательство. Начинает призывать воинские части к политической борьбе»<sup>36</sup>.

Оппозиция младотурецкому режиму нарастала и в частях стамбульского гарнизона. В январе нового 1909 г. в военном училище в Стамбуле прошли демонстрации, сопровождавшиеся стычками. 60 учащихся были исключены и отправлены в военные тюрьмы или отдаленные военные части<sup>37</sup>. Важнейшим подстрекателем таких событий были «Ахрар» и «Мусульманская Лига» во главе с Дервишем Вахдети. В газете «Волкан» Вахдети убеждал читателей, что их взгляды поддерживает вся армия, народ и все провинциальные власти. Критическим оказался февраль 1909 г., когда Дервиш Вахдети от имени «Мусульманской Лиги» и при поддержке газеты «Волкан» обратился с запиской к шейхульисламу, требуя возврата государства к шариату. Он «настаивал не брать за образец законы других стран, а управлять страной по шариату. Публиковалось множество других подобных обращений, которые распространялись по медресе, кофейням, а также и в казармах. Особенно важно, что эти листовки распространялись в стрелковых батальонах. Позже, в восстании 31 марта, эти батальоны используют призыв Дервиша Вахдети “требуем шариат” как знамя восстания, как главный лозунг»<sup>38</sup>. В феврале же начались массовые демонстрации у медресе при мечетях Фатих и Сулеймание. Дело в том, что размещавшиеся там софты до недавнего времени, как будущие богословы, освобождались от военной службы. Но учитывая международную обстановку тех дней, военное министерство, испытывая острую потребность в призывниках, решило отменить прежние льготы

<sup>33</sup> Представители мусульманского духовенства требовали, чтобы при обсуждении вопросов в парламенте депутаты не отступали от шариата. «Большинство депутатов духовного звания находились в оппозиции к младотуркам. Они поддерживали связь с “Мусульманской лигой”, выступавшей против конституции» (Шпилькова В.И. Указ. соч., с. 199, 200).

<sup>34</sup> Yurt Ansiklopedisi. Cilt V. İstanbul, 1982, с. 3855.

<sup>35</sup> Там же. Cilt XI, 1984, с. 7953.

<sup>36</sup> Aydemir Ş. S. Makedonya'dan Ortaasya'ya Enver Paşa. Cilt II, 1983, с. 125.

<sup>37</sup> Там же.

<sup>38</sup> Там же, с. 126.

при призыве; освобождению подлежали лишь те софты, которые смогли бы пройти самый простейший «квалификационный» экзамен — на грамотность. 27 февраля близ этих медресе софты провели демонстрации против указанного решения. «Между управлением шейхулислама и военным министерством прошли переговоры Управление если и соглашалось на экзамены, то без арифметики, истории и географии. Допускалось прочтение нескольких простых фраз, вопросы по намазу, оручу; после этого следовало освобождение от воинской повинности»<sup>39</sup>.

Оппозиционные и откровенно враждебные ЕиП силы начали активно организовываться; к этому времени они досконально изучили опубликованную еще в октябре 1908 г. политическую программу ЕиП, другие документы и заявления иттихадистов и учли опыт противников. В марте 1909 г. в газете «Волкан» были опубликованы программа и устав «Мусульманской Лиги» и имена ее учредителей. 23 марта 1909 г. в помещении газеты она была объявлена новой политической партией. Фероз Ахмет характеризовал эту партию так: «...она представляла из себя крайнее религиозное движение, возникшее во имя защиты ортодоксального Ислама; она была категорически против модернизации, требовала установления национального единства на идеалах Ислама, настаивала на применении шариата»<sup>40</sup>.

В документах новой партии заявлялось о необходимости создания теократического государства. «Главой общества “Мусульманская Лига” провозглашался пророк Мухаммед»; Лига создавалась прежде всего для того, чтобы сохранять и поддерживать предписания Корана и шариата, представлять соответствующие проекты законов, в частности Уголовного кодекса, на рассмотрение меджлиса, а его действия расценивать согласно тому, насколько они соответствуют шариату; предусматривалась также необходимость пересмотреть в будущем все законодательство, систематизировать его согласно положениям шариата. «Все свои действия в качестве депутатов предписывалось соотносить со священным шариатом, уважать нормы, определяемые законом шариата, и защищать мир ислама, находящийся под знаменем Мухаммеда». Заявлялось, что «сфера деятельности общества — весь исламский мир»<sup>41</sup>.

28 марта в газете «Волкон» от имени пятого армейского корпуса появилось заявление о том, что это подразделение полностью примыкает к Лиге и поддерживает ее...<sup>42</sup> «Короче, котел закипал, его содержимое вот-вот польется через край; оценив это, ... «Мусульманская Лига» и Дер-

<sup>39</sup> Впоследствии во время мятежа 31 марта (13 апреля) софты стремились расправиться с военным министром, поскольку именно его обвиняли в том, что он ввел этот экзамен (Aydemir Ş. S. Makedonya'dan Ortaasya'ya Enver Paşa. Cilt II, c. 129).

<sup>40</sup> Теоретически «Мусульманская Лига» была против всех прозападных реформистов — и иттихадистов и либералов, но как показали последовавшие события, «она использовала религию как политический инструмент только против иттихадистов. Она обращалась с призывами к консерваторам и религиозным кругам, активно воздействовала на депутатов-традиционалистов и рядовых военных» (Aydemir Ş. S. Makedonya'dan Ortaasya'ya Enver Paşa. Cilt II, c. 130; Feröz Ahmad. İttihatçılıktan Kemalizme. İstanbul, 1986, c. 22).

<sup>41</sup> Tunaya T. Z. Op. cit., c. 199–205.

<sup>42</sup> Aydemir Ş. S. Tek adam. Mustafa Kemal. Cilt 1 (1881–1919), c. 154.

виш Вахдети устроили в честь своей организации многолюдную церемонию в мечети Айя-София — с мевлютами, текбирами. Это место в Стамбуле доселе не видывало таких массовых торжеств, причем героями дня были Дервиш Вахдети и Саиди Нурси, именовавший себя Бедиуззаман Саиди Кюрди»<sup>43</sup>. Речь шла о провозглашении «Мусульманской Лиги» как внепарламентской партии, по оценке Туная — «склонной к клерикальности, закрытости, мятежности»<sup>44</sup>.

В программных документах «Мусульманской Лиги», прежде всего Декларации об основах ее политической программы, перечисляющей основные причины создания партии, подчеркивалось, что Лига поддерживает восстановление конституции; что конституция невозможна без политических партий и они действительно созданы в немалом числе, среди них — ЕиП, «Ахрар» и др. «Найти себе место в конституционном режиме надеется и Лига — каждый османец может при желании войти в Лигу, которая намерена действовать строго по закону. Мы, как мусульмане, обязаны действовать согласно положениям шариата»<sup>45</sup>.

Ссылаясь на газету «Волкан», Т. Туная называет в качестве членов многочисленного руководящего совета «Мусульманской Лиги» видных религиозных деятелей империи, включая тогдашнего шейхульислама, проповедников стамбульских мечетей Баязит и Фатих. Последним в перечне (и первым по значимости) представлен Дервиш Вахдети. В этом же списке значится также и уже упомянутый курд-богослов Бедиуззаман Саиди Кюрди Ибн-и Мирза<sup>46</sup>. Как известно, впоследствии, в период республики, Саиди Кюрди получил немалую известность и популярность в религиозных кругах Турции как родоначальник исламистского движения нурджизма. Саиди Кюрди прибыл в Стамбул в 1907 г. из Вана с тем, чтобы добиться от султана помощи для открытия на востоке страны школ и университета. В своем письме султану он отмечал, что в Восточной Анатолии «открыто несколько школ, однако изучать преподаваемые в них предметы могут лишь ученики, знающие турецкий язык. Не владеющие турецким языком могут получать и расширять только те знания, которые преподаются в медресе. Поскольку преподаватели в этих школах не знают местный язык, дети оказываются лишенными преподавания и обучения. Это порождает одичание и неразбериху... Необходимо, — утверждал далее автор письма, — в нескольких местах Восточной Анатолии, например

<sup>43</sup> Aydemir Ş. S. Makedonya'dan Ortaasya'ya Enver Paşa. Cilt II, c. 130.

<sup>44</sup> Tunaya T. Z. Op. cit., c. 183.

<sup>45</sup> «В эти наши полномочия не должны вмешиваться личные взгляды. В современной цивилизации никакая личность не может быть рабом других... Следовательно, мы заявляем, что не подлежат потворству те, кто покушается на всеобщее право, выступает против предписаний шариата и законов» (Tunaya T. Z. Op. cit., c. 199–200).

<sup>46</sup> Там же, с. 182. Первоначально это было религиозное общество в поддержку ислама, единства всех мусульман, затем оно заявило о себе как «независимая политическая партия». Подлинный центр — Медина, отделения в Стамбуле и Каире. Придерживалось принципов шариата, не допускало никаких снисхождений противникам законов и шариата. Первоначально поддержало ЕиП, затем стало обвинять ее в ограничении свобод. В ответ ЕиП обвинила Лигу в деспотизме и реакционности. В одном из номеров «Волкан» утверждалось, что шариат — это и есть конституция (Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi. Ankara—İstanbul, 1988–2003. Cilt 23. İstanbul, 2001, c. 475–476).

в Битлисе, Ване и Сиирте, открыть школы с числом учащихся не менее 50 человек, расходы же на их содержание должно взять на себя правительство. В этих школах вместе с религиозными науками следует преподавать и другие необходимые науки... Таким образом будут заложены основы просвещения, что станет исходным пунктом прогресса»<sup>47</sup>. Деятельность курдского богослова в Стамбуле неоднократно сопровождалась принудительным направлением его султанскими властями в психиатрическую больницу. Он приветствовал восстановление конституции, считая, что она будет способствовать сохранению принципов шариата. «Доселе человек жил подобно животному, в тяжелых условиях, пребывая в упадке и изоляции. Ныне, если после разрыва тяжелых цепей в условиях соблюдения шариата свобода и справедливость будут торжествовать, человеческая мысль, разрушив преграды на пути талантов, может возвыситься эту небольшую местность (где проживают курды. — Н. К.) до мирового значения. Даже такой крестьянин как я, будет замечен ... Останутся позади платоны, ибнсини, бисмарки, декарты... Это благодатное поле Азии и Румелии ... принесет свои плоды»<sup>48</sup>.

В Салониках Бедиуззаман приветствовал революцию на площади Свободы, встречался с иттихадистами, поддерживал положительные стороны их деятельности, «но критиковал их бесцеремонность в религиозных делах и старался указать им правильный путь». Когда его потом спрашивали, почему он отстранился от ЕиП, Саиди Кюрди отвечал: «...не я отстранился, а некоторые из них от меня. С Ниязи-беем, Энвер-беем я союзник». «Я стараюсь сохранить в лоне шариата приемлемость шариатом конституционного режима, который является посредником в прославлении и возвеличивании ислама»<sup>49</sup>. По словам Туная, спустя некоторое время, в 1925 г., Бедиуззаман следующим образом определял свое неоднозначное участие в деятельности мятежной «Мусульманской Лиги»: «...необходимо великодушно учесть, что я вырос среди высоких гор Курдистана малообразованным и неопытным»<sup>50</sup>.

Последним поводом к началу мятежа против новой власти стало убийство 27 марта журналиста газеты «Сербести» Хасана Фехми-бея, известного оппонента ЕиП. Реакция в Стамбуле оказалась чрезвычайно сильной, сторонники «Ахрар», «Мусульманской Лиги», Дервиш Вахдети и софты усилили нападки на младотурок. Убийцу не нашли, хотя Айдемир называет среди возможных убийц одного из «мушкетеров» ЕиП<sup>51</sup>. Халиде Эдип пишет, что «это было первым политическим убийством при новом режиме... оппозиция использовала похороны как демонстрацию против иттихадистов. Близ угла моего дома я видела катафалк, обернутый в персидское покрывало с арабским стихом из Корана: “для Аллаха

<sup>47</sup> Şahinler Necmeddin. Bilinmeyen Tarafıyla Bediüzzaman Said Nursi. İstanbul, 2004, с. 93.

<sup>48</sup> Там же, с. 104–107.

<sup>49</sup> Там же с. 111, 112.

<sup>50</sup> Tunaya T. Z. Op. cit., с. 182, примечание.

<sup>51</sup> Audemir Ş. S. Makedonya'dan Ortaasya'ya... Cilt II, с. 130. Историк Ахмет Б. Куран отмечал, что «сто тысяч человек приняли участие в церемонии погребения» (Шпилькова В. И. Указ. соч., с. 215).



достаточно и одного мученика” — было написано большими буквами на гробе и на белых тюрбанах сопровождающей толпы, напоминавшей необъятное поле маргариток...»<sup>52</sup>

Обстановка обострилась до предела, оппозиционные газеты «Икдам», «Мизан», «Волкан» и др. выступили с призывом не склоняться перед тиранией младотурок. Накануне мятежа Дервиш Вахдети писал в газете «Волкан»: «Ни в коем случае не будем мириться с этими преступлениями. Для этого нужно объединиться всем мусульманам». В другой статье он требовал либо найти убийцу Хасана Фехми-бея, либо изгнать из страны пять видных членов партии «Единение и Прогресс». «Ничто другое, — писал он, — не сможет остановить народного волнения». Дервиш Вахдети подчеркивал, что «Волкан» выполняет роль знамени среди других газет, которых также призывал к активным действиям: «Быстро действуй “Мизан”, “Марш вперед”, “Сербести”, На помощь “Османлы”, Будь стойким “Икдам”. Правдивая печать, давайте неустанно нападать»<sup>53</sup>. Совместно с «Мусульманской лигой» выступила и партия «Ахрар». Воздействие газеты «Волкан», часто предоставлявшей свои страницы и принцу Сабахаттину, особенно возросло после того, как она стала органом «Мусульманской Лиги». Призывы «Волкан» особый отклик находили у учащихся медресе.

Мятеж 31 марта начал, поддавшись агитации офицеров — выходцев из солдат, 4-й стрелковый батальон под командой Хамди Чавуша, члена партии «Ахрар». В полночь батальон, арестовав своих офицеров, двинулся из казарм Ташкышла близ Таксима и расположился близ мечети Айя-София напротив медресиса. Перед мечетью развевалось зеленое знамя. Раздавались крики: «Мы хотим шариата! Да здравствует падишах!» Среди мятежников оказалось много улемов в чалмах с зелеными знаменами, уволенных из армии офицеров в гражданской одежде. Правительство и палату депутатов охватила паника, отставка членов правительства происходила во дворце перед султаном. Солдаты перед султанским дворцом клялись в верности султану; была организована охота на офицеров — выпускников военного училища. Султан назначил садразамом близкого себе Ахмеда Тевфик-пашу. Телеграфная связь Стамбула с другими городами была прервана. В первую же ночь мятежа были разгромлены помещения партии «Единение и прогресс» и редакций двух ее главных печатных органов — «Танин» и «Шура-и уммет». «К утру у здания парламента собралось около 5 тыс. солдат; среди них были сотни улемов, студенты медресе... И одновременная реакция в Салониках на мятеж — митинги протеста, требования подавить мятеж македонской армией»<sup>54</sup>.

<sup>52</sup> В связи с этим событием она вспоминает «крупные мятежи в турецкой истории, которые возглавлялись ходжами и учащимися медресе... их обычный лозунг — “Мы требуем шариат!”, и тысячи таких студентов в своих белых тюрбанах поднимались и разбивали реформаторские тенденции, прежде чем эти тенденции могли быть реализованы» (Edip H., Op. cit., с. 276–277).

<sup>53</sup> Шпилькова В.И. Указ. соч., с. 216.

<sup>54</sup> «Перед окнами дворца султана была совершена кровавая расправа над командиром крейсера “Асары Тевфик” Али Кабуль-беём. Он был обвинен в измене шариату и султану... Депутаты либералы и их сторонники провели 1/14 апреля совещание, на котором официально солидаризировались с мятежниками. Оппозиционные младотуркам газеты “Сербести”, “Мизан”, “Вол-

Уже в первых заявлениях организаторов мятежа, прежде всего Дервиша Вахдети, были оглашены требования восставших (отставка правительства, удаление из руководства палаты депутатов лидеров ЕиП, освобождение уволенных офицеров и возвращение их на службу, полное восстановление практики шариата, амнистия участникам мятежа). Дервиш Вахдети и группа пропагандистов (бильдириджи), в которую входил и Бедиуззаман Саиди Кюрди, выступили в газете «Волкан»; в те дни Дервиш Вахдети утверждал, что для Абдулгамиды II отныне начинается самый благоприятный момент. «Согласно же Саиди Кюрди, солдаты стали величайшими героями, дважды спасшими эту угнетенную страну и священный ислам от большой опасности». Помимо требований об удалении нежелательных персон из правительства, отдельно требовалось и «полное введение норм шариата». Партия «Ахрар» и принц Сабахаттин в событиях 31 марта взаимодействовали с группой Вахдети, считая ее религиозным крылом своего движения, и инициативу выступить предоставили ей; выдвинув вперед «Мусульманскую Лигу», «Ахрар» предпочла остаться в тени. Проникнув сразу же, т.е. 31 марта (13 апреля), в здание парламента, сторонники Лиги взяли под контроль и законодательный и исполнительный органы (в которых оказалось немало сочувствующих Лиге), потребовали отставки председателя парламента и кабинета министров. Среди требований — «шариат должен господствовать над жизнью личности и государства»<sup>55</sup>.

Было пролито много крови. Более всего преследовали офицеров-мектепли («грамотеев»). Среди солдат действовали софты в чалмах и в джуббе (мантии), подозрительные личности в одеяниях ходжей и имамов, они все время выкрикивали возгласы — «вера», «шариат» и т.п. Командовали унтер-офицеры и офицеры — не окончившие военные училища, выслужившие из солдат. Инёню, тогда офицер-иттихадист, вспоминает об этом так: «Когда мне на память приходит 31 марта, я представляю разрушение на моих глазах огромного дома. По-моему, этот мятеж был важнейшим из всех восстаний в нашей истории...»<sup>56</sup>

---

кан» и другие восхваляли мятежных солдат» (Yurt Ansiklopedisi. Cilt 5. İstanbul, 1982, с. 3855; Там же. Cilt 11, с. 8156; Шпилькова В. И. Указ. соч., с. 217–220). «13 апреля (по османскому календарю 31 марта) в Стамбуле совершилась попытка шариатского выступления. Части Первой армии совместно с присоединившимися к ним учащимися медресе и религиозными деятелями восстали под лозунгом “Требуем шариат!” Мятеж был инспирирован оппонентами ЕиП и представителями некоторых иностранных государств» (Kongar Emre. 21. yüzyılda Türkiye. 2000’li Yıllarda Türkiye’nin Toplumsal Yapısı. 22. Basım. Remzi Kitabevi. 1999, с. 68).

<sup>55</sup> Tunaya T. Z. Op. cit., 182–184, 188–190. «Восстав, стамбульский гарнизон нейтрализовал своих офицеров, солдаты, возглавляемые софтами, двинулись на площадь Аясофья и потребовали возврата к шариату. Правительство подало в отставку, палата депутатов в смятении разбежалась, а султан принял требования восставших; в течение одного дня порядок был восстановлен и ЕиП была изгнана из власти» (Feroz Ahmad. Op. cit., с. 23).

<sup>56</sup> Как утверждает в своих книгах Айдемир, такого разворота событий следовало ожидать. «ЕиП не спешила приобщиться к власти, установить контроль над армией и правительством. Ее руководители не смогли избавиться от привычек македонского периода, от мышления заговорщиков. Поэтому в Стамбуле очень быстро заявили о себе печатные органы, выступившие как против правительства, так и против ЕиП. В ответ ЕиП прибегла к скрытому террору — 27 марта в Стамбуле офицер-иттихадист убил главного редактора газеты “Сербести” Хасана Фехми. Это стало последней каплей. Кроме того, из армии в связи с ее реорганизацией было уволено до 7 тысяч младших офицеров — выходцев из солдат, причем много таких же офицеров еще оставалось в армии». В ряду других причин Айдемир называет и деятельность

Халиде Эдип вспоминает, что в утро 31 марта 1909 г. она была разбужена стрельбой, причину которой ей объяснил, не скрывая ликования, ее слуга Хюссеин. «Он был у нас с наших школьных времен, я учила его чтению и письму... Он ненавидел иттихадистов и реформу и с удовольствием хотел бы видеть даже своих хозяев разорванными на клочки из-за их прогрессивных идей»<sup>57</sup>. После этого, разыскиваемая, как и ее близкие, мятежниками за сотрудничество с младотурками, Халиде Эдип вынуждена была скрываться с детьми у знакомых, менять несколько раз свое убежище в окрестностях Стамбула<sup>58</sup>.

Мятежники смогли продержаться у власти в Стамбуле тринадцать дней и были разгромлены срочно созданной в основном из добровольцев так называемой «Армией действия» (Харекет Ордусу), направленной поездом из Македонии в Стамбул. Когда «Армия действия» достигла пригорода Стамбула Ешилкёя (Сан-Стефано), ее руководство обратилось с обращением «К войскам Стамбула», подготовленным двадцативосьмилетним начальником штаба армии Мустафой Кемалем (Ататюрком)<sup>59</sup> и подписанным командующим армией Махмудом Шевкетом-пашой<sup>60</sup>. В этой прокламации объявлялось, что «Армия действия» преследует цель восстановить конституцию, она не противоречит шариату; также эта Армия преследует задачу наказать виновников переворота. В обращении также содержалось требование, чтобы солдаты не чинили препятствий возвращению в ряды армии офицеров, состоявших в ней до мятежа, чтобы унтер-офицеры и нижние чины поклялись, что они будут повиноваться своим команди-

---

Дервиша Вахдети во главе «Мусульманской Лиги» и помощью газеты «Волкан» с ее «бешеными» статьями-обвинениями в адрес ЕиП (Aydemir Ş. S. İkinci Adam. İsmet İnönü. I-nci Cilt (1884–1938). İstanbul, Remzi kitabevi, 1966, с. 56–57).

<sup>57</sup> «Хорошо помню его ликование, когда он постучал в дверь моей спальни в тот незабываемый день и сказал: “Просыпайтесь, госпожа, армия поднялась и потоки крови несут депутатские трупы...” Чрезвычайно возбужденный, он начал из-за двери говорить мне о Дервише Вахдети, лидере реакции. Хюссеин, очевидно, следовал за ним неотступно и был недалеко, когда тот говорил с солдатами. Вахдети был реакционным и фанатичным ходжой, из тех, кто проповедовал всеобщую резню всех иттихадистов и молодых студентов и чиновников, склонных к преобразованиям; он считал их реальными врагами святой религии» (Edip H. Op. cit., с. 277–278).

<sup>58</sup> В Скутари на улице ей пришлось столкнуться с солдатами из казарм Селимие, которые «после убийства своих офицеров мчались вниз, чтобы взять лодку и присоединиться к контрреволюции». «Я оказалась прижатой к стене у магазина... Это был мой первый контакт с толпой». Наконец ей с детьми удалось укрыться в американском колледже. «...я оставалась там четыре ночи..., уличная резня, анархия, и отсутствие какого-либо контроля над толпой стали настолько опасными, что я вынуждена была уехать в Египет с моими маленькими мальчиками в разгар контрреволюции 1909» (Там же, с. 281–284).

<sup>59</sup> После окончания в январе 1905 г. Военной Академии в чине капитана Мустафа Кемаль некоторое время находится в Стамбуле, в кругу своих друзей обсуждает политическую ситуацию в стране; по доносу подвергается аресту; через несколько месяцев султанские власти, особоодив его, направляют в Сирию на стажировку в 30-ю армию; там при его участии создается оппозиционное режиму общество «Родина и Свобода». Добивается разрешения посетить Салоники, имея в виду распространить деятельность этого общества в Македонии. В 1906 г. это намерение исполняется — создается салоницкое отделение общества. По возвращении в Дамаск он получает очередное воинское звание колагасы (между капитаном и майором) и затем переводится в Македонию (в 3-ю армию). 27 сентября 1907 г. общество «Родина и Свобода» объединяется с ЕиП. Уже тогда Мустафа Кемаль был убежден, что после восстановления конституционного режима ЕиП будет необходимо реорганизоваться в политическую партию, разработать ее программу, создать затем свое правительство (Yavuz Ü. Atatürk İmparatorluktan Milli Devlete. Ankara, 1990, с. 22–25).

<sup>60</sup> Bayur Y. H. Atatürk hayatı ve eseri. Doğumdan Samsun'a çıkışına kadar. Ankara, 1990, с. 36.

рам, не станут вмешиваться в политику и будут выполнять свои прямые обязанности. Участие в подавлении мятежа Мустафы Кемалья «сыграло немаловажную роль в успехе операции»<sup>61</sup>. Уместно отметить, что в этой военной акции младотурок против мятежников наряду с Кемалем участвовали такие же молодые, как и сам Кемаль, офицеры, будущие его соратники в национально-освободительной борьбе и становлении Турецкой республики: Исмет (Инёню), Кязым Карабекир, Фетхи (Окъяр)<sup>62</sup>.

Султану была отправлена телеграмма, в которой содержалось требование сдать «Армии действия». Он не стал оказывать сопротивление, и 24 апреля власть в Стамбуле перешла к «Армии действия». Через три дня собрался парламент, шейхулислам Мехмет Зияэддин Эфенди огласил фетву о свержении с трона султана Абдулгамид II. Фетву утвердил парламент и Абдулгамид II был отправлен в Салоники, где проживал во дворце Алатини<sup>63</sup>. В условиях объявленного осадного положения последовали массовые аресты мятежников. Судебное расследование осуществлял Чрезвычайный Военный трибунал. «Наказано было десять тысяч военных». Попытки бежавшего 18 апреля из столицы и арестованного 25 мая в Измире Дервиша Вахдети оправдаться на суде не увенчались успехом. По приговору военного трибунала 19 июля 1909 г. он и 12 его соратников были повешены<sup>64</sup>.

По словам Айдемира, военный трибунал отмечал в своих донесениях султану, что это «малограмотный, совершенно невоспитанный человек», «проводивший свою жизнь на улице в выпивках и песнях»<sup>65</sup>. Иначе описан Дервиш Вахдети в турецкой «Энциклопедии ислама». По крайней мере, о малограмотности здесь речь не идет, уже в раннем детстве на своей родине, на Кипре, он научился грамоте, в медресе изучал арабский язык, фикх, позднее, будучи сиротой, стал членом ордена накшибенди, потом был муэдзином в Никозии в мечети Аяя-София. Изучив английский, служил в системе английской администрации на острове, подолгу жил в Стамбуле. Он часто менял пристрастия и увлеченности. Был знаком

<sup>61</sup> *Türk ve Dünya ünlüleri Ansiklopedisi*. Cilt 1, s. 478; Шпилькова В. И. Указ. соч., с. 229.

<sup>62</sup> К. Карабекир, получив после завершения военного образования в 1905 г. чин капитана, начал военную службу в Манастыре, где участвовал в организации местного отделения ЕиП, а позже в 1907 г. — в Стамбуле (*Türk ve Dünya ünlüleri Ansiklopedisi*. Cilt 6. İstanbul, 1983, с. 3134). Мустафа Исмет (Инёню) в 1907 г. окончил Военную академию в чине капитана, военную службу начал в Эдирне. В 1907 г. по рекомендации Фетхи-бея, знакомого по академии, тайно вступил в ЕиП. Впоследствии, будучи в Салониках, встречался с Фетхи-беем, также познакомился близко с Мустафой Кемалем (Ататюрком). К «Армии действия» присоединился в Ешилкее и некоторое время работал в штабе (Там же, с. 2978). Фетхи-бей (Окъяр) окончил Военную академию в 1904 г. капитаном. Будучи на военной службе в 1904–1908 гг. в Манастыре, Эдирне и Салониках, участвовал в тайной деятельности ЕиП. В 1908–1910 гг. — военный атташе в Париже (Там же, Cilt 8, с. 4284).

<sup>63</sup> Впоследствии в результате территориальных изменений по итогам балканских войн он был перевезен в Стамбул, где и умер во дворце Бейлербей 10 февраля 1918 г. (Там же, Cilt 11. İstanbul, 1984, с. 8157).

<sup>64</sup> Tunaya T. Z. Op. cit., с. 188, 189–190, 196; Derviş Vahdeti (1870–1909). *Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi*. Ankara—İstanbul, 1988–2003. Cilt 9. İstanbul, 1994, с. 198–200.

<sup>65</sup> Именно таким, пишет Айдемир, оказался человек, вознамерившийся «спасти государство от влияния чужестранцев, обеспечить стране порядок, короче, таков был поднявший религиозное знамя Мехди с тем, чтобы показать путь к исламу. Когда же на допросах перед военным трибуналом Дервиш Вахдети понял, к чему идет его дело, он стал убеждать суд, что он сумасшедший и не понимал, что писал, пытался возложить вину на своих соратников» (Aydemir Ş. S. *Makedonya'dan Ortaasya'ya Enver Paşa*, с. 144).

с Зия Гёкальпом, который отмечал иногда непредсказуемость его поведения<sup>66</sup>. Что касается второго «активиста» «Мусульманской Лиги», Бедиуззамана Саиди Кюрди, он также был арестован по обвинению в «подстрекательской роли в событиях 31 марта путем публикации в религиозных газетах статей по шариату» и передан военному трибуналу, который «уже каждый день выносил приговоры о смертной казни». Главнокомандующий «Армией действия» Махмуд Шевкет паша допрашивал Бедиуззамана, который «видел в это время в окно, как вешают осужденных. Его спросили: “Ты тоже требовал шариат?” Он ответил, что готов во имя истинности шариата тысячу раз отдать свою жизнь, ибо шариат — источник счастья и подлинная добродетель. Но не этого хотели восставшие. Спросили также, член ли он Мусульманской Лиги. Подтвердил с гордостью»<sup>67</sup>.

Туная в своем источниковедческом исследовании пишет, что «так и не раскрыты причины мятежа, остается много неясного и непонятного. Вместе с тем одно ясно — Мусульманская Лига выглядит тем активным участником этих событий, который стремился добиться идеологического успеха в этом деле. С подавлением выступления 31 марта Лига была вычеркнута из политической жизни»<sup>68</sup>. И всё же некоторые причины очевидны — ведь поддержавшим мятеж исламистам было о чем беспокоиться: безусловно, они хорошо изучили программные документы ЕиП и не нашли, очевидно, должных ссылок на шариат, поэтому многие из них приняли активное участие в мятеже.

С тех пор высказано много оценок этому событию. Например, Фероз Ахмад обращает внимание на решающую роль армии в подавлении мятежа 31 марта, причем оценивает ее действия не как одной из сторон конфликта, а исключительно как арбитра: «...армия стала господином положения, защитницей конституции, арбитром между политиками. У военных не было какой-либо идеологии, и вмешательство они совершили во имя законности и порядка, с целью предупредить политическое столкновение, удержи-

<sup>66</sup> Автор этой статьи в Энциклопедии отмечает, что «личность Дервиша Вахдети, его мысли, его поведение как политического оппозиционера, его журналистика — всё это и поныне завуалировано в туманные понятия типа «31 марта», «иртиджа». В публикациях самого Дервиша следы культуры медресе и тарикатский настрой проявлены слабо. «Безусловно, роль Дервиша в превращении “Волкан» в печатный орган политической оппозиции чрезвычайно важна. Однако при реализации газетой такой оппозиционности религиозного содержания активно проявлялось влияние и других улемов и шейхов, входивших в “Мусульманскую Лигу”, и прежде всего Саиди Кюрди (Нурси)». По мнению автора статьи, итихадисты давали серьезные поводы для критики их оппозицией — «после провозглашения второй конституции итихадисты установили новую тиранию и конституционные принципы постепенно исчезли... Вахдети же вместе с Саиди Кюрди в своих статьях в “Волкане” призвали военных поддержать конституцию, а притеснения итихадистов считали опасностью, направленной против конституции». (Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi. Ankara — İstanbul, 1988–2003. Cilt 9. İstanbul, 1994, с. 198–200).

<sup>67</sup> Şahinler Necmeddin. Bilinmeyen Taraflarıyla Bediüzzaman Said Nursi. İstanbul, 2004, с. 135–138. В другой, краткой биографии Саиди Кюрди сообщается, что «несмотря на миротворческую роль (в событиях. — Н. К.), которую играл в мятеже Бедиуззаман, он был арестован по обвинению в участии в событиях и Военный трибунал потребовал для него смертной казни. Однако он сумел так построить свою защиту, что был оправдан. Его убедительная защита помогла оправдаться не только ему, но и многим другим обвиняемым» (<http://www.risaleinurenstitusu.org/index.asp?Section=SaidNursi&SubSection=Biyografi&Page=4>).

<sup>68</sup> Tunaya T. Z. Türkiye'nin siyasi hayatında batılâşma hareketleri. İstanbul, Arba yayını, 1996, 2 baskı, с. 196–197.

вая поводья в своих руках. С тех пор вмешательство военных в политику стало, возможно, самым долгим наследием младотурецкой революции. Это вмешательство, по выражению Б. Льюиса, породило два зла — милитаризованное правительство и политизированное командование...»<sup>69</sup>.

Несомненно, немалая доля вины за возникновение в республиканской Турции авторитарной традиции лежит на организаторах и участниках мятежа 31 марта, кем бы они ни были. При подавлении в первые годы республики вооруженных выступлений, совершаемых «во имя шариата», личный ранний опыт Мустафы Кемалья Ататюрка, Исмета Инёню, Кязыма Карабекира, полученный ими весной 1909 г., несомненно повлиял на принятие ими жестких решений в отношении повстанцев. Недаром тогда же, в годы однопартийного режима, Реджеп Пекер, премьер-министр республиканской Турции, припоминал при случае этот мятеж и эту «демократию», обращал особое внимание на то, что события 31 марта «были подготовлены безответственными и негативными публикациями»<sup>70</sup>. Этот первый горький опыт «стремительной либерализации» был усвоен кемалистами. Только в 1946 г. они пошли на то, что предприняли «срочно» младотурки. Наверное, империя, обновив конституцию и сумев одновременно сохранить в ином виде султанат, халифат, смогла бы гордиться своей многопартийностью, если бы не мятеж и не возникший затем авторитарный режим младотурок.

Любопытно, что и в наши дни, спустя век после описанных событий, в турецких СМИ военные перевороты в современной Турции оцениваются как традиция, начатая еще партией ЕиП, традиция обращения к армии. Хасан Джемаль в газете «Миллиет» пишет: «Почему военные совершают переворот? Потому что это стало для них традицией. Что такое иттихадистская традиция? Спасти эту страну, сохранить и управлять ею можем только мы, и всякий, кто против нас — предатель родины»<sup>71</sup>. Но не иттихадисты же совершили мятеж 31 марта, наоборот, они его подавили. Если и возникла упомянутая традиция, ее появление было спровоцировано другими силами и эту провокацию запомнили кемалисты, а затем по инерции приняла и более поздняя армейская верхушка турецкой армии.

<sup>69</sup> Feroz Ahmad. Op. cit., с. 31–33.

<sup>70</sup> «Во имя свободы и в обстановке свободы религиозно экзальтированный Дервиш Вахдети издает газету “Волкаг” и создает партию, названную “Мусульманская Лига”. Другая, с того времени прошло двадцать пять лет, мы развиваемся невиданными темпами. Но даже теперь что произойдет, если разрешить издавать такого рода газету? Тогдашняя империя это разрешила во имя свободы. Но когда потребовалось найти законный способ против этого, начались крики о покушении на свободу... Наконец, как средство был использован револьвер и на мосту был застрелен журналист, поскольку было невозможно законным способом запретить публикации. Не было необходимости ни того ни другого» (Peker Recep. İnkılap Dersleri. İstanbul, 1984, с. 33). Несколькими годами раньше в официальной истории Турецкой республики было написано: «Насколько справедливыми были предостережения, высказываемые Мустафой Кемалем относительно того, что армия не должна заниматься политикой, подтвердило реакционное выступление 31 марта (13 апреля 1909 г.), когда оказалась под угрозой не только партия ЕиП, но и весь конституционный режим. Поняв это, Мустафа Кемаль проявил инициативу и взял на себя руководство штабом “Армии действия”, сформированной в Румелии. Он проявил исключительное умение в руководстве этим небольшим военным соединением и в его успехе» (Tarih. IV. Türkiye Cumhuriyeti. T.T.T. Cemiyeti, 1934, с. 19).

<sup>71</sup> Milliyet. 3.12.2009.

С. Ф. Орешкова, Н. Ю. Ульченко (Москва)

## «Османское наследство» и становление отношений между советской Россией и Турецкой Республикой

Две огромные евразийские державы, Османская и Российская, возникли примерно в одно и то же время и развивались во многом синхронно. По определению Л. Н. Гумилева, они были порождены одним пассионарным взрывом<sup>1</sup>. Каждая из них развивалась в своем геополитическом пространстве. Соприкосновение их территорий произошло лишь во второй половине XVII в., когда украинское казачество в своей борьбе с Речью Посполитой стало настойчиво просить российской помощи, и Украина была принята в состав Российского государства. Дальнейшее польско-российско-османское размежевание в Восточной Европе к концу XVIII в. (т.е. за сто лет и в результате шести войн) привело к установлению геополитически устойчивых рубежей между двумя империями. Их границы стали опираться на такие водные преграды, как Черное море и реки Кубань и Днестр.

В 1802 г. В. П. Кочубей, один из ближайших сподвижников только что вступившего тогда на престол Александра I, так определил внешнеполитические задачи России в юго-западном направлении: «Россия не имеет нужды в расширении и нет соседей, покойнее турок и сохранении естественных неприятелей наших... должно быть коренным правилом нашей политики»<sup>2</sup>. По мнению выдающегося русского историка С. М. Соловьева, понимание того, что Россия не имеет «нужды в расширении», пришло к российским государственным деятелям еще во второй половине XVIII в.<sup>3</sup> Тогда же заговорили, что сохранение турецкого государства не исключает и создания по периметру его границ новых христианских независимых государств. Эта перспектива обсуждалась уже в екатерининское время на заседаниях Совета при высочайшем дворе. Там же было зафиксировано, что австрийская и прусская дипломатии решительно отвергают саму идею создания таких государств<sup>4</sup>. В 1769 г. Совет отказался от включения Крыма в состав России, поскольку «крымские

<sup>1</sup> См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990; его же. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 1993 и др.

<sup>2</sup> Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XVI, М., 1995, с. 633, 634.

<sup>3</sup> Там же, с. 636.

<sup>4</sup> См.: Архив Государственного совета. Т. 1. СПб., 1869.



и другие под власть их хана находящиеся татары, по их свойствам и положению, никогда не будут полезными подданными», «никакие с них порядочные подати собираемы быть не могут», да и как военные люди они не нужны, так как «не будет уже никакого соседа, который бы покусился нападать на российские границы». Российские власти всерьез рассматривали тогда вопрос об оставлении Крыма «навсегда собою в независимости», считая, что необходимо лишь его «отторгнуть от власти турецкой». Самой же Османской империи «ни с которой стороны невозможно будет делать никакие важные предприятия на российской границе»<sup>5</sup>.

Такое отношение Совета к крымской проблеме заставляет пересмотреть широко бытующее в исторической литературе мнение, что независимость Крыма использовалась Россией лишь как дипломатическая увертка, предшествующая окончательному присоединению Крыма к российскому государству.

Дальнейшие события, однако, показали, что Крымское ханство было тогда не готово к независимости. Оно искало покровительства, а не самостоятельности. Десять лет его независимого существования стали периодом борьбы ханов, сопровождавшейся их апелляциями к Османской империи и России, и огромными людскими жертвами. Крымские распри показали царскому правительству, что независимость ханства чревата «бесполезной» и «бесконечной» войной. Во второй половине 1782 г. Екатерина II дает указание: «...надобно помышлять о присвоении сего полуострова». Следовательно, мы видим, что Россия не сразу, а исподволь была подведена к тому, чтобы принять Крым под свою власть<sup>6</sup>.

В екатерининское время был выдвинут и так называемый «Греческий проект»<sup>7</sup>, по которому предполагалось создать Греческую империю во главе с выходцем из российского царствующего дома (в связи с чем один из внуков Екатерины II получил греческое имя — Константин), буферное королевство «Дакию», Австрии — занять земли в бассейне Дуная и на Адриатическом побережье, России — Очаков, Крым и несколько островов Эгейского архипелага. Проект этот до наших дней широко дискутируется в исторической литературе. О нем пишут как о несбывшихся исторических надеждах, дипломатическом маневре и т.п., но, прежде всего, как о некой программе российской экспансии. И хотя еще С. М. Соловьев подчеркивал, что проект говорит о непопулярности соединения Греческой империи с Российской<sup>8</sup>, экспансионистские намерения России в нем видят почти все историки, пишущие об этой проблеме. Главным аргументом для такого истолкования служило утверждение, что возведение российского царевича

<sup>5</sup> Архив Государственного совета. Т. 1. СПб., 1869, с. 43–44.

<sup>6</sup> См.: Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII в. до присоединения его к России. Одесса, 1887; то же: М., 2005; Орешкова С. Ф. Некоторые проблемы крымско-татарской государственности // в кн.: Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. Т. 2. М., 2005, приложение; Лашков Ф. Ф. Шагин-Гирей, последний крымский хан // Киевская старина, № 9, 1886; то же: Симферополь, 1991 и др.

<sup>7</sup> Переписка Екатерины Великой с германским императором Иосифом II // Русский архив. Кн. 1. М., 1880, с. 281–300; Arneht A. Joseph II und Katharina von Russland: Ihri Briefwechsel, Wien, 1869, с. 156.

<sup>8</sup> Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XVI, с. 635.

на греческий престол автоматически означает, что это государство зависит от России. Авторы таких оценок, до сих пор бытующих в литературе, почему-то забывают, что создававшиеся во второй половине XIX в. новые государства на Балканах получали в качестве своих правителей различных отпрысков европейских династий, и это не воспринималось как какое-либо покушение на их независимость. Очевидно, и российский «Греческий проект» не следует рассматривать как нечто одиозно экспансионистское.

В XVIII — начале XIX в. о своем желании войти в российское подданство и получить от России какую-либо помощь заявляли многие пограничные народы. Это валахи, молдаване, сербы, черногорцы, украинцы Правобережья, греки, венгры, многие народы Кавказа, грузинские цари, мелики Карабаха и др. Эти обращения не всегда были серьезны и искренни. Порой они были обусловлены какими-то внутренними распрями и желаниями российскими руками улучшить свой статус, например, внутри той же Османской империи. Российские правящие круги понимали это, и «нужды в расширении» страна действительно не имела. Но несмотря на это, Россия, опять же исподволь, начинает продвигаться в новое для себя закавказское геополитическое пространство.

Предложения о включении в состав Российской империи Картли и Кахетии, начавшие этот процесс, встречали в Государственном совете на протяжении нескольких лет сильную оппозицию, сомневавшуюся в возможностях России защитить эти области от нападения Ирана и Турции, хотя и не желавшую вполне реального тогда поглощения Грузии мусульманскими государствами<sup>9</sup>. В конце концов истекавшие кровью восточногрузинские царства были все-таки включены в состав России (1802). Российский император принял титул «царя Грузинского». Грузия стала не протекторатом (о чем говорилось в Георгиевском трактате 1783 г.), а российской имперской административной единицей. Только такой статус в тогдашней международной ситуации позволял России уберечь свои новые владения от поползновения соседей. Собираение грузинских земель под российской властью продолжалось и позднее. По подписанному в 1812 г. договору Россия отдавала назад Османской империи все земли «оружием... завоеванные», но настаивала на присоединении областей, которые «добровольно нам покорились», т.е. Имеретии, Менгрелии, Гурии, Абхазии. В 1829 г. в состав России оказалось включенным все побережье Черного моря от устья Кубани до современного района Кобулет, а также г. Ахалхых и крепость Ахалкалаки. И наконец, после войны 1877–1878 гг. Россия продвинулась в район Батуми и даже далее Карса. Действия русских войск в Закавказье во время всех войн XIX в. были столь успешными, что при подписании мирных договоров российская сторона, присоединяя новые земли, обязательно отказывалась от какой-то части завоеванных ею территорий. Следовательно, в этом продвижении на юг соблюдалась определенная осторожность, не было того имперского угара, который мог бы толкнуть страну на безмерное расширение своих границ.

<sup>9</sup> См.: Фадеев А. В. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958, с. 106–107.

В XIX в. отношение к Османской империи рассматривалось в европейском международном праве как некий особый Восточный вопрос. Суть его состояла в том, что само существование Османской империи и судьбы подчиненных османам нетурецких народов стали считаться не внутренней проблемой османского государства, а вопросом, требующим международного вмешательства. «Османское наследство», далеко еще не созревшее для дележа, превращалось в объект борьбы между европейскими державами. Россия пыталась вести себя в этом вопросе как равноправный член европейского сообщества. Все четыре войны между Османской империей и Россией в XIX в. были следствиями не двусторонних противоречий, а провоцировались общеевропейскими или внутриосманскими конфликтами. Российское предложение XVIII в. о создании зоны независимых государств вокруг Османской империи принято не было. Оно явно опережало свое время. В вопросе о расширении своих границ Россия продолжала быть осторожной. Вспомним заявление российского командования во время войны 1806–1812 гг. в связи с просьбой Дунайских княжеств о принятии их в российское подданство (что, кстати, и позже повторялось неоднократно и встречало такую же реакцию): «Княжества сии заняли мы временно, не в том намерении, чтобы присоединить их к России и не с тем, чтобы отторгнуть их от Порты»<sup>10</sup>. Николай I перед началом войны 1828–1829 гг. также подчеркивал: «...если Бог мне поможет в настоящем предприятии, то я заключу мир с Портой, и все убедятся, что я требую от нее только необходимого для русской торговли и того, чем я владел по договорам. Я докажу Европе, что не мечтаю ни о каких завоеваниях, будучи довольным своим положением, как оно есть»<sup>11</sup>. И он же после окончания войны успокаивал Дибича, получившего приказ отступить от Стамбула: «Наша умеренность зажмет рты всем нашим клеветникам, а нас самих мирит с нашей совестью»<sup>12</sup>. В 1878 г. русские войска снова стояли под Стамбулом и по приказу Александра II также не пошли на взятие османской столицы.

Оценивая русско-османские отношения в XIX в., следует подчеркнуть два момента, на которые не всегда обращают внимание исследователи. Первое. Россия, действительно, не стремилась к расширению своих территорий за счет османских земель, хотя такое расширение и происходило. Проникновение в Закавказье, т.е. новое для нее геополитическое пространство, обычно расценивают как появление плацдарма «для дальнейшего движения на Персию и на Турцию»<sup>13</sup>. Однако это уже реалии империализма XX в. В период же, когда это проникновение происходило, таких экспансионистских целей не было. Новые земли (и не только в Закавказье) как бы притекали сами собой, к России тянулись соседние на-

<sup>10</sup> Цит. по: Гросул В. Я. Формирование русско-турецкой границы по Бухарестскому миру 1812 года // Формирование границ России с Турцией и Ираном. XVIII – начало XX вв. М., 1979, с. 176.

<sup>11</sup> См.: Соловьев С. М. Сочинения. Кн. XVI, с. 665.

<sup>12</sup> Шильдер Н. К. Адрианопольский мир 1829 года. Из переписки графа Дибича. СПб., 1879, с. 34.

<sup>13</sup> Лурье С. В. Российская империя как этнокультурный феномен // Цивилизация и культура. Вып. 1. М., 1994, с. 122.

роды, они желали ее подданства. В этом чувствуется некая объективная закономерность. Как тут не вспомнить слова молдавского господаря Стефана Великого (1457–1504) о его современнике московском князе Иване III: «Иван на войну никуда не ходит, а присоединяет громадные области, а я непрерывно сражаюсь и едва могу отстоять свою землю»<sup>14</sup>.

Второй момент. Мудрость российских государственных деятелей XIX в. состояла в том, что им удавалось обозначить пределы этого, казалось бы, естественного роста империи, понять опасность и ненужность новых завоеваний. Особенно ярко это проявилось в 1878 г. Суть проблемы хорошо объяснил тогдашний известный земский деятель Б. Н. Чичерин: «...разные патриоты... кричали, что надо водрузить крест на Святой Софии. Но русское правительство благоразумно воздержалось». И далее: «...ни один здравомыслящий русский, конечно, не думает о завоевании Турции и о присоединении к себе Константинополя. Это было бы не усиление, а ослабление России. Центр тяжести переместился бы на юг, и Россия перестала бы быть Россией»<sup>15</sup>.

Почему же в исторической литературе и общественном мнении сложилось впечатление, что Россия постоянно стремилась к разрушению Османской империи, что южные экспансионистские устремления издавна присутствовали в ее внешней политике? К активной антиосманской борьбе Москву, действительно, еще с XV в. пытались склонить приезжавшие к княжескому двору греки, а позднее и выходцы из среды других балканских народов, казаки, папская, а потом и польская дипломатия. С петровских времен в этом же направлении действовали западноевропейские дипломаты, разжигавшие к тому же вражду к России и в османском обществе. Они стремились связать эти две империи борьбой между собой и тем отвлечь их от вмешательства в европейские дела. Позднее, как подчеркивал С. М. Соловьев, «единоверие» и «единоплеменность» русских с многими «европейскими элементами народонаселения этой (т.е. Османской. — *Авт.*) империи», с одной стороны, позволяло надеяться, что именно Россия сможет сказать решающее слово в решении Восточного вопроса, с другой — внушало опасение, не получит ли она при этом столь большую выгоду, что это нарушит сложившееся в Европе равновесие сил. Потому-то, как отмечал тот же С. М. Соловьев, европейские державы испытывали к России «постоянную ревность», «опасение, чтобы Россия не перешла границ необходимо уступленного ей влияния»<sup>16</sup>. Все эти настроения находили свое яркое воплощение в европейской публицистике XIX в., а из нее проникали и на страницы исторических исследований.

Безапелляционная мысль о том, что российское стремление к южным морям есть некая геополитическая закономерность, проводилась в российских исторических исследованиях советского времени. Вся история России с очень раннего времени оказывалась как бы подчиненной этой идее. Происходило это потому, что в советское время публици-

<sup>14</sup> Тихомиров М. Н. Российское государство XV–XVII вв. М., 1978, с. 388.

<sup>15</sup> Чичерин Б. Н. Воспоминания. Земство и Московская Дума. М., 1934, с. 79, 80.

<sup>16</sup> Соловьев С. М. Сочинения. Кн. XVI, с. 634.

стические статьи К. Маркса и Ф. Энгельса, ратовавших в своих газетных публикациях (и это было не оригинально, а характерно для европейской прессы того времени) за такое понимание российской политики<sup>17</sup>, истолковывались как «марксизм», т.е. основополагающая теория, на которой базировалась вся историческая наука. Отсюда соответствующие акценты, игнорирование, а то и осуждение уступчивости России в своих территориальных приобретениях.

Между тем, несмотря на некоторые отступления, сознательные или бессознательные, каким оказалась, например, неожиданно для Николая I Крымская война 1854–1856 гг., российские государственные деятели на протяжении всего XIX в. чувствовали интересы российской государственности, ту геополитическую нишу, в которой Россия могла развиваться, а отсюда ее сдержанность в отношении вполне возможного, но ненужного ей продвижения на юг. Это была политика здравого смысла, от которой, к сожалению, отказались с вступлением в роковую и для Османской, и для Российской империи Первую мировую войну.

В начале XX в. крупная российская буржуазия начинает претендовать на активное участие в межимпериалистической борьбе за колонии и рынки. Для идеологического обоснования этой борьбы использовались теории византизма, «Третьего Рима», различные религиозные, панславистские побуждения, а также высказывали откровенно агрессивные намерения. В отношении Османской империи они рассматривались как «завершение старого нашего незавершенного исторического процесса»<sup>18</sup> и предусматривали захват проливов Босфор и Дарданеллы и объединение под протекторатом России Армении в ее этнографических границах<sup>19</sup>. Этот, как характеризовал его В. П. Рябушинский, «здоровый милитаризм»<sup>20</sup> опирался и на те побудительные и провокационные посулы, которые более ста лет внушала миру европейская пресса, разжигая российско-османские конфликты. Настроения этого периода дали большой материал для обоснования якобы исторически существовавшей враждебности между двумя империями. Реализация же этих планов привела в конце концов к крушению обеих имперских структур.

Большевики, собирая снова воедино имперские территории России, вынуждены были отказаться от ряда областей, в том числе от части Закавказья. В этом плане мы можем констатировать, что Россия оказалась единственной страной победившего блока, которая уступила стране, побежденной в Первой мировой войне, свои былые владения. Однако защищать их Россия тогда явно не могла, что объясняется не только военно-политической обстановкой того времени, но и той чуждой восстанавливаемой стране геополитической зоной, в которой они находились.

Присоединение Закавказья к Российской империи породило в свое время для России много проблем. Кавказ оставался тогда неким «барье-

<sup>17</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 16, 22, 27 и др.

<sup>18</sup> Цит. по: Секиринский С. С., Шелохаев В. В. Либерализм в России. М., 1995, с. 255.

<sup>19</sup> См.: Что ждет Россия от войны. М., 1916, № 1, с. 50–62.

<sup>20</sup> Великая Россия. Кн. 2. М., 1911, с. 5.

ром» внутри имперских территорий. Владея Западным Кавказом почти 400 лет, османы не сумели его освоить. Земли адыгов (черкесов), основных насельников этого края, рассматривались ими как «страна войны», откуда можно было получать рабов, вожди племен считались вассалами султанских властей или крымских ханов, опорными пунктами османских властей были лишь несколько крепостей на побережье Черного моря. Присоединение к России эти племена восприняли также лишь как некую «условную акцию», которая не задевала их независимости и не препятствовала их традиционным набегам на равнину. Попытка покорить Кавказ заставила Россию более полувека вести там войну.

Во время всей Кавказской войны (конец которой датируют обычно 1864 г.) среди горцев действовали эмиссары Османской империи, Англии и другие европейские силы, которые помогали оружием, иногда добровольцами и агитировали за переселение местного населения в османские владения. Переселение непокорной племенной вольницы отвечало и интересам России, которая ни силой оружия, ни подкупами верхушки племен не могла привести этот регион к покорности. По турецким данным, с Северного Кавказа было выселено около двух миллионов человек. Причем условия вывоза горцев были столь тяжелыми, что османской территории достигли лишь около 1,5 млн. Это была жестокая акция, которую можно сравнить с уничтожением индейцев, гибелью индийских ткачей, англо-ирландскими и армяно-турецкими кровавыми конфликтами. Османские власти были заинтересованы в пополнении населения своего государства новыми мусульманами. Их расселяли по разным районам империи, но главным образом на Балканах и в Восточной Анатолии, где пытались создать из них карательные органы, используемые затем против славянского и армянского населения. После того как Османская империя потеряла Балканы, многим из кавказских переселенцев пришлось пережить еще один ужас переселения. Выселялись в основном адыгские племена, абхазы и меньшие представители иных кавказских народов<sup>21</sup>. В современной Турции всех их обычно называют черкесами. Переселение нарушило племенные связи, многое изменилось и в менталитете этих народов. Хотя они до сих пор сохраняют некоторые черты своей самобытности, но в массе своей, как и переселившаяся в Османскую империю часть крымских татар, стали этническим компонентом турецкой нации.

Районы, освобождаемые в результате переселения абхазо-адыгских племен, заполнялись новым населением. В частности, по побережью Черного моря селилось много армян, переселившихся из Османской империи. Переселение армянского населения начинается после создания в пределах России в 1828 г. из бывших Ереванского и Нахичеванского ханств Армянской области и заключения Адрианопольского мира 1829 г. В 90-е годы XIX в. карательные мероприятия османских властей и анти-армянские погромы сделали это переселение массовым. Армяне селились в российских владениях не только в пограничных Эриванской и Карской

<sup>21</sup> См.: Берзэдж Н. Изгнание черкесов (причины, последствия). Майкоп, 1996; Karpat K. The Religions and Ethnic Distribution of Ottoman Population (1830–1914). Wisconsin, 1985.

областях, но и, так как в пределах Закавказского края свободных земель стало не хватать, размещались вдоль Кавказского побережья<sup>22</sup>. Новую волну мигрантов породили революции и Первая мировая война. Позже такую переселенческую политику и обмен населения между странами, возникшими после распада Османской империи, стали практиковать власти этих новых стран и даже Лига Наций, рассматривая ее как метод постимперского этнического разграничения. Последствия таких переселений и территориального размежевания внутри бывшего османского региона до сих пор сказываются на судьбах народов и порождают конфликты, многие из которых до сих пор также остаются нерешенными.

После Первой мировой войны и революции в политике большевиков в отношении южных регионов, как ни удивительно, прослеживается значительная преемственность по отношению к принципам сдержанности в отношении территориальных приращений на данном направлении, которыми руководствовалась Российская империя вплоть до конца XIX столетия.

Русско-турецкая граница, установленная после войны 1877–1878 гг., была пересмотрена по итогам Первой мировой войны первоначально на основании Брест-Литовского мирного договора. Он был заключен 3 марта 1918 г. между Советской Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой. Договор помимо основного текста включал и дополнительные договоры России с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. По договору с Турцией русская граница и граница трех санджаков (округов) Карса, Ардагана и Батума должна была быть восстановлена в том виде, как она существовала до русско-турецкой войны 1877–1878 гг. То есть три округа оказывались за пределами России, и их дальнейшая судьба должна была быть определена на основе свободного волеизъявления жителей. Но в ноябре 1918 г. Брест-Литовский договор был полностью аннулирован советским правительством.

Поражение Турции на фронтах Первой мировой, за исключением Восточного, равно как и крайнее истощение экономики страны в результате ведения на протяжении четырех лет боевых действий сделали к концу 1918 г. совершенно невозможным ее дальнейшее участие в войне. Турция была вынуждена начать с Антантой переговоры о заключении мира. Эти попытки завершились подписанием 30 октября 1918 г. Мудросского перемирия и подготовкой в ходе работы Парижской мирной конференции Севрского договора, который, однако, не был ратифицирован правительством султанской Турции. Тем не менее, следует отметить, что этот договор обязывал Турцию признать Армению в качестве независимого государства, как то уже сделали союзные государства. Вопрос же об установлении взаимных границ двух стран передавался на арбитражное рассмотрение президента США В. Вильсона. Арбитражное решение действительно было вынесено 22 ноября 1920 г. В соответствии с ним Армения должна была бы получить приращение, равное примерно половине округов Ван, Битлис, Эрзерум и Трапезунд.

<sup>22</sup> Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов. Ереван, 1982.



Прервавшиеся было в 1918 г. после аннулирования Брест-Литовского договора отношения Советской России и Турции возобновились в начале 1920 г., причем речь шла уже о Турции, представленной лидерами националистов. Начало сближения двух стран стало возможным благодаря наличию общих внешних противников, что позволяло предположить эффективность политического сотрудничества сторон, а значит, и укрепление позиций кемалистов и большевиков внутри своих стран.

В апреле—июне 1920 г. стороны обменялись письмами, что означало взаимное признание де-юре правительств Советской России и Великого национального собрания Турции (ВНСТ). Одновременно турецкая сторона согласилась на посредничество России в урегулировании вопроса о границе с Арменией.

19 июля 1920 г. турецкая делегация во главе с министром иностранных дел Бекиром Сами прибыла в Москву. Цель визита состояла в подписании с Россией договора о дружбе, а также в том, чтобы договориться о предоставлении Турции финансовой помощи и оружия. Однако турецкая делегация была встречена в Москве с недоверием, причиной чего послужило заключение Анкарой перемирия с Францией<sup>23</sup>. Кроме того, определенную неясность порождал и характер развития отношений Турции с Англией. К середине 1920 г. Англия предприняла некоторые внешнеполитические шаги, направленные на сближение с Турцией, дабы не допустить ее сближения с Россией. Сомнения в действительных намерениях новых турецких лидеров побудили Россию принять армянскую сторону в таком важнейшем вопросе, как территориальный, который и определял соотношение Турции и Армении в ее внешней политике. Народный комиссар по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерин поставил условием окончательного подписания подготовленного специальной совместной комиссией и парафированного обеими сторонами соглашения передачу Турцией Армении округов Ван, Муш и Битлис.

Условия, поставленные Россией, не были приняты турецкой стороной. Таким образом, на первом этапе переговоров России и Турции не удалось подписать уже было парафированный проект двустороннего соглашения.

К рассмотрению пограничного вопроса стороны вернулись на встрече турецкой делегации с В. И. Лениным, состоявшейся 14 августа 1920 г. Как принято считать, в ходе переговоров Ленин дал согласие российской стороны на решение пограничных вопросов между Турцией и Арменией посредством *известного* продвижения турецких войск на восток. Причина подобного поворота событий, очевидно, состояла не в различии взглядов Ленина и Чичерина на армянскую проблему, а в нерешительности армянской стороны, колебавшейся в вопросе об окончательном принятии посредничества России в урегулировании пограничных вопросов с Турцией: Армения надеялась на более полное удовлетворение своих территориальных интересов в результате дальнейших контактов с западными державами.

Итак, как писал турецкий историк и публицист Д. Авджиоглу, «появилась возможность для начала отсроченного июньским письмом Чи-

<sup>23</sup> См.: Avcioğlu D. Milli kurtulus tarihi 1838–1995. İkinci kitap. Istanbul, 1993, с. 788.

черина наступления на Армению»<sup>24</sup>. На первых порах турецкие войска ограничили себя взятием Сарыкамыша, что рассматривалось большевиками как допустимая мера, и Москва пока оставалась в роли наблюдателя. Но затем, перейдя границу, определенную Брест-Литовским договором, турки заняли 30 октября Карс, а 7 ноября — Александрополь (Гюмри) и, таким образом, овладели всей территорией к востоку от реки Арпачай. 3 декабря в Александрополе был подписан мирный договор с доживавшим последние дни дашнакским правительством Армении, так как еще 29 ноября в Армении была провозглашена Советская власть, и в республике установился краткий период двоевластия. Согласно Александропольскому договору территория Армении ограничивалась районами Араратской долины и Севанского бассейна; Турции возвращались Карсский округ и прилегающие к нему земли, которые отошли к России по Берлинскому трактату 1878 г.

Правительства Советской России и Советской Армении отказались признать Александропольский договор. Тем не менее, именно этот документ оказался исходным при определении границ Армении уже Московским договором 1921 г. Но как писал современный армянский историк Р. Казанджян, «...армянские территории были переданы Турции не по Московскому советско-турецкому договору от 16 марта 1921 г. Россия не дарил их Турции. Они были завоеваны последней во время наступления на Армению в сентябре—ноябре 1920 года и закреплены за Турцией пресловутым Александропольским договором...»<sup>25</sup>.

Россия и Турция оказались перед необходимостью новых переговоров для решения вопроса о турецко-армянской границе и окончательного урегулирования двусторонних отношений. Поэтому в конце ноября 1920 г. правительство Анкары обратилось к российской стороне с предложением о созыве советско-турецкой конференции, встретившим положительный отклик правительства России. Местом проведения конференции была избрана Москва, куда турецкая делегация прибыла 18 февраля 1921 г. К началу переговоров в Москве в руках у турок наряду с территориями, которые перешли к ним по Александропольскому договору, находились Артвин и Ардаган, в то время как судьбу Батума еще предстояло решить.

Важно выяснить, почему Московский договор практически полностью за малым исключением закрепил за турками названные районы. Причем точка зрения российской делегации о необходимости территориальных уступок турецкой стороне была выработана еще до начала переговоров в Москве, о чем свидетельствует ряд документов. Весьма красноречивы были, например, инструкции по ведению переговоров, полученные советской делегацией от Ленина: положить между Советской Россией и Турцией «начало сближению и дружбе чрезвычайно прочно»<sup>26</sup>.

Остается предположить, что российская сторона оказалась более заинтересованной в подписании договора о мире, чем турецкая. Объяснить ситуацию, очевидно, следует наступлением момента для более или

<sup>24</sup> Avcioglu D. Milli kurtulus tarihi 1838–1995. Ikinci kitap. Istanbul, 1993, с. 798.

<sup>25</sup> Казанджян Р. Злосчастный договор. — Республика Армения, 25.03.1995.

<sup>26</sup> Кузнецова С. И. Установление советско-турецких отношений. М., 1961, с. 47.

менее окончательного определения системы послевоенного устройства в Европе: победа России на западном фронте означала, что для союзных держав оставалась возможность нанести удар Советам только с юга. Закавказье уже практически полностью находилось в сфере влияния России. Турция, таким образом, оказалась последним стратегическим плацдармом, с помощью которого Запад мог попытаться реализовать свою политику в отношении Советской России. Для последней укрепление отношений с Турцией в свою очередь означало возможность внешнеполитической стабилизации. Сложившаяся ситуация предоставила Турции возможность выбора между двумя полюсами противостояния, причем этот выбор должен был быть сделан ею с учетом того, какая из сторон предложит более убедительные гарантии сохранения территориальной целостности турецкого государства в пределах, определенных самими кемалистами. Поэтому нельзя упрощать ситуацию и считать, что подписание договора было предопределено обоюдным пониманием общности интересов советского и турецкого народов в борьбе за свободу и независимость. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ряд турецких авторов определяют сущность внешней политики кемалистов в годы национально-освободительной борьбы как использование в интересах Турции противоречий, а точнее — противостояния между Россией и Англией. Данного обстоятельства не могло не учитывать и большевистское руководство России. Поэтому уже к началу московских переговоров ситуация трансформировалась в борьбу между Россией и Англией за Турцию. О степени остроты этой борьбы говорит тот факт, что буквально за несколько дней до начала переговоров в Москве, а именно 21 февраля, открылась конференция европейских держав в Лондоне с целью пересмотра в сторону смягчения для Турции условий Севрского договора. Делегации, представлявшие кемалистскую Турцию, участвовали как в переговорах в Лондоне, так и в Москве. Английская газета «Манчестер гардиан» писала 26 января 1921 г., что Лондонская конференция означала признание де-факто правительства Кемаля союзниками, и ему остается теперь сделать выбор между ними и большевиками<sup>27</sup>.

На Лондонской конференции союзники предложили Турции новый вариант решения армянского вопроса: границу с Арменией предполагалось установить в соответствии с Александропольским договором.

В этих условиях дискуссия на московских переговорах по вопросу о границах Турции с Арменией была практически невозможной: советские предложения о границах, коль скоро они были нацелены на подписание договора с Турцией, просто не могли быть более жесткими, чем те, которые были получены турецкой делегацией в Лондоне. Поэтому урегулирование двусторонних отношений было неизбежно обусловлено известными территориальными уступками в пользу Турции. Но, как признал впоследствии Г. В. Чичерин, «наше тогдашнее сближение с национальной Турцией было и для последней, и для нас актом самосохранения»<sup>28</sup>.

<sup>27</sup> Цит. по: Кузнецова С. И. Установление советско-турецких отношений, с 31.

<sup>28</sup> Цит. по: Казанджян Р. Злосчастный договор.

Московский договор был подписан 16 марта 1921 г. Он закрепил территориальные приобретения Турции по Александропольскому договору, за исключением самого Александрополя (впоследствии Ленинакана, а ныне — вновь Гюмри), который должен был быть возвращен Армении. Турция также сохранила за собой Артвин и Ардаган. Комментируя исход переговоров, историк С. И. Кузнецова отмечала, что «стремясь к прочному урегулированию отношений с Турцией, советская делегация согласилась на переход к Турции районов Карса, Ардагана и Артвина»<sup>29</sup>. В итоге по Московскому договору 1921 г. к Турции отошла входившая прежде в состав Российской империи территория площадью в 23 тыс. кв. км с населением около 570 тыс. человек<sup>30</sup>. В состав данной территории входили Карсский, Кагызманский, Ардаганский, Ольгинский, Артвинский округа и южная часть Батумского округа и Сурмалинского уезда. Однако Турция соглашалась уступить Грузии суверенитет над портом и городом Батумом.

Договор с Турцией был ратифицирован чрезвычайной сессией ВЦИК РСФСР уже 20 марта 1921 г. Великое национальное собрание Турции ратифицировало договор лишь 22 июля 1921 г.<sup>31</sup>

Еще на Московской конференции стороны условились о том, что, возвращаясь на родину, турецкая делегация остановится в Тифлисе и заключит договоры со всеми тремя закавказскими республиками. Однако когда в середине апреля турецкая делегация прибыла в Закавказье, Юсуф Кемаль — глава турецкой делегации на переговорах в Москве — неожиданно заявил, что он может заключить договоры с Грузией и Азербайджаном, но на переговоры с Арменией не имеет полномочий<sup>32</sup>. В результате турецкая делегация уехала, так и не подписав договора.

Какими же событиями отмечено развитие двусторонних отношений в течение времени, отделившего московские переговоры от очевидно взаимоувязанных между собой ратификации договора турецким межджлисом и подписания Турцией договора, аналогичного Московскому, с тремя закавказскими республиками?

Для ответа на поставленный вопрос необходимо сместить акцент в оценке значения и последствий подписания Московского договора, который наиболее часто встречается в историографии советского периода.

Поскольку накануне и собственно в процессе московских переговоров Турция действительно находилась в положении выбора между Западом и Советской Россией, то уже сделанный выбор означал не урегулирование всех ее внешнеполитических проблем, а лишь более или менее окончательное определение союзников и противников. Поэтому подписание договора в Москве, на самом деле, имело своим следствием предотвращение для Турции вероятной борьбы на два фронта, но одновременно оно определяло и тот фронт, где борьба должна была неизбеж-

<sup>29</sup> Кузнецова С. И. Установление советско-турецких отношений, с. 47.

<sup>30</sup> Забриев Д. С. К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции, с. 111.

<sup>31</sup> См.: СССР и Турция (1917–1979), с. 38. В издании «Документы внешней политики СССР» приводится другая дата ратификации договора ВЦИК — 20 июля 1921 г. — Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959, с. 604.

<sup>32</sup> См.: Кузнецова С. И. Установление советско-турецких отношений, с. 65.

но продолжиться. Поэтому, выбрав Россию в политические союзники, Турция столь настойчиво требовала от нее оказания помощи деньгами и оружием для противостояния военному давлению со стороны западных стран. Сразу же после подписания договора в Москве Россия предоставила Турции помощь оружием, а также выделила 5 млн. руб. (по некоторым источникам — 4 млн. руб.) золотом из общей обещанной ею суммы помощи в 10 млн. руб.<sup>33</sup> Существует ряд свидетельств в пользу того, что предоставление помощи началось еще летом 1920 г. Р. Казанджян упоминает факт передачи Турции руководством дислоцированных в Закавказье российских частей летом 1920 г. оружия и золота из собственных запасов в ответ на обращение к ним турецкого командования<sup>34</sup>. Турецкие исследователи отмечают, что финансовая помощь выделялась Советской Россией в период с сентября 1920 г., при этом вслед за суммой, полученной Турцией сразу же после московских переговоров (апрель 1921 г.), в скором времени были получены еще 1,4 млн. руб. на покупку оружия в Германии<sup>35</sup>. Но впоследствии поступление помощи прервалось. Советскую Россию настораживало явное промедление с выводом турецких войск из района Александрополя. Нарком иностранных дел Г. В. Чичерин в телеграмме на имя командующего 11-й Красной Армией Г. К. Орджоникидзе, датированной еще 11 декабря 1920 г., писал: «Выдачу оружия надо возобновить немедленно, но прибавить, что мы требуем очищения Александропольского уезда и отступления в Карсскую область. Мы не ждем с выдачей оружия пока они это сделают, но мы, начиная выдачу, рассчитываем на выполнение ими нашего требования»<sup>36</sup>.

В феврале 1921 г. дашнакам удалось восстановить свою власть на значительной части Армении, в том числе овладеть Ереваном, где ими и был сформирован «Комитет спасения Родины». Таким образом, для Турции не было причин торопиться с уходом из Александрополя. То есть Турция занимала выжидательную позицию, следя за развитием событий в Армении и рассчитывая — в случае победы дашнаков — оставить за собой Александрополь, как то и предусматривал договор между Турцией и дашнакской Арменией. При этом советской стороне турки объясняли присутствие своих войск в Александрополе факторами контрреволюции (свержением советской власти в Армении), которые все время заставляли их быть готовыми принять военные меры на Восточном фронте<sup>37</sup>.

Ситуация, сложившаяся вокруг Александрополя, явилась одной из причин, побудивших Советскую Россию приостановить выделение туркам военной помощи. Развитие событий вокруг Александрополя усугублялось настораживавшими российскую сторону фактами, которые свидетельствовали о продолжавшемся сближении Турции и Франции.

<sup>33</sup> Avcıoğlu D. Milli kurtuluş tarihi, с. 822.

<sup>34</sup> Казанджян Р. Советско-кемалистские отношения в 1920 г. и вопрос Армении в свете секретных документов московских архивов. — Страны и народы Ближнего Востока. Ереван, 2002, с. 103.

<sup>35</sup> См., например: Saray M. Atatürkün Sovyet politikası. İstanbul, 1990, с. 75.

<sup>36</sup> Документы внешней политики СССР, с. 380.

<sup>37</sup> См., например: Ответ Посла Турции в РСФСР Али Фуада на ноту Г. В. Чичериной от 6 апреля 1921 г. — Документы внешней политики СССР. Т. 4. М., 1960, с. 49.

В марте 1921 г. Россия подписала торговое соглашение с Англией. Прекращение российской помощи в этой ситуации было воспринято Турцией как жест России в пользу их общего на тот момент противника — Англии. Таким образом, даже факт подписания российско-турецкого соглашения в Москве не смог разрядить до конца обстановку взаимного недоверия, в которой уже не первый год развивались отношения России и Турции. Как пишет Д. Авджиоглу, «...для создания взаимного доверия оказалось недостаточным подписания соглашения о дружбе. Имеющее своим источником империалистические маневры взаимное недоверие сохранялось до 1922 г.»<sup>38</sup> Далее Д. Авджиоглу приводит слова из обращения посла Турции в России Али Фуада, датированного апрелем 1921 г., в котором сформулирована позиция турецкой стороны по вопросу о развитии двусторонних отношений после подписания Московского договора: «Если же вы для того, чтобы угодить англичанам, ослабите дружбу с нами и уменьшите свою помощь, английский империализм обманет каждого из нас в отдельности»<sup>39</sup>. Тем не менее, российская помощь не возобновлялась, и обе страны по-прежнему испытывали сомнения в намерениях друг друга. Более того, некоторые турецкие авторы упоминают факт начавшегося в этот период установления контактов между Советской Россией и Грецией, ссылаясь на факт прибытия в Западную Фракию советской делегации для ведения переговоров о подписании соглашения о дружбе и развитии торговли<sup>40</sup>. Неуверенность во внешнеполитическом курсе Советской России заставляла турецкую сторону сомневаться в целесообразности ратификации Московского договора, коль скоро его действительность, казалось, была под вопросом.

Прибытие в Анкару в июне 1921 г. французского сенатора Франклен-Буйона западноевропейская и стамбульская печать сопровождала активными комментариями о примирении Турции с Антантой и концентрации турецких войск в Карсе и Ардагане. На самом деле, как пишет российский историк С. И. Кузнецова, правительство ВНСТ отказалось вступить в антисоветскую коалицию и прекратить войну за независимость<sup>41</sup>. Посему Антанта попыталась сломить турок силой оружия — стало известно о готовящемся наступлении греков на Анкару. Именно в эти дни, стремясь до предела осложнить положение кемалистов, Англия усердно распространяла слухи о готовящемся нападении большевиков на Турцию. Али Фуад также информировал лидеров националистического движения Турции о том, что общественное мнение Англии настраивают на скорое присоединение к Армении районов, прилегающих к Араксу, а также Вана и Муша<sup>42</sup>. В сложившейся ситуации М. Кемаль не считал возможным исключать вероятность наступления большевиков, в связи с чем он писал командующему Восточным фронтом Карабекир-паше о необходимости быть на всякий случай бдительным и готовым к подобному развитию со-

<sup>38</sup> Avcioglu D. Milli kurtulus tarihi, с. 824.

<sup>39</sup> Там же, с. 837.

<sup>40</sup> См., например: Saray M. Atatürkün Sovyet politikasi, с. 79.

<sup>41</sup> Кузнецова С. И. Установление советско-турецких отношений, с. 62.

<sup>42</sup> Avcioglu D. Milli kurtulus tarihi, с. 838.

бытий. В своем ответном письме Карабекир-паша подчеркивал, что пропаганда союзников, начатая в момент переброски турецких войск на Западный фронт, имеет целью задержать их на востоке<sup>43</sup>.

Нежелание турок освободить Александрополь, дополняемое слухами об их подготовке к войне в Закавказье, порождало у правительства РСФСР сомнения в твердости намерений Турции соблюдать Московский договор, что и привело к приостановке оказания ей военной помощи. Однако турецкая сторона, в свою очередь, также не была уверена в ответственности Московского договора и поддержке российской стороны. Таким образом, круг недоверия и взаимной подозрительности сторон замкнулся уже на новом этапе отношений, последовавшем за подписанием Московского договора 1921 г.

В апреле 1921 г. Красная Армия стремительно начала развивать наступление на территории, находившейся под дашнакским правлением. Еще 11 апреля 1921 г. посол Турции в Москве Али Фуад направил своему правительству шифровку следующего содержания: «В случае, если желательна поддержка России в нашей внешней политике и быстрое получение обещанных ею денег, оружия и боеприпасов, следует немедленно начать соблюдать статьи Договора (Московского. — *Н. У.*), особенно относящиеся к восточным границам, и не открывать дорогу для сомнений русских, а также подписать договор с Арменией, вновь ставшей советской, Грузией и Азербайджаном... Если же мы не будем соблюдать относящуюся к этому (к восточным границам. — *Н. У.*) часть Договора уже с превращением Армении вновь в советскую, сомнения вновь начнут активно разрастаться»<sup>44</sup>. Советская сторона также ясно давала понять Турции о необходимости соблюдения Московского договора в новых условиях, когда советская власть в Армении оказалась восстановленной. В своей ноте на имя Али Фуада от 8 апреля 1921 г. Г. В. Чичерин писал: «Поскольку весь район Александрополя и Эривани снова находятся в руках Армянского Советского Правительства, для турецких войск наступило время отойти за границу, установленную в Московском договоре... Желать выполнения Александропольского договора равносильно аннулированию Московского договора»<sup>45</sup>.

8 апреля 1921 г., в телеграмме на имя командующего 11-й армией Г. К. Орджоникидзе Г. В. Чичерин писал: «Укажите на то, какие роковые последствия могло бы иметь столкновение турецких войск с красноармейскими войсками, и на то, что все Советские Республики находятся в тесном и неразрывном союзе с Советской Россией»<sup>46</sup>.

Таким образом, на новом этапе развития ситуации пребывание турецких войск в Александрополе уже не оставляло надежд на его переход к Турции в рамках договоренностей, заключенных ранее с дашнакским правительством Армении, но угрожало разрешиться войной с Россией, несмотря на подписанный в марте Договор. Во избежание этого 23 апре-

<sup>43</sup> Avcioğlu D. Milli kurtuluş tarihi, с. 840.

<sup>44</sup> Там же, с. 837.

<sup>45</sup> См.: Документы внешней политики СССР. Т. 4, с. 49, 54.

<sup>46</sup> Там же, с. 55.



ля 1921 г. турецкие войска оставили город. 5 июля началось наступление греков на Анкару. Подобный поворот событий, равно как и окончательное разрешение к этому моменту российско-турецких противоречий по поводу границы с Арменией, убедило турок окончательно принять положительное решение по поводу укрепления российского направления своей внешней политики: Московский договор был срочно ратифицирован ВНСТ 31 июля 1921 г.

14 июня НКВД РСФСР получил сообщение Али Фуада о соглашении Турции подписать договор с тремя закавказскими республиками. В июле—августе была достигнута договоренность о месте и сроке созыва конференции с целью подписания договора. Конференция открылась в Карсе 26 сентября 1921 г. 3 октября началось обсуждение проектов общего договора. Так как за основу был принят Московский договор, длительного детального обсуждения не потребовалось. Договор был подписан 13 октября. Большинство статей Карсского договора совпадает с соответствующими статьями Московского, в том числе и статьи об установлении новой границы с Турцией<sup>47</sup>.

Карсский договор явился не столько формальным, сколько действительным подтверждением согласия Турции с пограничной линией, определенной Московским договором, а также результатом преодоления очередного кризиса доверия в отношениях двух стран. В конце 1921 г. возобновилось предоставление финансовой помощи Турции со стороны Советской России: во время исторического визита в Турцию легендарного командарма М. В. Фрунзе в декабре 1921 г. Анкаре был передан 1 млн 100 тыс. руб. Последний «транш» в размере 3,5 млн. руб. турецкая сторона получила в мае 1922 г.<sup>48</sup>

Итак, мы можем констатировать, что Россия оказалась единственной страной победившего блока, которая уступила стране, побежденной в Первой мировой войне, свои бывшие владения. Отказ от них был продиктован интересами сохранения молодой советской государственности в неблагоприятных военно-политических условиях того времени, что и заставило большевистское руководство России сделать непростой выбор.

Московский и Карсский договоры 1921 г. не только принципиально урегулировали вопрос о границах между советскими республиками и Турцией, но и положили начало их политическому сближению, которое было закреплено Советско-турецким договором о дружбе и нейтралитете от 17 декабря 1925 г. (Договор о нейтралитете и ненападении)<sup>49</sup>. В результате подписания последнего договор 1921 г. был дополнен положениями о нейтралитете в случае выступления против одной из договаривающихся сторон со стороны одной или нескольких третьих держав, а также обязательствами сторон воздерживаться от всякого нападения на другую, не принимать участия ни в каком союзе или соглашении, направленном против другой стороны.

<sup>47</sup> См. текст договора: Документы внешней политики СССР. Т. 4, с. 420–429.

<sup>48</sup> Saray M. Atatürkün Sovyet politikası, с. 76.

<sup>49</sup> См. текст договора: Документы внешней политики СССР. Т. 8. М., 1963, с. 739–741.

## IV. Филологические исследования

Ю. А. Аверьянов (Москва)

### Поэт Кайгусуз Абдал и его место в культуре османского государства

Творчество Кайгусуза Абдала привлекало к себе внимание турецких исследователей, начиная с М. Ф. Кёпрюлю, который в своих статьях «Абдал Муса» и «Бекташизм в Египте» проанализировал предания (*менкабе*) о Кайгусузе и подчеркнул его духовную связь с шейхом суфийского братства *бекташи* Абдалом Мусой (XVII в.)<sup>1</sup>. Р. Нур обнаружил в Египте, в текке (обители) Кайгусуза на холме Мукаттам, рукописное житие (*менакыб-наме*) Кайгусуза Абдала, о чем он сообщал в своей статье в журнале «Тюрк Билик»<sup>2</sup>. Первой монографией о Кайгусузе стала работа М. Даглы, увидевшая свет в 1941 г.<sup>3</sup> В ней автор попытался осветить румелийский период жизни Кайгусуза, основываясь на упоминаниях личных имен и топонимов в его стихотворениях. Этот труд, основанный на знании рукописных источников, тем не менее, в настоящее время сильно устарел. Крупнейший турецкий суфиевед А. Гёльпынарлы посвятил Кайгусузу Абдалу две весьма содержательные работы<sup>4</sup>. Гёльпынарлы попытался не только наметить основные вехи биографии изучаемого персонажа, но и установить преемственность между ним и более поздними идейными лидерами бекташи и шиитской секты *кызылбашей*, такими как Исмаил Хатаи и Кул Химмет. Однако дан-

<sup>1</sup> Köprülü M. F. Mısır'da Bektaşilik. TM. T. IV. İstanbul, 1939; он же. Abdal Musa. Türk Kültürü. Sayı 124. Şubat, 1973.

<sup>2</sup> Nur R. Kaygusuz Abdal, Gaybi bey, Kâhire'de Bektaşi tekyesinde bir manuskri // Türk Bilik Revüsü, № 5. [Ankara], 1935.

<sup>3</sup> Dağlı M. Y. Kaygusuz Abdal. İstanbul, 1941.

<sup>4</sup> Gölpinarlı A. Kaygusuz, Vizeli Alâeddin. İstanbul, 1931; он же. Kaygusuz Abdal-Kul Himmet-Hatayı. İstanbul, 1953.

ные, приводимые Гельпынарлы, не лишены противоречивости и нуждаются в критическом осмыслении. В настоящее время крупнейшим специалистом-литературоведом, занимающимся изучением творчества Кайгусуза Абдала в Турции, является проф. Абдуррахман Гюзель (род. 1942), издавший тексты ряда крупных произведений этого средневекового поэта и тексты жития Кайгусуза и его наставника Абдала Мусы. Его монография о Кайгусузе до сих пор остается наиболее полным научным исследованием о поэте<sup>5</sup>. Ученый использовал рукописи произведений Кайгусуза, хранящиеся в Национальной библиотеке Анкары и Государственной библиотеке Марбурга. Он старался основывать свои суждения на наиболее старых и достоверных редакциях. При изучении биографии Кайгусуза Абдала А. Гюзель учитывал частичные издания текста его жития, выполненные Р. Нуром, В. Л. Салджи и Р. Чуди<sup>6</sup>. Отдельные критические замечания к выводам А. Гюзеля будут высказаны нами по ходу данной статьи.

Кайгусуз Абдал родился и жил в эпоху, которая в историографии обычно именуется «эпохой *бейликов*», то есть в период феодальной раздробленности, когда на территории Малой Азии не существовало единого централизованного государства и шла непрерывная борьба за гегемонию в стране между рядом мелких властителей (эмиров, беев и т.п.). Фактический распад в 1336 г. монгольской империи Хулагуидов, распространившей свою власть и на Анатолию (азиатскую часть Турции); окончательный упадок Византийской империи, превратившейся в город-государство Константинополь; внутренние раздоры в обширной державе мамлюков (Египет, Сирия и часть Малой Азии); разложение крестоносного движения, переставшего представлять какую-либо серьезную угрозу для мусульман, — все эти факторы благоприятствовали тому, что даже незначительные тюркские правители Малой Азии «осмелели» и почувствовали себя независимыми падишахами. Это продолжалось до тех пор, пока новое нашествие с Востока — на сей раз полчищ среднеазиатского правителя Тимура — не заставило их вновь смириться с положением вассально зависимых князей.

В XIV в. происходит резкий и неожиданный взлет Османского государства, чьи правители после успешных походов против болгар и сербов всё более претендуют на «наследство» Византийской империи, на политическое первенство в «стране Рум» (Малой Азии), одновременно пытаясь доказать преемственность своей власти от Сельджукидов и даже от Чингисхана. Главными противниками Османской династии в Анатолии были большие княжества Гермиан и Караман, а также туркменские (огузские) племенные союзы восточной части Малой Азии — Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу. Эмиры Карамана дважды — в 1315 г. и в 1320 г. — пытались захватить Конью, бывшую столицу Сельджукидов, и восстановить султанат, однако эти их инициативы были пресечены монголами. Караманское государство, существовавшее вплоть до 1487 г., находилось

<sup>5</sup> Güzel A. Kaygusuz Abdal (Alâeddin Gaybî). Ankara, 2004.

<sup>6</sup> Tschudi R. Die Bekehrung des Kaigusuz. Aus einer Türkischen Heiligenvita // Schweizerisches Archiv für Volkskunde. Bd. 47. Basel. 1951, с. 203–207.

в менее выгодном положении по сравнению с Османским. Оно практически было лишено возможности вести «священную войну» (только с Кипрским королевством и армянами Киликии). Княжество Гермиан (до 1429 г.) было довольно рано «замирено» Османами, которые уже в 1381 г. отобрали у него столицу — Кютахью и другие важные центры. Эмиры Айдына, Манисы, Балыкесири, Лядика, первоначально признававшие над собой власть гермианских правителей, в короткий срок были подчинены османским султаном Баязидом I, получившим за это прозвище Молниеносный (1389–1402). То же самое произошло и с княжеством Хамид, основанным в 1280 г. и занимавшим области, прилегающие к Анталье. К моменту покорения бейликов Османское государство уже было фактически «европейским» образованием со столицей в Адрианополе (Эдирне). Анатолийскими тюрками власть Османов, по-видимому, воспринималась как навязанная извне, «византийская» по сути.

Кайгусуз Абдал, судя по сообщениям источников, родился на землях бейлика Хамид, вероятно, еще до присоединения его к Османскому государству (1391 г.). Столицей этого государства была Анталья (греч. Атталия). Временами столица переносилась во внутренние районы Анатолии — в город Истаноз (это было связано с иноземными завоеваниями). Правящая семья принадлежала к тюркскому (туркменскому) племени *теке*, поэтому вся эта область называлась также *Теке или*. Среди населения преобладал огузский союз племён *уч-ок*. Документальных источников по истории княжества не сохранилось, поэтому историкам приходится пользоваться только свидетельствами летописей, жизнеописаний святых и составленной в царствование Мехмеда II (1451–1481) «Описью вакфов вилайета Теке». Согласно этим данным, в области Теке было немало суфийских обителей, получавших поддержку со стороны государства: Кылычджи Юсуф в Анталье, Шейх Бег в Каше, Бали в Серике (Карахисар), Хаджи Балабан и Сейид Хызыр в Истанозе, Ахи Девлет-хан в Калканлы и др. Однако неясно, каким братствам принадлежали перечисленные *текке* и *завийе*.

В личной библиотеке А. Гюзеля хранится старинная рукопись, содержащая, помимо жизнеописания Кайгусуза, предания о шейхе Абдале Мусе, трактат «Минбер-наме» и различные стихотворения Кайгусуза. В рукописи недостает нескольких листов в начале и в конце, и потому мы не знаем ни даты написания рукописи, ни места переписки, ни имени переписчика. Житие Кайгусуза Абдала помещено на страницах 1–46 данного манускрипта. Ф. Кёпрюлю, М. Даглы и Р. Чуди пользовались, по всей видимости, другим вариантом традиционной биографии Кайгусуза, так как в их изложении имеются некоторые отличия. Напротив, каирская рукопись, найденная Р. Нуром, и тексты, обработанные турецким фольклористом В. Л. Салджи, обнаруживают близость к варианту, представленному рукописью из коллекции А. Гюзеля. Это говорит о наличии двух редакций жизнеописания Кайгусуза, выявленных к настоящему времени.

В начале «Менакыб-наме» сообщается, что «Кайгусуз Баба Султан, да освятит Аллах его тайну, известный и прославленный среди людей Пути, автор [книги] «Дильгуша», был сыном санджак-бея Алайе. Имя его было

Гайби»<sup>7</sup>. Далее этому юному *бей-заде* дается возвышенная характеристика в духе средневекового этикетного мышления («он был весьма разумным, знающим, деятельным, совершенным и волевым человеком»). В Кайгусузе сочетались, казалось бы, противоположные вещи: любовь к книгам, к наукам, и удаля, молодечество, сила, воинский пыл. Кайгусуз-Гайби постоянно охотился в горах, добывал пантер, леопардов и тигров (водились ли они тогда в Южной Анатолии?). Подстрелив однажды лань на вершине одного холма, Гайби-бей погнался вслед за раненым животным (стрела Гайби попала под левую переднюю ногу лани). Лань вскочила в ворота большой суфийской обители (*астане*). Вслед за ней во двор обители влетел и Гайби. Он потребовал у дервишей, чтобы они возвратили ему его добычу. Обитель была основана выдающимся суфием Абдалом Мусой. Дервиши сказали юноше, что они никакой лани не видели и проводили его к шейху Абдалу Мусе. Тот спросил у Гайби: «Узнаешь ли ты свою стрелу, если увидишь?» Гайби ответил утвердительно. Тогда Абдал Муса воскликнул: «Смотри же на свою стрелу!» Он поднял вверх левую руку, и изумленный Гайби узрел стрелу, торчащую у него под мышкой. Увидев такое чудо, юный князь раскаялся в своем поступке и в душе у него всё перевернулось. Между тем Абдал Муса вырвал стрелу из своего тела, положил ее перед Гайби и обратился к нему с увещанием: «Двери милости и доброты в нашей обители всегда открыты для людей, просящих прощения (итизар). Мы простили твою вину, но больше так не делай, не пускай стрелы во всякое встретившееся тебе живое существо (*джан*)!» Гайби, придя в себя, стал просить шейха оставить его в обители и принять в число дервишей. Абдал Муса сказал в ответ, что путь суфия труден, он предусматривает безбрачие (*мюджерредлик*); на этом пути его ожидает множество бед и страданий. Нужно терпеливо сносить все трудности и считать всякое лишение благом, во всём прозревать скрытую мудрость Всевышнего. Абдал Муса хотел отправить Гайби к его отцу, бею, чтобы юноша попросил у него разрешения стать дервишем. Но Гайби возразил: «Мой Султан! Вы — мой отец. Если вы даже не согласитесь оставить меня здесь, я не уйду в другое место и эту обитель не покину. Есть только дорога сюда, обратного пути нет!» После этого Абдал Муса приказал своему заместителю (*халифе*) обрить голову Гайби и, облачив его в дервишеское рубище, возложил ему на голову колпак (*тадж*). Он получил овечью шкуру (*пост*) и место среди дервишей обители. Таким образом, Гайби отрекся от мира и посвятил себя служению Истине.

Спутники Гайби вышли к обители Абдала Мусы по кровавому следу, оставленному ланью. Увидев своего господина в обличье дервиша, они поспешили к бею Аланьи и рассказали ему обо всём. Тот отправился к эмиру Теке и попросил его вмешаться и вернуть ему сына. Сам нападать на видного суфийского наставника он, скорее всего, не посмел. Эмир Теке послал своего воеводу (*бахадыр*) Ису Кылагылы, чтобы тот предоставил Абдала Мусу пред его царские очи. Иса попытался применить силу по отношению к Абдалу Мусе, но внезапно был сброшен своей лошадью, запутался в стремени и разбился. Эмир Теке, узнав о гибели своего воеводы,

<sup>7</sup> Цит. по: Güzel A. Kaygusuz Abdal, c. 42.

разгневался, приказал собрать войско и разжечь огромный костер, чтобы бросить в его пламя «отступников». Абдал Муса, узнав об этом мистическим образом, выступил вместе с четырьмя сотнями мюридов навстречу эмиру, совершая на ходу радение-сема. Вслед за ним с места сдвинулись горы и камни, но Абдал Муса остановил их одним словом. Шейх вместе с дервишами вошел в приготовленный для него костер и полностью задушил его, совершая сема. Увидев это, эмир Теке побегал прочь. Однако в руки дервишей попала «лесная душа» этого эмира в виде кабана. Абдал Муса приказал убить кабана, и тотчас эмир Теке упал с лошади и разбился насмерть. После этого отец Гайби решил примириться с Абдалом Мусой и благословить своего сына на служение шейху. Со своей свитой он отправился в обитель Абдала Мусы. Для приема многочисленных гостей Абдал Муса сотворил два источника, из одного тек мед, а из другого — масло. Между Абдалом Мусой и отцом Гайби установилось взаимопонимание.

Когда Гайби полностью очистился от мирских забот и тревог (*кай-зу*), он получил от наставника прозвище Кайгусуз («Беззаботный»). Другой смысл этого прозвища — это табуированное название гашиша («освобождающий от забот»), однако намеков на такой смысл в житии не содержится. Согласно преданию, Кайгусуз провел на службе у Абдала Мусы сорок лет. В конце концов он получил от наставника дозволение (*иджазет*) отправиться на паломничество в Мекку. В письменном документе Абдал Муса подтверждал, что Кайгусуз Абдал полностью усвоил его учение и просил других суфийских шейхов оказать ему содействие в его странствиях<sup>8</sup>. Получив грамоту, Кайгусуз пришел в исступление и, вернувшись в свою келью и весь пылая огнем, взял чашу с айраном, крошил в нее данную Учителем грамоту и выпил всё содержимое чаши. «Вкусив» слова своего наставника, Кайгусуз обрел поэтический дар, погрузившись целиком в «море смысла».

Кайгусуз двинулся в путь вместе с сорока *абдалами* (странствующими дервишами). Остановившись отдохнуть в долине Эльмалы, они

<sup>8</sup> А. Гюзель приводит текст *иджазет-наме* Абдала Мусы (возможно, это не оригинальный документ, а всего лишь литературный штамп — автор жизнеописания Кайгусуза мог примерно знать, как составляются подобные грамоты и «заново» воссоздал ее текст). Обращаясь к наставнику за разрешением, Кайгусуз якобы произнес следующее стихотворение-*нефес*:

Я приношу свою душу в жертву на пути моего *пура* (наставника),  
И душа, и весь мир становятся неразличимыми, что мне делать!  
Что подедаю я с Любимым, который, улыбаясь первому скитальцу  
(*херджайи*),

Обнажил меч против моего забвения того, что у Аллаха (*шейен ли-ллах*)

Не удержат даже цепи и узы людей и животных,

Я в тысяче дыханий (*нефес*) веду за собой (*йедарен*) людей Пути.

Увидев твою красоту, твой лик, я пришел к вере,

Я — мухаммеданин, я клянусь в верности этой вере.

На языке духа просит позволения Кайгусуз Абдал,

Мой Шах, сотвори благо (*ассы*), моя птица улетела, пойду и я.

[Или сделай моего Шаха своим господином, основой].

См.: Güzel A. Kaigusuz Abdal, s. 54–55. Слова Кайгусуза о том, что он стал *мухаммеди*, можно истолковать и в том плане, что до этого он вообще не был мусульманином (как потомок монгольской знати?).

уселись под раскидистым тополем, носившим название «Дерево бродяг». Кайгусуз громко воскликнул:

Эта чинара — сколь удивительная и могучая чинара,  
В каком приятном месте она выросла и как высоко вознеслась!

Его спутники-дервиши стали возражать ему, говоря, что он сидит под тополем, а не под чинарой. Тогда Кайгусуз встал, пробормотав «а я подумал, что это чинара», и пошел назад в сторону обители Абдала Мусы. Узнав об этом, Абдал Муса дал ему в спутники сорок других собратьев. Кайгусуз Абдал заставил их пройти то же испытание. На этот раз все дервиши согласились со словами своего предводителя о чинаре: «Да, наш Султан, какая превосходная чинара!» Тогда Кайгусуз попросил одного дервиша набрать с этой «чинары» плодов. Тот встал, потряс одну из ветвей, и с нее посыпались красные яблоки. Часть этих яблок упала в реку и поплыла к обители Абдала Мусы. Абдал Муса велел выловить яблоки и разделить их между дервишами, сказав: «Это яблоки святости (*вилайет*) нашего Кайгусуза».

Прибыв в египетский город Думьят, Кайгусуз и его товарищи сели в лодку и поплыли по Нилу в столицу Египта. Зная, что султан Египта слеп на один глаз, Кайгусуз и его спутники тоже наложили себе на глаза повязки. Сойдя на берег, Кайгусуз приказал привести осла и воссел на него, а прочие дервиши, «одетые в рубахи, с босыми ногами, с дубинками на плечах», выстроились «журавлиным клином» (*турна катары*) и прошествовали в столицу. Погруженные в мистические состояния дервиши не заметили, что навстречу им вышел дворецкий (*хаджиб*) египетского султана, и прошествовали мимо него, не поздоровавшись. Только ехавший позади Кайгусуз Абдал приветствовал хаджиба и пояснил ему, что его дервиши выглядят так странно потому, что они закрыли «глаза внешнего (мира)» и оставили открытыми «глаза сокровенного» (*батын гёзю*). Султан Египта, узнав о прибытии дервишей, захотел устроить им испытание. За обедом он велел подать им ложки с очень длинными ручками, которые мешали поднести еду ко рту. Кайгусуз Баба догадался, в чем смысл испытания, и, зачерпнув ложкой еду, не стал есть сам, а поднес ее одному из своих собратьев. Так же поступили и все его дервиши. По молитве дервишей слепой глаз султана прозрел. В качестве награды Кайгусуз Абдал попросил наполнить его чашу для подаяния медом и маслом. Однако всех султанских запасов меда и масла не хватило для того, чтобы заполнить чашу. После этого чуда весь египетский двор признал в Кайгусузе чудотворца. Египетский султан приказал возвести для Кайгусуза и его дервишей «дворец» (т.е. гостевой дом) на берегу Нила, получивший название Каср аль-'Айн (Каср Бу аль-'Айн). Автор жизнеописания Кайгусуза Баба, по его словам, видел этот «дворец», на воротах которого была сделана строительная запись (*тарих*), относящаяся к 12 января 1453 г. В помещении этой обители позднее завоеватель Египта Селим I (1512–1520) приказал построить павильон (*кёшук*), а к куполу обители



тот же султан велел повесить семь стрел. В обители хранился также сапог исламского героя — борца за веру Баттала Гази<sup>9</sup>.

Покинув Египет, Кайгуз Баба со своими дервишами направился в Аравию. Когда они останавливались на ночлег, перед ними каждую ночь неожиданно возникал какой-то город; они расходились по домам этого города и ночевали. Утром же, когда они просыпались, вокруг них была только пустыня. Так дервиши добрались до Мекки, совершили хадж. Затем они двинулись в Медину. Там, стоя возле усыпальницы пророка Мухаммеда, Кайгуз произнес вслух свой трактат «Гевхер-наме» («Книга драгоценности» или «Книга сути»). Прибыв затем в Сирию, Кайгуз и его дервиши остановились в городе Хама, где находилось знаменитое водяное колесо огромных размеров, стоявшее на реке Оронт и издававшее по ночам стон: «О, Мухаммед». Здесь Кайгуз Абдал сочинил свою «Поэму о колесе» («Долаб-наме»). В дальнейшем Кайгуз направился в Месопотамию, побывал в Багдаде, совершил поклонение мавзолеям шиитских имамов в Неджефе, Кербеле, Куфе, Самарре и, наконец, вернулся в обитель Абдала Мусы. Жизнеописание Кайгуза заканчивается его знаменитым гимном-нефесом, посвященным прославлению Абдала Мусы:

Наши беи вышли к озеру Авлан,  
Они идут к Султану Абдалу Мусе,  
Абдалы Рума, надев власяницу (*хырку*) и шкуры (пост),  
Идут к Султану Абдалу Мусе.  
Абдалы Рума идут, называя его Другом [или взывая «Друг!»].  
Свое одеяние они именуют *немед* (войлок) и пост (шкура),  
Приходят больные, прося исцеления,  
И здоровые идут к Султану Абдалу Мусе.  
Есть у меня просьба к Щедрому, Всеблагому,  
Отрицатель (*мюнкир*) не знает о тайне святых,  
Раб Кайгуз разлучился со старцем своим,  
Он, плача, идет к Султану Абдалу Мусе.

Большинство исследователей сходится во мнении, что Кайгуз Абдал жил в конце XIV — первой половине XV в. Настоятель текке Кайгуза в Каире Ахмед Сыры Баба привел в 1934 г. в своем трактате по истории бекташи на земле Египта даты пребывания Кайгуза в Египте: 761–818 гг. хиджры и 1388–1444 гг. христианского летоисчисления, однако указанные им годы нашего летоисчисления соответствуют 790/91–847/48 гг. хиджры. В рукописи сочинения Кайгуза «Китаб-и Дильгуша», хранящейся в Публичной библиотеке Анкары под номером 645, говорится: «И вот, этот дервиш пришел в восьмисотом году от Мухаммеда Мустафы». Такое же утверждение имелось и в каирском манускрипте, представленном научной общественности Р. Нуром: «Этот дервиш же пришел в восьмисотом году после даты переселения пресвятого Мухаммеда Мустафы».

<sup>9</sup> Güzel A. Kayguzuz Abdal, с. 64.

Итак, можно предположить, что Кайгусуз Абдал родился в 800 г.х./1397–1398 г.<sup>10</sup> Но слово «пришел» можно понимать не только как «родился», но и в каком-нибудь другом смысле («пришел в обитель Абдала Мусы» или «прибыл в Египет» и т.п.)<sup>11</sup>. Турецкие литературоведы, в свою очередь, сходятся на мысли, что Кайгусуза Абдала следует считать современником османского султана Мурада II (1421–1451). Однако в таком случае приходится признать, что его связь с Абдалом Мусой, жившим в первой половине XIV в., является весьма зыбкой (скорее всего, они не могли общаться лично, и Кайгусуз мог получить посвящение лишь от духа Абдала Мусы). Между тем легендарное жизнеописание Кайгусуза настаивает на том, что он был современником Абдала Мусы, и даже устанавливает сорокалетний срок службы Кайгусуза своему наставнику. Получается, что при расставании с Абдалом Мусой перед путешествием в Египет Кайгусузу уже исполнилось 58 лет (учитывая, что он пришел в обитель в 18-летнем возрасте). С другой стороны, если мы признаем Кайгусуза Абдала современником Абдала Мусы и согласимся с Ахмедом Сырры, что Кайгусуз прибыл в Египет где-то в 761 г.х. / 1359–1360 г., мы можем предположить, что он мог дожить до начала XV в. и поселиться в обители Каср аль-‘Айн (из надписи на воротах обители следует, что она построена в 807/1404 г.)?

В. М. Коджатюрк сделал предположение о существовании двух Кайгусузов — Ала эд-Дина Гайби, выходца из Аланьи, жившего во второй половине XIV в., и Кайгусуза Абдала из селения Сарай близ города Визе во Фракии, жившего в Османском государстве в первой половине XV в. и получившего поэтический псевдоним (*махлас*) Сарайи. «Второй» Кайгусуз странствовал главным образом на Балканах, сопровождал войска османских гази и не имел прямого отношения к «первому» Кайгусузу (хотя вероятно наличие между ними связи «ученик—учитель»)<sup>12</sup>. Во всяком случае, предание бекташи («Менакыб-наме») подчеркивает, что все деяния Кайгусуза так или иначе связаны с личностью его наставника Абдала Мусы, поэтому «оторвать» одного от другого не представляется возможным. Эта связь отражена и в других источниках житийного характера — жизнеописаниях Абдала Мусы, Шуджа эд-Дина Султана. С другой стороны, в стихотворениях Кайгусуза (или приписанных Кайгусузу) упоминаются имена султана Мурада; шейх уль-ислама Ибн Фенари (его должность, правда, не называется), возглавлявшего мусульманское духовенство в Османском государстве в 1424–1430 гг.<sup>13</sup>; наместника Исхак-бея (вероятно, Гази Исхак-бей, санджак-бей Скопье и покоритель г. Смедерево, скончавшийся в 1465 г.). Стихотворение, в котором идет речь о султанине Мураде и Ибн Фенари, весьма любопытно. В нем говорится, что Кайгусуз Абдал только что прибыл из Анатолии в Эдирне, взял

<sup>10</sup> В Марбургской рукописи «Менакыб-наме», скорее всего, вследствие ошибки переписчика стоит дата 900 г.х.

<sup>11</sup> Именно так полагал Р. Нур: дата 800 г.х. означает приход Кайгусуза в Египет; родился же он за 58 лет до этого (18 лет в доме отца и 40 лет служения Абдалу Мусе), т.е. в 742 г.х. / 1341–1342 г.

<sup>12</sup> Kocatürk V. M. Tekke şiiiri antolojisi. Ankara, 1968, с. 143–156.

<sup>13</sup> Полное его имя — Мевляна Мухаммед Шемс эд-Дин ибн Фенари.

там в аренду лавку, но тут же попал в зависимость от некой богатой женщины, которая стала соблазнять его и из «сетей» которой он, провинциал, не знавший столичной жизни, никак не мог вырваться:

Как бы избавиться от этой женщины,  
Я стал рабом, как бы вернуть свободу?  
Интересно, получу ли я фетву [о разводе],  
Если пойду к Ибн Фенари?

Далее говорится, что Кайгусуз Абдал не пошел к «Мурад-хану», не спас свою душу и подвергся мучительным испытаниям. Скорее всего, это стихотворение было сложено между 1424–1430 гг., между тем Кайгусуз в нем предстает в облике наивного простака из Анатолии (а не из Фракии, как полагал В. М. Коджатурк!) и как человек еще молодой и неопытный, что косвенно подтверждает вероятность сообщений и источников о его рождении в 1397–1398 г. Однако, на наш взгляд, эту историю нет нужды воспринимать как биографическую, поскольку приведенный здесь мотив злой жены (образ, восходящий еще ко временам Сократа) и обольстительницы можно толковать символически (как и все образы стихотворений Кайгусуза) — то есть как попадание человеческой души в тиски плотского мира (*дун*), в плен к материи. С точки зрения хронологии, это стихотворение не проясняет, а скорее запутывает ситуацию, если мы примем, что речь в нем идет о том же Кайгусузе, который служил Абдалу Мусе, странствовал по Египту и всему Ближнему Востоку в начале XV в. и на склоне лет появился вдруг в османской столице, где в него, уже старика, ни с того ни с сего вдруг влюбилась какая-то богатая дама. В этой истории концы с концами не сходятся. В стихотворении, в котором упоминается Исхак-бей, развивается та же тема «плотской любви»:

И в Филибе (Филиппополь) сызнова  
Влюбилась в меня одна женщина,  
Иглами заставляет шить  
Меня она новый кафтан.  
Если скажу [об этом] Исхак-бею,  
Если изложу ему то, в каком я состоянии,  
Найдется ли, все равно, средство  
Спастись от [той] женщины?  
Таково положение Кайгусуза Абдала,  
Несчастливого дервиша.  
Так и дальше будет, что ли?  
Пройдет вся его жизнь с этой женщиной?

\* \* \*

Нет ни жены, ни мужа,  
Нет ни утра, ни вечера,

Да буду я жертвой тому,  
Кто поймет эти слова!

Как видим, сам Кайгусуз намекает здесь на то, что его рассказ несет символический смысл и нуждается в истолковании. К тому же мы знаем из «Менакыб-наме», что Кайгусуз Абдал, как и его наставник Абдал Муса, придерживался обета безбрачия.

Наконец, еще в одном стихотворении поминается Мурад-хан в связи с его предполагаемыми раздачами продуктов и скота для дервишей:

Если велит нам дать Мурад-хан тысячу *мут* риса,  
И на съедение хоть десять тысяч овец...

И эти «мечтания» Кайгусуза едва ли соответствуют каким-либо историческим реалиям. Как уже было показано, все даты, которые пытались вычислить историки турецкой литературы в отношении Кайгусуза Абдала, носят гадательный характер. Даты его рождения уместаются в промежуток 1341–1361 гг. (если не принимать во внимание более поздний вариант – 1397–1398 г.). Значит, он должен был прийти в обитель Абдала Мусы между 760 г.х./ 1358–1359 г. и 780 г.х./ 1378–1379 г., причем первая дата гораздо ближе «агиографической» истине, учитывая, что Абдал Муса встречал Кайгусуза в обители лично, а он не мог быть «вечным». Османские историки упоминают Абдала Мусу под 1326 г. в связи со взятием Бурсы войсками Орхана. С другой стороны, в 1361–1373 гг. Анталья находилась под властью кипрского короля и, следовательно, сыну бея Аланьи, вздумавшему поохотиться в горах княжества Теке, пришлось бы делать большой круг, чтобы обогнуть этот город, занятый врагами. Точно так же должен был поступить отец Гайби, желая пробраться со своими войсками к обители Абдала Мусы. Связи между княжеством Теке и приморской Аланьей в тот период не могли быть слишком прочными. Итак, прибытие Гайби-бея к Абдалу Мусе могло иметь место в 760 г.х./1358–1359 г., а смерть эмира Теке, о которой говорится в «Менакыб-наме», может быть связана с нападением кипрских крестоносцев на княжество Теке в 1361–1362 г. Этому не противоречит и дата, указанная Ахмедом Сыры, — появление Кайгусуза Абдала в Египте в 761 г.х. / 1359–1360 г., т.е. вскоре после его предполагаемого посвящения в дервиши Абдалом Мусой (получается, правда, что Кайгусуз не пребывал «сорок лет» вместе с наставником, но эта цифра, по нашему мнению, несет в повествовании «Менакыб-наме» лишь символическую нагрузку, так как ни о каких деяниях Кайгусуза за время этого 40-летнего подвижничества ни слова не сказано). Какой же правитель был или мог быть отцом Гайби-Кайгусуза?

Марокканский путешественник Ибн Баттута, побывавший в Аланье в 733 г.х. / 1332–1333 г., утверждает, что городом управлял Юсуф-бей из дома Караманов<sup>14</sup>. Он правил, по крайней мере, с 730 г.х. / 1329–1330 г.

<sup>14</sup> Güzel A. Kaygusuz Abdal, с. 81.

по 737 г.х. / 1336–1337 г. Аланья входила в состав государства Караман. В 1361 г. кипрский король Пьер де Лузиньян сделал бея Аланьи своим вассалом. В 1364 г. не названный в источниках правитель Аланьи попытался отбить Анталю у короля Кипра. В 1366 г. Пьер в ответ на это направил флот к Аланье и осадил ее. Это нападение было отбито благодаря помощи Карамана. Можно предположить, что беем Аланьи в тот период был Хусам эд-Дин Махмуд (историк Калкашанди рассказывает о письме, направленном в 1367 г. правителем Аланьи с таким именем султану Египта)<sup>15</sup>. Тот же правитель помогал эмиру Теке Мубариз эд-Дину Мехмеду в освобождении Анталы от кипрских войск в 1373 г. Бей Аланьи Махмуд ибн Ала эд-Дин известен и из других надписей того времени<sup>16</sup>. Ясно, что в указанный период Аланья в династийном плане была связана не с Теке, а с Караманом, и ее вассальное подчинение Теке относится только ко времени после повторного возвращения династии Теке в Анталю, т.е. после 1373 г. А. Гюзель полагает, что Гайби мог быть сыном как раз указанного Махмуда ибн Ала эд-Дина, союзника Мубариз эд-Дина, эмира Теке. Последний в османских историях часто фигурирует просто как *Теке беги* (также его называют и в «Менакыб-наме»). В таком случае датой прихода Гайби-бея в обитель Абдала Мусы следует считать, скорее всего, 780 г.х. / 1378–1379 г. Так и поступает А. Гюзель. Но Абдал Муса в это время должен был быть уже глубоким стариком и «сорокалетнее служение» у него Кайгусуза опять же превращается в легенду. Если принять эту дату, можно сделать вывод, что Кайгусуз прибыл в Египет либо (в согласии с данными Сыры Баба по христианскому летоисчислению) в 1388 г., либо (в соответствии с указанием «Китаб-и Дильгуша») в 800 г.х. / 1397–1398 г.

Создается впечатление, что первоначальное имя Кайгусуза — Гайби — это тоже не имя, а прозвище, причем суфийского толка (от слова *гайб* — «отсутствие», «забвение», «тайна»). Личным именем Гайби могло быть имя Ала эд-Дин, так как в одном из стихотворений Кайгусуза содержится краткая форма этого имени — Алайи:

Если я стану *ашиком* (странствующим певцом), имя мое — ленивый Алайи,  
 Если же я суфий, то называют [меня] лицемером, двуличным (*мюрайи*)<sup>17</sup>.

Возможно, что Алайи — также прозвище, так как Гайби происходил из города Аланьи, который в средневековых источниках именовали Алайие. Этот *махлас* (псевдоним) встречается еще в одной строке из «Долаб-наме»: «Алайи Гайби здесь не найдет пристанища». Следует сказать, что имя Ала эд-Дин было популярным у беев Аланьи, поскольку они счита-

<sup>15</sup> Güzel A. Kaygusuz Abdal, с. 82. В посвяtitельной надписи в Шарки Караагаче (на стене бани) упоминается некий правитель Махмуд, сын Ала эд-Дина, сына Юсуфа, т.е. Махмуд, вероятно, был внуком того Юсуфа, которого застал в Аланье Ибн Баттута.

<sup>16</sup> Erten S. F. Antalya tarihi. Т. II. İstanbul, 1940, с. 72, 86.

<sup>17</sup> Güzel A. Kaygusuz Abdal, с. 85.

ли, что происходят по женской линии от сельджукского султана Ала эд-Дина Кейкубада I (1219–1236), основателя Аланьи. И все же, чаще всего Кайгуруз использовал в своих стихах тот псевдоним, под которым он и стал известен в Османском государстве:

Имя мое (*адум*) Кайгуруз Абдал, есть у меня только войлок,  
И его я брошу в огонь, что тогда с меня возьмешь?

В семи стихотворениях из «Дивана» Кайгуруз именуется себя «Саррайи». А. Гюзель считает, что это прозвище поэт иногда использовал в память о том, что в детстве и юности он жил в загородном дворце (*саррай*) беев Аланьи, о котором сообщал еще Ибн Баттута<sup>18</sup>. В ряде случаев Кайгуруз прибавляет к своему поэтическому псевдониму слова *мискин* («униженный») и *кул* («раб»), что подчеркивает его суфийское самоотречение. В традиции дервишей-бекташи Кайгуруза именуют с почтением «Кайгуруз Баба», «Кайгуруз Султан», «Кайгуруз Султан Абдал».

Отношения Кайгуруза с египетским султаном находят косвенное объяснение в существовании давних торговых связей между Аланьей и Египтом, что было отмечено Ибн Баттутой. Интересно, что в стихотворениях самого Кайгуруза ничего не сказано о его странствиях по Ближнему Востоку и даже по Анатолии. Судя по данным, содержащимся в «Диване» поэта, можно подумать, что все путешествия Кайгуруза ограничивались османскими владениями на Балканском полуострове. И снова Кайгуруз словно бы «раздваивается» перед нами на «европейского» (автора стихотворного наследия) и «азиатского», или «восточного» (автора некоторых трактатов в прозе и в стихах и героя жизнеописания Баба Кайгуруза). «Европейский» Кайгуруз, похоже, не слишком стеснял себя обетом безбрачия (однако, как мы уже сказали, возможно, все его похождения — литературная игра, не более). Он был в Эдирне, Пловдиве (Филиппополь), Янболу, Софии, Манастире, и везде его ожидали любовные приключения:

В Манастире один [юноша] с непокрытой головой (*баш ачук*)  
Забрал себе мое сердечко (*гёнюльджюк*),  
Он хмурил брови и прищуривал глаза,  
Знал он о том, что он — мой любимчик<sup>19</sup>.

В Манастире (Македония) до сих пор сохранились «колодец Кайгуруза» и «квартал Кайгуруза», что подтверждает реальность его пребывания там. В истории с могилами Кайгуруза мы также наблюдаем «раздвоение»: одна могила поэта находится в пещере на холме Мукаттам в Египте, другая могила (или *макам* т.е. погребение без тела) — в обители Абдала Мусы близ Эльмалы. Надгробие в текке Абдала Мусы не имеет никаких надписей (*китабе*), однако устойчивая местная традиция, идущая со времен Эвлии Челеби, настаивает на том, что Кайгуруз Абдал похоронен

<sup>18</sup> Güzel A. Kaygusuz Abdal, с. 88.

<sup>19</sup> Там же, с. 92.

именно здесь. Слабое место в историко-биографических построениях А. Гюзеля и других турецких историков литературы заключается как раз в этой «двойственности» Кайгусуза: им не удастся создать для его «двойного» образа какую-либо связную биографию, которой наделяются «обычные» исторические деятели. Кайгусуза Абдала, как и многих других суфиев, практически невозможно «поместить в историю», так как суфийская литературная традиция строится по иным законам, чем повествование хронистов, и мировоззрение, которого придерживались суфии, в корне отличается от мышления современных ученых, анализирующих письменные памятники. Для суфиев события, о которых они рассказывали, происходили в вечности («сейчас и всегда»), и потому они обычно не заботились о привязке их к годам правления того или иного султана.

Кайгусуз Абдал был весьма плодовитым автором. Кроме собрания стихов («Диван») ему принадлежат поэмы «Месневи», «Гевхер-наме», «Минбер-наме», «Долаб-наме», «Салят-наме»; стихотворно-прозаические трактаты «Сарай-наме» и «Дильгуша»; прозаические сочинения «Будала-наме», «Китаб-и Мигляте», «Вуджуд-наме». Старейшая рукопись, содержащая поэму Кайгусуза «Гевхер-наме», датирована 895 г.х. / 1489 г. Она хранится в музее Топкапы в Стамбуле и представляет собой сборник произведений различного характера, носящий название «Меджмуа-йи лятифе» («Собрание прелестных историй») <sup>20</sup>. Переписчик этой рукописи — Али ибн Ахмед ибн Эмир Али. Другая старейшая рукопись относится к 900 г.х. / 1494 г. Она переписана в бейлике Кастамону и выполнена неким дервишем Назифом. В настоящее время этот манускрипт находится в Публичной библиотеке Анкары <sup>21</sup>. Он содержит сочинения Кайгусуза Абдала «Дильгуша», «Гулистан», «Сарай-наме» и «Месневи» с двумя продолжениями («второе» и «третье» *месневи*). В Государственной библиотеке Марбурга имеется еще одна ранняя рукопись творений Кайгусуза, переписанная в 907 г.х. / 1501 г. дервишем Али Хорасани. В этот манускрипт включены такие произведения Кайгусуза, как «Сарай-наме», «Месневи-йи Баба Кайгусуз» с двумя продолжениями, «Дильгуша», «Китаб-и Мигляте», «Диван» и отдельные газели, а также по одному стихотворному произведению в формах стихосложения *терджибенд* и *теркиббенд* <sup>22</sup>.

Наличие указанных рукописей позволяет сделать вывод, что письменное наследие Кайгусуза Абдала стало привлекать к себе внимание культурной прослойки Османского государства в конце XV в., когда были приняты шаги по собиранию и упорядочиванию этого наследия. В ранний период письменной фиксации из числа текстов, связываемых традицией с личностью Кайгусуза, наиболее популярным сочинением, судя по всему, являлось «Китаб-и Дильгуша» <sup>23</sup>. В более позднее время наиболее широко представлен в рукописях другой трактат Кайгусуза — «Будала-наме»

<sup>20</sup> Mecmûa-ı Lâtîfe. Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi, Koşular Bölümü, № 950.

<sup>21</sup> Risâle-i Kaygusuz. Ankara Genel Kitaplığı, № 645.

<sup>22</sup> См.: Flemming B. Türkische Handschriften. T. I. Wiesbaden, 1968, с. 326–331.

<sup>23</sup> Это произведение встречается в рукописях 1494, 1501 и 1533 г. («Джами аль-меани»; библиотека «Нур-и Османйе», № 4904).



(«Книга безумца» или «Книга блаженного», другое название — «Делиль-и Будала»). Одна из ранних рукописей этого трактата была обнаружена в Конье, в библиотеке Музея Мевляны Руми (она переписана в 1080 г.х. / 1669 г. и издана М.Эргином<sup>24</sup>). Другая датированная рукопись хранится в библиотеке Стамбульского университета; она закончена в 1170 г.х. / 1756 г.<sup>25</sup> Ее переписчик — Шейх Мехмед-эфенди. Указанное произведение встречается под другим названием и в сборнике, переписанном Вели Баба Султаном ибн Хусейном в 1040 г.х. / 1630 г. и включающем в себя также «Вилайет-наме-и Султан Абдал Муса». Эта рукопись находилась в личной библиотеке шейха бекташи Бедри Нойана. Трактат Кайгусуза носит в этой рукописи название «Пенд-наме-йи Кайгусуз» («Книга наставлений Кайгусуза»). Имеется также рукопись этого произведения в библиотеке братства мевлеви в Конье, датированная 1669 г.

Во всех произведениях Кайгусуза излагается суфийское учение, поданное как откровение автора, без каких-либо ссылок на первоисточники. Основной идеей Кайгусуза можно считать представление о нисхождении Аллаха в мир и его присутствии повсюду (*теджелли*). Человек занимает высшее место среди Творения, для него светят звезды, для него восходит и заходит месяц, для него создан рай со всеми его чудесами-гуриями, деревом-*туба*, источником Каусар. Ради человека вращается «колесо вселенной». Но сам человек должен в мыслях осознать свое высокое предназначение и преодолеть в себе животное начало. Такой человек становится «воином» (*эр*), «человеком знания». Эр обладает животворным дыханием Исы (Иисуса). Его душа озарена и сияет как Солнце. Мирские люди обычно считают подобного человека безумным, но некоторые все же признают его святость. Всё в мире движется любовью:

Этой любовью (*'ишк*) мир просветился,  
С этой любовью вращается купол мироздания.  
От этой любви разбушевались моря,  
От этой любви небо пришло в движение<sup>26</sup>.

Кайгусуз полагал, что все противоположности в действительности дополняют друг друга и сходятся в личности Единого:

Разошлась по городу весть о Единстве,  
Базар Единства [т.е. «мир Единства»] установился на каждом базаре.  
Все воды, что текли, стали розовой водой,  
Пресекая грех и обратился в благодеяние.  
Волк с овцой поселились вместе,  
Вор с князем пошли по одной дороге<sup>27</sup>.

<sup>24</sup> Ergin M. Camiü-l-Meanî'de Türkçe şiirler//Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi. T. III. Sayı 3–4. İstanbul, 1949, с. 539--569.

<sup>25</sup> Delil-i Budala. İstanbul Üniversitesi Kütüphanesi, № 4105.

<sup>26</sup> Цит. по: Güzel A. Kaygusuz Abdal, с. 125.

<sup>27</sup> Там же, с. 126.

«Тело», плоть — ловушка для человеческой души, занавес (*перде*), который создал Господь дабы укрыть им Свой Лик. Подлинная ценность заключается не в оболочке-раковине, а в сути-жемчужине, помещенной внутри нее Всевышним, ибо сама раковина создана ради этой жемчужины. Истину не выразить словами и не найти в словах, иначе все богословы-факихи, изрекающие тысячи слов о божественном, давно бы возвысились до Престола Аллаха (*'Ари*). Человек, познавший себя, становится *'арифом*, «человеком сердца». Сердце человека подобно морю с заключенными в нем мириадами жемчужин. Истина сокрыта «в разбитых сердцах». Внешние атрибуты дервишества не имеют существенного значения, главное — «умереть раньше смерти своей», испить «вино самоотречения» (*би-ходлук шарабы*), избрать своим уделом одиночество. В трактате «Будала-наме» содержится довольно подробное описание странствий души суфия из одной телесной оболочки в другую (правда, это описание носит абстрактный, символический характер и не включает в себя никакого «припоминания» конкретных деталей прошлых перевоплощений, в отличие, скажем, от буддийских джатак). Эти перерождения продолжаются, согласно Кайгусузу, многие тысячи лет: «Сколько раз я взлетал, как облако, в небо; сколько раз проливался, как дождь, на землю; сколько раз я был то травоядным [животным], то пернатым... Сколько тысяч раз я вселялся во всевозможных джиннов. Сколько тысяч разных одеяний (*хил'ат*) я примерял. Сколько тысяч раз я появлялся [букв. «высовывал голову из воротника»] в различных одеждах. Сколько тысяч лет я наблюдал (*гёздюм*) за своими знакомыми, сколькими тысячами имен и прозваний меня нарекали или являлся своим знакомым. В скольких тысячах обличей (*сурет*) я показался!»<sup>28</sup>

Некоторые воззрения Кайгусуза можно сопоставить с космологическими представлениями буддистов и даосов (человек — огромный город; в нем сокрыты бесчисленные драгоценности; все что пожелаешь можно обнаружить внутри этого города). Свои речения Кайгусуз называет, подобно другим суфийским наставникам, «птичьим языком» (*куш дили*), непонятным для непосвященных, непричастных Пути. В «Китаб-и Мигляте» («Книга небылиц» или «Книга околесицы») <sup>29</sup>, связанной текстуально с «Будала-наме», Кайгусуз развивает идею жизни-сна (образ, также характерный для даосизма), описывает видения странника-дервиша (его встреча в пустыне с шайтаном в облике белобородого старца; «дерево ислама», под которым восседают пророки с Мухаммедом в середине; беседы дервиша с имамом Али, появляющимся иногда как бы «изнутри» других пророков — Сулеймана, Исы; поединки дервиша с шайтаном, во время которых они переносятся во времена библейских пророков и в мир после конца света и т.д.). Ряд эпизодов книги напоминает соответствующие легенды из жизнеописания Кайгусуза Абдала (так, в одном сне дервиш видит пророка Сулеймана, преследующего на охоте лань,

<sup>28</sup> Güzel A. Kaygusuz Abdal, с. 133.

<sup>29</sup> От арабского слова *маглата*. Другое предположение о смысле названия этой книги (А. Гюэль) — от слова *миглят* («стрела, пущенная в цель»).

которая скрывается в тени, отбрасываемой дервишем, и проникает в его тело; в другом сне он оказывается при дворе султана Египта и участвует в поэтическом состязании с самим султаном; в третьем сне дервиш видит себя среди многочисленной толпы подвижников, стоящей перед тронном имама Али, — Али велит всем им «открыть глаза», после чего они прозревают все, что происходит на небесах).

Трактат Кайгусуза «Вуджуд-наме» полностью посвящен описанию «космического человека», вмещающего в себя макрокосм, и соотношению частей его тела и самой его жизни с планетами, созвездиями зодиака, временами года, со ступенями духовного познания (*шариат, тарикат, марифат, хакикат*). Кайгусуз говорит, что Творение не должно восприниматься отдельно от Творца. Доказательством этому служит сам факт существования «совершенного человека» (*инсан-и кямиль*). Под этим термином подразумевается «обобщенный» суфийский наставник (*муршид*), точнее, вся совокупность суфийских святых, которые постоянно бродят по миру общим числом в 1350 человек. В этом же трактате содержится обоснование принципа ненасилия (нельзя причинять вред живым существам «ни языком, ни рукой», так как всё в небесах и на земле принадлежит Богу).

В трактате «Дильгуша» Кайгусуз дает определение «плотской душе» (*нафс*): это возникающие в человеческом сознании мысли и мечтания о чем угодно, кроме Истинного Бога. Понятия *джан* («душа») и *Султан* («Царь») в философии Кайгусуза во многом перекликаются с индийскими (брахманистическими) представлениями об Атмане и Брахмане:

Познавший свою суть, познал Истину Истин,  
 Он растворился, но понял, что его суть — вечная.  
 Он воссиял в мире ярко, как Солнце,  
 Сразу весь с головы до ног он стал Светом.  
 Он стал целиком душой, не осталось у него тела,  
 И весь мир склонился перед ним в поклоне.  
 Он сорвал покров (завесу) тела и увидел душу,  
 И внутри души вдруг увидел он Царя.  
 Он узрел Его и обратился лицом во все стороны,  
 Тайна, что во всех сердцах, стала словами на языке.  
 Адаму была оказана честь из-за Него,  
 Он — жемчужина, Адам же — его раковина,  
 Он сделал Адама своей одеждой и облачился в него,  
 Он — тот, кто вещает языком Адама<sup>30</sup>.

Все трактаты Кайгусуза Абдала на первый взгляд кажутся похожими один на другой. Во всех развивается один и тот же «архетип»: описывается приход странствующего дервиша-«философа» на мистическое собрание пророков и его рассказ участникам этого собрания о превратностях, которые испытывала его душа с начала мира. Повествование ведется, как правило, от первого лица и подразумевает личный духовный опыт Кайгусуза:

<sup>30</sup> Güzel A. Kaygusuz Abdal, с. 149.

«Сказанное мной — это рассказ о том, что со мной самим произошло». Согласно Кайгусузу, Истина — это некое движение жизни, ее поток, то, что проявляет себя как жизненная сила в различных ее формах. Без Нее ничто не шлохнется, не сдвинется с места. Искать Истину где-то снаружи, вне себя самого, — значит свидетельствовать о своей оторванности от Нее.

В книге «Сарай-наме» («Книга о Дворце») вся вселенная уподобляется некоему зданию, семь этажей которого поднимаются к небесам, а семь других спускаются под землю. Этот Дворец искусно разукрашен, и на его стенах можно любоваться всевозможными узорами и орнаментами. Строителя этого здания (т.е. Бога) нужно искать не вне, а внутри самого здания. Подобно тому как дворец строится для царя, так и земной мир сотворен ради человека. Настоящий человек постигает мудрость Творения и занимается поклонением Творцу, а человек с натурой животного только и делает, что собирает корм. В Дворце-вселенной происходили все события священной истории, все чудесные деяния пророков. Куда ни бросишь взгляд в этом мире, всюду блистает Свет воплощения Создателя (*Нур-и теджелли*).

Кайгусуз писал большинство своих стихов арабо-персидским метром — *арузом*<sup>31</sup>. В некоторых стихах он подражал народному слоговому стихосложению хедже, пармак, хесабы (эти стихи, по-видимому, предназначались для начинающих послушников-мюридов). Он пользовался символическими образами, разработанными арабской и персидской суфийской традициями («луна», «развалины», «тайна», «живая вода», «вздохи и стоны», «роза и соловей», «мотылек и свеча», «предвечный Шах», «виночерпий и чаша», «сокровищница сердца» и прочие другие топосы). Излюбленной поэтической формой Кайгусуза Абдала была газель (около 500 стихотворений). Одна из газелей Кайгусуза (или приписываемая ему) написана на среднеазиатско-тюркском (чагатайском) языке. Эта газель не отличается особой выразительностью; к тому же автор ее в одной из строк прямо заявляет о себе: «Я — сын таджика, я не знаю тюркский язык», — что едва ли можно отнести к Кайгусузу Абдалу. Кайгусуз творил и в поэтических формах месневи, касыды, терджибенда и теркиббенда, *мустезада*, а также в простонародном жанре *кошма*. Как известно, турецкая суфийская поэзия использовала различные стихотворные формы и не ограничивалась только формами «аристократической» классической поэтики или только народной поэзией. Жанр произведения был тесно связан с его формой и содержанием. Некоторые стихотворения Кайгусуза и в прошлом и в настоящем исполняются как духовные гимны (*иляхи*), и, вероятно, они были специально написаны для этой цели:

Соловью нужен розовый цветник,  
 Попугай нуждается в сахаре,  
 Меняле надобна драгоценность,  
 Нет Бога, кроме Аллаха!  
 У кого имеется душа — тот и знает душу,

<sup>31</sup> Ergun S. N. Halk edebiyati antolojisi. İstanbul, 1938, c. 172.

Человека познает только человек,  
Всякая тайна ведома Царю,  
Нет Бога, кроме Аллаха!  
Весь мир был личностью (*зат*),  
Был он Морем мудрости,  
Был он свиданием с Истиной,  
Нет Бога, кроме Аллаха!  
Будь чистым как золото,  
Воплотись явно как день,  
Зови Лейли подобно Меджнуну,  
Нет Бога, кроме Аллаха!  
Поминай Аллаха Величайшего,  
Вознеси благодарность Аллаху,  
Задумайся над этими словами,  
Нет Бога, кроме Аллаха!<sup>32</sup>

В стихах Кайгусуза Абдала часто восхваляется пророк Мухаммед, нигде однако не выступающий у него как персонаж «Троицы», верование в которую впоследствии стало неотъемлемой частью учения бекташи. Кайгусуз в своих произведениях не обращает никакого внимания на земную биографию Мухаммеда и говорит только о его «скрытом» облике, о его предвечном существовании и о том, что пророк стал основой всего Творения, обоих миров. Нередко Кайгусуз называет пророка «райским» или «тронным» именем Махмуд. По сути, Кайгусуза интересует только «душа Мухаммеда», а не его земная биография. Именно с этой душой Кайгусуз пытался вступить в общение на могиле пророка в Медине.

Интерес Кайгусуза к временам сотворения мира и к «предыстории» земной жизни весьма показателен. Он стремился доказать, что между Богом и человеком не существует пропасти, что сущность человека неразрывно связана и соединена с Богом.

В учении Кайгусуза непросто выделить какие-либо специфические шиитские черты. Его облик, представленный в «Менакыб-наме-и Баба Кайгусуз», — это облик бродячего дервиша-абдала: «Тот проповедник посмотрел со своего сиденья и напротив себя увидел Баба Кайгусуза. Сидит перед ним дервиш с полностью выбритой бородой, голый и обожженный [ветрами, лучами солнца] и плачущий (*гирьян*). Проповедник стал кидать камни в его огород: — Тот, кто сбрил бороду, кто ходит голым, в рай не войдёт! — говорит он»<sup>33</sup>. Кайгусуз праздновал Навруз как праздник возрождения природы, но это характеризует его скорее как «пантеиста», чем как приверженца шиитского учения<sup>34</sup>. Взгляды Кайгусуза на перерождение и «вечное возвращение» душ людей, нашедшие отражение в его сочинениях типа *деврийе* («круговращение»), которые вошли составной

<sup>32</sup> Güzel A. Kaygusuz Abdal, с. 187.

<sup>33</sup> Güzel A. Kaygusuz Abdal, с. 208–209.

<sup>34</sup> Güzel A. XIV–XV. yüzyıl Türk edebiyatında Nevruz ve nevrüziyeler// Türk kültüründe Nevruz uluslararası bilgişöleni sempozyumu (20–22 Mart 1995, Ankara). Bildirileri. Ankara, 1995, с. 95–104.

частью в его поэмы «Гулистан» и «Месневи», во многом перекликаются с воззрениями крайних шиитов (*гулат*) и гностиков раннего христианства. Кайгусуз был привержен очень распространенному и среди шиитов и среди суфиев символическому толкованию (*та'виль*) тех или иных образов. Ему принадлежат не менее девяти загадочных стихотворений-«небылиц» в жанре «бессмысленных речений» (*шатхийе*), в которых на самом деле заключены глубокие суфийские истины. Обычно Кайгусуз Абдал пользовался простым и доступным разговорным староосманским языком для выражения самых сложных философских и религиозных понятий. Он употреблял также многочисленные пословицы и поговорки, ходившие в турецком народе в ту эпоху. Часто стихи Кайгусуза звучат как наставления, обращенные к послушникам:

...Будь вровень с землей, смотри, не возгордись!  
 Не говори лишних слов сверх меры.  
 Где увидишь несчастного, подай ему руку,  
 Так поступали зачинатели этого Пути!  
 Будь розой на этом Пути, не будь колючкой,  
 Не становись врагом бедняге, идущему по Пути!  
 Приди, *талиб*, стань слушающим, открой глаза,  
 Обнаружь себя, покажись [букв. «зажурчи»], где ты есть!<sup>35</sup>

Иногда наставнические ноты принимают в стихах Кайгусуза более торжественное звучание:

...Придите, о те, кто возгорелся желанием встречи с Душой,  
 Те, кто разрушил прочность своего существования,  
 Те, кто явно узрел душу в теле,  
 Те, кто слёзно молятся при каждом земном поклоне,  
 Те, кто ясно видят Истину во всех вещах,  
 Те, каждый вздох которых исходит от дыхания Истины!<sup>36</sup>

В тех же целях часто используется Кайгусузом прием диалога, и стихотворение строится по типу «вопрос-ответ». Это помогает доходчиво разъяснить суфийское учение, избегая излишней дидактичности, и сохранить живой интерес слушателей к передаваемым истинам (тот же прием Кайгусуз нередко применял и в прозе):

Я спросил сегодня у водяного колеса,  
 Сказал я: Почему ты погружаешь лицо свое в эту воду?  
 Почему твое сердце разбито, твои глаза в слезах,  
 Как случилось, что свалились на тебя такие тяготы?  
 Нет тебе покоя, и днем и ночью ты крутишься,  
 И проливаешь из своих бедных глаз кровавые слезы...

<sup>35</sup> Güzel A. Kaygusuz Abdal, с. 235.

<sup>36</sup> Там же, с. 238.

Колесо отвечает: О, свет моих очей!  
Отверзи свой слух, услышь мой ответ...<sup>37</sup>

Иногда поэт описывает свое растерянное состояние, наступившее вслед за осознанием им мистических истин, и ощущение невозможности поведать об этом другим людям:

Не знаю, я ли тот, кто говорит всё это,  
Возлюбленный ли я, тело ли я, душа ли я?  
Кто я, сам не знаю о себе ничего,  
Я стал юродивым (*диване*), и вот, нет мне покоя<sup>38</sup>.

Очень часто поэт прибегает к повторам, которые помогают ему эмоционально усилить высказывание и сделать его более значимым. Кайгусуз, как и другие его современники, любил рифмованную прозу (*садж*) и нередко использовал ее в своих трактатах. В так называемых «небылицах» Кайгусуз строит рассказ с помощью приема иносказания (перевести эти стихи на другой язык необычайно трудно).

Кайгусуз Абдал пользуется религиозными понятиями, привлекает цитаты из айатов Корана и хадисов лишь для того, чтобы подкрепить ими те или иные положения суфийского учения. Бога он часто называет *Тенгри*, *Чалаб*, *Худа*, *Кирдар*, то есть словами, которые служили у тюрков и иранцев и для обозначения доисламских божеств. Употребляет Кайгусуз и мусульманские эпитеты Аллаха, например, *Кадир* — «Всемогущий», *Гани* — «Богатый», *Баки* — «Вечный», *Керим* — «Щедрый» и другие. Иногда Кайгусуз разговаривает с Творцом в шутовой манере, без церемоний, как с близким другом (особенно в стихотворениях в жанре *шатхийе*):

Молодца называют по имени,  
Говорят — такой-то, сын такого-то,  
У Тебя же нет ни отца, ни матери,  
На что же Ты похож, Господь?  
Ты создал мост тоньше волоса,  
Предлагая рабам своим перейти через него,  
Лучше уж мы постоим в сторонке,  
Если Ты — смельчак, пройди-ка сам, Господь!<sup>39</sup>

Кроме имени Тенгри, другие древнетюркские (доисламские) реалии в произведениях Кайгусуза обнаружить достаточно сложно. Историю сотворения мира он излагает в соответствии с ближневосточными представлениями (разве что Бог велит у него ангелу Джебраилу передать Адаму приказ покинуть рай по-тюркски, чтобы тот понял). Кайгусуз считал, что образы ангелов рая «отразились» на лице первочеловека в виде органов чувств: слух подобен Микаилу, зрение — Азраилу, обо-

<sup>37</sup> Güzel A. Kaygusuz Abdal, с. 240.

<sup>38</sup> Там же, с. 241–242.

<sup>39</sup> Там же, с. 269.



нение — Исафилю, дар речи и вкуса — Джебраилу. Среди пророков (помимо Мухаммеда) особое место в творчестве Кайгусуза занимают Адам и Сулейман (Соломон). Последний предстает в «Китаб-и Мигляте» сначала на корабле, плывущем по Красному морю в Йемен, а затем — на волшебном острове, где он царит над дивами, пери, джиннами, *ифритами* и время от времени взлетает на своем троне, несомом ветром, в царство птиц, которые также послушны его воле. Иногда к сонму пророков поэтом-суфием причисляются и другие лица, не связанные в сознании мусульман с пророческой традицией (древнеиранские герои, персонажи «Шах-наме» — Хосров, Сам, Нариман; исторические личности — султан Махмуд Газневи и его фаворит Айаз и т.д.). В трактате «Будала-наме» рассказывается о Судном дне (*субх-и кыйамет*). Там утверждается, что люди, погнавшиеся за мирскими благами, воскреснут в этот день кто в облике осла, кто в образе коровы, кто — свиньи, кто — обезьяны, кто — змеи. Это случится с ними, так как они не прилепились при жизни к совершенному наставнику. В тот день Истинный Господь явит Свой Лик, «подобный полной луне». Господь напоит праведных вином вечной любви. Тогда наступит пора вечного блаженства. В некоторых произведениях Кайгусуза содержатся указания на то, что Бог простит всех людей без исключения («Китаб-и Мигляте»).

Рай описывается Кайгусузом в целом в духе мусульманской традиции, хотя иногда для его обозначения употребляется тюркское слово *учмак* (*секиз учмак* — «восемь раёв»). Ад также кое-где обозначается тюркским термином *таму*:

Рай и Ад (*Учмаг иле Таму*) соединились,  
Стать Единым в Одном — вот это мужество<sup>40</sup>.

По мнению Кайгусуза, подлинное значение религиозных догматов и установлений может быть понято только после того, как человек спасется «из ловушки этого мира», достигнет «места вне пространства» (*ля-мекян*) и с глаз его спадет пелена заблуждений. В силу его «экстатического» подхода ко всем нормам жизни, для Кайгусуза догматический ислам не представлял особого интереса и все его положения мыслились метафорически:

Я — та бессмертная Душа, я — Солнце и я — облако,  
Смотри, я — за облаками, разве я не льющая свет Луна?  
Я — аскетизм и поклонение, вот я — хадж и милостыня,  
Посмотри на меня с преданностью, разве я не Свет веры?  
Я — неверие, я — вера, я — Душа во всём сотворенном,  
Спроси у того, кто отрицает, разве я не сомнение и подозрение?<sup>41</sup>

<sup>40</sup> Güzel A. Kaygusuz Abdal, с. 287. Здесь Кайгусуз Абдал затрагивает концепцию монизма, распространенную в философских учениях восточных мистиков различного толка (адвайта-веданта, даосы и т.д.).

<sup>41</sup> Там же, с. 299.

О. Дерменджи (Украина, Киев)

# Ономастикон Украины в свете тюркской теории цветовой ориентации географических названий

В украинской топонимике часто встречаются названия, составную часть которых составляет цвет. Целью статьи является постановка вопроса о геополитическом значении цветового компонента географических названий, в чем нам, бесспорно, может помочь тюркская цветовая ономастическая теория. Применение этой теории к интерпретации украинской топонимике позволяет под иным углом взглянуть на геополитические реалии исследуемого явления и определить ранее непонятные содержательные компоненты украинского ономастикона. Ведь на современном этапе не вызывает сомнений факт тюркских и славянских взаимных влияний на этимологию и этнологию южной Украины.

## Семантика цветов

Исследования цветовой семантики были популярной темой в научных кругах в первой половине XX века. Подтверждают это труды В. Лёвенталя [16], Ф. Вуда [25], В. Риверса [22], И. Шульца [23], Д. Катца [12], М. Лукиша [17], Э. Кобера [13], Ф. Боаса [3], Д. Фестера [4], Г. Гаупта [9], Г. Герне [10], Г. Вебстера [24] и др., в которых анализировались символика и значение цветов в славянской, древнегреческой, средневековой европейской, индийской и других культурах.

Впервые на символическое значение некоторых цветов в тюркской культуре и истории обратили внимание европейские ученые А. Альфёльди (Венгрия) [1] и Аннемари фон Габайн (Германия) [5], которые в своих работах обобщили достижения мировой тюркологии в этом вопросе.

Решат Генч из всех семантически обусловленных цветов тюркской культуры особенное значение придает трем: «Наш народ в каждой сфере своей жизни большое значение придавал цвету. И эти цвета имеют большое содержательное значение. В разных украшениях, ласкающих глаз, на протяжении всей истории особенно широко используются желтый, красный и зеленый цвета. Именно эти три цвета являются носителями духовных знаний о давних верованиях и стали национальными симво-

лами. Об этих цветах написаны песни и стихи, прибаутки и частушки, о них поют в колыбельных. В украшении домов, дворцов, мечетей, на флагах, в одежде, на свадьбе, на коврах — одним словом, везде, во всем, что имеет ценность и несет какое-то смысловое значение, использованы эти цвета» [8, с. 57].

Фуат Кёпрюлю также отмечает большое значение желтого, зеленого и красного цвета в тюркской геральдической традиции: «Исторические документы свидетельствуют о том, что в разные периоды истории эти цвета использовались на флагах, гербах и, особенно, символах владения по одному или в различных соединениях» [14, с. 416].

Немецкая исследовательница Ильзе Лауде выделила общую для всех тюрков цветовую гамму, которая имела не только культурное, но и нациообразующее значение: «Среди многочисленных названий цветов в тюркских диалектах черный (kara), белый (ak), красный (kızıl), зеленый (yaşıl-yeşil) и желтый (sarığ-sarı), в отличие от бурого (boz), пегого (ala), сивого (kır), голубого (kök-gök), везде распространены и используются во всем. Универсальность этих пяти цветов, вместе с очевидной их многозначностью, указывает на определенную ограниченность цветового содержательного компонента денотата для определенных поколений» [15, с. 53].

Поскольку любая работа по топонимии касается пояснения этимологии взятого из других (в данном случае — тюркских) языков, считаем необходимым ознакомить читателя с семантическим значением главных пяти цветов тюркской космологической системы, описанных в статье Алев Кягья Биргюль [2, с. 163].

**Белый** (ak, beyaz). Под влиянием определенных духовных представлений одного из ранних верований тюрков — шаманизма белый цвет приобрел значение величия, справедливости и силы. Также вместе со значением чистоты, избранности, верховенства он связывается со старостью, опытом, мудростью. Он был символом величия, силы и справедливости государства. Это цвет одежды государственных деятелей, особенно во время войны. Командиры одевались в белое, чтобы отличаться от солдат в военных подразделениях. Предполагается, что военная форма гуннских полководцев и главнокомандующих была белого цвета. Из эпосов мы узнаем, что султан Альпарслан специально одевался в белое, когда воевал. Багаеддин Огель сообщает, что поскольку флаг султаната был белым, то белый флаг также назывался главным флагом [19, с. 377].

**Красный** (al-kızıl-kırmızı). Известно, что в системе религиозных представлений древних тюрков существовало божество или дух огня, называемый «Красный дух» или «Красный огонь» (Al Ruhu, Al Ateş). Использование тюрками с древних времен красного стяга связывается с рудиментами культа этого языческого божества. Слово «yalav», которое казахи и киргизы используют для обозначения флага, собственно, этимологически родственно слову «alav-alev» (пламя). Абдулькадир Инан считает несомненной связь красного цвета с понятием божества (Al Ruhu)

[11, с. 265]. Красный цвет часто использовался на флагах и стягах тюрков и стал государственным символом флага тюрков-османов.

**Зеленый** (yeşil). Согласно тюркской мифологии, одним из семи имен доброго божества Ульген, от которого, по верованиям, зависели выращивание и рост растений, было имя Яшил Каан (Yaşıl-Yeşil Kaan) [20, с. 272]. С другой стороны, древние тюрки считали началом года время, когда происходило два природных явления. Первым из этих явлений было появление травы, а другим — громы и молнии. Слово «yaş» означало как влагу, так и растительность, которая оживала от воды (в том числе и дождя). Таким образом, слова «yaşatmak» (мокнуть, быть мокрым), «yeşertmek» (зеленеть) и даже «yaşamak» (жить) оказывались близкими по значению. Отсюда «yaşıl» и «yeşil» становились синонимами и обозначали зеленый цвет. Тюрки использовали зеленый цвет на флагах как из-за древней традиции, так и под влиянием ислама.

**Желтый** (sarı). Согласно верованиям древних тюрков, желтый цвет был символом центра земли. Поскольку в центре страны, государства, мира находился золотой дворец, в котором на золотом троне сидел добрый бог Ульген, то и желтый цвет золота мыслился как символ центра мира. Кроме того, Решат Генч отмечает, что среди шаманских богов древних тюрков был дух по имени Сары Албасты (Sarı Albastı-Sarı Albis) [8, с. 35].

Желтый флаг был государственным символом у гуннов, уйгуров, караханидов, казанских татар. Желтый в соединении с красным был цветом флага Бабур-шаха, мамлюков и османов. А желто-красно-зеленый триколор был символом тюркской аристократии начиная со времен Гёк-тюрков. Интересным подтверждением этому стала археологическая находка Сергея Киселева, который во время Сяно-Алтайской экспедиции возле Туэкты исследовал курган с захоронением. Сверху мужского скелета были найдены остатки трех слоев одежды, верхний из которых был из темно-красной, средний — зеленой, а нижний — из желто-золотой шелковой ткани [30, с. 165].

Соединение желтого, красного и зеленого цветов было государственным символом и использовалось для флагов Сельджукского и Османского государств. Махмут Шевкет-паша замечает, что эти три цвета вместе присутствовали в солдатском обмундировании османских времен и в оформлении орденов и наград за смелость и мужество на войне [18, с. 38].

**Черный** (kara). Кроме севера означает суровую зиму, землю, почву, старость, злых, нечистых духов. Черным был флаг Хорезмшахов.

Исследовательница древних тюрков Аннамари фон Габайн пришла к выводам, что некоторые цвета, используемые в тюркской топонимике, имеют локализационное значение. В работе «Символическое значение цветов» [5] Габайн замечает, что белый цвет (ak) в названии, кроме аксиологического позитивного значения «добрый», употребляется для обозначения запада или нахождения названного предмета на западе. Аналогично черный цвет (kara), кроме аксиологического негативного значения, используется для обозначения севера. Семантически менее наполненный красный цвет (kızıl, al, kırmızı) связан с югом, голубой

(gök) обозначает восток, а желтый (sarı) — центр. Эта космологическая система, созданная уйгурами, по мнению Габайн, признавалась китайцами, тюрками и монголами. Вместе с тем в труде «Тюркские Турфанские списки» Габайн замечает следующее: «Идея деления мира на четыре стороны и привязывания их к определенным цветам не осталась исключительно в кругу китайского, тюркского и монгольского языков. Кроме них, примеры использования цветов для обозначения сторон света, хоть и не идентичные уйгуро-тюркским, мы встречаем в Ветхом завете, в текстах хеттов, индейцев северной Мексики, майя, древних египтян, греков и римлян» [6, с. 95].

Почти одновременно с Габайн на особенное значение цветового компонента в географических названиях обратил внимание и советский исследователь Е. Кочубаев [32]. Казахскому ученому удалось выделить наиболее употребляемые на территории Средней Азии «окрашенные» топографические компоненты — ак, кара, кок, сари. Кочубаев выступил против прямой буквальной интерпретации этих названий как белый, черный, голубой и желтый соответственно. Стараясь дать цветокомпонентным топонимам альтернативное пояснение, он апеллировал к исторической редукции (*ак* от *акар*, то есть «текущий» для гидронимов), уподоблению по внешним приметам (поскольку большинство анализируемых Кочубаевым топонимов с компонентом *кара* были горами или высотами, то исследователь предположил наличие деноативной связи). Похожие взгляды на интерпретацию топонимических составляющих *ак* и *кара* высказывали А. Кононов [31] и Э. Мурзаев [35; 36].

Наименее проясненными в системе Кочубаева остались компоненты *сары* и *кок*, которые он интерпретировал на почве омонимии: фонетическую подобность слова *сара* от иранского «сар» — главный или тюркского «сара» — ясный; а альтернативным к «голубому» значению слова *кок* было определено значение «небесный».

Очевидно, что этимологическая система, предложенная Е. Кочубаевым, несовершенна: например, вопросы вызывает применение интерпретации компонента *ак* как «текущий» или «полноводный» к названиям, не являющимся гидронимами (ср. перешеек Акманай в Крыму). К тому же, если определяющим денотатом компонента *кара* считать значение «гора», то предположение ученого относительно второго значения термина как «простой» или «обычный» кажется бесосновательным.

Однако определяющей является сама постановка вопроса о цвето-содержащем компоненте топографических названий. При сопоставлении выделенных А. фон Габайн и Е. Кочубаевым цветовых компонентов заметна общность в выделении слов «ак», «кара», «кёк» и «сары». В системе Кочубаева присутствует «небесный» цвет «кок», поясняемый на основе доисламских языческих верований тюрков. Вместе с тем на двоякое употребление слова «kök-gök» в тюркских языках обратил внимание Решат Генч: «Цвет *gök*, как и в современном языке Турции, часто использовался как для обозначения цвета зеленого, так и цвета голубого или синего» [8, с. 5]. Такого же мнения придерживается и Ильзе Лауде, кото-

рая допускает возможность эквивалентного использования для обозначения запада зеленого и сине-голубого цветов. Апеллируя к подобности зрительного восприятия, она замечает: «Вместо зеленого (yaşıl — yeşil) может использоваться также и голубой (kök-gök), таким образом, синий и зеленый, то есть цвет неба и травы, кажется одинаковым» [15, с. 86].

Единственным цветом, описанным Габайн и отсутствующим в исследовании Кочубаева, является красный. Почему казахский ученый не включил его в свою работу, остается только догадываться, поскольку топонимика Средней Азии наполнена названиями с цветовым компонентом *кызыл* (пустыня Кызылкум (бинарная оппозиция к Каракум), ойконом Кызыл-Кыя, ущелье Чон-Кызыл-Суу и др.). Возможно, причина этому — политическая конъюнктура, а именно использование советской властью красного цвета с семантической нагрузкой «коммунистический».

## **Топонимия Украины в свете тюркской теории цветов**

Благодаря тому что многочисленные тюркоязычные племена пребывали на территории современной Украины на протяжении длительного исторического периода, украинский топонимикон содержит немало названий тюркского происхождения. На это обращено внимание в коллективной монографии «Гидронимия Украины в ее межъязыковых и междиалектических связях» [26], где указано, что «наибольшей по объему среди гидронимов Украины неславянского происхождения является группа тюркских названий, распространенных в степной и пристепной зонах Украины» [26, с. 162]. Это наблюдение особенно касается южных районов — Причерноморья и Приазовья, где тюркские названия имеют не только мелкие гидрообъекты, но и значительные по размерам реки.

В этой работе также сделана попытка локализации тюркских по происхождению названий гидрообъектов на территории Украины. Согласно исследованию, в северном направлении характер распространения тюркизмов постепенно изменяется. В районах средней лесостепной Украины эти названия численно уменьшаются и обозначают преимущественно небольшие гидрообъекты. Это касается в первую очередь правобережья Днепра.

Северная граница ареала тюркизмов на Правобережной Украине проходит по территории Винницкой и Черкасской областей, не поднимаясь выше Винницы и Черкасс. Отдельные тюркские гидронимы фиксируются севернее этой линии только на территории Надднепрянского правобережья. Западная граница распространения исследуемых названий также не выходит за границы Винницкой области. Уже в гидронимиконе Буковины — области, порубежной с северопричерноморским ареалом тюркской топонимии, — они неизвестны, тут встречаются только единичные ойконимы тюркского происхождения.

В Левобережной Украине можно отметить, что граница ареала гидронимов тюркского происхождения проходит через всю Полтавскую область и Левобережную Черкасшину, выдаваясь бассейнами Сулы и Псела до Черниговщины. Отдельные гидронимы известны также в гидронимиконе Левобережной Киевщины. Кроме того, в Среднем Левобережье они попадают не только среди наименований небольших гидрообъектов, а в некоторых случаях обозначают и большие реки.

Известный польский языковед Я. Розвадовский утверждал, что наиболее стойкими среди всех географических названий являются названия рек, которые издавна играют роль важных ориентиров. Принимая во внимание определение гидронимов как определенных носителей географическо-номенклатурной памяти, можно считать обозначенный на основании анализа украинского гидронимикона ареал распространения тюркоязычных названий, определяющим также и в более широком значении, а именно — как ареал распространения тюркских по происхождению топонимов вообще. Такому подходу способствует и то, что большинство составных гидронимов содержит в своем составе номенклатурные слова, принадлежащие к топонимам, то есть обозначают горы, скалы и т.п. Указанная особенность тюркской топонимии вызвана спецификой кочевой жизни бывших тюркоязычных племен южных областей современной Украины. Частое перемещение по огромным степным просторам и необходимость в ориентировании вызвали необходимость детального изучения степного ландшафта и природы степей, большого количества названий-ориентиров, функцию которых лучшим образом исполняли названия разного рода гор, возвышенностей, урочищ и т.п.

Выделение тюркского слоя в топонимии Украины в большинстве случаев не составляет трудности и базируется на этимологической прозрачности частей тюркских топонимов, на присутствии в их составе номенклатурных слов или характерных морфем. Значительно более сложной проблемой, возникающей при исследовании тюркской топонимии Украины, является проблема определения конкретного тюркского языка, на основе которого возникло то или иное название и, соответственно, время его возникновения. Слой тюркской топонимии Украины формировался многочисленными тюркоязычными племенами (гуннов, болгар, аваров, печенегов, половцев, ногайских и крымских татар, турков), начиная с IV в. и заканчивая XVIII веком. Хотя уже О. М. Трубачев подчеркнул архаический характер многих названий тюркского происхождения, заметив их связь с половецкой апеллятивной лексикой, сохранившейся в письменном памятнике XIII в. «Codex Cumanicus» [50, с. 273]. А. И. Попов, апеллируя к большой схожести почти всех тюркских языков и подвижности тюркских кочевых племен IV–XVII вв., замечает типичность тюркской топонимии: «такие названия, как Ташлык, Талдык, Тараклы и под., можно найти почти в одинаковой форме на огромных просторах от Бессарабии и Киевщины до Средней Азии и Памира» [40, с. 6]. Данное замечание касается также и «окрашенных» композитов географических названий.



Анализ ономастического комплекса лексики позволяет определить как спектр, так и особенности использования цветового компонента названия в топонимах, гидронимах, ойконимах, этнонимах и т.д. Этот анализ по своей сути должен основываться на локализационном и этиологическом принципах. Ономастический материал должен быть строго локализован, иначе, как заметил О. Стрижак, выведенные на его основе характеристики будут по своему пространственному проявлению далеки от истины, что, конечно, приведет к искажению культурно-исторических и других выводов [43, с. 4].

Топонимы, составными частями которых являются слова, несущие в себе семантику цвета, широко распространены на территории Украины. Некоторые из них образуют пары или комплексы, другие утратили связь с соотносительными с ними географическими объектами и употребляются самостоятельно. Как пример бинарных оппозиций можно назвать гидронимы Карасе и Аксу (Одесская обл.), Акташ и Кызыл-Таш (бас. Кальмиуса), Акчокрак и Карачекрак (Одесская обл.), Кара-Бугаз и Каролина-Бугаз (две косы в дельте Днестра) и др. Богата на парные названия топонимия Крыма: Кара-Коба / Кизил-Коба, Кара-Коджа / Ак-коджа, Ак-Кулла / Кулла / Карачора-Кулла, Акчора / Карачора / Куль-Чора и т.д. Существуют также латентные оппозиции: левый приток Днепра, река Чёрна протекает рядом с Билозиркой (старое название — Аксу), а правый приток Днепра река Чёрна — рядом с Бильенькой (тюркское название — Акгёль). С другой стороны Билозирки (Аксу) протекает Карайтебень Быстрая (Карачекрак).

По наблюдениям Т. М. Возного, составные топонимы с адъективной частью, обозначающей цвет, составляют наибольшую часть топонимов юга Украины (немного больше 30%) [52, с. 72]. Наиболее часто географические термины в тюркской топонимии выступают в роли второго компонента составных образований, первой частью которых может быть прилагательное, числительное или существительное. Чаще всего встречаемый на территории Украины композит-прилагательное, являющееся первой частью топонима, это прилагательное *кара* (вариант — *каран*), например, в названиях Кара-Корсак, Кара-Чалган, Карабила (Корабельна), Карадай, Каракайка, Каратуль, Каракурт, Карасулак, Карачокрак, Каратузка, Карансу, Каранья-Кир и многие др. Распространенность этого прилагательного в украинском топонимиконе обратила на себя внимание исследователей, которые высказали мнение, что компонент *кара* в составе географических терминов и топонимов тюркоязычных территорий может иметь и номенклатурное значение [31; 35; 36]. Например, определяя этимологию гидронима Карачекрак (впадает в Каховское водохранилище), В. Фоменко заметил: «Карачекрак имеет совсем не черную, а, наоборот, очень прозрачную воду, потому что ее наполняли не мутные воды с поверхности, а много источников из-под земли» [53, с. 44]. О. Стрижак относительно этого же гидронима, говоря о справедливости критики прямой интерпретации композита *кара* как «черный», высказал обобщение: «Почти ни в одной из рек, названия которых вклю-

чают этот компонент, вода не черная, а в Карачекраке вода “пресная и прозрачная” [43, с. 43]. Ученый также отвергает пояснение Э. Мурзаева, где *кара* связано с землей, почвой, но соглашается с Кочубаевым, который трактует *кара* как холм, т.е. Карачекрак — «речка под горой». Такое пояснение тоже не кажется убедительным, поскольку Кочубаев сформулировал свою теорию пояснения композита *кара* исключительно для топонимов, замечая, что *кара* в гидронимах может иметь значение «простой, обычный».

В. А. Никонов утверждает, что именно реальное, а не переносное значение является начальным в образовании имени собственного: «Каждое поколение людей, каждая эпоха, историческая формация вносили свои особенности в систему существующих названий, но, несмотря на это, тот самый древний способ образования имен собственных из слов общих сохранился на протяжении всей истории человечества. И именно в этом многотысячелетнем способе отображения реальных, а не переносных — метафорических, символических, фантастических и других придуманных явлений и особенностей одна из наиболее интересных черт топонимии для географов» [54, с. 11].

Таким образом, как и в случае с другими географическими объектами, в названиях которых встречается указание на цвет, более обоснованной представляется геополитически ориентированная ономастическая мотивация названия объекта.

Кроме компонента *кара* другие «окрашенные» композиты — это ак (Акчокрак), Кызыл (Кызыл-Таш) и Сары (Сарабаш, Сар-Яр или Сары-Яр).

Много гидронимов с «желтым» компонентом в названии находится в Днепро-Бугском междуречье, на Запорожье и Херсонщине. Более всего известен приток Ингульца Желтые Воды. Кроме него встречаются р. Жовта (левый приток Днепра), Желтушка (р-н Знаменки). Ниже дельты р. Орели находится озеро Желтое, возле которого есть озера Белое, Вороное, Красное и Голубое.

При относительно незначительном распространении на территории Украины топонимов с «желтой» составной частью названия, достаточно широко представлены топонимы так называемого «золотого цикла». (Как было указано выше, в мифологической системе древних тюрков желтый и золотой цвета были синонимами.) О. Стрижак пришел к выводу, что «положенные на карту географические названия “золотого” цикла Украины сгруппировались, в общем, в два, если не брать во внимание промежуточный “рассыпанный” надднепрянский, основные ареалы (территории сгущения)» [44, с. 16]. По наблюдениям этого исследователя, первый из этих ареалов (и одновременно наиболее насыщенный) — это надднепрянский как часть прикарпатского. Тут находятся речка Золота Липа (которая к тому же принимает воды речки Белой), поток Золотой (левый приток Днестра). К ним близки села Золотой Поток, Золотая Слобода, Бильче-Золоте, Золотники и др.

Другим выразительно «золотым» ареалом является донецкий или приазовский. Тут расположены Золота Криница, Золота Нива, Золотые

Пруды, селение Золотое и др. Показательно, что эти ареалы совпадают с локализацией достаточно значительных тюркских объединений на территории Украины: на Прикарпатье это кипчаки, а в Приазовье — ногайские татары, которые «золотыми» метками обозначали свои геополитические центры.

В «Этимологическом словаре летописных географических названий Южной Руси» [55] среди всех топонимов с композитом, обозначающим цвет, больше всего упоминаний о тех, которые содержат прилагательное «белый» (Белая Вежа, Белгород, Белобережье, Бельск, Белка и др.). Важно в этом контексте также и время, к которому принадлежат эти упоминания, и, соответственно, период активного использования указанного названия. Контекстуальный анализ показывает, что вместе с топонимами Белгород и Красен встречаются упоминания о русичах и половцах, что свидетельствует об общем использовании ареала этими двумя племенами: «1136, паки же Олговичи, с Половци переидоша Днѣпр... и почаша воевати Трьполя, около Красна, и Васил(ь)ева и до Белагорода» (~1425 г., Ипатьевский список) [39, с. 299]. Эта общая ареальная принадлежность дает основания для интерпретации этих названий в свете тюркской теории цветового компонента названий.

Составители «Этимологического словаря» среди вариантов этимологии названий «белого» цикла подают версии географической координации цветового композита. Но эти версии носят маргинальный характер и общего взгляда в этом вопросе не формируют. Например, в комментарии к такому ареальному топониму, как Белобережье, который носит выраженный характер географического ориентира, то есть описывает определенную территорию, допускается возможность на указание стороны света, но для сравнения приводится сербская интерпретация аналогичного топонима как «южный берег» (последнее само по себе является интересным материалом в аспекте определения аутентичности балканской номенклатурной традиции или вектора геополитической ориентации).

В другом подобном случае с ойконимом Белгород географически ориентированная версия Трубачёва (Белгород — это «город на западе от Киева») отрицается составителями на основании отсутствия бинарной оппозиции восток—запад [55, с. 28]. Имплантация теории цветовых географических координат предусматривает не только бинарную, но и четырех-пятикомпонентную оппозицию (белый-черный-зеленый (голубой)-красный-желтый). В этом вопросе мы имеем разноуровневый процесс, предполагающий образование подобной географической координации в определенной этнической (тюркской) среде, адаптацию (перенос и усвоение) топонимов этих географических координат в другой этнической (славянской) среде, явность письменных свидетельств о процессе и в конце концов актуализацию названий, связанную с интенсивностью ее использования в определенный исторический период. Поэтому вывод о единичности названия, содержащего цветовой компонент, должен основываться на всестороннем диахронном анализе топонимики региона.

Возможность того, что ойконим Бела́я Церковь (Киевская обл.) является калькой ойконима Ак-Мечеть, высказывается в коллективной монографии «Топонимия Крыма». Более того, тут находим предположение о том, что оба названия (Белая Церковь и Ак-Мечеть) могут быть калькой какого-то третьего названия, например, названия хазарского города Саркел, известного в славянской транскрипции как Бела́я Вежа [48, с. 42].

Уже в 1837 году Н. Надеждин предположил, что «украинские Беле Вежи принадлежат народу нерусскому, который под именем хазар или козар владычествовал некогда в Донской и Днепровской волостях нынешней России» [Цит. по: 48, с. 42]. Подтверждение тому находим в летописях: «придоши Беловежці, си єсть Козаре, в Русь» (XVII в., Густинская летопись) [39, с. 291]. В свете теории цветовой ориентации названий возникает вопрос соответствия, ведь хазарское название Саркел, которое славяне назвали Белой Вежей, содержит компонент «сар» — желтый, что, по представлениям тюрков-уйгуров, должен был бы означать центр. А славянский ойконим через композит «белый» содержит указание на западное расположение. Ответ дает летопись, которая свидетельствует, что первично город Саркел был расположен на Дону, а поселение в современной Черниговской области возникло вследствие переселения в 1117 году. Возможно, на противовес к исходному (желто-центральному) городу Саркел на Дону, Саркел черниговский содержал в названии номенклатурный бело-западный композит, который отобразился в славянском названии.

Ойконимическая связка Ак-Мечеть / Бела́я Церковь / Аккерман / Бела́я Вежа достаточно распространена на значительной территории. Кроме Белой Вежи около Чернигова известны Бела́я Вежа на месте давней Ольвии, Бела́я Вежа в Беловежской пуще, Беловежа на Прешивщине в Восточной Словакии. На месте крепости Аккерман возник город Белгород-Днепровский. На территории Крыма известны два ойконима Ак-Мечеть (на месте Черноморского и Симферополя). Город Кызыл-Орда в Казахстане также раньше назывался Ак-Мечеть.

Этимологическая связь прослеживается в таких названиях с цветным композитом, как гидроним Билозирка (одноименный правый рукав Днепра имеет тюркское название Akgöl, а левобережная Билозирка — Aksu); селение Бельное раньше называлось Аккембет и т.д.

Сложнее ситуация с топонимами, включающими композит «красный», для определения степени этничности которого необходим, согласно высказыванию О. Стрижака, «вдумчивый всесторонний и филигранный анализ с учетом не только языковых, но и исторических, археологических, географических, этнографических, антропологических и др. данных» [45, с. 10].

Составные топонимы со значением «красный», образованные в XX в., благодаря исторической близости преобразований, часто сопровождаются ведомостями о предшествующем названии объекта. Например, сообщая о Красной балке в Николаевской области, В. Лобода пишет: «...в 1929 году балка Бела́я была переименована в популярную

Красную, что выступало символом новых революционных изменений» [34, с. 220].

Для интерпретации в свете тюркской системы геополитических координат пригодными для анализа могут быть топонимы, этимология которых выводится на почве качественных характеристик (например, ручей Красный и скала Красная возле него — приток Южного Буга) — «название характеризует объект по цвету почвы берегов» [27, с. 188]) или корни которых уходят в древние времена (например, Червоная Русь и т.п.).

Интересным кажется факт замены на «красный» адъективного компонента названия, которые перед тем также имели цветовой компонент. Кроме упоминавшейся уже Красной (ранее — Белой) балки, находим сведения о Червоном Куте в Одесской области, который до 1944 года назывался Чёрным Кутом. Возникшее в конце XVIII века селение располагалось на двух берегах речки Журавки, а Чёрным Кутом называлась только правобережная его часть [49, с. 79].

Показательно, что среди приведенных в работе «Гидронимия Украины в ее межъязыковых и междиалектных связях» составных топонимов, рядом с композитами аджи, сасы, куру, татлы, кючук и др., которые обозначают качества называемого объекта, кроме кара, кызыл, ак и сары, отсутствуют композиты со значением цвета. Таким образом, ограниченная цветовая гамма также свидетельствует об определенной номенклатурности цветового композита топонимов тюркского происхождения.

## Черное море, Червоная Русь и другое

В свете теории географического денотата цветовой компонента названий интересным оказывается анализ таких топонимов, как Черное море и Червоная Русь.

Название общего для Украины и Турции Черного моря (Karadeniz), кроме сентиментально-легендарного перевода древнегреческого названия «Понт Эвксинский» (Негостеприимное море) или натуралистической версии о якобы черных водорослях, покрывающих поверхность моря во время шторма, в аспекте тюркских ономастико-географических представлений приобретает достаточно логическое значение Северное море. Ведь слово *кара*, кроме прямого цветового значения, указывает на север, что совершенно логично, если взять во внимание локализацию этого географического объекта среди многочисленных морей (саму только Анатолию омывает четыре моря) в тюркском мире. (Интересен тот факт, что в ирландских сагах Черное море называется Красным («Маре Руад») [41], что абсолютно логично с точки зрения географии, ведь относительно Ирландии оно находится на юге.)

Если принять во внимание то, что Красное море тысячу лет назад входило в тюркский ареал, то его геополитический цветовой компонент указывает на его южное расположение относительно тюркского адми-

нистративного центра того времени — государства Сельджукидов. Уйгуры, государство которых находилось на территории современного Китая, центральные относительно себя объекты обозначали желтым цветом в названии. Вероятно, именно поэтому море, омывающее берега Китая, зовется Желтым. Несколько отдельно в тюркской и славянской топонимике стоит Средиземное море (по-турецки — Akdeniz). Применение прямого перевода с турецкого на славянские языки приводит к искажению содержания (Akdeniz — Белое море), а потому создается сомнительная аллюзия к северному Белому морю. Но с позиции геополитической теории вопросов не возникает, потому что в этом случае «белый» используется для обозначения западного расположения.

Ареал распространения тюркских языков достаточно значительный, поэтому на севере Евразии также присутствуют два моря, названия которых получают логическое пояснение в аспекте тюркской ономастики: речь идет о Белом (на западе) и Карском (на севере) морях. Последнее в мировой географической номинации известно как Кага.

Из номинативных единиц, которые употреблялись относительно территории Руси в процессе ее государственного формирования, на современном этапе используется как ойконим название Беларусь. Между тем существовали и Красная — Червоная Русь (Галичина) и Черная Русь (территория, входившая в Киевскую Русь, а потом — в княжество Литовское). Я. Исаевич замечает, что эти названия не были автохтонными, но употреблялись иностранными авторами, писавшими об этих землях [29, с. 243]. Сопоставление территорий Черной, Белой и Красной Руси демонстрирует взаимозависимость в системе географических координат, как северной, западной и южной территорий под общим названием Русь. Логичным было бы предположение о существовании центральной или восточной (желтой или зеленой) Руси, однако информации о них мы не имеем. Уже в XVII–XVIII веках в связи с присоединением к Российской империи новых территорий появились названия «Желтороссия» или «Желтая Россия» (Туркестан и Маньчжурия, которые перенесли свое уйгурское желтое (центральное) обозначение в новое административное название), «Зеленороссия» — «Зеленая Россия» (Сибирь, из которой украинцам хорошо известен Зеленый Клин). Кроме того, среди этнокультурных украинских регионов упоминаются «Желтый Клин» (Среднее и Нижнее Поволжье), «Малиновый Клин» (Кубань) и «Серый Клин» (юг Западной Сибири и северный Казахстан) [42]. Прояснение этимологии этих названий требует отдельного исследования на явность тюркских влияний или заимствования тюркской номинативной традиции.

В истории Украины среди путей, которые татары использовали для походов на украинские земли и для транспортировки пленных в Крым, кроме Муравского и Кальмиусского путей, встречаем путь с названием «Черный». Обычно пояснение этимологии этого названия опирается на аксиологическую составляющую названия — черный от того, что по нему перегоняли пленных на продажу в рабство. Впрочем, ориентация на север может быть альтернативным пояснением для названия старинного

торгового пути. Ведь Черный путь, по определению О. Кривошея, начинался возле Перекопского перешейка, пересекал нижнюю часть Приднепровья, пролегал запорожскими степями **на север** вдоль Ингульца [32а]. Таким образом, название «черный» может быть интерпретировано как географический ориентир своего времени.

## Этнонимия в свете тюркской теории цветового ориентирования

Определяя особенности географической номинации кочевых племен, А. Суперанская замечает: «Говоря образно, кочевой этнос сам являлся подобием географической карты, которая двигалась по поверхности, неся с собой имена, однозначно организованные в пространстве» [48, с. 28]. Так можно пояснить общность и типичность топонимов на огромной территории, которая в определенные периоды пребывала в зоне влияния тюркских кочевых племен и государств. Суперанская как основу топонимической мотивации у кочевых народов определяет этнонимизацию ареала: «Вне сомнения, если кочевой народ длительное время находился в одной и той же местности, он мог дать названия источникам, ущельям и возвышенностям. Но не это было для него самым главным. Важно было знать, где находится, какой сосед» [Там же]. С этой точки зрения, уйгурская система цветовой номинации проявляет свою универсальность, ведь принцип номинации использовался не только для определения топонимов, но и этнонимов тоже.

Использование цветового компонента в этнонимах поддается анализу с точки зрения определения географического денотата названий. Собственно, деление племен по цвету было типичным явлением в тюркском мире, поэтому среди названий тюркских народов, живших на территории современной Украины, встречаем такие этнонимы, как черные клобуки (каракалпаки), белые и черные хазары, черные и белые булгары и др. Богатый материал для исследования этого вопроса содержит работа И. Лезиной и А. Суперанской [33].

Привлекает внимание факт перенесения этой номинативной тюркской традиции в более поздние времена на украинских казаков в османских источниках. Тут как термин используются два названия: желтые казаки и белые казаки. Под «желтыми казаками» следует понимать запорожских казаков, а «белыми» источники называют правобережные казачьи подразделения гетмана Дорошенко. Как видно, цветовой компонент тут достаточно четко указывает на географическое расположение: желтые, т.е. запорожские казаки, занимают центральную позицию, а белые — находятся на западе.

О. Прицак предложил концепцию, согласно которой цветовой компонент тюркских этнонимов, кроме географического денотата, указывает также и на иерархический статус племени, то есть несет административно-военное значение: «...исходя из исследований послед-



них годов, у алтайских народов, как и у древних китайцев, четыре цвета (черный, красный, голубой и белый) используются для обозначения четырех сторон света. Поэтому тюркское слово “кага” в древнетюркском определении направления означало север. Вместе с тем в тюркской юридической терминологии оно стало означать старшинство и более высокий статус, поэтому в сочетаниях “кара хан”, “кара орда” и подобных “кара” использовалось в значении “великий, главный” [21, с. 248]. Таким образом, этнонимы с составляющей частью «кара» или «черный» могут быть интерпретированы также и в иерархическом аспекте.

## **Пути освоения тюркских названий в славянской языковой среде**

Имена собственные именуют индивидуальный объект и закрепляются за ним в результате социальной обусловленности. Поэтому в условиях отсутствия традиции имена собственные заимствуются в форме, наиболее близкой к их звучанию и написанию в языке-источнике. Особенно это характерно для молодых топонимических систем, к которым Ю. Карпенко относит и систему юга Украины и Крыма [57, с. 53].

Исследуя возможные пути и условия проникновения таких заимствованных названий, А. Гардинер советует сравнивать неясные имена в первую очередь с омонимами языка-источника, принимая во внимание исторические и культурные связи данного народа с другими, а не с его апеллятивами, поскольку проникаемость разных слоев лексики неодинакова [7, с. 31]. Имена собственные из-за своих лексических особенностей заимствуются чаще и легче, чем апеллятивы.

Процесс усвоения тюркских топонимов в украинской языковой среде, который активно происходил в период заселения юга Украины, неминуемо сопровождался их славянизацией, приспособлением к украинской топонимической системе. В тюркских названиях происходили фонетические, морфологические изменения (эти явления исследовал на топонимическом материале Юго-Восточной Украины и Крыма Е. С. Отин [37, с. 162–164; 38, с. 41–47]). Впрочем, эти изменения, как правило, не приводили к коренной перестройке названий и после них они не теряли связи с исходным тюркским этимоном.

Характерной чертой топонимикона Южной Украины является явность составных названий с прилагательным в первой части, выступающим в роли определения иноязычного термина. Показателен в этом плане тюркский гидроним Ташлык, вокруг которого образовалась целая группа составных гидронимов: Чёрный Ташлык, Сухой Ташлык, Мокрый Ташлык, Нижний Ташлык, Гнилой Ташлык, Мигийский Ташлык и др. [28, с. 90–93]. Часть этих названий возникла на славянской почве в процессе адаптации. В отдельных случаях похожие топонимы были переводами с тюркских языков. Ведь специфику усвоения, адаптации чужеродных имен собственных, в случае, когда это название содержит компонент

с прямым значением, поддающийся переводу на язык заимствования, обуславливает именно перевод (не транслитерация, а образование кальки), помогая вхождению в заимствующий язык нового имени собственного.

Как отмечает А. Суперанская, в именах собственных на первый план выступает «функция номинативная, чтобы отличить однотипные объекты один от другого, на противовес апеллятивам, основная функция которых — назвать, чтобы сообщить значение, коннотировать» [46, с. 48].

Многочисленные названия этого типа являются одной из характерных примет топонимической системы Украины и требуют специального исследования. Е. Отин обратил внимание на то, что прилагательные в составных топонимах не всегда выступают в своем прямом значении. Отмечая, что многие речки, в название которых входит прилагательное «сухой», имеют постоянный водоток, ученые предположили, что компоненты «сухой» и «мокрый» в гидронимах типа Сухой и Мокрый Торец, Сухие и Мокрые Ялы выражают тот же тип отношений, что и нулевой топоним и деминативный суффикс в однокоренных названиях главной реки и рукава.

На основании этого исследования отсутствие прямого значения прилагательного — составной части названия — со значением цвета делает возможными вводы относительно апеллятивности значения адъективной части топонимов, образующих бинарную оппозицию на территориях, входивших в тюркский ареал. Определение композитов кара, ак, кызыл, сары, гёк и пр. как апеллятивов приобретает логичность в контексте тюркской цветоориентированной номинативной традиции.

Перевод как способ освоения тюркского названия имеет глубокие корни. Уже в летописях находим упоминания о параллельном использовании тюркского и славянского топонимов для обозначения одного объекта: «І стояша на месте, нарецаемем Ёрель егоже Роусь зоветь Оугол» (1183 г.) [39, с. 631]. Местность, а точнее — речка, о которой говорится в цитируемом фрагменте летописи, в современной топонимии известна под названием «Ориль», этимологически связанном с тюркским *eđri* (кривой, изогнутый). Как видно из цитаты, в XII веке этот географический объект имел параллельное славянское название-кальку, которое было переводом с тюркского (Оугол- угол).

Такое параллельное использование названий характерно для древних времен, когда определенный ареал использовался разными этническими группами. Образованные в славяно-тюркских контактах параллельные названия фиксировались в письменных памятниках того времени, однако чаще этимологически прозрачные и поддающиеся переводу тюркские названия записывались в форме перевода. Это позволяет предполагать тюркские корни в таких составных топонимах с композитом-прилагательным, обозначающим цвет, как Белая Церковь, Белгород, Желтые Воды, Червонная Русь и т.д.

Следовательно, топонимы тюркского происхождения в современном украинском топонимиконе существуют в нескольких формах: как транслитерации (могут быть морфологически адаптированы или сопро-

вождаться составляющей — прилагательным славянского происхождения); как калька-транскрипция (переводиться может как само название, так и только ее адъективная часть); как предыдущее название переименованных объектов.

## Выводы

Присутствие в названии компонента, указывающего на цвет, может свидетельствовать о том, что данное название обозначает объект, который является частью определенной большей общности, а также может иметь парные относительно себя названия с цветовым компонентом в географической ориентации.

Сравнительно незначительное присутствие среди цветоокрашенных топонимов таких, которые были бы связаны с желтым цветом, может свидетельствовать о том, что тюркские народы не ассоциировали территорию Украины с центром своего расположения. Также отсутствие «зеленых» и «голубых» названий вместе с преимуществом белых и черных координат может свидетельствовать о том, что украинские земли были западным и северным форпостом тюркского ареала. С другой стороны, в процессе интерпретации топографических названий следует учитывать длительность тюркских влияний на украинские территории, а именно различных тюркских государственных образований, которые могли оставить после себя в наследие те или иные ономастические комплексы.

Практическое значение определения географических координат объекта, его ономастической мотивации, этиологии и этимологии проявляется в возможности определения геополитической картины того или иного периода и определения центров притяжения определенной территории.

В этом анализе важен фактор временной составляющей, а именно, времени распространения и употребления названия. По этому поводу И. Лауде заметила, что нетипичное, расширенное употребление цвета характерно только «для определенных поколений». Определение времени номинации будет способствовать определению динамики тюркских влияний на данную территорию.

## Литература

1. Alföldi A. Türklerde Çifte Krallık // II Türk Tarih Kongresi, 20–25 Eylül 1937. İstanbul, 1943.
2. Birgül A. K. Nevruz ve Renkler // Anadolu'nun Sesi. 2001, № 14.
3. Boas F. Geographical Names of the Kwakiutl Indians. New York, 1969.
4. Fester G. Los colorantes del antiguo Peru // Archeion. 1940, № 22.
5. Gabain von A. Renklerin Sembolik Anlamları // Acta Orientalia Hung. T. XV. 1962. № 1–3 (перевод Семиха Тезджана: // Türkoloji Dergisi. С. 3. Ankara, 1968).

6. Gabain von A., Bang W. Türkische Turfan-texte: Analitischen Index zu den fünf ersten stücken der Türkische Turfan-texte. Berlin, 1929–1934.
7. Gardiner A.H. The theory of proper names. L., 1954.
8. Genç R. Türk İnanışları ile Milli Geleneklerde Renkler ve Sarı, Kırmızı, Yeşil. Ankara, 1997.
9. Haupt G. Die Farbensymbolik in der sakralenkunst des abendlaendischen Mittelalters. Dresden, 1941.
10. Herne G. Die slavischen Farbenbenennungen: Eine semasiologisch-etymologische Untersuchung. Uppsala, 1954.
11. İnan A. Makaleler ve İncelemeler. C. I. Ankara, 1968.
12. Katz D. Der Aufbau Der Farbwelt. Berlin, 1911.
13. Kober A. E. The Use of Color Terms in the Greek Poets. New York, 1932.
14. Köprülü F. Bayrak // İslam Ansiklopedisi. Cilt II. Ankara, 1968.
15. Laude-Cirtautas İ. Der Gebrauch der Farbbezeichnungen in den Türk-dialekten (Ural-Altäische Bibliothek. 10). Wiesbaden, 1961.
16. Loewenthal W. M. Die slavischen Farbenbezeichnungen. Leipzig, 1901.
17. Luckiesh M. The language of colors. New York, 1920.
18. Mahmut Şevket P. Osmanlı Teşkilat ve Kıyafet-i Askeriyesi. İstanbul, 1325.
19. Ögel B. Türk Kültür Tarihine Giriş. C. VI. Ankara, 1987.
20. Ögel B. Türk Mitolojisi. C. II. Ankara, 1995.
21. Pritsak O. Qara: Studie zur türkischen Rechtssymbolik // Zeki Velidi Togan'a Armagan. Istanbul, 1955.
22. Rivers W. H. R. Observations on the Vision of the Uralis and the Sholagas. // Bulletin of the Madras Government Museum. 1903, № 5.
23. Schultz W. Das Farbenempfindungssystem der Hellenen. Leipzig, 1904.
24. Webster G. Colour Symbolism, an anthropological diversion // British Colour Council, 14th Designers' Conference. L., 1955.
25. Wood F. A Color-names and their congeners: a semasiological investigation. Halle, 1902.
26. Возний Т. М. Спостереження над складеними топонімами Миколаївщини // Допов. та повідомл. Міжвуз. ономаст. конфер. «Питання ономастики Південної України». К., 1974.
27. Гідронімія України в її міжмовних і міждіалектних зв'язках. К., 1981.
28. Горпинич В., Лобода В., Масенко Л. Власні назви і від топонімічні утворення Інгуло-Бузького межиріччя. К., 1972.
29. Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. К., 1985.
30. Желєзняк І. М. Вивчення гідронімів у межах однієї семами // Ономастика. К., 1966.
31. Ісаєвич Я. Червона Русь // Довідник з історії України. К., 2001.
32. Карпенко Ю. А. Признаки молодости топонимической системы. // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980.

33. Киселев С. В. Открытия Сяно-Алтайской археологической экспедиции в 1939 г. // Вестник древней истории. 1939, № 4.
34. Кононов А. Н. О семантике слов кара и ак в тюркской географической терминологии // Изв. Отд-ния обществ. наук ТССР. Вып. 5. 1954.
35. Кочубаев Е. Нецветовая сущность топонимических компонентов ак, кара, кок, сары // Всесоюзная конференция по топонимике СССР (28 января – 2 февраля 1965 г.): Тезисы докладов и сообщений. Л., 1965.
36. Кривоший О. Чорний шлях // Довідник з історії України К., 2001.
37. Лезина И. Н., Суперанская А. В. Ономастика. Словарь-справочник тюркских родо-племенных названий. Ч. 1–2. М., 1994.
38. Лобода В. В. Топонімія Дніпро-Бузького межиріччя. К., 1976.
39. Мурзаев Э. М. Средняя Азия. М., 1957.
40. Мурзаевы Э. и В. Словарь местных географических терминов. М., 1959.
41. Никонов В. А. Введение в топонимику. М., 1965.
42. Отин Е. С. О природе топонимического этимона // Питання сучасної ономастики. К., 1976.
43. Отин Е. С. Псевдосуффикс -ка в топонимии Крыма и Северного Причерноморья // К новым успехам советской науки: Тез. и сообщ. науч. конф. Донецк, 1966.
44. Полное собрание русских летописей. СПб., 1908.
45. Попов А. И. Топонимика как историческая наука // Мовознавство. Т. 14. 1957.
46. Раковский А. Происхождение Руси [http://rus.al.ru/history/Kiev\\_Russ/begin.html](http://rus.al.ru/history/Kiev_Russ/begin.html)
47. Сергійчук В. Українці в імперії. К., 1992.
48. Стрижак О. С. Назви річок Запоріжжя і Херсонщини. К., 1967.
49. Стрижак О. С. Назви розповідають. К., 1967.
50. Стрижак О. С. Про що розповідають географічні назви. К., 1967.
51. Суперанская А. В. О передаче украинских и белорусских фамилий по-русски // Рус. яз. в нац. шк. М., 1967, № 2.
52. Суперанская А. В., Исаева З. Г., Исакова Х. Ф. Топонимия Крыма. Ч. 1. Введение в топонимию Крыма. М., 1995.
53. Топонімія північно-східної Одещини: Конспект лекцій. Одеса, 1975.
54. Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968.
55. Фоменко В. Звідки ця назва. Дніпропетровск, 1969.

Т. А. Анিকেева (Москва)

## Османские традиции народного театра и турецкая городская повесть

Турецкая городская повесть (*хикайат*) является особым жанром турецкого фольклора, сочетающим черты устности и книжной культуры<sup>1</sup>. Этот, ныне почти не существующий, жанр тесно связан со сказкой и в то же время с литературной традицией. Не в меньшей степени, чем с волшебной сказкой, турецкая городская повесть связана с другим традиционным жанром турецкого фольклора — народным театром. Однако когда мы говорим о связи сказки и городской повести, то подразумеваем под этим наличие в повести (как явлении хронологически более позднем по отношению к самой сказке) сказочных элементов, тогда как турецкий народный театр и народную повесть роднит прежде всего общность времени и места бытования, зачастую — общий репертуар, а также смешение стихотворного текста и прозаического.

Связь хикайата и народного театра во многом обусловлена уже упомянутыми особенностями бытования городской повести: наряду с существованием ее в виде книги, тексты различных хикайатов исполнялись рассказчиками, и это было особое искусство с особым распорядком исполнения; поэтому искусство *меддаха*-сказителя часто причисляют к жанрам собственно турецкого народного театра<sup>2</sup>. Потому сравнение городской повести с традиционными видами театрального представления вполне обосновано. Один и тот же сюжет, как можно будет увидеть ниже, часто существовал и в турецкой народной повести, и в театре. Нас интересуют, прежде всего, трансформации сюжета, на основе которых можно также выделить наиболее устойчивые черты хикайата как жанра турецкого фольклора.

Название теневого театра *карагёз* является в то же время и именем главного его персонажа (досл. «черный глаз» или «черноглазый»). Скорее всего, турки заимствовали театр теней от народов Ближнего и Среднего Востока, к которым, в свою очередь, он пришел из Юго-Восточной Азии. Известно, что театр теней существовал в Китае уже во II в. до н.э.; в Индонезии в X в.; в Таиланде в XIV в. По всей видимости, самое раннее

<sup>1</sup> Анিকেева Т. А. Турецкая народная повесть: особенности жанра и проблемы изучения // Вестник РГГУ. Серия Филологические науки и фольклористика. М., 2009.

<sup>2</sup> And M. Geleneksel Türk Tiyatrosu. Ankara, 1969, с. 68; Оганова Е. А. Традиции народной драмы в современной турецкой драматургии. М., 2006, с. 29–32.

упоминание о театре теней у арабов относится к 966 г. — в Багдаде он назывался *хайаль аз-зилль* (*hayal az-zill*). В последующие века, в Каире, Дамаске, Алеппо и других мусульманских центрах городской культуры, он стал широко распространенной формой народного искусства. Легенды связывают появление турецкого театра теней с Бурсой (первой столицей Османской империи) времен Орхана (XIV в.). Согласно одной из легенд, и Хадживат (каменщик) и Карагёз (кузнец) — позднейшие герои теневого театра, работали на строительстве мечети в Бурсе. Однажды они завели столь остроумную беседу, что никто из работавших с ними не смог далее продолжать свою работу; строительство мечети было остановлено, за что бей Орхан повелел наказать их обоих.

Не существует ни одного письменного источника, который бы достоверно раскрывал обстоятельства возникновения этого театра в Турции. Возможно, *хайаль аз-зилль* появился в Турции после того, как султан Селим в 1517 г. увидел подобное представление в Египте, о чем сообщает арабский историк Мухаммад бин Ахмад бин Ильяс ал-Ханафи в своем труде «Бида-уз-зухур фи векаи-уд-духур»: Явуз Султан Селим 15 нисана 1517 г. увидел это представление в Гизе во дворце на острове Рода. Спустя век (в XVII в.) Эвлия Челеби пишет, что репертуар *карагёза* насчитывает до 300 пьес, а публика «умирает от смеха с утра до вечера»<sup>3</sup>.

Все действие театра *карагёз* основано на серии независимых диалогов, которые отражают стереотипные (вербальные, физические) характеристики различных этнических и социальных групп, проживавших когда-то в Османской империи. Как отмечает турецкий исследователь И. Башгёз, «...турецкий театр теней представляет собой красочное представление-парад людей, живших бок о бок в столице Османской империи». В основе *карагёза* лежит принцип стереотипизации. Это комедийный театр теней, руководимый кукловодом — *хаяли* (*hayalı*), или *хаяль-и зильджиан* (*hayal-i zilciyan / hayal-i tasvirciyan, tasvirci*). Куклы *карагёза* двухмерные, плоские и раскрашенные. *Хаяли* могут ассистировать музыкант и его ученик, однако в основном всех персонажей своего театра кукловод озвучивает самостоятельно, искусно имитируя греческую, армянскую, турецкую, албанскую речь, изображая богача, бедняка, еврея, образованного эфенди и невежу<sup>4</sup>.

Два главных героя-персонажа — антагонисты Хадживат и Карагёз, — появляются в начале, в середине и конце действия. Второстепенные персонажи представляют собой: 1) немусульман Османской империи (*zimmî*): греков, армян, французов, левантинцев, евреев; 2) нетюркское, но мусульманское по вероисповеданию население империи: албанцев, курдов, персов, также сюда попадают такие фигуры турецкого фольклора, как араб, негр; 3) женщин (*zenne*), вторых жен, наложниц, распущенных женщин или честных домохозяек; 4) людей, относящихся к маргинальным слоям общества, таких, как курильщики опиума (*tiryakî*), пьяницы (*sarhoş*); 5) музыкантов, танцовщиц и иных типов турецкого городского

<sup>3</sup> And M. Tanzimat ve İstibdat Döneminde (1839–1908) Türk Tiyatrosu. Ankara, 1972.

<sup>4</sup> Başgöz I. Turkish Shadow Theatre: Karagöz // Turkish Folklore and Oral Literature. Selected Essays of İlhan Başgöz. Bloomington, 1998.



общества (*çelebi* — господин); 6) сверхъестественных существ: джиннов, ведьм, демонов; 7) животных (ослов, лошадей) и неодушевленные предметы (метла); 8) наконец, героев народных повестей, например, Фархад и Ширин, или Лейла и Меджнун, Тахир и Зухра.

Каждая пьеса театра *карагёз* в структурном отношении состоит из нескольких частей:

*Мукаддима* (*Mukaddima*) — пролог, который состоит из небольшой стихотворной части и диалога, заканчивающегося дракой между Карагёзом и Хадживатом. Стихотворная часть, как правило, имеет весьма четкое мистическое значение и содержит славословие Аллаха (эта структурная часть пьесы сходна по своей роли со вступлением *меддахов*; она сохраняется и в некоторых печатных изданиях народных повестей позднейшего времени);

*Мухавере* (*Muhavere*) — чрезвычайно долгий диалог-перепалка между Хадживатом и Карагёзом, в котором обычно присутствует несколько комических тем (связанных, как правило, с обществом или политикой). В этой части представления часто содержался протест против действия властей или какая-то иная сатира, о чем сообщали путешественники, посещавшие Османскую империю до 1860 г.<sup>5</sup>

*Фасль* (*Fasl*) — развитие основного сюжета (в репертуаре *карагёза* их может быть около пятидесяти, однако обычно их насчитывается около тридцати). Это фактически самостоятельные пьесы. Турецкие исследователи перечисляют следующие основные сюжеты-*фасль*: *Balıkçılar* («Рыбаки»), *Sanbazlar* («Акробаты»), *Ferhad ile Sirin* («Ферхад и Ширин»), *Namam* («Баня»), *Kanlı Nigar* (Канлы Нигяр, об этом сюжете сообщает Эвлия Челеби), *Meyhane* («Кабак»), *Orman* («Лес»), *Tahir ile Zuhre* («Тахир и Зухра»), *Leyla ile Mecnun* («Лейла и Меджнун»), *Aptal Bekçi* («Дурак Бекчи»), *Bekri Mustafa* («Бекри Мустафа»), *Karagözün Fotoğrafçılığı* («Карагёз у фотографа»), *Kerem ile Ash* («Керем и Аслы»). Как мы видим, среди этих сюжетов-*фасль* фигурируют и сюжеты турецких народных повестей.

Эпилог представляет собой короткий диалог между Хадживатом и Карагёзом. Карагёз обращается к публике, представляя дотоле невидимого кукловода.

Необходимо также отметить, что сюжеты театра передавались устно, главные диалоги, темы, структура сюжета заучивались наизусть от учителя учеником кукловода-*хаяли*. В Стамбуле традиционными местами представлений были кофейни (за небольшую плату), рынки, парки; как правило, самое значительное число представлений происходило в месяц Рамадан, когда вечером после *ифтара*<sup>6</sup> и до полуночи открывались увеселительные заведения.

Традиция турецкого кукольного театра стала исчезать с начала XIX в. Приблизительно в это же время начинает угасать и традиция

<sup>5</sup> Başgöz I. Turkish Shadow Theatre: Karagöz // Turkish Folklore and Oral Literature. Selected Essays of İlhan Başgöz. Bloomington, 1998.

<sup>6</sup> *Ифтар* — вечерняя трапеза, прием пищи с приходом темноты в священный для мусульман месяц поста Рамадан.

устного исполнения хикайатов. Попытки возрождения театра карагёз в период Турецкой республики оказались безрезультатными, хотя этим путем республиканские власти собирались пропагандировать свои политические идеи.

## Карагёз и городская повесть

Первое, что отмечается всеми исследователями театра *карагёз*, — это переработка народным театром романических сюжетов городских повестей в комедийном ключе. Народный театр и *меддаху*-сказители имели зачастую общий репертуар, куда входили и дастаны / народные повести<sup>7</sup>. «Адаптация сюжетов в народном театре неизбежно вызывала трансформацию жанров, прежде всего переход произведения из одного рода словесности — эпоса — в другой — драму...» Эта трансформация подчинялась вполне определенным закономерностям, охватывая собой целый комплекс явлений. Адаптация городских повестей в драматический жанр подчинялась особым закономерностям, ибо, как пишет И. В. Боролина, причиной тому была их сюжетная специфика, поскольку турецкие городские повести в основном представляют собой повествования о трагической любви. «Основное направление тех смещений, которые происходили в процессе адаптации, здесь шло прежде всего по линии резкого снижения, разрушения романтики и трагической коллизии»<sup>8</sup>. При этом зачастую менялся финал («...однако если сказители завершали свое повествование благополучной развязкой, часто идя навстречу аудитории, не желавшей мириться с трагическим концом, то счастливый финал в народном театре диктуется уже самой жанровой спецификой турецкой народной драмы, всегда комедийной в своей основе»)<sup>9</sup>.

Подобные трансформации рассматриваются нами на примере городских повестей, таких, как «Тахир и Зухра», «Фархад и Ширин», «Керем и Аслы», сюжеты которых стали основой для *фасль* театра *карагёз*.

Существует хорошо известная пьеса театра *карагёз* на первый из указанных сюжетов. Весь текст пьесы и сама сюжетная часть (*фасль*) перемежаются шутками Хадживата и Карагёза, которые были понятны зрителям; практически все построено на игре слов. Действующие лица пьесы (помимо антагонистов Хадживата и Карагёза): Зухра, Тахир, отец Зухры, мать Зухры, Арап-слуга, *Seymenler* (всадники), *Seymenbaşı* (глава всадников), *Sandalye* (стул), *Süpürge* (метла). Сюжет *фасля* «Тахир и Зухра» существенно отличается от сюжета соответствующего *хикайата*, где он представлен следующим образом.

Бездетному падишаху и его визирю в саду является старец, исполняющий их желания; он говорит о том, что визирю и падишаху необхо-

<sup>7</sup> Боролина И. В. К вопросу об адаптации романических сюжетов в турецком народном театре // Проблемы восточной филологии. М., 1979.

<sup>8</sup> Там же, с. 101.

<sup>9</sup> Там же, с. 102–103.

димо будет поженить детей, иначе их судьба «будет такой же печальной, как у Лейлы и Меджнуна, Арзу и Камбера, Фархада и Ширин». У них рождается по ребенку.

Дети вместе растут и учатся. Зухра влюбляется в Тахира, однако он считает ее своей сестрой. Позднее им становится ясно, что они — не брат и сестра. Тахир также влюбляется в Зухру. Влюбленные клянутся в вечной верности друг другу.

Раб падишаха — отца Зухры, Арап, выслеживает влюбленных и доносит падишаху. Жена падишаха возражает против того, чтобы Зухру отдали за Тахира. Она обращается к колдунье, колдунья дает ей зелье для падишаха; выпив его, падишах начинает ненавидеть Тахира. Влюбленных разлучают. Тахира заключают в темницу в Мардине.

Проходит семь лет. Зухра заточена во дворце. Ее печальные песни слышит проходивший мимо с караваном Кельюглан. Он приезжает в Мардин и приносит весть от Зухры Тахиру. Старик-тюремщик освобождает Тахира из тюрьмы после того, как тот всю ночь молится Аллаху; влюбленные встречаются у дворца Зухры сорок ночей. О них снова доносит раб. Тахир бьется против войска падишаха. Победенного Тахира спускают на плоту по реке Шат; его спасает соседний правитель. Дочери правителя влюбляются в Тахира, но он уходит из их дворца.

Тахир появляется на свадьбе Зухры, которую выдают замуж за некоего шахзаде. Зухра и Тахир планируют побег; их планы раскрывает тот же раб-Арап, тайно влюбленный в Зухру. Тахира казнят. Зухра умирает.

Содержание Фасля: Зухра — дочь «уважаемого человека» (*zat-i muhterem*), Тахир — сын *кяхьи* (старосты квартала) Рустема-аги, который умер и перед смертью завещал поженить детей. Отцу Зухры нужен помощник. Хадживат приходит к Карагёзу и предлагает ему поработать у отца Зухры. Появляется Зухра и Арап-слуга. За занавесом Карагёз сообщает Тахиру о том, что Зухра уже два часа ищет его в саду. Тахир и Зухра встречаются, произносят стихи. Появляется отец Зухры и говорит о том, что он давно мечтал увидеть их вместе и что необходимо заключить *никях* (то есть совершить обряд помолвки). Отец зовет Зухру и объявляет ей, что хочет выдать ее замуж за Тахира. Она отказывается (объясняя это тем, что ей надо учиться).

Отец Зухры просит Карагёза позвать Тахира и объявляет Тахиру о том, что хочет поженить его с Зухрой. Появляется мачеха Зухры. Отец Зухры говорит ей о своем намерении поженить детей, она возражает: «Их время еще не пришло, они еще дети», «они оба любят друг друга как брат с сестрой» (это подобно сюжетному ходу народной повести). Она сообщает Карагёзу, что сама любит Тахира и просит его пойти к старухе-колдунье, чтобы та, сотворив колдовство, вернула ей молодость, и надеется, что тогда Тахир охладет к Зухре.

Появляется отец Зухры; он рассказывает жене о своем сне, в котором ифрит (злой демон) говорит ему, что если он отдаст свою дочь Тахиру, то он его уничтожит. Тахира отправляют в темницу в Мардин. В конце концов Карагёз объясняет сон наведенным на отца по просьбе мачехи

Зухры колдовством (тур. *muska* — амулет, талисман, который она положила ему в изголовье, после чего его мысли и намерения изменились). Зухра и Тахир женятся.

В *фасле* остались лишь основные персонажи изначального сюжета о Тахире и Зухре: собственно Тахир, Зухра, Арап (который при этом практически не появляется), отец Зухры. Препятствие, которое преодолевают влюбленные, — это козни мачехи Зухры; можно было бы сказать, что сюжет *фасля* «Тахир и Зухра» сводился бы к бытовым коллизиям, если бы не эпизод с наведением колдовства. Любопытно, что в пьесе о Тахире и Зухре в другом виде турецкого народного театра — *орта-оюну* — изначальный трагический сюжет также преобразуется в комический со счастливым концом. От основного сюжета остается: желание родителей поженить детей; первоначальный отказ Тахира жениться на Зухре; препятствие в виде козней (в данном случае мачехи) и злого колдовства.

Интересно, что сюжетная линия о мачехе Зухры, влюбившейся в Тахира, отсутствует в самом *хикайате* «Тахир и Зухра», но очень часто присутствует во многих сказочных произведениях, например, в известном произведении турецкого фольклора «Повесть о сорока визирях (*Кырк везир хикаелери*)», восходящем приблизительно к XV в. Там новая жена падишаха влюбляется в шахзаде; когда он отвергает ее она клеветает на него; шахзаде изгоняют из города. Это распространенный фольклорно-мифологический мотив восточной литературы<sup>10</sup>.

Главные герои пьесы — это, несомненно, Хадживат и Карагёз, а не Тахир и Зухра, чьи «страдания» становятся лишь поводом для шуток главных героев и всегда завершаются счастливым концом.

Те же самые закономерности прослеживаются и на примере другого распространенного сюжета театра *карагёз* — «Фархад и Ширин» (Фасль-и Ферхат).

Основными героями (то есть куклами, которые задействованы в представлении) «Фасль-и Ферхат», наряду с Хадживатом и Карагёзом, являются: Фархад, (Ферхат в *фасле* — тюркизированная форма персидского имени), конь Фархада, Ширин (ее роль исполняет абстрактный женский персонаж — «Женщина» — *Zenne*), Дворец (*Köşk*), Гора (*Dağ*), Осел (*başı çıkar merkep*), Большая Змея (*Büyük Yılan*), нищий Фархад (*Çıplak Ferhad*), Кирка (*Külünk*), Старая Цыганка (*Lokmalı Bok Ana*).

Сюжет пьесы таков: Хадживат рассказывает Карагёзу историю о Фархаде и Ширин: Фархад и Ширин встречаются, говорят друг другу о своей любви. Хадживат приходит в дом Ширин. Для того чтобы Фархад мог расколоть гору, он зовет Карагёза как кузнеца с его инструментами. Мать Ширин посылает цыганку сообщить Фархаду о мнимой смерти Ширин. Потрясенный горем Фархад убивает киркой цыганку, принесшую дурную весть. В конце концов он узнаёт о том, что Ширин жива, и двое влюбленных воссоединяются. Метин Анд сообщает об аналогич-

<sup>10</sup> См.: And M. Geleneksel Türk Tiyatrosu. См.: Березкин Ю. Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам, онлайн-версия указателя на <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm>.

ном сюжете *орта-оюну*, в котором также присутствует счастливый конец. Помимо основных персонажей в «Фасль-и Ферхад» (равно как и в *орта-оюну*) есть лишь следующие мотивы из *хикайата*: раскалывание горы как условие заключения брака с Ширин; козни врага Фархада из семьи Ширин (ср.: у Низами, в последующей литературной традиции, а также в турецком *хикайате* это сестра Ширин — Мехмене-Бану); Фархад получает известие о мнимой смерти Ширин.

В театре *карагёз* и в *орта-оюну* сохраняются лишь самые основные герои и мотивы соответствующего сюжета городской повести. Однако сами сюжетные линии претерпевают значительные изменения, главное из которых — наличие счастливого финала, в котором влюбленные воссоединяются с помощью Карагёза и Хадживата, тогда как финал городской повести на соответствующий сюжет трагичен.

Действие *фасля*, в отличие от места действия народной повести, всегда разворачивается в Стамбуле (*Şehri-ül-Asil*, то есть «Истинный Город»), упоминаются различные его районы и пригороды (Кандилли, Кючукчекмедже, Бююкчекмедже, Истинье и др.), известные в то время места развлечений горожан (районы Ялова, Кагытхане). География же аналогичных сюжетов народной повести принципиально иная (наряду с реально существующими городами юго-восточной Турции упоминаются и сугубо сказочные города и края).

В пьесе о Тахире и Зухре, как и в городской повести о Тахире и Зухре, в развитии сюжета играет значительную роль Мардин (город на юго-востоке Турции), куда попадает в заключение Тахир, он также неоднократно упоминается в *мани* (коротких песнях-четверостишиях типа частушек) Карагёза. В «Фасль-и Ферхад» такую же роль играет Амасья (город на севере Турции). Один из эпизодов народной повести «Фархад и Ширин» также происходит в Амасье. Фархад должен, прорубив канал, доставить воду именно в этот город. Казалось бы, слабо связанное с логикой развития сюжета *фасля* (основное действие которого разворачивается в Стамбуле, тогда как Мардин и Амасья находятся за сотни километров от Стамбула), присутствие этих топонимов в тексте может обозначать то, что ряд сюжетов турецкого народного театра имеют неразрывную связь и преемственность с жанром *хикайата*.

Легко заметить, что речь главных персонажей *фасля* — Зухры и Тахира, а также отца Зухры, в отличие от простонародной речи Хадживата и Карагёза, насыщена лексикой, заимствованной из арабского и персидского языков; в ней нередки клише, характерные прежде всего для стилистики *орта диль*, так называемого «среднего языка», на котором создавались не только литературные произведения (включая философские сочинения, географические труды), но также и фетвы и разнообразные официальные документы. Так же как и выражения, находящиеся в прозаическом тексте *хикайата*, эти клише, по нашему предположению, свидетельствуют о связях с литературной традицией. Как уже говорилось, подобные выражения в фольклорном тексте не являлись совершенно неизвестными неграмотным людям, но были тесно связаны для них прежде

всего с книжностью<sup>11</sup>. Будучи, очевидно, не вполне понятными простому народу, они толкуются им совершенно неправильно (на чем основан комический прием *karagöz*) или просто пересмеиваются — зачастую не самым пристойным образом.

«Пересмеиваться» могут как целые выражения, так и отдельные слова:

[Зухра (в поисках Тахира): Он ушел на охоту?]

Zühre — **Sayd ü şikara**<sup>12</sup> mı gitti?

[Карагёз: Он явно ушел с Сеит-агой ]

Karagöz — **Sait Ağa ile âşikâre**<sup>13</sup> gitti.

(Фасль-и Тахир)

Отец Зухры: [Ты хочешь есть или пить?]

Zühre'nin babası — **Meşrûbâta ve me'kûlâta**<sup>14</sup> dâir bir şey mi istiyorsun?

Karagöz — Nacivat!.. «**Pulat maşrapa'yi** (стальная кружка. — Т. А.) mi istiyorsun?» — diyor.

Карагёз: [Хадживат! Он спрашивает — не нужна ли мне стальная кружка]

(Фасль-и Тахир)

Отец Зухры: [Какое право ты имеешь слоняться по моему саду?]

Zühre'nin babası — Benim bahçemin derûnunda (=içinde) **geşt ü güzar etmeğe** (т.е. «совершать прогулку». — Т. А.) ne hakkın var?

Карагёз: [Хадживат, помоги мне! Он говорит — какое право ты имеешь есть в моем саду *зирву* и *кешкек*?<sup>15</sup>]

Karagöz — Nacivat, yetiş imdadıma! «—Benim bahçemde **keşkekle zirvayemeğe** (букв. «поедать кешкек и зирву». — Т. А.) ne hakkın var?» — diyor.

(Фасль-и Тахир)

Zühre'nin babası: — Benim kızım **seyyibe mi, yoksa bakire mi**?<sup>16</sup>

[Отец Зухры: Разве моя дочь вдова/уже была замужем или же она девушка?]

Karagöz: — **Ne Seyyid'e, ne Bekir'e, ben alacağım efendim.**

[Карагёз: Ни Сеййид, ни Бекир (мужские имена. — Т. А.), а я женился на ней, мой господин]

(Фасль-и Тахир)

<sup>11</sup> Levend A. S. Türk dilinde gelişme ve sadeleşme safhaları. Ankara, 1949.

<sup>12</sup> *Sayt* (*sayd*), араб. صيد «охота»; *şikara*, перс. — «охота, ловля».

<sup>13</sup> *âşikâre* — перс., разг. «явно, ясно, открыто». Данный диалог, как и последующий, построен на игре слов, основанной на созвучии.

<sup>14</sup> Букв. «еда и напитки» (от араб. مشروبات «питье, напитки» мн.ч., مأكلات «еда»)

<sup>15</sup> *Zirva* — сладость, приготовленная из инжира, изюма, хурмы и риса-зерде в благотворительных домах; *кешкек* — блюдо, приготовленное из мяса и толченой пшеницы.

<sup>16</sup> *Bakire* — букв. «девушка, незамужняя».

Однако если в городской повести «книжная» лексика означала прежде всего близость к литературной традиции и служила знаком, при помощи которого сказитель (или издатель) придает «литературность» тексту, то в устах тех же героев в *фасле* театра *карагёз* она выполняет функцию совершенно противоположную, подвергаясь осмеянию как явно чужеродный элемент для той социальной среды, выходцами из которой являются постоянные персонажи *фасля*.

Характерно, что в сюжетах *карагёза*, связанных с городской повестью, наряду с главными героями возникают и некоторые архаические персонажи и мотивы турецкого фольклора, первоначально не имеющие отношения ни к народной повести, ни к театру, — такие, как, например, Бок Ана — цыганка или Кельоглан (известный персонаж турецких сказок).

И в *хикайате*, и в представлениях *карагёза* присутствует большое количество поэтических фрагментов, как в прологе-*мукаддима*, так и собственно в *фасле*.

В повести о Тахире и Зухре в поэтической форме представлены диалоги главных героев хикайата.

Зухра, чтобы испытать Тахира, произнесла такой бейт:

«Не друзья ли мы с тобою? как же тайну я сокрою? Нет, Тахир, меня не трогай: мы с тобою — брат с сестрою!»

Тахир же так ответил ей:

«Не друзья ли мы с тобою, Как же тайну я сокрою, Знаешь ты: я — сын везира, Мы с тобою брат с сестрою!» (букв. — «разве ты мне сестра?»)<sup>17</sup>

(Пер. В. С. Гарбузовой)

В поэтических фрагментах городской повести (а это, как правило, диалоги героев, подобные приведенным выше) используется семисложник-*хедже* (то есть основанный на количестве слогов в строке метр), размер (4+3), самый распространенный в тюркской народной поэзии с древности, а также в жанре *мани*. Как правило, устоявшийся метр этих поэтических фрагментов-диалогов нарушается крайне редко. Диалоги героев (не Хадживата и Карагёза, но главных персонажей какого-либо *фасля*) в пьесах театра *карагёз* также часто облечены в стихотворную форму. Однако в этих диалогах размер нерегулярен, не един и местами нарушается совсем. Так, «бейт» Тахира по своему метру и рифмовке может отличаться от ответного «бейта» Зухры. Размер некоторых — одиннадцатисложник (часто встречающийся и в турецкой народной поэзии): 6+5 и 4+4+3, однако в ряде строк он также нарушается; регулярный размер соблюдается только в стихотворном прологе-*мукаддима* и в *мани* Карагёза. Сходную картину можно наблюдать и на примере «Фасль-и Ферхад». Диалог Фархада и Ширин, в отличие от аналогичных диалогов в городской одноименной повести, представляет собой разнородные в метрическом отношении стихотворные фрагменты:

<sup>17</sup> Эмрах и Сельви, необыкновенные приключения Караоглана и другие турецкие народные повести. М., 1982.



[F]: Bir yanım çayır çimen, bir yanım derya deniz,  
 Hâk-i pâya yüz sürüp bir buse ister bendeniz.  
 «[Фархад]: По одну сторону от меня зеленый луг, по другую море;  
 Погрузив лицо в пыль, [я] ожидаю твоего поцелуя».  
 [Ş] Sen gibi efendime canım feda itsem gerek,  
 Nevcivanım var iken ya ben kimi sevsem gerek?  
 Та kıyamet haşrolunca gönlümü virdim sana,  
 Sen dururken busemi ben kimlere virsem gerek?  
 «[Ширин:] Такому, как ты, я жертвую себя,  
 Когда у меня есть возлюбленный [букв. «прекрасный юноша»],  
 кого [еще] бы я могла полюбить?  
 Я отдала тебе свое сердце навсегда [букв.: до Судного дня].  
 Когда ты ждешь моего поцелуя, разве я могла отдать его кому-то  
 другому?»<sup>18</sup>

Все метры, используемые в поэтических отрывках, являются силлабическими, свойственными тюркской народной поэзии. Важно, что в драматическом изложении сюжета *хикайата* сохраняется сама форма стихотворного диалога, а это можно увидеть и на примере авторских пьес, созданных в конце XIX — начале XX вв. по мотивам фольклорных произведений.

Если параллели между турецкой городской повестью и народным театром (*карагёз* и *орта оюну*) прослеживаются достаточно четко, но говорить об их преемственной связи сложно (скорее, эти жанры существуют на едином пространстве, и *карагёз* может служить примером устного бытования ряда сюжетов городской повести). Совсем иначе дело обстояло с турецкой драматургией, которая начала стремительно развиваться с началом эпохи Танзимата.

В этот период появляются новые для турецкой литературы жанры — роман-новелла, драматургические произведения, литературная критика. Первым произведением драматургического жанра традиционно считается комедия Ибрагима Шинаси «Женитьба поэта», опубликованная в 1860 г.<sup>19</sup> Как драматурги также известны и Намык Кемаль и его пьесы и Абдулхак Хамид, автор 21 трагедии, Али Бей, Реджаизаде Экрем, Ахмед Мидхат, Эбуззия Тевфик, Самипашазаде Сезай и Муаллим Наджи.

Конечно же, многие драматурги того периода обращались к турецкому фольклору и ранее существовавшим памятникам литературы, таким, как поэмы Низами. Среди пьес, помещенных Метином Андом в раздел так называемых «романических драм» (*romantik dramlar*)<sup>20</sup>, упоминается пьеса Мехмеда Рифата (подписанная инициалами М. R.) «Хюсрев и Ширин» (*Hüsrev ü Şirin*), а также пьеса о Кереме и Аслы, которая представляет особый интерес.

<sup>18</sup> Ritter H. Karagös. Türkische Schattenspiele. Bd. III. Wiesbaden, 1953, с. 195.

<sup>19</sup> Хотя совсем недавно стало известно о нескольких более ранних пьесах эпохи Танзимата.

<sup>20</sup> And M. Tanzimat ve Istibdat Döneminde..., с. 353–354.

Эта пьеса состоит из пяти актов (издана в 1888 г. в Стамбуле и подписана инициалами А. Ф.<sup>21</sup>). Сюжет о трагической любви Керема (*ашика* Керема) и Аслы, в отличие от повести о Фархаде и Ширин или Меджнуне и Лейле, не имеет литературных прототипов, принадлежит исключительно тюркскому фольклору и является одним из наиболее распространенных в городских повестях; он известен еще с XVII в. в азербайджанском, турецком и туркменском фольклоре, а также на Балканах.

Сюжет пьесы «Керем и Аслы» таков. Сын Кирман-Шаха Хюсрева Мирза однажды во время охоты встречает Аслы, дочь христианского священника (*keşiş*). Молодые люди влюбляются друг в друга и нарекают друг друга именами Аслы и Керем. Священник же ранее был хранителем казны Кирман-Шаха; между ними существует договоренность о том, что сын одного, если у другого будет дочь, женится на ней. Кирман-Шах, узнав от лучшего друга Керема, Софу, что Керем влюбился в Аслы, велит позвать отца девушки. Священник, будучи христианином, говорит, что он согласен на эту свадьбу, но необходимо время дабы сменить веру; воспользовавшись отсрочкой свадьбы, он прячет свою дочь и жену. Керем со своим другом Софу пускаются в поиски Аслы, встречаются с разбойниками, находят Аслы и ее семью в Кайсери. Керем тайно проникает в дом, его арестовывают, но он совершает побег. Проходит десять лет. Керему и Софу помогает *вали* (правитель) Халеба (Алеппо), от которого им становится известно, что дочь священника собираются выдавать замуж. *Вали* приказывает поженить Керема с Аслы. Этому пытается воспрепятствовать ее отец-христианин, однако *вали* грозит ему наказанием. Тогда священник говорит, что у него остается только одно желание — самому надеть на дочь свадебный наряд. После свадьбы Аслы и Керем остаются одни в комнате для новобрачных (*zifaf odası*) и на этом действие пьесы заканчивается.

Очевидно, что подвергшийся авторской редакции фольклорный сюжет претерпел некоторые изменения, и изменения эти затрагивают, конечно же, финал, который, исходя из логики повествования, должен быть трагическим. Соответствующий *хикайат* о Кереме и Аслы заканчивается смертью обоих влюбленных — свадебный наряд Аслы был отравлен ее отцом, не желавшим, чтобы его дочь выходила замуж за мусульманина; Керем, дотронувшись до облачения Аслы, загорается и превращается в пепел; Аслы же умирает от горя<sup>22</sup>.

В данном случае интересно именно то, что в пьесе история о двух влюбленных обрывается в момент свадьбы — таким образом, финал ее лишь внешне выглядит как счастливая развязка, и только зритель, знакомый с существовавшей турецкой фольклорной традицией, мог знать, что это на самом деле не так.

<sup>21</sup> Kerem ile Asli. Istanbul, 1305/1888.

<sup>22</sup> Интересно, что туркменская версия данной повести при сохранении основных сюжетных ходов имеет счастливую развязку: после гибели Керема и смерти Аслы от тоски по Керему пророки Мухаммад и Али воскрешают Керема и возвращают молодость Аслы; влюбленные играют свадьбу (Шахсенем и Гарып. Касым-оглан и другие туркменские народные повести. М., 1991).

Сюжет о любви Фархада и Ширин в драматургии эпохи Танзимата также претерпевает значительные изменения по сравнению со своими фольклорными и литературными источниками. В 14-актной пьесе «Хюсрев и Ширин» сохранены основные персонажи и сюжетные ходы литературных первоисточников, равно как и трагическая развязка. Однако она также претерпела значительные изменения в плане сюжета по сравнению с литературным первоисточником и соответствующим *хикайатом*. В то же время в ней присутствуют такие же стихи-«бейты», что и в прозаических вариантах этой же городской повести, изданных в более позднее время (Метин Анд лишь отмечает большое количество поэтических вставок). Однако не исключено, что наличие подобных вставок является лишь авторской апелляцией к фольклорному источнику, что было вполне в русле литературного течения *Milli edebiyat*, возродившего использование *хедже*.

Таким образом, драматургические произведения этого периода, как и народный театр, переосмысливают традиционные сюжеты турецких *хикайатов*. Зачастую сюжет повести меняется самым кардинальным образом (за счет изменения финала с трагического на счастливый). Однако, как в случае с пьесой «Керем и Аслы», в которой история о влюбленных имеет внешне счастливую развязку, есть и другие устойчивые признаки, определяющие отношение к фольклорной традиции турецкой городской повести. Сохраняются основные мотивы и персонажи, а также некоторые географические названия (подобная устойчивость позволяет локализовать происхождение некоторых сюжетов *хикайата*).

Наиболее устойчивым элементом текста народной повести при трансформации ее в драматургический фольклорный или уже литературный жанр оказывается его поэтическая часть — она практически не подвергается никаким изменениям (за исключением смены метра).

Р. М. Шукуров (Москва)

## Ζαρκοῤῃς и ζαρκοῤῃς: два османских заимствования в среднегреческом

Восточные языковые заимствования (арабские, персидские, тюркские) — довольно многочисленны в византийских текстах и при систематическом их исследовании могут сыграть важную роль для реконструкции культурных взаимоотношений между Византией и Востоком. Нельзя сказать, что проблема восточных заимствований полностью игнорировалась в исследовательской литературе. В лексикографических исследованиях собран богатый материал византийских заимствований из разных восточных языков. Тут в первую очередь следует упомянуть «Глоссарий» Ш. Дюканжа, незаконченные словари среднегреческого Э. Криараса и Э. Траппа, «Византинотурцику» Дь. Моравчика, исследования М. Триандафиллидиса и Р. Хартманна и т.д.<sup>1</sup> Однако восточные элементы рассматриваются византинистами скорее как случайные и малозначимые вкрапления в преобладающий эллинистический контекст византийской культуры. Традиционно западноевропейские, славянские и кавказские сюжеты преобладают в исследовании межкультурных связей Византийского мира.

Между тем восточный лексический материал в среднегреческом, так и не будучи подвергнут систематическому изучению, представляет собой обширный резерв в углублении нашего знания о связях и взаимовлияниях между различными культурными ареалами Средиземноморья. И все же на нынешнем этапе исследований восточных заимствований, когда они только начали привлекать внимание исследователей<sup>2</sup>, широкие обобщения не всегда возможны. Во многих случаях мы даже не имеем полноценного этимологического описания заимствованной лексики.

<sup>1</sup> Du Cange. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis*. Lugduni, 1688; Trapp E. *Lexikon zur Byzantinischen Gräzität besonders des 9–12. Jahrhunderts*. Bd. 1 (A–K). Wien, 2001; Kriaras E. *Λεξικό της μεσαιωνικής ελληνικής δημόδους γραμματείας* 1100–1669. T. 1–15, Athenai, 1969; Moravcsik G. *Byzantinoturcica*. Bd. 1–2. Leiden, 1958 (repr. 1983); Hartmann R. *Zur Wiedergabe türkischer Namen und Wörter in den byzantinischen Quellen // Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst, Jahrgang 1952*. Bd. 6. Berlin, 1952. Triandaphyllidis M. *Die Lehnwörter der mittelgriechischen Vulgärliteratur*. Strassburg, 1909, s. 146–149 (расширенная и переработанная версия диссертации: *Idem. Studien zu den Lehnwörtern der mittelgriechischen Vulgärliteratur*. Inaugural-Dissertation einer hohen philosophischen Fakultät Sektion I der Ludwig-Maximilians-Universität zu München... Marburg, 1909).

<sup>2</sup> См., например: Theodoridis D. *ΚΥΛΙΧΑΡΤΙΑ: ein mongolischer Stoffname chinesischen Ursprungs // Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik*. 2002. Bd. 52. S. 249–257; Шукуров Р. М. *Восточные лексические заимствования в среднегреческом (XI–XV вв.): предварительные замечания // Причерноморье в средние века / Ред. С. П. Карпов. Вып. 7. М., 2009, с. 54–71.*

В настоящей заметке я хотел бы ограничиться обсуждением семантики двух близких по звучанию слов — Ζαρκολάς и ζαρκουλάς, смысл которых до сих пор не вполне ясен исследователям.

Ζαρκολάς и ζαρκουλάς упоминаются у Михаила Дуки — византийского историка середины XV в., который, зная немного турецкий, употребил в своей «Истории» целый ряд восточных заимствований, а также привел весьма ценные свидетельства об отношении греков к иностранным словам в их языке.

Михаил Дука описывает Ζαρκολάς как типичный османский головной убор: «Их (т.е. янычаров. — Р. III.) отличительным знаком является головной убор, который в просторечном языке римляне называют Ζαρκολάς. Все турки, как правило, носят этот головной убор. Однако, если простолюдины и знатные носят головной убор красного цвета, то инородцы, которые попали в иго рабства и записаны как рабы правителя, носят бело-желтый головной убор, сделанный из белейшего войлока, полусферической формы, облекая голову, возвышаясь над макушкой на пядь и сужаясь кверху»<sup>3</sup>.

Ζαρκολάς включает в себя легкоузнаваемое общее персидское имение для головного убора کلاه *kuhlāh* (осм. *külāh*) в его эллинизированной форме *κουλάς*, которая, вероятно, является искаженным изначальным *κουλάς* (см. также ниже ζαρκουλάς). Что касается первого элемента ζαρ, то оно представляет тут определенные трудности. Видимо, это искаженная форма перс. *zīr* (*zēr*) «под», и поэтому гипотетический источник мог бы выглядеть как *زیرکلاه* \**zīrkuhlāh* буквально «нижняя шляпа», подразумевавший войлочную шляпу (или, скорее, колпак, кепку), который носили под другими головными уборами. *Zīrkuhlāh*, первоначально персидское слово, не встречается в известных мне персидских и османских словарях, однако его существование в средневековье весьма вероятно, ибо оно построено в полном согласии со стандартной моделью персидского словообразования: *زیرپوش* *zīrpūsh* «нижнее белье», *زیرپیش* *zīrpēsh* «небольшой нижний тюрбан, который носили под большим тюрбаном», *زیرجامه* *zīrjāma* «нижняя одежда» и др. Следовательно, Ζαρκολάς — это «головной убор, надеваемый под другие головные уборы».

Примечательно, что Дука характеризует Ζαρκολάς как принадлежавшее к «просторечному языку» византийцев (ὁ καθὰ τῖν κοινῶν ἑλλῶττων Ῥωμαῖοι ζαρκολᾶν λέγουσι), то есть как слово, распространенное в устной речи<sup>4</sup>. Сложно сказать, носили ли христиане греки Ζαρκολάς как элемент собственного костюма (конечно, первоначально заимствованный с Востока); вероятно, такие шапочки использовались и греками, раз это

<sup>3</sup> Ducas. *Historia Turco-Byzantina* (1341–1462) / Ed. V. Grecu. București, 1958. XXIII. 9. (p. 179.19–26): Τὸ γινώριστικὸν δὲ σημεῖωμα δοῦσαν ὅτὸ δῆς κεφαλῆς κάλυμμα, ὃ καθὰ δὴν κοινὴν ἑλλῶσδαν Ῥωμαῖοι ζαρκολᾶν λέγουσι καὶ γαρ κοινῆ πάντες Τούρκοι τὸ αὐτὸ χρώντες ὡς κεφαλῆς περιβόλαιον, οἱ μὲν πάντες, ὅσοι ἐξ ἰδιωτῶν καὶ ἐξ ευγενῶν τυγχάνουσι, κοκκινόβαφες τοῦτο χρώνται, ὅσοι δὲ τῶν ἀλλογενῶν τῶ τῆς δουλείας υπέτεσον ζυγῶ γραφέντες δοῦλοι τοῦ αρχηγού, οὗτοι λευκοχροα φοροῦσι τὰ τῆς κεφαλῆς περιβόλαια ἐκ πίλου λευκοτάτου, ἡμισφαίρες, ὅσον χωρεῖν κεφαλῆ, ἔχον περιττεῦον ἀνωθεν τῆς κορυφῆς, ὅσον καὶ σπιθαμῆς εἰς ὄξυ καταλήγον. См. также: Moravcsik Gy. *Byzantinoturcica*. Bd. 2. S. 129.

<sup>4</sup> Ducas. XXIII. 9 (p. 179.20).

слово стало обычным в их лексиконе. Во всяком случае, очевидно, что слово в полной мере было ассимилировано греками к середине XV в.

Распространенность этого слова в нетурецком языковом пространстве подтверждается латинскими документами. Леонард из Хиоса, доминиканец и свидетель падения Константинополя, вероятно, имел в виду именно этот вид головного убора, когда он упомянул о «pileum theusrale, quod *zarchula* vocant» в своем рассказе о богохульном осмеянии янычарами Распятия<sup>5</sup>. Тот же тип головного убора, вероятно, имеется в виду у Николо Барбаро, который упоминает «*capeli bianchi*» в качестве отличительного элемента янычарского костюма и, подобно Дуке, сравнивает эти «белые шапки» с красным головным убором *азанов*<sup>6</sup>. В середине XV в. Ζαρκολάς/*zarchula*, типичный элемент одежды османов, приобрел широкое распространение в соседних с Османским султанатом регионах, войдя в разговорный язык как местных греков, так и западноевропейцев.

Ζαρκολάς/*Zirkulāh* не следует путать с ζαρκουλάς, упомянутом в другом отрывке Дуки. Слова звучат похоже, но происходят из разных источников и имеют разное семантическое наполнение. Дука следующим образом описывает «коммунистические» идеи турецких «еретиков» — последователей Бёрклюджи Мустафы: «Тогда последователи Бёрклюджи Мустафы (а это было его именем), подтверждая их почтение к этому ложному монаху и расхваливая его как более великого, чем пророк, провозгласили, что не следует покрывать голову шляпой, которую они называют ζαρκουλάς, но что надо идти по жизни, облаченным в один хитон и с непокрытой головой, придерживаясь скорее христианских [верований], а не турецких»<sup>7</sup>.

События, связанные с Бёрклюджи Мустафой, хорошо известны и много раз комментировались, в частности в отечественной литературе<sup>8</sup>. Мы, однако, не будем касаться идеологического смысла проповеди Бёрклюджи Мустафы, как он передан у Дуки, но сосредоточимся на толковании неясного тут ζαρκουλάς, довольно противоречиво понимавшегося исследователями. В отечественной традиции, начиная еще с А. С. Степанова, сложилась традиция понимать ζαρκουλάς как войлочный головной

<sup>5</sup> Pertusi A. La caduta di Costantinopoli. T. 1: Le testimonianze dei contemporanei. Verona, 1976. P. 166, 484; Leonardus Chiensis Mitylanaeus Archiepiscopus. Notitia // Patrologiae cursus completus. Series Graeca. T. 159. Col. 942.

<sup>6</sup> Cornet E. Giornale dell'assedio de Costantinopoli 1453 di Nicolò Barbaro P.V. corredato di note e documenti. Vienna, 1856. P. 27; Pertusi A. La caduta di Costantinopoli. T. 1. P. 17.299. Дж. Джонс переводит «*capeli bianchi*» как «white turbans», что представляется ошибочным: Nicolo Barbaro. Diary of the Siege of Constantinople, 1453 / Ed. J.R. Jones. New York, 1969. P. 36.

<sup>7</sup> Ducas. XXI. 12 (p. 151.25-29): Τότε οἱ τοῦ Περκλητζία Μουσταφᾶ, οὗτω γὰρ ἐκαλεῖτο, τὴν αὐτῶν ὑπόληψιν ἐν τῷ ψευδαββᾶ στερῶσαντες καὶ ὑπέρτερον προφήτου τοῦτον ὑμνήσαντες, ἐξέθεντο δόγμα τοῦ μὴ ἐνδύεσθαι τὴν κεφαλὴν πῖλον, ὃ καλοῦσι ζαρκουλά, ἀλλὰ ζῆν μονοχιτώνα καὶ ἀσκητὴ βίον καὶ προστίθεσθαι πλεόν χριστιανοῖς ἢ Τοῦρκοῖς.

<sup>8</sup> См., например, блестящее исследование А. С. Тверитиновой: К вопросу об изучении первого антифеодального восстания в средневековой Турции // Византийский временник. 1956. Т. 11, с. 200–224. См. также: Zhukov K. Börklüce Mustafa. was he another Mazdak? // Syncretismes et heresies dans l'Orient seldjoukide et ottoman (XIVe–XVIIIe siècle) / Ed. Gilles Veinstein. Paris, 2005. P. 119–127; Balivet M. Islam mystique et révolution armée dans les Balkans Ottomans. Vie du Cheikh Bedreddin le «Hallāj des Turcs» (1358/59–1416). Istanbul, 1995, см., в частности, биографию.

убор<sup>9</sup>. Источник этого толкования прозрачен — в словах «шляпа, которую они называют ζαρκούλᾶς», «шляпа» передана греческим словом πῖλος, которое в древности обозначало войлок, но в средневековье могло иметь и более общее значение всякого головного убора. Издатель и переводчик сочинения Дуки В. Греку переводит ζαρκούλᾶς на румынский как *fes* — «феска», т.е. «войлочная круглая шапочка без козырька»<sup>10</sup>. К. А. Жуков видит в ζαρκούλᾶς дервишеский головной убор (*dervish cap, külâh, tâj*)<sup>11</sup>. Мишель Баливе понимает ζαρκούλᾶς как *zerkülâh* (т.е. отождествляет его с обшуденным выше *Zarkolâs*) и переводит πῖλος как «войлочная шапочка» (*bonnet de feutre*)<sup>12</sup>. Франц Бабингер понимал πῖλος как обобщенное именование для «шапки» (*Mütze*), утверждая, что ζαρκούλᾶς и обшуденное выше *Zarkolâs* — синонимы<sup>13</sup>. Американский переводчик Дуки Гарри Магулиас понимает ζαρκούλᾶς просто как шапку, не обязательно войлочную<sup>14</sup>. В переводе тут πῖλος скорее как просто «шапки», но не «войлочной шапки», Фр. Бабингер и Г. Магулиас, скорее всего, более правы. Эрих Трапп в своем «Лексиконе», следуя господствующей традиции, не различает *Zarkolâs* и ζαρκούλᾶς, принимая их за варианты одного и того же слова, которое он почему-то переводит как «тюрбан», т.е. чалму<sup>15</sup>. Причем подчеркнем, что в персидском и османском *كلاه kulâh* означает любой вид шапки из ткани, кожи, войлока и т.д., но отнюдь не чалму (то есть головной убор из ткани, свернутой вокруг головы или вокруг нижней шапки), как ошибочно считает Э. Трапп.

Вместе с тем, судя по контексту отрывка Дуки, ζαρκούλᾶς скорее соответствует осм. *زرينكلاه zerinkulâh* ← перс. *zarinkulâh* «человек, облаченный в золотой или вышитый золотом головной убор», и, следовательно, «лицо высокого ранга и достоинства». Необходимо подчеркнуть, что слово означало не конкретный вид головного убора, но именно человека, облаченного в особенно богатый головной убор<sup>16</sup>. Последнее значение, по всей видимости, и подразумевается в тексте Дуки (или же скорее у первоисточника дошедшей до Дуки информации о Бёрклюджи Мустафе). В противном случае, если принимать прежние толкования слова, призыв не носить головного убора вообще выглядит слишком экстравагантным и нелогичным. Речь у Бёрклюджи Мустафы, скорее всего, шла не о головном уборе вообще, но богатом головном уборе.

<sup>9</sup> Степанов А. С. Труд Дуки как источник по истории восстания Берклюдже Мустафа // ВВ. 1952. Т. 5. С. 99–104: «ни в коем случае не надевать на голову войлока, который (они) называют заркуланом...»; Красавина С.К. Византийский историк Дука о восстании Берклюдже Мустафы // Общество и государство на Балканах в Средние века. Калинин, 1980. С. 41: «...никогда в жизни не надевать войлочный головной убор, который зовется заркулан...». Это понимание принято, например, в: Жуков К. А. Эгейские эмираты в XIV–XV вв. Москва, 1988. С. 66.

<sup>10</sup> Ducas, с. 179.

<sup>11</sup> Zhukov K. Börklüce Mustafa. Was he another Mazdak? С. 125.

<sup>12</sup> Balivet M. Islam mystique, с. 73.

<sup>13</sup> Babinger Fr. Schejch Bedr ed-din, der Sohn des Richters von Simaw // Der Islam. 1921. Bd. 11, с. 53–54.

<sup>14</sup> Magoulias H. J. Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks by Doukas. Detroit, 1975, с. 120–121.

<sup>15</sup> Trapp E. Lexikon zur Byzantinischen Gräzität besonders des 9.–12. Jahrhunderts. Bd. 1, с. 641.

<sup>16</sup> Aliakbar Dehkhodâ. Loghatnâme (Dictionary), (Tehran, 1993–94), CD-Version, статья «Zarînkulâh»; Шукуров М. Ш. и др. Фарханги забони тоҷики. Ч. 1. М., 1969, с. 442.



Следовательно, под ζαρκοῦλās в рассказе Дуки изначально подразумевался очень богатый головной убор, символ богатства и мирской власти и, следовательно, высокомерия. Общий смысл отрывка заключается в том, что люди должны отказаться от своей гордыни и мирской славы (одним из атрибутов которых и является богатая одежда) и посвятить себя духовной жизни. Это общее место в любой суфийской или «суфийствующей» доктрине<sup>17</sup>. Конечно, Дука воспроизводит этот смысл в несколько упрощенном виде, наверное, из-за его непонимания контекстуального смысла ζαρκοῦλās. Опыта Дуки в восточных языках оказалось недостаточно, и здесь, наверное, он отождествил *zarīnkulāh*, который не был известен ему прежде, с более знакомым термином *zīrkulāh*, обсужденном выше. Однако примечательно, что здесь Дука, в отличие от рассмотренного выше отрывка, воспринимает ζαρκοῦλās как иностранное слово, признавая тем самым собственные затруднения в понимании его.

Итак, подытожим нашу заметку — первый из исследованных отрывков Дуки подразумевает под Zarḳolās именно войлочную шапку, но не чалму, а во втором эпизоде ζαρκοῦλās изначально указывало на лицо, облаченное в весьма богатые головные уборы.

<sup>17</sup> Исчерпывающую интерпретацию отрывка Дуки о Бёрклюджи Мустафе см.: Balivet M. *Islam mystique*, с. 70–80.

Научное издание

ОСМАНСКИЙ МИР И ОСМАНИСТИКА  
СБОРНИК СТАТЕЙ

Составители и ответственные редакторы:  
И. В. Зайцев, С. Ф. Орешкова

Корректор: Л. В. Хохлова  
Компьютерная верстка: А. В. Ельцева

Подписано в печать 15.12.2010  
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 32,25  
Тираж 350 экз.

Институт востоковедения РАН  
107031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12  
Научно-издательский отдел  
Зав. отделом И. В. Зайцев

Отпечатано в типографии ОАО ПИК «Идель-Пресс»  
в полном соответствии с качеством предоставленного  
электронного оригинал-макета.  
420066, г. Казань, ул. Декабристов, д. 2.  
E-mail: idelpress@mail.ru